ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1957

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с августа 1851 по март 1853 года.

В условиях наступившей глубокой реакции в Европе Маркс и Энгельс считали своей главной задачей дальнейшее теоретическое обобщение опыта революционных боев 1848—1849 гг., сохранение и накопление сил революционного пролетариата, теоретическую подготовку кадров для пролетарской партии. Марко и Энгельс ориентировали в это время своих соратников на кропотливую и упорную работу по овладению знаниями, готовя их к тому, чтобы во всеоружии встретить наступление нового подъема революционно-демократических и пролетарских движений.

Огромное значение придавали Маркс и Энгельс дальнейшему развитию своей революционной теории. Главным предметом научных исследований Маркса становится теперь политическая экономия. Если до 1848 г. в центре внимания Маркса было философское обоснование научного коммунизма, в 1848—1849 гг.— разработка политических идей, то в 50—60-е годы на первый план выдвинулось экономическое учение. Возобновив в конце 1850 г. свои исследования, начатые еще в 40-х годах и посвященные критике буржуазной политической экономии, Маркс надеялся вскоре закончить эту работу, но в то время ему не удалось осуществить свой план. Причиной этого были не только тяжелые условия эмигрантской жизни Маркса, не только безуспешность поисков им издателя, но и величайшая научная добросовестность, побуждавшая Маркса критически исследовать всё новые источники и литературу, обрабатывать всё новые и

новые факты и материалы, которые приносила жизнь. Подготовительные тетради Маркса свидетельствуют о том, что наряду с экономическими науками в собственном смысле слова он изучал обширную литературу по истории техники, истории культуры, по математике, агрохимии и другим наукам, которые интересовали его в связи с занятиями политической экономией. Маркс следил за каждым шагом в любой области науки и критически усваивал все новые достижения человеческой мысли.

Основным предметом теоретических исследований Энгельса явились в это время военные науки, история военного искусства. Уже потребности революционной борьбы в 1848—1849 гг. заставили Энгельса заняться изучением военных вопросов, в первую очередь вопросов вооруженного восстания. После своего переезда в Манчестер в ноябре 1850 г. Энгельс приступил к систематическому и основательному изучению военного дела. Первым результатом этого явилась рукопись «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» (см. настоящее издание, том 7, стр. 495—524) и публикуемая в настоящем томе статья «Англия». Вслед за этим Энгельс намеревался написать работу о войнах 1848—1849 гг., в частности о революционной войне в Венгрии. Главное, что побуждало Энгельса к изучению военного дела, было глубокое понимание той огромной роли, которую должны были сыграть в будущих революционных событиях вопросы вооружения.

Наряду с работой в области военных наук Энгельс занялся в Манчестере изучением языков, вопросами языкознания. В совершенстве владея многими европейскими языками, Энгельс в декабре 1850 г. приступил к изучению русского языка и других славянских языков. Он изучал язык в связи с историей данного народа, его культурой, его литературой. При изучении языков Энгельс исходил не только из научного интереса, но и из потребностей той практической интернациональной революционной работы, которую вели Маркс и Энгельс и которую им предстояло вести и в дальнейшем.

Свои теоретические занятия Маркс и Энгельс сочетали с партийно-политической работой, направленной на организацию пролетарской партии, на воспитание ее кадров в духе научного коммунизма. Большой остроты достигла в это время борьба Маркса и Энгельса и их сторонников с сектантской фракцией Виллиха—Шаппера, вызвавшей еще в сентябре 1850 г. раскол в Союзе коммунистов. Давая отпор сектантским элементам в рабочем и демократическом движении, разоблачая интриги различных эмигрантских групп и их авантюристские планы устрой-

ства заговоров и восстаний, Маркс и Энгельс решительно выступали в защиту идейных принципов пролетарской партии и обосновывали ее тактику в условиях наступившей реакции.

Несмотря на трудности, создавшиеся в это время для защиты взглядов Маркса и Энгельса в печати, они не прекращали своей публицистической деятельности. В течение ряда лет на страницах чартистских органов «Notes to the People» и «People's Paper» они отстаивали пролетарскую точку зрения на важнейшие политические вопросы, откликались на главные события современности. С осени 1851 г. началось регулярное, продолжавшееся более 10 лет, сотрудничество Маркса в прогрессивной в то время американской газете «New-York Daily Tribune». Сотрудничество в этой газете давало Марксу возможность при почти полном отсутствии рабочей печати продолжать свою боевую публицистическую деятельность и хотя бы косвенно воздействовать на общественное мнение в интересах пролетарской партии. Так как работа в «New-York Daily Tribune» грозила поглотить все время Маркса и оторвать его от исследований в области политической экономии, которым Маркс и Энгельс придавали первостепенное значение, большое число статей и корреспонденции для газеты было по просьбе Маркса написано Энгельсом. К их числу относится серия статей «Революция и контрреволюция в Германии», которой открывается настоящий том.

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс с позиций исторического материализма раскрыл предпосылки, характер и движущие силы германской революции 1848—1849 годов. Статьи Энгельса подводили итог выступлениям основоположников марксизма в годы самой революции с трибуны «Neue Rheinische Zeitung». На основе анализа уроков революции Энгельс показал правильность политической платформы пролетарской партии, рассчитанной на объединение Германии революционным путем и последовательно демократическое преобразование ее общественного и политического строя. В своих статьях Энгельс нарисовал яркую картину внутренней и международной обстановки, в которой протекала германская революция. Он исследовал общественно-экономические условия Германии того времени и показал их влияние на ход движения, охарактеризовал важнейшие этапы революции и роль в ней различных классов, вскрыл причины ее поражения. Работа Энгельса — выдающийся образец марксистского исследования сложного комплекса исторических событий.

В этой работе нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию важнейшие положения исторического материализма. На примере Германии 1848—1849 **гг.** Энгельс показал определяющее

значение в истории экономического базиса общества, необходимость его анализа для понимания политической истории и истории общественных идей, роль классовой борьбы в развитии антагонистического общества, закономерность революций как выражения насущных нужд и потребностей народов, удовлетворению которых мешает отживший общественный и политический строй. Продолжая глубокую мысль Маркса о том, что революции являются «локомотивами истории», Энгельс характеризует революцию, как «могучий двигатель общественного и политического прогресса», заставляющий нацию «за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия» (см. настоящий том, стр. 38).

Анализируя движущие силы германской революции на богатом фактическом материале, Энгельс развивает мысль, красной нитью проходившую через статьи его и Маркса в «Neue Rheinische Zeitung», о неспособности немецкой либеральной буржуазии играть руководящую роль в буржуазной революции, об ее сползании на контрреволюционные позиции, о предательстве ею интересов своего необходимого союзника в борьбе с феодализмом — крестьянства. Этот вывод был весьма важен для последующей истории не только Германии, но и ряда других стран. Так, В. И. Ленин не раз напоминал этот вывод Маркса и Энгельса, когда он, анализируя характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. в России, отстаивал выдвинутую им идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Большое место в работе Энгельса отведено характеристике роли вождей мелкобуржуазной демократии, которые обнаруживали политическую близорукость, малодушие и нерешительность на всех критических этапах революции и тем самым способствовали ее поражению. Энгельс бичует «парламентский кретинизм» мелкобуржуазных лидеров, веру их во всемогущество парламентских учреждений, нежелание выйти за конституционные рамки, их боязнь апеллировать к народу, к поддержке со стороны вооруженных масс. Энгельс показывает, что наиболее последовательной и подлинно боевой силой революции являлся рабочий класс, который «представлял действительные и правильно понятые интересы всей нации в целом» (см. настоящий том, стр. 104).

Исключительно важное значение имеют сделанные Энгельсом в его работе обобщения, касающиеся тактики революционной борьбы. От революционного класса и его партии Энгельс требовал решительности, смелости, самоотверженности, умения

вести энергичные, наступательные действия. Он писал, что «в революции, как и на войне, всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении» (см. настоящий том, стр. 80). В. И. Ленин высоко ценил высказанную в этой работе мысль о том, что «бывают моменты в революции, когда сдача позиции врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 353).

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» заложены основы марксистского учения о вооруженном восстании. В ней впервые сформулировано положение: «восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства» (см. настоящий том, стр. 100), определены важнейшие правила, которыми должна руководствоваться в восстании революционная партия. Развивая марксистское учение о восстании, В. И. Ленин указывал, что в этих правилах обобщены уроки всех предшествующих революций в отношении вооруженного восстания.

Большое внимание уделил Энгельс в своей работе национальному вопросу в германской революции. Отстаивая принципы пролетарского интернационализма, он заклеймил политику национального угнетения и натравливания одних народов на другие, проводившуюся господствующими классами Австрии и Пруссии. Энгельс решительно осудил предательскую позицию немецкой буржуазии по отношению к национально-освободительному движению поляков, венгров, итальянцев и обосновал последовательно интернационалистскую позицию пролетарского крыла немецкой демократии, поддержавшего требование предоставления этим народам независимости.

В своей работе Энгельс касается также вопроса о национальном движении славянских народов, входивших в то время в состав Австрийской империи (чехов, словаков, хорватов и др.). Известно, что на первом этапе революции 1848—1849 гг., когда в национальном движении чехов и других славянских народов Австрии проявились сильные революционно-демократические тенденции (пражское восстание в июне 1848 г., массовые аграрные антифеодальные выступления), Маркс и Энгельс с горячим сочувствием отнеслись к борьбе этих народов. Когда же после подавления демократических сил в чешском и других славянских движениях в Австрии возобладали правые буржуазно-помещичьи элементы, Габсбургской монархии и русскому царизму удалось использовать национальное движение этих народов в своей борьбе против германской и венгерской революций. В связи с этим Маркс и Энгельс, рассматривавшие всегда национальный

вопрос под углом зрения интересов революции, изменили свое отношение к национальным движениям этих народов. Интересы революции, интересы борьбы против ее врагов, в первую очередь против царизма, являвшегося в то время главной опорой реакции в Европе, Маркс и Энгельс ставили превыше всего. «Поэтому и только поэтому Маркс и Энгельс были против национального движения чехов и южных славян» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 325).

В работе «Революция и контрреволюция в Германии», так же как и в ранее написанных Энгельсом статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» (см. настоящее издание, том 6, стр. 175—186 и 289—306), наряду с правильной оценкой объективной роли национальных движений славянских народов Австрии в конкретных условиях 1848—1849 гг., содержатся и некоторые ошибочные утверждения относительно исторических судеб этих народов. Энгельс развивает мысль, что эти народы уже неспособны к самостоятельному национальному существованию и что их неизбежной участью явится поглощение их более сильным соседом. Этот вывод Энгельса объясняется главным образом сложившимся у него в то время общим представлением об исторических судьбах малых народов. Энгельс считал, что ход исторического развития, основной тенденцией которого при капитализме является централизация, создание крупных государств, приведет к поглощению малых народов более крупными нациями, как это было с валлийцами в Англии, с басками в Испании, с нижнебретонцами во Франции, с испанскими и французскими креолами, территория которых была захвачена Соединенными Штатами Америки. Правильно подметив свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию крупных государств, Энгельс не учел другой тенденции — борьбы малых народов против национального гнета за свою независимость, их стремления к созданию собственной государственности. По мере втягивания широких народных масс в национально-освободительную борьбу, по мере роста их сознательности и организованности, национально-освободительные движения малых народов, в том числе и славянских народов Австрии, приобретали все более демократический, прогрессивный характер и вели к расширению фронта революционной борьбы. Как показала история, малые славянские народы, прежде входившие в состав Австрийской империи, не только обнаружили способность к самостоятельному национальному развитию, к созданию собственной государственности, но и выдвинулись в ряды творцов самого передового общественного строя.

Публикуемая в томе работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» относится к наиболее выдающимся произведениям научного коммунизма. Это гениальное по анализу исторических событий и по своим теоретическим обобщениям произведение является в то же время подлинным шедевром революционной публицистики. По словам В. Либкнехта, в этой работе Маркса «соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе», 1956, стр. 97).

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» явилось как бы продолжением работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Как и в первой работе, ключом к объяснению истории Франции в период революции служили для Маркса открытые им законы общественного развития, материалистическое понимание истории, теория классовой борьбы.

Применение материалистической диалектики позволило Марксу в работе, написанной непосредственно вслед за событиями, дать классический анализ основных этапов французской революции 1848 г., проследить расстановку классовых сил в период Второй республики и глубоко научно объяснить подлинные причины происшедшего в декабре 1851 г. контрреволюционного переворота Луи Бонапарта. «Такое превосходное понимание живой истории дня, — писал Энгельс, — такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 210).

На конкретном примере Франции Маркс показал роль классовой борьбы как движущей силы истории. Проследив все существенные изменения в позиции отдельных политических партий на различных этапах революции, Маркс обнажил классовую природу этих партий, скрытые пружины их деятельности. Огромный интерес представляют глубокие мысли Маркса о роли политических партий в общественной жизни, об отношении политических и литературных представителей того или иного класса к массе этого класса. На примере деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий, подвизавшихся на политической арене Франции в годы Второй республики, Маркс показал, что следует проводить глубокое различие между фразами и иллюзиями тех или иных политических партий и их действительной природой. При этом Маркс предупреждал против вульгарного представления, будто идеолог того или иного класса должен сам на практике вести образ жизни, свойственный этому классу. Так, идеологи мелкой буржуазии не обязательно должны быть лавочниками. Представителями этого класса делает их

теоретический кругозор, соответствующий узости жизненных рамок мелкой буржуазии, и поэтому они теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкую буржуазию практически приводят ее материальные интересы. «Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют» (см. настоящий том, стр. 148).

В противоположность идеалистическому истолкованию причин государственного переворота 2 декабря 1851 г., сводившему все дело к проискам узурпатора Луи Бонапарта и его клики и таким образом сознательно или бессознательно возвеличивавшему личность узурпатора, Маркс рассматривал бонапартистский переворот как неизбежный результат предшествовавшего хода событий. Он видел в нем логическое завершение целого ряда контрреволюционных актов правящей буржуазии в годы республики, постоянного наступления ее на демократические права народа, непрерывных посягательств на революционные завоевания. Государственный переворот был закономерным следствием роста контрреволюционности буржуазии, банкротства трусливой и колеблющейся политики буржуазных партий, сдававших под страхом «красного призрака» одну позицию за другой бонапартистским заговорщикам. Французская буржуазная революция середины XIX века в противоположность революции конца XVIII века, указывал Маркс, развивалась «по нисходящей линии»; руководящая роль в ней с каждым поворотом переходила в руки все более правых партий. «Она оказывается втянутой в это попятное движение еще прежде, чем была убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть» (см/настоящий том, стр. 141—142). В этой мысли Маркса выражена особенность буржуазной революции в условиях, когда буржуазия уже выступает как антинародная, контрреволюционная сила, а пролетариат оказывается еще слишком слабым, чтобы помешать наступлению контрреволюции. В такой обстановке особенно обнаруживается непрочность буржуазно-демократических порядков и создаются условия для всякого рода реставраторских поползновений.

С исключительной силой показал Маркс ограниченность, противоречивость буржуазной демократии, ее формальный, показной характер. Наглядным примером этого была конституция Второй республики, каждый параграф которой, по меткому определению Маркса, содержал «в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» (см. настоящий том, стр. 132).

Выяснив истинные причины установления контрреволюционного бонапартистского режима во Франции, Маркс дал глубокую характеристику сущности бонапартизма. Его отличительными чертами являются политика лавирования между классами, кажущаяся самостоятельность государственной власти, демагогическая апелляция ко всем общественным слоям, прикрывающая защиту интересов эксплуататорской верхушки. Разоблачая беззастенчивые методы господства наиболее контрреволюционных элементов буржуазии в форме бонапартистской диктатуры, Маркс показывает, что ради сохранения эксплуататорского строя буржуазия передает власть в руки самых оголтелых авантюристов и допускает кровавые эксцессы военщины, использование преступного мира, применение шантажа, подкупа, грубой демагогии и прочих грязных средств. Раскрывая эти отталкивающие черты бонапартистского режима, Маркс пророчески предсказал неизбежность краха реставрированной бонапартистской монархии, потрясаемой глубокими внутренними противоречиями.

Большое внимание в своей работе Маркс уделил французскому крестьянству и его отношению к бонапартистскому перевороту. Отмечая, что бонапартистская агитация имела успех среди крестьян, Маркс подчеркивает в то же время, что опорой Луи Бонапарта явилось не революционное, а консервативное крестьянство. Это крестьянство отдало ему свои голоса в силу политической отсталости и забитости, в силу оторванности от культурной жизни городов, узости своего кругозора, порождаемой самими условиями существования изолированных друг от друга, разобщенных парцельных крестьянских хозяйств. Политика буржуазных Учредительного и Законодательного собраний, смотревших на крестьян лишь как на объект налоговых вымогательств, отталкивала крестьянство от революции и побуждала его поддерживать Луи Бонапарта. Этому же содействовала привязанность к своей парцелле крестьян-собственников, видевших в наполеоновской династии своего традиционного покровителя. «Династия Бонапарта, — писал Маркс, подчеркивая двойственность природы крестьянства, — является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого...» (см. настоящий том, стр. 209). Анализируя экономическое развитие парцельной собственности, Маркс приходит к выводу, что по мере разорения крестьянского парцельного хозяйства, закабаления его ростовщиками-капиталистами все большая масса крестьян будет освобождаться от развращающего влияния «наполеоновских идей». Рассудок крестьян, их

правильно понятые интересы, рост противоречий между ними и буржуазией — все это неизбежно должно привести крестьян к установлению единства действий с рабочим классом. «Крестьяне... — писал Маркс, — находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате,* призванном ниспровергнуть буржуазный порядок» (см. настоящий том, стр. 211).

Этот вывод Маркса является развитием сформулированной им уже в «Классовой борьбе во Франции» идеи союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс дает еще более полное обоснование этому важнейшему положению марксизма, вытекавшему из всего опыта революционных боев 1848—1849 годов.

К числу важных теоретических обобщений, сделанных Марксом в его работе, относится гениальная мысль о коренном различии между буржуазными революциями и революциями пролетарскими. Пролетарские революции отличаются от буржуазных грандиозностью своих задач — они предполагают значительно более глубокую ломку существующего строя, его коренное преобразование. Буржуазные революции скоропреходящи, они быстро достигают своего апогея. Пролетарские революции отличаются своей основательностью, они постоянно критикуют самих себя, им свойственна постоянная неудовлетворенность достигнутым, стремление безбоязненно вскрыть и исправить свои ошибки, неудержимая тяга к движению вперед.

Особенно большое теоретическое и политическое значение имеют выдвинутые Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» положения об отношении пролетарской революции к буржуазному государству. Здесь Маркс обогатил свое учение о государстве, о диктатуре пролетариата выводом огромной важности, сделанным на основании опыта и уроков революции. Раскрывая на примере истории Франции сущность буржуазного государства, его характерные черты, его различные формы, Маркс приходит к выводу, что все буржуазные революции не поколебали сложившуюся еще в период абсолютной монархии военно-бюрократическую централизованную государственную машину, а все больше приспособляли ее для подавления эксплуатируемых классов. «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее» (см. настоящий том, стр. 206). Пролетарская революция, нуждающаяся в совершенно ином типе власти и государственной централизации, не может оставить в неприкосновенности это паразитическое и эксплуататорское по самой своей природе орудие подавления масс.

Маркс видит задачу пролетарской революции по отношению к старой государственной машине в том, чтобы «сконцентрировать против нее все свои силы разрушения» и сломать ее. «В этом замечательном рассуждении, — писал В. И. Ленин, — марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 378).

Основой для этого важнейшего вывода Маркса, подчеркивал В. И. Ленин, послужил исторический опыт революции 1848— 1851 годов. «Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта»* (В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 379).

К работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» примыкает по содержанию статья Энгельса «Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого года». В этой статье также раскрываются причины установления бонапартистского режима во Франции, его сущность и свойственные ему противоречия. Энгельс дает отпор попыткам буржуазных писателей и журналистов возложить вину за государственный переворот на французский пролетариат. Показывая, что в силу контрреволюционности буржуазии рабочий класс, побежденный в июне 1848 г., был обезоружен и поэтому лишен реальной возможности предотвратить установление бонапартистской диктатуры, Энгельс в то же время подчеркивает непримиримое отношение пролетариата к этой диктатуре, его заинтересованность в скорейшем восстановлении демократических свобод.

Публикуемое в томе совместное произведение Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции», при жизни авторов не увидевшее света, представляет собой памфлет, направленный против лидеров мелкобуржуазной демократии, в первую очередь ее немецких представителей — Кинкеля, Руге, Гейнцена, Струве и других. В этом памфлете Маркс и Энгельс продолжали разоблачение идеологии и тактики различных мелкобуржуазных течений, начатое ими еще до революции 1848 года. Основная цель, которую они при этом преследовали, заключалась в отстаивании самостоятельности и чистоты идейных и тактических

позиций пролетариата, в ограждении его от вредного влияния мелкобуржуазных иллюзий и мелкобуржуазной идеологии в целом. Кроме того, памфлет Маркса и Энгельса должен был явиться прямым ответом на многочисленные клеветнические выпады со стороны мелкобуржуазных лидеров против пролетарских революционеров.

Памфлет «Великие мужи эмиграции», написанный с блестящим применением всех литературных приемов политической сатиры — беспощадного высмеивания противника, заострения особенно неприглядных сторон критикуемого явления, — сурово обличает действительные пороки немецкого мещанства и его политических и литературных представителей. С подлинно художественной выразительностью Марке и Энгельс нарисовали портретную галерею «великих мужей» немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Они ярко показали убожество их филистерского духовного мира, пошлость и ограниченность их философских и политических взглядов, присущую им крайнюю неустойчивость в политике, характерные для мелкого буржуа переходы от одной крайности к другой, от раболепного угодничества и приспособленчества к крикливой анархистской псевдореволюционности. Приоткрыв завесу над буднями эмигрантской жизни немецких мелкобуржуазных лидеров, Маркс и Энгельс в своем памфлете нарисовали отталкивающую картину мелочной грызни и дрязг, происходивших под маской принципиальных споров; они беспощадно заклеймили всякое фразерство и пустозвонство, демагогическую спекуляцию фразами о революции, превращение политической деятельности в поприще для карьеризма, склок и интриг. Эта эмигрантская шумиха давала правительствам удобный повод для арестов и преследований внутри Германии. Мелкобуржуазные лидеры принижали и опошляли великое дело революции, что было на руку контрреволюционным силам — таков главный вывод, к которому подводит памфлет «Великие мужи эмиграции».

В связи с арестами многих деятелей рабочего движения в Германии и организацией прусским правительством судебного процесса коммунистов в Кёльне, усилия Маркса, Энгельса и их соратников в течение многих месяцев 1851—1852 гг. были направлены к тому, чтобы оказать помощь обвиняемым и разоблачить бесчестные приемы, пущенные в ход прусским правительством и прусской полицией против коммунистов. В томе публикуется ряд заявлений, с которыми Маркс и Энгельс выступали в печати по поводу кёльнского процесса. Как в этих заявлениях, так и в статье Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и особенно в работе Маркса «Разоблачения о кёльнском

процессе коммунистов» во всей полноте раскрывается гнусная система полицейских провокаций, шпионажа, лжесвидетельств и подлогов, с помощью которых был сфабрикован процесс. Это произведение до сих пор является документом огромной обличительной силы, направленным против полицейской и судебной травли представителей революционного класса, против организаторов подлой расправы с прогрессивными деятелями. Перед всем миром Маркс выступил не только в роли защитника кёльнских подсудимых, но и как обвинитель. Он не только уличил в преступных действиях непосредственных организаторов процесса, но и пригвоздил к позорному столбу весь полицейско-бюрократический государственный строй, всю прогнившую систему прусского государства.

Маркс беспощадно вскрывает тенденциозность и пристрастие прусской юстиции, классовый характер буржуазного «правосудия». В лице обвиняемых перед буржуазным судом стоял безоружный революционный пролетариат, поэтому подсудимые были уже заранее осуждены. Кёльнский и другие процессы наглядно показали, что «суд присяжных есть сословный суд привилегированных классов, учрежденный для того, чтобы заполнить пробелы в законе широтой буржуазной совести» (см. настоящий том, стр. 491).

В своей работе Маркс опроверг лживые обвинения против членов Союза коммунистов в заговорщических замыслах. Он показал несовместимость авантюристско-заговорщической тактики с подлинными задачами организации пролетарской партии и формирования классового сознания пролетариата. На примере раскольнической, дезорганизаторской деятельности фракции Виллиха — Шаппера Маркс доказал, что подобная тактика ведет к отрыву от масс, наносит ущерб рабочему движению и создает благоприятную почву для полицейских провокаций. Авантюризму и сектантству в политике, отмечал Маркс, соответствует подмена материалистического мировоззрения волюнтаризмом и субъективным идеализмом, принятие желаемых и воображаемых условий за действительные условия революционной борьбы. Выступая на заседании Центрального комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 г. против авантюристской позиции фракции Виллиха—Шаппера, призывавшей к немедленному вооруженному восстанию в целях захвата власти пролетариатом, Маркс развивал мысль о том, что подготовка к социалистической революции и сама революция составляют длительный процесс, в ходе которого рабочий класс должен перевоспитать самого себя. «... Мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет граж-

данских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству» (см. настоящий том, стр. 431).

После кёльнского процесса и связанного с ним разгрома пролетарских организаций дальнейшее существование Союза коммунистов сделалось фактически невозможным. В ноябре 1852 г. Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске. Созданный Марксом и Энгельсом Союз коммунистов вошел в историю как зародыш пролетарской партии, как первая организация пролетарских революционеров, программным документом которой явился бессмертный «Манифест Коммунистической партии». После роспуска Союза Маркс и Энгельс и их соратники в других формах продолжали свою партийную деятельность по сплочению рядов пролетариата и по пропаганде идей научного коммунизма.

Значительное место в томе занимают статьи Маркса, написанные для «New-York Daily Tribune». Основная тема этих статей — экономическое и политическое положение Англии. Экономика Англии давала Марксу обильный материал для исследования капиталистического способа производства. Уже в своих первых статьях для «New-York Daily Tribune» Маркс на примере Англии показывает действие ряда экономических законов капитализма, вскрывает свойственные ему противоречия. Маркс отмечает циклический характер развития капиталистического производства и доказывает неизбежность экономических кризисов. Разоблачая фальшивый оптимизм буржуазных вульгарных экономистов, он подчеркивает, что наступившее в то время оживление в промышленности и торговле является временным и что оно не в состоянии приостановить абсолютного и относительного обнищания трудящихся масс, роста безработицы и пауперизма. В статье «Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадзини. — Вопрос об эмигрантах. — Избирательные подкупы в Англии. — Г-н Кобден» Маркс останавливается на вопросе о перенаселении. Если в древности, указывает Маркс, оно вызывалось недостаточным развитием производительных сил, то при капитализме «именно рост производительных сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции» (см. настоящий том, стр. 568). История создания и развития производительных сил при капитализме, доказывает Маркс, была до сих пор мартирологом трудящихся; чтобы положить этому конец, трудящиеся должны овладеть этими силами, во власти которых они до сих пор находились.

Большой интерес представляет статья «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство», в которой Маркс показывает одну из основных особенностей процесса первоначального капиталистического накопления в Англии, а именно беспощадную экспроприацию земельными магнатами крестьянского населения и изгнание его с исконных земель. «Если вообще какую-либо собственность правильнее было бы назвать *кражей,* то собственность британской аристократии является кражей в буквальном смысле этого слова. Разграбление церковных имуществ, разграбление общинных земель, мошенническое превращение феодальной и патриархальной собственности в частную собственность, сопровождаемое истреблением, — таковы правовые основания британской аристократии на ее владения» (см. настоящий том, стр. 527). Собранные в этой статье материалы об истории обогащения семьи Сатерленд, как и материалы ряда других статей, напечатанных Марксом в «Tribune», были впоследствии использованы им в «Капитале».

Пороки капиталистического строя Маркс вскрывает также в статье «Смертная казнь.— Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия Английского банка». В этой статье Маркс указывает на социальные причины такого явления как рост преступности. Он разоблачает варварство буржуазной системы наказаний и подвергает критике философско-правовые теории буржуазии, оправдывающие эту систему. Касаясь теории наказаний, выдвинутой Кантом и Гегелем, Маркс отмечает характерную особенность идеалистической философии: «... здесь, как и во многих других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует в мистической форме законы существующего общества» (см. настоящий том, стр. 531). Маркс доказывает в своей статье, что радикальным средством борьбы с преступностью является ликвидация самого буржуазного общества, неизбежно порождающего преступления.

В ряде своих статей — «Избирательная коррупция», «Результаты выборов» и других — Маркс всесторонне характеризует политический строй Англии, раскрывает антинародную сущность режима буржуазно-аристократической олигархии. Он показывает антидемократический характер английского парламента и избирательной системы, лишавшей большинство народа избирательных прав, рисует яркую картину подкупов и запугиваний, применявшихся на выборах. В статьях «Политические последствия торгового процветания», «Поражение министерства», «Отжившее правительство. — Перспективы коалиционного министерства и т. д.» Маркс остро критикует

реакционную политику торийского кабинета Дерби—Дизраэли и сменившего его в конце 1852 г. коалиционного министерства Абердина. Эта политика отражала стремление олигархических кругов земельной аристократии и верхушки буржуазии удержать монополию на государственную власть в своих руках, воспрепятствовать всяким прогрессивным изменениям в государственном строе кроме самых необходимых уступок промышленной буржуазии. В ряде своих корреспонденций Маркс показывает реакционную роль англиканской церкви.

Группа статей Маркса — «Выборы в Англии. — Тори и виги», «Политические партии и перспективы» и другие — дает яркое представление о традиционной английской двухпартийной системе, заключавшейся в попеременном переходе власти то к тори—консерваторам, то к вигам—либералам. Маркс характеризует тори как выразителей интересов земельных собственников, а вигов как аристократических представителей буржуазии. Указывая на начавшееся разложение старых партий буржуазно-аристократической олигархии, Маркс в то же время отмечал умеренность и непоследовательность оппозиционных выступлений против олигархии представителей промышленной буржуазии — фритредеров. Маркс вскрывает сущность политики фритредеров, а именно «стремление к исключению народа из национального представительства и к строгому соблюдению своих особых классовых интересов» (см. настоящий том, стр. 542). Подчеркивая страх буржуа-фритредеров перед рабочим классом и их готовность к компромиссу с аристократией, Маркс писал, что они «предпочитают вступить в сделку с умирающим противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками растущего врага, которому принадлежит будущее» (см. настоящий том, стр. 361).

Различным фракциям господствующих классов Англии противостояла, как указывает Маркс, основная масса народа: пролетариат и другие слои трудящихся. В своих статьях Маркс тщательно анализировал все сколько-нибудь значительные факты выступлений английских рабочих в защиту своих экономических интересов и с особым вниманием следил за каждым проявлением политической активности английского пролетариата. Он всячески поддерживал попытки его лучших представителей, возглавляемых Эрнестом Джонсом, возродить чартистскую агитацию на новой, социалистической основе. В статье «Чартисты» Маркс показывает значение выдвинутой чартистами программы демократизации политического строя Англии, центральным пунктом которой было требование всеобщего избирательного права. Эта статья свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс,

считавшие насильственную революцию единственным возможным средством для установления диктатуры пролетариата в странах континента, для Англии при существовавших тогда условиях делали исключение. Учитывая особенности Англии—отсутствие в этой стране в то время развитого военно-бюрократического аппарата и то обстоятельство, что Англия была единственной страной в Европе, в которой большинство населения составлял пролетариат, — Маркс и Энгельс признавали возможным мирный, парламентский путь завоевания власти английским рабочим классом. Важнейшим условием для осуществления этой возможности они считали повышение политической сознательности и активности английского пролетариата, введение всеобщего избирательного права и радикальное преобразование парламентской системы.

В своих статьях в «Tribune» Маркс освещает также ряд событий на континенте. Заслуживает внимания оценка, которую он давал миланскому восстанию против австрийского господства в феврале 1853 года. Видя в нем симптом назревающего нового революционного кризиса, отдавая должное героизму участвовавших в нем пролетариев, Маркс в то же время осуждал заговорщическую тактику вдохновителей этой «импровизированной революции» — Мадзини и его сподвижников. «Революции никогда не делаются по приказу», — подчеркивал Маркс (см. настоящий том, стр. 551). Он предупреждал вождей итальянской, а также венгерской революционной эмиграции об опасности использования национального движения контрреволюционными бонапартистскими кругами. Доказывая всю эфемерность надежд на помощь со стороны Луи Бонапарта угнетенным нациям, Маркс советовал итальянским патриотам-революционерам теснее связаться с народом, в первую очередь с пролетариатом и крестьянством, ибо «даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия, и не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения» (см. настоящий том, стр. 573).

В приложениях к тому публикуется протокол заседания Союза коммунистов от 15 сентября 1850 г., выдержку из которого Маркс приводит в своей работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящий том, стр. 431). Этот протокол отражает борьбу Маркса, Энгельса и их сторонников против авантюристских, сектантских элементов внутри Союза коммунистов. Как видно из этого документа, Маркс прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить единство Союза, и раскол произошел по вине фракции Виллиха—Шаппера. В приложениях напечатаны также два воззвания о помощи осужденным

в Кёльне членам Союза коммунистов. Эти воззвания, включавшие текст краткого обращения к немецким рабочим в Америке, составленного Марксом от имени комитета по организации помощи осужденным по кёльнскому процессу, были по инициативе Маркса помещены в американской демократической печати.

* * *

Публикуемая в настоящем томе работа Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции» не входила в первое издание Сочинений и была напечатана в 1930 г. в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга пятая. «Заключительное заявление по поводу недавнего процесса в Кёльне» и документы, помещенные в приложениях, публикуются на русском языке впервые.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

август 1851—март 1853

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ [1]

Написано Ф. Энгельсом
в августе 1851 — сентябре 1852 г.

Напечатано в газете
«New-York Daily Tribune» 25 и 28 октября,
6, 7, 12 и 28 ноября 1851 г.; 27 февраля,
5, 15, 18 и 19 марта, 9, 17 и 24 апреля,
27 июля, 19 августа, 18 сентября,
2 и 23 октября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

I

ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Первый акт революционной драмы на европейском континенте закончился. «Бывшие власти», существовавшие до бури 1848 г., снова стали «ныне существующими властями», а более или менее популярные властители на час, временные правители, триумвиры, диктаторы, вместе с целым хвостом тянувшихся за ними депутатов, гражданских комиссаров, военных комиссаров, префектов, судей, генералов, офицеров и солдат, оказались выброшенными на чужой берег, «изгнанными за море», в Англию или Америку. Здесь они стали организовывать новые правительства «in partibus infidelium»*, европейские комитеты, центральные комитеты, национальные комитеты и возвещать о своем пришествии в прокламациях, которые по торжественности не уступают прокламациям менее призрачных носителей власти.

Трудно представить себе более крупное поражение, чем то, которое потерпела революционная партия или, вернее, потерпели революционные партии континента на всех пунктах боевой линии. Но что же из этого? Не потребовала ли борьба английской буржуазии за свое общественное и политическое господство сорока восьми лет, а борьба французской буржуазии сорока лет беспримерных битв? И не приблизилась ли буржуазия к своему торжеству больше всего как раз в тот момент, когда реставрированная монархия считала свое положение более прочным, чем когда бы то ни было? Уже давно прошли времена,

* — вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

когда господствовал суеверный взгляд, приписывающий возникновение революции злонамеренности кучки агитаторов. В настоящее время всякий знает, что где бы ни происходило революционное потрясение, за ним всегда кроется известная общественная потребность, удовлетворению которой мешают отжившие учреждения. Ощущение этой потребности может быть еще не настолько сильным, не настолько всеобщим, чтобы обеспечить непосредственный успех; но всякая попытка насильственно подавить эту потребность лишь заставляет ее выступать с возрастающей силой до тех пор, пока, наконец, она не разобьет своих оков. Поэтому, если мы и разбиты, нам не остается ничего другого, как начинать сначала. А та, вероятно, очень короткая передышка между концом первого и началом второго акта движения, которая нам предоставлена, дает нам, к счастью, время для крайне необходимого дела: для исследования причин, сделавших неизбежным как недавний революционный взрыв, так и поражение революции; причин, которые следует искать не в случайных побуждениях, достоинствах, недостатках, ошибках или предательских действиях некоторых вождей, а в общем социальном строе и в условиях жизни каждой из наций, испытавших потрясение. Что внезапно вспыхнувшие в феврале и марте 1848 г. движения были не делом отдельных личностей, а стихийным, непреодолимым выражением нужд и потребностей народов — потребностей, доходивших до сознания с большей или меньшей ясностью, но ощущавшихся весьма отчетливо различными классами каждой страны, — это теперь признается всеми. Но когда приступаешь к выяснению причин успеха контрреволюции, то повсюду наталкиваешься на готовый ответ, будто дело в господине А или в гражданине Б, которые «предали» народ. Этот ответ, смотря по обстоятельствам, может быть правильным или нет, но ни при каких обстоятельствах он ничего не объясняет, не показывает даже, как могло случиться, что «народ» позволил себя предать. И печальна же будущность политической партии, если весь ее капитал заключается в знании только того факта, что гражданин имярек не заслуживает доверия.

Кроме того, и с исторической точки зрения исследование и изложение причин как революционного потрясения, так и подавления революции представляет исключительную важность. Все эти мелкие личные распри и взаимные обвинения, все эти противоречащие друг другу утверждения, будто именно Марраст, или Ледрю-Роллен, или Луи Блан, или какой-либо другой член временного правительства, или все они вместе взятые были тем кормчим, который направил революцию на подводные

скалы, где она и потерпела крушение, — какой интерес может представлять все это, что может объяснить это американцу или англичанину, наблюдавшим за всеми этими движениями с чересчур большого расстояния, чтобы различить детали событий? Никто из здравомыслящих людей никогда не поверит, чтобы одиннадцать человек*, большинство которых были к тому же личностями весьма посредственными, одинаково неспособными как к добру, так и к злу, могли в течение трех месяцев погубить тридцатишестимиллионную нацию, если бы эти тридцать шесть миллионов не разбирались так же мало в том, куда им идти, как и эти одиннадцать. Вопрос и заключается именно в том, как могло произойти, что эти тридцать шесть миллионов, блуждавшие в известной мере как в потемках, вдруг были призваны самостоятельно определить свой путь; и как случилось, что они затем совершенно сбились с пути и их старые правители могли снова вернуть себе на некоторое время свое руководящее положение.

Итак, если мы предпринимаем попытку разъяснить читателям «Tribune»[2] причины, которые не только сделали необходимой германскую революцию 1848 г., но с такой же неизбежностью обусловили и ее временное подавление в 1849 и 1850 гг., то от нас не следует ожидать полного исторического описания событий, происходивших в Германии. Последующие события и приговор грядущих поколений позволят решить, что именно из этой хаотической массы фактов, кажущихся случайными, не связанными друг с другом и противоречивыми, должно войти как составная часть во всемирную историю. Время для решения этой задачи еще не настало. Мы должны держаться в пределах возможного и будем считать себя удовлетворенными, если нам удастся раскрыть рациональные, вытекающие из бесспорных фактов причины, которые объясняют важнейшие события, главные поворотные моменты движения и дают ключ для того, чтобы определить направление, какое сообщит германскому народу ближайший, может быть, не особенно отдаленный взрыв.

Итак, прежде всего, каково было положение Германии к моменту революционного взрыва?

Сочетание различных классов народа, образующих основу всякой политической организации, было в Германии более сложным, чем в какой-либо другой стране. В то время как в Англии и Франции могущественная и богатая буржуазия, сконцентрированная в больших городах, и особенно в столице,

* — члены французского временного правительства. *Ред.*

совершенно уничтожила феодализм или, по меньшей мере, как в Англии, свела его к немногим ничтожным остаткам, в Германии феодальное дворянство сохранило значительную долю своих старинных привилегий. Система феодального землевладения почти повсюду оставалась господствующей. В руках землевладельцев сохранялось даже право суда над зависимыми крестьянами. Лишенные своих политических привилегий — права контролировать государей, — они сохранили почти в полной неприкосновенности свою средневековую власть над крестьянами в своих поместьях, равно как и свою свободу от налогов. В одних местностях феодализм был сильнее, чем в других, но нигде, за исключением левого берега Рейна, он не был полностью уничтожен. Это феодальное дворянство, в то время чрезвычайно многочисленное и отчасти очень богатое, официально считалось первым «сословием» в стране. Оно поставляло высших правительственных чиновников, оно почти одно снабжало офицерским составом армию.

Буржуазия в Германии далеко не была так богата и так сплочена, как во Франции или в Англии. Старинные германские отрасли промышленности были разрушены введением пара и быстро распространяющимся преобладанием английской промышленности. Созданные в других частях страны более современные отрасли промышленности, развитию которых было положено начало при континентальной системе Наполеона[3], не могли возместить утраты старинных отраслей и обеспечить промышленности достаточно прочное влияние, чтобы заставить правительства считаться с ее потребностями, тем более, что правительства ревниво относились ко всякому увеличению богатства и силы недворян. Если Франция победоносно провела свою шелковую промышленность через все испытания пятидесяти лет революций и войн, то Германия за этот же период почти совсем утратила свою старинную полотняную промышленность. Кроме того, промышленных районов было мало, и они находились далеко друг от друга. Расположенные в глубине страны, они пользовались для вывоза и ввоза преимущественно иностранными — голландскими или бельгийскими — гаванями, так что у них было мало или не было вовсе общих интересов с большими портовыми городами на Северном и Балтийском морях; но, самое главное, они были не способны создать такие крупные промышленные и торговые центры, как Париж и Лион, Лондон и Манчестер. Причин такой отсталости германской промышленности было много, но достаточно указать две из них, чтобы ее объяснить: неблагоприятное географическое положение страны, ее отдаленность от Атлантического

океана, который превратился в большую дорогу для мировой торговли, и непрерывные войны, в которые вовлекалась Германия и которые с XVI века и до последнего времени велись на ее территории. Численная слабость и в особенности отсутствие какой бы то ни было концентрации — вот что помешало немецкой буржуазии достигнуть такого политического господства, каким английская буржуазия пользовалась уже с 1688 г. и какое французская буржуазия завоевала в 1789 году. Тем не менее, начиная с 1815 г., богатство, а вместе с богатством и политический вес буржуазии в Германии непрерывно возрастали. Правительства, хотя и вопреки своей воле, были вынуждены все же считаться, по крайней мере, с наиболее насущными материальными интересами буржуазии. Можно даже прямо утверждать, что за каждую крупицу политического влияния, которая, будучи дарована буржуазии в конституциях мелких государств, потом вновь отбиралась у нее в периоды политической реакции 1815—1830 и 1832—1840 гг., что за каждую такую потерянную крупицу политического влияния буржуазия вознаграждалась предоставлением ей какой-либо более существенной практической выгоды. Каждое политическое поражение буржуазии влекло за собой победу в области торгового законодательства. И, разумеется, прусский покровительственный тариф 1818 г. и образование Таможенного союза[4] представляли собой для купцов и промышленников Германии значительно большую ценность, чем сомнительное право выражать в палате какого-нибудь крохотного герцогства недоверие министрам, которые только посмеивались над их вотумами. Таким образом, с ростом богатства и с расширением торговли буржуазия быстро достигла такого уровня, когда она стала убеждаться в том, что удовлетворение ее насущнейших, все возрастающих потребностей тормозится политическим строем страны — нелепым раздроблением ее между тридцатью шестью государями с их взаимно противоречащими стремлениями и причудами; феодальным гнетом, сковывающим сельское хозяйство и связанную с ним торговлю; назойливым надзором, которому невежественная и высокомерная бюрократия подвергала каждую сделку буржуазии. В то же время расширение и упрочение Таможенного союза, повсеместное введение парового транспорта, рост конкуренции на внутреннем рынке — все это вело к взаимному сближению торгово-промышленных классов различных государств и провинций, создавало однородность их интересов, централизовало их силы. Естественным последствием этого был переход всей массы их в лагерь либеральной оппозиции и выигрыш немецкой буржуазией первой серьезной битвы за

политическую власть. Началом такого поворота можно считать 1840 год, тот момент, когда прусская буржуазия стала во главе движения германской буржуазии. Впоследствии мы еще возвратимся к этому либерально-оппозиционному движению 1840—1847 годов.

Основная масса нации, не принадлежавшая ни к дворянству, ни к буржуазии, состояла в городах из класса мелких ремесленников и торговцев и из рабочего люда, в деревне же — из крестьянства.

Класс мелких ремесленников и торговцев чрезвычайно многочислен в Германии вследствие слабого развития класса крупных капиталистов и промышленников в этой стране. В более крупных городах он составляет почти большинство населения, в мелких же он полностью преобладает ввиду отсутствия более богатых конкурентов, оспаривающих у него влияние. Этот класс, играющий весьма важную роль во всех современных государствах и во всех современных революциях, особенно важен в Германии, где во время недавней борьбы он обычно играл решающую роль. Его характер определяется промежуточностью его положения между классом более крупных капиталистов — торговцев и промышленников, буржуазией в собственном смысле слова, — и классом пролетариата, или классом промышленных рабочих. Он стремится к положению первого, но малейший неблагоприятный поворот судьбы низвергает представителей этого класса в ряды последнего. В монархических и феодальных странах класс мелких ремесленников и торговцев нуждается для своего существования в заказах двора и аристократии; утрата этих заказчиков может разорить большую часть этого класса. В более мелких городах основу его благосостояния очень часто составляют военный гарнизон, местное управление, судебная палата и ее присные; удалите все это — и мелким лавочникам, портным, сапожникам, столярам конец. Таким образом, он вечно одержим колебаниями между надеждой подняться в ряды более богатого класса и страхом опуститься до положения пролетариев или даже нищих, между надеждой обеспечить свои интересы, завоевав для себя долю участия в руководстве общественными делами, и опасением возбудить неуместной оппозицией гнев правительства, от которого зависит само его существование, ибо во власти правительства отнять у него его лучших заказчиков. Он владеет весьма малыми средствами, непрочность обладания которыми обратно пропорциональна их величине. Вследствие всего этого взгляды этого класса отличаются чрезвычайной шаткостью. Смиренный и лакейски покорный перед сильным фео-

дальным или монархическим правительством, он переходит на сторону либерализма, когда буржуазия находится на подъеме; его охватывают приступы неистового демократизма, как только буржуазия обеспечивает себе господство, но он впадает в самую жалкую трусость, как только класс, стоящий ниже него, пролетариат, делает попытку предпринять какое-нибудь самостоятельное движение. В ходе нашего изложения мы увидим, как в Германии этот класс попеременно переходил от одного из этих состояний к другому.

Рабочий класс Германии в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабочего класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран. Каков господин, таков и слуга. Развитие условий, необходимых для существования многочисленного, сильного, сплоченного и сознательного пролетариата, идет рука об руку с развитием условий существования многочисленной, богатой, сплоченной и могущественной буржуазии. Само движение рабочего класса никогда не становится самостоятельным и не приобретает исключительно пролетарского характера, пока все различные фракции буржуазии, и особенно ее наиболее прогрессивная часть — крупные промышленники, не завоевали политической власти и не преобразовали государство сообразно своим потребностям. Но едва лишь дело доходит до этого, как в порядок дня ставится неизбежное столкновение между предпринимателем и наемным рабочим и отсрочить его больше уже невозможно; тогда нельзя больше продолжать кормить рабочих обманчивыми надеждами и обещаниями, которые никогда не приводятся в исполнение; тогда выступает, наконец, во всей своей полноте и со всей ясностью великая проблема XIX века — проблема упразднения пролетариата. В Германии большинство наемных рабочих получало работу не от промышленных магнатов современного типа, представленных в Великобритании такими великолепными образцами, а от мелких ремесленников, вся система производства которых является простым пережитком средневековья. И подобно тому как существует огромное различие между крупным хлопчатобумажным лордом, с одной стороны, и мелким хозяйчиком-сапожником или портным — с другой, так и смышленый, бойкий фабричный рабочий современных промышленных Вавилонов в корне отличается от смиренного портновского подмастерья или ученика столяра-краснодеревщика в мелком провинциальном городке, в котором условия жизни и характер труда лишь немного изменились по сравнению с тем, какими они были пять веков тому назад для людей этой же категории. Это общее отсутствие

современных условий жизни, современных видов промышленного производства сопровождалось, разумеется, почти таким же повсеместным отсутствием современных идей; поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале революции значительная часть рабочих выставила требование немедленного восстановления цехов и средневековых привилегированных ремесленных корпораций. И все же благодаря влиянию промышленных округов, где преобладал современный способ производства, благодаря легкости общения и умственному развитию, которым способствовал бродячий образ жизни многих рабочих, среди них образовалось сильное ядро, у которого идеи об освобождении своего класса отличались несравненно большей ясностью и более согласовывались с наличными фактами и историческими потребностями. Но эти рабочие составляли только меньшинство. Если активное движение буржуазии можно датировать 1840 годом, то движение рабочего класса берет начало с восстания рабочих в Силезии и Богемии* в 1844 году[5]. Нам скоро представится случай дать обзор различных стадий, которые прошло это движение.

Наконец, имелся огромный класс мелких сельских хозяев, крестьян, составляющих вместе со своим придатком — сельскохозяйственными рабочими — значительное большинство всей нации. Но этот класс опять-таки сам подразделяется на различные группы. Мы видим здесь, во-первых, зажиточных крестьян — Gross- и Mittelbauern**, как их называют в Германии, — из которых каждый владеет более или менее обширным участком земли и пользуется трудом нескольких сельскохозяйственных рабочих. Для этого класса, который стоял между крупными, свободными от налогов феодальными землевладельцами и мелким крестьянством и сельскохозяйственными рабочими, самой естественной политикой был, по вполне понятным причинам, союз с антифеодальной городской буржуазией. Во-вторых, мы видим мелких свободных крестьян, которые преобладали в Рейнской области, где феодализм пал под мощными ударами великой французской революции. Такие же независимые мелкие крестьяне встречались кое-где и в других областях, где им удалось выкупить феодальные повинности, лежавшие прежде на их земельных участках. Но этот класс был классом свободных собственников только номинально, его собственность обыкновенно была в такой мере заложена и притом на таких тяжелых условиях, что подлинным собствен-

* — Чехии. *Ред.*
** — крупных и средних крестьян. *Ред.*

ником земли являлся не крестьянин, а ростовщик, ссужавший деньги. В-третьих, мы встречаем феодально-зависимых крестьян, которых нелегко было согнать с их участков, но которые обязаны были уплачивать помещику постоянную ренту или постоянно выполнять известную работу на него. Наконец, существовали сельскохозяйственные рабочие, положение которых во многих крупных хозяйствах было совершенно таким же, как положение этого класса в Англии, и которые всегда жили и умирали бедняками, влача полуголодное существование и оставаясь рабами своих хозяев. Эти три последних класса сельского населения — мелкие свободные крестьяне, феодально-зависимые крестьяне и сельскохозяйственные рабочие — до революции никогда особенно не ломали себе голову над политикой; но совершенно очевидно, что революция должна была открыть им новое поприще, богатое самыми блестящими перспективами. Каждому из них революция сулила выгоды и потому можно было ожидать, что все они один за другим примкнут к ней, как только движение полностью развернется. Но в то же время не менее очевидно и не в меньшей степени подтверждено историей всех современных стран, что сельское население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение, в силу своей распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов.

Приведенной здесь краткой характеристики важнейших классов, которые к моменту вспышки недавнего движения составляли в своей совокупности немецкую нацию, уже достаточно для того, чтобы объяснить большую часть всех непоследовательностей, несообразностей и явных противоречий, преобладавших в этом движении. Если столь различные, столь противоречивые и причудливо перекрещивающиеся друг с другом интересы пришли в ожесточенное столкновение; если эти взаимно борющиеся интересы в разных округах, в разных провинциях перемешаны в различных пропорциях; если, что особенно важно, в стране нет ни одного крупного центра, ни Лондона, ни Парижа, который своими авторитетными решениями мог бы избавить народ от необходимости в каждой отдельной местности, каждый раз заново решать борьбой все тот же спор, — чего же другого при всем этом следовало ожидать, как не распадения борьбы на бесчисленное множество не связанных друг с другом столкновений, в которых тратится огромная масса

крови, сил и капитала и которые, несмотря на все это, не приводят ни к какому решительному результату?

Политическое расчленение Германии на три дюжины более или менее значительных государств точно так же объясняется именно этой хаотической многосложностью элементов, которые составляют немецкую нацию и которые в каждой отдельной части страны имеют, в свою очередь, особый характер. Где нет общности интересов, там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий. Правда, Германский союз объявили нерушимым на вечные времена, но, несмотря на это, Союз и его орган — Союзный сейм никогда не были представителями единства Германии[6]. Наивысшей ступенью, до которой была когда-либо доведена централизация Германии, было образование Таможенного союза. Это вынудило и государства, расположенные по Северному морю, объединиться в свою особую таможенную организацию[7], между тем как Австрия продолжала отгораживаться своим особым запретительным таможенным тарифом. Таким образом, Германия удовлетворилась тем, что теперь для всех своих практических задач она была разделена всего лишь между тремя самостоятельными державами вместо тридцати шести. Главенство русского царя, установившееся в 1814 г., разумеется, не претерпело от этого никаких изменений.

Сделав эти предварительные выводы из наших посылок, мы увидим в нашей следующей статье, как различные классы немецкого народа, о которых было сказано выше, один за другим приводились в движение и какой характер приняло это движение после того, как вспыхнула французская революция 1848 года.

Лондон, сентябрь 1851 г.

II
ПРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Начало политического движения среднего класса, или буржуазии, в Германии может быть отнесено к 1840 году. Ему предшествовали симптомы, показывавшие, что в этой стране класс, владеющий капиталом и промышленностью, созрел настолько, что он не может больше оставаться равнодушным и покорным под гнетом полуфеодальных, полубюрократических монархий. Более мелкие государи Германии один за другим даровали своим подданным конституции более или менее либерального характера — отчасти для того, чтобы обеспечить себе большую независимость, в противовес гегемонии Австрии и Пруссии или в противовес влиянию дворянства своих собственных государств, отчасти же с той целью, чтобы сплотить в одно целое те разобщенные области, которые Венский конгресс[8] соединил под их скипетром. Они могли это сделать без всякой опасности для себя: если бы Союзный сейм, эта марионетка Австрии и Пруссии, сделал попытку посягнуть на их независимость как суверенных государей, то они знали, что общественное мнение и палаты поддержали бы их сопротивление его приказам, а если бы, напротив, палаты оказались слишком сильными, то легко можно было бы воспользоваться властью Союзного сейма, чтобы сломить всякую оппозицию. Конституционные учреждения Баварии, Вюртемберга, Бадена или Ганновера не могли при таких обстоятельствах дать толчок к серьезной борьбе за политическую власть. Поэтому основная масса немецкой буржуазии в общем держалась в стороне от мелочных ссор, которые возникали в законодательных собраниях мелких государств, прекрасно сознавая, что без коренной перемены в политике и государственном строе двух крупных держав Германии все второстепенные усилия и победы не приведут ни к чему. Но в то же время в этих мелких собраниях выросло целое племя либеральных юристов, профессиональных представителей оппозиции — все эти Роттеки,

Велькеры, Рёмеры, Йорданы, Штюве, Эйзенманы,—великие «народные деятели» (Volksmanner), которые после более или менее шумной, но неизменно бесплодной двадцатилетней оппозиции были вознесены на вершину власти революционным потоком 1848 г. и потом, обнаружив свою полную неспособность и ничтожество, в одно мгновение были низвергнуты. Это были первые на германской почве образцы профессиональных политиков и оппозиционеров; своими речами и писаниями они приучали немецкое ухо к языку конституционализма и уже самым фактом своего существования возвещали приближение того времени, когда буржуазия усвоит и придаст истинное значение политическим фразам, которые эти болтливые адвокаты и профессора привыкли употреблять, не особенно-то понимая их действительный смысл.

Немецкая литература тоже испытала на себе влияние того политического возбуждения, которое благодаря событиям 1830 г. охватило всю Европу[9]. Почти все писатели того времени проповедовали незрелый конституционализм или еще более незрелый республиканизм. Среди них, особенно у литераторов более мелкого калибра, все больше и больше входило в привычку восполнять в своих произведениях недостаток дарования политическими намеками, способными привлечь внимание публики. Стихи, романы, рецензии, драмы — словом, все виды литературного творчества были полны тем, что называлось «тенденцией», т. е. более или менее робкими выражениями антиправительственного духа. Чтобы довершить путаницу идей, царившую в Германии после 1830 г., эти элементы политической оппозиции перемешивались с плохо переваренными университетскими воспоминаниями о немецкой философии и с превратно понятыми обрывками французского социализма, в особенности сенсимонизма. Клика писателей, распространявшая эту разнородную смесь идей, сама претенциозно окрестила себя «Молодой Германией» или «Современной школой»[10]. Впоследствии они раскаялись в грехах своей молодости, но нисколько не усовершенствовали своего литературного стиля.

Наконец, и немецкая философия, этот наиболее сложный, но в то же время и надежнейший показатель развития немецкой мысли, встала на сторону буржуазии, когда Гегель в своей «Философии права»[11] объявил конституционную монархию высшей и совершеннейшей формой правления. Иными словами, он возвестил о близком пришествии отечественной буржуазии к власти. После его смерти его школа не остановилась на этом. Более радикальное крыло его последователей, с одной стороны, подвергло всякое религиозное верование испытанию огнем

строгой критики, которая до самого основания потрясла древнее здание христианства, а с другой стороны, оно выдвинуло более смелые политические принципы по сравнению с теми, какие до того времени доводилось слышать немецкому уху, и попыталось воздать должное славной памяти героев первой французской революции. Правда, темный философский язык, в который облекались эти идеи, затуманивал ум как автора, так и читателя, зато он застилал и цензорские очи, и потому писатели-«младогегельянцы» пользовались такой свободой печати, какой не знала ни одна из прочих отраслей литературы.

Таким образом, было очевидно, что в общественном мнении Германии совершалась большая перемена. Громадное большинство тех классов, которым их образование или жизненное положение позволяло даже при абсолютной монархии приобрести кое-какие политические знания и выработать некоторое подобие самостоятельных политических убеждений, постепенно объединилось в одну мощную фалангу оппозиции против существующего режима. Высказывая свое суждение по поводу медленности политического развития в Германии, никто не должен упускать из виду, как трудно было составить себе правильные представления по любому вопросу в такой стране, где все источники знания подчинены были правительству, где ни в одной сфере — от школ для бедных и воскресных школ вплоть до газет и университетов — ничто не могло быть сказано, преподано, напечатано и опубликовано без предварительного официального соизволения. Возьмем, например, Вену. Жители Вены, которые в отношении способности к труду и промышленному производству не уступают, пожалуй, никому в Германии, а по живости ума, мужеству и революционной энергии показали себя значительно выше всех, все же оказались более невежественными в отношении понимания своих истинных интересов и наделали во время революции больше ошибок, чем кто-либо другой. Это в очень значительной мере происходило вследствие того почти полного невежества в самых простых политических вопросах, в котором правительству Меттерниха удавалось держать население.

Не требуется дальнейших объяснений, почему при таком режиме политические знания были почти исключительной монополией тех классов общества, которые были в состоянии оплачивать контрабандную доставку их в страну, в особенности тех, интересы которых больше всего затрагивались существующим порядком вещей, а именно промышленных и торговых классов. Поэтому они первые выступили объединенными силами против дальнейшего сохранения более или менее замаскированного

абсолютизма, и время их вступления в ряды оппозиции следует считать началом действительно революционного движения в Германии.

Оппозиционное пронунциаменто немецкой буржуазии можно датировать 1840 годом — годом смерти прежнего прусского короля[*], последнего из остававшихся в живых основателей Священного союза 1815 года. О новом короле знали, что он но является сторонником монархической системы своего отца, преимущественно бюрократической и милитаристской по своему характеру. То, чего французская буржуазия в свое время рассчитывала достичь со вступлением на престол Людовика XVI, немецкая буржуазия надеялась в известной мере получить из рук Фридриха-Вильгельма IV прусского. Все соглашались, что старая система прогнила, обанкротилась и с ней следует покончить; все то, что молча терпели при старом короле, теперь громко объявляли невыносимым.

Но если Людовик XVI, «Людовик Желанный», был обыкновенным, непритязательным простаком, сознававшим отчасти свое собственное ничтожество, человеком без каких-либо определенных идей, руководившимся преимущественно привычками, приобретенными во время своего воспитания, то «Фридрих-Вильгельм Желанный» был человеком совсем другого склада. Слабохарактерностью он несомненно превосходил свой французский оригинал, но у него были и свои собственные претензии и свои собственные убеждения. Он по-дилетантски познакомился с начатками большинства наук и потому возомнил себя достаточно знающим для того, чтобы по всякому вопросу считать свое суждение окончательным. Он был убежден, что является первоклассным оратором, и несомненно в Берлине не было ни одного коммивояжера, который мог бы превзойти его в обилии мнимых острот и неистощимом потоке красноречия. Но, что важнее всего, у него были свои собственные убеждения. Он ненавидел и презирал бюрократический элемент прусской монархии, но лишь потому, что все его симпатии принадлежали феодальному элементу. Один из основателей и главных деятелей «Berliner politisches Wochenblatt», так называемой исторической школы (школы, которая питалась идеями Бональда, Де Местра и других писателей из первого поколения французских легитимистов)[12], он стремился к возможно более полному восстановлению господствующего положения дворянства в обществе. Король — это первый дворянин в своем королевстве; его окружает, прежде всего, блестящий двор —

[*] — Фридриха-Вильгельма III. *Ред.*

могущественные вассалы, князья, герцоги и графы, а затем многочисленное и богатое низшее дворянство. Он по своему собственному благоусмотрению царствует над своими верными горожанами и крестьянами как глава законченной иерархии общественных рангов или каст, из которых каждая обладает своими особыми привилегиями и должна быть отделена от остальных почти непреодолимым барьером происхождения или прочно и неизменно установленного общественного положения; при этом все эти касты или «сословия королевства» должны своей силой и влиянием до такой степени точно уравновешивать друг друга, чтобы за королем сохранялась полная свобода действий. Таков был тот beau ideal*, который взялся осуществить Фридрих-Вильгельм IV и который он в настоящее время вновь. пытается осуществить.

Потребовалось известное время для того, чтобы прусская буржуазия, не особенно искушенная в теоретических вопросах, раскрыла истинный характер намерений короля. Но она очень быстро заметила его расположение к вещам, которые представляли собой прямую противоположность тому, что было желательно ей. Как только смерть отца «развязала язык» новому королю, он стал заявлять о своих намерениях в бесчисленных речах. И каждая его речь, каждый его поступок все более лишали его симпатий буржуазии. Это не обеспокоило бы его, не будь нескольких неумолимых и тревожных фактов, которые нарушали его поэтические грезы. Романтика, увы, довольно слаба в арифметике, и феодализм еще со времен Дон-Кихота всегда просчитывался! Фридрих-Вильгельм IV чересчур хорошо усвоил то презрение к звонкой монете, которое искони было благороднейшей наследственной чертой потомков крестоносцев. При вступлении на престол он нашел дорогостоящую, хотя и поскаредному организованную правительственную систему и умеренно наполненную государственную казну. Через два года исчезли бесследно все излишки, потраченные на придворные балы, высочайшие путешествия, дарения, пособия впавшим в нужду, обносившимся и жадным дворянам и т. д. Обычных налогов уже не хватало на покрытие потребностей как двора, так и правительства. И вот его величество скоро попал в тиски между явным дефицитом и законом 1820 г., который объявлял неправомерным выпуск всякого нового займа и всякое увеличение существующих налогов без согласия «будущего народного представительства». Этого народного представительства не существовало; новый король был еще

* — прекрасный идеал. *Ред.*

менее склонен создавать его, чем даже его отец, а если бы он и был склонен к этому, то он не мог не знать, что со времени его вступления на престол общественное мнение поразительным образом изменилось.

Действительно, буржуазия, которая отчасти надеялась, что новый король немедленно дарует конституцию, провозгласит свободу печати, введет суды присяжных и т. д. и т. д.—словом, сам возглавит ту мирную революцию, которая нужна была буржуазии, чтобы достигнуть политической власти, — эта буржуазия поняла свое заблуждение и яростно обрушилась на короля. В Рейнской провинции, а также в большей или меньшей мере и во всей Пруссии негодование ее было так велико, что она, испытывая в своей собственной среде недостаток в людях, способных представлять ее в печати, пошла даже на союз с крайним философским направлением, о котором мы уже говорили выше. Плодом этого союза была «Rheinische Zeitung»[13], издававшаяся в Кёльне. Хотя ее закрыли через пятнадцать месяцев после ее основания, тем не менее можно считать, что она положила начало современной периодической печати в Германии. Это было в 1842 году.

Бедный король, денежные затруднения которого были самой злой сатирой на его средневековые склонности, очень скоро увидел, что продолжать царствовать дальше невозможно, если не сделать кое-какие мелкие уступки всеобщему требованию о «народном представительстве», которое в качестве последнего остатка давно забытых обещаний 1813 и 1815 гг. фигурировало в законе 1820 года. Наименее неприятным способом осуществить предписание этого неудобного закона король считал созыв постоянных комиссий провинциальных ландтагов. Провинциальные ландтаги были учреждены в 1823 году. В каждой из восьми провинций королевства они составлялись: 1) из высшего дворянства, некогда суверенных фамилий Германской империи, главы которых были членами сословного собрания по праву рождения; 2) из представителей рыцарства, или низшего дворянства; 3) из представителей городов; 4) из депутатов крестьянства, или класса мелких сельских хозяев. Все было устроено так, что в каждой провинции обеим категориям дворянства всегда принадлежало большинство в ландтаге. Каждый из этих восьми провинциальных ландтагов избирал комиссию, и вот эти-то восемь комиссий созывались теперь в Берлин, чтобы образовать представительное собрание, которое должно было вотировать столь желанный заем. Было заявлено, что государственная казна полна и заем требуется не для покрытия текущих потребностей, а для постройки государственной же-

лезной дороги. Но Соединенные комиссии ответили королю категорическим отказом, объявив себя неправомочными действовать в качестве народного представительства, и потребовали от его величества исполнить обещание о введении представительного строя, данное его отцом, когда он нуждался в помощи народа против Наполеона.

Сессия Соединенных комиссий показала, что дух оппозиции охватил уже не одну только буржуазию. К буржуазии примкнула часть крестьянства; многие дворяне, которые сама вели крупное хозяйство в своих поместьях, торговали зерном, шерстью, спиртом и льном и потому не в меньшей степени нуждались в гарантиях против абсолютизма, бюрократии и реставрации феодализма, тоже высказались против правительства и присоединились к требованию представительного строя. План короля потерпел полное крушение. Король не получил ни гроша и увеличил силу оппозиции. Состоявшиеся вслед за тем сессии самих провинциальных ландтагов прошли еще менее благоприятно для короля. Все ландтаги потребовали реформ, исполнения обещаний 1813 и 1815 гг., введения конституции и свободы печати; соответствующие резолюции некоторых из них были составлены в довольно-таки непочтительных выражениях; раздраженные ответы вышедшего из себя короля еще больше ухудшили дело.

Между тем финансовые затруднения правительства все возрастали. Сокращением ассигнований, предназначенных для различных государственных ведомств, и мошенническими операциями с «Seehandlung»[14] — коммерческим предприятием, которое спекулировало и торговало за счет государства и на его страх и риск и уже давно функционировало в качестве его маклера по финансовой части, — на время удалось соблюсти видимость платежеспособности. Некоторым подспорьем послужил усиленный выпуск государственных кредитных билетов, и, вообще говоря, тайна финансового положения хранилась довольно успешно. Однако возможности для всех этих ухищрений очень скоро были исчерпаны. Тогда попытались испробовать другой путь — основать банк, капитал которого должен был состоять частью из государственных средств, частью из взносов частных акционеров; главное управление должно было принадлежать государству, т. е. было бы организовано так, чтобы правительство могло брать из фондов этого банка крупные суммы и таким образом повторять те мошеннические операции, которых оно не могло уже больше проделывать с «Seehandlung». Но, разумеется, не нашлось ни одного капиталиста, который захотел бы отдать свои деньги на подобных условиях. Пришлось

переделать устав банка и гарантировать собственность акционеров от посягательств казны, прежде чем состоялась подписка хотя бы на одну акцию. Когда, таким образом, провалился и этот план, не оставалось ничего другого, как попытаться получить заем, — конечно, если бы нашлись капиталисты, которые ссудили бы свои деньги, не требуя согласия и гарантии этого таинственного «будущего народного представительства». Обратились к Ротшильду, но тот заявил, что он вмиг устроит заем, если последний будет гарантирован этим «народным представительством»; если же нет, тогда он не станет вообще связываться с этим делом.

Так исчезла всякая надежда достать деньги, и уже не было никакой возможности обойтись без рокового «народного представительства». Отказ Ротшильда стал известен осенью 1846 г., а в феврале следующего года король созывал в Берлин все восемь провинциальных ландтагов, чтобы составить из них единый «Соединенный ландтаг». Задачей этого ландтага было выполнить то, что предписывал, в случае нужды, закон 1820 г., а именно: вотировать займы и новые налоги, но помимо этого он не должен был иметь никаких прав. Его голос по вопросам общего законодательства должен был быть чисто совещательным; он должен был созываться не в определенные сроки, а по благоусмотрению короля; он мог обсуждать лишь дела, которые правительству заблагорассудилось бы вынести на его обсуждение. Депутатов ландтага, разумеется, весьма мало удовлетворила отведенная им роль. Они вторично заявили о тех пожеланиях, которые были высказаны ими на сессиях в провинциях; отношения между ними и правительством вскоре чрезвычайно обострились, и когда от них стали требовать согласия на заем — снова якобы на постройку железных дорог, — то они опять отказались его дать.

Это голосование очень скоро привело к закрытию сессии ландтага. Король, раздражение которого все возрастало, распустил его, выразив депутатам свое неудовольствие, но тем не менее он оставался без денег. И действительно, у него были все основания испытывать тревогу за свое положение, так как он видел, что либеральная партия, во главе которой стояла буржуазия и которая охватывала значительную часть низшего дворянства и всевозможные недовольные элементы, накопившиеся в различных слоях низших сословий, — что эта либеральная партия исполнилась решимостью достигнуть того, к чему она стремилась. Тщетно в речи при открытии Соединенного ландтага король уверял, что никогда в жизни он не дарует конституции в современном значении этого слова. Либеральная партия на-

стаивала именно на современном антифеодальном представительном конституционном строе со всеми его следствиями — свободой печати, судами присяжных и т. д., дав понять, что до тех пор, пока она этого не получит, она не согласится ссудить ни гроша. Одно было ясно: долго так не могло продолжаться, и либо одна из сторон должна была уступить, либо же дело должно было дойти до разрыва, до кровопролитной борьбы. И буржуазия знала, что она стоит на пороге революции, и готовилась к ней. Всеми доступными средствами старалась она обеспечить себе поддержку рабочего класса в городах и крестьянства в сельских округах. Хорошо известно, что в конце 1847 г. среди буржуазии едва ли можно было отыскать хотя бы одну видную политическую фигуру, которая, чтобы приобрести симпатии пролетариата, не выдавала бы себя за «социалиста». Мы увидим вскоре этих «социалистов» за работой.

Это рьяное стремление передовой буржуазии придать своему движению хотя бы внешнее обличие социализма было вызвано огромной переменой, совершившейся в рабочем классе Германии. Начиная с 1840 г., часть немецких рабочих, побывавших во Франции и Швейцарии, более или менее проникается незрелыми социалистическими или коммунистическими воззрениями, которые тогда были распространены среди французских рабочих. Возрастающий интерес, с каким во Франции, начиная с 1840 г., относились к подобным идеям, сделал социализм и коммунизм модными также и в Германии и уже с 1843 г. на страницах всех газет стали без конца обсуждаться социальные вопросы. Вскоре в Германии возникла социалистическая школа, идеи которой отличались скорее туманностью чем новизной. Ее главная деятельность состояла в переводе фурьеристских, сен-симонистских и других теорий с французского языка на темный язык немецкой философии[15]. Приблизительно в это же время образовалась и немецкая коммунистическая школа, коренным образом отличающаяся от этой секты.

В 1844 г. произошли восстания силезских ткачей, за которыми последовало восстание рабочих ситценабивных фабрик Праги. Эти восстания, которые были жестоко подавлены, — восстания рабочих, направленные не против правительства, а против предпринимателей, — произвели глубокое впечатление и дали новый толчок социалистической и коммунистической пропаганде среди рабочих. Так же подействовали хлебные бунты в голодном 1847 году. Короче говоря, подобно тому как основная масса имущих классов (за исключением крупных феодальных землевладельцев) объединилась вокруг знамени конституционной оппозиции, рабочий класс больших городов видел

средство к своему освобождению в социалистических и коммунистических учениях, хотя при существовавших законах о печати его можно было познакомить с ними лишь в очень незначительной степени. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы у рабочих были очень ясные представления об их собственных потребностях: они знали только, что программа конституционной буржуазии не содержит всего, что им нужно, и что их стремления отнюдь не укладываются в рамки идей конституционализма.

В Германии не было в то время особой республиканской партии. Немцы были либо конституционными монархистами, либо более или менее ясно определившимися социалистами и коммунистами.

При наличии таких элементов малейшее столкновение должно было привести к серьезной революции. В то время как единственной надежной опорой существующей системы оставались высшее дворянство и высшие чиновники и офицеры; в то время как низшее дворянство, торгово-промышленная буржуазия, университеты, школьные учителя всех рангов и даже часть низших разрядов бюрократии и офицерства — все объединились против правительства; в то время как за ними стояли недовольные массы крестьянства и пролетариата крупных городов, массы, которые пока еще поддерживали либеральную оппозицию, но уже необычным образом поговаривали о своем намерении взять дела в собственные руки; в то время как буржуазия была готова свергнуть правительство, а пролетариат готов был свергнуть вслед за тем буржуазию, — правительство упрямо следовало по пути, который неизбежно должен был привести к столкновению. В начале 1848 г. Германия стояла на пороге революции, и эта революция несомненно вспыхнула бы даже и в том случае, если бы ее наступление не ускорила февральская революция во Франции.

Какое действие оказала эта парижская революция на Германию, мы увидим в следующей статье.

Лондон, сентябрь 1851 г.

III
ПРОЧИЕ НЕМЕЦКИЕ ГОСУДАРСТВА

В нашей последней статье мы ограничились почти исключительно государством, которое с 1840 по 1848 г. играло безусловно важнейшую роль в германском движении, а именно Пруссией. Однако нам следует бросить беглый взгляд и на другие германские государства за тот же период.

Что касается мелких государств, то со времени революционных движений 1830 г. они оказались полностью подчиненными диктатуре Союзного сейма, т. е. Австрии и Пруссии. Различные конституции, введенные как средство защиты от произвола более крупных государств, а также с той целью, чтобы доставить популярность их коронованным авторам и объединить разнородные конгломераты провинций, созданные Венским конгрессом без всякого руководящего принципа, — эти конституции, как ни были они иллюзорны, все же в бурный период 1830—1831 **гг.** оказались опасными для власти мелких монархов. Они были почти полностью упразднены. То, что соблаговолили от них оставить, трудно было назвать даже тенью, и нужно было обладать болтливым самодовольством всех этих Велькеров, Роттеков и Дальманов, чтобы вообразить, будто какие-нибудь результаты могут получиться от той всеподданнейшей оппозиции, смешанной с недостойным пресмыкательством, которую им разрешалось демонстрировать в бессильных палатах этих мелких государств.

Более энергичная часть буржуазии в этих мелких государствах вскоре после 1840 г. совершенно отказалась от всех своих прежних надежд на то, что в этих придатках Австрии и Пруссии разовьется парламентарная форма правления. А как только прусская буржуазия с примыкающими к ней классами обнаружила серьезную решимость бороться за парламентарный режим в Пруссии, ей была предоставлена роль вождя конституционного движения во всей Германии, кроме Австрии. В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению тот

факт, что ядро тех конституционалистов центральной Германии, которые впоследствии вышли из франкфуртского Национального собрания и по месту своих сепаратных собраний получили название Готской партии, еще задолго до 1848 г. обсуждало план, который в 1849 г. с незначительными изменениями эти конституционалисты предложили представителям всей Германии. Они стремились к полному исключению Австрии из Германского союза, к основанию нового союза под протекторатом Пруссии, с новой конституцией и союзным парламентом и к включению мелких государств в более крупные. Все это должно было осуществиться с того момента, когда Пруссия вступит в ряды конституционных монархий, введет свободу печати, начнет проводить независимую от России и Австрии политику и таким образом откроет для конституционалистов мелких государств возможность осуществить действительный контроль над своими правительствами. Этот план был изобретен профессором Гервинусом из Гейдельберга (Баден). Таким образом, эмансипация прусской буржуазии должна была послужить сигналом для эмансипации буржуазии в Германии вообще и для создания наступательного и оборонительного союза как против России, так и против Австрии, ибо, как мы сейчас увидим, Австрию считали совершенно варварской страной, о которой, притом, знали очень мало, да и то немногое, что знали, было не особенно лестным для ее населения. Поэтому Австрия не рассматривалась как существенная составная часть Германии.

Что касается других классов общества в мелких государствах, то они более или менее быстро последовали по стопам своих собратьев в Пруссии. Мелких буржуа охватывало все большее недовольство их правительствами, увеличением налогов, урезыванием их призрачных политических прав, которыми они так кичились, сравнивая себя с «рабами деспотизма» в Австрии и Пруссии. Но в их оппозиции еще не обнаруживалось ничего достаточно определенного, что могло бы выделить их как самостоятельную партию, отличную от конституционной партии крупной буржуазии. Среди крестьянства тоже росло недовольство, но хорошо известно, что в спокойные и мирные времена эта часть народа никогда не выдвигает своих интересов и не претендует на роль самостоятельного класса, за исключением стран, в которых введено всеобщее избирательное право. Рабочие городских промышленных предприятий начали заражаться «ядом» социализма и коммунизма. Но так как за пределами Пруссии было мало городов крупного значения и еще меньше промышленных округов, то за отсутствием центров

деятельности и пропаганды движение этого класса в мелких государствах развивалось чрезвычайно медленно.

Препятствия, которые стояли на пути всякого проявления политической оппозиции, породили как в Пруссии, так и в мелких государствах своеобразную религиозную оппозицию, выражавшуюся в параллельных движениях немецкого католицизма и Свободных общин[16]. История дает нам многочисленные примеры того, как в странах, которые наслаждаются благодатью под сенью государственной церкви и в которых обсуждение политических вопросов крайне затруднено, рискованная мирская оппозиция против светской власти укрывается за более благочестивой и с виду более далекой от земных интересов борьбой против духовного деспотизма. Многие правительства, которые не потерпят обсуждения какого бы то ни было их действия, поостерегутся создавать мучеников и разжигать религиозный фанатизм масс. В Германии 1845 г. в каждом государстве неотъемлемой составной частью государственного строя считалась либо римско-католическая, либо протестантская религия, либо обе одновременно. И в каждом из государств духовенство одного из этих исповеданий или обоих вместе являлось существенным элементом бюрократической правительственной системы. Поэтому нападение на католическую или протестантскую ортодоксию, нападение на духовенство было равносильно замаскированному нападению на само правительство. Что касается немецких католиков, то уже самый факт их существования означал нападение на католические правительства Германии, в особенности Австрии и Баварии. Именно так это и было воспринято соответствующими правительствами. Члены Свободных общин, протестанты-диссиденты, представлявшие собой некоторое подобие английских и американских унитариев[17], открыто заявляли о своей оппозиции клерикальному и строго ортодоксальному направлению прусского короля и его любимца — министра по делам культа и просвещения г-на Эйххорна. Обе новые секты, которые одно время быстро распространялись — первая в католических, вторая в протестантских государствах, — отличались друг от друга только различием происхождения. Что касается их учений, то они полностью сходились в том крайне важном пункте, что все установленные догмы являются несостоятельными. Это отсутствие всякой определенности составляло их подлинную сущность. По их словам, они строили великий храм, под кровом которого могли бы объединиться все немцы. Они, следовательно, в религиозной форме выражали вторую злободневную политическую идею — идею единства Германии. А между тем они

никак не могли прийти к соглашению в своей собственной среде.

Идея германского единства, которую вышеупомянутые секты старались осуществить, по крайней мере на религиозной почве. изобретая общую религию, пригодную для всех немцев и специально сфабрикованную применительно к их потребностям, привычкам и склонностям, — эта идея действительно получила очень широкое распространение, особенно в мелких государствах. После уничтожения Германской империи Наполеоном[18] призыв к воссоединению всех disjecta membra[*] Германии в единое целое превратился в самое общее выражение недовольства существующим порядком вещей, и прежде всего в мелких государствах, в которых огромные расходы на содержание двора, на управление, армию — словом, весь мертвый груз налогового обложения — возрастали прямо пропорционально ничтожности размеров и бессилию государства. Но что должно собой представлять это единство Германии, когда дело дойдет до его осуществления, на этот счет мнения партий расходились. Буржуазия, не желавшая серьезных революционных потрясений, довольствовалась тем, что она считала «практически осуществимым» и с чем мы уже познакомились выше, а именно — требованием союза, охватывающего всю Германию за исключением Австрии, под верховенством конституционного правительства Пруссии. И несомненно, в то время нельзя было сделать большего, не вызывая опасных бурь. Мелким буржуа и крестьянам, поскольку последние вообще занимались такими вопросами, никогда не удавалось прийти к какому-либо определению того германского единства, которого они впоследствии требовали с таким шумом; некоторые фантазеры, главным образом феодальные реакционеры, надеялись на восстановление Германской империи; кучка невежественных soi-disant[**] радикалов, преклонявшихся перед учреждениями Швейцарии, с которыми они еще не успели тогда познакомиться на практике, а познакомившись впоследствии, столь смешным образом в них разочаровались, — эта кучка высказывалась за федеративную республику. Только самая крайняя партия решалась тогда выступить за единую и неделимую Германскую республику[19]. Таким образом, вопрос о германском единстве уже сам по себе был чреват разногласиями, раздорами и, при известных обстоятельствах, даже гражданской войной.

Подведем итоги. Положение в Пруссии и в мелких государствах Германии к концу 1847 г. было следующее. Буржуазия

[*] — разбросанных членов. *Ред.*
[**] — так называемых. *Ред.*

чувствовала свою силу и решила не терпеть больше оков, которыми феодальный и бюрократический деспотизм сковывал ее торговые дела, ее промышленную деятельность, ее совместные действия как класса; часть сельского дворянства до такой степени превратилась в производителей продуктов, предназначенных исключительно для рынка, что в силу тождества ее интересов с интересами буржуазии примкнула к буржуазии; класс мелких ремесленников и торговцев был недоволен, роптал на налоги, на ставившиеся ему помехи, которые затрудняли ведение его дел, но у него не было определенной программы тех реформ, которые могли бы обеспечить его положение в обществе и государстве; крестьянство в одних местах было задавлено феодальными поборами, в других же — угнетено заимодавцами, ростовщиками и юристами; городские рабочие были охвачены общим недовольством, в равной мере ненавидели правительство и крупных промышленных капиталистов и проникались заразительными социалистическими и коммунистическими идеями. Словом, существовала разнородная масса оппозиционных элементов, движимых различными интересами, но руководимых, в общем и целом, буржуазией, в первых рядах которой шла в свою очередь буржуазия Пруссии и, в особенности, Рейнской провинции. На другой стороне мы видим правительства, между которыми по многим вопросам царило несогласие и которые были преисполнены недоверия друг к другу и, прежде всего, к прусскому правительству, хотя им и приходилось уповать на его защиту. В Пруссии — правительство, отвергнутое общественным мнением, покинутое даже частью дворянства, опирающееся на армию и бюрократию, которые изо дня в день все более заражались идеями оппозиционной буржуазии и все более подчинялись ее влиянию, — правительство, помимо всего этого, в буквальном смысле слова без гроша в кармане, правительство, которое не могло достать ни единой монеты на покрытие растущего дефицита, не сдавшись при этом на милость буржуазной оппозиции. Занимала ли когда-либо буржуазия других стран, борясь за власть против существующего правительства, более блестящую позицию?

Лондон, сентябрь 1851 г.

IV
АВСТРИЯ

Теперь мы должны познакомиться с Австрией, со страной, которая до марта 1848 г. была почти так же недоступна взорам иностранцев, как Китай до последней войны с Англией[20].

Разумеется, мы можем рассмотреть здесь лишь немецкую часть Австрии. Дела, касающиеся польского, венгерского и итальянского населения Австрии, не входят в нашу тему, а в той мере, в какой они с 1848 г. оказывали влияние на судьбы австрийских немцев, о них придется говорить позднее.

Правительство князя Меттерниха руководилось двумя принципами: во-первых, каждую из различных наций, подчиненных австрийскому господству, держать в узде при помощи всех остальных наций, которые находились в таком же положении; во-вторых, — и таков вообще главный принцип всех абсолютных монархий — опираться на два класса: на феодальных землевладельцев и на крупных денежных воротил, уравновешивая в то же время влияние и силу каждого из этих классов влиянием и силой другого, чтобы у правительства, таким образом, оставалась полная свобода действий. Дворяне-землевладельцы, весь доход которых состоял из всевозможных феодальных поборов, не могли не поддерживать правительство, являвшееся для них единственной защитой против угнетенного класса крепостных крестьян, за счет ограбления которого они жили. А если менее состоятельная часть этих дворян решалась на оппозицию против правительства, как это было в 1846 г. в Галиции, то Меттерних немедленно напускал на них именно этих крепостных, которые всеми силами старались использовать случай, чтобы жестоко отомстить своим непосредственным угнетателям[21]. С другой стороны, крупные капиталисты-биржевики были прикованы к правительству Меттерниха теми огромными суммами, которые они вложили в государственные бумаги. Австрия, восстановленная в 1815 г. во всей своей силе, возро-

дившая и поддерживавшая с 1820 г. абсолютную монархию в Италии, избавленная в результате банкротства 1810 г. от части своих долгов, после заключения мира очень скоро восстановила свой кредит на крупных денежных рынках Европы, и чем больше этот кредит возрастал, тем шире она им пользовалась. Поэтому все финансовые магнаты Европы вложили значительную долю своего капитала в австрийские государственные бумаги. Все они были заинтересованы в поддержании кредита этой страны, а так как поддержание австрийского государственного кредита постоянно требовало новых займов, то им время от времени приходилось ссужать новые капиталы, чтобы сохранить доверие к долговым обязательствам, под которые они уже выдали деньги. Продолжительный мир, наступивший после 1815 г., и кажущаяся невозможность падения такой тысячелетней монархии, как Австрия, необычайно увеличили кредит правительства Меттерниха и даже доставили ему независимость от венских банкиров и биржевых спекулянтов: ибо до тех пор, пока Меттерних мог получить достаточно денег во Франкфурте и Амстердаме, он, разумеется, имел возможность с удовлетворением лицезреть австрийских капиталистов у своих ног. Впрочем, и во всех других отношениях они были вполне в его власти. Огромные барыши, которые банкиры, биржевые спекулянты и государственные поставщики постоянно умеют извлекать из абсолютной монархии, возмещались почти безграничной властью правительства над их личностью и имуществом. Поэтому с их стороны нельзя было ожидать и тени оппозиции. Таким образом, Меттерних мог быть уверен в поддержке двух самых могущественных и влиятельных классов империи, а кроме того он располагал армией и бюрократией, которые были организованы как нельзя лучше для целей абсолютизма. Гражданские чиновники и офицеры австрийской службы образуют особую породу людей; их Отцы служили императору и их сыновья тоже будут служить ему. Они не принадлежат ни к одной из многочисленных национальностей, которые соединены под крылами двуглавого орла. Их постоянно перемещали и перемещают из одного конца империи в другой — из Польши в Италию, из немецких областей в Трансильванию; они с одинаковым презрением относятся к венгру, поляку, немцу, румыну, итальянцу, хорвату и т. д. — ко всякому лицу, не носящему на себе печати «императорско-королевской» должности и обнаруживающему особый национальный характер. У них нет своей национальности, или, вернее, они одни только и составляют подлинную австрийскую нацию. Ясно, каким послушным и в то же время могущественным орудием должна была являться

такая гражданская и военная иерархия в руках умного и энергичного правителя.

Что касается других классов населения, то Меттерних, совершенно в духе государственного деятеля ancien regime*, мало интересовался поддержкой с их стороны. По отношению к ним он знал только одну политику: выжимать из них возможно больше средств в виде налогов и в то же время поддерживать среди них спокойствие. Промышленная и торговая буржуазия развивалась в Австрии очень медленно. Торговля по Дунаю была сравнительно незначительной; страна располагала только одним портом — Триестом, и торговый оборот этого порта был весьма ограничен. Что касается промышленников, то они пользовались проводимой в широких масштабах покровительственной системой, которая в большинстве случаев доходила даже до полного устранения всякой иностранной конкуренции. Но это преимущество предоставлялось им главным образом с той целью, чтобы повысить их платежеспособность как налогоплательщиков, и в значительной мере сводилось к нулю вследствие внутренних ограничений промышленности, привилегий цехов и других феодальных корпораций, которые тщательно охранялись, до тех пор пока они не становились помехой к осуществлению целей и намерений правительства. Мелкие ремесленники были втиснуты в узкие рамки этих средневековых цехов, которые поддерживали между отдельными промыслами нескончаемую войну из-за привилегий и в то же время придавали составу этих принудительных объединений своего рода наследственно-постоянный характер, отнимая у представителей рабочего класса почти всякую возможность подняться на ступеньку выше в социальном отношении. Наконец, на крестьянина и рабочего смотрели просто как на объект взимания податей; единственная забота, которой они удостаивались, состояла лишь в том, чтобы по возможности удерживать их в тех условиях существования, в которых они тогда жили и в которых до них жили их отцы. С этой целью всякая старинная, прочно установленная, наследственная власть охранялась в такой же мере, как и власть государства. Правительство повсюду строго охраняло власть помещика над мелкими феодально-зависимыми крестьянами, фабриканта — над фабричными рабочими, ремесленного мастера — над подмастерьями и учениками, отца — над сыном, и любое проявление непослушания каралось так же, как нарушение закона, посредством универсального орудия австрийского правосудия — палки.

* — старого порядка. *Ред.*

Наконец, чтобы объединить в одну всеобщую систему все эти попытки создать искусственную устойчивость, духовная пища, которая разрешалась народу, отбиралась с самой тщательной предосторожностью и отпускалась до крайности скупо. Повсюду воспитание находилось в руках католического духовенства, верхушка которого наравне с крупными феодальными землевладельцами была глубоко заинтересована в сохранений существующей системы. Университеты были организованы так, что они могли выпускать только специалистов, способных, в лучшем случае, достигнуть больших или меньших успехов во всевозможных специальных отраслях знания, но они совершенно не давали того универсального, свободного образования, которое, как предполагается, можно получить в других университетах. Периодической печати совершенно не существовало, за исключением Венгрии, но венгерские газеты были запрещены во всех остальных частях монархии. Что касается литературы общего содержания, то ее сфера за сто лет нисколько не расширилась; после смерти Иосифа II она даже снова сузилась. И на всех границах, где только австрийские области соприкасались с какой-либо цивилизованной страной, в дополнение к кордону таможенных чиновников был выставлен кордон литературных цензоров, которые не пропускали из-за границы в Австрию ни одной книги, ни одного номера газеты, не подвергнув их содержания двух-и трехкратному детальному исследованию и не убедившись, что оно свободно от малейшего влияния тлетворного духа времени.

Почти тридцать лет, начиная с 1815 г., эта система действовала с изумительным успехом. Австрию почти совсем не знали в Европе, точно так же как и Европу почти не знали в Австрии. Ни общественное положение отдельных классов населения, ни положение всего народа в целом, казалось, не претерпели ни малейших изменений. Как ни сильна была вражда между отдельными классами — а наличие этой вражды являлось главным условием правления Меттерниха, он даже разжигал ее, превращая высшие классы в орудие всех правительственных вымогательств и обращая таким образом ненависть народа против них, — и как ни ненавидел народ низших государственных чиновников, недовольства центральным правительством, вообще говоря, почти или вовсе не наблюдалось. Императора обожали, и факты, казалось, подтверждали справедливость слов старика Франца I, который, усомнившись однажды в прочности этой системы, благодушно добавил: «Во всяком случае на меня и Меттерниха ее еще хватит».

И тем не менее в стране совершалось медленное, невидимое на поверхности движение, которое сводило на нет все усилия Меттерниха. Богатство и влияние промышленной и торговой буржуазии возрастали. Введение машин и применение пара в промышленности произвело в Австрии, как и повсюду, переворот во всех прежних отношениях и условиях жизни целых классов общества; крепостных оно превратило в свободных людей, мелких земледельцев — в промышленных рабочих; оно подорвало старинные феодальные ремесленные корпорации и уничтожило средства существования многих из них. Новое торговое и промышленное население повсюду приходило в столкновение со старыми феодальными учреждениями. Буржуа, которых их дела все чаще заставляли выезжать за границу, привозили оттуда некоторые, звучавшие как сказка, сведения о цивилизованных странах по ту сторону таможенных застав империи; наконец, введение железных дорог ускорило как промышленное, так и духовное развитие страны. К тому же, в австрийском государственном здании была одна опасная составная часть, а именно венгерская феодальная конституция с ее парламентскими дебатами и борьбой обедневшей и оппозиционной массы дворянства против правительства и его союзников — магнатов. Пресбург*, резиденция сейма, был у самых ворот Вены. Все эти элементы содействовали возникновению среди городской буржуазии если не духа оппозиции в прямом смысле этого слова, потому что оппозиция все еще была невозможна, то, по крайней мере, духа недовольства, всеобщего стремления к реформам, при этом больше административного, чем конституционного характера. Так же как и в Пруссии, и здесь часть бюрократии примкнула к буржуазии. Среди этой наследственной касты чиновников традиции Иосифа II не были забыты. Более просвещенные правительственные чиновники, которые иногда и сами предавались мечтам о возможных реформах, решительно предпочитали прогрессивный и просвещенный деспотизм этого императора «отеческому» деспотизму Меттерниха. Часть более бедного дворянства тоже стала на сторону буржуазии, а низшие классы населения, у которых всегда было достаточно оснований для недовольства высшими классами, если не непосредственно правительством, в большинстве случаев не могли не присоединиться к реформаторским устремлениям буржуазии.

Приблизительно в это самое время, в 1843 или 1844 г., в Германии было положено начало особому виду литературы,

* Словацкое название: Братислава. *Ред.*

явившемуся отголоском этих перемен. Несколько австрийских писателей — беллетристов, литературных критиков, плохих поэтов, — обладавших, без исключения, весьма посредственным талантом, но одаренных той особой предприимчивостью, которая характерна для еврейской расы, обосновались в Лейпциге и других немецких городах за пределами Австрии, и здесь, вне досягаемости Меттерниха, они выпустили ряд книг и брошюр об австрийских делах. Как сами они, так и их издатели повели «бойкую торговлю» этим товаром. Вся Германия жаждала проникнуть в тайны политики европейского Китая. Еще большее любопытство испытывали сами австрийцы, которые получали эти издания посредством массовой контрабанды на богемской* границе. Конечно, тайны, разоблачаемые в этих изданиях, не имели большого значения, а планы реформ, высиженные их благомыслящими авторами, носили отпечаток невинности, граничившей с политической девственностью. Конституция и свобода печати рассматривались здесь как вещи, недосягаемые для Австрии. Административные реформы, расширение прав провинциальных сословных собраний, разрешение ввоза иностранных книг и газет и смягчение цензуры — дальше этого не шли в своих верноподданнических и скромных пожеланиях эти добрые австрийцы.

Как бы то ни было, воспрепятствовать литературному общению Австрии с остальной Германией, а через Германию — и со всем миром, становилось все более невозможным, и это обстоятельство немало содействовало развитию враждебного правительству общественного мнения; благодаря этому часть австрийского населения приобрела хотя бы некоторую политическую осведомленность. Поэтому к концу 1847 г. и Австрия— правда, в сравнительно слабой степени — оказалась охваченной той политической и политико-религиозной агитацией, которая распространилась тогда по всей Германии. И хотя в Австрии ее успехи были более скромны, она все же нашла достаточно революционных элементов, поддававшихся ее воздействию. То были: крестьянин, крепостной или феодально-зависимый, задавленный помещичьими и правительственными поборами; далее, фабричный рабочий, принуждаемый палкой полицейского работать на любых условиях, какие фабриканту заблагорассудится ему поставить; затем ремесленный подмастерье, у которого цеховые законы отнимали всякую надежду приобрести самостоятельное положение в своей отрасли; торговец, который при ведении своих дел на каждом шагу

* — чешской. *Ред.*

натыкался на нелепые регламенты; фабрикант, находившийся в постоянном конфликте с ремесленными цехами, ревниво оберегавшими свои привилегии, и с жадными, назойливыми чиновниками; наконец, школьный учитель, ученый, более образованный чиновник, тщетно боровшиеся против невежественного и наглого духовенства или против тупого начальника-самодура. Словом, ни один класс не был доволен, потому что мелкие уступки, которые правительству иногда приходилось делать, делались им не за свой собственный счет — государственная казна не могла бы выдержать этого, — а за счет высшего дворянства и духовенства. Что же касается, наконец, крупных банкиров и держателей государственных бумаг, то последние события в Италии, усиливающаяся оппозиция венгерского сейма, необычный дух недовольства и требование реформ, раздававшееся по всей империи, меньше всего могли укрепить их веру в прочность и платежеспособность австрийской монархии.

Таким образом, и Австрия медленно, но верно приближалась к крупным переменам, как вдруг во Франции разыгрались события, которые сразу заставили разразиться надвигавшуюся бурю и опровергли утверждение старого Франца, будто здание еще продержится до конца как его, так и Меттерниха дней.

Лондон, сентябрь 1851 г.

V

ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ

24 февраля 1848 г. Луи-Филипп был изгнан из Парижа и была провозглашена Французская республика. Вслед за тем 13 марта венцы сокрушили власть князя Меттерниха и заставили его позорно бежать из страны. 18 марта берлинцы восстали с оружием в руках и после 18-часовой упорной борьбы могли с удовлетворением наблюдать капитуляцию короля, сдавшегося на милость народа. В то же время и в столицах более мелких государств Германии произошли взрывы большей или меньшей силы, которые все завершились столь же успешно. Если германский народ и не довел до конца свою первую революцию, то во всяком случае он открыто вступил на революционный путь.

Мы не можем здесь подробно рассматривать, как происходили различные восстания; мы намерены выяснить лишь их характер и ту позицию, которую заняли по отношению к ним различные классы населения.

Революция в Вене была совершена населением, можно сказать, почти единодушно. Буржуазия, за исключением банкиров и биржевых спекулянтов, мелкие ремесленники и торговцы, рабочие — все сразу, как один человек, восстали против всеми презираемого правительства, которое вызывало против себя такую всеобщую ненависть, что небольшая кучка поддерживавших его дворян и денежных воротил постаралась стушеваться при первом же нападении на него. Меттерних держал буржуазию в таком политическом невежестве, что для нее были совершенно непонятны все приходившие из Парижа известия о господстве анархии, социализма и террора и о предстоящей борьбе между классом капиталистов и классом рабочих. В своей политической невинности она или не придавала никакого значения этим известиям, или же они представлялись ей дьявольским измышлением Меттерниха, для того чтобы запугать ее и вернуть к повиновению. Кроме того, она никогда еще не видала, чтобы рабочие действовали как класс или выступали за

свои собственные, особые классовые интересы. По своему прошлому опыту она не могла представить себе возможности внезапного проявления каких-либо противоречий между теми самыми классами, которые только что в таком трогательном единении свергли всем им ненавистное правительство. Она видела, что рабочие согласны с ней по всем пунктам: относительно конституции, суда присяжных, свободы печати и т. д. Поэтому — по крайней мере в марте 1848 г. — буржуазия душой и телом отдалась движению; с другой стороны, движение с самого начала сделало буржуазию (по крайней мере в теории) господствующим классом в государстве.

Но такова уж судьба всех революций, что то единение разных классов, которое до известной степени всегда является необходимой предпосылкой всякой революции, не может долго продолжаться. Едва лишь одержана победа над общим врагом, как победители уже расходятся между собой, образуя разные лагери, и обращают оружие друг против друга. Именно это быстрое и бурное развитие классового антагонизма в старых и сложных социальных организмах делает революцию таким могучим двигателем общественного и политического прогресса; именно это непрерывное возникновение и быстрый рост новых партий, одна за другой сменяющих друг друга у власти, заставляют нацию в период подобных насильственных потрясений за какой-нибудь пятилетний срок проделать путь, который в обычных условиях она не совершила бы и в течение столетия.

Революция в Вене сделала буржуазию теоретически господствующим классом. Это значит, что уступки, которые были вырваны у правительства, неизбежно обеспечили бы господство буржуазии, если бы они были проведены на практике и оставались в силе в течение известного времени. Но фактически господство этого класса далеко еще не было установлено. Правда, благодаря учреждению национальной гвардии, что дало оружие в руки буржуазии и мелких буржуа, буржуазия приобрела силу и влияние; правда, в результате создания «Комитета безопасности», своего рода революционного правительства, которое ни перед кем не несло ответственности и в котором преобладала буржуазия, она поднялась к вершинам власти. Но в то же время часть рабочих также получила оружие; они и студенты выносили на своих плечах всю тяжесть борьбы всякий раз, когда дело доходило до этой борьбы; ядро революционной армии, ее действительную силу составляли студенты, числом около 4000 человек, хорошо вооруженные и гораздо более дисциплинированные, чем национальная гвардия;

и они отнюдь не желали служить простым орудием в руках Комитета безопасности. Хотя студенты и признавали его и даже были его самыми горячими защитниками, они составляли тем не менее своего рода независимую и довольно-таки беспокойную организацию, устраивали собственные сходки в Актовом зале, занимали промежуточную позицию между буржуазией и рабочими, своим постоянным возбуждением препятствовали тому. чтобы все опять вошло в старую, будничную колею, и часто навязывали свои решения Комитету безопасности. С другой стороны, рабочим, которые почти все лишились заработка, пришлось дать занятия на общественных работах за государственный счет, а необходимые для этого деньги приходилось, разумеется, брать из карманов налогоплательщиков или из городской кассы Вены. Все это не могло не оказаться весьма неприятным для венских торговцев и ремесленников. Венские промышленные предприятия, обслуживавшие потребности богатых и аристократических домов обширной страны, из-за революции, вследствие бегства аристократии и двора, разумеется, совершенно прекратили работу; торговля замерла, а непрерывные волнения и возбуждение, исходившие от студентов и рабочих, конечно, не могли способствовать «восстановлению доверия», как тогда было принято говорить. Поэтому очень скоро в отношениях между буржуазией, с одной стороны, и беспокойными студентами и рабочими — с другой, возникло некоторое охлаждение, и если оно долгое время не перерастало в открытую вражду, то объясняется это тем, что министерство и, в особенности, двор в своем нетерпении восстановить старый порядок вещей постоянно давали законный повод для опасений и шумной деятельности более революционных партий и все снова и снова вызывали — даже перед взором буржуазии — призрак старого меттерниховского деспотизма. И вот ввиду того, что правительство попыталось ограничить или же совершенно уничтожить некоторые из только что завоеванных свобод, 15 мая, а потом еще раз, 26 мая, произошли новые восстания всех классов Вены. В обоих случаях союз между национальной гвардией, или вооруженной буржуазией, студентами и рабочими снова был на время скреплен.

Что касается других классов населения, то аристократия и денежные магнаты исчезли из поля зрения, а крестьянство повсюду энергично уничтожало феодализм до последних остатков. Вследствие войны в Италии[22], а также забот, которые причиняли двору Вена и Венгрия, крестьянам была предоставлена полная свобода действий, и в Австрии они успели в деле освобождения больше, чем в какой-либо другой части Германии.

Австрийскому рейхстагу вскоре после этого пришлось лишь санкционировать меры, которые крестьянство фактически уже провело в жизнь, и что бы там ни удалось теперь реставрировать правительству князя Шварценберга, ему никогда не удастся восстановить феодальное порабощение крестьян. Если Австрия в настоящий момент снова сравнительно спокойна и даже сильна, то это главным образом объясняется тем, что громадное большинство народа — крестьяне — извлекло действительную выгоду из революции, а также тем, что на какие бы другие области ни посягало реставрированное правительство, эти ощутимые материальные выгоды, завоеванные крестьянством, и поныне остаются неприкосновенными.

Лондон, октябрь 1851 г.

VI
ВОССТАНИЕ В БЕРЛИНЕ

Вторым центром революционного движения был Берлин. После всего сказанного в предыдущих статьях нетрудно понять, почему революционные действия в Берлине далеко не нашли такой единодушной поддержки со стороны почти всех классов населения, какую они встретили в Вене. В Пруссии буржуазия была уже по-настоящему вовлечена в борьбу с правительством. В результате сессии «Соединенного ландтага» между ними произошел разрыв. Надвигалась буржуазная революция, и революция эта при своем первом взрыве могла бы оказаться столь же единодушной, как и венская, не случись перед тем февральской революции в Париже. Это событие все чрезвычайно ускорило; в то же время оно совершилось под знаменем, абсолютно отличным от того, под которым прусская буржуазия готовилась идти в поход на свое правительство. Февральская революция опрокинула во Франции как раз ту самую форму правления, которую прусская буржуазия намеревалась учредить в своей стране. Февральская революция возвестила о себе как о революции рабочего класса против буржуазии; она провозгласила низвержение буржуазного правительства и освобождение рабочих. Между тем волнения рабочего класса незадолго до этого доставили прусской буржуазии немало хлопот в ее собственной стране. Когда прошел первый испуг, вызванный восстанием в Силезии, она даже сделала попытку использовать эти волнения к своей собственной выгоде. Но у нее навсегда сохранился спасительный страх перед революционным социализмом и коммунизмом. Поэтому, когда она увидала во главе парижского правительства людей, которые представлялись ей опаснейшими врагами собственности, порядка, религии, семьи и прочих святынь современного буржуа, она тотчас же почувствовала, что ее собственный революционный пыл порядочно поостыл. Она знала, что необходимо использовать момент и что без помощи рабочих масс она будет

побеждена, и все же мужество оставило ее. Поэтому при первых же отдельных выступлениях в провинциях она стала на сторону правительства и пыталась удержать в спокойствии народ в Берлине, который в течение пяти дней собирался толпами перед королевским дворцом, обсуждая новости и требуя смены правительства. Наконец, когда стало известно о падении Меттерниха и король сделал некоторые незначительные уступки, буржуазия признала революцию завершенной и поспешила принести благодарность его величеству за исполнение всех желаний его народа. Но вслед за этим последовали нападение войск на толпу, сооружение баррикад, борьба и поражение монархии. Тогда все переменилось. Тот самый рабочий класс, который буржуазия стремилась удержать на заднем плане, выдвинулся на передний план. Рабочие сражались, одержали победу и внезапно осознали свою силу. Ограничения избирательного права, свободы печати, права быть присяжным заседателем, права собраний, — ограничения, которые были бы очень приятны для буржуазии, так как они коснулись бы лишь классов, стоящих ниже нее, теперь сделались уже невозможными. Грозила опасность повторения парижских сцен «анархии». Перед лицом этой опасности прекратились все прежние распри. Против победоносного рабочего, хотя он еще не выдвинул никаких особых требований в своих собственных интересах, объединились старые друзья и враги, и уже на баррикадах Берлина был заключен этот союз между буржуазией и приверженцами низвергнутой системы. Приходилось делать необходимые уступки, но только такие, которых нельзя было избежать; пришлось образовать министерство из вождей оппозиции в Соединенном ландтаге, а в награду за его услуги в деле спасения короны ему обеспечивалась поддержка всех столпов старого режима: феодальной аристократии, бюрократии, армии. Таковы были условия, на которых гг. Кампгаузен и Ганземан взялись составить кабинет.

Страх новых министров перед поднявшимися массами был настолько велик, что всякое средство казалось им хорошим, если только оно вело к тому, чтобы укрепить расшатанные устои власти. Эти достойные презрения люди в своем заблуждении считали, что уже миновала всякая опасность восстановления старой системы, и потому стали пользоваться всей старой государственной машиной, чтобы вновь водворить «порядок». Не был уволен ни один чиновник, ни один офицер. В старой бюрократической системе государственного управления не было произведено ни малейшей перемены. Эти образцовые конституционные и ответственные министры даже вернули на

прежние места тех чиновников, которых народ в пылу первого революционного возбуждения прогнал за их прежние подвиги на поприще бюрократического произвола. В Пруссии ничего не изменилось, кроме лиц, занимающих министерские посты. Не был затронут даже служебный персонал различных ведомств, и всем конституционным карьеристам, окружавшим новоиспеченных правителей и рассчитывавшим получить свою долю власти и приобрести чины, дали понять, что им следует повременить, пока восстановление устойчивого положения не позволит произвести перемены в личном составе чиновников, что в настоящее время было бы небезопасно.

Король, который после восстания 18 марта совершенно пал духом, очень скоро заметил, что он в такой же мере необходим этим «либеральным» министрам, как и они ему. Восстание пощадило трон; троп был последней из сохранившихся преград распространению «анархии»; у либеральной буржуазии и ее вождей, ныне оказавшихся в министерстве, были поэтому все основания поддерживать с короной самые лучшие отношения. Король и окружавшая его реакционная камарилья очень скоро поняли это и воспользовались этим обстоятельством, чтобы помешать министерству провести даже те ничтожные реформы, которые оно время от времени намеревалось осуществить.

Первой заботой министерства было придать некоторый вид законности недавним насильственным переменам. Несмотря на все сопротивление народных масс, был созван Соединенный ландтаг с тем, чтобы он — как якобы законный и конституционный орган народа — утвердил новый избирательный закон для выборов в собрание, которое должно было достигнуть соглашения с короной относительно новой конституции. Выборы должны были быть косвенные, а именно — масса избирателей должна была избрать известное количество выборщиков, которым потом уже предстояло избрать депутатов. Несмотря на всю оппозицию; эта система двухстепенных выборов прошла. После этого у Соединенного ландтага было испрошено разрешение на заем в сумме, равной двадцати пяти миллионам долларов; народная партия выступила против займа, но ландтаг вотировал и его.

Эти действия министерства способствовали чрезвычайно быстрому развитию народной, или, как она сама себя теперь называла, демократической партии. Эта партия, возглавляемая классом мелких ремесленников и торговцев и объединявшая под своим знаменем в начале революции значительное большинство рабочих, требовала такого же прямого и всеобщего избирательного права, какое было введено во Франции, одно-

палатного законодательного собрания и полного и открытого признания революции 18 марта как основы новой системы управления. Более умеренное крыло этой партии готово было довольствоваться «демократизированной» таким образом монархией; более прогрессивное крыло требовало установления в конечном счете республики. Оба сходились в том, что признавали германское Национальное собрание во Франкфурте высшей властью в стране, между тем как конституционалисты и реакционеры испытывали величайший ужас перед суверенитетом этого Собрания, которое они, судя по их заявлениям, считали крайне революционным.

Самостоятельное движение рабочего класса было временно прервано революцией. Непосредственные потребности и условия движения были таковы, что не позволяли выдвинуть на первый план особых требований пролетарской партии. Действительно, пока не была расчищена почва для самостоятельных действий рабочих, пока еще не было установлено прямое и всеобщее избирательное право, пока тридцать шесть крупных и мелких государств попрежнему разрывали Германию на множество клочков, что иное могла делать пролетарская партия, как не следить за парижским движением, имевшим для нее наиважнейшее значение, и бороться сообща с мелкими буржуа за приобретение тех прав, которые должны были открыть перед ней возможность повести впоследствии борьбу за свое собственное дело?

В своей политической деятельности пролетарская партия существенно отличалась тогда от партии класса мелких ремесленников и торговцев, или от так называемой демократической партии в собственном смысле слова, лишь в трех пунктах. Во-первых, она иначе оценивала французское движение: демократы нападали на крайнюю партию в Париже, между тем как пролетарские революционеры защищали ее. Во-вторых, она провозгласила необходимость установления единой и неделимой германской республики, между тем как самые крайние из крайних демократов осмеливались делать предметом своих воздыханий лишь федеративную республику. В-третьих, пролетарская партия в каждом отдельном случае проявляла ту революционную отвагу и готовность действовать, отсутствием которых всегда будет страдать партия, возглавляемая мелкими буржуа и состоящая преимущественно из них.

Пролетарской, или подлинно революционной, партии лишь постепенно удавалось освобождать массу рабочих от влияния демократов, в хвосте которых они плелись в начале революции. Но в надлежащий момент нерешительность, дряблость и тру-

сость демократических вождей довершили дело, и теперь можно сказать, что один из главных результатов потрясений последних лет состоит в том, что повсюду, где рабочий класс сосредоточен в сколько-нибудь значительных массах, он совершенно освободился от упомянутого демократического влияния, которое в 1848 и 1849 гг. привело его к бесконечному ряду ошибок и неудач. Но не станем забегать вперед: события этих двух лет еще дадут нам полную возможность увидеть господ демократов за работой.

Крестьянство в Пруссии, так же как и в Австрии, использовало революцию, чтобы сразу избавиться от всех феодальных оков, хотя оно и действовало здесь менее энергично, потому что феодализм, вообще говоря, в Пруссии не так сурово на него давил. Но прусская буржуазия — по изложенным выше причинам — тотчас же обратилась против крестьянства, своего самого старого, самого необходимого союзника. Демократы, напуганные не менее чем буржуа так называемыми посягательствами на частную собственность, также не оказали ему поддержки, и вот по истечении трех месяцев свободы, после кровавых столкновений и военных экзекуций, в особенности в Силезии, феодализм был восстановлен руками той самой буржуазии, которая до вчерашнего дня была еще антифеодальной. Нельзя привести в осуждение ее более позорного факта, чем этот. Еще никогда в истории ни одна партия не совершала подобного предательства по отношению к своим лучшим союз-пикам, по отношению к самой себе; и какие бы унижения и кары ни ждали эту буржуазную партию в дальнейшем, она, уже в силу одного этого, вполне их заслужила.

Лондон, октябрь 1851 г.

VII
ФРАНКФУРТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Читатель, вероятно, помнит, что в шести предыдущих статьях мы проследили революционное движение в Германии до момента двух великих побед народа: 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине. Мы видели, что как в Австрии, так и в Пруссии были учреждены конституционные правительства и принципы либерализма, или принципы буржуазии, были объявлены руководящим началом всей будущей политики; единственным заметным различием между обоими крупными центрами движения было то, что в Пруссии бразды правления захватила непосредственно в свои руки либеральная буржуазия в лице двух богатых купцов, гг. Кампгаузена и Ганземана, а в Австрии, где буржуазия была гораздо менее развита в политическом отношении, к власти пришла либеральная бюрократия, открыто заявлявшая, что правит по доверенности буржуазии. Мы видели дальше, как партии и общественные классы, которые до того времени были объединены в общей оппозиции против старого правительства, после победы или даже во время борьбы разошлись в разные стороны и как та самая либеральная буржуазия, которая одна только и извлекла выгоду из победы, тотчас же обратилась против своих вчерашних союзников, заняла враждебную позицию по отношению ко всем более передовым классам и партиям и заключила союз с побежденными феодальными и бюрократическими элементами. В сущности, уже в самом начале революционной драмы было очевидно, что, только опираясь на помощь более радикальных народных партий, либеральная буржуазия может устоять против побежденных, но не уничтоженных феодальной и бюрократической партий и что, с другой стороны, против натиска этих более радикальных масс она нуждается в помощи феодального дворянства и бюрократии. Было, таким образом, ясно, что в Австрии и Пруссии буржуазия не обладала достаточной силой для того, чтобы удержать власть в своих руках и приспособить

государственные учреждения к своим потребностям и идеалам. Либеральное буржуазное министерство было лишь переходной ступенью, от которой страна — в зависимости от того, какой оборот приняли бы события, — должна была или подняться на более высокую ступень, достигнув единой республики, или же снова скатиться к старому клерикально-феодальному и бюрократическому режиму. Во всяком случае, настоящая, решительная борьба была еще впереди; мартовские события были только еще завязкой битвы.

Так как Австрия и Пруссия были в Германии двумя руководящими государствами, то всякая решительная победа революции в Вене или Берлине имела бы решающее значение для всей Германии. И действительно, развитие событий в марте 1848 г. в обоих этих городах определило и ход дел в Германии. Поэтому было бы излишне останавливаться на движениях, происходивших в мелких государствах, и мы действительно могли бы ограничиться рассмотрением одних только австрийских и прусских дел, если бы наличие этих мелких государств не вызвало к жизни учреждения, которое одним только фактом своего существования служило самым неотразимым доказательством ненормального состояния Германии и половинчатости недавней революции, — учреждения столь уродливого, столь нелепого уже по самому своему положению и, однако, до такой степени преисполненного сознанием своей важности, что, вероятно, история никогда больше не создаст ничего подобного. Этим учреждением было так называемое *германское Национальное собрание* во Франкфурте-на-Майне.

После победы народа в Вене и Берлине, естественно, встал вопрос о созыве представительного собрания для всей Германии. И вот это Собрание было избрано и открылось во Франкфурте рядом со старым Союзным сеймом. Народ ждал от германского Национального собрания, что оно разрешит все спорные вопросы и будет действовать в качестве верховного органа законодательной власти для всего Германского союза. Но в то же самое время Союзный сейм, который созвал Собрание, ни в какой море не определил его полномочий. Никто не знал, имеют ли его постановления силу закона или же они подлежат санкции Союзного сейма или санкции отдельных правительств. При таком запутанном положении Собрание, если бы оно обладало хоть каплей энергии, должно было бы немедленно объявить распущенным Союзный сейм — самое непопулярное корпоративное учреждение в Германии — и заменить его союзным правительством, избранным из своих собственных членов. Оно должно было провозгласить себя единственным законным выразителем

суверенной воли германского народа и тем самым придать силу закона всем своим постановлениям. Но прежде всего оно должно было бы обеспечить для себя в стране организованную и вооруженную силу, достаточную для того, чтобы сломить всякое сопротивление правительств. И все это было легко, очень легко сделать в начальной стадии революции. Но предполагать, что Франкфуртское собрание окажется способным на это, значило бы слишком многого ждать от Собрания, в большинстве своем состоявшего из либеральных адвокатов и профессоров-доктринеров, — Собрания, которое, хотя и претендовало на роль средоточия лучших представителей немецкой мысли и немецкой науки, в действительности представляло собой лишь подмостки, на которых старые, отжившие свой век политические персонажи выставляли напоказ перед взорами всей Германии весь свой непреднамеренный комизм и всю свою неспособность к мышлению и действию. Это собрание старых баб с первого же дня своего существования испытывало больший страх перед самым слабым народным движением, чем перед всеми реакционными заговорами всех немецких правительств, вместе взятых. Оно заседало под надзором Союзного сейма, мало того, оно почти выпрашивало санкции Союзного сейма для своих постановлений на том основании, что первые решения Собрания должны были быть обнародованы этим ненавистным учреждением. Вместо того чтобы утвердить свой собственный суверенитет, оно тщательно уклонялось от обсуждения этого столь опасного вопроса. Вместо того чтобы окружить себя народной вооруженной силой, оно переходило к очередным делам, закрывая глаза на все акты насилия, учиняемые правительствами. На его глазах в Майнце ввели осадное положение, разоружили жителей города, а Национальное собрание не ударило палец о палец. Позже оно избрало австрийского эрцгерцога Иоганна регентом Германии и объявило все свои постановления имеющими силу закона. Но эрцгерцог Иоганн был возведен в свой новый сап лишь поело согласия всех правительств и получил его не из рук Собрания, а из рук Союзного сейма. Что же касается законной силы постановлений Собрания, то правительства крупных государств так и не признали этого пункта, а Национальное собрание не настаивало на своем, так что этот вопрос остался открытым. Словом, перед нами было странное зрелище Собрания, заявлявшего претензию быть единственным законным представителем великой и суверенной нации, но никогда не обладавшего ни волей, ни силами для того, чтобы заставить признать свои требования. Дебаты этого Собрания, не принесшие никакого практического результата, не имели

даже никакой теоретической ценности, так как в них просто-напросто пережевывались самые избитые общие места устаревших философских и юридических школ. Всякое положение, которое было высказано или, вернее, промямлено в этом Собрании, давным-давно бесконечное число раз, и притом несравненно лучше, уже излагалось в печати.

Итак, это учреждение, претендовавшее быть новой центральной властью в Германии, оставило все в том же самом виде, в каком застало. Далекое от того, чтобы осуществить давно ожидаемое единство Германии, оно не устранило ни одного, хотя бы ничтожнейшего, из властвовавших в Германии монархов; оно не укрепило связей между ее разрозненными провинциями; оно ровным счетом ничего не сделало для того, чтобы разрушить таможенные заставы, которые отделяли Ганновер от Пруссии и Пруссию от Австрии; оно не сделало даже слабой попытки уничтожить ненавистные пошлины, которые в Пруссии повсюду препятствовали речному судоходству. Но чем меньше Национальное собрание делало, тем больше производило оно шума. Оно создало германский флот, но на бумаге; оно присоединило Польшу и Шлезвиг; оно разрешило немецкой Австрии вести войну против Италии, но воспретило итальянцам преследовать австрийцев на германской территории — в этом надежном убежище для австрийских войск; оно то и дело разражалось приветственными возгласами по адресу Французской республики и принимало венгерские посольства, которые возвращались домой, несомненно, с еще более смутными представлениями о Германии, чем те, какие у них были до поездки.

Это Собрание в начале революции было пугалом для всех германских правительств. Правительства ожидали от него весьма диктаторских и революционных действий в силу полной неопределенности, в которой было признано необходимым оставить вопрос о его компетенции. Чтобы ослабить влияние этого внушавшего страх учреждения, они раскинули чрезвычайно обширную сеть интриг. Но они оказались более удачливыми, чем проницательными, так как в действительности это Собрание выполняло дело правительств лучше, чем они могли бы выполнить его сами. Главным козырем в интригах правительств был созыв местных законодательных собраний; в соответствии с этим не только мелкие государства созвали свои палаты, но и Пруссия и Австрия созвали у себя учредительные собрания. В этих собраниях, как и во Франкфуртском парламенте, большинство принадлежало либеральной буржуазии или ее союз-пикам — либеральным адвокатам и чиновникам; и в каждом из них дела приняли почти один и тот же оборот. Единственным

отличием было лишь то, что германское Национальное собрание было парламентом какой-то воображаемой страны, так как оно отказалось от создания объединенной Германии, т. е. как раз от того, что было первым условием его собственного существования; что оно обсуждало воображаемые, не имевшие никаких шансов на осуществление, мероприятия им же самим созданного воображаемого правительства и принимало воображаемые постановления, до которых никому не было дела. Напротив, учредительные собрания в Австрии и Пруссии были как-никак действительными парламентами; они свергали и назначали действительных министров и навязывали, хотя бы только на время, свои постановления монархам, с которыми им приходилось бороться. Они тоже отличались трусостью, им тоже недоставало широкого понимания революционных мероприятий; они тоже предали народ и возвратили власть в руки феодального, бюрократического и военного деспотизма. Но положение вынуждало их, по крайней мере, обсуждать практические вопросы, представляющие непосредственный интерес, и жить на земле среди прочих смертных, между тем как франкфуртские болтуны испытывали наивысшее счастье, когда им удавалось парить в «воздушном царстве грез», «im Luftreich des Traums»[23]. Поэтому дебаты берлинского и венского учредительных собраний составляют важную часть истории германской революции, между тем как ораторские потуги шутовской франкфуртской коллегии могут заинтересовать лишь коллекционера литературных и антикварных диковин.

Немецкий народ, глубоко чувствуя необходимость покончить с ненавистной территориальной раздробленностью, которая распыляла и сводила к нулю совокупную силу нации, некоторое время ожидал, что франкфуртское Национальное собрание хотя бы положит начало новой эре. Но ребяческое поведение этой компании премудрых мужей быстро охладило национальный энтузиазм. Их позорный образ действий в связи с заключением перемирия в Мальмё (сентябрь 1848 г.)[24] вызвал взрыв народного возмущения против этого Собрания, от которого ожидали, что оно обеспечит нации свободную арену для деятельности, но которое вместо этого, охваченное неслыханной трусостью, только вернуло прежнюю прочность устоям, лежащим в основе нынешней контрреволюционной системы.

Лондон, январь 1852 г.

VIII
ПОЛЯКИ, ЧЕХИ И НЕМЦЫ [25]

Из того, что было изложено в предыдущих статьях, уже ясно, что, коль скоро за мартовской революцией 1848 г. не последовало новой революции, Германия неизбежно должна была вернуться к тому положению вещей, которое имело место перед этим событием. Однако историческая проблема, на которую мы хотим пролить некоторый свет, настолько сложна по своему характеру, что нельзя вполне понять последующие события, не учитывая того, что можно назвать международными отношениями германской революции. А эти международные отношения отличались таким же запутанным характером, как и внутренние дела.

Вся восточная половина Германии до Эльбы, Заале и Богемского Леса* за последнее тысячелетие, как хорошо известно, была отвоевана у завоевателей славянского происхождения. Большая часть этих территорий подверглась германизации, в результате которой славянская национальность и язык там совершенно исчезли уже несколько столетий тому назад. И если оставить в стороне немногие совершенно изолированные остатки, насчитывающие в совокупности менее ста тысяч душ (кашубы в Померании, венды или сорбы в Лужице), то жители здесь — во всех отношениях немцы. Иначе обстоит дело на протяжении всей границы с прежней Польшей и в странах чешского языка, в Богемии и Моравии. Здесь в каждом округе перс-мешаны две национальности: города в общем являются более или менее немецкими, между тем как в деревнях преобладает славянский элемент, хотя и здесь он постепенно распыляется и оттесняется непрерывным ростом немецкого влияния.

* — Чешского Леса. *Ред.*

Причина такого положения вещей заключается в следующем. Со времен Карла Великого немцы прилагали самые неуклонные, самые настойчивые усилия к тому, чтобы завоевать, колонизовать или, по меньшей мере, цивилизовать Восток Европы. Завоевания, сделанные феодальным дворянством между Эльбой и Одером, и феодальные колонии военных рыцарских орденов в Пруссии и Ливонии лишь пролагали пути для несравненно более широкой и действенной систематической германизации при посредстве торговой и промышленной буржуазии, социальное и политическое значение которой, начиная с XV века, в Германии возрастало так же, как и в остальных странах Западной Европы. Славяне, в частности западные славяне — поляки и чехи, — по преимуществу земледельцы; торговля и промышленность никогда не были у них в большом почете. Вследствие этого с ростом населения и возникновением городов производство всех промышленных товаров попало в этих странах в руки немецких иммигрантов, а обмен этих товаров на сельскохозяйственные сделался исключительной монополией евреев, которые, если они вообще принадлежат к какой-либо национальности, в этих странах являются, несомненно, скорее немцами, чем славянами. То же самое было, хотя и в меньшей степени, и на всем Востоке Европы. В Петербурге, Пеште, Яссах и даже Константинополе ремесленником, мелким торговцем, мелким фабрикантом до сего дня является немец; напротив, ростовщик, трактирщик, разносчик — весьма важная персона в этих странах с редким населением — почти всегда еврей, родным языком которого является исковерканный до неузнаваемости немецкий. Значение немецкого элемента в пограничных славянских областях, неизменно возраставшее с ростом городов, торговли и промышленности, еще больше усилилось, когда выяснилась необходимость ввозить из Германии почти все элементы духовной культуры. Вслед за немецким купцом и ремесленником на славянской земле осели немецкий пастор, немецкий школьный учитель, немецкий ученый. И, наконец, железная поступь завоевательных армий или осторожные, тщательно обдуманные захватнические акты дипломатии не только следовали за медленным, но верным процессом денационализации, происходившим под влиянием социального развития, но зачастую опережали этот процесс. Так, значительные части Западной Пруссии и Познани были онемечены после первого раздела Польши посредством продажи и пожалования государственных земель немецким колонистам, поощрения немецких капиталистов к основанию в этих смежных областях промыш-

ленных предприятий и т. д., а также очень часто посредством самых деспотических мер против польского населения страны.

Таким образом, за последние 70 лет пограничная линия между немецкой и польской национальностями совершенно переместилась. Революция 1848 г. сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела; совершенно естественно поэтому, что поляки немедленно потребовали восстановления своей страны в границах старой Польской республики до 1772 года. Правда, эта граница уже и в то время устарела, если брать ее как демаркационную линию между немецкой и польской национальностями, и с каждым годом становилась все более устарелой по мере того, как шел вперед процесс германизации. Однако, поскольку немцы с таким воодушевлением высказывались за восстановление Польши, они должны были ожидать, что их попросят в качестве первого доказательства искренности их симпатий отказаться от *своей* части награбленной добычи. Но, с другой стороны, неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закрепощении сельского населения? Вопрос был достаточно сложен. Единственным возможным его разрешением была война против России. Тогда вопрос о размежевании между различными охваченными революцией нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы более сговорчивыми и более умеренными в своих требованиях на западе; в конце концов Рига и Митава[*] оказались бы для них не менее важными, чем Данциг и Эльбинг[**]. Поэтому передовая партия в Германии, считая войну против России необходимой для того, чтобы оказать поддержку движению на континенте, и будучи убеждена, что восстановление национальной независимости хотя бы только части Польши неминуемо привело бы к этой войне, поддерживала поляков. Напротив, для правящей либеральной буржуазной партии было ясно, что национальная война против России приведет к ее собственному ниспровержению, так как такая война выдвинет и поставит

[*] Латышское название: Елгава. *Ред.*
[**] Польские названия: Гданьск и Эльблонг. *Ред.*

у власти более активных и энергичных людей; поэтому она, прикидываясь энтузиасткой распространения немецкой национальности, объявила прусскую Польшу, главный очаг польского революционного брожения, неотделимой составной частью будущей германской империи. Обещания, данные полякам в первые дни возбуждения, были постыдно нарушены; польские вооруженные отряды, организованные с согласия правительства, были рассеяны и перебиты прусской артиллерией, и уже в апреле 1848 г., всего шесть недель спустя после берлинской революции, польское движение было подавлено и между немцами и поляками снова возродилась старая национальная вражда. Эту огромную и неоценимую услугу российскому самодержцу оказали либеральные министры-коммерсанты Кампгаузен и Ганземан. Следует добавить, что польская кампания была первым средством, чтобы реорганизовать и вновь придать мужество той самой прусской армии, которая потом свергла либеральную партию и подавила движение, вызвать к жизни которое стоило гг. Кампгаузену и Ганземану таких трудов. «Чем согрешишь, тем и будешь наказан». Такова была вообще судьба всех выскочек 1848 и 1849 гг., от Ледрю-Роллена до Шангарнье и от Кампгаузена до Гайнау.

Национальный вопрос послужил поводом к борьбе и в Богемии. У этой страны, населенной двумя миллионами немцев и тремя миллионами славян, говорящих по-чешски, были великие исторические воспоминания, почти сплошь связанные с прежним главенствующим положением чехов. Но мощь этой ветви семьи славянских народов была сломлена со времени гуситских войн в XV веке[26]; страны чешского языка были разделены: одна часть составила королевство Богемию, другая — княжество Моравию, третья, карпатская горная страна словаков, вошла в состав Венгрии. С тех пор мораване и словаки давно утратили всякие следы национального сознания и национальной жизнеспособности, хотя в значительной степени и сохранили свой язык. Богемия с трех сторон была окружена совершенно немецкими областями. Немецкий элемент сделал большие успехи на ее собственной территории; даже в столице, в Праге, обе национальности были почти равны по численности, а капитал, торговля, промышленность и духовная культура повсюду были в руках немцев. Профессор Палацкий, главный борец за чешскую национальность, — это всего лишь свихнувшийся ученый немец; он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить по-чешски. Но, как это часто бывает, умирающая чешская национальность — умирающая, судя по всем известным из истории последних четырех

столетий фактам, — в 1848 г. сделала последнее усилие вернуть себе свою былую жизнеспособность, и крушение этой попытки должно, независимо от всех революционных соображений, доказать, что Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить не на немецком языке.

Лондон, февраль 1852 г.

IX
ПАНСЛАВИЗМ.
ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНСКАЯ ВОЙНА

Богемия и Хорватия (еще один из разбросанных членов славянской семьи, который подвергался со стороны венгров подобному же воздействию, какому Богемия подвергалась со стороны немцев) были родиной того, что на европейском континенте называется «панславизмом». Ни Богемия, ни Хорватия не были достаточно сильны, чтобы существовать как самостоятельные нации. Обе эти национальности, постепенно подтачиваемые действием исторических причин, неизбежно ведущих к поглощению их более энергичными народами, могли надеяться на восстановление известной самостоятельности лишь при условии союза с другими славянскими нациями. Существует 22 миллиона поляков, 45 миллионов русских, 8 миллионов сербов и болгар; почему бы не составить мощную конфедерацию из всех 80 миллионов славян, чтобы оттеснить или уничтожить непрошенных гостей, вторгшихся на святую славянскую землю, — турок, венгров и прежде всего ненавистных и тем не менее необходимых Niemetz, немцев! Таким-то образом в кабинетах нескольких славянских историков-дилетантов возникло это нелепое, антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город — деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру — примитивному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице *Российской империи*— той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной его части — русских; той империи, которая, обладая двумя столицами — Петербургом и Москвой, — все еще не может обрести своего центра тяжести, пока *«город царя»* (Константинополь, по-русски — Царьград, царский город), который всякий русский крестьянин считает истинным центром своей религии и своей нации,

не станет фактической резиденцией русского императора; той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой ею войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новоиспеченную теорию панславизма, теорию, изобретение которой как нельзя лучше соответствовало целям этой политики. Так, чешские и хорватские панслависты, одни преднамеренно, другие не сознавая этого, действовали прямо в интересах России; они предавали дело революции ради призрака национальности, которую в лучшем случае ожидала бы судьба польской национальности под русским господством. Следует, однако, отметить к чести поляков, что они никогда серьезно не попадались на эту панславистскую удочку, и если некоторые из польских аристократов сделались ярыми панславистами, то они знали, что под русским игом они потеряют меньше, чем от восстания своих собственных крепостных.

Чехи и хорваты созвали в Праге общеславянский съезд для подготовки всеобщего славянского союза[27]. Даже если бы не вмешались австрийские войска, этот съезд все равно потерпел бы провал. Отдельные славянские языки в такой же степени отличаются один от другого, как английский, немецкий и шведский; поэтому при открытии прений выяснилось отсутствие общего славянского языка, который был бы понятен всем участникам дебатов. Попробовали говорить по-французски, но большинство не понимало и этого языка, и вот бедные славянские энтузиасты, у которых единственным общим чувством только и была общая их ненависть к немцам, в конце концов были вынуждены объясняться на ненавистном немецком языке — единственном понятном для всех собравшихся! Но как раз в это же время в Праге сосредоточивался другого рода славянский съезд — в лице галицийских улан, хорватских и словацких гренадеров и чешских артиллеристов и кирасиров, и этот подлинный, вооруженный славянский съезд под командой Виндишгреца менее чем в двадцать четыре часа выгнал из города основателей воображаемой славянской гегемонии и рассеял их во все стороны.

Чешские, моравские, далматинские депутаты и часть польских депутатов (аристократия) австрийского Учредительного рейхстага вели в нем систематическую войну против немецкого элемента. Немцы и часть поляков (разорившееся дворянство) были в этом рейхстаге главной опорой революционного прогресса. Находившееся в оппозиции к ним большинство славянских депутатов не довольствовалось этим открытым проявлением

реакционных тенденций всего их движения в целом; эти депутаты опустились до того, что стали интриговать и прибегать к тайному сговору с тем самым австрийским правительством, которое разогнало их собрание в Праге. И они получили по заслугам за свое позорное поведение. После того как славянские депутаты оказали правительству поддержку во время октябрьского восстания 1848 г., которое, в конечном счете, им же обеспечило большинство в Учредительном рейхстаге, этот— теперь уже почти исключительно славянский — рейхстаг был, подобно пражскому съезду, разогнан австрийскими солдатами, и панславистам пригрозили тюрьмой, если они опять вздумают пошевелиться. И они добились лишь того, что славянская национальность теперь повсюду подтачивается австрийской централизацией — результат, которым они обязаны своему собственному фанатизму и ослеплению.

Если бы границы Венгрии и Германии оставляли место каким-либо сомнениям, то и здесь непременно разгорелась бы ссора. Но, к счастью, к этому не было поводов, и обе нации, интересы которых были тесно связаны, боролись против одних и тех же врагов — против австрийского правительства и панславистского фанатизма. Доброе согласие не было нарушено здесь ни на один момент. Но в результате итальянской революции, по крайней мере, часть Германии оказалась вовлеченной в междоусобную войну, и здесь необходимо констатировать — в доказательство того, до какой степени меттерниховской системе удалось затормозить развитие общественного сознания, — что те самые люди, которые в течение первых шести месяцев 1848 г. бились на баррикадах в Вене, шли с воодушевлением в армию, сражавшуюся против итальянских патриотов. Однако это прискорбное заблуждение продолжалось недолго.

Наконец, велась еще война с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна. Эти области, несомненно немецкие по национальности, языку и симпатиям населения, необходимы Германии также и по военным, морским и торговым соображениям. Жители этих областей в течение последних трех лет вели упорную борьбу против датского вторжения. На их стороне было, кроме того, и право, основанное на договорах. Мартовская революция привела их к открытому конфликту с датчанами, и Германия оказала им поддержку. Но в то время как в Польше, в Италии, в Богемии, а позже в Венгрии, военные операции велись в высшей степени энергично, в этой войне, единственно популярной, единственно хотя бы отчасти революционной, была принята система бесполезных маршей и контрмаршей и было допущено даже вмешательство иностранной дипломатии, что и привело

все дело, после многих героических сражений, к самому жалкому концу. Во время этой войны немецкие правительства при каждом удобном случае предавали революционную армию Шлезвиг-Гольштейна и умышленно позволяли датчанам уничтожать ее, когда она оказывалась рассеянной или разделенной на части. Подобным же образом обращались с отрядами немецких волонтеров.

Но в то время как немецкое имя при таких обстоятельствах ничего не стяжало кроме всеобщей ненависти, немецкие конституционные и либеральные правительства только потирали руки от радости. Им удалось подавить польское и чешское движения. Повсюду они пробудили старую национальную вражду, которая до сих пор препятствовала какому бы то ни было соглашению и совместному действию немцев, поляков и итальянцев. Они приучили население к сценам гражданской войны и к репрессиям, чинимым войсками. Прусская армия в Польше и австрийская в Праге вновь обрели уверенность в себе. И в то время как обуреваемую чрезмерным патриотическим пылом («die patriotische Uberkraft» — по выражению Гейне[28]) революционную, но близорукую молодежь спровадили в Шлезвиг и Ломбардию, чтобы обречь ее там на гибель под картечью врага, — в это самое время регулярным армиям, действительному орудию как Австрии, так и Пруссии, дали возможность победами над чужеземцами вернуть себе благосклонность публики. Но повторяем: едва'лишь эти армии, которые либералы усилили, дабы использовать их как орудие против более радикальной партии, восстановили до некоторой степени веру в свои силы и дисциплину, как они повернули оружие против самих либералов и вернули власть представителям старой системы. Когда Радецкий в своем лагере у реки Адидже получил первые приказы «ответственных министров» из Вены, он воскликнул: «Кто эти министры? Это не австрийское правительство! Австрия теперь существует только в моем лагере; я и моя армия — вот Австрия; когда мы разобьем итальянцев, мы отвоюем империю императору!». И старик Радецкий был прав. Но безмозглые «ответственные» министры в Вене не обратили на него внимания.

Лондон, февраль 1852 г.

X
ПАРИЖСКОЕ ВОССТАНИЕ.
ФРАНКФУРТСКОЕ СОБРАНИЕ

Уже в начале апреля 1848 г. революционный поток на всем континенте Европы был остановлен посредством союза с побежденными, немедленно же заключенного теми классами общества, которые извлекли выгоду из первых побед. Во Франции мелкая буржуазия и республиканская фракция буржуазии объединились с монархической буржуазией против пролетариата. В Германии и Италии победившая буржуазия ревностно домогалась поддержки феодального дворянства, государственной бюрократии и армии против народных масс и мелких буржуа. Очень скоро объединенные консервативные и контрреволюционные партии снова получили перевес. В Англии несвоевременная и плохо подготовленная народная демонстрация (10 апреля) окончилась полным и решительным поражением партии движения[29]. Во Франции два подобных выступления (16 апреля и 15 мая) тоже окончились неудачей[30]. В Италии король-бомба[*] 15 мая одним ударом восстановил свою власть[31]. В Германии различные новые буржуазные правительства и их учредительные собрания упрочили свое положение, и хотя богатый событиями день 15 мая в Вене закончился победой народа, все же это событие имело лишь второстепенное значение и может считаться последней успешной вспышкой народной энергии. В Венгрии движение, казалось, входило в спокойное русло безупречно соблюдаемой законности, а польское движение, как мы уже упоминали в одной из предыдущих статей, еще в зародыше было подавлено прусскими штыками. Однако все это далеко не предрешало, какой оборот примут в конце концов дела, и каждая пядь земли, которую теряли революционные партии в разных странах, лишь побуждала их теснее сплачивать свои ряды для решительных действий.

---

[*] — Фердинанд II. *Ред.*

Эти решительные действия приближались. Они могли разыграться в одной только Франции: действительно, пока Англия не принимала участия в революционной борьбе, а Германия оставалась раздробленной, Франция благодаря своей национальной самостоятельности, цивилизации и централизации была единственной страной, которая могла дать окружающим странам толчок к мощным потрясениям. Поэтому, когда 23 июня 1848 г. в Париже началась кровавая борьба и каждое новое сообщение, переданное телеграфом или почтой, все яснее раскрывало перед глазами Европы тот факт, что эту борьбу ведут между собой масса рабочих, с одной стороны, и все остальные классы парижского населения, поддерживаемые армией, — с другой; когда бои затянулись на несколько дней — с ожесточением, неслыханным в истории современных гражданских войн, но без заметных успехов для того или другого лагеря, — тогда всякому сделалось ясно, что это и есть великая, решающая битва, которая в случае победы восстания захлестнет весь континент повой волной революций, в случае же поражения приведет, по меньшей мере, к временному восстановлению контрреволюционного режима.

Парижские пролетарии были разбиты, обескровлены, раздавлены настолько, что они и теперь еще не оправились от удара. И немедленно во всей Европе новые и старые консерваторы и контрреволюционеры подняли голову с такой наглостью, которая свидетельствовала, насколько хорошо они уразумели значение того, что произошло. Печать повсюду стала подвергаться преследованиям, право собраний и союзов было ограничено; каждым ничтожным происшествием в каком-либо маленьком провинциальном городке начали пользоваться как поводом для того, чтобы разоружить народ, объявить осадное положение и обучить войска тем новым маневрам и приемам, которые преподал им Кавеньяк. И, кроме того, впервые со времен Февраля было доказано, что непобедимость народного восстания в большом городе является иллюзорной; честь армии была восстановлена; войска, которые до сих пор всегда терпели поражение в сколько-нибудь значительных уличных боях, вновь приобрели уверенность в том, что им по плечу и такого рода борьба.

Со времени этого поражения парижских рабочих ведут свое начало и первые реальные шаги и определенные планы старой феодально-бюрократической партии Германии, направленные к тому, чтобы отделаться даже от своей временной союзницы — буржуазии, и восстановить положение, существовавшее в Германии до мартовских событий. Армия снова стала решающей силой в государстве и армия принадлежала не буржуазии, а именно этой партии. Даже в Пруссии, где перед 1848 г. среди

части низших офицеров наблюдались сильные симпатии к конституционному режиму, беспорядок, внесенный в армию революцией, снова сделал этих склонных к рассуждениям молодых людей верными своему служебному долгу. Стоило лишь простым солдатам допустить некоторую вольность по отношению к офицерам, как для последних сразу стала более чем очевидной необходимость дисциплины и беспрекословного повиновения. Побежденные дворяне и бюрократы начали теперь понимать, что надо делать. Следовало только постоянно вовлекать в мелкие конфликты с народом армию, более сплоченную, чем когда бы то ни было, упоенную победами, которые она одержала, подавляя мелкие восстания, а также во время военных действий за границей, и жаждавшую тех же крупных лавров, какие только что стяжала себе французская солдатня, — и эта самая армия в решительную минуту одним сильным ударом могла бы уничтожить революционеров и положить конец заносчивости буржуазных парламентариев. Подходящий момент для такого решительного удара наступил очень скоро.

Мы оставляем в стороне порой любопытные, но в большинстве случаев скучные парламентские дебаты и местные конфликты, которыми были поглощены в течение лета различные партии в Германии. Достаточно сказать, что большинство защитников буржуазных интересов, несмотря на многочисленные парламентские победы, из которых ни одна не привела к какому-либо практическому результату, в общем чувствовали, что их положение между крайними партиями становится с каждым днем все более неустойчивым; поэтому они оказались вынужденными сегодня добиваться союза с реакционерами, а завтра заискивать перед более демократическими партиями в погоне за их благосклонностью. Эти постоянные колебания окончательно уронили их в глазах общественного мнения, и, в соответствии с дальнейшим оборотом дел, то презрение, которое они навлекли на себя, оказалось в данный момент на руку главным образом бюрократам и феодалам.

К началу осени отношения между различными партиями до крайности обострились и стали настолько критическими, что решительное сражение стало неизбежным. Первая схватка в этой войне демократических и революционных масс против армии произошла во Франкфурте. Хотя столкновение это и было второстепенным, но войска впервые получили здесь сколько-нибудь заметный перевес над восстанием, и это произвело огромное моральное действие. Пруссия по вполне понятным причинам позволила иллюзорному правительству, учрежденному франкфуртским Национальным собранием, заключить

такое перемирие с Данией, которое не только выдало шлезвигских немцев на расправу датчанам, но и явилось полным отрицанием более или менее революционных принципов, лежавших, согласно общему убеждению, в основе датской войны. Франкфуртское собрание отклонило это перемирие большинством в два или три голоса. За этим голосованием последовала комедия министерского кризиса, однако через три дня после этого Собрание пересмотрело свое решение и вынуждено было фактически отменить его и признать перемирие. Этот позорный поступок вызвал негодование в народе. Были воздвигнуты баррикады, но во Франкфурт уже было стянуто достаточно войск, и после шестичасового боя восстание было подавлено. Такие же, хотя и менее значительные волнения в связи с этим событием произошли и в других частях Германии (в Бадене, Кёльне), по все они точно так же были подавлены.

Эта предварительная стычка принесла контрреволюционной партии одну огромную выгоду, заключающуюся в том, что единственное правительство, которое — по крайней мере по видимости — вышло всецело из народных выборов, а именно имперское правительство во Франкфурте, равно как и франкфуртское Национальное собрание потеряли в глазах народа всякий авторитет. Это правительство и это Собрание вынуждены были прибегнуть к солдатским штыкам против народа, выражавшего свою волю. Они были скомпрометированы, и как ни мало прав на уважение заслужили они до сих пор, это отречение от своего происхождения, эта зависимость от враждебных народу правительств и их войск превратили отныне имперского регента и его министров и депутатов в полные нули. Мы скоро увидим, с каким презрением встречали потом — сначала Австрия, за ней Пруссия, а затем также и мелкие государства— всякое распоряжение, всякую просьбу и всякую депутацию, которые исходили от этого сборища бессильных фантазеров.

Мы подходим теперь к тому мощному отклику, который вызвала в Германии французская июньская битва, к событию, которое для Германии имело столь же решающее значение, как для Франции пролетарская борьба в Париже. Мы имеем в виду восстание и последовавший затем штурм Вены в октябре 1848 года. Но значение этой борьбы настолько велико, а с другой стороны, объяснение различных обстоятельств, оказавших более непосредственное влияние на ее исход, потребует столько места в «Tribune», что мы вынуждены посвятить изложению этой темы особую статью.

Лондон, февраль 1852 г.

XI
ВЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Мы подходим теперь к тому решающему событию, которое в Германии явилось революционной параллелью июньскому восстанию в Париже и которое одним ударом склонило весы на сторону контрреволюционной партии: к венскому восстанию в октябре 1848 года.

Мы видели, какова была позиция различных классов Вены после победы 13 марта. Мы видели также, как движение в немецкой Австрии переплелось с событиями в ненемецких провинциях Австрии и тормозилось ими. Следовательно, теперь нам остается только дать краткий обзор причин, которые привели к последнему и самому грозному восстанию в немецкой Австрии.

Высшее дворянство и финансовая буржуазия, бывшие главной неофициальной опорой меттерниховского режима, смогли даже и после мартовских событий сохранить решающее влияние на правительство, используя при этом не только двор, армию и бюрократию, но в еще большей степени страх перед «анархией», который быстро распространялся среди буржуазии. Они очень скоро осмелились пустить несколько пробных шаров в виде закона о печати, расплывчатой аристократической конституции и избирательного закона, в основе которого лежало старинное разделение на «сословия»[32]. Так называемое конституционное министерство, состоящее из трусливых и неспособных полулиберальных бюрократов, 14 мая отважилось даже на прямое нападение на революционные организации масс, распустив Центральный комитет, образованный из делегатов от национальной гвардии и Академического легиона, — организацию, которая была специально создана для того, чтобы контролировать правительство и в случае необходимости поднимать против него народные силы. Но этот акт лишь вызвал восстание 15 мая, которое заставило правительство признать Комитет, отменить конституцию и избирательный закон и

передать полномочия на выработку нового основного закона Учредительному рейхстагу, который должен был быть избран на основе всеобщего избирательного права. Все это было подтверждено императорской прокламацией, изданной на следующий день. Но реакционной партии, у которой были свои представители в министерстве, скоро удалось побудить своих «либеральных» коллег к новому посягательству на завоевания народа. Академический легион был оплотом партии движения, центром постоянной агитации и именно поэтому он стал ненавистным для более умеренных венских бюргеров. 26 мая министерским приказом он был распущен. Удар, пожалуй, увенчался бы успехом, если бы исполнение приказа было поручено только части национальной гвардии, но правительство, которое не доверяло и этой гвардии, пустило в дело войска, и национальная гвардия тотчас же круто повернула, соединилась с Академическим легионом и таким образом расстроила план министерства.

Между тем император* еще 16 мая вместе со своим двором покинул Вену и бежал в Инсбрук. Здесь в окружении фанатичных тирольцев, верноподданнические чувства которых пробудились с новой силой под влиянием опасности вторжения в их страну сардинско-ломбардской армии, опираясь на находившуюся поблизости — на расстоянии пушечного выстрела от Инсбрука — армию Радецкого, контрреволюционная партия нашла себе прибежище, откуда она, избавленная от всякого контроля и наблюдения, от всякой опасности, могла собирать свои рассеянные силы, плести и раскидывать по всей стране сеть интриг. Были восстановлены сношения с Радецким, Елачичем и Виндишгрецем, а также с надежными людьми из административной иерархии различных провинций, были пущены в ход интриги с вождями славян; таким образом в распоряжении контрреволюционной камарильи оказались реальные силы, между тем как беспомощным министрам в Вене было предоставлено растрачивать свою кратковременную и незначительную популярность в постоянных столкновениях с революционными массами и в предстоящих дебатах Учредительного рейхстага. Итак, политика, состоявшая в том, чтобы на время предоставить движение в столице его собственному ходу, политика, которая в централизованной и однородной стране вроде Франции сделала бы партию движения всемогущей, — здесь, в Австрии, в разношерстном политическом конгломерате,

* — Фердинанд I. *Ред.*

явилась одним из вернейших средств для реорганизации реакционных сил.

В Вене буржуазия, убежденная в том, что после трех последовавших друг за другом поражений двора и при наличии Учредительного рейхстага, существующего на основе всеобщего избирательного права, ей уже нечего опасаться такого противника как придворная партия, все более и более поддавалась той усталости и апатии и тому вечному стремлению к порядку и спокойствию, которые всегда охватывают этот класс после сильных потрясений и вызванной ими дезорганизации деловой жизни. Промышленность австрийской столицы ограничивается почти исключительно производством предметов роскоши, спрос на которые с момента революции и после бегства двора, разумеется, резко сократился. Призывы к восстановлению упорядоченной системы правления и к возвращению двора — и то и другое, как надеялись, должно было вновь принести торговое процветание — стали теперь среди буржуазии всеобщими. Открытие Учредительного рейхстага в июле восторженно приветствовали как конец революционной эры. Так же приветствовали и возвращение двора, который после побед Радецкого в Италии и прихода к власти реакционного министерства Добльхоффа почувствовал себя достаточно сильным, чтобы не бояться натиска народа, и вместе с тем считал свое присутствие в Вене необходимым для того, чтобы довести до конца интриги, начатые со славянским большинством рейхстага. В то время как Учредительный рейхстаг обсуждал законы об освобождении крестьянства от феодальных оков и от принудительного труда на дворян, двор успешно предпринял ловкий маневр. Императору предложили произвести 19 августа смотр национальной гвардии: члены императорской фамилии, придворные, генералы соперничали друг с другом в лести по адресу вооруженных бюргеров, которые и так уже были упоены гордым сознанием, что их публично признают одной из решающих сил в государстве. Немедленно после этого появился подписанный г-ном Шварцером, единственным популярным министром в кабинете, приказ, который лишал безработных выдававшегося им до тех пор государственного пособия. Уловка удалась. Рабочие устроили демонстрацию; буржуазная национальная гвардия высказалась за приказ своего министра; национальные гвардейцы напали на «анархистов»; как тигры, набросились они 23 августа на безоружных, не оказавших сопротивления рабочих и многих из них перебили. Так были сломлены единство и мощь революционных боевых сил. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом в Вене тоже дошла, таким

образом, до кровавой схватки, и контрреволюционная камарилья уже видела приближение того дня, когда она сможет нанести решительный удар.

Венгерские дела очень скоро дали повод открыто провозгласить те принципы, которыми контрреволюционная камарилья собиралась руководствоваться в своих действиях. Опубликованный 5 октября в официальной «Wiener Zeitung» императорский указ, под которым не было подписи ни одного венгерского ответственного министра, объявлял о роспуске венгерского сейма и назначении гражданским и военным губернатором Венгрии хорватского бана Елачича, вождя южнославянской реакции, человека, который вел открытую войну с законными властями Венгрии. В то же время войска, стоявшие в Вене, получили приказ выступить в поход и присоединиться к армии, которая должна была стать опорой власти Елачича. Но это значило сделать слишком явным весь черный замысел; каждый житель Вены почувствовал, что война против Венгрии равносильна войне против принципа конституционного правления. Принцип этот был в данном указе попран уже тем, что император попытался придать своим распоряжениям, не скрепленным подписью ответственного министра, силу закона. 6 октября народ, Академический легион и национальная гвардия Вены подняли массовое восстание и воспротивились отправке войск. Некоторые гренадеры перешли на сторону народа; произошла короткая схватка между боевыми силами народа и войсками; военный министр Латур был убит народом, и к вечеру народ оказался победителем. Тем временем бан Елачич, разбитый Перцелем под Штульвейсенбургом*, бежал на немецко-австрийскую территорию близ Вены. Венский гарнизон, который должен был выйти к нему на помощь, вместо этого обнаружил по отношению к нему явную враждебность и приготовился к обороне; император и двор снова бежали, на этот раз в Ольмюц**, на полуславянскую территорию.

Но в Ольмюце двор находился в совершенно иных условиях, чем это было в Инсбруке. Теперь он был в состоянии уже непосредственно начать поход против революции. Он был окружен славянскими депутатами Учредительного рейхстага, которые толпами стекались в Ольмюц, и славянскими энтузиастами из всех частей монархии. Военный поход, как им представлялось, должен был превратиться в войну за восстановление славянства и в истребительную войну против обоих пришельцев,

* Венгерское название: Секешфехервар. *Ред.*
** Чешское название: Оломоуц. *Ред.*

вторгшихся в страну, которую они считали славянской, — против немцев и мадьяр. Виндишгрец, завоеватель Праги, а теперь командующий армией, сосредоточенной вокруг Вены, сразу сделался славянским национальным героем. Его армия с большой быстротой концентрировала свои силы, прибывавшие отовсюду. Из Богемии, Моравии, Штирии, Верхней Австрии и Италии полки за полками шли по направлению к Вене, чтобы соединиться с войсками Елачича и с прежним гарнизоном Вены. Таким образом, к концу октября скопилось свыше 60 тысяч человек, которые вскоре начали со всех сторон окружать столицу империи, пока, наконец, к 30 октября они не продвинулись настолько, что можно было отважиться на решительный штурм.

Между тем в Вене царили растерянность и замешательство. Буржуазию, как только победа была одержана, опять охватило старое недоверие к «анархическому» рабочему классу. Рабочие, отлично помня, как за шесть недель перед тем обошлись с ними вооруженные буржуа, помня о непостоянной, полной колебаний политике буржуазии в целом, не хотели доверить ей оборону города и потребовали себе оружия и создания своей собственной военной организации. Академический легион, обуреваемый жаждой борьбы против императорского деспотизма, был совершенно неспособен понять истинную причину взаимного отчуждения обоих классов, да и вообще не мог понять тех требований, которые диктовались создавшимся положением. Путаница царила и в головах народа и в руководящих кругах. Остатки рейхстага: немецкие депутаты и несколько славян, — которые, за исключением немногих революционных польских депутатов, занимались шпионажем в пользу своих ольмюцских друзей, — стали заседать непрерывно. Но вместо энергичных действий они тратили все свое время на праздные дебаты по вопросу о том, можно ли дать отпор императорской армии, не выходя за рамки конституционной законности. Правда, Комитет безопасности, составленный из представителей почти всех демократических организаций Вены, готов был оказать сопротивление, по руководящую роль в нем играло большинство, состоявшее из бюргеров и мелких ремесленников и торговцев, которые никогда не допустили бы его до решительных, энергичных действий. Комитет Академического легиона принимал героические резолюции, но отнюдь не был способен к роли руководителя. Рабочие, окруженные недоверием, безоружные, неорганизованные, едва выбивавшиеся из того духовного рабства, в котором их держал старый режим, едва пробудившиеся для того, чтобы еще не осознать, а только инстинктом

почувствовать свое общественное положение и целесообразную для них политику, могли проявлять себя лишь в шумных демонстрациях; нельзя было ожидать, чтобы они могли справиться со всеми трудностями момента. Но, как и повсюду в Германии во время революции, они были готовы драться до конца, как только получили оружие.

Таково было положение в Вене. Вне Вены — реорганизованная австрийская армия, ободренная победами Радецкого в Италии, 60—70 тысяч человек, хорошо вооруженных и хорошо организованных и, какими бы недостатками ни отличалось их командование, все же имевших командиров. Внутри Вены — хаос, классовые противоречия, дезорганизация: национальная гвардия, часть которой решила вообще не сражаться, другая часть обнаруживала нерешительность, и лишь небольшая горсточка готова была действовать; пролетарская масса, сильная своей численностью, но лишенная вождей, не имевшая никакой политической подготовки, одинаково подверженная как панике, так и почти беспричинным взрывам ярости, жертва всякого ложного слуха, рвущаяся в бой, но безоружная, по крайней мере вначале, и лишь плохо вооруженная и кое-как организованная, когда ее, наконец, повели сражаться; беспомощный рейхстаг, который все еще вел диспуты о теоретических тонкостях, когда крыша над его головой была уже почти охвачена пламенем; руководящий Комитет — без воодушевления, без энергии. Все изменилось со времени мартовских и майских дней, когда в лагере контрреволюции царил полный хаос, а единственной существовавшей тогда организованной силой была та, которую создала революция. Едва ли еще оставалось место для сомнений, каков будет исход борьбы, а если и были сомнения, то их устранили события 30 и 31 октября и 1 ноября.

Лондон, март 1852 г.

XII
ШТУРМ ВЕНЫ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЕНЕ

Когда, наконец, армия Виндишгреца, сконцентрировавшись, начала наступление на Вену, силы, которые могли быть выставлены для обороны, оказались совершенно недостаточными для этой цели. Только некоторую часть национальной гвардии можно было послать в окопы. Правда, в конце концов была спешно организована пролетарская гвардия, но так как попытка использовать таким образом эту наиболее многочисленную, храбрую и энергичную часть населения была предпринята чересчур поздно, то она не могла в достаточной мере освоиться с употреблением оружия и с первыми начатками дисциплины, чтобы оказать успешное сопротивление. Таким образом, Академический легион численностью в 3—4 тысячи человек, хорошо обученный и до известной степени дисциплинированный, храбрый и полный энтузиазма, был с военной точки зрения единственной войсковой частью, способной успешно выполнять свою роль. Но что значил он вместе с небольшой надежной частью национальной гвардии и беспорядочной массой вооруженных пролетариев, что значил он по сравнению с гораздо более многочисленными регулярными войсками Виндишгреца, не говоря уже о разбойничьих ордах Елачича, которые в силу самих своих жизненных навыков были весьма полезны для такого рода военных действий, при которых приходилось брать дом за домом, переулок за переулком? И что другое, кроме нескольких старых, пришедших в негодность пушек, не имевших исправных лафетов и хорошей прислуги, могли противопоставить повстанцы многочисленной и прекрасно снабженной всем необходимым артиллерии, которой Виндишгрец дал такое бесцеремонное применение?

Чем ближе надвигалась опасность, тем более возрастало замешательство в Вене. Рейхстаг до последнего момента не решался призвать на помощь венгерскую армию Перцеля, стоявшую в нескольких милях от столицы. Комитет безопасности

принимал противоречивые решения, в соответствии с приливом или, наоборот, спадом энергии, которые он, так же как и вооруженные народные массы, испытывал по мере того, как усиливался или ослабевал поток противоречивых слухов. Все соглашались лишь в одном пункте — уважении к собственности, доходившем до таких размеров, что приданных обстоятельствах это выглядело почти комически. Для окончательной выработки плана обороны сделано было очень мало. Бем, единственный человек, который мог бы спасти Вену, если ее в то время кто-нибудь вообще мог спасти, почти никому не известный иностранец, славянин- по происхождению, под бременем всеобщего недоверия отказался от этой задачи. Если бы он настаивал на своем, его могли бы линчевать как изменника. Командовавший силами повстанцев Мессенхаузер, обладавший большими данными как писатель-романист, чем как офицер даже низшего ранга, совершенно не годился для своей роли. И тем не менее народная партия по истечении восьми месяцев революционной борьбы не выдвинула из своей среды и не привлекла со стороны более способного военачальника, чем он. При таких обстоятельствах начался бой. Венцы, если принять во внимание их совершенно недостаточные средства обороны и полное отсутствие военной подготовки и организации, оказали в высшей степени геройское сопротивление. Во многих местах приказ, данный Бемом, когда он был командующим: «защищать позицию до последнего человека», был выполнен буквально. Но сила одолела. Императорская артиллерия сметала одну за другой баррикады на длинных и широких улицах, главных артериях пригородов, и уже к вечеру второго дня битвы хорваты овладели рядом домов, расположенных против вала Старого города. Слабая и беспорядочная атака венгерской армии окончилась полной неудачей. Еще не истек срок перемирия, во время которого некоторые части, находившиеся в Старом городе, сдались, другие колебались и распространяли смятение, а остатки Академического легиона готовили новые укрепления, как императорские войска произвели вторжение и, пользуясь всеобщим замешательством, взяли приступом Старый город.

Ближайшие последствия этой победы: зверства и казни на основании законов военного времени, неслыханные жестокости и гнусности, совершенные славянскими ордами, натравленными на Вену, — все это слишком известно и потому не нуждается здесь в подробном описании. Дальнейшие последствия — совершенно новый оборот, который получили германские дела в результате поражения, венской революции, — будут освещены ниже. Остается рассмотреть еще два пункта, связанные со

штурмом Вены. У населения этого города было два союзника — венгры и немецкий народ. Где были они в этот час испытаний?

Мы видели, что венцы со всем великодушием только что освободившегося народа восстали за дело, которое, хотя, в конечном счете, и было их собственным делом, но в первую очередь и главным образом являлось делом венгров. Они предпочли принять на себя первый и самый сильный натиск австрийских войск, чем позволить им двинуться против Венгрии. И в то время как они с таким благородством выступили, чтобы поддержать своих союзников, венгры, успешно действуя против Елачича, отогнали его к Вене и своей победой усилили войска, предназначенные для нападения на этот город. При таких обстоятельствах несомненным долгом Венгрии было без промедления и со всеми наличными силами оказать помощь не заседавшему в Вене рейхстагу, не Комитету безопасности и не какому-либо другому венскому официальному органу, а *венской революции.* И если бы даже Венгрия забыла, что Вена дала первое сражение за Венгрию, то в интересах своей собственной безопасности она не должна была забывать, что Вена была единственным форпостом венгерской независимости и что после падения Вены ничто уже не могло бы задержать наступления императорских войск на Венгрию. Мы теперь очень хорошо знаем все, что венгры могли привести и приводили в оправдание своей бездеятельности во время блокады и штурма Вены: неудовлетворительное состояние их собственных боевых сил, отказ рейхстага и всех остальных официальных органов, находившихся в Вене, призвать их на помощь, необходимость оставаться на почве конституции и избегать осложнений с германской центральной властью. Что касается неудовлетворительного состояния венгерской армии, то дело обстоит так: в первые дни после революции в Вене и прибытия Елачича можно было вполне обойтись и без регулярных войск, так как австрийская регулярная армия далеко еще не была сконцентрирована; решительного и неуклонного развития успеха после первой победы над Елачичем, даже силами одного лишь народного ополчения, которое сражалось под Штульвейсенбургом, было бы вполне достаточно, чтобы установить связь с венцами и отсрочить на шесть месяцев всякую концентрацию австрийских войск. В войне, и особенно в революционной войне, быстрота действий, пока не достигнут какой-нибудь решительный успех, является основным- правилом; мы не колеблясь утверждаем, на основании *чисто военных соображений,* что Перцель не должен был останавливаться вплоть до соединения с венцами. Конечно, это было сопряжено с известным риском, но кто и

когда выигрывал какое-либо сражение, ничем не рискуя при этом? И разве венское население — четыреста тысяч человек — ничем не рисковало, навлекая на себя боевые силы, предназначенные для покорения двенадцати миллионов венгров? Военная ошибка, заключавшаяся в том, что венгры занимали выжидательную позицию, пока не произошло соединение австрийских сил, а потом предприняли под Швехатом нерешительную демонстрацию, окончившуюся, как и следовало ожидать, бесславным поражением, — эта военная ошибка несомненно заключала в себе больше риска, чем смелое наступление на Вену против потрепанных банд Елачича.

Но, говорят, такое наступление венгров, пока оно не получило одобрения со стороны какого-нибудь официального органа, было бы посягательством на германскую территорию и повлекло бы за собой осложнения с центральной властью во Франкфурте и, прежде всего, ознаменовало бы отречение венгров от легальной и конституционной политики, составлявшей якобы силу их движения. Но ведь официальные органы в Вене были не более чем нули! И разве рейхстаг или какие-нибудь демократические комитеты поднялись в защиту Венгрии? Не один ли только народ Вены взялся за оружие, чтобы дать первое сражение за независимость Венгрии? Речь шла не о необходимости оказать поддержку тому или иному официальному органу в Вене: все эти органы могли быть и очень скоро были бы опрокинуты в ходе развития революции — нет, речь шла исключительно о подъеме самой революции, о непрерывном развитии народного движения, которое только и способно было предохранить Венгрию от вторжения. Вопрос о том, какие формы могло бы принять это революционное движение в будущем, касался самих венцев, а не венгров, пока Вена и вообще немецкая Австрия оставались союзниками венгров против общего врага. Но спрашивается: в этом упорном желании венгерского правительства добиться какой-то квазилегальной санкции не следует ли видеть первый ясный симптом того притязания на довольно сомнительную законность, которое, правда, не спасло Венгрию, но зато в более поздние времена, по крайней мере, производило столь благоприятное впечатление на английскую буржуазную публику?

Совершенно несостоятельна, далее, ссылка на возможный конфликт с немецкой центральной властью во Франкфурте. Франкфуртские властители были фактически свергнуты победой контрреволюции в Вене, но точно так же они были бы свергнуты и в том случае, если бы революция нашла там необходимую поддержку для того, чтобы нанести поражение своим врагам.

Наконец, тот бесподобный аргумент, что Венгрия не должна была покидать законной и конституционной почвы, конечно, может очень импонировать британским фритредерам, но история никогда не признает его удовлетворительным. Представим себе, что 13 марта и 6 октября венцы стали бы придерживаться «законных и конституционных» средств. Какова была бы судьба того «законного и конституционного» движения, каков был бы исход всех тех славных битв, которые впервые обратили внимание цивилизованного мира на Венгрию? Та самая законная и конституционная почва, на которой венгры, по их утверждению, неизменно стояли в 1848 и 1849 гг., была завоевана для них как раз в высшей степени незаконным и неконституционным восстанием венского населения 13 марта. В нашу задачу не входит рассматривать здесь историю венгерской революции, но нам представляется уместным отметить, что совершенно нецелесообразно применять лишь законные средства сопротивления против такого врага, который насмехается над подобной щепетильностью, и что не будь этого вечного притязания на законность, которым воспользовался Гёргей, обратив его против венгерского же правительства, была бы невозможна покорность армии Гёргея своему генералу и позорная катастрофа при Вилагоше[33]. И когда в последних числах октября 1848 г. венгры во имя спасения своей чести перешли, наконец, через Лейту, разве это не было в такой же мере незаконно, как и немедленное и энергичное нападение?

Известно, что мы не питаем никаких неприязненных чувств к Венгрии. Мы выступали в ее защиту во время борьбы; мы с полным правом можем сказать, что наша газета, «Neue Rheinische Zeitung»[34], более, чем всякая другая, содействовала тому, чтобы дело венгров стало популярным в Германии; она разъясняла характер борьбы между мадьярами и славянами и откликнулась на венгерскую войну серией статей, на долю которых выпала та честь, что их плагиировали почти во всякой позднейшей книге, написанной на эту тему, не исключая и работ самих венгров и «очевидцев». Мы и теперь видим в Венгрии естественную и необходимую союзницу Германии при любом будущем потрясении на континенте Европы. Но мы были достаточно строги по отношению к нашим собственным соотечественникам и потому имеем право свободно высказать свое мнение и о наших соседях. Кроме того, регистрируя здесь факты с беспристрастием историка, мы должны сказать, что в этом частном случае великодушная отвага венского населения была не только несравненно благороднее, но и намного дальновиднее, чем робкая осмотрительность венгерского пра-

вительства. И, далее, нам, как немцам, да позволено будет заявить, что мы не променяли бы на все эффектные победы и славные битвы венгерской кампании стихийно возникшего, изолированного восстания и героического сопротивления наших соотечественников — венцев, давших Венгрии время для того, чтобы организовать армию, которая могла совершить такие великие дела.

Вторым союзником Вены был немецкий народ. Но он повсюду был вовлечен в ту же борьбу, что и венцы. Франкфурт, Баден, Кёльн только что потерпели поражение и были обезоружены. В Берлине и Бреславле* народ и войска были друг с другом на ножах, и со дня на день приходилось ожидать открытого столкновения. Таково же было положение и в каждом местном центре движения. Повсюду оставались открытыми вопросы, которые могли быть разрешены только силой оружия. И здесь-то впервые со всей остротой дали себя знать пагубные последствия сохранения старой раздробленности и децентрализации Германии. Разнообразные вопросы в каждом государстве, в каждой провинции, в каждом городе по существу были одни и те же; но везде они выступали в различных формах, при различных обстоятельствах и в разных местах достигали различных ступеней зрелости. Поэтому, хотя повсюду чувствовали решающее значение событий в Вене, однако нигде не было возможности нанести серьезный удар с какой-либо надеждой на то, что это поможет венцам, или предпринять диверсию в их пользу. Итак, никто не мог помочь, кроме парламента и центральной власти во Франкфурте. К ним взывали со всех сторон. И что же те сделали?

Франкфуртский парламент и ублюдок, появившийся на свет от преступной связи его со старым Союзным сеймом, так называемая центральная власть, воспользовались венским движением для того, чтобы обнаружить свое полное ничтожество. Это презренное Собрание, как мы видели, уже давно пожертвовало своей девственностью и, несмотря на свой юный возраст, успело уже поседеть, приобретая опыт во всех уловках болтливой и псевдодипломатической проституции. От всех грез и иллюзий о могуществе, о возрождении и единстве Германии, охвативших Собрание в первые дни его существования, не осталось ничего, кроме набора трескучих тевтонских фраз, повторявшихся при каждом удобном случае, да твердого убеждения каждого отдельного депутата в важности своей собственной персоны и в легковерии публики. Первоначальная наивность

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*

улетучилась; представители германского народа стали людьми практичными, иными словами, пришли к убеждению, что их положение вершителей судеб Германии будет тем надежнее, чем меньше они будут делать и чем больше будут болтать. Это не значит, что они считали свои заседания излишними — совсем наоборот. Но они открыли, что все действительно крупные вопросы — запретная область для них и что лучше подальше держаться от этой области. И вот, подобно сборищу византийских ученых Империи времен упадка, они с важным видом и усердием, достойным той участи, которая в конце концов их постигла, обсуждали теоретические догмы, давным-давно уже установленные во всех частях цивилизованного мира, или же практические вопросы столь микроскопических размеров, что они никогда не приводили к каким-либо практическим результатам. Так как Собрание было, таким образом, своего рода ланкастерской школой[35], в которой депутаты занимались взаимным обучением, и имело поэтому для них весьма важное значение, то они были убеждены, что оно делает больше, чем был вправе ожидать от него немецкий народ, и считали изменником родины всякого, кто имел бесстыдство требовать от Собрания, чтобы оно достигло какого-либо результата.

Когда вспыхнуло венское восстание, оно дало повод для массы запросов, прений, предложений и поправок, которые, разумеется, ни к чему не привели. Центральная власть должна была вмешаться. Она отправила в Вену двух комиссаров — г-на Велькера, бывшего либерала, и г-на Мосле. Похождения Дон-Кихота и Санчо Пансы представляют собой настоящую одиссею по сравнению с героическими подвигами и удивительными приключениями этих двух странствующих рыцарей германского единства. В Вену они отправиться не решились. От Виндишгреца они получили головомойку, слабоумным императором они были встречены с недоумением, а министр Стадион одурачил их самым наглым образом. Их депеши и донесения представляют собой, может быть, единственную часть франкфуртских протоколов, за которой будет сохранено известное место в немецкой литературе: это превосходный, по всем правилам написанный сатирический роман и вечный памятник позора франкфуртского Национального собрания и его правительства.

Левое крыло Национального собрания тоже отправило в Вену двух комиссаров, гг. Фрёбеля и Роберта Блюма, чтобы поддержать там свой авторитет. При приближении опасности Блюм совершенно правильно- рассудил, что здесь произойдет генеральное сражение германской революции и, не колеблясь,

решил поставить на карту свою голову. Напротив, Фрёбель был того мнения, что его долгом является сберечь свою персону для исполнения важных обязанностей на посту во Франкфурте. Блюм считался одним из красноречивейших ораторов Франкфуртского собрания; он несомненно пользовался наибольшей популярностью. Его красноречие не удовлетворило бы требованиям какого-нибудь искушенного парламента, он слишком любил пустые декламации в духе немецкого проповедника-сектанта и его доводам не хватало ни философской остроты, ни знакомства с практической стороной дела. Как политик он принадлежал к «умеренной демократии» — довольно неопределенному направлению, которое пользовалось успехом именно в силу недостатка определенности в принципах. Однако при всем том Роберт Блюм был подлинно плебейской натурой, хотя он и приобрел известный лоск, и в решительный момент его плебейский инстинкт и плебейская энергия брали верх над его неопределенными и вследствие этого колеблющимися политическими убеждениями и взглядами. В такие моменты он поднимался значительно выше своего обычного уровня.

Так, в Вене он сразу понял, что судьба его страны решится здесь, а не в псевдоизысканных дебатах во Франкфурте. Он тотчас же сделал выбор, оставил всякую мысль об отступлении, взял на себя командный пост в революционной армии и держался с исключительным хладнокровием и твердостью. Именно он на значительное время отсрочил падение города и прикрыл от атаки одну из его сторон тем, что сжег Таборский мост через Дунай. Всем известно, что после взятия штурмом Вены его арестовали, предали военному суду и расстреляли. Он умер, как герой. А Франкфуртское собрание, хотя и было поражено ужасом, все же приняло это кровавое оскорбление с показным спокойствием. Оно вынесло резолюцию, которая по своей мягкости и дипломатической сдержанности была скорее поруганием могилы убитого мученика, чем проклятием по адресу Австрии. Но разве можно было ожидать, что это презренное Собрание преисполнится гневом по поводу убийства одного из его членов, в особенности одного из вождей левой?

Лондон, март 1852 г.

XIII
ПРУССКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

1 ноября пала Вена, а 9-го числа того же месяца роспуск Учредительного собрания в Берлине показал, насколько это событие подняло во всей Германии дух контрреволюционной партии и привело к ее усилению.

О событиях лета 1848 г. в Пруссии рассказать недолго. Учредительное собрание, или, вернее, «Собрание, избранное с целью достигнуть соглашения с короной относительно конституции», и его большинство, состоявшее из представителей буржуазии, давным-давно лишились всякого уважения в глазах общества, так как из страха перед более энергичными элементами населения это Собрание потворствовало всем интригам двора. Оно подтвердило или, вернее, восстановило ненавистные феодальные привилегии и таким образом предало свободу и интересы крестьянства. Оно оказалось неспособным ни выработать конституцию, ни хотя бы несколько улучшить общее законодательство. Оно занималось почти исключительно тонкими теоретическими определениями, пустыми формальностями и вопросами конституционного этикета. Собрание по существу было скорее школой парламентской savoir vivre* для его членов, чем учреждением, которое могло бы хоть сколько-нибудь отвечать интересам народа. Кроме того, в Собрании не было сколько-нибудь устойчивого большинства и перевес почти всегда зависел от нерешительного *«центра»,* который своими колебаниями то влево, то вправо сверг сначала министерство Кампгаузена, а потом министерство Ауэрсвальда — Ганземана. Но в то время как либералы здесь, как и повсюду, упускали из рук представлявшиеся им возможности, двор реорганизовал свои силы, состоявшие из дворянства и наиболее отсталой части сельского населения, а также из армии и бюрократии. После падения Ганземана было образовано министерство из бюрокра-

* — житейской мудрости. *Ред.*

тов и военных, сплошь заядлых реакционеров, которое, однако, делало вид, что готово считаться с требованиями парламента. А Собрание, которое держалось удобного принципа, гласившего, что «важны мероприятия, а не люди», позволило настолько себя одурачить, что аплодировало этому министерству; при этом оно, разумеется, не обращало никакого внимания на то, как это самое министерство почти открыто сосредоточивало и организовывало контрреволюционные силы. Наконец, когда падение Вены послужило сигналом, король сместил этих министров и заменил их «людьми дела» во главе с теперешним министром-президентом Мантёйфелем. Тогда сонное Собрание вдруг пробудилось перед лицом опасности. Оно вынесло кабинету вотум недоверия, в ответ на который немедленно был издан указ, переносивший заседания палаты из Берлина, где она в случае конфликта могла бы рассчитывать на поддержку масс, в Бранденбург, маленький провинциальный городок, находившийся целиком во власти правительства. Собрание заявило, однако, что без его собственного согласия нельзя ни отсрочить его заседаний, ни перевести его в другое место, ни распустить. Тем временем в Берлин вступил генерал Врангель во главе почти сорокатысячного войска. Собрание городских властей и офицеров национальной гвардии постановило не оказывать сопротивления. И вот теперь, после того как Учредительное собрание и стоявшая за ним либеральная буржуазия позволили объединенной реакционной партии овладеть всеми важными позициями и дали вырвать из своих рук почти все средства обороны, началась великая комедия «пассивного и легального сопротивления», которое по мысли ее инициаторов должно было превратиться в славное подражание примеру Гемпдена и первым действиям американцев во времена войны за независимость[36]. Берлин был объявлен на осадном положении, и все-таки Берлин остался спокойным; правительство распустило национальную гвардию, и она с величайшей пунктуальностью сдала свое оружие. Собрание в течение двух недель гоняли с одного места заседаний на другое и всюду разгоняли при помощи войск, а депутаты Собрания умоляли граждан сохранять спокойствие. Наконец, когда правительство объявило Собрание распущенным. Собрание постановило объявить взимание налогов незаконным, и члены его рассеялись по стране, чтобы организовать отказ от уплаты налогов. Но оказалось, что они жестоко ошиблись в выборе средств. После нескольких тревожных недель, за которыми последовали суровые меры правительства против оппозиции, все оставили мысль об отказе от уплаты налогов в угоду этому приказавшему долго жить

Собранию, у которого не хватило мужества даже для самообороны.

Было ли в начале ноября 1848 г. слишком поздно прибегать к вооруженному сопротивлению или же, напротив, часть армии, встретив серьезное противодействие, перешла бы на сторону Собрания и таким образом решила бы дело в его пользу, — это вопрос, который, вероятно, никогда не будет разрешен. Но в революции, как и на войне, всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом. В ноябре 1848 г. для прусской революции как раз наступил решающий момент; прусское Учредительное собрание, которое официально стояло во главе всего революционного движения, не только не дало энергичного отпора врагу, но, наоборот, отступало при каждом его продвижении; еще меньше способно было оно к нападению, ибо оно предпочитало даже не обороняться. И вот когда настал решающий момент, когда Врангель во главе сорока тысяч солдат постучал в ворота Берлина, он совершенно неожиданно для себя и своих офицеров увидел не перегороженные баррикадами улицы и не превращенные в бойницы окна, а открытые ворота, и на улицах, в качестве единственной помехи движению, мирных берлинских бюргеров, радующихся шутке, которую они с ним сыграли, выдав себя связанными по рукам и ногам изумленным солдатам. Правда, если бы Собрание и народ оказали сопротивление, они могли бы быть разбиты; Берлин могли бы подвергнуть бомбардировке, не одна сотня людей поплатилась бы жизнью, не предотвратив этим конечного торжества королевской партии. Но это еще не было основанием для того, чтобы немедленно сложить оружие. Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа. Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г. — во всяком случае сделали несравненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы. Возможно, что Учредительное собрание и население Берлина разделили бы судьбу двух упомянутых городов, но они пали бы со славой и оставили бы после себя в сознании оставшихся в живых жажду мести, которая в революционные времена является одним из самых могучих стимулов к энергичной и страстной деятельности. Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рис-

кует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?

В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику.

Тот самый указ прусского короля, которым распускалось Учредительное собрание, возвестил и новую конституцию, в основе которой лежал проект, составленный комиссией Собрания. Но конституция эта в одних пунктах расширяла полномочия короны, а в других делала сомнительными полномочия парламента. Согласно этой конституции учреждались две палаты, которые должны были быть созваны в непродолжительном времени для того, чтобы рассмотреть ее и утвердить.

Едва ли стоит поднимать вопрос о том, где же было германское Национальное собрание во время «легальной и мирной» борьбы прусских конституционалистов. Оно, как это было заведено во Франкфурте, занималось тем, что принимало весьма кроткие резолюции, осуждающие действия прусского правительства, и выражало свое восхищение «величественным зрелищем пассивного, легального и единодушного сопротивления грубой силе, оказываемого целым народом». Центральное правительство отправило в Берлин комиссаров, которые должны были выступить в роли посредников между министерством и Собранием. Но их постигла та же судьба, что и их предшественников в Ольмюце: их вежливо выпроводили. Левая Национального собрания, т. е. так называемая радикальная партия, тоже послала своих комиссаров, но последние, достаточно убедившись в полной беспомощности Берлинского собрания и расписавшись в своей собственной не меньшей беспомощности, возвратились во Франкфурт, чтобы доложить о своих успехах и засвидетельствовать достойное восхищения мирное поведение берлинцев. Мало того, когда г-н Бассерман, один из комиссаров центрального правительства, сообщил, что недавние суровые меры прусских министров были приняты не без основания, так как в последнее время на улицах Берлина бродили разные личности свирепого вида, какие всегда появляются накануне анархических движений (с того времени они так и называются «бассермановскими личностями»), тогда эти достойные депутаты левой и энергичные защитники революции тотчас же поднялись со своих мест, чтобы клятвенно засвидетельствовать, что ничего подобного не было! Таким образом, за два месяца было воочию доказано полное бессилие Франкфуртского собрания. Нельзя

было бы придумать более яркого доказательства, что этому учреждению совершенно не по плечу возложенная на него задача, что оно даже не имеет ни малейшего представления о том, в чем на самом деле эта задача состоит. Одного факта, что судьба революции была решена в Вене и Берлине, что наиболее важные и наиболее жизненные вопросы разрешились в этих двух столицах так, как будто бы Собрания во Франкфурте вовсе и не существовало, — одного этого факта достаточно для подтверждения того, что Собрание это было просто дискуссионным клубом, состоявшим из сборища легковерных простофиль. Они позволили правительствам использовать себя в качестве парламентских марионеток, выставляемых напоказ с целью позабавить лавочников и мелких ремесленников в мелких государствах и мелких городах, пока правительства находили нужным отвлекать внимание этой публики. До какой поры последние считали нужным это делать, мы скоро увидим. Но заслуживает внимания тот факт, что из всех «выдающихся» людей этого Собрания не нашлось ни одного, у кого было хотя бы малейшее представление о роли, которую их заставили играть, и что даже до настоящего дня бывшие члены франкфуртского клуба сохранили в неизменном виде свойственные лишь им органы исторического восприятия.

Лондон, март 1852 г.

XIV
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА. РЕЙХСТАГ И ПАЛАТА

Правительства Пруссии и Австрии использовали первые месяцы 1849 г., чтобы пожать плоды успехов, достигнутых в октябре и ноябре 1848 года. Со времени взятия Вены австрийский рейхстаг вел чисто номинальное существование в маленьком провинциальном моравском городке Кремзире*. Там славянские депутаты, являвшиеся вместе с теми, кто их делегировал, главным орудием австрийского правительства, с помощью которого оно смогло выбраться из состояния полной беспомощности, были своеобразно наказаны за свою измену европейской революции. Как только правительство восстановило свою силу, оно стало проявлять величайшее презрение к рейхстагу и его славянскому большинству, а когда первые успехи императорского оружия возвестили о скором окончании венгерской войны, правительство 4 марта распустило рейхстаг и разогнало депутатов с помощью военной силы. Тут только славяне, увидев, наконец, что их одурачили, провозгласили: «Двинемся во Франкфурт и будем продолжать там дело оппозиции, которая здесь стала для нас невозможной!». Но было слишком поздно, и уже тот факт, что у них не нашлось иного выбора, как либо сохранять спокойствие, либо же присоединиться к бессильному Франкфуртскому собранию, — уже один этот факт достаточно показывает их крайнюю беспомощность.

Так закончились в настоящее время и, весьма вероятно, навсегда попытки славян Германии восстановить самостоятельное национальное существование. Разбросанные обломки многочисленных наций, национальность и политическая жизнеспособность которых давным-давно угасли и которые поэтому в течение почти тысячи лет были вынуждены следовать за более

* Чешское название: Кромержиж. *Ред.*

сильной, покорившей их нацией, как это было с валлийцами в Англии, басками в Испании, нижнебретонцами во Франции, а в новейшее время — с испанскими и французскими креолами в тех частях Северной Америки, которые недавно захвачены англо-американской расой, — эти умирающие национальности: чехи, каринтийцы, далматинцы и т. д., попытались использовать общее замешательство 1848 г. для восстановления своего политического status quo, существовавшего в 800 г. нашей эры. История истекшего тысячелетия должна была показать им, что такое возвращение вспять невозможно; что если вся территория к востоку от Эльбы и Заале действительно была некогда занята группой родственных славянских народов, то этот факт свидетельствует лишь об исторической тенденции и в то же время о физической и интеллектуальной способности немецкой нации к покорению, поглощению и ассимиляции своих старинных восточных соседей; он свидетельствует также о том, что эта тенденция к поглощению со стороны немцев всегда составляла и все еще составляет одно из самых могучих средств, при помощи которых цивилизация Западной Европы распространялась на востоке нашего континента, что эта тенденция перестанет действовать лишь тогда, когда процесс германизации достигнет границы крупных, сплоченных, не раздробленных на части наций, способных вести самостоятельное национальное существование, как венгры и в известной степени поляки, и что, следовательно, естественная и неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями. Конечно, это не очень-то лестная перспектива для национального честолюбия панславистских мечтателей, которым удалось привести в движение часть чехов и южных славян. Но как могут они ожидать, что история возвратится на тысячу лет назад в угоду нескольким хилым человеческим группам, которые повсюду, в какой бы части занимаемой ими территории они ни жили, перемешаны с немцами и окружены ими, у которых почти с незапамятных времен для всех надобностей цивилизации нет иного языка, кроме немецкого, и у которых отсутствуют первые условия национального существования: значительная численность и сплошная территория? Неудивительно, что волна панславизма, за которым во всех славянских областях Германии и Венгрии скрывалось стремление к восстановлению независимости всех этих бесчисленных мелких наций, повсюду столкнулась с европейскими революционными движениями и что славяне, хотя они и претендовали на роль борцов за свободу, неизменно (за исключением

демократической части поляков) оказывались на стороне деспотизма и реакции. Так было в Германии, в Венгрии и даже кое-где в Турции. Изменники народному делу, защитники и главная опора интриг австрийского правительства, они в глазах всех революционных наций поставили себя в положение отверженных. И хотя масса славянского населения нигде не принимала участия в мелких национальных распрях, затеянных вождями панславизма — уже в силу того, что она была слишком невежественна, — тем не менее никогда не забудется тот факт, что в Праге, наполовину немецком городе, толпы славянских фанатиков восторженно подхватили и повторяли клич: «Лучше русский кнут, чем немецкая свобода!». После их первой неудачной попытки в 1848 г. и после урока, данного им австрийским правительством, мало вероятно, чтобы они и в дальнейшем сделали при случае другую подобную попытку. Но если бы они еще раз вознамерились под аналогичными предлогами вступить в союз с контрреволюционными силами, тогда обязанность Германии совершенно ясна. Ни одна страна, находящаяся в состоянии революции и вовлеченная в войну с внешним врагом, не может терпеть Вандеи в своем собственном сердце.

Нам незачем возвращаться к конституции, о которой император* возвестил одновременно с роспуском рейхстага, поскольку она фактически никогда не вступала в действие и теперь совершенно отменена. С 4 марта 1849 г. абсолютизм в Австрии был во всех отношениях полностью восстановлен.

В Пруссии палаты собрались в феврале, чтобы рассмотреть и утвердить новую конституционную хартию, провозглашенную королем. Они заседали почти шесть недель, вели себя по отношению к правительству достаточно кротко и покорно, но не оказались еще вполне подготовленными к тому, чтобы идти так далеко, как этого хотелось бы королю и его министрам. Поэтому при первом же удобном случае они были распущены.

Таким образом, и Австрия и Пруссия на время отделались от пут парламентского контроля. Правительства сосредоточили теперь в своих руках всю власть и могли применить ее именно там, где им было нужно: Австрия — против Венгрии и Италии, Пруссия — против Германии. Ибо Пруссия тоже готовилась к походу, чтобы восстановить «порядок» в мелких государствах.

---

* — Франц-Иосиф I. *Ред.*

Теперь, когда в двух крупных центрах движения в Германии, в Вене и Берлине, контрреволюция одержала верх, оставались только более мелкие государства, где исход борьбы еще не вполне определился, хотя и там чаша весов все более склонялась не в пользу революции. Эти мелкие государства, как мы уже сказали, нашли общий центр во франкфуртском Национальном собрании. Хотя уже давным-давно реакционный характер этого так называемого Национального собрания стал настолько очевидным, что народ во Франкфурте даже поднял против него оружие, все же происхождение его было более или менее революционным. В январе это Собрание заняло необычную для него революционную позицию; его компетенция никогда не была определена, и в конце концов оно пришло к решению, — которое, впрочем, никогда не было признано более крупными государствами, — что его постановления имеют силу закона. При таких обстоятельствах неудивительно, что когда конституционно-монархическая партия увидела себя выбитой из своих позиций оправившимися сторонниками абсолютизма, то либерально-монархическая буржуазия почти всей Германии возложила свои последние надежды на большинство этого Собрания, а представители мелкой буржуазии, ядро демократической партии, под давлением растущих невзгод объединились вокруг его меньшинства — меньшинства, которое действительно составляло последнюю сомкнутую парламентскую фалангу демократии. 6 другой стороны, правительства более крупных государств, и особенно прусское министерство, все яснее понимали несовместимость подобного необычного выборного учреждения с реставрированным в Германии монархическим режимом, и если они не требовали немедленного роспуска этого Собрания, то только потому, что для этого не настало еще время, и потому, что Пруссия рассчитывала предварительно использовать Собрание в своих собственных честолюбивых целях.

Между тем само это жалкое Собрание приходило все в большее замешательство. С его депутациями и комиссарами обходились крайне презрительно как в Вене, так и в Берлине; один из его членов*, несмотря на свою парламентскую неприкосновенность, был казнен в Вене как простой бунтовщик. С постановлениями Собрания нигде не считались. Если более крупные державы вообще о них упоминали, то только в нотах протеста, в которых оспаривалось право Собрания принимать законы и постановления, обязательные для их правительств. Предста-

* — Роберт Блюм. *Ред.*

вительница Собрания, центральная исполнительная власть, была вовлечена в дипломатическую грызню почти со всеми кабинетами Германии, и ни Собрание, ни центральное правительство, несмотря на все их усилия, не могли заставить Австрию и Пруссию заявить, каковы в конце концов их намерения, планы и требования. Собрание начало, наконец, сознавать, по крайней мере, то, что оно упустило из своих рук всякую власть, что само оно целиком зависит от милости Австрии и Пруссии и что, если оно вообще намерено дать Германии общесоюзную конституцию, ему следует немедленно и со всей серьезностью взяться за дело. Многие из колеблющихся депутатов ясно увидели также, что правительства как нельзя лучше их одурачили. По что могли они поделать теперь в своем беспомощном положении? Единственным шагом, который еще мог бы их спасти, был решительный и быстрый переход на сторону народа; однако успех даже и этого шага представлялся более чем сомнительным. Да и нашлись ли бы настоящие люди в этой беспомощной толпе нерешительных, близоруких, самодовольных существ, которые среди совсем оглушившего их вечного шуму противоречивых слухов и дипломатических нот находили себе единственное утешение и поддержку в неустанно повторяемых уверениях, что они лучшие, величайшие, мудрейшие люди страны и что только они и могли бы спасти Германию? Можно ли было среди этих несчастных созданий, которых один только год парламентской жизни превратил в совершенных идиотов, найти людей, способных принимать быстрые и определенные решения, не говоря уже об энергичных и последовательных действиях?

Австрийское правительство в конце концов сбросило маску. В своей конституции 4 марта оно объявило Австрию нераздельной монархией с общими финансами, единой таможенной системой и единой военной организацией, стирая этим всякие границы и отличия между немецкими и ненемецкими провинциями. Это -было провозглашено наперекор резолюциям Франкфуртского собрания и тем статьям проектируемой общесоюзной конституции, которые были им уже приняты. Это был вызов, брошенный Австрией, и несчастному Собранию не оставалось иного выбора, как только принять его. Оно сделало это с большой дозой бахвальства, на что Австрия, отлично сознавая свою силу и полное ничтожество Собрания, спокойно могла не обращать никакого внимания. И вот, чтобы отомстить Австрии за это оскорбление, достопочтенное представительство немецкого народа, как оно само себя величало, не нашло ничего лучшего, как, связав себя по рукам и ногам, припасть

к стопам прусского правительства. Как ни невероятно может это показаться, оно все же преклонило колени перед теми самыми министрами, которых оно же клеймило как антиконституционных и враждебных народу и на отставке которых оно тщетно настаивало. Подробности этой позорной сделки и трагикомических событий, которые последовали за нею, послужат темой нашей следующей статьи.

Лондон, апрель 1852 г.

XV
ТОРЖЕСТВО ПРУССИИ

Мы подходим теперь к последней главе в истории германской революции: к столкновению Национального собрания с правительствами различных государств, особенно с прусским правительством, к восстанию в Южной и Западной Германии и его окончательному подавлению Пруссией.

Мы уже видели франкфуртское Национальное собрание за работой. Мы видели, как награждала его пинками Австрия, как оскорбляла его Пруссия, как отказывались повиноваться ему мелкие государства и как его дурачило его же собственное бессильное центральное «правительство», которое, в свою очередь, было одурачено всеми и каждым из властителей страны. Под конец дело приняло совсем угрожающий оборот для этого слабого, колеблющегося, ничтожного законодательного учреждения. Оно вынуждено было прийти к тому заключению, что «осуществлению высокой идеи германского единства грозит опасность»; это означало не больше не меньше как то, что Франкфуртскому собранию со всем, что оно совершило и собиралось совершить, по всей вероятности, предстоит вскоре исчезнуть без следа. Поэтому оно со всей серьезностью принялось за работу, чтобы возможно скорее завершить свое великое творение —«имперскую конституцию».

Но тут возникло одно затруднение. Какова должна была быть исполнительная власть? Должен ли был быть ею исполнительный совет? Нет, это значило бы, рассуждало мудрое Собрание, сделать из Германии республику. «Президент?» Но ведь и это сводится к тому же. Значит, необходимо возродить старый императорский сан. Но так как императором, разумеется, должен стать кто-нибудь из монархов, то кто же именно будет императором? Очевидно, ни один из dii minorum gentium*,

* — буквально: младших богов; в переносном смысле: второразрядных величин. *Ред.*

начиная от князя Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн-Эберсдорфа и кончая королем Баварии, — ни Австрия, ни Пруссия не допустили бы этого. Итак, речь могла идти только об Австрии или Пруссии. Но кто же из этих двух? Несомненно, что при иных, более благоприятных обстоятельствах это высокое Собрание заседало бы до настоящего времени и все еще обсуждало бы эту важную дилемму, будучи не в силах прийти к тому или другому решению, если бы австрийское правительство не разрубило гордиев узел и таким образом не избавило Собрание от хлопот.

Австрия превосходно понимала, что с того момента, когда, покорив все свои провинции, она снова сможет выступить перед Европой как могущественная европейская держава, закон политического тяготения сам по себе вовлечет в орбиту ее влияния остальную Германию и она обойдется без помощи того авторитета, который могла бы придать ей императорская корона, полученная из рук Франкфуртского собрания. Австрия стала гораздо сильнее, почувствовала себя гораздо свободнее в своих действиях с той поры, как она сбросила лишенную реального значения корону германских императоров, — корону, которая, ни на йоту не увеличивая ее силу внутри и вне Германии, являлась только помехой для ее самостоятельной политики. В случае же, если бы Австрия оказалась неспособной сохранить свои позиции в Италии и в Венгрии, тогда она и в Германии лишилась бы всякого веса, ее влияние было бы сведено на нет и она уже никогда не могла бы возобновить свои притязания на корону, которая выскользнула из ее рук в то время, когда она была еще в полном расцвете своих сил. Поэтому Австрия сразу же высказалась против какого бы то ни было воскрешения императорской власти и прямо потребовала восстановления Союзного сейма — единственного центрального правительства Германии, фигурировавшего в трактатах 1815 г. и признанного ими. А 4 марта 1849 г. она обнародовала конституцию, означавшую не что иное, как объявление Австрии нераздельной, централизованной и самостоятельной монархией, совершенно отделенной даже от той Германии, которую Франкфуртское собрание еще должно было реорганизовать.

Это открытое объявление войны действительно не оставляло перед франкфуртскими мудрецами иного выбора как исключить Австрию из Германии, а из оставшихся частей страны создать своего рода Восточную Римскую империю — «малую Германию»; ее довольно убогая императорская мантия должна была пасть на плечи его величества прусского короля. Напомним,

NEW-YORK DAILY TRIBUNE, TUESDAY, JULY 27, 1852.

Christian streets, they were fined if not more severely punished. It was under such foul oppressions, however, that the fortunes of his house took their rise and began to flourish. At the entrance of this street is still the bureau, the council-rooms of their imperial firm, where they receive tributes from the principalities and powers of the world. A poor devil of a Christian clerk sits there alone on Saturdays, to deal out small sums to travelers and others on letters of credit, etc.

Jews settled in Frankfort under some imperfect, dearly-paid protection of the German Emperors as early as the twelfth century. In 1339 their wretched habitations were set fire to by religious fanatics, called Flagellants. In 1462 they built in the present *Judengasse*, or New-Egypt, as it is sometimes named. Fire came upon them yet again in 1711. I roughly translate a brief account of the last conflagration, as illustrative of the spirit of that time: "Meanwhile, all the houses were burned up stock and branch, and indeed in such wise that not a single one of so many houses, nay, not so much as a stick of wood of an arm's length remained, which is surely marvelous. It was remarkable, also, that when one side of the street was burned down, the wind turned about as though it had finished there the business on which it was sent, and would now carry it on further; so that by this the other and greater part of the street was seized on by the fire and laid in ashes. The fire broke out almost in the middle of the street, in the house of the Rabbi Naphthali, their most famous Doctor. It is related for a certain truth, that when their Rabbi, who was besides a good Cabalist, was minded to teach his scholars the Cabala, and had kindled for experiment a great heap of wood in his house, he became confused in his incantation, and in place of conjuring the water-spirit to extinguish the fire kindled by him, called up the fire-spirits. Wherefore it was altogether in vain to try to save the smallest Jewish building. This is also to be considered in this conflagration, that of the many Christian houses near by, not a single one was consumed." Seeing on one side this account, written about one hundred years, and the persecutions and oppressions under which the Jews existed until the close of the last century: and seeing on the other side the friendly terms on which Jews and Catholics and Protestants now live and work together here, one would say the world *had* made progress. More, however, is to be made. Some additional measure of justice was dealt out to the Jews in the Revolution of 1848; but they are not yet admitted to a full political equality with the Christian citizens of Frankfort. Just at this time the question of revising the constitution of the city is much discussed, and some propose, as one of the alterations, the admissibility of Jews to the Senate. With the present reactionary spirit of the German powers, it would seem, however, a dangerous time to attiguing. Local events of the day, or some gone-to-seed item of foreign news, are the favorite topics of a low-toned conversation, freely punctuated with long whiffs of tobacco-smoke from the mouths of the interlocutors. As for helping out their rhetoric by any gesticulation or rising from their seats to command more attention, such French vivacity is never indulged in. The services of one hand are engaged to hold the pipe, while the other attends to the glass, and the rest of the body, once seated, never leaves its moorings till bedtime. These gentlemen must have had periods in their lives of greater mental activity than they indicate at these meetings, which are very possibly, to their habit, only an anodyne taken after the agitation of the day's business, as a preparation to full repose. They answer a questioning stranger intelligently and politely. May they sleep well! with quiet consciences and good digestions. They retire mostly before 10¼ o'clock. The Frankforters generally are early to bed. Think of my coming home from Don Pasquale at the theater last night, at a little after 9 o'clock!

C. R. B.

GERMANY.

XV.

REVOLUTION AND COUNTER-REVOLUTION.

We now come to the last chapter in the history of the German Revolution: the conflict of the National Assembly with the Governments of the different States, especially of Prussia; the insurrection of Southern and Western Germany, and its final overthrow by Prussia.

We have already seen the Frankfort National Assembly at work. We have seen it kicked at by Austria, insulted by Prussia, disobeyed by the lesser States, duped by its own impotent Central "Government," which again was the dupe of all and every prince in the country. But at last things began to look threatening for this weak vacillating, insipid legislative body. It was forced to come to the conclusion that "the sublime idea of German Unity was threatened in its realization,"—which meant neither more nor less than that the Frankfort Assembly, and all it had done and was about to do, were very likely to end in smoke. Thus t set to work in good earnest in order to bring forth as soon as possible its grand production, the "Imperial Constitution."

There was, however, one difficulty. What Executive Government was there to be? An Executive Council? No; that would have been, they thought in their wisdom, making Germany a Republic. A "President"! That would come to the same. Thus they must revive the old imperial dignity. But—as of course a prince was to be Emperor—who should it be? Certainly none of the *Dii minorum gentium*, from Reuss-Schleitz-Greitz-Lobenstein-Ebersdorf up to Bavaria; neither Austria nor Prussia would have borne that. a disorder which penetrates its unfortunate victims with the solemn conviction that the whole world, its history and future, are governed and determined by a majority of votes in that particular representative body which has the honor to count them among its members, and that all and everything going on outside the walls of their house—wars, revolutions, railway-constructing, colonizing of whole new continents, California gold discoveries, Central American canals, Russian armies, and whatever else may have some little claim to influence upon the destinies of mankind—is nothing compared to the incommensurable events hinging upon the important question, whatever it may be, just at that moment occupying the attention of their honorable House. Thus it was the Democratic party of the Assembly, by effectually smuggling a few of their nostrums into the "Imperial Constitution," first became bound to support it, although in every essential point it flatly contradicted their own oft-proclaimed principles; and at last, when this mongrel work was abandoned and bequeathed to them by its main authors, accepted the inheritance, and held out for this *monarchical* Constitution even in opposition to everybody who *then* proclaimed their own *republican* principles.

But it must be confessed that in this the contradiction was merely apparent. The indeterminate, self-contradictory, immature character of the Imperial Constitution was the very image of the immature, confused, conflicting political ideas of these democratic gentlemen. And if their own sayings and writings—as far as they could write—were not sufficient proof of this, their actions would furnish such proof; for among sensible people it is a matter of course to judge of a man not by his professions but by his actions; not by what he pretends to be, but by what he does and what he really is; and the deeds of these heroes of German Democracy speak loud enough for themselves, as we shall learn by and by. However, the Imperial Constitution with all its appendages and paraphernalia was definitively passed, and on the 28th of March the King of Prussia was, by 290 votes, against 248 who abstained and some 200 who were absent, elected Emperor of Germany, *minus* Austria. The historical irony was complete; the imperial farce executed in the streets of astonished Berlin, three days after the Revolution of March 18, 1848, by Frederick William IV. while in a state which elsewhere would come under the Maine Liquor Law—this disgusting farce, just one year afterward, had been sanctioned by the pretended Representative Assembly of all Germany. That, then, was the result of the German Revolution!

KARL MARX.

London, July, 1852.

Часть страницы «New-York Daily Tribune»
со статьей из серии «Революция и контрреволюция в Германии

что это было возрождением одного старого проекта, выношенного шесть-восемь лет назад партией южногерманских и средне германских либеральных доктринеров, которые считали ниспосланными свыше унизительные обстоятельства, снова выдвинувшие их старую причуду на первый план в качестве «новейшего шахматного хода» для спасения отечества.

В соответствии с этим в феврале и марте 1849 г. Собрание закончило обсуждение имперской конституции, а также декларации прав и имперского избирательного закона; при этом не обошлось и без вынужденных уступок по очень многим пунктам — уступок самого противоречивого характера, так как они делались то консервативной или, вернее, реакционной партии, то более передовым фракциям Собрания. Было очевидно, что руководящая роль, принадлежавшая раньше правой и правому центру (консерваторам и реакционерам), постепенно, хотя и медленно, переходила к левой, или к демократической части Собрания. Довольно двусмысленная позиция австрийских депутатов в Собрании, которое исключило их страну из Германии, но в котором им все же и после этого было предложено оставаться и голосовать, тоже содействовала нарушению равновесия в Собрании. И таким образом уже к концу февраля левый центр и левая с помощью австрийских голосов очень часто оказывались в большинстве, хотя по временам консервативная фракция австрийцев совершенно неожиданно, потехи ради, голосовала вместе с правой и опять склоняла чашу весов в противоположную сторону. Заставляя Собрание проделывать столь внезапные скачки, она хотела навлечь на него презрение, в чем, однако, не было никакой нужды, ибо народные массы уже давным-давно убедились в совершенной пустоте и бесполезности всего, что исходило из Франкфурта, Легко представить себе, что за конституция была тем временем составлена при таком шатании из стороны в сторону.

Левая Собрания, считавшая себя красой и гордостью революционной Германии, была совершенно опьянена несколькими жалкими успехами, достигнутыми благодаря доброй или, вернее, злой воле нескольких австрийских политиков, действовавших по наущению австрийского деспотизма и в его интересах. Эти демократы, как только хотя бы малейшее подобие их собственных, отнюдь не отличавшихся определенностью принципов получало — в гомеопатически разбавленном виде — нечто вроде санкции Франкфуртского собрания, уже возвещали, что они спасли отечество и народ. Эти несчастные, слабоумные люди в течение своей в общем совершенно бесцветной жизни так мало привыкли к чему-либо похожему на успех,

что действительно вообразили, будто их жалкие поправки, принимавшиеся большинством в два или три голоса, изменят весь облик Европы. С самого начала своей законодательной карьеры они более чем какая-либо другая часть Собрания были заражены неизлечимой болезнью — *парламентским кретинизмом,* недугом, несчастные жертвы которого проникаются торжественным убеждением, будто весь мир, его история и его будущее направляются и определяются большинством голосов именно того представительного учреждения, которое удостоилось чести иметь их в качестве своих членов. Они уверены, будто все и вся, что совершается вне стен этого здания: войны, революции, постройка железных дорог, колонизация целых новых континентов, открытие золота в Калифорнии, каналы Центральной Америки, русские войска — словом все, что может хоть в какой-то мере претендовать на некоторое влияние на судьбы человечества, — все это якобы ничто по сравнению с ни с чем не соизмеримыми событиями, зависящими от решения важного вопроса, который как раз в данный момент занимает внимание их почтенной палаты. Таким образом, демократическая партия Собрания только потому, что ей удалось контрабандным путем протащить в «имперскую конституцию» некоторые из своих рецептов, сочла себя в первую очередь обязанной выступить за нее, хотя эта конституция в каждом существенном пункте решительно противоречила ее собственным, так часто провозглашавшимся принципам. А когда, наконец, главные авторы этого ублюдочного произведения бросили его на произвол судьбы, завещав его демократической партии, последняя приняла это наследство и отстаивала эту *монархическую* конституцию, выступая даже против тех, кто провозглашал *тогда* ее же собственные *республиканские* принципы.

Но надо признать, что в этом отношении противоречие было лишь кажущимся. Неопределенный, внутренне противоречивый, незрелый характер имперской конституции был лишь точным отражением незрелых, путаных, противоречащих друг другу политических идей этих господ демократов. И даже если бы это не доказывалось достаточно их же собственными речами и писаниями — поскольку они вообще были способны писать, — то их дела вполне послужили бы таким доказательством. Ведь среди здравомыслящих людей считается чем-то само собой разумеющимся, что о человеке следует судить не по его заявлениям, а по его поступкам; не по тому, за что он себя выдает, а по тому, что он делает и что представляет собой в действительности. Дела же этих героев немецкой демократии, как мы увидим дальше, достаточно громко говорят сами

за себя. Как бы то ни было имперская конституция со всеми ее придатками и привесками была окончательно принята, и 28 марта прусский король — 290 голосами при 248 воздержавшихся и при отсутствии 200 депутатов — был избран императором Германии без Австрии. Ирония истории достигла наивысшего пункта: императорский фарс, разыгранный Фридрихом-Вильгельмом IV на улицах изумленного Берлина через три дня после революции 18 марта 1848 г.[37], —причем король был в состоянии, за которое кое-где в другом месте он подпал бы под действие закона штата Мэн против спиртных напитков, — этот отвратительный фарс ровно через год был санкционирован мнимым представительным собранием всей Германии. Таков был итог немецкой революции!

Лондон, июль 1852 г.

XVI
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Избрав прусского короля императором Германии (без Австрии), франкфуртское Национальное собрание отправило депутацию в Берлин, чтобы предложить Фридриху-Вильгельму корону, а затем отсрочило свои заседания. 3 апреля Фридрих-Вильгельм принял депутатов. Он заявил им, что хотя он и принимает предоставленное ему в силу голосования народных представителей право старшинства над всеми другими монархами Германии, но тем не менее он не может принять императорскую корону, пока у него нет уверенности, признают ли другие монархи его верховенство и имперскую конституцию, предоставляющую ему такие права. Дело германских правительств, добавил он, рассмотреть, такова ли эта конституция, чтобы они могли утвердить ее. Во всяком случае, закончил он, будет ли он императором или нет, он всегда готов обнажить свой меч против внешнего или внутреннего врага. Мы увидим, что он сдержал свое обещание довольно неожиданным для Национального собрания образом.

После основательного дипломатического расследования франкфуртские мудрецы пришли, наконец, к заключению, что этот ответ равносилен отклонению короны,. Поэтому они постановили (12 апреля), что имперская конституция является законом страны и что ее следует отстаивать, а так как они совершенно не знали, каким образом им действовать дальше, то избрали комиссию из тридцати членов, которая и должна была выработать предложения относительно того, каким способом можно было бы осуществить эту конституцию.

Это постановление послужило сигналом к вспыхнувшему теперь конфликту между Франкфуртским собранием и немецкими правительствами.

Буржуазия и, в особенности, мелкая буржуазия сразу высказались за новую франкфуртскую конституцию. Они не могли дольше ждать момента, который должен был стать

«завершением революции». В Австрии и Пруссии с революцией в данный момент было покончено посредством вмешательства вооруженной силы. Упомянутые классы предпочли бы менее насильственный способ выполнения этой операции, но у них не было выбора. Дело было сделано, и с этим приходилось примириться — вот решение, которое они сразу приняли и выполняли самым доблестным образом. В мелких государствах, где все шло сравнительно гладко, буржуазия давным-давно. ограничивалась столь соответствовавшей ее духу парламентской агитацией, эффектной с виду, но совершенно бесплодной, ибо за ней не стояло никакой силы. Таким образом, каждое из немецких государств, взятое в отдельности, как будто приобрело новую и окончательную форму, которая, как полагали, позволит им всем с этого времени вступить на путь мирного конституционного развития. Оставался открытым лишь один вопрос: о новой политической организации Германского союза. И этот единственный вопрос, который еще казался чреватым опасностью, считали необходимым разрешить немедленно. Отсюда давление, которое буржуазия оказывала на Франкфуртское собрание, чтобы заставить его как можно быстрее выработать конституцию; отсюда решение крупной и мелкой буржуазии принять и поддерживать эту конституцию, какова бы она ни была, чтобы безотлагательно создать устойчивый порядок вещей. Словом, движение в пользу имперской конституции с самого начала вытекало из реакционного чувства и исходило от тех классов, которые уже давно устали от революции.

Но была и еще одна сторона дела. Первые и основные принципы будущей германской конституции были приняты в первые месяцы революции, весной и летом 1848 г., в период, когда народное движение переживало еще подъем. Принятые тогда постановления хотя и были *для того времени* совершенно реакционны, теперь, после актов произвола австрийского и прусского правительств, казались необычайно либеральными и даже демократичными. Изменилась мерка, которой их мерили. Не совершая морального самоубийства, Франкфуртское собрание не могло вычеркнуть эти однажды уже принятые им постановления и перекроить имперскую конституцию по образцу тех конституций, которые Австрия и Пруссия продиктовали с мечом в руке. Кроме того, как мы видели, большинство в этом Собрании переместилось, и влияние либеральной и демократической партии все возрастало. Таким образом, имперская конституция выделялась пе только своим с виду исключительно демократическим происхождением: она в то же самое время,

несмотря на все свои многочисленные противоречия, была все-таки наиболее либеральной конституцией во всей Германии. Величайший ее недостаток заключался в том, что она была всего лишь клочком бумаги, не имея за собой никакой силы для проведения в жизнь ее положений.

При таких обстоятельствах было естественно, что так называемая демократическая партия, т. е. масса мелкой буржуазии, цеплялась за имперскую конституцию. Этот класс в своих требованиях всегда шел дальше, чем либеральная конституционно-монархическая буржуазия; он выступал с большой дерзостью, очень часто грозил вооруженным сопротивлением и не скупился на обещания пожертвовать своей кровью и жизнью в борьбе за свободу; однако он дал уже множество доказательств того, что в момент опасности он всегда отсутствует и что никогда он не чувствует себя так хорошо, как на другой день после решительного поражения, когда все потеряно, по он может, по крайней мере, утешать себя сознанием, что дело так или иначе *уже* сделано. Поэтому в то время как у крупных банкиров, фабрикантов и купцов приверженность к франкфуртской конституции носила более сдержанный характер и скорее походила на простую демонстрацию в ее пользу, — стоящий непосредственно под ними общественный класс, наши доблестные демократические мелкие буржуа выступили вперед с большой помпой, заявив по обыкновению, что скорее прольют последнюю каплю своей крови, чем допустят крушение имперской конституции.

Поддержанное этими двумя партиями — буржуазными сторонниками конституционной монархии и более или менее демократическими мелкими буржуа — движение в пользу немедленного введения имперской конституции быстро распространилось; наиболее энергичное выражение оно нашло в парламентах отдельных государств. Палаты Пруссии, Ганновера, Саксонии, Бадена, Вюртемберга высказались за эту конституцию. Борьба между правительствами и Франкфуртским собранием приобретала угрожающий характер.

Однако правительства действовали быстро. Прусские палаты были распущены противоконституционным образом, ибо им еще предстояло рассмотреть и утвердить прусскую конституцию; в Берлине произошли волнения, умышленно спровоцированные правительством, а днем позже, 28 апреля, прусское министерство издало циркулярную ноту, объявлявшую имперскую конституцию в высшей степени анархическим и революционным документом, который немецкие правительства должны подвергнуть пересмотру и очищению от скверны. Таким образом,

Пруссия бесцеремонно отвергла ту суверенную учредительную власть, которой всегда хвастались франкфуртские мудрецы, но которую им так и не довелось установить. Был созван конгресс монархов[38] — обновленный старый Союзный сейм — для обсуждения конституции, которая уже была объявлена законом. Одновременно Пруссия сосредоточила войска в Крёйцнахе, на расстоянии трехдневного перехода от Франкфурта, и предложила мелким государствам последовать ее примеру и тоже распустить свои палаты, как только те вздумают примкнуть к Франкфуртскому собранию. Этому примеру немедленно последовали Ганновер и Саксония.

Было ясно, что исход борьбы может быть решен только силой оружия. Враждебность правительств и возбуждение в народе изо дня в день обнаруживались все ярче. Демократически настроенные граждане повсюду старались обработать войска — в Южной Германии с большим успехом. Везде устраивались широкие массовые собрания, на которых принимались резолюции о поддержке имперской конституции и Национального собрания, если это потребуется, силой оружия. В Кёльне с этой целью было созвано собрание депутатов от всех общинных советов Рейнской Пруссии. В Пфальце, в Бергском округе, в Фульде, в Нюрнберге, в Оденвальде крестьяне собирались огромными толпами и находились в состоянии величайшего воодушевления. В то же самое время во Франции Учредительное собрание было распущено и к новым выборам везде готовились в атмосфере огромного возбуждения, а на восточной границе Германии венгры в результате ряда блестящих побед менее чем за один месяц отбросили от Тиссы к Лейте поток австрийского нашествия; со дня на день ожидалось, что они возьмут приступом Вену. Словом, так как воображение народа повсюду было в высшей степени возбуждено, а вызывающая политика правительств с каждым днем проявлялась все яснее, то вооруженное столкновение стало неизбежным, и только трусливое слабоумие могло уверить себя в том, что борьба закончится мирным путем. Но именно это-то трусливое слабоумие и было наиболее широко представлено во Франкфуртском собрании.

Лондон, июль 1852 г.

XVII
ВОССТАНИЕ

Неизбежный конфликт между франкфуртским Национальным собранием и правительствами немецких государств разразился, наконец, в форме открытых враждебных действий в первых числах мая 1849 года. Австрийские депутаты, отозванные своим правительством, уже покинули Собрание и возвратились домой, за исключением немногих членов левой, или демократической партии. Подавляющая масса консервативных депутатов, видя, какой оборот принимает дело, ушла из Собрания даже раньше, чем этого потребовали их правительства. Таким образом, независимо от указанных уже в предыдущих статьях причин, усиливавших влияние левой, одного дезертирства правых депутатов было достаточно для того, чтобы превратить прежнее меньшинство в большинство Собрания. Представители нового большинства, которому никогда до сих пор такое счастье и во сне не снилось, пользовались раньше своим положением на скамьях оппозиции, чтобы разглагольствовать о слабости, нерешительности, инертности старого большинства и его имперского правительства. Теперь же *им самим* вдруг пришлось занять место этого старого большинства. Теперь *они* должны были показать, на что они сами способны. *Их* деятельность, разумеется, должна быть воплощением энергии, решительности, активности. *Они,* цвет Германии, быстро сумеют подтолкнуть дряхлого имперского регента и его нерешительных министров, а если это окажется невозможным, тогда — кто смеет сомневаться в этом! — используя силу народного суверенитета, они низложат это неспособное правительство и заменят его деятельной, неутомимой исполнительной властью, которая обеспечит спасение Германии. Бедняги! *Их* правление — если вообще можно говорить о правлении, когда никто

не подчиняется ему, — оказалось даже еще более смехотворным, чем правление их предшественников.

Новое большинство объявило, что, несмотря на все препятствия, имперскую конституцию следует провести в жизнь и притом *немедленно,* что 15 июля народ должен избрать депутатов в новую палату представителей и что эта палата должна будет собраться 22 августа во Франкфурте. Это было уже прямым объявлением войны тем правительствам, которые не признали имперской конституции, и прежде всего Пруссии, Австрии, Баварии, включавшим больше чем три четверти всего населения Германии, — объявлением войны, немедленно принятым правительствами. Пруссия и Бавария тоже отозвали депутатов, посланных во Франкфурт от их территорий, и ускорили свои военные приготовления против Национального собрания. С другой стороны, демонстрации демократической партии (вне парламента) в пользу имперской конституции и Национального собрания приобретали все более бурный и энергичный характер, и масса рабочих, руководимая сторонниками крайней партии, обнаруживала готовность взяться за оружие в защиту дела, которое, правда, не было собственным делом рабочих, но, по крайней мере, освобождая Германию от ее старых монархических оков, открывало перед ними возможность несколько приблизиться к осуществлению своих целей. Таким образом, повсюду на этой почве народ и правительства оказались в острейшем конфликте друг с другом; взрыв был неминуем; мина была заряжена, и одной искры было достаточно, чтобы она взорвалась. Роспуск палат в Саксонии, призыв ландвера (военного резерва) в Пруссии, прямое противодействие правительств имперской конституции явились этой искрой; она упала, и вся страна тотчас же была охвачена пламенем. В Дрездене народ 4 мая победоносно овладел городом и изгнал короля[*]; все соседние округа послали подкрепления восставшим. В Рейнской Пруссии и Вестфалии ландвер отказался выступить, захватил арсеналы и вооружился на защиту имперской конституции. В Пфальце народ арестовал баварских правительственных чиновников, захватил казначейство и учредил Комитет обороны, который объявил провинцию под защитой Национального собрания. В Вюртемберге народ заставил короля[**] признать имперскую конституцию, а в Бадене армия в союзе с народом принудила великого герцога[***] к бегству и создала временное

[*] — Фридриха-Августа II. *Ред.*
[**] — Вильгельма I. *Ред.*
[***] — Леопольда. *Ред.*

правительство. В других частях Германии народ дожидался только решающего сигнала от Национального собрания, чтобы восстать с оружием в руках и предоставить себя в его распоряжение.

Положение Национального собрания было гораздо благоприятнее, чем можно было бы ожидать после его бесславного прошлого. Западная половина Германии взялась за оружие для защиты Собрания; войска повсюду колебались; в мелких государствах они явно склонялись на сторону движения. Австрия была доведена до крайности победоносным наступлением венгров, а Россия, этот резервный оплот немецких правительств, напрягала все свои силы, чтобы поддержать Австрию против мадьярских войск. Оставалось только справиться с Пруссией, а при наличии в этой стране революционных симпатий достижение такой цели было несомненно возможным. Словом, все зависело от поведения Собрания.

Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 г. достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померилось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих

пор мастера революционной тактики, Дантона: de l'audace, do 1'audace, encore de l'audace![*]

Итак, что же следовало делать франкфуртскому Национальному собранию, чтобы избежать неминуемо угрожавшей ему гибели? Оно должно было, прежде всего, отчетливо уяснить себе положение и убедиться в том, что теперь перед ним нет иного выбора, как или безоговорочно подчиниться правительствам или же, решительно отбросив всякие колебания, примкнуть к вооруженному восстанию. Во-вторых, оно должно было открыто признать все уже вспыхнувшие восстания, призвать народ повсеместно взяться за оружие для защиты национального представительства и объявить вне закона всех монархов, министров и других лиц, которые посмели бы противиться суверенному народу, представленному своими уполномоченными. В-третьих, оно должно было немедленно сместить германского имперского регента, создать сильную, деятельную, *ни перед чем не отступающую* исполнительную власть, призвать во Франкфурт для своей непосредственной защиты вооруженные силы восставших, создавая тем самым одновременно законный повод для распространения восстания, организовать в одно сплоченное целое все имеющиеся в его распоряжении боевые силы — словом, быстро и без колебания использовать все возможные средства, чтобы укрепить свою позицию и ослабить позицию своих врагов.

Добродетельные демократы Франкфуртского собрания поступили во всем как раз наоборот. Не довольствуясь тем, что они предоставили дело его собственному течению, эти достойные господа дошли до того, что своим противодействием прямо-таки душили все подготовлявшиеся повстанческие движения. Так поступил, например, г-н Карл Фогт в Нюрнберге. Они допустили подавление восстаний в Саксонии, Рейнской Пруссии, Вестфалии, не оказав им никакой другой помощи, кроме сентиментального протеста, после их гибели, против бесчувственной жестокости прусского правительства. Тайно они поддерживали дипломатические сношения с южногерманскими восстаниями, по ни разу не поддержали их посредством открытого признания. Они знали, что имперский регент стоит на стороне правительств, и тем не менее они призывали *его* — на что тот не обращал никакого внимания — противодействовать интригам этих правительств. Имперские министры, старые консерваторы, на каждом заседании осыпали насмешками это беспомощное Собрание, и оно мирилось с этим. А когда Вильгельм

[*] — смелость, смелость и еще раз смелость! *Ред.*

Вольф, силезский депутат и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», потребовал, чтобы Собрание объявило вне закона имперского регента, который, как справедливо указывал Вольф, был первым и величайшим предателем империи, его заглушил единодушный крик добродетельного негодования этих демократических революционеров! Короче говоря, они продолжали болтать, протестовать, возвещать, провозглашать, но им никогда не хватало ни мужества, ни ума, чтобы действовать, между тем как враждебные войска правительств подходили все ближе, а их собственная исполнительная власть — имперский регент — усердно строила им козни, подготовляя совместно с немецкими государями их быстрое уничтожение. Таким образом, это презренное Собрание растеряло последние остатки своего престижа; участников восстания, которые поднялись на его защиту, перестала заботить его судьба, а когда, как мы увидим в дальнейшем, дело, наконец, пришло к позорному концу и Собрание это испустило дух, никто и внимания не обратил на его бесславное исчезновение.

Лондон, август 1852 г.

XVIII
МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В нашей последней статье мы показали, как борьба между немецкими правительствами, с одной стороны, и Франкфуртским парламентом — с другой, в конце концов достигла такой степени ожесточения, что в первые дни мая в значительной части Германии вспыхнули открытые восстания: сначала в Дрездене, потом в баварском Пфальце, в части Рейнской Пруссии и, наконец, в Бадене.

Во всех случаях *подлинные боевые* силы повстанцев состояли из *городских рабочих,* которые первыми брались за оружие и вступали в сражение с войсками. Часть беднейших слоев сельского населения — батраки и мелкие крестьяне — присоединялась к рабочим, как правило, уже после того, как вспыхивал конфликт. Большинство молодых людей из всех классов, стоящих ниже класса капиталистов, по крайней мере временно находилось в рядах повстанческих армий, но эта довольно пестрая толпа молодежи быстро поредела, как только дело приняло более серьезный оборот. В частности, студенты, эти «представители интеллекта», как они любили себя называть, первыми покидали свои знамена, если только их не удавалось удержать производством в офицеры, для чего они, разумеется, лишь в самых редких случаях обладали необходимыми данными.

Рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы его во всяком другом, от которого можно было бы ждать, что оно либо устранит некоторые препятствия на его пути к политическому господству и социальной революции, либо, по крайней мере, заставит более влиятельные, но менее смелые общественные классы придерживаться более решительного и революционного курса, чем тот, которого они придерживались до сих пор. Рабочий класс взялся за оружие с полным сознанием того, что по своим непосредственным целям это не его собственная борьба. Но он следовал единственно правильной для

него тактике: ни одному классу, поднявшемуся на его плечах (как это сделала буржуазия в 1848 г.), он не хотел позволить укрепить свое классовое господство, если тот не предоставлял рабочему классу, по крайней мере, свободного поля для борьбы за его собственные интересы. Во всяком случае, рабочий класс стремился довести дело до кризиса, который или решительно и бесповоротно увлек бы нацию на революционный путь, или же привел бы к возможно более полному восстановлению дореволюционного status quo и таким образом сделал бы неизбежной новую революцию. И в том и в другом случае рабочий класс представлял действительные и правильно понятые интересы всей нации в целом: он по мере сил ускорял ход революции, которая стала теперь исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы и без которой ни одно из них не может помышлять о дальнейшем более спокойном и регулярном развитии своих сил.

Что касается присоединившегося к восстанию сельского населения, то оно, в основном, бросилось в объятия революционной партии частью из-за непомерного бремени налогов, частью же из-за тяготевших над ним феодальных повинностей. Лишенное какой бы то ни было собственной инициативы, оно шло в хвосте других классов, вовлеченных в восстание, колеблясь между рабочими и классом мелких ремесленников и торговцев. Почти всегда личное социальное положение каждого в отдельности решало, к какой стороне он примыкал. Сельский батрак обычно присоединялся к городским рабочим; мелкий крестьянин-собственник обнаруживал склонность идти рука об руку с мелким буржуа.

Этот класс мелких буржуа, на большое значение и влияние которого мы уже неоднократно указывали, можно считать руководящим классом майского восстания 1849 года. Так как на этот раз среди центров движения не было ни одного из крупных городов Германии, то мелкой буржуазии, которая всегда преобладает в средних и мелких городах, удалось захватить в свои руки руководство движением. Мы видели, кроме того, что в борьбе за имперскую конституцию и за права германского парламента интересы именно этого класса были поставлены на карту. Во всех временных правительствах, которые организовались в восставших областях, большинство составляли представители именно этой части народа, поэтому по масштабам их деятельности можно как раз судить, на что вообще способна немецкая мелкая буржуазия. Как мы увидим, она способна лишь на то, чтобы погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству.

Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно не способна к действию и трусливо избегает рисковать чем бы то ни было. Мелочная природа ее торговых сделок и кредитных операций как нельзя более способна наложить отпечаток на весь ее характер, лишая его энергии и предприимчивости; поэтому следовало ожидать, что такими же свойствами будет отличаться и ее политическая деятельность. И действительно, мелкая буржуазия поощряла восстание высокопарными фразами и неумеренным прославлением подвигов, которые она собиралась совершить; она жадно спешила захватить власть, как только восстание — совершенно вопреки ее желанию — вспыхнуло; но этой властью она пользовалась только для того, чтобы свести к нулю успехи восстания. Повсюду, где вооруженное столкновение приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед создавшимся для них опасным положением: ужас перед народом, который всерьез принял их хвастливый призыв к оружию, ужас перед властью, которая теперь попала им в руки, и прежде всего ужас перед последствиями той политики, в которую им пришлось ввязаться, — последствиями как лично для них самих, так и для их общественного положения и для их собственности. Не ожидали ли от них, что они действительно будут рисковать «жизнью и имуществом», как они обычно говорили, ради дела восстания? Не вынуждены ли они были занять официальное положение в восстании и, следовательно, в случае поражения не рисковали ли они потерять свои капиталы? И какая иная перспектива была у них в случае победы, как не уверенность, что победоносные пролетарии, составлявшие главную массу их боевых сил, прогонят их с постов и коренным образом изменят их политику? Поставленная таким образом между противоположными опасностями, окружавшими ее со всех сторон, мелкая буржуазия сумела воспользоваться своей властью лишь для того, чтобы бросить все на произвол судьбы, в силу чего были, разумеется, утрачены те небольшие шансы на успех, на которые еще можно было рассчитывать, и восстание окончательно обрекалось на крушение. Тактика мелкой буржуазии, или, вернее, полное отсутствие всякой тактики, повсюду была одна и та же, и потому восстания в мае 1849 г. во всех частях Германии оказались как бы выкроенными по одному образцу.

В Дрездене уличная борьба продолжалась четыре дня. Мелкие буржуа Дрездена, «городская гвардия», не только не принимали участия в борьбе, но во многих случаях поддерживали действия войск против восставших. Последние опять-таки состояли почти исключительно из рабочих окрестных

промышленных округов. Они нашли *способного и хладнокровного командира в лице русского эмигранта Михаила Бакунина,* который впоследствии был взят в плен и в настоящее время находится в заточении в крепости Мункач* в Венгрии. В результате вмешательства многочисленных прусских войск это восстание было подавлено.

В Рейнской Пруссии дело дошло лишь до незначительных схваток. Так как все крупные города были крепостями, над которыми господствовали цитадели, то действия восставших должны были ограничиться лишь отдельными стычками. Как только было сосредоточено достаточное количество войск, вооруженному сопротивлению был положен конец.

В Пфальце и Бадене, наоборот, восставшие овладели богатой, плодородной областью, а также целым государством. Здесь было все под рукой: деньги, оружие, солдаты, военные запасы. Солдаты регулярной армии сами присоединились к восставшим; более того, в Бадене они были даже в первых рядах. Восстания в Саксонии и Рейнской Пруссии принесли себя в жертву, чтобы дать время для организации южногерманского движения. Никогда еще не было таких благоприятных обстоятельств для местного, в масштабах провинции, восстания, как в данном случае. В Париже ожидалась революция; венгры стояли у ворот Вены; во всех государствах центральной Германии не только народ, но и войска решительно склонялись на сторону восстания и ждали только удобного случая, чтобы открыто присоединиться к нему. И все же движение, попав в руки мелкой буржуазии, с самого начала было обречено на гибель. Мелкобуржуазные правители, в особенности в Бадене — и во главе их г-н Брентано,— никак не могли забыть, что узурпацией поста и прерогатив «законного» суверена, великого герцога, они совершают государственную измену. Они сидели в своих министерских креслах, в душе считая себя преступниками. Чего же было ждать от таких трусов? Они не только предоставили восстание его собственному стихийному ходу, оставив его децентрализованным, а потому и безрезультатным, но делали все, что было в их силах, чтобы отнять у движения всякую энергию, обессилить и погубить его. И им это удалось благодаря ревностной поддержке того разряда глубокомысленных политиков, тех «демократических» героев мелкой буржуазии, которые были всерьез убеждены, что «спасают отечество», предоставляя водить себя за нос нескольким более ловким субъектам, вроде Брентано.

* Украинское название: Мукачево. *Ред.*

Что касается военной стороны дела, то никогда еще боевые операции не велись столь небрежно и столь бестолково, как под руководством баденского главнокомандующего Зигеля, бывшего лейтенанта регулярной армии. Все пришло в беспорядок, упущены были все благоприятные случаи, все драгоценные моменты были потрачены на измышление грандиозных, но невыполнимых планов, и когда, наконец, командование взял на себя даровитый поляк Мерославский, армия была дезорганизована, разбита, плохо снабжена, пала духом и стояла перед вчетверо превосходившим ее численностью противником. Мерославскому не оставалось ничего иного, как только дать при Вагхёйзеле славное, но окончившееся неудачей сражение, совершить искусное отступление, вступить в последний безнадежный бой под стенами Раштатта и сложить с себя командование. В этой, как и во всякой повстанческой войне, в которой войска представляют собой смесь опытных солдат и необученных новобранцев, революционная армия проявила много героизма, но, вместе с тем, и много раз поддавалась несвойственной солдатам и часто прямо-таки непостижимой панике. Но при всем своем неизбежном несовершенстве эта армия вправе считать себя удовлетворенной хотя бы уже тем, что четырехкратный численный перевес показался противнику недостаточным, чтобы разбить ее наголову, и что во время кампании сто тысяч регулярных войск обнаруживали в военном отношении такую почтительность перед двадцатью тысячами повстанцев, словно перед ними была старая гвардия Наполеона.

В мае восстание вспыхнуло, в середине июля 1849 г. оно было полностью подавлено. Первая германская революция закончилась.

XIX
КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

В то время как юг и запад Германии были охвачены открытым восстанием и правительствам потребовалось более десяти педель от начала военных действий в Дрездене до капитуляции Раштатта, чтобы задушить эту последнюю вспышку первой германской революции, Национальное собрание исчезло с политической сцены, причем никто не заметил его исчезновения.

Мы оставили это высокое учреждение во Франкфурте в состоянии растерянности, в которое оно пришло в результате дерзких посягательств правительств на его достоинство, бессилия и предательского бездействия созданной им же самим центральной власти, восстаний мелкой буржуазии, выступившей на его защиту, и восстаний рабочего класса, преследовавшего более революционную конечную цель. Среди членов Собрания царили крайняя подавленность и отчаяние; события сразу приняли столь определенный и решительный оборот, что за несколько дней совершенно рухнули все иллюзии этих ученых законодателей относительно их действительной силы и влияния. Консерваторы по сигналу своих правительств уже покинули Собрание, всякое дальнейшее существование которого отныне могло быть только вызовом законным властям. Либералы, приведенные в крайнее замешательство, сочли дело безнадежно проигранным; они также сложили с себя свои депутатские полномочия. Достопочтенные господа дезертировали сотнями. Их было сначала от 800 до 900, но число это теперь уменьшалось с такой стремительностью, что скоро для кворума было признано достаточным присутствие ста пятидесяти, а через несколько дней — ста депутатов. Но трудно было собирать даже этот кворум, хотя вся демократическая партия еще оставалась в Собрании.

Было достаточно ясно, что надлежало делать остатку парламента. Ему следовало только открыто и решительно. примкнуть к восстанию, придав тем самым восстанию всю силу,

какую только могла сообщить ему законность; в то же время он сразу приобрел бы таким способом армию для своей защиты. Он должен был бы потребовать от центральной власти, чтобы та добилась немедленного прекращения всех военных действий, а если бы, как это можно было предвидеть, эта власть не сумела и не захотела так поступить, он должен был бы тотчас же устранить ее и заменить более энергичным правительством. Если нельзя было ввести войска повстанцев во Франкфурт (что нетрудно было бы осуществить вначале, пока правительства германских государств были еще недостаточно подготовлены к борьбе и обнаруживали нерешительность), Собрание могло бы, не теряя времени, перенести свое местопребывание в самый центр восставшей области. Если бы все это было сделано сразу и без колебаний не позже середины или конца мая, то как у восстания, так и у Национального собрания могли бы еще появиться шансы на успех.

Но от представителей немецкого мещанства никак нельзя было ожидать таких решительных действий. Эти честолюбивые государственные мужи ничуть не расстались со своими иллюзиями. Те члены парламента, которые утратили свою роковую веру в его силу и неприкосновенность, уже удрали; оставшихся же демократов нелегко было убедить отказаться от тех грез о власти и величии, которым они предавались в течение целого года. Оставаясь верными принятому ими раньше курсу, они всячески избегали решительных действий до тех пор, пока, наконец, не исчезли какие бы то ни было шансы на успех и даже какая бы то ни было возможность хотя бы пасть с честью. Развивая чисто показную, суетливую деятельность, полнейшая бесплодность которой в сочетании с высокопарными претензиями могла возбудить лишь сострадание и насмешку, они продолжали направлять резолюции, адреса и запросы имперскому регенту, который не обращал на них никакого внимания, и министрам, которые были в открытом союзе с врагом. А когда, наконец, *Вильгельм Вольф,* депутат от Штригау* и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», единственный действительный революционер во всем Собрании, заявил, что если они серьезно относятся к своим словам, то должны положить конец болтовне и немедленно объявить вне закона имперского регента, главного предателя страны, тогда все долго сдерживаемое добродетельное негодование этих господ парламентариев разразилось вдруг с такой силой, которой и в помине не было, когда имперское правительство наносило им одно

* Польское название: Стшегом. *Ред.*

оскорбление за другим. Так оно и должно было быть, ибо предложение *Вольфа* было первым разумным словом, сказанным в стенах собора св. Павла[39]; ведь он требовал именно того, что необходимо было сделать, а такая откровенная речь, где все было названо своим именем, могла лишь оскорбить чувствительные души, которые были решительны только в своей нерешительности и которые, будучи слишком трусливыми для того, чтобы действовать, раз навсегда вбили себе в голову, что ничего не делать — это именно и есть то, что следует делать. Каждое слово, которое, как вспышка молнии, озаряло застилавший их мозги туман, преднамеренно ими самими же поддерживаемый, каждое предложение, способное вывести их из лабиринта, в котором они во что бы то ни стало хотели как можно дольше оставаться, каждый ясный взгляд на действительное положение вещей — все это было, разумеется, оскорблением величества этого суверенного Собрания.

Вскоре после того как, несмотря на все резолюции, воззвания, интерпелляции и прокламации, дальнейшая защита позиций почтенных господ депутатов во Франкфурте стала невозможной, они удалились, но не в восставшие области, ибо это было бы слишком смелым шагом. Они отправились в Штутгарт, где вюртембергское правительство сохраняло своего рода выжидательный нейтралитет. Здесь они, наконец, объявили имперского регента низложенным и из своей собственной среды избрали регентство из пяти членов. Это регентство с места в карьер приняло закон о военном ополчении, который с соблюдением всех надлежащих формальностей был разослан всем правительствам Германии. Им, этим завзятым врагам Собрания, было приказано собирать силы для его защиты! Так создавалась — разумеется, на бумаге — армия для защиты Национального собрания. Дивизии, бригады, полки, батареи — все было предусмотрено и предписано. Ни в чем не было недостатка, кроме реальности, потому что эта армия, конечно, никогда не появилась на свет.

Еще один, последний план сам собой напрашивался Национальному собранию. Демократическое население из всех частей страны присылало депутации, чтобы предоставить себя в распоряжение парламента и побудить его к решительным действиям. Народ, знавший истинные намерения вюртембергского правительства, заклинал Национальное собрание принудить это правительство к открытому и активному участию в восстании, поднятом его соседями. Но тщетно. Перейдя в Штутгарт, Национальное собрание отдалось на милость вюртембергского правительства. Депутаты сознавали это и потому

противодействовали агитации среди народа. В силу этого они утратили последний остаток влияния, которое еще могли бы сохранить за собой. Они навлекли на себя заслуженное презрение, и вюртембергское правительство, побуждаемое Пруссией и имперским регентом, положило конец демократическому фарсу: 18 июня 1849 г. оно заперло зал заседаний парламента и приказало членам регентства покинуть страну.

Тогда они отправились в Баден, в лагерь восставших, но там они были теперь уже бесполезны. Никто не обращал на них внимания. Тем не менее регентство, от имени суверенного германского народа, продолжало своими собственными усилиями спасать отечество. Оно сделало попытку добиться своего признания со стороны иностранных держав, выдавая *паспорта* всякому, кто хотел их брать. Оно издавало прокламации и отправляло комиссаров, чтобы вызвать восстание в тех самых областях Вюртемберга, активной поддержкой которых оно пренебрегло, когда время еще не было упущено, но все это, разумеется, было безуспешно. Перед нами лежит сейчас подлинное донесение, посланное регентству одним из его комиссаров, г-ном Рёслером (депутатом от Эльса*); его содержание весьма характерно. Оно носит пометку; Штутгарт, 30 июня 1849 года. Описав приключения полдюжины подобных комиссаров, предпринимавших безуспешные поиски денег, г-н Рёслер приводит ряд оправданий, почему он все еще не прибыл на место своего назначения, а затем пускается в область самых глубокомысленных соображений о возможных трениях между Пруссией, Австрией, Баварией и Вюртембергом и об их возможных последствиях. Подробно рассмотрев все это, он тем не менее приходит к выводу, что надеяться все-таки не на что. Далее он предлагает организовать из надежных людей службу для передачи информации и создать систему шпионажа для раскрытия намерений вюртембергского министерства и получения сведений о передвижениях войск. Это письмо не дошло по адресу, потому что, когда оно писалось, «регентство» целиком уже переправилось в «ведомство иностранных дел», т. е. в Швейцарию. И в то время как бедный г-н Рёслер все еще ломал голову над тем, каковы планы страшного министерства захудалого королевства, сто тысяч прусских, баварских и гессенских солдат в последнем бою под стенами Раштатта уже решили все дело.

Так исчез германский парламент, а вместе с ним — первое и последнее создание германской революции. Его созыв был первым юридическим подтверждением того факта, что в Германии

* Польское название: Олесница. *Ред.*

действительно *была,* революция; и он просуществовал до тех пор, пока ей, этой первой современной германской революции, не был положен конец. Избранный под влиянием класса капиталистов разобщенным, распыленным сельским населением, большая часть которого только что очнулась от феодального оцепенения, этот парламент послужил тому, чтобы собрать воедино на политической арене все крупные популярные имена периода 1820—1848 гг., а затем совершенно их уничтожить. Здесь собрались все знаменитости буржуазного либерализма. Буржуазия ждала чудес, а стяжала позор для себя и для своих представителей. Класс промышленных и торговых капиталистов понес в Германии более тяжкое поражение, чем в какой-либо другой стране. Сначала он был побежден, сокрушен, прогнан с государственных постов во всех отдельных государствах Германии, а потом был разбит наголову, обесчещен и осыпан насмешками в центральном германском парламенте. Политический либерализм — правление буржуазии, будь то в монархической или в республиканской форме государственной власти, — стал навсегда невозможен в Германии.

В последний период своего существования германский парламент послужил тому, чтобы навсегда опозорить партию, которая с марта 1848 г. стояла во главе официальной оппозиции, — партию демократов, этих представителей интересов класса мелких ремесленников и торговцев и отчасти крестьянства. В мае и июне 1849 г. этот класс получил возможность показать свою способность к организации устойчивого правительства в Германии. Мы уже видели, какую он потерпел неудачу — не столько из-за неблагоприятных обстоятельств, сколько из-за своей явной трусости, неизменно проявлявшейся во всех решающих движениях, какие только имели место с начала революции; он потерпел эту неудачу из-за того, что в политике обнаружил ту же самую близорукость, малодушие и нерешительность, которые характерны для его коммерческих операций. В мае 1849 г. вследствие такого поведения он уже утратил доверие рабочего класса — подлинной боевой силы всех европейских восстаний. Но все же у него были благоприятные виды на успех. С того времени как реакционеры и либералы ретировались, германский парламент был исключительно в его руках. Сельское население было на его стороне. Две трети армий в мелких государствах, треть прусской армии, большая часть прусского ландвера (резерв или ополчение) готовы были присоединиться к нему, если бы он стал действовать с той решительностью и отвагой, которые вытекают из ясного понимания положения вещей. Но политики, стоявшие во главе этого класса,

были не дальновиднее, чем масса мелких буржуа, следовавшая за ними. Они обнаружили еще большее ослепление, еще упорнее цеплялись за иллюзии, которые они сами же добровольно в себе поддерживали, были еще более легковерны, еще более неспособны твердо считаться с фактами, чем либералы. Их политическое значение тоже упало ниже нуля. Но так как на деле они еще не осуществили своих банальных принципов, то при *очень* благоприятных обстоятельствах они могли бы вновь ожить на короткое время, если бы у них, как и у их коллег, «чистых демократов» во Франции, государственный переворот *Луи Бонапарта* не отнял и этой последней надежды.

Подавлением восстания в Юго-Западной Германии и разгоном германского парламента заканчивается история первой германской революции. Нам остается еще бросить прощальный взор на победоносных членов контрреволюционного союза. Это мы сделаем в нашей следующей статье[40].

Лондон, 24 сентября 1852 г.

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ

В одной глубокомысленной корреспонденции аугсбургской «Allgemeine Zeitung»[41], помеченной: Кёльн, 26 сентября, упоминается мое имя в нелепом сочетании с именем баронессы фон Бек и кёльнскими арестами[42]. А именно — якобы я доверил баронессе фон Бек некие политические тайны, которые впоследствии тем или иным путем дошли до правительства. С баронессой фон Бек я виделся только два раза и притом оба раза при свидетелях. Во время обоих свиданий речь шла *исключительно* о литературных предложениях, которые я вынужден был отклонить, так как они основывались на совершенно ошибочном представлении, будто я поддерживаю какие-нибудь связи с немецкими газетами. После того как с этим делом было покончено, я больше ничего не слыхал о г-же баронессе, пока не узнал о ее внезапной смерти. Что же касается немецких эмигрантов, ежедневно встречавшихся с г-жой фон Бек, то я всегда так же мало считал их своими друзьями, как и кёльнского корреспондента аугсбургской «Allgemeine Zeitung» или тех «великих» немецких мужей, которые в Лондоне превращают эмиграцию в своего рода предпринимательство или должность. Я никогда не считал, что всевозможные подлые и нелепые, несуразно лживые сплетни немецких газет, либо прямо исходящие из Лондона, либо инспирируемые оттуда, стоили того, чтобы на них отвечать. И если на этот раз я делаю исключение, то только потому, что кёльнский корреспондент аугсбургской «Allgemeine Zeitung» пытается мою мнимую несдержанность в разговорах с баронессой фон Бек рассматривать как *основание* для арестов в Кёльне, Дрездене и т. д.

Лондон, 4 октября 1851 г.

Карл Маркс

Напечатано в «Kolnische Zeitung» № 242, 9 октября 1851 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА [43]

Написано К. Марксом
в декабре 1851 — марте 1852 г.

Напечатано в виде первого выпуска
журнала «Die Revolution», New-York, 1852

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту издания 1869 г.,
сверенному с текстами изданий
1852 и 1885 гг.

Перевод с немецкого

Die Revolution,

Eine Zeitschrift in zwanglosen Heften.

Herausgegeben von

J. Weydemeyer.

Erstes Heft.

Der 18te Brumaire des Louis Napoleon

von

Karl Marx.

New-York.

Expedition: Deutsche Vereins-Buchhandlung von Schmidt und Helmich.

William-Street Nr. 191.

1852.

Титульный лист журнала «DIE REVOLUTION»,
в котором впервые была опубликована работа
«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»

I

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1793—1795 гг.. племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера![44]

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793—1795 годов. Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех

пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного *буржуазного* общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили произраставшие на его почве феодальные головы. Другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы в той мере, в какой это было необходимо, чтобы создать для буржуазного общества во Франции соответственное, отвечающее потребностям времени окружение на европейском континенте. Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бенжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созиданием богатства и мирной конкурентной борьбой, оно уже не вспоминало, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848—1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого républicain en gants jaunes*, переодетого в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший. что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы. Нация чувствует себя так же, как тот рехнувшийся англичанин в Бедламе[45], который мнил себя современником древних фараонов и ежедневно горько жаловался на тяжкий труд рудокопа, который он должен выполнять в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, куда он заточен, при свете тусклой лампы, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика за рабами с длинным бичом в руке и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников-рудокопов, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту», — вздыхает рехнувшийся англичанин, — «чтобы добывать золото для древних фараонов». «Чтобы платить долги семейства Бонапарта», — вздыхает французская нация. Англичанин, пока он находился в здравом уме, не мог отделаться от навязчивой идеи добывания золота. Французы, пока они занимались революцией, не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне, как это доказали выборы 10 декабря[46]. От опасностей революции их потянуло назад к египетским котлам с мясом[47], — и ответом явилось 2 декабря 1851 года. Они получили не только карикатуру на старого Наполеона, — они получили самого старого Наполеона в карикатурном виде, получили его таким, каким он должен выглядеть в середине XIX века.

* — республиканца в лайковых перчатках. *Ред.*

Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы.

Февральская революция была *неожиданностью* для старого общества, она застигла его врасплох, и народ провозгласил этот внезапный *удар* всемирно-историческим событием, открывающим новую эру. 2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера, и в результате уничтоженной оказывается уже не монархия, а те либеральные уступки, которые были отвоеваны у нее вековой борьбой. Вместо того чтобы само *общество* завоевало себе новое содержание, лишь *государство* как бы оказывается возвращенным к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и рясы. На февральский coup de main* 1848 года отвечает декабрьский coup de tete** 1851 года. Как нажито, так и прожито. Однако протекшее между этими событиями время не прошло даром. В течение 1848—1851 гг. французское общество усвоило, — но способу сокращенному, потому что он был революционным, — уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, будь она чем-то более серьезным, чем простое сотрясение поверхности. Кажется, что общество очутилось теперь позади своего исходного пункта, на самом же деле ему приходится еще только создавать себе исходный пункт для революции, создавать положение, отношения, условия, дри которых современная революция только и может принять серьезный характер.

Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури

* — смелый удар, решительное действие. *Ред.*
** — опрометчивый поступок, наглое действие. *Ред.*

и натиска. Напротив, пролетарские революции, революции XIX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Hic Rhodus, hic salta!
Здесь роза, здесь танцуй![48]

Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за развитием событий во Франции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать самодовольное победное тявканье господ демократов, поздравлявших друг друга с благодатными последствиями, ожидаемыми от второго воскресенья мая 1852 года[49]. Второе воскресенье мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов. Слабость всегда спасалась верой в чудеса; она считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но сообщать о которых она считает пока преждевременным. Эти герои, старающиеся опровергнуть мнение о своей явной бездарности тем, что они взаимно выражают друг другу свое сочувствие и сплачиваются в особую группу, уже собрали свои пожитки и, захватив авансом свои лавровые венки, как раз собирались учесть на бирже свои республики in partibus[*], правительственный персонал для которых втихомолку, со свойственной им невзыскательностью, был уже ими предусмотрительно организован. 2 декабря поразило их, как удар грома среди ясного неба. И народы, которые в периоды малодушия охотно дают заглушить свой внутренний страх самым громким крикунам, на

[*] — In partibus infidelium — вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

этот раз, быть может, убедились в том, что прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Конституция, Национальное собрание, династические партии, синие и красные республиканцы, африканские герои, гром трибуны, зарницы прессы, вся литература, политические имена и ученые репутации, гражданский закон и уголовное право, liberté, égalité, fraternité[*] и второе воскресенье мая 1852 г. — все исчезло, как фантасмагория, перед магической формулой человека, которого даже его враги не считают чародеем. Всеобщее избирательное право, казалось, продержалось еще одно мгновение только для того, чтобы перед глазами всего мира составить собственноручно свое завещание и заявить от имени самого народа: «Все, что возникает, достойно гибели»[50].

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Ведь надо еще объяснить, каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию.

Резюмируем в общих чертах фазы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 до декабря 1851 года.

Вот три несомненных главных периода: *февральский период;* от 4 мая 1848 до 28 мая 1849 г.[51] — *период учреждения республики,* или *Учредительного национального собрания;* от 28 мая 1849 до 2 декабря 1851 г. — *период конституционной республики,* или *Законодательного национального собрания.*

Первый период, от 24 февраля, т. е. от падения Луи-Филиппа, до 4 мая 1848 г., т. е. до открытия заседаний Учредительного собрания, — *февральский период* в собственном смысле слова,— можно назвать *прологом* революции. Характер этого периода выразился официально в том, что созданное им экспромтом правительство само объявило себя *временным.* Подобно правительству, все, что было предпринято, испробовано и высказано в этот период, выдавало себя лишь за нечто *временное.* Никто и ничто не дерзало признать за собой право на постоянное существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собой революцию: династическая оппозиция[52], республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демо-

[*] — свобода, равенство, братство. *Ред.*

кратические рабочие — все эти элементы временно получили место в февральском *правительстве.*

Иначе и быть не могло. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущих классов и свергли, бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда дело дошло до действительного столкновения, когда народ поднялся на баррикады, когда национальная гвардия заняла позицию пассивного выжидания, армия не оказала серьезного сопротивления и монархия была обращена в бегство, то учреждение республики стало подразумеваться как бы само собой. Каждая партия истолковывала ее по-своему. Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее *социальной республикой.* Так намечено было общее содержание современной революции — содержание, находившееся в самом удивительном противоречии со всем тем, что возможно было осуществить сразу, непосредственно, из данного материала, на достигнутой массой ступени развития, при данных обстоятельствах и условиях. С другой стороны, притязания всех остальных элементов, содействовавших успеху февральской революции, были удовлетворены предоставлением им львиной доли в правительстве. Вот почему ни в каком другом периоде нельзя найти более пестрой смеси напыщенных фраз и фактической неуверенности и беспомощности, более восторженного стремления к новшествам и более прочного господства старой рутины, более обманчивой видимости гармонии общества в целом и более глубокой отчужденности его элементов. В то время как парижский пролетариат еще был в упоении от открывшейся ему великой перспективы и всерьез предавался дискуссиям по социальным проблемам, старые общественные силы сгруппировались, сомкнулись, опомнились и нашли неожиданную опору в массе нации — в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену, после того как пали преграды, существовавшие при Июльской монархии.

Второй период — от 4 мая 1848 до конца мая 1849 г. — это период *учреждения, основания буржуазной республики.* Непосредственно после февральских дней не только династическая оппозиция была застигнута врасплох республиканцами, а республиканцы — социалистами, но и вся Франция была застигнута врасплох Парижем. Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г. Национальное собрание, которое было избрано нацией, представляло нацию. Это Собрание было живым протестом против притязаний февральских дней и должно

было низвести результаты революции до буржуазных масштабов. Тщетно пытался парижский пролетариат, сразу разгадавший характер этого Национального собрания, через несколько дней после его открытия, 15 мая, силой прекратить его существование, разогнать его, снова разложить на составные части органическую форму, в которой ему угрожал оказывающий противодействие дух нации. День 15 мая, как известно, привел лишь к удалению с общественной арены, на все время рассматриваемого нами цикла, Бланки и его единомышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии.

За *буржуазной монархией* Луи-Филиппа может следовать только *буржуазная республика,* т. е. если, прикрываясь именем короля, господствовала небольшая часть буржуазии, то отныне будет господствовать, прикрываясь именем народа, вся буржуазия в целом. Требования парижского пролетариата, это — вздорные утопии, которым надо положить конец. На это заявление Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил *июньским восстанием,* этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя. После победы над ним свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда. Со времени этого поражения пролетариат отходит на *задний план* революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда кажется, что в движении наступил новый подъем, но эти попытки становятся все слабее и приносят все более ничтожные результаты. Как только какой-нибудь из стоящих выше него общественных слоев приходит в революционное брожение, пролетариат вступает с ним в союз и таким образом разделяет все поражения, последовательно претерпеваемые различными партиями. Но эти последующие удары становятся все слабее по мере того, как они распределяются по все большей поверхности общества. Более выдающиеся вожди пролетариата в Собрании и в прессе один за другим делаются жертвой суда, и их место занимают все более сомнительные личности. Часть пролетариата пускается на *доктринерские эксперименты, создание меновых банков и рабочих ассоциаций — другими словами, в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь совокупностью заложенных*

в самом старом мире могучих средств, а пытается осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования и потому неизбежно терпит неудачу. Пролетариат, по-видимому, не в состоянии ни обрести свое прежнее революционное величие в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из вновь заключенных союзов, пока *все классы,* с которыми он боролся в июне, не будут так же повергнуты, как и он сам. Но пролетариат, по крайней мере, пал с честью, достойной великой всемирно-исторической борьбы; не только Франция — вся Европа дрожит от июньского землетрясения, между тем как последующие поражения вышестоящих классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии приходится прибегать к наглым преувеличениям, чтобы вообще придать им характер событий, причем эти поражения становятся тем позорнее, чем дальше побежденная партия отстоит от пролетарской.

Поражение июньских повстанцев, правда, подготовило, расчистило почву, на которой могло быть возведено здание буржуазной республики, но в то же время оно показало, что в Европе дело идет не о споре на тему: «республика или монархия», а о чем-то другом. Это поражение обнаружило, что *буржуазная республика* означает здесь неограниченное деспотическое господство одного класса над другими. Оно показало, что в странах старой цивилизации с развитым разделением на классы, с современными условиями производства и с духовным сознанием, в котором благодаря вековой работе растворились все унаследованные по традиции идеи, что в таких странах *республика* означает *вообще только политическую форму революционного преобразования буржуазного общества,* а не *консервативную форму* его *существования,* как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в беспрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу, где современные средства производства не только не сочетаются с хроническим перенаселением, а, наоборот, восполняют относительный недостаток в головах и руках и где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков.

Все классы и партии во время июньских дней сплотились в *партию порядка* против класса пролетариев — *партии анархии,* социализма, коммунизма. Они «спасли» общество от *«врагов общества».* Они избрали паролем для своих войск девиз

старого общества: *«Собственность, семья, религия, порядок»,* и ободряли контрреволюционных крестоносцев словами: «Сим победиши!». Начиная с этого момента, как только одна из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских повстанцев, пытается в своих собственных классовых интересах удержаться на революционной арене, ей наносят поражение под лозунгом: «Собственность, семья, религия, порядок!». Общество оказывается спасенным каждый раз, когда суживается круг его повелителей, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами. Всякое требование самой простой буржуазной финансовой реформы, самого шаблонного либерализма, самого формального республиканизма, самого плоского демократизма одновременно наказывается как «покушение на общество» и клеймится как «социализм». Под конец самих верховных жрецов «религии и порядка» пинками сгоняют с их пифийских треножников, среди ночи стаскивают с постели, впихивают в арестантскую карету, бросают в тюрьму или отправляют в изгнание, их храм сравнивают с землей, им затыкают рот, ломают их перья, рвут их закон — во имя религии, собственности, семьи и порядка. Пьяные толпы солдат расстреливают стоящих на своих балконах буржуа — фанатиков порядка, оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома — во имя собственности, семьи, религии и порядка. В довершение всего подонки буржуазного общества образуют *священную фалангу порядка* и герой Крапюлинский[53] вступает в Тюильрийский дворец в качестве *«спасителя общества».*

II

Вернемся к прерванной нити изложения.

История *Учредительного национального собрания* со времени июньских дней — это *история господства и разложения республиканской фракции буржуазии,* фракции, известной под названием трехцветных республиканцев, чистых республиканцев, политических республиканцев, формальных республиканцев и так далее.

Эта фракция составляла при буржуазной монархии Луи-Филиппа *официальную* республиканскую *оппозицию* и в силу этого была общепризнанной составной частью тогдашнего политического мира. Она имела своих представителей в палатах и пользовалась значительным влиянием в печати. Ее парижский орган «National»[54] считался в своем роде столь же респектабельным, как «Journal des Debats»[55]. Этому ее положению при конституционной монархии соответствовал и ее характер. Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и обособленной специфическими условиями производства фракцией буржуазии. Это была клика, состоявшая из республикански настроенных буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников, влияние которой опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканские верования кучки мечтателей, а главное — на *французский национализм,* ненависти которого к Венским трактатам и к союзу с Англией она никогда не давала остыть. При Луи-Филиппе «National» был обязан присоединением к нему значительной части его сторонников тому скрытому империализму, который именно поэтому смог впоследствии, при республике, выступить в лице Луи Бонапарта против самого «National» как победоносный конкурент. Против финансовой аристократии «National» боролся, как и вся остальная буржуазная оппозиция. Полемика против бюджета, во Франции целиком совпадавшая с борьбой против финансовой

аристократии, доставляла слишком дешевую популярность и слишком обильный материал для пуританских leading articles*, чтобы ее не эксплуатировать. Промышленная буржуазия была благодарна «National» за его холопскую защиту французской покровительственной системы, — защиту, с которой он, впрочем, выступил больше из национальных, чем из политико-экономических побуждений, вся же буржуазия в целом была благодарна ему за его злостные наветы на коммунизм и социализм. Впрочем, партия «National» была *чисто республиканской,* т. е. она требовала республиканской формы буржуазного господства вместо монархической и, прежде всего, для себя львиной доли участия в этом господстве. Об условиях этой политической перемены она имела самые смутные представления. Зато ей было ясно как божий день, — и на банкетах в пользу реформы к концу царствования Луи-Филиппа это явно обнаружилось, — что она непопулярна в среде демократических мелких буржуа, и особенно в среде революционного пролетариата. Эти чистые республиканцы, как и подобает чистым республиканцам, были уже совсем готовы для начала удовольствоваться регентством герцогини Орлеанской, когда вспыхнула февральская революция, доставившая их наиболее видным представителям места во временном правительстве. Они, разумеется, с самого начала располагали доверием буржуазии и большинством в Учредительном национальном собрании. *Социалистические* элементы временного правительства были тотчас же исключены из Исполнительной комиссии, образованной Национальным собранием после его открытия; а вспышкой июньского восстания партия «National» воспользовалась для того, чтобы дать отставку и самой *Исполнительной комиссии* и таким образом избавиться от своих ближайших соперников, от *мелкобуржуазных,* или *демократических, республиканцев* (Ледрю-Роллена и других). Кавеньяк, генерал буржуазно-республиканской партии, который командовал июньской бойней, занял место Исполнительной комиссии, получив своего рода диктаторскую власть. Марраст, бывший главный редактор «National», стал бессменным председателем Учредительного национального собрания; министерские портфели, как и все остальные важнейшие посты, достались чистым республиканцам.

Таким образом, действительность превзошла самые смелые ожидания фракции буржуазных республиканцев, издавна считавшей себя законной наследницей Июльской монархии. Но эта фракция достигла господства не так, как она мечтала при

* — передовиц. *Ред.*

Луи-Филиппе, — не путем либерального бунта буржуазии против трона, а в результате разгромленного с помощью картечи восстания пролетариата против капитала. То, что представлялось ей *самым революционным* событием, в действительности оказалось *самым контрреволюционным* событием. Плод упал к ее ногам, но он упал с древа познания, а не с древа жизни.

Исключительное *господство буржуазных республиканцев* продолжалось лишь от 24 июня до 10 декабря 1848 года. Результаты его свелись к *составлению республиканской конституции* и *объявлению Парижа на осадном положении.*

Новая *конституция* была в сущности не более как республиканизированным изданием конституционной хартии 1830 года[56]. Высокий избирательный ценз Июльской монархии, отстранявший от политической власти даже значительную часть самой буржуазии, был несовместим с существованием буржуазной республики. Февральская революция немедленно провозгласила вместо этого ценза прямое всеобщее избирательное право. Буржуазные республиканцы не могли вычеркнуть это событие. Им пришлось довольствоваться добавлением ограничительного пункта, в силу которого от избирателя требовалось 6-месячное проживание в той местности, где он выбирает. Старая организация управления, муниципалитетов, суда, армии и т. д. осталась нетронутой; кое-какие изменения, внесенные конституцией, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий.

Свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т. д. — непременный генеральный штаб свобод 1848 г. — были облачены в конституционный мундир, делавший их неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается *безусловным* правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она безгранична лишь в той мере, в какой ее не ограничивают *«равные права других* и *общественная безопасность»* или «законы», которые именно и должны опосредствовать эту гармонию индивидуальных свобод друг с другом и с общественной безопасностью. Например: «Граждане имеют право объединяться в союзы, организовывать мирные и невооруженные собрания, подавать петиции и высказывать свое мнение в печати и любым другим способом. *Пользование этими правами не знает иных ограничений, кроме равных прав других* и *общественной безопасности».* (Глава II французской конституции, статья 8.) — «Преподавание свободно. Свободой преподавания можно *пользоваться* на условиях, предусмотренных законом, и под верховным надзором государства». (Там же, статья 9.) —

«Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Неприкосновенность эта может быть нарушена *лишь с* соблюдением форм, предписанных законом». (Глава II, статья 3.) И так далее. — Поэтому конституция постоянно ссылается на будущие *органические* законы, которые должны дать подробное истолкование этим оговоркам и так урегулировать пользование этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. В дальнейшем эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия со стороны равных прав других классов. Там, где она совершенно отказала в этих свободах «другим» или позволила ими пользоваться при условиях, каждое из которых было полицейской ловушкой, это делалось всегда только в интересах *«общественной безопасности»,* т. е. безопасности буржуазии, как это и предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию с полным правом ссылались обе стороны: как друзья порядка, упразднившие все эти свободы, так и демократы, требовавшие возврата всех этих свобод. Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке. Следовательно, пока *имя* свободы окружалось почетом и лишь ставились препятствия ее действительному осуществлению — разумеется, на законном основании, — до тех пор конституционное существование свободы оставалось невредимым, неприкосновенным, как бы основательно ни было уничтожено ее существование в *повседневной* действительности.

Эта конституция, сделанная неприкосновенной таким хитроумным способом, имела, однако, подобно Ахиллесу, одно уязвимое место, только этим местом была не пята, а голова или, лучше сказать, две ее головы, которыми увенчивалось все здание: *Законодательное собрание,* с одной стороны, и *президент* — с другой. Стоит только бегло ознакомиться с конституцией, чтобы увидеть, что лишь те статьи безусловны, носят позитивный характер, лишены противоречий, исключают всякие ложные толкования, в которых определяется отношение президента к Законодательному собранию. Тут для буржуазных республиканцев дело ведь шло о том, чтобы создать надежную позицию самим себе. Статьи 45—70 конституции так составлены, что Национальное собрание может устранить президента конституционным путем, тогда как президент может устранить Национальное собрание лишь неконституционным путем, лишь

устраняя самое конституцию. Здесь, следовательно, конституция сама призывает к своему насильственному уничтожению. Конституция не только, подобно хартии 1830 г., канонизирует разделение властей, но и доводит это разделение до невыносимого противоречия. *Игра конституционных сил,* как Гизо называл парламентскую грызню между законодательной и исполнительной властью, по конституции 1848 г. ведется все время ва-банк. С одной стороны — 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, неделимое Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопросы о войне, мире и торговых договорах, одно лишь обладает правом амнистии и благодаря непрерывности своих заседаний постоянно остается на авансцене. С другой стороны — президент со всеми атрибутами королевской власти, с правом назначать и смещать своих министров независимо от Национального собрания, со всеми средствами исполнительной власти в руках, раздающий все должности и тем самым распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, так как именно такое количество лиц материально зависит от 500 тысяч чиновников и от офицеров всех рангов. Ему подчинены все вооруженные силы. Он пользуется привилегией помилования отдельных преступников, роспуска частей национальной гвардии и смещения — с согласия Государственного совета — избранных самими гражданами генеральных, кантональных и муниципальных советов. Ему же предоставлены почин и руководящая роль при заключении всех договоров с иностранными державами. В то время как Собрание, оставаясь вечно на подмостках, становится объектом повседневной публичной критики, президент ведет скрытую от взоров жизнь на Елисейских полях, имея, однако, перед глазами и в сердце статью 45 конституции, ежедневно напоминающую ему: «frere, il faut mourir!»[57]. Твоя власть кончается на четвертом году твоего избрания, во второе воскресенье прекрасного месяца мая! Тогда конец твоему величию: второго представления этой пьесы не будет, и если у тебя есть долги, постарайся выплатить их вовремя из назначенных тебе конституцией 600 тысяч франков жалованья, если, конечно, ты не предпочитаешь отправиться в Клиши[58] во второй понедельник прекрасного месяца мая! — Если конституция, таким образом, предоставляет президенту фактическую власть, она зато старается обеспечить за Национальным собранием моральную силу. Но, не говоря о том, что моральную силу невозможно

создать параграфами закона, конституция в данном случае снова сама себя опровергает, предписывая, что президент избирается всеми французами прямым голосованием. В то время как голоса всей Франции разбиваются между 750 членами Национального собрания, в этом случае они, напротив, сосредоточиваются на одной личности. В то время как каждый отдельный депутат является представителем лишь той или другой партии, того или другого города, того или другого пункта или даже просто представляет необходимость избрать одного из 750 депутатов, когда не уделяется особого внимания ни сути дела, ни самой личности избираемого, — *президент* является избранником нации, и его выборы — крупный козырь, пускаемый в ход суверенным народом раз в четыре года. Выборное Национальное собрание связано с нацией метафизически, выборный же президент связан с ней лично. Национальное собрание, правда, отображает в лице своих отдельных представителей многообразные стороны национального духа, зато в президенте национальный дух является во плоти. По сравнению с Национальным собранием президент является носителем своего рода божественного права: он—правитель народной милостью.

Фетида, морская богиня, предсказала Ахиллесу смерть во цвете лет. Конституция, имеющая, подобно Ахиллесу, уязвимое место, подобно Ахиллесу же предчувствовала, что ей суждено преждевременно умереть. Фетиде незачем было оставлять море, чтобы выдать эту тайну учредителям республики, чистым республиканцам; им стоило только бросить взгляд с заоблачных высот своей идеальной республики на грешную землю, чтобы увидеть, что дерзость роялистов, бонапартистов, демократов, коммунистов и их собственная непопулярность росли с каждым днем, по мере того как они приближались к завершению своего великого законодательного произведения искусства. Они старались перехитрить судьбу конституционной уловкой, посредством статьи 111 конституции, в силу которой всякое предложение о *пересмотре конституции* подлежит троекратному обсуждению с перерывом между этими обсуждениями в целый месяц и должно быть принято по меньшей мере тремя четвертями голосов, причем необходимо участие в голосовании не менее 500 членов Национального собрания. Но это было лишь бессильной попыткой обеспечить за собой силу на тот пророчески уже предвидимый ими случай, когда они станут парламентским меньшинством, — обеспечить силу, которая с каждым днем все более ускользала из их слабых рук уже теперь, когда они располагали парламентским большинством и всеми средствами правительственной власти.

Наконец, в особом мелодраматическом параграфе конституция вверяет себя «бдительности и патриотизму всего французского народа и каждого отдельного француза», после того как она в одной из предыдущих статей вверила «бдительных» и «патриотических» французов нежному уголовному попечению нарочно для того изобретенного ею «haute cour», Верховного суда.

Такова была конституция 1848 г., которая 2 декабря 1851 г. была ниспровергнута не головой человека, а прикосновением одной лишь шляпы; правда, эта шляпа была наполеоновской треуголкой.

В то время как буржуазные республиканцы в Собрании измышляли, обсуждали и голосовали эту конституцию, Кавеньяк вне Собрания держал *Париж на осадном положении.* Осадное положение Парижа было акушером Учредительного собрания при его родовых муках во время рождения республики. Если конституция позже была отправлена на тот свет штыками, то не надо забывать, что штыки же, обращенные при этом против народа, были призваны охранять ее еще в материнской утробе и помочь ей появиться на свет. Предки «добропорядочных республиканцев» прошли с символом конституции, трехцветным знаменем, по всей Европе. «Добропорядочные республиканцы», в свою очередь, сделали изобретение, само проложившее себе дорогу по всему континенту, но с неостывающей любовью все снова возвращавшееся во Францию, пока оно не приобрело теперь права гражданства в половине французских департаментов. Это изобретение — *осадное положение.* Превосходное изобретение, периодически применяемое в каждом из следующих друг за другом кризисов в ходе французской революции. Но казарма и бивуак, тяжесть которых таким образом периодически взваливалась на французское общество, чтобы подавить его сознание и утихомирить его; сабля и ружье, которым периодически предоставлялось творить суд и управлять, опекать и подвергать цензуре, исправлять обязанности полицейского и ночного сторожа; усы и солдатский мундир, периодически провозглашаемые высшей мудростью общества и его наставниками, — как могли казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир не прийти, наконец, к выводу: лучше спасти общество раз навсегда, провозгласив свой собственный режим главенствующим и совершенно избавив буржуазное общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир тем более должны были прийти к такой мысли, что они могли рассчитывать в этом случае на лучшую плату чистоганом за свои более серьезные заслуги, тогда как при только периодическом

осадном положении и временном спасении общества по приказу той или другой фракции буржуазии на их долю перепадало мало существенного, кроме нескольких убитых и раненых и нескольких кривых улыбок со стороны буржуа. Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, и вместе с тем подвергнуть осаде кошельки буржуа? Не надо, впрочем, забывать, — заметим мимоходом, — что *полковник Бернар,* тот самый председатель военных комиссий, который при Кавеньяке сослал без суда 15000 повстанцев, в эту минуту опять находится во главе действующих в Париже военных комиссий.

Если «добропорядочные», чистые республиканцы, объявив Париж на осадном положении, тем самым насадили питомник, в котором впоследствии предстояло вырасти преторианцам 2 декабря 1851 г., то им зато принадлежит другого рода заслуга: вместо того чтобы разжигать национальное чувство, как они это делали при Луи-Филиппе, теперь, когда в их распоряжении оказалась вся сила нации, они пресмыкаются перед иностранными державами и, вместо того чтобы освободить Италию, позволяют австрийцам и неаполитанцам[59] снова поработить ее. Избрание Луи Бонапарта в президенты 10 декабря 1848 г. положило конец диктатуре Кавеньяка и Учредительному собранию.

Статья 44 конституции гласит: «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда-либо терял свое звание французского гражданина». Первый президент французской республики, Луи-Наполеон Бонапарт, не только потерял свое звание французского гражданина, не только был специальным констеблем в Англии — он был к тому же натурализованным швейцарцем[60].

О значении выборов 10 декабря я подробно говорил в другом месте[61]. Здесь я не буду к этому возвращаться. Достаточно заметить, что они представляли *реакцию крестьян,* которым пришлось нести издержки февральской революции, против других классов нации, — *реакцию деревни против города.* Они встретили большое сочувствие в армии, которой республиканцы из «National» не доставили ни славы, ни прибавки к жалованью, среди крупной буржуазии, приветствовавшей Бонапарта как переходную ступень к монархии, среди пролетариев и мелких буржуа, приветствовавших его как кару за Кавеньяка. Ниже мне представится случай подробнее остановиться на отношении крестьян к французской революции.

Период от 20 декабря 1848 г. до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. охватывает историю гибели буржуаз-

ных республиканцев. После того как они основали республику для буржуазии, прогнали с арены революционный пролетариат и на время заткнули рот демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как *своей собственностью.* Но эта буржуазная масса была *роялистской.* Одна часть ее — крупные земельные собственники — господствовала во время *Реставрации* и была поэтому *легитимистской.* Другая часть — финансовые тузы и крупные промышленники — господствовала при Июльской монархии и была поэтому *орлеанистской.* Высшие чины армии, университета, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе эти части буржуазии нашли здесь в буржуазной республике, не носившей ни имени *Бурбонов,* ни имени *Орлеанов,* а имя *Капитала,* государственную форму, при которой они могли господствовать *сообща.* Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить клику буржуазных республиканцев, удерживавших еще позиции в Национальном собрании. Насколько зверски эти чистые республиканцы злоупотребили физической силой по отношению к народу, настолько трусливыми, робкими, малодушными, беспомощными, неспособными к борьбе оказались они теперь, отступив, когда надо было отстоять свой республиканизм и свои права законодателей против исполнительной власти и роялистов. Мне незачем здесь рассказывать позорную историю их разложения. Это было исчезновение, а не гибель. Они навсегда сыграли свою роль. В следующем периоде они фигурируют и в Собрании и вне его лишь как тени прошлого — тени, которые, кажется, вновь оживают, как только дело идет опять об одном лишь названии республики и как только революционный конфликт грозит опуститься до самого низкого уровня. Замечу мимоходом, что газета «National», давшая этой партии свое имя, в следующем периоде переходит на сторону социализма.

Прежде чем расстаться с этим периодом, мы должны бросить еще ретроспективный взгляд на те две силы, которые жили в брачном союзе от 20 декабря 1848 г. до конца Учредительного собрания и из которых одна уничтожила другую 2 декабря 1851 года. Я имею в виду Луи Бонапарта, с одной стороны, и партию объединенных роялистов, партию порядка, партию крупной буржуазии, с другой. Приступив к обязанностям президента, Бонапарт сразу же составил министерство из партии порядка с Одилоном Барро во главе, — заметьте, со старым вождем самой либеральной фракции парламентской

буржуазии. Г-н Барро поймал-таки, наконец, министерский портфель, призрак которого преследовал его с 1830 г., — более того, портфель премьер-министра в этом министерстве. Но он достиг этого не так, как он мечтал при Луи-Филиппе, — не в качестве самого передового лидера парламентской оппозиции, а в качестве союзника всех своих заклятых врагов, иезуитов и легитимистов, и притом с задачей уложить в могилу парламент. Он повел, наконец, невесту к венцу, но только после того как она была обесчещена. Сам Бонапарт как будто совершенно стушевался. За него действовала партия порядка.

На первом же заседании совета министров было решено отправить экспедицию в Рим, причем сговорились устроить это за спиной Национального собрания, а средства вырвать у него под ложным предлогом. Таким образом, министерство начало свою деятельность обманом Национального собрания и тайным заговором с иностранными абсолютистскими державами против революционной Римской республики. Таким же способом и при помощи тех же приемов Бонапарт подготовил свой переворот 2 декабря против роялистского Законодательного собрания и его конституционной республики. Не забудем, что та самая партия, которая 20 декабря 1848 г. составила бонапартовское министерство, 2 декабря 1851 г. составляла большинство Законодательного национального собрания.

В августе Учредительное собрание приняло решение разойтись не раньше, чем будет выработан и обнародован целый ряд органических законов, которые должны были дополнить конституцию. 6 января 1849 г. партия порядка устами депутата Рато предложила Собранию оставить в покое органические законы и принять лучше решение о своем *собственном роспуске.* Не только министерство с г-ном Одилоном Барро во главе, но и все роялистские депутаты Национального собрания теперь повелительно твердили ему, что его роспуск необходим для восстановления кредита, для упрочения порядка, для того чтобы положить конец неопределенному временному состоянию и основать нечто окончательное; что Собрание мешает продуктивной работе нового правительства и хочет продолжать свое существование только из злобного упрямства и что оно надоело стране. Эти выпады против законодательной власти Бонапарт намотал себе на ус, выучил их наизусть и 2 декабря 1851 г. доказал парламентским роялистам, что он кое-чему у них научился. Он обратил против них их же собственные лозунги.

Министерство Барро и партия порядка пошли дальше. Они инспирировали по всей Франции *петиции к Национальному собранию,* в которых его любезно просили исчезнуть.

Таким образом, они повели в бой против Национального собрания, этого конституционно организованного выражения народной воли, неорганизованные народные массы. Они научили Бонапарта апеллировать против парламентских собраний к пароду. 29 января 1849 г. настал, наконец, день, когда Учредительному собранию пришлось решать вопрос о своем собственном роспуске. В этот день здание, где происходили его заседания, было занято войсками; генерал партии порядка Шангарнье, в руках которого было соединено верховное командование национальной гвардией и линейными войсками, производил большой смотр войскам в Париже словно накануне сражения, а объединенные роялисты угрожали Собранию применением силы, если оно не проявит сговорчивости. Оно оказалось сговорчивым, выторговав себе только очень кратковременную отсрочку. Чем же было 29 января, как не coup d'etat* 2 декабря 1851 г., только совершенным роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания? Господа роялисты не заметили или не захотели заметить, что Бонапарт воспользовался событиями 29 января 1849 г., чтобы заставить часть войска продефилировать перед собой у Тюильрийского дворца, что он жадно ухватился именно за этот первый открытый призыв к военной силе против силы парламента, чтобы намекнуть им о Калигуле[62]. Они, разумеется, видели только своего Шангарнье.

Один из мотивов, особенно побуждавших партию порядка насильственно сократить жизнь Учредительного собрания, заключался в дополняющих конституцию *органических* законах — законе об образовании, законе о вероисповедании и других. Объединенным роялистам было крайне важно выработать эти законы самим, не допустив, чтобы они были изданы сделавшимися недоверчивыми республиканцами. Однако в числе этих органических законов был также закон об ответственности президента республики. В 1851 г. Законодательное собрание как раз было занято разработкой такого закона, когда Бонапарт предупредил этот coup** своим coup 2 декабря. Чего бы только не дали объединенные роялисты во время своей парламентской зимней кампании 1851 г. за то, чтобы иметь готовый закон об ответственности президента, и притом закон, выработанный недоверчивым, враждебным республиканским Собранием!

После того как Учредительное собрание 29 января 1849 г. само сломало свое последнее оружие, министерство Барро

* — государственным переворотом. *Ред.*
** — удар, решительное действие. *Ред.*

и друзья порядка принялись беспощадно травить его. Они не упускали ни одного случая, чтобы унизить его, и вынудили у бессильного и отчаявшегося в самом себе Собрания законы, лишившие его последнего остатка уважения со стороны общества. У Бонапарта, поглощенного своей навязчивой наполеоновской идеей, хватило дерзости публично использовать это унижение парламентской власти. А именно, когда Национальное собрание 8 мая 1849 г. выразило порицание министерству за занятие Чивита-Веккии генералом Удино и приказало вернуть римскую экспедицию к приписываемой ей цели[63], — Бонапарт в тот же вечер опубликовал в «Moniteur» письмо к Удино, в котором он поздравлял генерала с его геройскими подвигами и, в противоположность занимающимся бумагомаранием парламентариям, уже принимал позу великодушного покровителя армии. Роялисты посмеивались над этим: они были уверены, что они его дурачат. Наконец, когда Марраст, председатель Учредительного собрания, усомнившись на минуту в безопасности Национального собрания, вызвал на основании конституции одного полковника с его полком, тот отказался явиться на вызов, ссылаясь на дисциплину, и предложил Маррасту обратиться к Шангарнье, который отказал Маррасту, язвительно заметив, что он не любит baionnettes intelligentes[*]. В ноябре 1851 г. объединенные роялисты, готовясь начать решительную борьбу с Бонапартом, пытались в своем пресловутом *законопроекте квесторов*[64] провести принцип непосредственного вызова войск председателем Национального собрания. Один из их генералов, Лефло, подписал законопроект. Но тщетно голосовал за него Шангарнье, тщетно Тьер превозносил осмотрительную мудрость покойного Учредительного собрания. *Военный министр Сент-Арно* ответил ему так, как Шангарнье ответил Маррасту, и его ответ был покрыт аплодисментами Горы!

Так *партия порядка,* еще будучи лишь министерством, а не Национальным собранием, сама заклеймила *парламентарный режим.* И она поднимает крик, когда переворот 2 декабря 1851 г. изгоняет его из Франции!

Пожелаем ему счастливого пути!

---

[*] — мыслящих штыков. *Ред.*

III

28 мая 1849 г. Законодательное национальное собрание открыло свои заседания, 2 декабря 1851 г. оно было разогнано. Этот период охватывает время существования *конституционной, или парламентарной, республики.*

В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов,* за господством *жирондистов* следует господство *якобинцев.* Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, — эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 года. Пролетарская партия выступает как придаток мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует ее поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, в свою очередь, опирается на плечи буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами опираются на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, опрокидывает буржуазных республиканцев и сама спешит усесться на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит у нее на плечах, когда в одно прекрасное утро обнаруживает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягает напирающую на нее сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии. Она оказывается втянутой в это попятное движение еще прежде,

чем была убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть.

Период, с которым мы имеем дело, заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, открыто признающие себя сторонниками конституционных действий, Национальное собрание, желающее быть всесильным и неизменно ведущее себя по-парламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и возмещающая свои поражения в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли patres conscripti* республики, вынужденные обстоятельствами удерживать за границей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции поддерживать республику, которую они ненавидят; исполнительная власть, видящая силу в своей слабости и свой престиж во внушаемом ею презрении; республика, представляющая собой не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий — Реставрации и Июльской монархии — под ярлыком империи; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой— не доводить борьбы до конца; разнузданная бессодержательная агитация — во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия — во имя революции; страсти, лишенные истины; истины, лишенные страсти; герои без подвигов; история без событий; развитие, единственной движущей силой которого является, по-видимому, календарь и которое утомляет монотонным повторением одних и тех же состояний напряженности и разрядки; противоположности, периодически доходящие до высшей точки как будто только для того, чтобы притупиться и сойти на нет, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопреставлением в то время, как спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству, напоминая своей беспечностью скорее времена Фронды, чем страшный суд; официальный совокупный гений всей Франции, посрамленный лукавой тупостью одного человека; всеобщая воля нации, ищущая себе — всякий раз, как она проявляется во всеобщем голосовании, — достойного выражения в лице закоренелых врагов интересов масс, пока она, наконец, не находит его в своеволии одного флибустьера. Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта. Люди и события кажутся Шлемилями

* — сенаторов. *Ред.*

навыворот — тенями, потерявшими тело[65]. Революция сама парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов. Если «красный призрак», постоянно вызываемый и заклинаемый контрреволюционерами, появляется наконец, то появляется он не с анархическим фригийским колпаком на голове, а в мундире порядка, в *красных шароварах*.

Мы видели, что министерство, составленное Бонапартом в день его вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка, министерством легитимистской и орлеанистской коалиции. Это министерство Барро — Фаллу, более или менее насильственно укоротившее жизнь республиканского Учредительного собрания, пережило его и находилось еще у власти. Шангарнье, генерал объединенных роялистов, все еще соединял в своих руках верховное командование первой армейской дивизией и парижской национальной гвардией. Наконец, всеобщие выборы обеспечили за партией порядка огромное большинство в Законодательном собрании. Здесь сошлись депутаты и пэры Луи-Филиппа со священной фалангой легитимистов, для которых многочисленные избирательные бюллетени нации превратились во входные билеты на политическую сцену. Бонапартистских депутатов было слишком мало для образования самостоятельной парламентской партии. Они представляли лишь mauvaise queue* партии порядка, Таким образом, партия порядка имела в своих руках правительственную власть, армию и законодательный корпус — словом, всю государственную власть, морально подкрепленную всеобщими выборами, выставлявшими ее господство как выражение народной воли, и одновременной победой контрреволюции на всем европейском континенте.

Еще никогда ни одна партия не начинала кампании с более могучими средствами и при более благоприятных предзнаменованиях.

От потерпевших крушение *чистых республиканцев* в Законодательном национальном собрании уцелела лишь клика человек в 50 с африканскими генералами Кавеньяком, Ламорисьером и Бедо во главе. Однако большую оппозиционную партию составляла *Гора* — этим парламентским именем окрестила себя *социально-демократическая* партия. Из 750 мест Национального собрания она обладала более чем двумястами и была таким образом по меньшей мере столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности. Ее

* — жалкий придаток. *Ред.*

относительное меньшинство по сравнению со всей роялистской коалицией уравновешивалось, казалось, особыми обстоятельствами. Не только департаментские выборы показали, что она приобрела значительное число приверженцев среди сельского населения; почти все депутаты Парижа находились в ее рядах; армия избранием трех унтер-офицеров обнаружила демократические убеждения, а вождь Горы Ледрю-Роллен — в отличие от всех представителей партии порядка — был возведен в парламентское достоинство избранием в пяти департаментах, подавших голос за него. Таким образом, 28 мая 1849 г. Гора — при неизбежных столкновениях между самими роялистами и между всей партией порядка и Бонапартом — имела, казалось, на своей стороне все шансы на успех. Через две недели она потеряла все, в том числе и честь.

Прежде чем продолжать изложение парламентской истории, необходимо сделать некоторые замечания, чтобы избегнуть обычных ошибок при оценке общего характера рассматриваемой нами эпохи. На взгляд демократов, и в период Учредительного и в период Законодательного национального собрания дело шло об одном и том же: о простой борьбе между республиканцами и роялистами. Само же движение они резюмируют в одном слове: *«реакция»* — ночь, когда все кошки серы и когда демократам можно беспрепятственно изрекать достойные ночного сторожа банальности. Конечно, на первый взгляд партия порядка кажется клубком различных роялистских фракций, которые не только интригуют друг против друга, чтобы посадить на трон собственного претендента и отстранить претендента противной стороны, но и объединяются все в общей ненависти к «республике» и в общей борьбе против нее. В противоположность этим роялистским заговорщикам Гора со своей стороны выглядит защитницей «республики». Партия порядка представляется вечно занятой «реакцией», которая — точь-в-точь как в Пруссии — направлена против прессы, союзов и т. п. и — опять-таки как в Пруссии — осуществляется в виде грубого полицейского вмешательства бюрократии, жандармерии и суда. «Гора», со своей стороны, столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутораста лет всякая так называемая народная партия. Однако при более внимательном анализе ситуации и партий исчезает эта обманчивая видимость, скрывающая *классовую борьбу* и своеобразную физиономию этого периода.

Легитимисты и орлеанисты составляли, как сказано, две большие фракции партии порядка. Что же привязывало эти

фракции к их претендентам и взаимно разъединяло их? Неужели только лилии и трехцветное знамя, дом Бурбонов и дом Орлеанов, различные оттенки роялизма, да и роялистское ли вероисповедание вообще? При Бурбонах властвовала *крупная земельная собственность* со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, т. е. *капитал* со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как Июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек. Таким образом, эти фракции были разъединены отнюдь не так называемыми принципами, а материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, они были разъединены старой противоположностью между городом ц деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью. Что их вместе с тем связывали с той или другой династией старые воспоминания, личная вражда, опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, символы веры и принципы, — кто это будет отрицать? Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзии, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности. Если орлеанисты, легитимисты, каждая фракция старалась уверить себя и других, что их разделяет привязанность к двум различным династиям, то факты впоследствии доказали, что, наоборот, противоположность их интересов делала невозможным слияние двух династий. И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью. Орлеанисты и легитимисты очутились в республике друг подле друга с одинаковыми притязаниями. Если каждая сторона, наперекор другой, добивалась *реставрации* своей *собственной* династии, то это лишь значило, что каждая из *двух крупных фракций,* на которые разделяется

буржуазия — земельная собственность и финансовый капитал, — добивалась реставрации собственного главенства и подчиненного положения другого. Мы говорим о двух фракциях буржуазии, потому что крупная земельная собственность, вопреки своему кокетничанию феодализмом и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием развития современного общества. Так, английские тори долго воображали, что они страстно привязаны к королевской власти, к церкви и к прелестям старинной английской конституции, пока в час опасности у них не вырвалось признание, что они страстно привязаны к одной только *земельной ренте.*

Объединенные роялисты интриговали друг против друга в прессе, в Эмсе, в Клэрмонте[66], вне парламента. За кулисами они снова надевали свои старинные орлеанистские и легитимистские ливреи и возобновляли свои старинные турниры. Но на публичной сцене, в своих лице действах, в роли большой парламентской партии, они отделывались от своих династий одними реверансами и откладывали реставрацию монархии in infinitum*. Они занимались своим настоящим делом в качестве *партии порядка,* т. е. под *социальным,* а не под *политическим* знаменем, как представители буржуазного миропорядка, а не как рыцари странствующих принцесс, как буржуазный класс в противоположность другим классам, а не как роялисты в противоположность республиканцам. И как партия порядка они пользовались более неограниченной и твердой властью над другими общественными классами, чем когда-либо раньше, во время Реставрации или при Июльской монархии; такая власть возможна была вообще только в форме парламентарной республики, потому что только при этой форме могли соединиться обе крупные фракции французской буржуазии и тем самым поставить в порядок дня господство своего класса вместо господства одной привилегированной фракции этого класса. Если они тем не менее также и в качестве партии порядка поносят республику и не скрывают своего отвращения к ней, то это объясняется не только роялистскими воспоминаниями. Инстинкт подсказывал им, что республика, хотя и венчает **их** политическое господство, вместе с тем подрывает его социальную основу, так как теперь им приходится стоять лицом к лицу с порабощенными классами и бороться с ними непосредственно, не пользуясь короной как прикрытием, не отвлекая внимания нации второстепенной борьбой друг с другом и с королевской властью. Именно чувство слабости заставляло их отступать

* — до бесконечности. *Ред.*

перед чистыми условиями их собственного классового господства и стремиться назад, к менее полным, менее развитым, но как раз поэтому более безопасным формам этого господства. Наоборот, каждый раз, когда объединенные роялисты приходят в столкновение с враждебным им претендентом, с Бонапартом, каждый раз, когда они опасаются покушений на свое парламентское всемогущество со стороны исполнительной власти, когда им, следовательно, приходится выдвигать на первый план политическую правомерность своего господства, — они выступают как *республиканцы,* а не как *роялисты,* начиная от орлеаниста Тьера, заверяющего Национальное собрание, что меньше всего их разделяет вопрос о республике, и кончая легитимистом Берье, который 2 декабря 1851 г., опоясавшись трехцветным шарфом, в роли трибуна обращается к собравшемуся перед мэрией десятого округа народу с речью от имени республики. Правда, ему вторит насмешливое эхо: Henri V! Henri V![*]

В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелких буржуа и рабочих, так называемая *социально-демократическая* партия. После июньских дней 1848 г. мелкая буржуазия, увидела, что ее обошли, что ее материальным интересам был нанесен ущерб, а демократические гарантии, которые должны были обеспечить ей возможность отстаивать эти интересы, были поставлены под вопрос контрреволюцией. Поэтому она сблизилась с рабочими. С другой стороны, ее парламентское представительство, *Гора,* отодвинутая на задний план во время диктатуры буржуазных республиканцев, во вторую половину существования Учредительного собрания вновь приобрела потерянную популярность благодаря борьбе с Бонапартом и с роялистскими министрами. Гора заключила союз с социалистическими вождями. Примирение отпраздновали на банкетах в феврале 1849 года. Была составлена общая программа, были созданы общие избирательные комитеты и выставлены общие кандидаты. Социальные требования пролетариата были лишены революционной остроты и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии лишились чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла *социально-демократическая партия.* Новая *Гора,* результат этого компромисса, состояла, если не считать нескольких статистов из рабочего класса и нескольких социалистических сектантов, из тех же элементов, что и старая Гора, только в большем количестве. Но с течением времени она

[*] — Генрих V! Генрих V! *Ред.*

изменилась вместе с представляемым ею классом. Своеобразный характер социально-демократической партии выражается в том, что она требует демократическо-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, какими бы более или менее революционными представлениями она ни приукрашивалась, — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности. Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют.

После сказанного становится ясным само собой, что, когда Гора ведет против партии порядка непрерывную борьбу за республику и так называемые права человека, ни республика, ни права человека не являются ее конечной целью, подобно тому как армия, которую хотят разоружить, сопротивляется и вступает в бой не только ради сохранения своего оружия.

Партия порядка начала провоцировать Гору, как только открылось Национальное собрание. Буржуазия чувствовала теперь необходимость покончить с демократической мелкой буржуазией, подобно тому как она год тому назад чувствовала необходимость покончить с революционным пролетариатом. Только на этот раз положение противника было другое. Сила пролетарской партии была на улице, сила же мелкой буржуазии — в самом Национальном собрании. Надо было, значит, выманить ее из Национального собрания на улицу и заставить ее самое сломить свою парламентскую силу, пока время и

обстоятельства еще не упрочили этой силы. Гора очертя голову бросилась в западню.

Приманкой для нее послужила бомбардировка Рима французскими войсками. Эта бомбардировка нарушала статью V конституции[67], запрещающую Французской республике применять свои военные силы против свободы другого народа. Кроме того, статья 54 запрещает исполнительной власти объявлять войну без согласия Национального собрания, а Учредительное собрание своим решением от 8 мая осудило римскую экспедицию. На этом основании Ледрю-Роллен представил 11 июня 1849 г. обвинительный акт против Бонапарта и его министров. Раздраженный булавочными уколами Тьера, он дошел до угрозы защищать конституцию всеми средствами, даже с оружием в руках. Гора поднялась, как один человек, и повторила этот призыв к оружию. 12 июня Национальное собрание отвергло обвинительный акт, и Гора покинула парламент. События 13 июня известны: прокламация части Горы, объявлявшая Бонапарта и его министров «вне конституции»; уличная процессия демократических национальных гвардейцев, явившихся без оружия и рассеявшихся при встрече с войсками Шангарнье, и так далее. Часть Горы бежала за границу, другая часть была предана Верховному суду в Бурже, а остатки Горы, подобно школьникам, были подвергнуты парламентским регламентом мелочному надзору председателя Национального собрания. Париж снова был объявлен на осадном положении, а демократическая часть парижской национальной гвардии была распущена. Так были уничтожены влияние Горы в парламенте и сила мелкой буржуазии в Париже.

Лион, где события 13 июня явились сигналом к кровавому восстанию рабочих, был вместе с пятью соседними департаментами также объявлен на осадном положении. Осадное положение остается там в силе до настоящего момента.

Большинство Горы изменило своему авангарду, отказавшись подписаться под его прокламацией. Дезертировала и пресса; только две газеты осмелились опубликовать это пронунциаменто. Мелкие буржуа изменили своим представителям: национальные гвардейцы отсутствовали, а если где и появлялись, то мешали строить баррикады. Представители обманули мелких буржуа: мнимые союзники из армии нигде не показывались. Наконец, демократическая партия, вместо того чтобы позаимствовать силы у пролетариата, заразила его своей собственной слабостью, и, как это водится при всех великих деяниях демократов, вожди могли для своего удовлетворения обвинять свой «народ» в измене, а народ мог

для своего удовлетворения обвинять своих вождей в надувательстве.

Редко какое-либо дело возвещалось с большим шумом чем предстоящий поход Горы; редко о каком-либо событии трубили с большей уверенностью и так заблаговременно, как в данном случае о неизбежной победе демократии. Нет сомнения, демократы верят в силу трубных звуков, от которых пали иерихонские стены. И каждый раз, когда они стоят перед стеной деспотизма, они стараются повторить это чудо. Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было странно складывать оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более чем попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — то они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению. Оглушительная увертюра, возвещающая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действие замирает, спадает, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой.

Ни одна партия не преувеличивает больше своих средств, не обманывается легкомысленнее насчет сложившейся ситуации, чем демократическая партия. Если часть армии голосовала за Гору, то Гора пришла к убеждению, что армия пойдет за нее и на бунт. И по какому поводу? По поводу, который с точки зрения армии имел только один смысл, — именно, что революционеры стали на сторону римских солдат против французских. С другой стороны, воспоминания об июньских днях 1848 г. были еще слишком свежи, чтобы пролетариат не питал глубокого отвращения к национальной гвардии и чтобы вожди тайных обществ не были проникнуты сильным недоверием к демократическим вождям. Для того чтобы сгладить эти противоречия, требовалась общность серьезных интересов, находящихся под угрозой. Нарушение какого-то отвлеченного параграфа конституции не могло пробудить такого рода интерес. Разве конституция, по уверению самих демократов, не была уже нарушена много раз? Разве самые популярные газеты не заклеймили конституцию как дело рук контррево-

люционеров? Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют *народ.* Они стоят за *народное право;* они представляют *народные интересы.* Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и *народ* со всеми своими неисчерпаемыми средствами бросится на *угнетателей.* Но если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие *единый народ* на различные враждебные лагери, либо армия слишком озверела, слишком была ослеплена, чтобы видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него.

Не следует поэтому представлять себе сильно поредевшую, сломленную и униженную новым парламентским регламентом Гору слишком уж несчастной. Если 13 июня устранило ее вождей, то этот же день, с другой стороны, очистил место второстепенным «талантам», которым это новое положение льстило. Если нельзя было более сомневаться в их парламентском бессилии, то они были теперь вправе ограничивать свою деятельность взрывами нравственного негодования и трескучей декламацией. Если партия порядка выставляла их, как последних официальных представителей революции, как воплощение всех ужасов анархии, то тем пошлее и умереннее могли они быть на деле. А насчет поражения 13 июня они утешали себя глубокомысленным восклицанием: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только! Мы покажем тогда, кто мы такие! Nous verrons![*]».

Что касается бежавших за границу монтаньяров, то достаточно здесь заметить, что Ледрю-Роллен, ухитрившийся за

[*] — Посмотрим! *Ред.*

какие-нибудь две недели безнадежно погубить могучую партию, во главе которой он стоял, счел себя после этого призванным образовать французское правительство in partibus*, что его фигура в отдалении, в стороне от арены действий, как будто вырастала по мере того, как уровень революции падал и официальные величины официальной Франции принимали все Солее карликовые размеры; что он мог выступить как республиканский претендент на предстоявших в 1852 г. выборах; что он время от времени рассылал циркуляры к валахам и другим народам, где он угрожал континентальным деспотам своими подвигами и подвигами своих союзников. Разве Пру дон был целиком не прав, обращаясь к этим господам со словами: «Vous n'etes que des blagueurs!»**?

13 июня партия порядка не только сломила силу Горы, но провела в то же время принцип *подчинения конституции решениям большинства Национального собрания.* Она понимала республику так: в республике буржуазия господствует в парламентских формах, не будучи ограничена, как это имеет место при монархии, ни правом вето исполнительной власти, ни правом последней распускать парламент. Такова, по определению Тьера, *парламентарная республика.* Но если буржуазия 13 июня обеспечила за собой неограниченную власть внутри парламентских стен, не нанесла ли она удалением из парламента наиболее популярных депутатов сокрушительный удар самому же парламенту, крайне ослабив его перед лицом исполнительной власти и народа. Без всяких церемоний выдавая суду многочисленных депутатов, она отменила свою собственную парламентскую неприкосновенность. Унизительный регламент, которому она подчинила депутатов Горы, настолько же возвысил президента республики, насколько он унизил каждого отдельного представителя народа. Заклеймив восстание в защиту конституции как анархистское действие, стремящееся к ниспровержению общества, она сама лишила себя возможности призвать к восстанию в том случае, если исполнительная власть вздумает нарушить конституцию против нее. И какова ирония истории! 2 декабря 1851 г. партия порядка слезно, но тщетно предлагает народу в качестве защитника конституции против Бонапарта генерала *Удино,* того генерала, который, по поручению Бонапарта, бомбардировал Рим и тем самым дал непосредственный повод к конституционному мятежу 13 июня. Другой герой 13 июня, *Виейра,* удостоившийся похвалы с трибуны

* — чисто номинальное, за границей. *Ред.*
** — «Вы болтуны—и больше ничего!» *Ред.*

Национального собрания за бесчинства, которые он совершил в помещениях демократических газет во главе шайки национальных гвардейцев, принадлежащей к финансовой аристократии, — этот самый Виейра был посвящен в заговор Бонапарта и в значительной степени способствовал тому, чтобы лишить Национальное собрание в его смертный час всякой помощи со стороны национальной гвардии.

13 июня имело еще другой смысл. Гора добивалась предания Бонапарта суду. Ее поражение было, следовательно, прямой победой Бонапарта, его личным торжеством над его демократическими врагами. Партия порядка одержала эту победу — Бонапарту оставалось только записать ее на свой счет. Он это и сделал. 14 июня на стенах Парижа можно было прочесть прокламацию, в которой президент, как бы будучи непричастным ко всему этому, как бы нехотя, единственно под давлением событий, выходит из своего монастырского уединения, в тоне непризнанной добродетели жалуется на клевету своих противников и, якобы отождествляя свою персону с делом порядка, на самом деле отождествляет дело порядка со своей персоной. К тому же, хотя Национальное собранно задним числом и санкционировало римскую экспедицию, инициатором ее был Бонапарт. Восстановив власть первосвященника Самуила в Ватикане, Бонапарт мог надеяться войти царем Давидом в Тюильри[68]. Он привлек на свою сторону попов.

Мятеж 13 июня ограничился, как мы видели, мирной уличной процессией. Значит, о военных лаврах в борьбе против него не могло быть и речи. Тем не менее в это бедное героями и событиями время партия порядка превратила это бескровное сражение во второй Аустерлиц. С трибуны и в прессе превозносили армию как силу порядка в противоположность народным массам, представляющим бессилие анархии, а Шангарнье восхваляли как «оплот общества» — мистификация, в которую он в конце концов сам уверовал. Между тем втихомолку войсковые части, казавшиеся подозрительными, были выведены из Парижа; полки, обнаружившие на выборах самые сильные демократические симпатии, высланы из Франции в Алжир; беспокойные элементы среди солдат отданы в дисциплинарные батальоны; наконец, печать систематически отгораживалась от казармы, а казарма — от гражданского общества.

Мы теперь дошли до решительного поворотного пункта в истории французской национальной гвардии. В 1830 г. национальная гвардия решила судьбу Реставрации. При Луи-Филиппе каждый бунт кончался неудачей, если национальная гвардия действовала заодно с войсками. Когда она в февральские

дни 1848 г. заняла пассивную позицию по отношению к восстанию и двусмысленную позицию по отношению к Луи-Филиппу, последний счел себя погибшим, и действительно это было так. Так укоренилось убеждение, что революция не может победить *без* национальной гвардии, а армия не может победить, имея национальную гвардию *против* себя. Таково было суеверное представление армии о всемогуществе гражданского населения. Июньские дни 1848 г., когда вся национальная гвардия с линейными войсками подавила восстание, упрочили это суеверие. С президентством Бонапарта значение национальной гвардии несколько упало вследствие противоконституционного соединения командования национальной гвардией и командования первой армейской дивизией в руках Шангарнье.

Подобно тому как командование национальной гвардией стало в этом случае как бы атрибутом верховного военного командования, так и сама она приняла характер лишь придатка линейных войск. Наконец, 13 июня она была сломлена — не только потому, что, начиная с этого дня, ее стали постепенно распускать по частям во всех концах Франции, пока от нее не остались одни обломки. Демонстрация 13 июня была, прежде всего, демонстрацией демократической части национальной гвардии. Правда, она противопоставила армии не свое оружие, а лишь свой мундир; но именно в этом мундире заключался талисман. Армия убедилась, что этот мундир такая же шерстяная тряпка, как и всякий другой мундир. Чары исчезли. В июньские дни 1848 г. буржуазия и мелкая буржуазия в лице национальной гвардии объединились с армией против пролетариата. 13 июня 1849 г. буржуазия разогнала мелкобуржуазную национальную гвардию при помощи армии, 2 декабря 1851 г. буржуазной национальной гвардии также уже не существовало, и Бонапарт лишь констатировал совершившийся факт, когда подписывал впоследствии декрет об ее роспуске. Так буржуазия сама сломала свое последнее оружие против армии, но она должна была его сломать с того момента, как мелкая буржуазия перестала стоять за ее спиной в качестве покорного вассала, а встала против нее в качестве бунтовщика. Да и вообще буржуазия вынуждена была собственными руками разрушить все свои средства обороны против самодержавия, как только сама стала самодержавной.

Тем временем партия порядка отпраздновала возвращение в ее руки власти — эту власть она потеряла в 1848 г. как бы только для того, чтобы в 1849 г. снова обрести ее уже свободной от всяких пут — оскорблением республики и конституции, проклятиями по адресу всех будущих, настоящих и прошлых

революций, в том числе и той, которая была совершена ее собственными вождями, и, наконец, изданием законов, сковывающих прессу, уничтожающих свободу союзов и санкционирующих осадное положение как нормальный институт. Затем Национальное собрание прервало свои заседания с половины августа до половины октября, назначив на время своего отсутствия постоянную комиссию. Во время этих каникул легитимисты интриговали с Эмсом, орлеанисты — с Клэрмонтом, Бонапарт интриговал посредством обставленных по-царски поездок, а департаментские советы интриговали на совещаниях по поводу пересмотра конституции,— факты, неизменно повторявшиеся вовремя периодических каникул Национального собрания. Подробнее я остановлюсь на них, лишь когда они примут характер событий. Здесь следует еще только заметить, что Национальное собрание поступало неполитично, исчезая на довольно долгое время со сцены и оставляя во главе республики, у всех на виду, только одну, хотя бы и жалкую фигуру Луи Бонапарта, тогда как партия порядка скандализировала публику распадением на свои роялистские составные части с их враждебными друг другу реставраторскими вожделениями. Каждый раз, когда во время этих каникул смолкал оглушающий шум *парламента* и его тело растворялось в нации, становилось очевидным, что этой республике недоставало лишь одного, чтобы предстать в своем настоящем виде, —сделать *парламентские* каникулы непрерывными и заменить *свой* девиз: Liberte, egalite, fraternite*, недвусмысленными словами: Infanterie, Cavalerie, Artillerie!**

* — Свобода, равенство, братство. *Ред.*
** — Пехота, Кавалерия, Артиллерия! *Ред.*

IV

В середине октября 1849 г. Национальное собрание возобновило свои заседания. 1 ноября Бонапарт поразил Собрание посланием об отставке министерства Барро—Фаллу и об образовании нового министерства. Лакея не прогоняют со службы более бесцеремонно, чем Бонапарт прогнал своих министров. Пинки, предназначенные Национальному собранию, достались пока Барро и компании.

Министерство Барро было составлено, как мы видели, из легитимистов и орлеанистов. Это было министерство партии порядка. Бонапарту нужно было такое министерство, чтобы распустить республиканское Учредительное собрание, осуществить экспедицию против Рима и сломить силу демократической партии. Тогда он, казалось, стушевался за спиной этого министерства, уступил правительственную власть партии порядка и надел скромную маску, какую в Париже носили ответственные издатели газет времен Луи-Филиппа, типичную маску homme de paille[*]. Теперь он сбросил личину, которая из легкой вуали, дававшей ему возможность скрывать свои черты, превратилась в железную маску, мешавшую ему показать свое собственное лицо. Он призвал к власти министерство Барро, чтобы от имени партии порядка разогнать республиканское Национальное собрание; он дал отставку этому министерству, чтобы объявить свое собственное имя независимым от Национального собрания этой партии порядка.

В благовидных предлогах к этой отставке недостатка не было. Министерство Барро пренебрегало даже правилами приличия, которые подобало соблюдать по отношению к президенту республики, как к власти, существующей наряду с Национальным собранием. Во время парламентских каникул Бонапарт опубликовал письмо к Эдгару Нею, в котором он, казалось бы, отрицательно отзывался о нелиберальном выступлении папы[**], подобно тому как, наперекор Учредительному собранию, он

[*] — подставного лица. *Ред.*
[**] — Пия IX. *Ред.*

опубликовал письмо, восхвалявшее Удино за нападение на Римскую республику. И когда Национальное собрание утвердило ассигнования на римскую экспедицию, Виктор Гюго из показного либерализма поднял вопрос об этом письме. Партия порядка похоронила под презрительно-недоверчивыми восклицаниями самую мысль о том, будто сумасбродства Бонапарта могут иметь какое-либо политическое значение. И никто из министров не поднял перчатки, брошенной Бонапарту. В другой раз Барро со свойственным ему пустым пафосом позволил себе с трибуны говорить с негодованием об «отвратительных кознях», имевших место, по его словам, среди ближайшего окружения президента. Наконец, министерство, выхлопотавшее у Национального собрания вдовью пенсию для герцогини Орлеанской, наотрез отказывалось вносить какие-либо предложения об увеличении содержания президента. А в лице Бонапарта претендент на императорскую корону так тесно сросся с разорившимся авантюристом, что великая идея о его призвании восстановить империю всегда дополнялась у него другой великой идеей — о призвании французского народа платить его долги.

Министерство Барро — Фаллу было первым и последним *парламентским министерством,* созданным Бонапартом. Его отставка является поэтому решающим поворотным пунктом. Вместе с ним партия порядка безвозвратно потеряла необходимый оплот для сохранения парламентарного режима — руководство исполнительной властью. А в такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. постоянно держит в самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидов, где этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим и приобрел повышенную эластичность и подвижность, которые находят себе параллель лишь в беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформенности действительного общественного организма, — в такой стране само собой ясно, что Национальное собрание вместе с правом раздачи министерских портфелей теряет всякое действительное влияние, если оно в то же время не упрощает государственного управления, не уменьшает, насколько это возможно, армии чиновников, не дает, наконец, гражданскому

обществу и общественному мнению создать свои собственные, не зависимые от правительственной власти, органы. Но *материальный интерес* французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров. С другой стороны, *политический интерес* буржуазии заставлял ее с каждым днем все более усиливать репрессии, т. е. ежедневно увеличивать средства и личный состав государственной власти, и в то же время вести непрерывную войну против общественного мнения и из недоверия калечить и парализовать самостоятельные органы общественного движения, если ей не удавалось их целиком ампутировать. Таким образом, классовое положение французской буржуазии заставляло ее, с одной стороны, уничтожать условия существования всякой, а следовательно, и своей собственной парламентской власти, ас другой стороны, делать неодолимой враждебную ей исполнительную власть.

Новое министерство называлось министерством д'Опуля. Это вовсе не значит, что генерал д'Опуль получил пост премьера. С отставкой Барро Бонапарт даже отменил этот пост, фактически обрекавший президента республики на узаконение ничтожную роль конституционного короля, но конституционного короля без трона и короны, без скипетра и меча, без привилегии неприкосновенности, без наследственного обладания высшим государственным саном и — что всего хуже — без цивильного листа. Министерство д'Опуля имело в своем составе только одного человека с парламентским именем, ростовщика *Фульда,* одного из самых опороченных членов финансовой аристократии. Ему достался портфель министра финансов. Достаточно заглянуть в курсовые бюллетени парижской биржи, чтобы убедиться, что с 1 ноября 1849 г. французские ценные бумаги поднимаются и падают вместе с повышением и падением акций Бонапарта. Найдя, таким образом, себе союзника на бирже, Бонапарт одновременно забрал в свои руки и полицию, назначив Карлье префектом парижской полиции.

Однако последствия смены министерства могли обнаружиться лишь в ходе дальнейшего развития. Пока что Бонапарт сделал только один шаг вперед, чтобы тем очевиднее быть отброшенным вспять. За его грубым посланием последовало крайне холопское изъявление покорности Национальному собранию. Каждый раз, когда министры осмеливались сделать робкую попытку придать его личным причудам форму законопроектов,

они, казалось, нехотя, единственно в силу своего положения, исполняли комические поручения, в безуспешности которых они заранее были уверены. Каждый раз, когда Бонапарт за спиной министров выбалтывал свои намерения и играл своими «idées napoléoniennes»[69], его собственные министры отрекались от него с трибуны Национального собрания. Казалось, что его узурпаторские вожделения высказывались только для того, чтобы не смолкал злорадный смех его противников. Он разыгрывал непризнанного гения, которого весь мир выставляет простофилей. Никогда еще не был он объектом более глубокого презрения со стороны всех классов, чем в этот период. Никогда еще буржуазия не господствовала более безусловно; никогда еще она не выставляла напоказ знаки своего господства с большим чванством.

В мою задачу не входит писать здесь историю ее законодательной деятельности, исчерпывающейся в этот период двумя законами: законом, восстанавливающим *налог на вино,* и *законом об образовании,* отменяющим неверие. Затрудняя французам потребление вина, буржуазия зато щедрее угощала их водицей праведной жизни. Объявляя налогом на вино неприкосновенной старую, ненавистную налоговую систему, буржуазия стремилась законом об образовании сохранить в массах старое состояние умов, которое позволяло им терпеть эту налоговую систему. Удивляются, что орлеанисты, либеральные буржуа — эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии, — вверяют духовное руководство французами своим закоренелым врагам — иезуитам. Но ведь и орлеанисты и легитимисты при всех их расхождениях в вопросе о претенденте на корону, понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох, что надо было дополнить и усилить средства порабощения Июльской монархии средствами порабощения Реставрации.

Крестьяне, обманутые во всех своих надеждах, более чем когда-либо страдающие от низких хлебных цен, с одной стороны, и растущей тяжести налогов и ипотечного долга — с другой, зашевелились в департаментах. Им ответили травлей школьных учителей, подчинив их духовенству, травлей мэров, подчинив их префектам, наконец, системой шпионажа, которой были подчинены все. В Париже и в больших городах сама реакция носит отпечаток своей эпохи и скорее раздражает, нежели подавляет. В деревне она становится пошлой, низкой, мелочной, утомительной, назойливой, одним словом—жандармом. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы.

Несмотря на всю страстность и декламацию, которые партия порядка пускала в ход с трибуны Национального собрания против меньшинства, ее речь оставалась односложной, как речь христианина, чье слово должно быть: да-да, нет-нет! Односложной и на трибуне и в прессе; плоской, как загадка, решение которой известно наперед. Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, о свободе печати или о свободе торговли, о клубах или муниципальном устройстве, об обеспечении свободы личности или об определении государственного бюджета, — один и тот же пароль раздавался неизменно, тема всегда оставалась та же самая, приговор был всегда готов и неизменно гласил: *«Социализм!». Социализмом* объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом — буржуазное просвещение, социализмом — буржуазная финансовая реформа. Социализм—строить железную дорогу там, где есть уже канал, социализм — обороняться палкой от нападающего со шпагой.

Это не было только голой фразой, модой, приемом в партийной борьбе. Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим острием против нее самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса посягали на ее *классовое господство* и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали *«социалистическими».* В этой угрозе и в этом посягательстве она справедливо видела тайну социализма, оценивая его смысл и тенденцию вернее, чем оценивает сам себя так называемый социализм, который из-за этого не может понять, почему буржуазия упорно отворачивается от него, — все равно, предается ли он сентиментальному оплакиванию страдания человечества, или христианской проповеди о тысячелетнем царстве и всеобщей братской любви, или гуманистической болтовне о духе, образовании, свободе, или же доктринерскому измышлению системы примирения и благополучия всех классов. Не поняла буржуазия одного — что, последовательно рассуждая, ее *собственный парламентарный режим,* ее *политическое господство* вообще должно теперь также подвергнуться всеобщему осуждению как нечто *социалистическое.* Пока господство буржуазии не организовалось вполне, не нашло своего чистого политического выражения, антагонизм между другими классами и буржуазией также не мог выступить в чистом виде, а там, где он выступал, не мог принять того опасного оборота, при котором

всякая борьба против государственной власти превращается в борьбу против капитала. Если буржуазия видела в каждом проявлении общественной жизни опасность для «спокойствия», — как же она могла желать сохранить во главе общества *режим беспокойства,* свой собственный режим, *парламентарный режим,* живущий — по выражению одного из ее ораторов — в борьбе и посредством борьбы? Как может парламентарный режим, живущий прениями, запретить прения? Всякий интерес, всякое общественное мероприятие превращается здесь в общую идею и трактуется как идея, — как же может при таких условиях какой-либо интерес, какое-либо мероприятие ставиться выше мышления и навязываться как символ веры? Ораторская борьба на трибуне вызывает борьбу газетных писак, дискуссионный клуб парламента необходимо дополняется дискуссионными клубами в салонах и трактирах; депутаты, постоянно апеллирующие к народному мнению, дают тем самым право народному мнению высказывать свое действительное мнение в петициях. Парламентарный режим предоставляет все решению большинства, — как же не захотеть огромному большинству вне парламента также выносить решения? Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?

Итак, осуждая как *«социализм»* то, что она раньше превозносила как *«либерализм»,* буржуазия признает, что ее собственные интересы предписывают ей спастись от опасности *собственного правления;* что для восстановления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целости ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть; что отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо наслаждаться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь при условии, что буржуазия как класс, наряду с другими классами, будет осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество; что для спасения ее кошелька с нее должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой.

В области общих интересов буржуазии Национальное собрание оказалось настолько бездеятельным, что, например, прения о постройке железной дороги между Парижем и Авиньоном, начатые зимой 1850 г., не были доведены до конца еще 2 декабря 1851 года. Там, где Собрание не угнетало, не действовало реакционно, оно страдало неизлечимым бесплодием.

В то время как министерство Бонапарта отчасти являлось инициатором законов в духе партии порядка, отчасти еще

усиливало жестокость применения этих законов на практике,— Бонапарт со своей стороны пытался приобрести популярность посредством детски-нелепых проектов, подчеркивая свою враждебность к Национальному собранию и намекая на какой-то таинственный клад и на то, что лишь обстоятельства пока мешают раскрыть спрятанные в нем сокровища для французского народа. Сюда относится предложение повысить жалованье унтер-офицерам на четыре су в день и проект «ссудного банка чести» для рабочих. Денежные подачки и денежные ссуды — такова была перспектива, которой он рассчитывал соблазнить массы. Дарить и давать взаймы — в этом все финансовое искусство люмпен-пролетариата, знатного и незнатного. Только эти пружины Бонапарт и умел пускать в ход. Никогда еще ни один претендент не спекулировал так пошло на пошлости толпы.

Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счет, при все усиливающейся опасности, что этот авантюрист, подхлестываемый долгами и отнюдь не стяжавший себе репутации, которую стоило бы беречь, отважится на какую-нибудь отчаянную проделку. Разногласия между партией порядка и президентом уже приняли было угрожающий характер, когда неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в ее объятия. Мы говорим о *дополнительных выборах 10 марта 1850 года.* Эти выборы состоялись для замены депутатов, которые после 13 июня попали в тюрьму или в изгнание. Париж выбрал только кандидатов социально-демократической партии. Более того: он дал наибольшее число голосов участнику июньского восстания 1848 года Дефлотту. Так соединившаяся с пролетариатом парижская мелкая буржуазия отомстила за свое поражение 13 июня 1849 года. Мелкая буржуазия, казалось, исчезла в минуту опасности с арены борьбы лишь для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах снова появиться на ней с большими боевыми силами и с более смелым боевым лозунгом. Одно обстоятельство, казалось, еще более усиливало опасный характер этой избирательной победы: армия в Париже голосовала за июньского повстанца против министра Бонапарта Лаита, а в департаментах— большей частью за монтаньяров, которые и здесь, хотя и не с таким решительным перевесом, как в Париже, одержали верх над противниками.

Бонапарт внезапно увидел себя опять лицом к лицу с революцией. Как 29 января 1849 г., как 13 июня 1849 г., так и 10 марта 1850 г. он спрятался за спину партии порядка. Он смирился, малодушно просил прощения, выражал готовность составить любое министерство по приказанию парламентского

большинства, более того: умолял орлеанистских и легитимистских главарей — Тьеров, Берье, Брольи, Моле — словом, так называемых бургграфов[70], стать самолично у государственного кормила. Партия порядка не сумела воспользоваться этой неповторимой минутой. Вместо того чтобы смело завладеть предложенной властью, она даже не заставила Бонапарта вернуть удаленное им 1 ноября министерство; она довольствовалась тем, что унизила его своим прощением и ввела в министерство д'Опуля г-на *Бароша.* Этот Барош в качестве прокурора в свое время неистовствовал перед Верховным судом в Бурже против революционеров 15 мая, позже — против демократов 13 июня, в обоих случаях обвиняя их в покушении на Национальное собрание. Впоследствии ни один из министров Бонапарта не сделал больше Бароша для того, чтобы унизить Национальное собрание, а после 2 декабря 1851 г. мы встречаем его вновь в высокопоставленной и высокооплачиваемой должности вице-президента сената. Он наплевал революционерам в суп, чтобы Бонапарт мог съесть его.

Социально-демократическая партия со своей стороны, казалось, искала лишь случая, чтобы снова поставить на карту свою победу и ослабить ее значение. Видаль, один из новоизбранных парижских депутатов, был одновременно выбран и в Страсбурге. Его убедили отказаться от парижского мандата в пользу страсбургского. Итак, вместо того чтобы придать своей победе на выборах окончательный характер и тем самым вызвать партию порядка на немедленную борьбу в парламенте, вместо того чтобы вынудить противника к борьбе в минуту народного энтузиазма и благоприятного настроения армии, — демократическая партия утомляла Париж в течение марта и апреля новой избирательной агитацией; она дала возбужденным народным страстям истощиться в этой новой временной избирательной игре, приглушила революционную энергию конституционными успехами, растратила ее на мелкие интриги, пустую декламацию и видимость движения, дала буржуазии время прийти в себя и принять свои меры, ослабила, наконец, значение мартовских выборов сентиментальным комментарием дополнительных апрельских выборов—избранием Эжена Сю. Одним словом, она проделала над 10 марта первоапрельскую шутку.

Парламентское большинство поняло слабость своего противника. Семнадцать бургграфов партии порядка — ибо Бонапарт предоставил ей руководство и ответственность за атаку — выработали новый избирательный закон, докладывать о котором было поручено г-ну Фоше, выпросившему себе эту честь. 8 мая Фоше внес закон, который отменял всеобщее избирательное

право и требовал от избирателей трехлетнего проживания в той местности, где они избирали, причем установление срока проживания рабочих в этой местности было поставлено в зависимость от свидетельства их работодателей.

Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы, теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедовали порядок, величественное спокойствие (calme majestueux), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, именовавшей себя законом. Во время прений Гора стыдила партию порядка, противопоставляя ее революционной страстности бесстрастие честного обывателя, остающегося на законной почве, и поражая ее насмерть страшным упреком в революционном образе действий. Даже новоизбранные депутаты старались показать приличным и рассудительным поведением, насколько несправедливо было поносить их как анархистов и толковать их избрание как победу революции. 31 мая прошел новый избирательный закон. Гора удовольствовалась тем, что сунула исподтишка протест президенту. За избирательным законом последовал новый закон о печати, окончательно уничтоживший революционную прессу[71]. Последняя заслужила свою участь. После этого потопа самыми крайними форпостами революции остались два буржуазных органа: «National» и «Presse»[72].

Мы видели, что демократические вожди в марте и в апреле сделали все, чтобы вовлечь парижский народ в мнимую борьбу, подобно тому как они после 8 мая делали все, чтобы удержать его от действительной борьбы. К тому же не надо забывать, что 1850 год был временем редкого промышленного и торгового процветания, так что парижский пролетариат имел работы вдоволь. Но избирательный закон 31 мая 1850 г. отстранил пролетариат от всякого участия в политической власти, отрезал ему даже доступ к полю битвы. Этот закон вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции. Предоставляя, в момент таких событий, руководить собой демократическим вождям, забывая о революционных интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. сделало их на долгие годы небоеспособными, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться *помимо* них. Что же касается мелкобуржуазной демократии, кричавшей 13 июня: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего

избирательного права, пусть только!», то теперь она утешалась тем, что удар, нанесенный ей контрреволюционерами, —вовсе не удар, а закон 31 мая—вовсе не закон. Во второе воскресенье мая 1852 г. каждый француз явится на место выборов с избирательным бюллетенем в одной руке и с мечом в другой. Этим пророчеством она сама себя утешала. Наконец, армия была наказана начальством за мартовские и апрельские выборы 1850 г. так же, как за выборы 28 мая 1849 года. Но на этот раз она решительно сказала себе: «В третий раз революция нас не проведет!».

Закон 31 мая 1850 г. был coup d'etat буржуазии. Все ее прежние победы над революцией носили лишь временный характер. Они делались сомнительными, как только существующее в данный момент Национальное собрание уходило со сцены. Они зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право 10 марта прямо высказалось против господства буржуазии, — буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы. С другой стороны, конституция требовала, для того чтобы выборы президента республики были признаны действительными, минимума в два миллиона голосов. В случае если бы никто из кандидатов в президенты не получил этого минимума голосов, Национальному собранию предоставлялось право выбрать президентом одного из пяти кандидатов, получивших наибольшее число голосов. В то время, когда Учредительное собрание составляло этот закон, в избирательных списках числилось 10 миллионов избирателей. Следовательно, по смыслу закона, для признания президентских выборов действительными достаточно было пятой части всех пользующихся избирательным правом. Закон 31 мая вычеркнул из избирательных списков по меньшей мере 3 миллиона голосов, сократил число избирателей до 7 миллионов, по тем не менее оставил в силе законный минимум в 2 миллиона для президентских выборов. Таким образом законный минимум с одной пятой повысился почти до одной трети всех избирательных голосов. Другими словами, этот закон сделал все, чтобы передать контрабандой президентские выборы из рук парода в руки Национального собрания. Итак, партия порядка, казалось, вдвойне укрепила свою власть избирательным законом 31 мая, передав выборы депутатов Национального собрания и выборы президента республики в руки консервативной части общества.

V

Борьба между Национальным собранием и Бонапартом вспыхнула снова, как только миновал революционный кризис и было отменено всеобщее избирательное право.

Конституция назначила Бонапарту содержание в 600000 франков. Не прошло и полугода со времени его вступления на пост президента, как ему удалось увеличить эту сумму вдвое. Одилон Барро добился от Учредительного собрания ежегодной прибавки в 600000 франков на так называемые расходы по представительству. После 13 июня Бонапарт выступил с подобными же претензиями, на которые, однако, Барро на этот раз не откликнулся. Теперь, после 31 мая, Бонапарт немедленно воспользовался благоприятным моментом и через своих министров потребовал у Национального собрания цивильный лист в 3 миллиона франков в год. Долгая бродяжническая жизнь авантюриста наделила его крайне тонким чутьем к критическим моментам, когда можно было вымогать деньги у буржуа. Он занимался форменным шантажом. Национальное собрание, с его помощью и с его ведома, осквернило суверенитет народа. Он угрожал предать это преступление суду народа, если Собрание не раскошелится и не купит его молчание за 3 миллиона франков в год. Собрание отняло у 3 миллионов французов право голоса, — он требовал за каждого политически обесцененного француза полноценный франк, итого 3 миллиона франков. Он, избранник 6 миллионов, требовал возмещения за голоса, отнятые у него задним числом. Комиссия Национального собрания отказала нахалу. Бонапартистская пресса стала угрожать. Могло ли Национальное собрание порвать с президентом республики в такую минуту, когда оно принципиально и окончательно порвало с массой нации? Оно, правда, отвергло ежегодный цивильный лист, но зато вотировало единовременную дополнительную сумму в 2160000 франков. Согласившись дать деньги, но вместе с тем показывая своим раздражением, что оно уступает против воли, Собрание обнаружило

этим двойную слабость. Зачем Бонапарту нужны были эти деньги, мы увидим дальше. После этого последовавшего непосредственно за отменой всеобщего избирательного права досадного эпилога, в котором Бонапарт сменил по отношению к узурпаторскому парламенту свой смиренный тон времен мартовского и апрельского кризиса на вызывающе-нахальный тон — Национальное собрание прервало свои заседания на три месяца, с 11 августа до 11 ноября. Оно оставило вместо себя постоянную комиссию из 28 членов, среди которых не было ни одного бонапартиста, зато было несколько умеренных республиканцев. Постоянная комиссия 1849 г. состояла исключительно из представителей партии порядка и бонапартистов. Но тогда партия порядка объявила себя постоянной противницей революции, — теперь парламентарная республика объявила себя постоянной противницей президента. После проведения закона 31 мая партия порядка должна была считаться лишь с этим соперником.

Когда Национальное собрание в ноябре 1850 г. снова собралось, положение было такое, что, казалось, вместо прежних мелких стычек между парламентом и президентом неизбежно должно было начаться крупное сражение, беспощадная борьба двух властей не на жизнь, а на смерть.

Как в 1849 г., так и на этот раз во время парламентских каникул партия порядка распалась на отдельные фракции, каждая из которых занималась собственными реставраторскими интригами, получившими новую пищу благодаря смерти Луи-Филиппа. Король легитимистов, Генрих V, назначил даже составленное по всей форме министерство, которое пребывало в Париже и в состав которого входили некоторые члены постоянной комиссии. Бонапарт был, следовательно, вправе, со своей стороны, совершать турне по французским департаментам и, смотря по настроению осчастливленного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои собственные реставраторские планы и вербовать голоса в свою пользу. Во время этих поездок, прославляемых, разумеется, как триумфальные шествия большим официальным вестником — газетой «Moniteur»[73] и маленькими частными вестниками Бонапарта, его всюду сопровождали члены *Общества 10 декабря.* Это общество возникло в 1849 году. Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами

существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют la boheme*. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, «благотворительного общества», поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублаготворить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся *во главе люмпен-пролетариата,* находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sans phrase**. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости. Так, в походе на Страсбург прирученный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла. Во время своей высадки в Булони он на нескольких лондонских лакеев напялил французские мундиры; они представляли армию[74]. В своем Обществе 10 декабря он собирает 10000 бездельников, которые должны представлять народ, подобно тому как ткач Основа собирался представлять льва[75]. В такой момент, когда буржуазия сама играла чистейшую комедию, правда, с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета, когда она сама была наполовину одурачена, наполовину убеждена в торжественности своего собственного лицедейства, — в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить. Лишь после того, как он справился со своим напыщенным противником и, в свою очередь, принял всерьез свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, — лишь тогда он становится жертвой своего собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута,

* — богемой. *Ред.*
** — без прикрас. *Ред.*

теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою комедию — всемирной историей. Чем для социалистических рабочих были национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев мобильная гвардия, тем было для Бонапарта Общество 10 декабря, эта характерная для него партийная боевая сила. Во время его поездок члены этого общества, размещенные группами по железнодорожным станциям, должны были служить ему импровизированной публикой, изображать народный энтузиазм, реветь: «Vive l'Empereur!»*, оскорблять и избивать республиканцев — разумеется, под покровительством полиции. При его возвращениях в Париж они должны были образовать авангард, они должны были предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Общество 10 декабря принадлежало ему, было *его* творением, его доподлинно собственной идеей. Во всем остальном то, что он приписывает себе, досталось ему в силу обстоятельств, то, что он делает, делают за него обстоятельства или же он довольствуется тем, что копирует деяния других; но открыто сыпать перед буржуа официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а втайне опираться на общество Шуфтерле и Шпигельбергов[76], на общество беспорядка, проституции и воровства — тут Бонапарт оригинален, и история Общества 10 декабря — его собственная история. Произошел даже такой исключительный случай: под палки членов Общества 10 декабря попало несколько депутатов из партии порядка. Более того: полицейский комиссар Йон, которому была поручена охрана безопасности Национального собрания, доложил постоянной комиссии на основании показаний некоего Але, что одна из секций Общества 10 декабря постановила убить генерала Шангарнье и председателя Национального собрания Дюпена и уже назначила для исполнения этого определенных лиц. Можно себе представить, как перепугался г-н Дюпен. Парламентское обследование Общества 10 декабря, т. е. разоблачение бонапартовского тайного мира, казалось неминуемым. И вот перед самым открытием Национального собрания Бонапарт предусмотрительно распустил свое общество, но, разумеется, только на бумаге, так как еще в конце 1851 г. префект полиции Карлье тщетно старался в обстоятельной докладной записке побудить его действительно разогнать Общество 10 декабря.

Обществу 10 декабря предстояло до тех пор оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удастся превратить

* — «Да здравствует император!» *Ред.*

государственную армию в Общество 10 декабря. Первую попытку в этом направлении Бонапарт сделал вскоре после закрытия заседаний Национального собрания, и притом на вырванные у него же деньги. Как фаталист он верит, что существуют некие высшие силы, которым человек, а особенно солдат, противостоять не может. К этим силам он прежде всего относит сигары и шампанское, холодную дичь и колбасу с чесноком. Поэтому он начал с того, что угостил офицеров и унтер-офицеров сигарами и шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком в залах Елисейского дворца. 3 октября он повторил этот маневр с войсками на смотру в Сен-Море, а 10 октября —тот же маневр в еще большем масштабе на генеральном смотру в Сатори. Дядя вспоминал о военных походах Александра в Азии, племянник — о завоевательных походах Вакха в той же стране. Александр был, правда, полубог, но ведь Вакх был настоящий бог, и притом бог-покровитель Общества 10 декабря.

После смотра 3 октября постоянная комиссия призвала к ответу военного министра д'Опуля. Он обещал, что подобные нарушения дисциплины больше не повторятся. Известно, как Бонапарт 10 октября сдержал слово, данное д'Опулем. На обоих смотрах командовал Шангарнье в качестве верховного командующего войсками Парижа. Этот Шангарнье, в одно и то же время член постоянной комиссии, командующий национальной гвардией, «спаситель» 29 января и 13 июня, «оплот общества», кандидат партии порядка в президенты, предполагаемый Монк двух монархий, до этого времени никогда не признавал себя подчиненным военному министру, всегда открыто издевался над республиканской конституцией, преследовал Бонапарта двусмысленно-высокомерным покровительством. Теперь же он пылко стал на защиту дисциплины против военного министра и конституции против Бонапарта. В то время как 10 октября часть кавалерии кричала: «Vive Napoleon! Vivent les saucissons!»*, Шангарнье сумел так распорядиться, что по крайней мере пехота, дефилировавшая под командой его друга Неймейера, хранила гробовое молчание. В наказание военный министр, по наущению Бонапарта, лишил генерала Неймейера его парижского поста под предлогом назначения его командующим 14-й и 15-й армейскими дивизиями. Неймейер отказался от перемены поста и должен был в силу этого выйти в отставку. Шангарнье, со своей стороны, 2 ноября издал приказ, воспрещавший войскам всякие политические возгласы и демонстрации в строю. Елисейские газеты[77] напали на

* — «Да здравствует Наполеон! Да здравствует колбаса!» *Ред.*

Шангарнье, газеты партии порядка — на Бонапарта, постоянная комиссия назначала одно за другим закрытые заседания, на которых снова и снова вносилось предложение объявить отечество в опасности; армия, казалось, разделилась на два враждебных лагеря с двумя враждебными генеральными штабами, из которых один заседал в Елисейском дворце — резиденции Бонапарта, а другой в Тюильри — резиденции Шангарнье. Открытие Национального собрания должно было, по-видимому, подать сигнал к боевым действиям. Французская публика судила об этих столкновениях между Бонапартом и Шангарнье так же, как тот английский журналист, который охарактеризовал положение следующим образом:

«Политические горничные Франции выметают раскаленную лаву революции старыми вениками и при этом ведут между собой перебранку».

Тем временем Бонапарт поспешил дать отставку военному министру д'Опулю, отправить его немедленно в Алжир и назначить вместо него военным министром генерала Шрамма. 12 ноября он обратился к Национальному собранию с посланием, по-американски пространным, загроможденным мелочами, пропитанным запахом порядка, жаждущим примирения, дышащим покорностью конституции, трактующим решительно обо всем, только не о questions brulantes* текущего момента. Как бы мимоходом бросил он замечание, что, согласно точному смыслу конституции, распоряжение армией принадлежит исключительно президенту. Послание кончалось следующими высокоторжественными словами:

«Франция требует прежде всего спокойствия... Я один связан присягой, я буду двржаться в тесных границах, предписанных мне ею... Что касается меня, я, избранный народом и обязанный моей властью ему одному, всегда буду подчиняться его законно выраженной воле. Если вы в этой сессии примете решение о пересмотре конституции, — то тогда Учредительное собрание урегулирует положение исполнительной власти. Если же нет, — народ в 1852 г. торжественно провозгласит свое решение. Но каковы бы ни были решения, таящиеся в будущем, придемте к соглашению, дабы страсть, неожиданность или насилие никогда не являлись вершителями судеб великой нации... Мое внимание прежде всего обращено не на то, кто будет управлять Францией в 1852 г., а на то, чтобы употребить имеющееся в моем распоряжении время так, чтобы переходный период прошел без волнений и смятений. Я искренне раскрыл перед вами свое сердце. Вы ответите на мою откровенность вашим доверием, на мои благие стремления — вашим содействием, а бог позаботится об остальном».

Добропорядочный, лицемерно-умеренный, добродетельно-банальный язык буржуазии обнаруживает свой глубочайший

* — жгучих вопросах. *Ред.*

смысл в устах самодержца Общества 10 декабря и героя пикников в Сен-Море и Сатори.

Бургграфы партии порядка ни минуты не заблуждались насчет того, какого доверия заслуживают эти сердечные излияния. Присяги им давно уже приелись, они насчитывали в своей среде ветеранов, виртуозов политического клятвопреступления, а слова, касавшиеся армии, не ускользнули от их внимания. Они с негодованием заметили, что послание, пространно перечислявшее недавно изданные законы, обходило нарочитым молчанием самый важный из них — избирательный закон; более того: в случае отказа от пересмотра конституции оно предоставляло выборы президента в 1852 г. народу. Избирательный закон был свинцовым грузом на ногах партии порядка, мешавшим ей двигаться, а тем более штурмовать! К тому же Бонапарт официальным роспуском Общества 10 декабря и увольнением военного министра д'Опуля собственными руками принес в жертву на алтарь отечества козлов отпущения. Он устранил самый острый пункт ожидаемого столкновения. Наконец, сама партия порядка трусливо старалась обойти, смягчить, замять всякий решительный конфликт с исполнительной властью. Из боязни потерять завоеванное в борьбе с революцией она дала сопернику присвоить себе плоды ее завоеваний. «Франция требует прежде всего спокойствия». Так кричала революции партия порядка начиная с февраля*, так же кричал партии порядка теперь Бонапарт в своем послании. «Франция требует прежде всего спокойствия». Бонапарт предпринял действия, направленные к узурпации, но партия порядка оказывалась виновницей «беспокойства», когда она поднимала шум из-за этих поступков и истолковывала их ипохондрически. Саторийские колбасы были немы, как рыбы, если только о них никто не говорил. «Франция требует прежде всего спокойствия». Поэтому Бонапарт требовал, чтобы ему дали спокойно обделывать свои дела, а парламентская партия была парализована двойным страхом — страхом снова вызвать революционное беспокойство и страхом оказаться виновницей беспокойства в глазах своего собственного класса, в глазах буржуазии. Так как Франция требовала, прежде всего, спокойствия, то партия порядка не посмела ответить «войной» на «мир» бонапартовского послания. Публика, рассчитывавшая на крупные скандалы при открытии Национального собрания, была обманута в своих ожиданиях. Требование оппозиционных депутатов, чтобы постоянная комиссия

* — 1848 года. *Ред.*

представила свои протоколы относительно октябрьских событий, было отвергнуто большинством. Собрание принципиально избегало всяких дебатов, которые могли вызвать возбуждение. Деятельность Национального собрания в ноябре и декабре 1850 г. лишена какого-либо интереса.

Только к концу декабря начался ряд мелких стычек из-за отдельных прерогатив парламента. Движение измельчало, свелось к ничтожным дрязгам из-за прерогатив обеих властей, с тех пор как буржуазия отменой всеобщего избирательного права на ближайшее время отделалась от классовой борьбы.

Одному депутату, Могену, за долги был вынесен судебный приговор. На запрос председателя суда министр юстиции Руэ заявил, что следует без дальнейших церемоний издать приказ об аресте должника, — и Моген был заключен в долговую тюрьму. Национальное собрание вознегодовало, узнав об этом посягательстве на неприкосновенность депутатов. Оно не только постановило немедленно освободить арестованного, но в тот же вечер с помощью своего пристава силой вывело его из Клиши. Но, с другой стороны, чтобы доказать свою веру в святость частной собственности, а также с задней мыслью, в случае надобности, иметь готовое пристанище для ставших докучливыми монтаньяров, Собрание объявило арест депутатов за долги дозволенным после предварительно испрошенного у него согласия. Оно забыло декретировать, что и президент может быть заключен в тюрьму за долги. Оно уничтожило последний намек на неприкосновенность своих собственных членов.

Как уже было сказано, полицейский комиссар Йон на основании показаний некоего Але донес о замышляемом одной из секций Общества 10 декабря убийстве Дюпена и Шангарнье. Ввиду этого квесторы на первом же заседании внесли предложение образовать особую парламентскую полицию, содержащуюся на средства собственного бюджета Национального собрания и совершенно независимую от префекта полиции. Министр внутренних дел Барош заявил протест против этого вторжения в его ведомство. Тогда был заключен жалкий компромисс, согласно которому полицейский комиссар парламента хотя и должен был содержаться за счет бюджета парламента, а также назначаться и смещаться парламентскими квесторами, но лишь после предварительного согласования с министром внутренних дел. Тем временем правительство подвергло Але судебному преследованию, а тут уж было нетрудно объявить его показания мистификацией и устами прокурора выставить в смешном виде Дюпена, Шангарнье, Йона и все

Национальное собрание. После этого, 29 декабря, министр Барош пишет Дюпену письмо, в котором требует смещения Иона. Бюро Национального собрания решает оставить Йона в должности, но Национальное собрание, испугавшись своего насильственного образа действий в деле Могена, привыкшее после каждого удара, нанесенного им исполнительной власти, получать от нее два удара сдачи, не санкционирует этого решения. Собрание дает Йону отставку в награду за его служебное усердие и лишает себя парламентской прерогативы, совершенно необходимой, когда приходится иметь дело с человеком, который не обдумывает ночью, что он будет делать днем, а напротив днем обдумывает и по ночам приводит свои планы в исполнение.

Мы видели, как Национальное собрание в продолжение ноября и декабря уклонялось и всячески воздерживалось от борьбы с исполнительной властью, когда для этого имелись серьезные, настоятельные причины. Теперь мы видим, как оно вынуждено принимать бой по самым ничтожным поводам. В деле Могена оно в принципе разрешило арест депутатов за долги, оставив за собой, однако, возможность применять этот принцип только к ненавистным депутатам, и из-за этой позорной привилегии вступило в препирательства с министром юстиции. Вместо того чтобы, воспользовавшись сообщением о готовящемся покушении на убийство, потребовать расследования деятельности Общества 10 декабря и окончательно разоблачить Бонапарта перед лицом Франции и Европы, выставив его в настоящем свете как главу парижского люмпен-пролетариата, Собрание свело конфликт к спору с министром внутренних дел по вопросу о том, кому принадлежит право назначения и смещения полицейского комиссара. Таким образом, мы видим, что партия порядка в продолжение всего этого периода была вынуждена в силу своего двусмысленного положения распылять, превращать в пустую трескотню свою борьбу против исполнительной власти, сводя ее к мелочным дрязгам из-за пределов компетенции, придиркам, сутяжничеству, спорам о размежевании и делая вопросы пустой формалистики содержанием своей деятельности. Она не осмеливается принять бой в тот момент, когда борьба имеет принципиальное значение, когда исполнительная власть действительно скомпрометировала себя, когда дело Национального собрания было бы национальным делом: партия порядка этим ведь подала бы нации сигнал к выступлению, а она ничего так не боится, как привести в движение нацию. Поэтому в таких случаях она отвергает предложения Горы и переходит к очередным делам. После того как партия порядка отказалась от борьбы в крупном

масштабе, исполнительная власть спокойно выжидает момента, когда она снова сможет начать ее по мелким, незначительным поводам, когда борьба представляет, так сказать, лишь парламентский, местный интерес. Тогда прорывается затаенная ярость партии порядка, тогда она сдергивает полог с кулис, срывает маску с президента, объявляет республику в опасности, но тогда и ее пафос кажется нелепым, повод к борьбе — лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря оказывается бурей в стакане воды, борьба — интригой, конфликт — скандалом. В то время как революционные классы со злорадством следят за унижением Национального собрания, так как они ровно в такой же мере принимают к сердцу его парламентские прерогативы, в какой Собрание — общественные свободы, буржуазия вне парламента не понимает, как это буржуазия внутри парламента может тратить время на столь мелкие дрязги, подвергать опасности спокойствие столь жалким соперничеством с президентом. Она сбита с толку подобной стратегией, при которой заключается мир, когда все ждут войны, и начинается атака в тот момент, когда все думают, что заключен мир.

20 декабря Паскаль Дюпра сделал запрос министру внутренних дел по поводу лотереи золотых слитков. Эта лотерея была «Элизиума дочь»[78]. Бонапарт со своими приспешниками подарил ее миру, а префект полиции Карлье взял ее под свое официальное покровительство, несмотря на то, что французские законы запрещают какие-либо лотереи, за исключением лотерей с благотворительной целью. Было выпущено семь миллионов билетов, по одному франку каждый, выручка же предназначалась якобы на отправку парижских бродяг в Калифорнию. Отчасти имелось в виду вытеснить социалистические мечты парижского пролетариата золотыми мечтами, доктринерское право на труд — соблазнительной перспективой большого выигрыша. Разумеется, парижские рабочие не узнали в блестящих калифорнийских золотых слитках неказистых франков, выуженных из их кармана. Вообще же эта лотерея была простым мошенничеством. Бродягами, желавшими открыть золотоносные рудники в Калифорнии, не покидая Парижа, были сам Бонапарт и его задолжавшая свита. Вотированные Национальным собранием 3 миллиона были растрачены, — так или иначе нужно было снова наполнить опустевшую кассу. Тщетно Бонапарт открыл было для устройства так называемых cites ouvrieres[*] национальную

[*] — рабочих поселков. *Ред.*

подписку и выступил сам в роли первого подписчика на крупную сумму. Жестокосердные буржуа недоверчиво выжидали уплаты им суммы, на которую он подписался, и так как такой уплаты, разумеется, не последовало, то спекуляция на социалистических воздушных замках лопнула как мыльный пузырь. Золотые слитки имели больше успеха. Бонапарт и его сообщники не довольствовались тем, что положили себе в карман часть выручки, остававшейся после вычета из семи миллионов франков стоимости подлежащих розыгрышу слитков: они фабриковали фальшивые лотерейные билеты, выпуская на один и тот же номер десять, пятнадцать и даже двадцать билетов — финансовая операция в духе Общества 10 декабря! Тут Национальное собрание имело перед собой не фиктивного президента республики, а подлинного Бонапарта во плоти. Тут оно могло поймать его на месте преступления, преступления не против конституции, а против Code penal*. Если Собрание ответило на запрос Дюпра переходом к очередным делам, то оно это сделало не только потому, что предложение Жирардена объявить себя «удовлетворенным» напоминало партии порядка о господствовавшей в ее собственной среде систематической коррупции. Буржуа, а особенно буржуа, возведенный в сан государственного мужа, дополняет свою низость в практических делах теоретической высокопарностью. В качестве государственного мужа он, как и противостоящая ему государственная власть, становится высшим существом, с которым можно бороться лишь возвышенным, торжественным образом.

Бонапарт, который как сын богемы, как царственный люмпен-пролетарий имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу низкими средствами, увидел теперь — после того как Собрание собственными руками помогло ему благополучно миновать скользкую почву военных банкетов, смотров, Общества 10 декабря и, наконец, Code penal, — что настала минута, когда он может перейти от мнимой обороны к наступлению. Его мало беспокоили происходившие тем временем маленькие поражения министра юстиции, военного министра, морского министра, министра финансов, — поражения, в которых Национальное собранно выражало свое ворчливое неудовольствие. Он не только помешал министрам выйти в отставку и тем самым признать подчиненность исполнительной власти парламенту. Он теперь мог закончить то, что начал во время каникул Национального

* — Уголовного кодекса. *Ред.*

собрания, — отделение военной власти от парламента: он *сместил Шангарнье.*

Одна елисейская газета опубликовала изданный в мае будто бы по первой армейской дивизии приказ, — приказ, исходивший, следовательно, от Шангарнье, — в котором офицерам рекомендовалось в случае мятежа не щадить предателей в собственных рядах, немедленно их расстреливать и не посылать войск по требованию Национального собрания. 3 января 1851 г. кабинету министров был сделан запрос по поводу этого приказа. Кабинет министров требует для разбора дела сначала три месяца, затем одну неделю, наконец — только двадцать четыре часа. Собрание настаивает на немедленных объяснениях. Шангарнье поднимается и заявляет, что такого приказа никогда не было. Он добавляет, что всегда готов исполнить требование Национального собрания и что в случае конфликта оно может рассчитывать на него. Собрание встречает это заявление неистовыми аплодисментами и декретирует вотум доверия Шангарнье. Отдавая себя под частное покровительство генерала, Собрание отрекается от власти, декретирует свое собственное бессилие и всемогущество армии; но генерал ошибается, предоставляя в распоряжение парламента против Бонапарта силу, которую он получил от того же Бонапарта лишь в ленное пользование, и ожидая, в свою очередь, защиты со стороны этого парламента — со стороны своего же нуждающегося в защите подопечного. Однако Шангарнье верит в таинственную силу, которой буржуазия его наделила 29 января 1849 года. Он считает себя третьей властью наряду с двумя другими государственными властями. Он разделяет участь остальных героев или, лучше сказать, святых этой эпохи, величие которых состоит лишь в пристрастно высоком мнении, распространяемом о них их партией, и которые оказываются заурядными фигурами, лишь только обстоятельства требуют от них чудес. Вообще неверие — смертельный враг этих мнимых героев и подлинных святых. Отсюда их благородно-моральное негодование против остряков и насмешников, которым недостает энтузиазма.

В тот же вечер министров приглашают в Елисейский дворец. Бонапарт настаивает на смещении Шангарнье, пять министров отказываются дать свою подпись. «Moniteur» объявляет о министерском кризисе, а пресса партии порядка угрожает образованием парламентской армии под командованием Шангарнье. Партия порядка имела на это право по конституции. Ей стоило только выбрать Шангарнье председателем Национального собрания и вызвать для своей безопасности какое

угодно количество войск. Она могла это сделать тем спокойнее, что Шангарнье действительно еще находился во главе армии и парижской национальной гвардии и только того и ждал, чтобы вместе с армией быть призванным на помощь. Бонапартистская пресса еще не решалась даже оспаривать право Национального собрания на непосредственный вызов войск — подобное юридическое сомнение при данных обстоятельствах не сулило никакого успеха. Повиновение армии приказаниям Национального собрания было весьма вероятно, если принять во внимание, что Бонапарту понадобилась целая неделя для того, чтобы в Париже разыскать двух генералов — Бараге д'Илье и Сен-Жана д'Анжели, — изъявивших готовность скрепить своей подписью приказ об увольнении Шангарнье. Но нашла ли бы партия порядка в своих собственных рядах и в парламенте необходимое для такого решения число голосов, это более чем сомнительно, если принять во внимание, что неделю спустя от нее отделились 286 депутатов и что Гора отвергла подобное же предложение даже в декабре 1851 г., в последнюю решительную минуту. Однако бургграфам в тот момент, может быть, удалось бы еще поднять массу своей партии на героический подвиг, состоявший в том, чтобы спрятаться за лесом штыков и воспользоваться услугами армии, дезертировавшей в ее лагерь. Но вместо этого господа бургграфы вечером 6 января отправились в Елисейский дворец, надеясь дипломатическими приемами и доводами отговорить Бонапарта от решения сместить Шангарнье. Кого уговаривают, того признают господином положения. Бонапарт, ободренный этой попыткой бургграфов, назначает 12 января новое министерство, в котором остаются руководители старого министерства — Фульд и Барош. Сен-Жан д'Анжели становится военным министром. «Moniteur» публикует декрет о смещении Шангарнье, должности которого разделяются между Бараге д'Илье, получающим первую армейскую дивизию, и Перро, получающим национальную гвардию. «Оплот общества» получает отставку, и если от этого ни один камень не падает с крыши, то зато поднимаются курсы на бирже.

Отталкивая от себя армию, которая в лице Шангарнье отдается в ее распоряжение, и уступая ее, таким образом, безвозвратно президенту, партия порядка тем самым доказала, что буржуазия потеряла способность к господству. Парламентского министерства уже не существовало. Теперь же, когда партия порядка потеряла власть над армией и национальной гвардией, — какие еще средства принуждения оставались у псе, чтобы одновременно отстоять узурпаторскую власть

парламента над народом и конституционную власть парламента от посягательств президента? Никакой. Ей оставалось только взывать к бессильным принципам, которые она сама всегда рассматривала лишь как общие правила, предписываемые третьим лицам, чтобы тем непринужденнее действовать самой. Отставкой Шангарнье, переходом военной власти в руки Бонапарта заканчивается первый отрезок рассматриваемого нами периода, периода борьбы между партией порядка и исполнительной властью. Теперь война между обеими властями официально объявлена и ведется открыто, но только после того, как партия порядка потеряла и оружие и солдат. Без министерства, без армии, без народа, без общественного мнения, перестав быть со времени изданного им избирательного закона 31 мая представителем суверенной нации, без глаз, без ушей, без зубов, без всего, Национальное собрание мало-помалу превратилось в *старофранцузский парламент*[79], предоставляющий правительству действовать, а сам довольствующийся ворчливыми ремонстрациями post festum[*].

Партия порядка встречает новое министерство бурей негодования. Генерал Бедо напоминает о кротости постоянной комиссии во время каникул и о том, что она проявила чрезмерную деликатность, отказавшись обнародовать свои протоколы. Тут министр внутренних дел сам настаивает на публикации этих протоколов, которые теперь, разумеется, потеряли всякий вкус, как застоявшаяся вода, не разоблачая ни одного нового факта и не производя никакого впечатления на пресыщенную публику. По предложению Ремюза, Национальное собрание после обсуждения на комиссиях назначает «Комитет чрезвычайных мер». Париж тем более не выходит из своей обычной колеи, что торговля в это время процветает, промышленные заведения работают, хлебные цены низки, съестные припасы имеются в изобилии, в - сберегательные кассы ежедневно поступают новые вклады. «Чрезвычайные меры», о которых парламент возвестил с таким шумом, исчерпываются вотумом недоверия министрам, вынесенным 18 января, причем о генерале Шангарнье не было даже упомянуто. Партия порядка была вынуждена так сформулировать свой вотум, чтобы обеспечить за собой голоса республиканцев, которые из всех мероприятий министерства одобряли как раз одно только смещение Шангарнье, между тем как партия порядка в сущности не могла порицать остальные меры, продиктованные министерству ею самой.

[*] — после праздника, т. е. после того, как событие произошло, задним числом. *Ред*.

Вотум недоверия 18 января был принят 415 против 286 голосов — стало быть, лишь благодаря *коалиции* крайних легитимистов и орлеанистов с чистыми республиканцами и Горой. Этим было доказано, что партия порядка потеряла не только министерство, не только армию, но потеряла — в своих конфликтах с Бонапартом — и свое самостоятельное парламентское большинство', что часть депутатов дезертировала из ее лагеря из фанатической склонности к компромиссу, из страха перед борьбой, из слабости, из семейной привязанности к родным государственным окладам, из расчета на освобождающиеся министерские портфели (Одилон Барро), из пошлого эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса ради того или другого личного мотива. Бонапартистские депутаты с самого начала шли заодно с партией порядка лишь в борьбе против революции. Глава католической партия, Монталамбер, уже тогда бросил свое личное влияние на чашу весов Бонапарта, так как он изверился в жизнеспособности парламентской партии. Наконец, предводители этой партия, орлеанист Тьер и легитимист Берье, были принуждены открыто объявить себя республиканцами, признать, что хотя они сердцем монархисты, но головой — республиканцы, что парламентарная республика — единственно возможная форма господства буржуазии в целом. Словом, они были принуждены заклеймить на глазах у самого класса буржуазии реставраторские планы, над которыми они продолжали неутомимо работать за спиной парламента, как интригу столь же опасную, сколь и бессмысленную.

Вотум недоверия 18 января был ударом для министерства, а не для президента. Но ведь не министерство, а президент сместил Шангарнье. Не следовало ли партии порядка привлечь к ответственности самого Бонапарта? Привлечь к ответственности за его реставраторские вожделения? Но эти вожделения лишь дополняли ее собственные реставраторские вожделения. За его заговорщические действия на военных смотрах и в Обществе 10 декабря? Но она давно похоронила эти вопросы под ворохом повседневных очередных дел. За увольнение героя 29 января и 13 июня, человека, который в мае 1850 г. угрожал в случае бунта поджечь Париж с четырех концов? Но ее союзники из Горы и Кавеньяк не позволили ей даже поддержать павший «оплот общества» официальным выражением сочувствия. Она сама не могла оспаривать данное президенту конституцией право смещать генералов. Она выходила из себя лишь потому, что президент делал из своего конституционного права противопарламентское употребление. Но не делала ли

она сама непрерывно из своей парламентской прерогативы противоконституционного употребления, особенно при отмене всеобщего избирательного права? Ей, следовательно, ничего другого не оставалось, как держаться строго в парламентских рамках. И только своеобразной болезнью, с 1848 г. свирепствовавшей на всем континенте, — *парламентским кретинизмом,* который пораженных им держит в плену воображаемого мира и лишает всякого рассудка, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира, — только этим парламентским кретинизмом объясняется, что партия порядка, которая собственными руками уничтожила и в своей борьбе с другими классами должна была уничтожить все условия могущества парламента, все еще считала свои парламентские победы победами и думала, что разит президента, нанося удары его министрам. Этим она только доставила президенту случай снова унизить Национальное собрание в глазах нации. 20 января «Moniteur» сообщил, что отставка всего министерства принята. Под предлогом, что ни одна парламентская партия уже не имеет большинства, — как это доказало голосование 18 января, этот плод коалиции Горы с роялистами, — и надо выждать образования нового большинства, Бонапарт назначил так называемое переходное министерство, которое не насчитывало в своих рядах ни одного члена парламента и состояло сплошь из неизвестных и ничтожных личностей, — министерство одних приказчиков и писцов. Партия порядка могла теперь растрачивать свои силы на возню с этими марионетками, исполнительная же власть не придавала больше никакого значения тому, чтобы иметь серьезное представительство в Национальном собрании. Бонапарт тем более явно сосредоточивал в своем лице всю исполнительную власть и тем легче ему было использовать ее в своих целях, чем более его министры становились простыми статистами.

Партия порядка в коалиции с Горой в отместку отвергла предложение преподнести президенту дотацию в 1800000 франков, предложение, внесенное по приказанию главы Общества 10 декабря его министрами-приказчиками. На этот раз вопрос был решен большинством всего в 102 голоса — стало быть, с 18 января партия порядка потеряла еще 27 голосов: ее разложение прогрессировало. В то же время, чтобы не дать возникнуть никаким сомнениям насчет смысла ее коалиции с Горой, она не пожелала даже открыть прения по поводу подписанного 189 членами Горы предложения всеобщей амнистии для политических преступников. Достаточно было заявления министра внутренних дел, некоего Ваиса, что спокойствие — лишь

мнимое, что развертывается сильная подпольная агитация, что организуются вездесущие тайные общества, что демократические газеты готовятся снова появиться на свет, что из департаментов приходят неблагоприятные вести, что эмигранты в Женеве стоят во главе заговора, нити которого распространяются через Лион по всей Южной Франции, что Франция находится накануне промышленного и торгового кризиса, что фабриканты города Рубе сократили рабочее время, что арестанты в Бель-Иле[80] взбунтовались, — достаточно было, чтобы даже какой-то Ваис вызвал красный призрак, и партия порядка отвергла без дебатов предложение, которое должно было доставить Национальному собранию огромную популярность и заставить Бонапарта снова броситься в его объятия. Вместо того чтобы дать себя запугать перспективами новых волнений, нарисованными исполнительной властью, партии порядка следовало бы дать некоторый, хотя бы незначительный, простор классовой борьбе и, таким образом, удержать исполнительную власть в зависимом от себя положении. Но она не чувствовала себя в силах справиться с этой задачей игры с огнем.

Между тем так называемое переходное министерство продолжало прозябать до середины апреля. Бонапарт утомлял, дурачил Национальное собрание все новыми министерскими комбинациями. Он выказывал намерение образовать то республиканское министерство с Ламартином и Бийо, то парламентское министерство с неизбежным Одилоном Барро, имя которого обязательно появляется там, где требуется простофиля, то легитимистское с Ватименилем и Бенуа д'Ази, то орлеанистское с Мальвилем. Настраивая такими приемами различные фракции партии порядка друг против друга и пугая всю партию порядка перспективой республиканского министерства и неизбежно связанного с этим восстановления всеобщего избирательного права, Бонапарт в то же время внушал буржуазии убеждение в том, что его искренние старания образовать парламентское министерство разбиваются о непримиримость роялистских фракций. Буржуазия же тем громче требовала «сильного правительства», находила тем более непростительным оставлять Францию «без администрации», чем более надвигавшийся, казалось, всеобщий торговый кризис вербовал социализму сторонников в городах, а разорительно низкие хлебные цены — сторонников в деревне. Застой в торговле с каждым днем усиливался, число незанятых рук заметно росло, в Париже сидело без хлеба по меньшей мере 10000 рабочих, бесчисленное множество фабрик прекратило работу в Руане,

Мюльгаузене*, Лионе, Рубе, Туркуэне, Сент-Этьенне, Эльбёфе и в других местах. При таких обстоятельствах Бонапарт мог осмелиться 11 апреля восстановить министерство 18 января, присоединив к гг. Руэ, Фульду, Барошу и другим г-на Леона Фоше, которого Учредительное собрание в последние дни своего существования единогласно, за исключением пяти министерских голосов, заклеймило вотумом недоверия за распространение ложных телеграфных сообщений. Итак, Национальное собрание одержало 18 января победу над министерством и в течение трех месяцев вело борьбу с Бонапартом только для того, чтобы 11 апреля Фульд и Барош могли принять в свой министерский союз, в качестве третьего, пуританина Фоше.

В ноябре 1849 г. Бонапарт довольствовался *непарламентским* министерством, в январе 1851 г. — *внепарламентским,* а 11 апреля он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы образовать *антипарламентское* министерство, которое гармонически соединило в себе вотумы недоверия обоих собраний — Учредительного и Законодательного, республиканского и роялистского. Эта градация министерств была тем термометром, но которому парламент мог судить о понижении собственной жизненной температуры. Эта температура в конце апреля упала так низко, что Персиньи мог в частном разговоре предложить Шангарнье перейти на сторону президента. Бонапарт, уверял он его, считает влияние Национального собрания окончательно уничтоженным, и уже имеется наготове прокламация, которая будет обнародована после твердо задуманного, но случайно опять отложенного coup d'etat. Шангарнье известил главарей партии порядка об этом смертном приговоре. Но кто же поверит тому, что укус клопа смертелен? Парламент при всей своей немощи, при всем своем разложении, находясь почти при последнем издыхании, все еще не мог заставить себя видеть в своем поединке с шутовским шефом Общества 10 декабря что-либо иное, чем поединок с клопом. Но Бонапарт ответил партии порядка, как Агесилай царю Агису: «Я *кажусь тебе муравьем, но придет время, когда я буду львом»*[81].

* — Мюлузе. *Ред.*

VI

Коалиция с Горой и с чистыми республиканцами, к которой партия порядка должна была прибегнуть, предпринимая тщетные усилия удержать за собой военную власть и завоевать утраченное верховное руководство исполнительной властью, — эта коалиция неопровержимо доказала, что партия порядка лишилась самостоятельного *парламентского большинства.* Простая сила календаря, часовая стрелка подала 28 мая сигнал к ее окончательному разложению. 28 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть ее пересмотру. Но пересмотр конституции — это означало не только выбор между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анархией, между парламентарной республикой и Бонапартом: это означало также выбор между Орлеаном и Бурбоном! Так в среду самого парламента упало яблоко раздора, вокруг которого должна была открыто разгореться борьба интересов, разделявших партию порядка на враждебные фракции. Партия порядка была соединением разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции создал политическую температуру, при которой это соединение разложилось на своп первоначальные составные части.

Заинтересованность бонапартистов в пересмотре конституции объясняется просто. Они хотели, прежде всего, отменить статью 45, воспрещавшую вторичное избрание Бонапарта и продление его власти. Не менее просто объяснялась позиция республиканцев. Они безусловно отвергали всякий пересмотр, видя в нем всеобщий заговор против республики. Так как они располагали *больше чем четвертью голосов* Национального собрания, а по конституции необходимы были три четверти всех голосов для принятия правомерного решения о пересмотре и для созыва специального собрания по пересмотру, то им

стоило только подсчитать свои голоса, чтобы быть уверенными в победе. И они были уверены в победе.

В противоположность этим ясным позициям партия порядка запуталась в неразрешимых противоречиях. Отвергая пересмотр, она ставила под угрозу существующий порядок, так как оставляла Бонапарту лишь один исход — исход насильственный и отдавала Францию в решающий моменх, во второе воскресенье ммая 1852 г., на произвол революционной анархии, с президентом, который утратил властъ, с парламентом, который давно уже ее не имел, с народом, который намеревался вновь ее отвоевать. Голосуя за пересмотр конституционным путем, она знала, что голосует напрасно, что ее голосование должно, в соответствии с конституцией, разбиться о вето республиканцев. Объявляя достаточным простое большинство голосов в нарушение конституции, она могла надеяться одолеть революцию лишь при условии своего полного подчинения исполнительной власти; она этим отдавала во власть Бонапарта конституцию, пересмотр конституции и себя самое. Частичный пересмотр, направленный на продление власти президента, подготовлял почву для бонапартистской узурпации. Общий пересмотр, направленный на сокращение жизни республики, неизбежно вел за собой столкновение династических притязаний, так как условия и бурбонской и орлеанисте кой реставрации не только были различны, но и взаимно исключали друг друга.

Парламентарная республика представляла собой нечто большее, чем нейтральную почву, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты — крупная земельная собственность и промышленность — могли хозяйничать рядом, на равных правах. Она была необходимым условием их *совместного* господства, единственной государственной формой, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами общества. Как роялисты они опять впадали в свой старый антагонизм, в борьбу за главенство между земельной собственностью и деньгами, а высшим выражением этого антагонизма, его олицетворением, были их короли, их династии. Этим объясняется, почему партия порядка противилась *возвращению Бурбонов.*

Орлеанист и депутат Кретон в 1849, 1850 и 1851 гг. регулярно вносил предложение об отмене декрета об изгнании королевских семей. Парламент столь же регулярно представлял зрелище роялистского собрания, упорно закрывавшего своим изгнанным королям путь к возвращению на родину.

Ричард III убил Генриха VI, сказав, что он слишком хорош для этого мира и его место на небе. Роялисты признавали Францию слишком дурной, чтобы возвратить ей изгнанных королей. Сила обстоятельств заставила их стать республиканцами и многократно санкционировать народное решение, изгнавшее их королей из Франции.

Пересмотр конституции, — а обстоятельства заставляли ставить этот вопрос на обсуждение, — вместе с республикой подвергал одновременно опасности и совместное господство обеих фракций буржуазии и вместе с возможностью монархии воскрешал соперничество тех интересов, преимущественной представительницей которых она попеременно являлась, воскрешал борьбу за главенство между обеими фракциями буржуазии. Дипломаты партии порядка надеялись прекратить борьбу путем соединения обеих династий, путем так называемого *слияния* роялистских партий и их королевских домов. Действительным слиянием Реставрации и Июльской монархии была парламентарная республика, в котором стирались орлеанистские и легитимистские цвета и различные виды буржуа растворялись в буржуа вообще, в буржуа как представителе рода. Теперь же орлеанист должен превратиться в легитимиста, а легитимист — в орлеаниста. Монархия, олицетворявшая их антагонизм, должна была стать воплощением их единства; выражение их исключающих друг друга фракционных интересов должно было стать выражением их общих классовых интересов; монархия должна была выполнить то, что могло быть и было выполнено лишь упразднением обеих монархий, лишь республикой. Таков был философский камень, над открытием которого алхимики партии порядка ломали себе голову. Как будто легитимная монархия может когда-либо стать монархией промышленных буржуа или буржуазная монархия — монархией наследственной земельной аристократии. Как будто земельная собственность и промышленность могут мирно уживаться под *одной* короной, в то время как корона может увенчать только одну голову — голову старшего иди младшего брата. Как будто промышленность вообще может помириться с земельной собственностью, пока земельная собственность не решится сама сделаться промышленной. Умри завтра Генрих V, граф Парижский все-таки не стал бы королем легитимистов, — разве только, если бы он перестал быть королем орлеанистов. Однако философы слияния, которые возвышали свой голос по мере того, как вопрос о пересмотре конституции выдвигался на первый план, которые создали себе из газеты «Assemblēe nationale» официальный ежедневный орган и которых

мы даже в настоящую минуту (в феврале 1852 г.) снова видим за работой, — объясняли все затруднения сопротивлением и соперничеством обеих династий. И вот попытки примирить дом Орлеанов с Генрихом V, начатые со смерти Луи-Филиппа, но, как и все вообще династические интриги, разыгрываемые лишь во время каникул Национального собрания, в антрактах, за кулисами, представлявшие скорее сентиментальное кокетничание со старым суеверием, чем серьезное дело, теперь превращались в торжественное лицедейство, разыгрываемое партией порядка уже не в качестве любительского спектакля, как это было до сих пор, а на публичной сцене. Курьеры то и дело носились из Парижа в Венецию[82], из Венеции в Клэрмонт, из Клэрмонта в Париж. Граф Шамбор издает манифест, где он, «опираясь на поддержку всех членов своей семьи», заявляет не о своей, а о «национальной» реставрации. Орлеанист Сальванди бросается к ногам Генриха V. Главари легитимистов Берье, Бенуа д'Ази, Сен-Прист отправляются в Клэрмонт, чтобы уговорить Орлеанов, но не имеют успеха. Сторонники слияния приходят к запоздалому выводу, что интересы обеих фракций буржуазии, обостряясь в форме семейных интересов, интересов двух королевских домов, не делаются от того менее исключающими друг друга и не ведут к большей уступчивости. Положим, что Генрих V признал бы графа Парижского своим преемником, — а это единственный успех, на который сторонники слияния могли в лучшем случае рассчитывать, — дом Орлеанов не приобрел бы от этого ровно никаких прав, кроме тех, которые ему и без того обеспечивала бездетность Генриха V, но зато он терял все права, приобретенные им в результате июльской революции. Он отрекся бы от своих старинных притязаний, от всех прав, отвоеванных им у старшей линии Бурбонов в почти столетней борьбе, он отказался бы от своей исторической прерогативы, прерогативы современной монархии, в пользу прерогативы, основанной на его родословном дереве. Слияние представляло бы, стало быть, не что иное, как добровольное отречение дома Орлеанов, отказ его от своих прав в пользу легитимизма, покаянное обращение из одной государственной церкви в другую, из протестантизма в католицизм, — обращение, которое дало бы Орлеанам даже не утраченный трон, а лишь ступеньку трона, на которой они родились. Старые орлеанистские министры, Гизо, Дюшатель и другие, которые также устремились в Клэрмонт, чтобы заранее подготовить слияние, были на деле лишь выразителями похмелья после июльской революции, разочарования в буржуазной монархии и монархии буржуа, суеверного прекло-

нения перед легитимностью как последним талисманом, предохраняющим от анархии. Воображая себя посредниками между Орлеанами и Бурбонами, они в действительности были не более как отступниками-орлеанистами, и как таковых их принял принц Жуанвиль. Зато жизнеспособная, воинствующая часть орлеанистов, Тьер, Баз и другие тем легче убедили семью Луи-Филиппа в том, что — раз всякая непосредственная монархическая реставрация предполагает слияние обеих династий, а всякое такое слияние предполагает отречение дома Орлеанов от своих прав, — то вполне соответствует ее семейным традициям временно признать республику и ждать, пока события позволят превратить президентское кресло в трон. Сначала распространили слух о кандидатуре Жуанвиля в президенты республики, любопытство публики было возбуждено, а несколько месяцев спустя, в сентябре, когда пересмотр конституции был отвергнут, эта кандидатура была провозглашена открыто.

Таким образом, попытка роялистского слияния орлеанистов и легитимистов не только потерпела крушение — она разрушила их *парламентское слияние,* республиканскую форму их объединения, и снова привела к разложению партии порядка на ее первоначальные составные элементы. Однако, чем более росло отчуждение между Клэрмонтом и Венецией, чем больше рушилось их согласие и усиливалась агитация в пользу Жуанвиля, тем усерднее велись и тем серьезнее становились переговоры между Фоше, министром Бонапарта, и легитимистами.

Разложение партии порядка не ограничилось распадом ее на основные элементы. Каждая из обеих больших фракций в свою очередь разлагалась дальше. Казалось, будто все старые оттенки, которые некогда боролись между собой и оттесняли друг друга внутри каждого из обоих лагерей, как легитимистского, так и орлеанистского, снова ожили, подобно засохшим инфузориям, которые пришли в соприкосновение с водой; казалось, они снова получили достаточный приток жизненной энергии, чтобы образовать отдельные группы с самостоятельными противоположными интересами. Легитимисты переносились воображением назад, ко времени споров между Тюильрийским дворцом и Марсанским павильоном, между Виллелем и Полиньяком[83]. Орлеанисты снова переживали золотое время турниров между Гизо, Моле, Брольи, Тьером и Одилоном Барро.

Часть партии порядка, стоявшая за пересмотр конституции, по опять-таки расходившаяся во взглядах на пределы пере-

смотра, состоявшая из легитимистов под предводительством Берье и Фаллу, с одной стороны, Ларошжаклена, с другой, и из утомленных борьбой орлеанистов под предводительством Моле, Брольи, Монталамбера и Одилона Барро, сошлась с бонапартистскими депутатами на следующем неопределенном и многообъемлющем предложении:

«Нижеподписавшиеся депутаты, ставя себе целью возвратить нации возможность полного осуществления ее суверенитета, вносят предложение подвергнуть конституцию пересмотру».

Но в то же время эти депутаты через своего докладчика Токвиля единогласно заявили, что Национальное собрание не имеет права внести предложение об *упразднении республики,* что это право принадлежит только палате, созванной для пересмотра конституции. Кроме того, конституция, заявляли они, может быть пересмотрена лишь *на «законном» основании,* т. е. если за пересмотр будут поданы предписанные конституцией три четверти всех голосов. После шестидневных бурных прений 19 июля пересмотр, как и следовало ожидать, был отвергнут. За пересмотр голосовали 446, против — 278 депутатов. Крайние орлеанисты, Тьер, Шангарнье и другие, голосовали заодно с республиканцами и Горой.

Таким образом, большинство парламента высказалось против конституции, а сама конституция высказалась за меньшинство, за обязательность его решения. Но разве партия порядка и 31 мая 1850 г. и 13 июня 1849 г. не поставила парламентское большинство выше конституции? Разве вся ее прежняя политика не покоилась на подчинении статей конституции решениям парламентского большинства? Разве она не предоставила ветхозаветное суеверное отношение к букве закона демократам, разве она не наказала демократов за это суеверие? Но в данный момент пересмотр конституции означал не что иное, как продление срока президентской власти, а продление срока конституции означало не что иное, как низложение Бонапарта. Парламент высказался за Бонапарта, но конституция высказалась против парламента. Стало быть, Бонапарт действовал в духе парламента, разрывая конституцию, и действовал в духе конституции, разгоняя парламент.

Парламент объявил конституцию, а вместе с ней свое собственное господство «вне большинства»; своим решением он отменял конституцию, продлевал срок власти президента и вместе с тем объявлял, что ни конституция не может умереть, ни президентская власть не может жить, пока сам парламент продолжает существовать. Его будущие могильщики стояли

у дверей. В то время как парламент был занят прениями по вопросу о пересмотре конституции, Бонапарт отстранил обнаружившего нерешительность генерала Бараге д'Илье от должности командующего первой армейской дивизией и назначил на его место генерала Маньяна, победителя Лиона, героя декабрьских дней, одного из своих ставленников, более или менее скомпрометировавшего себя как его сторонник еще при Луи-Филиппе в связи с булонской экспедицией.

Своим решением относительно пересмотра конституции партия порядка показала, что она не в состоянии ни властвовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни примириться с республикой, ни ниспровергнуть ее, ни сохранить конституцию в неприкосновенности, ни упразднить ее, ни сотрудничать с президентом, ни пойти на разрыв с ним. От кого же ожидала она разрешения всех противоречий? От календаря, от хода событий. Она перестала приписывать себе власть над событиями. Этим самым она отдавала себя во власть событий, т. е. во власть той силы, которой она в своей борьбе с народом уступала один атрибут власти за другим, пока она не оказалась сама перед нею лишенной всякой власти. А чтобы дать возможность главе исполнительной власти более беспрепятственно обдумать план борьбы против нее, усилить свои средства нападения, выбрать свои орудия, укрепить свои позиции, партия порядка в этот критический момент решила сойти со сцены и прервать заседания на три месяца, с 10, августа до 4 ноября.

Мало того, что парламентская партия распалась на свои две большие фракции, мало того, что каждая из этих фракций, в свою очередь, также распалась — партия порядка в парламенте разошлась с партией порядка *вне* парламента. Ораторы и писатели буржуазии, ее трибуна и пресса, — словом, идеологи буржуазии и сама буржуазия, представители и представляемые, стали друг другу чуждыми, перестали понимать друг друга.

Легитимисты в провинции с их ограниченным кругозором и безграничным энтузиазмом обвиняли своих парламентских вождей, Берье и Фаллу, в том, что они дезертировали в бонапартистский лагерь и изменили Генриху V. Их девственный, как лилии Бурбонов, рассудок верил в грехопадение, но не в дипломатию.

Гораздо более роковым и решительным был разрыв торговой буржуазии с ее политиками. В то время как легитимисты упрекали своих политиков в измене принципу, торговая буржуазия, наоборот, упрекала своих в верности принципам, ставшим бесполезными.

Я уже раньше указывал, что со времени вступления Фульда в министерство та часть торговой буржуазии, которая при Луи-Филиппе пользовалась львиной долей власти, *финансовая аристократия,* стала бонапартистской. Фульд не только защищал на бирже интересы Бонапарта, — он защищал перед Бонапартом интересы биржи. Позицию финансовой аристократии лучше всего характеризует выдержка из ее европейского органа, лондонского «Economist»[84]. В номере от 1 февраля 1851 г. этот журнал помещает следующую корреспонденцию из Парижа:

«Теперь со всех сторон поступают заявления, что Франция прежде всего требует спокойствия. Президент заявляет об этом в своем послании Законодательному собранию, то же самое отзывается эхом с национальной ораторской трибуны, о том же твердят газеты, то же провозглашается с церковной кафедры, *тоже самое доказывается чувствительностью государственных бумаг к малейшей опасности нарушения спокойствия, их устойчивостью при каждой победе исполнительной власти».*

В номере от 29 ноября 1851 г. «Economist» заявляет от своего собственного имени:

«На всех европейских биржах президент теперь признан стражем порядка».

Финансовая аристократия, стало быть, осуждала парламентскую борьбу партии порядка с исполнительной властью как *нарушение порядка* и приветствовала каждую победу президента над ее, казалось бы, собственными представителями как *победу порядка.* При этом под финансовой аристократией здесь следует понимать не только крупных посредников по выпуску займов и спекулянтов государственными бумагами, интересы которых по вполне понятным причинам совпадаю г с интересами государственной власти. Все современное денежное дело, все банковское хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом. Часть банковского капитала по необходимости вкладывается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковские вклады, капиталы, предоставляемые банкам и распределяемые ими между купцами и промышленниками, частично имеют своим источником дивиденды государственных кредиторов. Если во все времена устойчивость государственной власти представляла ветхозаветную святыню для всего денежного рынка и жрецов этого рынка, как же иначе могло быть теперь, когда всякий потоп угрожает снести с лица земли вместе со старыми государствами также и старые государственные долги?

Промышленная буржуазия, фанатично жаждущая порядка, тоже была раздражена распрями парламентской партии порядка

с исполнительной властью. Тьер, Англес, Сент-Бёв и другие после голосования 18 января в связи с отставкой Шангарнье получили от своих избирателей, притом как раз из промышленных округов, публичный выговор, в котором их союз с Горой особенно клеймился как измена делу порядка. Если, как мы видели, хвастливое поддразнивание, мелочные интриги, к которым сводилась борьба партии порядка с президентом, и не заслуживали лучшего приема, то, с другой стороны, эта часть буржуазии, требовавшая от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки претендента-авантюриста, не стоила даже тех интриг, которые пускались в ход в ее интересах. Она показала, что борьба за ее *общественные* интересы, за ее собственные *классовые интересы,* за ее *политическую власть,* являясь помехой для ее частных делишек, лишь тяготит и раздражает ее.

Буржуазная знать департаментских городов, муниципальные советники, члены коммерческих судов и т. п. везде почти без исключения встречали Бонапарта во время его поездок самым холопским образом — даже в Дижоне, где он беспощадно нападал на Национальное собрание и в особенности на партию порядка.

Пока торговля шла хорошо, — как это было еще в начале 1851 г., — торговая буржуазия неистовствовала против всякой парламентской борьбы, опасаясь, как бы торговля от этого но пострадала. Когда торговля шла плохо, — а это стало постоянным явлением с конца февраля 1851 г., — торговая буржуазия жаловалась на парламентскую борьбу как на причину застоя и требовала ее прекращения в интересах оживления торговли. Прения по поводу пересмотра конституции происходили как раз в это плохое время. Так как тут дело шло о жизни и смерти существующего государственного порядка, то буржуазия считала себя тем более вправе требовать от своих представителей прекращения этого мучительного переходного состояния и вместе с тем сохранения существующего порядка вещей. В этом не было никакого противоречия. Под прекращением переходного состояния она понимала именно его продление, откладывание окончательного решения в долгий ящик. Существующий порядок вещей можно было сохранить лишь двояким путем: путем продления полномочий Бонапарта или путем его ухода, в соответствии с конституцией, и избрания Кавеньяка. Часть буржуазии склонялась к последнему решению, но не могла посоветовать своим представителям ничего лучшего, как молчать и не затрагивать этого жгучего вопроса. Она воображала, что если ее представители не будут говорить, то Бонапарт не будет действо-

вать. Она хотела иметь парламент страусов, прячущих голову, чтобы оставаться незамеченными. Другая часть буржуазии хотела оставить Бонапарта на президентском кресле, раз уж он его занимал, для того чтобы все осталось по-старому. Она возмущалась тем, что ее парламент не желает открыто нарушить конституцию и без церемоний отречься от власти.

Департаментские генеральные советы— это провинциальное представительство крупной буржуазии, — заседавшие во время каникул Национального собрания, с 25 августа, почти единогласно высказались за пересмотр конституции, т. е. против парламента и за Бонапарта.

Еще более недвусмысленно, чем разрыв со своими *парламентскими представителями,* буржуазия продемонстрировала свое негодование по адресу своих литературных представителей п своей собственной прессы. Не только Франция — вся Европа поражалась непомерным денежным штрафам и постыдным приговорам к тюремному заключению, какими буржуазные суды карали всякое нападение буржуазных журналистов на узурпаторские вожделения Бонапарта, всякую попытку печати защитить политические права буржуазии от посягательств исполнительной власти.

Если, как я показал, *парламентская партия порядка* своими криками о необходимости спокойствия сама себя отправила на покой; если она, уничтожая собственной рукой в борьбе с другими общественными классами все условия своего собственного режима, парламентарного режима, объявляла политическое господство буржуазии несовместимым с безопасностью и существованием буржуазии, то *внепарламентская масса буржуазии,* своим холопским отношением к президенту, поношением парламента, зверским обращением с собственной прессой вызывала Бонапарта на подавление, на уничтожение ее говорящей и пишущей части, ее политиков и литераторов, ее ораторской трибуны и прессы — и все это для того, чтобы она могла спокойно заниматься своими частными делами под покровительством сильного и неограниченного правительства. Она недвусмысленно заявляла, что страстно желает избавиться от собственного политического господства, чтобы избавиться от сопряженных с господством трудов и опасностей.

И эта внепарламентская буржуазия, которая возмущалась даже чисто парламентской и литературной борьбой за господство ее собственного класса и которая изменила вождям, возглавлявшим эту борьбу, — эта буржуазия смеет теперь задним числом обвинять пролетариат в том, что он не вступил за нее в кровавую борьбу, борьбу не да жизнь, а насмерть! Буржуазия,

которая каждую минуту жертвовала своими общеклассовыми, т. е. своими политическими интересами для самых узких, самых грязных частных интересов и требовала такой же жертвы от своих представителей, теперь вопит о том, что пролетариат принес ее идеальные политические интересы в жертву своим материальным интересам. Она корчит из себя прекраснодушное создание, непонятое и в решительную минуту покинутое пролетариатом, введенным в заблуждение социалистами. И ее вопли находят отголосок во всем буржуазном мире. Я тут, разумеется, не говорю о немецких мелкотравчатых политиканах и недоучках. Я имею в виду, например, тот же журнал «Economist», который еще 29 ноября 1851 г., то есть за четыре дня до государственного переворота, объявлял Бонапарта «стражем порядка», а Тьеров и Берье — «анархистами», и который уже 27 декабря 1851 г., после того как Бонапарт утихомирил этих «анархистов», кричит, что «невежественные, невоспитанные, тупые пролетарские массы» совершили предательство по отношению к «дарованиям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и моральному авторитету средних и высших слоев общества». Тупой, невежественной и подлой массой была именно сама буржуазная масса.

Правда, в 1851 г. Франция пережила что-то вроде небольшого торгового кризиса. В конце февраля обнаружилось уменьшение вывоза по сравнению с 1850 г., в марте упала торговля и стали закрываться фабрики, в апреле положение промышленных департаментов казалось таким же отчаянным, как после февральских дней, в мае дела все еще не поправились, еще 28 июня портфель Французского банка огромным ростом вкладов и столь же огромным сокращением учетных операций свидетельствовал о застое в производстве, и только в середине октября дела стали постепенно поправляться. Французская буржуазия объясняла себе этот торговый застой чисто политическими причинами, борьбой между парламентом и исполнительной властью, неустойчивостью временной формы правления, страшной перспективой второго воскресенья мая 1852 года. Я не стану отрицать, что все эти обстоятельства повлияли на упадок некоторых отраслей промышленности в Париже и департаментах. Но во всяком случае это влияние политической обстановки было лишь местным и незначительным. Это лучше всего доказывается тем, что торговля стала поправляться именно в середине октября, как раз в такой момент, когда политическое положение ухудшилось, политический горизонт покрылся тучами и каждую минуту можно было ожидать удара грома из Елисейского дворца. Французский

буржуа, «дарования, знания, проницательность и умственные ресурсы» которого не идут дальше его носа, мог, впрочем, в течение всей лондонской промышленной выставки[85] носом натыкаться на причину своих торговых бед. В то время как во Франции закрывались фабрики, в Англии разразились торговые банкротства. Если во Франции в апреле и мае дошла до апогея промышленная паника, в Англии в апреле и мае достигла апогея торговая паника. Шерстяное производство, шелковая промышленность страдали как во Франции, так и в Англии. Хотя английские хлопчатобумажные фабрики и продолжали работать, но они получали уже не те прибыли, как в 1849 и 1850 годах. Вся разница была лишь в том, что во Франции был промышленный кризис, а в Англии — торговый, что во Франции фабрики останавливались, а в Англии расширяли свое производство, но при менее выгодных условиях, нежели в предыдущие годы, что во Франции наиболее пострадал вывоз, а в Англии — ввоз. Общая причина этого, которую, разумеется, не следует искать в пределах французского политического горизонта, бросалась в глаза. 1849 и 1850 годы были годами самого высокого материального процветания и перепроизводства, результаты которого обнаружились лишь в 1851 году. Перепроизводство в начале этого года особенно усилилось из-за предстоявшей промышленной выставки. К этому еще присоединились следующие особые обстоятельства: сначала недород хлопка в 1850 и 1851 гг., а потом уверенность в лучшем урожае хлопка, чем того ожидали, сначала подъем, а потом внезапное падение цен на хлопок — словом, колебания этих цен. Сбор шелка-сырца оказался, по крайней мере во Франции, ниже среднего. Наконец, шерстяная промышленность с 1848 г. так выросла, что производство шерсти не могло поспевать за ней, и цены на необработанную шерсть поднялись несоразмерно высоко по отношению к ценам на шерстяные изделия. Итак, мы уже видим в положении с сырьем для трех мировых отраслей промышленности троякое основание для торгового застоя. А помимо этих особых обстоятельств кажущийся кризис 1851 г. представлял не что иное, как заминку, которая постоянно происходит с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил они лихорадочно не пробегут последнюю часть цикла и снова не возвратятся к своей исходной точке, *всеобщему торговому кризису.* В такие промежутки истории торговли в Англии происходят торговые банкротства, между тем как во Франции приостанавливается сама промышленность — отчасти потому, что она вытесняется со всех рынков

конкуренцией англичан, которую она в этом случае уже не в состоянии выдержать, отчасти же потому, что она в качестве промышленности, производящей предметы роскоши, особенно чувствительна ко всякому застою в делах. Таким образом, Франция кроме всеобщих кризисов переживает еще свои собственные, национальные торговые кризисы, которые, однако, гораздо больше определяются и обусловливаются общим состоянием мирового рынка, нежели влиянием местных французских условий. Небезынтересно будет противопоставить предрассудку французского буржуа суждение английского. Одна из крупнейших ливерпульских фирм пишет в своем годовом торговом отчете за 1851 год:

«Редкий год более обманывал возлагавшиеся на него вначале надежды, чем истекший. Вместо единодушно ожидаемого сильного процветания этот год оказался одним из наиболее обескураживающих за все последнее двадцатипятилетне. Это, разумеется, относится лишь к торговым, а не к промышленным классам. И, однако, в начале этого года было, без сомнения, достаточно данных, чтобы ожидать противоположного: товарных запасов было мало, капиталов—изобилие, съестные припасы были дешевы, можно было надеяться на богатый урожай; ничем не нарушаемый мир на континенте и никаких политических или финансовых затруднений в самой стране, — в самом деле, казалось, торговля могла распустить крылья шире, чем когда-либо... Чему же приписать этот неблагоприятный результат? Мы думаем — *чрезмерному росту торговли* как предметами ввоза, так и предметами вывоза. Если наши купцы сами не введут свою деятельность в более тесные границы, то ничто не может удержать нас в равновесии, кроме паники через каждые три года».

Представим себе теперь среди этой торговой паники французского буржуа с его помешанным на коммерции мозгом, который все время терзают, теребят, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, борьба между парламентом и исполнительной властью, распри фрондирующих друг против друга орлеанистов и легитимистов, коммунистические заговоры в Южной Франции, мнимые жакерии в департаментах Ньевра и Шера, рекламы различных кандидатов в президенты, широковещательные лозунги газет, угрозы республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, апостольские послания эмигрировавших героев in partibus, предвещающие светопреставление ко второму воскресенью мая 1852 г., — и тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неописуемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, обезумев, кричит своей парламентарной республике: *«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!»*.

Бонапарт понял этот крик. Его понятливость усиливалась растущим нетерпением кредиторов, которым казалось, что с каждым заходом солнца, приближавшим последний день президентства, второе воскресенье мая 1852 г., движение небесных светил опротестовывает их земные векселя. Они стали настоящими астрологами. Национальное собрание лишило Бонапарта надежды на конституционное продление его власти; кандидатура принца Жуанвиля не допускала дальнейших колебаний.

Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало вперед свою тень, так это был государственный переворот Бонапарта. Уже 29 января 1849 г., всего лишь через месяц после своего избрания, Бонапарт сделал Шангарнье предложение в этом смысле. Его собственный премьер-министр Одилон Барро летом 1849 г. в завуалированной форме, а Тьер зимой 1850 г. открыто говорили о политике государственного переворота. В мае 1851 г. Персиньи еще раз попытался заручиться поддержкой Шангарнье в пользу переворота, а «Messager de l'Assemblée»[86] предал эти переговоры гласности. Бонапартистские газеты при каждой парламентской буре угрожали государственным переворотом; и чем ближе надвигался кризис, тем смелее становился их тон. На оргиях, которые Бонапарт устраивал каждую ночь с фешенебельными мошенниками мужского и женского пола, всякий раз как только приближался полуночный час и обильные возлияния развязывали языки и воспламеняли фантазию, государственный переворот назначался на следующее утро. Сабли вынимались из ножен, стаканы звенели, депутатов выбрасывали из окон, императорская мантия падала на плечи Бонапарта, пока наступающее утро не разгоняло призраков и изумленный Пари/к не узнавал от невоздержанных весталок и нескромных паладинов об опасности, которой он еще раз избежал. В сентябре и октябре слухи о coup d'état не умолкали ни на минуту. Тень уже покрывалась красками, как цветной дагерротип. Стоит только перелистать европейские газеты за сентябрь и октябрь, чтобы найти в них сообщения буквально такого содержания: «Слухи о государственном перевороте наполняют Париж. Говорят, что столица ночью будет занята войсками, а на утро появятся декреты, распускающие Национальное собрание, объявляющие департамент Сены на осадном положении, восстанавливающие всеобщее избирательное право, апеллирующие к народу. Говорят, что Бонапарт ищет министров для проведения этих незаконных декретов». Эти сообщения неизменно кончаются роковым: *«Отложено»*. Государственный

переворот всегда был навязчивой идеей Бонапарта. С этой идеей он вернулся во Францию. Он был настолько одержим ею, что постоянно выдавал, выбалтывал ее. Он был настолько слаб, что столь же постоянно отказывался от своей идеи. Парижане столь привыкли относиться к тени этого государственного переворота как к призраку, что не хотели верить в него, когда он, наконец, появился во плоти и крови. Таким образом, государственный переворот удался вовсе не потому, что шеф Общества 10 декабря придерживался строгой конспирации и Национальное собрание было застигнуто врасплох. Если он и удался, то это произошло вопреки болтливости *Бонапарта* и при полной осведомленности *Собрания* как необходимый, неизбежный результат предшествовавшего хода событий.

10 октября Бонапарт заявил министрам о своем решении восстановить всеобщее избирательное право, 16 октября министры подали в отставку, 26 октября Париж узнал об образовании министерстваТориньи. В то же время префект полиции Карлье был замещен Мопа, а начальник первой армейской дивизии Маньян стянул в столицу самые надежные полки. 4 ноября Национальное собрание возобновило свои заседания. Собранию ничего больше не оставалось делать, как повторить пройденный курс по краткому, сжатому конспекту и констатировать, что его похоронили только после того, как оно умерло.

Первой позицией, потерянной Собранием в борьбе с исполнительной властью, было министерство. Ему пришлось торжественно расписаться в этой потере полным признанием чисто фиктивного министерстваТориньи. Постоянная комиссия встретила смехом г-на Жиро, который представился ей от имени нового кабинета. Такое слабое министерство для такой сильной меры, как восстановление всеобщего избирательного права! Но все сводилось именно к тому, чтобы ничего не делать *посредством* парламента и делать все *наперекор* парламенту.

В самый день своего открытия Национальное собрание получило послание Бонапарта, в котором он требовал восстановления всеобщего избирательного права и отмены закона 31 мая 1850 года. В тот же день его министры внесли декрет в этом смысле. Собрание немедленно отвергло предложение министров о неотложности декрета, а самый закон оно отвергло 13 ноября 355 голосами против 348. Таким образом, оно еще раз разорвало свой мандат, лишний раз подтвердив, что оно из свободно выбранного представительства народа превратилось в узурпаторский парламент одного класса, еще раз признало, что оно

само разрезало мышцы, соединявшие парламентскую голову с телом нации.

Если исполнительная власть своим предложением восстановить всеобщее избирательное право апеллировала от Национального собрания к народу, то законодательная власть своим законопроектом квесторов апеллировала от народа к армии. Этим законопроектом Национальное собрание имело в виду твердо установить свое право на непосредственный вызов войск, на создание парламентской армии. Назначая, таким образом, армию третейским судьей между собой и народом, между собой и Бонапартом, признавая армию решающей силой в государстве, Национальное собрание, с другой стороны, должно было подтвердить, что оно давно уже отказалось от претензии на господство над этой силой. Делая предметом прений свое право вызывать войска, вместо того чтобы вызвать их немедленно, оно обнаружило сомнение в своей собственной силе. Отвергнув законопроект квесторов, оно открыто призналось в своем бессилии. Этот законопроект провалился, собрав меньшинство в 108 голосов: Гора решила его судьбу. Гора находилась в положении буриданова осла с той разницей, впрочем, что ей приходилось выбирать не между двумя охапками сена, решая, какая из них привлекательнее, а между двумя порциями колотушек, решая, какая из них будет чувствительнее. С одной стороны, страх перед Шангарнье, с другой — страх перед Бонапартом: положение, признаться, было отнюдь не героическое.

18 ноября к предложенному самой партией порядка закону о коммунальных выборах была внесена поправка, согласно которой от коммунальных избирателей требовалось вместо трехлетнего всего годичное, проживание на месте выборов. Эта поправка была провалена большинством в один-единственный голос, но и этот голос, как немедленно обнаружилось, был ошибочно зачтен. Распавшись на враждебные фракции, партия порядка давно уже потеряла свое самостоятельное парламентское большинство. Теперь она показала, что в парламенте вообще не было уже никакого большинства. Национальное собрание *утратило способность принимать решения.* Составляющие его атомы не были более связаны никакой силой сцепления, оно испустило последний дух, оно было мертво.

Наконец, внепарламентской массе буржуазии за несколько дней до катастрофы еще раз пришлось торжественно засвидетельствовать свой разрыв с парламентской буржуазией. Тьер, который в качестве парламентского героя особенно сильно страдал неизлечимой болезнью парламентского кретинизма,

после смерти парламента придумал новую парламентскую интригу с Государственным советом — закон об ответственности, имевший целью прочно удержать президента в рамках конституции. Подобно тому как 15 сентября по случаю закладкb нового крытого рынка в Париже, Бонапарт очаровал рыночных дам, рыбных торговок, не хуже Мазаньелло — правда, одна рыбная торговка по реальной силе равнялась семнадцати бургграфам, — подобно тому как после внесения законопроекта квесторов он привел в восторг угощаемых им в Елисейском дворце лейтенантов, — Бонапарт теперь, 25 ноября, увлек за собой промышленную буржуазию, собравшуюся в цирке, чтобы из его рук получить медали за лондонскую промышленную выставку. Заимствую характерную часть его речи из «Journal des Debats»:

«Столь неожиданные успехи дают мне право повторить, какого величия достигла бы Французская республика, если бы ей дано было заботиться о своих реальных интересах и реформировать своя учреждения, вместо того чтобы непрерывно терпеть ущерб от беспокойств, причиняемых, с одной стороны, демагогами, а с другой — монархическими галлюцинациями. (Громкие, бурные и продолжительные аплодисменты со всех сторон амфитеатра.) Монархические галлюцинации мешают всякому прогрессу и всем серьезным отраслям промышленности. Вместо прогресса — только борьба. Мы видим, как люди, бывшие прежде ревностнейшими защитниками королевской власти и королевских прерогатив, действуют в духе Конвента, лишь бы ослабить власть, возникшую из всеобщего избирательного права. (Громкие и продолжительные аплодисменты.) Мы видим, как люди, больше всего потерпевшие от революции и больше всего жаловавшиеся на нее, провоцируют новую революцию, я все это лишь для того, чтобы сковать волю нации ... Я вам обещаю спокойствие на будущее время» и пр. и пр. (Возгласы: «Браво, браво», бурные крики: «Браво».)

Так промышленная буржуазия холопски рукоплещет государственному перевороту 2 декабря, уничтожению парламента, гибели своего собственного господства, диктатуре Бонапарта. Грому рукоплесканий 25 ноября ответствовал пушечный гром 4 декабря, и дом г-на Салландруза, старательнее всех бившего в ладоши, оказался особенно старательно разбит снарядами.

Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты долее назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента веселыми юмористическими насмешками. Наполеон, более мелкий, чем его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочел ему — правда, прерывающимся голосом — его смертный приговор. Второй Бонапарт, который к тому же

имел в своем распоряжении исполнительную власть совершенно иного рода, чем Кромвель или Наполеон, искал себе образец не в летописях всемирной истории, а в летописях Общества 10 декабря, в летописях уголовного суда. Он украл у Французского банка 25 миллионов франков, купил генерала Маньяна за один миллион, солдат — по 15 франков за штуку, с водкой в придачу, тайно, как ночной вор, встретился со своими сообщниками, приказал ворваться в жилища наиболее опасных парламентских главарей, вытащить из постели и увезти в тюрьму Кавеньяка, Ламорисьера, Лефло, Шангарнье, Шарраса, Тьера, База и др., занять войсками главные пункты Парижа и здание парламента и рано утром расклеить по всей столице рекламные плакаты, извещавшие о роспуске Национального собрания и Государственного совета, о восстановлении всеобщего избирательного права и об объявлении департамента Сены на осадном положении. А немного спустя он поместил в «Moniteur» подложный документ о том, будто вокруг него сгруппировался ряд влиятельных парламентских деятелей, составивших некий чрезвычайный Государственный совет.

Остатки парламента, главным образом легитимисты и орлеанисты, собравшись в здании мэрии десятого округа, вотируют при многократных криках: «Да здравствует республика!», смещение Бонапарта, тщетно взывают к собравшейся перед зданием толпе зевак, пока их, наконец, не уводят под конвоем африканских стрелков сначала в казарму Орсе, а оттуда, посадив в арестантские кареты, не перевозят в тюрьму Мазас и тюрьмы в Аме и Венсенне. Таков был конец партии порядка, Законодательного собрания и февральской революции.

Прежде чем перейти к заключению, набросаем краткую схему истории февральской революции.

I. *Первый период.* От 24 февраля до 4 мая 1848 года. Февральский период. Пролог. Комедия всеобщего братания.

II. *Второй период.* Период учреждения республики и Учредительного национального собрания.

1) От 4 мая до 25 июня 1848 года. Борьба всех классов против пролетариата. Поражение пролетариата в июньские дни.

2) От 25 июня до 10 декабря 1848 года. Диктатура чистых буржуазных республиканцев. Выработка конституции. Объявление Парижа на осадном положении. Устранение буржуазной диктатуры избранием Бонапарта в президенты 10 декабря.

3) От 20 декабря 1848 до 28 мая 1849 года. Борьба Учредительного собрания с Бонапартом и с соединившейся с ним партией порядка. Гибель Учредительного собрания. Поражение республиканской буржуазии.

III. *Третий период.* Период *конституционной республики* и *Законодательного национального собрания.*

1) От 28 мая 1849 до 13 июня 1849 года. Борьба-мелкой буржуазии с буржуазией и Бонапартом. Поражение мелкобуржуазной демократии.

2) От 13 июня 1849 до 31 мая 1850 года. Парламентская диктатура партии порядка. Последняя завершает свое господство отменой всеобщего избирательного права, но теряет парламентское министерство.

3) От 31 мая 1850 до 2 декабря 1851 года. Борьба между парламентской буржуазией и Бонапартом.

a) От 31 мая 1850 до 12 января 1851 года. Парламент теряет главное командование армией.

b) От 12 января до 11 апреля 1851 года. Парламент терпит поражение в своих попытках снова подчинить себе административную власть. Партия порядка теряет самостоятельное парламентское большинство. Ее коалиция с республиканцами и Горой.

c) От 11 апреля до 9 октября 1851 года. Попытки пересмотра, слияния, продления полномочий. Партия порядка разлагается на свои отдельные составные части. Окончательный разрыв буржуазного парламента и буржуазной прессы с массой буржуазии.

d) От 9 октября до 2 декабря 1851 года. Открытый разрыв между парламентом и исполнительной властью. Парламент умирает, он пал, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами. Гибель парламентарного режима и господства буржуазии. Победа Бонапарта. Пародия реставрации Империи.

VII

Социальная республика явилась как фраза, как пророчество на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови *парижского пролетариата,* но в виде призрака она выступает в следующих актах драмы. На сцене появляется *демократическая республика.* Она исчезает 13 июня 1849 г. вместе со своими разбежавшимися *мелкими буржуа,* но, убегая, она разбрасывает за собой сугубо крикливые рекламы. *Парламентарная республика* вместе с буржуазией завладевает всей сценой, развертывается во всю ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронит ее под крики ужаса объединенных роялистов: «Да здравствует республика!».

Французская буржуазия противилась господству трудящегося пролетариата — она доставила власть люмпен-пролетариату с шефом Общества 10 декабря во главе. Буржуазия не давала Франции прийти в себя от страха перед грядущими ужасами красной анархии — Бонапарт дисконтировал ей это грядущее, когда воодушевленная водкой армия порядка, по его приказанию, 4 декабря расстреливала стоявших у своих окон именитых буржуа бульвара Монмартр и Итальянского бульвара. Она обоготворила саблю — сабля господствует над пей. Она уничтожила революционную печать — ее собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции — ее салоны находятся под полицейским надзором. Она распустила демократическую национальную гвардию — ее собственная национальная гвардия распущена. Она ввела осадное положение — осадное положение введено по отношению к ней. Она заменила суды присяжных военными комиссиями — ее суды присяжных заменены военными комиссиями. Она отдала народную школу во власть попам — попы властвуют над ее собственной школой. Она ссылала без суда — ее ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества с помощью государственной власти — государственная власть

подавляет всякое движение ее общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из пристрастия к своему денежному мешку — ее политики и писатели устранены, но ее денежный мешок подвергается грабежу, после того как ей заткнули рот и сломали ее перо. Буржуазия неутомимо кричала революции, как святой Арсений христианам: «Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!», — Бонапарт кричит буржуазии: «Fuge, tace, quiesce! Беги, умолкни, успокойся!».

Французская буржуазия давно разрешила дилемму Наполеона: «Dans cinquante ans, l'Europe sera republicaine ou cosaque»*. Она ее разрешила в виде «republique cosaque»**. Не нужно было злых чар Цирцеи, чтобы превратить шедевр буржуазной республики в безобразное чудовище. Эта республика не потеряла ничего, кроме внешних приличий. Сегодняшняя Франция*** заключалась в готовом виде в парламентарной республике. Достаточно было одного укола штыком, чтобы пузырь лопнул и чудовище предстало взорам.

Почему парижский пролетариат не восстал после 2 декабря?

Ниспровержение буржуазии было пока только декретировано, декрет еще не бил приведен в исполнение. Всякое серьезное восстание пролетариата немедленно снова оживило бы буржуазию, примирило бы ее с армией и уготовило бы рабочим второе июньское поражение.

4 декабря буржуа и лавочники подстрекали пролетариат к борьбе. Вечером того же дня несколько легионов национальной гвардии обещали явиться на поле битвы с оружием и в мундирах. Дело в том, что буржуа и лавочники узнали, что Бонапарт в одном из своих декретов от 2 декабря отменил тайное голосование и приказывал им писать свои «да» или «нет» в официальных списках избирателей рядом с их именами. Сопротивление 4 декабря напугало Бонапарта. Ночью, по его приказанию, на всех перекрестках Парижа были расклеены плакаты, объявлявшие о восстановлении тайного голосования. Буржуа и лавочники решили, что добились своей цели. На следующее утро остались дома именно лавочники и буржуа.

В ночь с 1 на 2 декабря Бонапарт внезапным нападением лишил парижский пролетариат его вождей, командиров баррикад. Представляя собой армию без офицеров, не имея ни малейшей охоты после памятных июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г. бороться под знаменем Горы,

* — «Через пятьдесят лет Европа будет республиканской или казацкой». *Ред.*
** — «казацкой республики». *Ред.*
*** — т. е. Франция после государственного переворота 1851 года. *Ред.*

пролетариат предоставил своему авангарду, тайным обществам, спасать повстанческую честь Парижа, честь, которую буржуазия оставила на произвол солдатни до того безропотно, что Бонапарт мог впоследствии разоружить национальную гвардию с язвительной мотивировкой: он опасается, как бы анархисты не злоупотребили ее оружием против нее самой!

«C'est le triomphe complet et definitif du socialisme!»[*] — так характеризовал Гизо переворот 2 декабря. Но если ниспровержение парламентарной республики в зародыше заключает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была *победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силой фразы.* В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в противоположность законодательной выражает гетерономию нации в противоположность ее автономии. Таким образом, Франция избавилась от деспотизма целого класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивида, и притом авторитету индивида, не имеющего никакого авторитета. Борьба, казалось, кончилась тем, что все классы одинаково бессильно и одинаково безгласно преклонились перед ружейным прикладом.

Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть,* сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крот![87].

Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона,

[*] — «Это—полное и окончательное торжество социализма!» *Ред.*

этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять. Сеньориальные привилегии земельных собственников и городов превратились в столь же многочисленные атрибуты государственной власти, феодальные сановники — в получающих жалованье чиновников, а пестрая, как набор образчиков, карта перекрещивающихся средневековых суверенных прав — в точно установленный план государственной власти, где господствует такое же разделение труда и такая же централизация, как на фабрике. Первая французская революция, поставившая себе задачу уничтожить все местные, территориальные, городские и провинциальные особые власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией, — централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину. Легитимная монархия и Июльская монархия не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри буржуазного общества создавало новые группы интересов, следовательно — новые объекты государственного управления. Всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, — начиная ог моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции. Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе.

Но при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время Реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике, бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества 10 декабря, какого-то явившегося с чужбины авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатней, которую он купил водкой и колбасой и которую ему все снова и снова приходится ублажать колбасой. Отсюда малодушное отчаяние, чувство несказанного унижения, позора, которое сдавливает грудь Франции и не дает ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обесчещенной.

И тем не менее государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель *парцельного крестьянства.*

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народном массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинялся буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 года.

Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных

величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что он — на основании статьи Code Napoleon: «La recherche de la paternite est interdite»[*]— носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские восстания в доброй половине Франции, а облавы, устраиваемые армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические происки».

Но прощу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной

[*] — Кодекса Наполеона: «Отыскание отцовства запрещается». *Ред.*

энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлогодне его современных Севеннов, а его современной Вандеи[88].

Трехлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало — правда, пока лишь поверхностно — часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентарной республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; этот процесс протекал в форме непрерывной борьбы школьных учителей против попов — буржуазия усмиряла учителей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельную позицию по отношению к правительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами — буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местностях Франции крестьяне в период парламентарной республики восставали против своего собственного детища, против армии, — буржуазия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой vile multitude*, которая якобы предала ее Бонапарту. Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и сознательности масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за coup d'etat, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же собственного вотума от 10 декабря 1848 года. Школа, пройденная ими с 1848 г., научила их уму-разуму. Но они продали свою душу преисподней истории, история их поймала на слове, а большинство их еще было до такой степени сбито с толку, что как раз в самых красных департаментах крестьянское население открыто голосовало за Бонапарта. По их мнению, Национальное собрание мешало Бонапарту

* — презренной толпы. *Ред.*

что-либо предпринять. Бонапарт только теперь разбил оковы, наложенные городами на волю деревни. Местами крестьяне носились даже с нелепой мыслью поставить рядом с Наполеоном конвент.

После того как первая революция превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне беспрепятственно могли пользоваться только что доставшейся им французской землей и удовлетворить свою юношескую страсть к собственности. Но причина теперешнего оскудения французского крестьянина — это именно его парцелла, раздробление землевладения, форма собственности, упроченная во Франции Наполеоном. Это именно те материальные условия, которые сделали французского феодального крестьянина собственником парцеллы, а Наполеона — императором. Двух поколений было достаточно, чтобы привести к неизбежному результату — к прогрессивному ухудшению земледелия и к прогрессивному увеличению задолженности земледельца. «Наполеоновская» форма собственности, бывшая в начале XIX века условием освобождения и обогащения сельского населения Франции, в течение этого столетия превратилась в закон, утверждающий его рабство и нищету. И этот-то закон и есть первая из «idées napoléoniennes»[*], которую приходится отстаивать второму Бонапарту. Если он вместе с крестьянами еще разделяет иллюзию, будто причину крестьянского разорения следует искать не в самой парцельной собственности, а вне ее, во влиянии второстепенных обстоятельств, то его эксперименты, как мыльные пузыри, лопнут при соприкосновении с производственными отношениями.

Экономическое развитие парцельной собственности коренным образом изменило отношение крестьян к остальным общественным классам. При Наполеоне раздробление землевладения на парцеллы в деревне дополняло собой свободную конкуренцию и возникающую крупную промышленность в городах. Крестьянский класс повсеместно являлся протестом против только что низвергнутой земельной аристократии. Корни, пущенные во французскую землю парцельной собственностью, лишили феодализм всяких питательных соков. Межевые знаки парцеллы представляли собой естественный оплот буржуазии против всякого нападения со стороны ее прежних властелинов. Но в течение XIX века место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей за-

[*] — «наполеоновских идей». *Ред.*

няли ипотеки, место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал. Парцелла крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому земледельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату. Тяготеющий на французской земле ипотечный долг налагает на французское крестьянство такие проценты, которые равняются сумме ежегодных процентов по всему государственному долгу Англии. Парцельная собственность, столь порабощенная капиталом, — а ее развитие неизбежно ведет к этому порабощению, — превратила большинство французской нации в троглодитов. 16 миллионов крестьян (считая женщин и детей) живут в берлогах, большая часть которых имеет всего одно окошко, остальная же — два, а в самом лучшем случае — три окошка. А окна в доме — то же, что пять органов чувств для головы. Буржуазный строй, который в начале столетия поставил государство стражем при только что возникшей парцелле и удобрял ее лаврами, стал вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала. Code Napoleon представляет собой теперь не более, как кодекс исполнения судебных решений, наложения ареста на имущество и продажи с молотка. Сверх официально числящихся четырех миллионов (считая детей и т. д.) нищих, бродяг, преступников и проституток во Франции существует пять миллионов душ, находящихся на краю гибели и либо живущих в самой деревне, либо непрерывно перекочевывающих со своими лохмотьями и детьми из деревни в город и из города в деревню. Словом, интересы крестьян-находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате,* призванном ниспровергнуть буржуазный порядок. Но *сильное и неограниченное правительство,* — и это вторая «idee napoleonienne», которую должен осуществить второй Наполеон, — призвано силой защищать этот «материальный» порядок. И действительно, главным лейтмотивом во всех прокламациях Бонапарта против бунтующих крестьян является этот «ordre materiel»*.

Кроме ипотечного долга, которым капитал обременяет парцеллу, над ней тяготеет еще *налог.* Налог — это источник жизни для бюрократии, армии, попов и двора — словом, для всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство

* — «материальный порядок». *Ред.*

и высокий налог — тождественные понятия. Парцельная собственность по своей природе представляет собой почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Она создает одинаковый уровень отношений и лиц на всем протяжении страны. Она делает поэтому возможным равномерное воздействие на все части этой однообразной массы из одного высшего центра. Она уничтожает аристократические промежуточные ступени между народными массами и государственной властью. Она вызывает поэтому всестороннее прямое вмешательство этой государственной власти и проникновение всюду ее непосредственных органов. Она создает, наконец, незанятое избыточное население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню, и заставляет увеличивать число государственных должностей. Наполеон с процентами возвращал налагаемый им принудительный налог посредством новых рынков, которые он открывал штыками, посредством ограбления континента. Наполеоновский налог был стимулом для развития крестьянских промыслов, тогда как теперь налог лишает эти промыслы последних ресурсов, последней возможности сопротивляться обнищанию. А многочисленная расшитая галунами и упитанная бюрократия, это — «idee napoleonienne», наиболее близкая сердцу второго Бонапарта. Да и как могло быть иначе, когда Бонапарт вынужден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос о хлебе насущном? Вот почему одна из его первых финансовых операций заключалась в повышении пониженных было чиновничьих окладов до прежнего уровня и в создании новых синекур.

Другая «idee napoleonienne» — это господство *попов* как орудия правительства. Но если только что возникшая парцелла, будучи в гармонии с обществом, находясь в зависимости от сил природы и подчиняясь власти — своей верховной охране, естественно, была религиозна, то кругом задолжавшая, порвавшая с обществом и властью, принужденная выходить за пределы собственной ограниченности парцелла, естественно, становится антирелигиозной. Небо было недурной придачей к только что приобретенному клочку земли, тем более, что оно делает погоду; но небо становится надругательством, лишь только его навязывают взамен парцеллы. Тогда поп уже превращается в миропомазанную ищейку земной полиции — тоже «idee napoleonienne». Экспедиция против Рима в следующий раз будет предпринята в самой Франции, только в смысле противоположном тому, что думает г-н Монталамбер.

Наконец, кульминационный пункт «idees napoleoniennes» — это преобладающее значение *армии.* Армия была point d'honneur* парцельных крестьян: она из них делала героев, которые защищали от внешних врагов новую собственность, возвеличивали только что приобретенное ими национальное единство, грабили и революционизировали мир. Военный мундир был их собственным парадным костюмом, война — их поэзией, увеличенная и округленная в воображений парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности. Но враги, от которых французскому крестьянину приходится теперь защищать свою собственность, — это не казаки, а судебные приставы и сборщики податей. Парцелла уже не лежит в так называемом отечестве, а заложена в ипотечной книге. Сама армия уже не цвет крестьянской молодежи, а болотный цветок крестьянского люмпен-пролетариата. Она большей частью состоит из подставных рекрутов, из заместителей, подобно тому как второй Бонапарт сам — лишь подставное лицо, заместитель Наполеона. Геройские подвиги она совершает теперь во время облав на крестьян, при исполнении жандармских обязанностей; и если внутренние противоречия системы шефа Общества 10 декабря погонят его за пределы Франции, армия после нескольких бандитских проделок пожнет не лавры, а тумаки.

Итак, мы видим: *все* «idees napoleoniennes» — это *идеи неразвитой, юношески бодрой парцеллы;* для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинации ее предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками. Но пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции и выявить в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом. Вместе с растущей деградацией парцельной собственности рушится покоящееся на ней государственное) здание. Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, может возникнуть лишь на развалинах военно-бюрократической правительственной машины, выкованной в борьбе с феодализмом[89].

В положении французских крестьян лежит разгадка *общих выборов 20 и 21 декабря,* возведших второго Бонапарта на гору Синай не для того, чтобы получать, а для того, чтобы издавать законы.

У буржуазии теперь явно не было другого выбора, как голосовать за Бонапарта. Когда поборники строгости нравов

* — делом чести, предметом особой гордости. *Ред.*

на Констанцском соборе[90] жаловались на порочную жизнь пап и вопили о необходимости реформы нравов, кардинал Пьер д'Айи прогремел им в ответ: «Только сам черт может еще спасти католическую церковь, а вы требуете ангелов!». Так и французская буржуазия кричала после государственного переворота: Только шеф Общества 10 декабря может еще спасти буржуазное общество! Только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок!

Бонапарт в качестве исполнительной власти, ставшей самостоятельной силой, считает себя призванным обеспечить «буржуазный порядок». Сила же этого буржуазного порядка — в среднем классе. Он считает себя поэтому представителем среднего класса и издает соответственные декреты. Но, с другой стороны, он стал кое-чем лишь потому, что сокрушил и ежедневно снова сокрушает политическое могущество этого среднего класса. Он считает себя поэтому противником политической и литературной силы среднего класса. Но, охраняя его материальную силу, он тем самым снова вызывает к жизни его политическое могущество. Поэтому нужно оберегать причину и стирать с лица земли следствие всюду, где оно обнаруживается. Но без некоторого смешения причины со следствием дело обойтись не может, так как причина и следствие во взаимодействии утрачивают свои отличительные признаки. Следуют новые декреты, стирающие пограничную черту. В то же время Бонапарт считает себя в противовес буржуазии представителем крестьян и народа вообще, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества. Следуют новые декреты, авансом плагиирующие правительственную мудрость «истинных социалистов»[91]. Но Бонапарт чувствует себя прежде всего шефом Общества 10 декабря, представителем люмпен-пролетариата, к которому принадлежат он сам, его приближенные, его правительство и его армия и для которого дело заключается, прежде всего, в том, чтобы жить в свое удовольствие и вытягивать калифорнийские выигрыши из казенного сундука. И он оправдывает свое звание шефа Общества 10 декабря посредством декретов, помимо декретов и вопреки декретам.

Такая полная противоречий миссия этого человека объясняет противоречивые действия его правительства, которое, действуя наугад, ощупью, старается то привлечь, то унизить то тот, то другой класс и одинаково возбуждает против себя все классы, — правительства, практическая неуверенность которого представляет в высшей степени комический контраст с повели-

тельным, категорическим стилем правительственных актов, рабски скопированным с указов дяди.

Промышленность и торговля, т. е. дела среднего класса, должны при сильном правительстве расцвести, как растения в теплицах. Происходит раздача бесчисленного множества железнодорожных концессий. Но бонапартистский люмпен-пролетариат должен обогащаться. Начинается мошенническая игра на бирже лиц, заранее посвященных в тайну железнодорожных концессий. Однако капиталов для железных дорог не оказывается. Банку предписывается ссужать деньги под залог железнодорожных акций. Но банк в то же время должен быть эксплуатируем Бонапартом лично — банк, стало быть, надо обласкать. Банк освобождается от обязательства публиковать еженедельный отчет, он заключает с правительством договор, обеспечивающий ему львиную долю. Народ должен иметь работу. Предпринимаются общественные работы. Но общественные работы увеличивают налоговое бремя народа. Стало быть, надо понизить налоги, наложив руку на доходы рантье путем конверсии 5-процентной ренты в $4^1/_2$-процентную. Но буржуазии надо снова подсластить пилюлю; поэтому налог на вино удваивается для народа, покупающего вино en detail*, и уменьшается вдвое для пьющего en gros** среднего класса. Существующие рабочие ассоциации распускаются, но зато правительство обещает чудеса с ассоциациями в будущем. Нужно помочь крестьянам. Учреждаются ипотечные банки, усиливающие задолженность крестьян и концентрацию собственности. Но этими банками нужно воспользоваться для того, чтобы выжать деньги из конфискованных имений дома Орлеанов. Ни один капиталист не соглашается, однако, на последнее условие, которого нет в декрете, — и ипотечный банк остается лишь декретом, и т. д. и т. д.

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во время Фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы снова купить потом Францию на

* — в розницу. *Ред.*
** — оптом. *Ред.*

французские деньги, так как в качестве шефа Общества 10 декабря он вынужден покупать то, что ему должно принадлежать. И предметом торговли становятся все государственные учреждения, сенат, Государственный совет, Законодательный корпус, орден Почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, общественнные работы, железные дороги, генеральный штаб национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанского дома. Средством подкупа делается всякое место в армии и правительственной машине. Но самое важное в этом процессе, заключающемся в том, что Францию забирают, чтобы подарить ее ей же самой, — это проценты, перепадающие во время оборота в карман шефа и членов Общества 10 декабря. Острое словцо графини Л., любовницы г-на де Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle» [«Это первый полет орла»][*], применимо к каждому полету этого *орла,* похожего больше на *ворона.* Он и его приверженцы ежедневно сами себе говорят слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно хватить еще на долгие годы жизни: «Tu fai conto sopra i beni, bisogna prima far il conto sopra gli anni»[**]. Чтобы не просчитаться в годах, они подсчитывают минуты. Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодчиков, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, пользующаяся дурной славой, хищническая богема, которая напяливает на себя обшитые галунами мундиры с такой же смешной важностью, как сановники Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое Общества 10 декабря, если принять во внимание, что *Верон-Кревель*[***] — его блюститель нравов, а *Гранье де Кассаньяк* — его мыслитель. Гизо во время своего министерства, пользуясь в одной темной газете этим Гранье как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: «C'est le roi des droles», «Это король шутов». Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с двором времен регентства[92] или Людовика XV. Ибо «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления альфонсов»[****].

[*] Слово «vol» означает полет и воровство.
[**] — «Ты считаешь свои богатства, а тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы».
[***] В своем романе «Кузина Бетта» Бальзак изображает Кревеля, списанного с д-ра Верона, владельца газеты «Constitutionnel», как самого распутного парижского филистера.
[****] Слова г-жи де Жирарден.

Терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на все, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной. Он устраивает в Париже пародию на культ трирского священного хитона[93] в виде культа наполеоновской императорской мантии. Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны.

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНГЛИЯ [94]

I

Английским вигам решительно не везет. Не успел еще Пальмерстон получить отставку за то, что он «оставил Англию без единого союзника, без единого друга на европейском континенте», не успел еще улечься первый скандал, вызванный этой отставкой, как вся печать подняла шум о войне и извлекла в связи с этим на свет божий целый ворох примеров плохого управления военным и морским ведомствами, вполне достаточных, чтобы погубить не одно министерство.

Уже начиная с 1846 г., различные военные авторитеты обращали внимание страны на возможность вторжения в Англию в случае войны с Францией. Однако опасность такой войны в то время была слишком далека, а донкихотская манера выступления этих первых алармистов вызывала только смех. Особенно выделялся генерал Хед, создавший себе в то время не очень завидную славу своими постоянными воззваниями к нации об усилении средств национальной обороны. При этом, конечно, не следует забывать, что старик Веллингтон также считал существующие береговые укрепления совершенно недостаточными.

Государственный переворот Луи-Наполеона неожиданно придал, однако, этим дебатам новое значение. Джон Буль тотчас же сообразил, что французская военная диктатура, пародия на Консульство, по всей вероятности, втянет Францию в войну и что при этих обстоятельствах весьма возможна попытка взять реванш за Ватерлоо. Последние геройские подвиги английских вооруженных сил были не особенно блестящи: в Капской земле кафры беспрестанно одерживали победы, и даже на

Невольничьем берегу предпринятая англичанами попытка высадки была, несмотря на европейскую тактику и пушки, отражена безоружными неграми, нанесшими врагу весьма чувствительный удар[95]. Что сталось бы с английскими войсками, если бы им пришлось столкнуться с гораздо более опасными «африканцами», прошедшими алжирскую школу?[96] И кто может поручиться за то, что такой беззастенчивый авантюрист, как Луи Бонапарт, не прибегая к скучным формальностям объявления войны, не появится в одно прекрасное утро у берегов Англии с десятью-двенадцатью паровыми судами, нагруженными до отказа войсками, в сопровождении дюжины линейных кораблей и не предпримет похода на Лондон?

Дело во всяком случае было серьезным. Правительство немедленно издало приказ о сооружении новых батарей у входа в крупные гавани на южном и юго-восточном побережье. Но и публика серьезно отнеслась к этому делу и притом в такой форме, которая грозит оказаться чрезвычайно неприятной для правительства. Были, прежде всего, наведены справки о состоянии наличных вооруженных сил, и оказалось, что в данный момент, если даже совершенно оголить Ирландию, для защиты Великобритании имеется не более 25000 солдат и 36 орудий с запряжками; что же касается флота, то в настоящее время в гаванях нет *ни одного* сколько-нибудь крупного корабля, готового к отплытию, чтобы помешать высадке. Было обнаружено, что экипировка британских солдат, как это доказала уже война с кафрами, чрезвычайно ограничивает их подвижность и абсолютно непрактична, что их оружие решительно не может сравниться с оружием других европейских армий, что ни один солдат в Англии не имеет ружья, которое хоть в отдаленной степени могло бы сравняться с прусским игольчатым ружьем или с винтовкой французских стрелков и егерей. В интендантстве флота были обнаружены колоссальнейшие скандальные злоупотребления и халатность, и все это было еще невероятно преувеличено алармистами и всякого рода карьеристами.

Это дело, казалось, прежде всего затрагивает лишь английских аристократов, рантье и буржуа, которые в первую очередь пострадали бы от вторжения французов и возможного завоевания. Но не надо забывать, что независимое развитие Англии, медленное, но основательное разрешение путем борьбы развившегося здесь в полной мере противоречия между буржуазией и пролетариатом, имеет первостепенное значение для всего развития Европы. Если даже это своеобразное методическое развитие Англии иной раз и служило временной помехой

для побеждавших в отдельные моменты революционеров на континенте, как в 1848 и ранее в 1793 г., все же в основе его гораздо больше революционного содержания, чем во всех этих преходящих потрясениях на континенте, вместе взятых. В то время как завоевание Европы привело к крушению великую французскую революцию, Англия посредством паровой машины революционизировала общество, завоевала мировой рынок, все более и более оттесняла от власти все исторически отжившие классы и подготовляла почву для великой решающей битвы между промышленными капиталистами и промышленными рабочими. Для всего европейского развития имело величайшее значение то обстоятельство, что Наполеону не удалось перебросить из Булони в Фолкстон армию в 150 000 человек и с помощью ветеранов республиканских армий завоевать Англию. В период Реставрации, когда континент был отдан на милость так метко изображенных Беранже мирмидонян легитимизма[97], в Англии, в старой реакционной партии тори, благодаря уже весьма буржуазному министерству Каннинга, произошел первый большой раскол и началось то постепенное подкапывание под английскую конституцию сначала Каннингом, а затем Пилем, которое беспрерывно продолжается с тех пор и в самом скором времени должно привести к тому, что все гнилое здание с треском обрушится. Это подкапывание под старые английские учреждения и лежащее в основе его постоянное революционизирование английского общества крупной промышленностью спокойно продолжаются, независимо от того, побеждает ли в данный момент на континенте революция или контрреволюция, и это развитие совершается, хотя и медленно, но зато верно и без малейшего попятного движения. Поражение чартистов 10 апреля 1848 г.[98] было исключительно поражением и решительным устранением иностранного политического влияния; не политические потрясения на континенте, а всеобщие торговые кризисы, прямые материальные удары, угрожающие существованию каждого индивида, являются великими двигателями английского развития. И теперь, когда промышленная буржуазия окончательно устраняет от политической власти все традиционные классы и когда вследствие этого обнаруживаются бесспорные симптомы приближения дня решающей битвы между ней и промышленным пролетариатом, — теперь задержка этого развития, покорение, хотя бы и временное, Англии алчными преторианцами 2 декабря имели бы самые печальные последствия для всего европейского движения. Только в Англии промышленность достигла таких размеров, что в ней концентрируются интересы всей нация, все условия жизни всех классов.

Но промышленность — это, с одной стороны, промышленная буржуазия, с другой — промышленный пролетариат, и вокруг этих противостоящих друг другу классов все более группируются все другие составные части нации. Поэтому здесь, где дело идет только о господстве либо промышленных *капиталистов,* либо промышленных *рабочих,* именно здесь имеется — коль скоро она уже где-либо существует — та почва, на которой классовая борьба в ее современной форме может быть доведена до конца и где промышленный пролетариат, с одной стороны, обладает силой для завоевания политической власти, а с другой стороны, находит материальные средства, производительные силы, дающие ему возможность произвести полную социальную революцию и окончательно устранить классовые противоречия. И пролетарская партия во всей Европе, разумеется, в высшей степени заинтересована в том, чтобы это направление английского развития, ведущее к крайнему обострению противоречия между обоими промышленными классами и к конечной победе угнетенного класса над господствующим, не было изменено установлением иноземного гнета, чтобы энергия этого развития не была ослаблена и решительный бой не был отложен на неопределенное время.

Но каковы возможности вторжения?

Прежде всего, такой страной, как Великобритания, насчитывающей без Ирландии 22 миллиона, а вместе с Ирландией 29 миллионов жителей, нельзя завладеть посредством внезапного нападения. Алармисты приводят пример Карфагена, военно-морские силы и армии которого были распылены по самым отдаленным владениям и который дважды терпел поражение в результате внезапного нападения римлян[99]. Но, не говоря уже о совершенно изменившихся условиях ведения войны, африканская высадка римлян во время второй Пунической войны стала возможной лишь после того, как был уничтожен цвет карфагенской армии в Испании и в Италии, а карфагенский флот был изгнан из Средиземного моря; внезапное нападение было отнюдь не внезапным нападением, а очень солидной военной операцией, которая явилась вполне естественным завершением продолжительной и в конце концов в течение длительного времени успешной для Рима войны. Третью же Пуническую войну едва ли можно назвать войной; это было простое покорение слабейшего противника в десять раз сильнейшим, что-то вроде конфискации Наполеоном Венецианской республики[100]. Но теперь ни Франция не находится в таком положении, в каком она была в 1797 г., ни Англия не похожа на дряхлеющую Венецию.

Наполеон считал необходимым иметь по крайней мере 150000 человек для завоевания Англии. Хотя Англия в то время имела гораздо больше пригодных солдат, чем в настоящее время, но зато у нее было гораздо меньше населения и промышленных ресурсов. Поэтому, как бы ничтожны ни были силы, которыми в данный момент располагают англичане, в настоящее время нужно по крайней мере столько же людей, чтобы завоевать Англию. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть, что любая высадившаяся в Англии армия вторжения должна продвинуться по крайней мере до Тиса, Тайна или даже до Твида. Если она остановится на более близком рубеже, то все ресурсы промышленных округов останутся в руках обороняющихся и ей придется занять против непрерывно возрастающих сил последних позиции, имеющие чрезвычайно мало преимуществ с военной точки зрения и слишком растянутые для тех средств, которыми она располагает. Местность, находящаяся к югу от вышеупомянутых рек, т. е. собственно Англия, насчитывает 16 миллионов жителей, и для обеспечения коммуникаций, для осады, а также оккупации береговых крепостей, для предотвращения неизбежного национального восстания потребуется такое количество войск, что их останется слишком мало для активных операций на границе Шотландии. Нельзя и предположить, чтобы при самом лучшем командовании для завоевания Англии, для подавления восстания внутри страны и ведения регулярной войны в Шотландии и Ирландии потребовалось бы войск меньше, чем 150000 человек.

Допустим, можно стянуть посредством новых наборов и умелого сосредоточения 150000 человек в каком-нибудь пункте северного побережья Франции, но для этого потребуется, по крайней мере, один-два месяца. За это время Англия может частично путем переброски флота Тахо[101] и пароходов из других ближних стоянок, частично путем приведения в боевую готовность находящихся в гаванях разоруженных кораблей сконцентрировать в Ла-Манше довольно внушительные морские силы, а еще через месяц могут прибыть на место все пароходы и часть парусных судов из атлантических стоянок, а также из Мальты и Гибралтара. Следовательно, десантные войска должны были бы высадиться, если и не сразу, то по крайней мере несколькими большими партиями, так как рано или поздно их коммуникации с Францией будут прерваны. Нужно было бы сразу переправить по меньшей мере 50000 человек, а следовательно, всю армию в три приема. При этом для перевозки войск можно было бы лишь в ограниченном количестве или вообще нельзя было бы использовать военные корабли, так как им пришлось

бы отражать нападение английского флота. Франция же не сможет в течение шести недель собрать в своих гаванях в Ла-Манше транспортные средства, достаточные для перевозки 50000 человек с необходимой артиллерией и боевыми припасами, даже если она наложит арест на нейтральные суда. Но каждый день промедления с экспедицией является новым преимуществом для Англии, которой нужно только время для концентрации своего флота и для обучения своих рекрутов.

Но если, принимая во внимание английский флот, нельзя высадить 150-тысячную десантную армию более чем в три приема, то, принимая во внимание английские сухопутные силы, никакой серьезный военный деятель не рискнет высадиться в Англии с количеством войск, не превышающим 50000 человек. Мы видели, что даже при благоприятных для вторжения обстоятельствах у англичан остается один-два месяца для подготовки. Надо плохо их знать, чтобы предположить, что за это время они не организуют сухопутную армию, которая без труда сбросит в море авангард в 50000 человек, прежде чем к нему подоспеет помощь. Следует учесть, что посадка на корабли возможна только между Шербуром и Булонью, а высадка только между Островом Уайт и Дувром, т. е. на прибрежной полосе, которая ни в одном месте не отстоит от Лондона настолько, чтобы это расстояние нельзя было пройти за четыре дня хорошего марша. Следует учесть, что посадка и высадка зависят от ветра и приливов, что английский флот в Ла-Манше окажет сопротивление и что между первой и второй высадкой должно будет, вероятно, пройти восемь-десять дней, во всяком случае не меньше четырех дней, так как основная масса войск должна быть перевезена на парусных судах и эти войска надо собирать на всем побережье от Шербура до Булони; ведь не создашь же экспромтом «Булонский лагерь»![102] При таких условиях едва ли французы рискнут что-нибудь предпринять, пока не будет возможно сразу перебросить по меньшей мере 70000—80000 человек, а для этого надо еще раздобыть транспортные средства, на что опять-таки требуется время. Но так как средства обороны Англии с каждой неделей отсрочки экспедиции будут расти быстрее, чем транспортные средства и средства морской войны неприятеля, то положение нападающих будет становиться все более неблагоприятным; дело очень скоро может дойти до того, что они ничего не смогут предпринять до тех пор, пока не будут в состоянии сразу перевезти 150000 человек, но и эти последние встретят тогда такое сопротивление, что без посылки вслед за ними резерва примерно в 100000 человек их безусловно в конечном счете будет ожидать уничтожение.

Одним словом, завоевание Англии не может быть осуществлено посредством внезапного нападения. Если бы весь континент объединился для этого, то понадобился бы целый год только для создания и доставки транспортных средств — больше времени, чем нужно Англии, чтобы сделать обороноспособными свои берега, чтобы сконцентрировать военно-морские силы, которые превзошли бы все флоты континентальных стран, взятые вместе, и сделали бы невозможным их объединение, чтобы, наконец, собрать такую армию, которая никакому врагу по позволила бы оставаться на английской земле.

Национальное чувство англичан именно в настоящее время сильнее, чем когда-либо после 1815 г., и серьезная опасность вторжения способствовала бы новому, особому подъему этого чувства. К тому же население Великобритании вовсе не чуждо воинских качеств, как его изображают; буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат больших городов, конечно, гораздо хуже умеют обращаться с огнестрельным оружием и поэтому менее приспособлены к гражданской войне, чем соответствующие классы на континенте. Но население в целом в немалой степени проникнуто воинственным духом и в его составе имеются весьма пригодные военные элементы. Нигде нет такого количества охотников и браконьеров, т. е. наполовину подготовленной легкой пехоты, и стрелков; 40000—50000 механиков и рабочих, занятых в машинном производстве, лучше подготовлены для работы в оружейных мастерских, для службы в артиллерии и инженерных войсках, чем такое же количество отборных людей в любом государстве на континенте. Самая местность чуть ли не до самой шотландской границы почти совершенно не приспособлена для военных кампаний крупного масштаба; она носит чрезвычайно пересеченный характер и точно создана для малой войны. И если до сих пор партизанская война сопровождалась успехом только в сравнительно мало населенных странах, то именно Англия, в случае серьезного нападения, могла бы дать доказательство того, что в очень густо населенных местностях, например в почти сплошном лабиринте домов Ланкашира и Западного Йоркшира, эта война может принести еще более значительные результаты.

Что же касается внезапного нападения с целью разграбления богатых портовых городов, разрушения складов и т. д., то в настоящий момент Англия, разумеется, вполне может ему подвергнуться. Об укреплениях едва ли даже стоит говорить. Пока в Спитхеде нет кораблей, можно совершенно спокойно проникнуть до самого входа в Саутгемптонскую гавань и высадить достаточное количество войск, чтобы взыскать с Саутгемптона

какую угодно контрибуцию. Вулидж также, по-видимому, может быть в настоящий момент захвачен и разрушен, хотя для этого потребуются большие силы. Ливерпуль защищен только жалкой батареей из 18 железных морских орудий без прицельных приспособлений; эти орудия обслуживаются восемью или десятью артиллеристами и полуротой пехоты. Однако, за исключением Брайтона, все значительные английские приморские города расположены в глубине морских заливов или довольно высоко по течению рек и имеют естественные укрепления в виде песчаных отмелей и скал, с которыми знакомы только местные лоцманы. Кто попытается без лоцмана проложить себе путь по этим узким каналам, через которые большие корабли обыкновенно могут пройти только во время прилива, тот рискует потерять там больше, чем он может рассчитывать вывезти оттуда, и подобные экспедиции, в случае если они встретят некоторое сопротивление и самое незначительное непредвиденное препятствие, могут окончиться так же плачевно, как датская экспедиция против Эккернфёрде в 1849 году[103]. Наоборот, быстрая высадка 10000—20000 человек с пароходов в какой-нибудь сельской местности и непродолжительная, но несомненно обещающая мало положительных результатов грабительская экспедиция против мелких провинциальных городов бесспорно легко осуществима; в настоящее время ей абсолютно невозможно помешать.

Но все эти опасения отпадут сами собой, как только флот Тахо, североамериканская эскадра и часть пароходов, занимающихся преследованием невольничьих кораблей между Бразилией и Африкой, будут отозваны обратно в Англию и в то же время будут приведены в боевую готовность находящиеся в военных гаванях разоруженные корабли. Этого было бы достаточно, чтобы сделать невозможным внезапное нападение и заставить отложить всякую более серьезную попытку вторжения на такой срок, в какой Англия будет иметь время для принятия дальнейших необходимых мер.

Тем не менее тревога будет иметь те хорошие последствия, что прекратится та смешная политика, в силу которой Англия держит в Средиземном море 800, в Атлантическом океане 1000, в Тихом и Индийском океанах по 300 корабельных орудий, в то время как дома ни один корабль не защищает побережья, — политика ведения бесконечных и бесславных войн с неграми и кафрами в то время, когда войска крайне необходимы на родине. Неуклюжая, тяжелая и во всех отношениях устарелая экипировка, а также устарелое вооружение армии; безграничная беззаботность и халатность в военном и морском управле-

нии; принявший угрожающие размеры непотизм, взяточничество и мошенничества в этих ведомствах будут более или менее устранены. Промышленная буржуазия избавится, наконец, от пристрастия к конгрессам и обществам мира, пристрастия, которое дало повод к заслуженным насмешкам над нею и причинило столько ущерба ее политическому прогрессу, а вместе с ним и всему развитию Англии. А если все-таки дело дойдет до войны, то по известной, особенно сверкающей сейчас иронии всемирной истории очень легко может случиться, что гг. Кобден и Брайт в их двоякой роли членов Общества мира[104] и — в ближайшем будущем — министров должны будут вести жестокую войну, возможно, со всем континентом.

Манчестер, 23 января 1852 г.

II

В следующий вторник, 3 февраля, собирается парламент. Из трех главных вопросов, которые составят предмет его первых дебатов, мы уже вкратце сказали о двух[105]: об отставке Пальмерстона и о средствах обороны в случае войны с Францией. Остается еще третий вопрос, наиболее важный для развития Англии, — вопрос об *избирательной реформе.*

Новый билль о реформе, который в самом начале должен быть внесен Расселом, даст еще нам достаточно поводов подробно рассмотреть вопрос об общем значении избирательной реформы в Англии. В данный момент, пока еще только распространяются и комментируются некоторые слухи по поводу этого билля, можно ограничиться замечанием, что во всем этом вопросе речь идет, прежде всего, исключительно о том, в какой мере реакционные или отстаивающие незыблемость режима классы, т. е. земельная аристократия, рантье, биржевые спекулянты, владельцы земель в колониях, судовладельцы и часть купцов и банкиров, сохранят свою власть и какую часть ее они должны будут уступить промышленной буржуазии, стоящей во главе всех прогрессивных и революционных классов. О пролетариате здесь пока нет речи.

«Daily News»[106], лондонский орган промышленной буржуазии и хороший источник в подобных вопросах, сообщает некоторые сведения о новом билле о реформе, подготовляемом министерством вигов. Согласно этому сообщению, предполагаемые реформы коснутся трех сторон существовавшей до сих пор английской избирательной системы.

До сих пор каждый член парламента, чтобы быть туда допущенным, должен обладать земельной собственностью, приносящей по меньшей мере 300 ф. ст. дохода. Это во многих случаях стеснительное условие почти всегда обходили посредством фиктивных покупок и фиктивных контрактов. По отношению к промышленной буржуазии оно давно утратило силу; теперь

оно должно совершенно отпасть. Требование отмены этого условия является одним из «шести пунктов» пролетарской Народной хартии[107], и любопытно наблюдать, как уже один из этих шести пунктов (все шесть носят весьма буржуазный характер и в Соединенных Штатах уже осуществлены) получает официальное признание.

До сих пор избирательная система была организована следующим образом. По старому английскому обычаю графства посылали одну часть депутатов, а города — другую часть. Тот, кто хотел голосовать в графстве, должен был или обладать неограниченной, свободной земельной собственностью (freehold property), приносящей 2 ф. ст. ежегодного дохода, или арендовать земельную собственность, приносящую 50 ф. ст. ежегодного дохода. В городах же, наоборот, избирателем был всякий, кто снимал дом, платил за его аренду 10 ф. ст. и уплачивал налог в пользу бедных в размере, причитающемся с этой суммы. В то время как благодаря такой системе в тех городах, которые посылали депутатов, масса мелких торговцев и владельцев ремесленных мастерских, т. е. вся мелкая буржуазия, пользовалась избирательным правом, на выборах в графствах огромное большинство избирателей составляли подчиненные аристократии tenants at will, т. е. те арендаторы, которым каждый год могло быть отказано в аренде и которые поэтому целиком зависели от своих господ-землевладельцев. В прошлом году г-н Лок Кинг внес предложение распространить и на графства действовавшее в городах требование для съемщиков об уплате 10 ф. ст. арендной платы и собрал за это предложение против министров значительное большинство малочисленной в тот момент палаты. Как говорят, Рассел теперь предполагает понизить требуемый размер арендной платы для графств до 10 ф. ст., а для городов до 5 фунтов стерлингов. Такая мера может иметь весьма серьезные последствия. Тогда в городах лучше оплачиваемая часть пролетариата тотчас же получила бы избирательное право, и это сделало бы весьма вероятным избрание в некоторых крупных городах чартистских представителей, а в средних и небольших городах много новых голосов и мест в парламенте приобрела бы промышленная буржуазия. В графствах же избирательное право сразу получили бы все мелкие и средние буржуа небольших провинциальных городов, не посылающих собственных представителей в парламент; они составляли бы, как правило, подавляющее большинство и благодаря своей массе и сравнительно независимому положению по отношению к тем нескольким аристократическим семьям, которые ныне властвуют в графствах, могли бы положить конец существующему

до сих пор избирательному террору этих магнатов. Эти провинциальные мелкие буржуа, которые к тому же все более попадают под влияние промышленной буржуазии, отдали бы таким образом в ее распоряжение значительную часть графств.

Избирательные округа до сих пор в высшей степени неравны по размерам и по значению; число представителей совершенно не соответствует ни численности населения, ни количеству избирателей. Сто или двести избирателей в одном месте посылают столько же представителей, сколько шесть-одиннадцать тысяч избирателей — в другом. Особенно велико это различие в городах. И именно маленькие города с небольшим числом избирателей являются средоточием самых скандальных подкупов (например, Сент-Олбанс) или абсолютной избирательной диктатуры того или другого крупного землевладельца. И вот согласно данным «Daily News» восемь самых мелких городских избирательных округов должны отныне лишиться права посылать своих представителей, а остальные мелкие города, избирающие членов парламента, будут объединены с другими соседними небольшими провинциальными городами, представляемыми до сих пор лишь в составе графства, в результате чего число избирателей значительно увеличится. Это — подражание системе групп городов, существующей в Шотландии еще со времени унии с Англией (1707 г.). Что от такой меры, как бы ни была она робка, промышленная буржуазия также может ожидать усиления своего политического могущества, доказывается уже тем особенным значением, которое она с давних пор придавала уравнению избирательных округов по сравнению со всеми другими вопросами парламентской реформы. Кроме того, как сообщается, Лондон и Ланкашир, т. е. два главных центра промышленной буржуазии, получат увеличенное представительство в парламенте.

Если Рассел в самом деле намерен предложить подобный билль, то это действительно, судя по предшествующему опыту, является весьма солидным для маленького человека. Очевидно, лавры Пиля не дают ему покоя и он вознамерился хоть один раз быть «смелым». Эта смелость, правда, сопровождается всеми присущими английскому вигу проявлениями малодушия, оглядками и опасениями, и при теперешнем состоянии общественного мнения в Англии она никому не покажется смелой, кроме самого Рассела и его коллег—вигов. Но после всех колебаний, шатаний, сомнений, после неоднократных и неизменно безуспешных попыток нащупать почву, которые поглощали все время маленького лорда с момента закрытия последней сессии, от него, пожалуй, можно было ожидать меньшего чем вышеприведенные

предложения, если, конечно, предположить, что до вторника он еще раз не передумает.

Нечего и говорить, что промышленная буржуазия требует гораздо большего. Она требует household suffrage, т. е. избирательного права для всякого, кто занимает дом или часть дома и на основании этого привлекается к уплате муниципальных налогов; она требует также тайного голосования и полного перераспределения избирательных округов, которое обеспечило бы равное представительство для одинакового числа избирателей и одинакового богатства. Она будет упорно и долго торговаться с министерством и выторговывать у него малейшую из возможных уступок, прежде чем продать ему свою поддержку. Наши английские промышленники — хорошие купцы и, наверняка, продадут свои голоса по самой высокой существующей цене.

Впрочем, и теперь уже видно, что даже вышеупомянутый министерский минимум избирательной реформы не может иметь другого результата, кроме усиления власти промышленной буржуазии —класса, который теперь уже фактически господствует в Англии и, добиваясь признания своего верховенства также и в политической области, движется в этом направлении семимильными шагами. Пролетариат, самостоятельная борьба которого за его собственные интересы против промышленной буржуазии начнется лишь с того дня, когда будет установлено политическое верховенство этого класса, — пролетариат при всех обстоятельствах также извлечет некоторую пользу из этой избирательной реформы. Но насколько велика будет эта польза, зависит лишь от того, будут ли происходить дебаты и окончательное утверждение избирательной реформы *до* того момента, как разразится торговый кризис, или же дело затянется вплоть до его наступления; ибо пока что пролетариат выступает на первый план как активная сила лишь в великие решающие моменты, подобно року в античной трагедии.

Манчестер, 30 января 1852 г.

Написано Ф. Энгельсом
23 и 30 января 1852 г.

Напечатано в журнале «Летописи марксизма»,
книга IV, 1927 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» [108]

Милостивый государь!

Уничтожение на континенте последних остатков независимой печати возложило на английскую печать почетную обязанность отмечать всякий акт беззакония и угнетения, совершаемый в этой части Европы. Разрешите мне поэтому посредством Вашей газеты довести до сведения публики факт, который показывает, что судьи в Пруссии стоят на совершенно той же ступени, что и политические слуги Луи-Наполеона.

Вы знаете, каким драгоценным moyen de gouvernement* может явиться хорошо инсценированный заговор, если его преподнести в надлежащий момент. Прусское правительство нуждалось в таком заговоре в начале прошлого года, дабы сделать парламент сговорчивым. С этой целью был арестован ряд лиц и полиция была поднята на ноги во всей Германии. Но ничего не было обнаружено, после всех розысков полиция в 'конце концов задержала в кёльнской тюрьме лишь несколько человек под тем предлогом, будто они являются вождями широко разветвленной революционной организации. Это, в первую очередь, д-р Беккер и д-р Бюргерс, два господина, связанные с журналистскими кругами, д-р Даниельс, д-р Якоби и д-р Клейн— лица, занимающиеся медицинской практикой, из коих двое с честью выполняли тяжелые обязанности врачей попечительства о бедных, и г-н Отто, руководитель большого химического предприятия, хорошо известный в своей стране благодаря своим научным достижениям в области химии. Так как против них не имелось никаких улик, то каждый день ожидалось их освобо-

* — средством управления. *Ред.*

ждение. Однако во время их пребывания в тюрьме был издан «дисциплинарный закон», который давал правительству право с помощью очень короткой и простой процедуры избавляться от любого неугодного ему судейского чиновника. Введение в действие этого закона почти немедленно оказало свое влияние на ход дела против вышеупомянутых господ, тянувшегося до этого крайне медленно и вяло. Их не только перевели в одиночные камеры, им не только было запрещено какое-либо, даже письменное, общение друг с другом и со своими друзьями, а также пользование книгами и письменными принадлежностями (в Пруссии это разрешается даже самым тяжким преступникам до вынесения им приговора), — но и вообще всей судебной процедуре было придано совершенно иное направление. Chambre du Conseil* (как Вам известно, у нас в Кёльне судят по Code Napoleon**) тотчас же обнаружила готовность признать в отношении их наличие состава преступления, и материалы были переданы в обвинительный сенат, то есть коллегию судей, выполняющую функции английского большого жюри[109]. Я прошу Вас обратить особое внимание на беспрецедентное постановление этой коллегии. В этом постановлении имеется следующее поразительное место, которое мы и приводим в дословном переводе:

«Принимая во внимание, что надежных данных не было представлено и что поэтому состава преступления не установлено, — *нет оснований возбуждать обвинение»* (Вы, конечно, ожидаете, что непреложным выводом из этого будет распоряжение об освобождении заключенных? Ничуть не бывало!), «а посему все протоколы и документы предписывается вернуть следователю для того, чтобы начать следствие заново».

Таким образом, это означает, что после десятимесячного заключения, во время которого ни усердие полиции, ни проницательность королевского прокурора не в состоянии были создать и тени состава преступления, — вся процедура должна начаться заново, чтобы, быть может, после еще одного годичного следствия дело было в третий раз возвращено следователю.

Это столь вопиющее нарушение закона объясняется следующим. Правительство как раз теперь подготовляет создание высшей судебной инстанции, которая должна быть составлена из самых раболепных элементов. Так как в суде присяжных правительство неизбежно потерпело бы поражение, то ему необходимо тянуть с окончательным разбирательством этого дела до тех пор, пока оно не сможет передать его новому суду,

* — Судебная палата. *Ред.*
** — Кодексу Наполеона. *Ред.*

который, конечно, даст все гарантии короне и никаких—подсудимым.

Не было ли бы гораздо честнее со стороны прусского правительства королевским декретом сразу же вынести узникам приговор, следуя по стопам Луи Бонапарта?

Остаюсь, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой

Пруссак*

Лондон, 29 января 1852 г.

Написано Ф. Энгельсом

Впервые опубликовано на немецком языке в книге: «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx, Erster Band, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с английского

* Подпись поставлена рукой Маркса, вся рукопись написана рукой Энгельса. *Рвд.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПАССИВНОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ В ДЕКАБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА

I

Со 2 декабря прошлого года весь интерес, который только способна возбудить иностранная или, по крайней мере, европейская политика, привлек к себе удачливый и беззастенчивый игрок — Луи-Наполеон Бонапарт. «Что он предпринимает? Собирается ли он воевать и с кем? Собирается ли он вторгнуться в Англию?» Эти вопросы непременно ставятся всюду, где только обсуждаются европейские дела.

И действительно, есть что-то поразительное в том, что произошло: сравнительно безвестный авантюрист, вознесенный игрой случая на пост главы исполнительной власти великой республики, захватывает между заходом и восходом солнца важнейшие пункты столицы, выметает парламент точно мусор, за два дня подавляет восстание в столице, в течение двух недель усмиряет волнения в провинции, навязывает себя в результате показных выборов целому народу и немедленно же устанавливает конституцию, вручающую ему всю власть в государстве. Подобного случая и подобного позора не знал еще ни один народ, с тех пор как преторианские легионы гибнущего Рима выставили Империю на торги, продавая ее тому, кто больше заплатит. И вот буржуазная пресса Англии от «Times» до «Weekly Dispatch»[110], начиная с декабрьских дней, не упускала ни одного случая, чтобы не излить свое добродетельное негодование по адресу военного деспота, предателя, уничтожившего свободу в своей стране, душителя печати и т. п.

Однако, относясь к Луи-Наполеону со всем презрением, какого он заслуживает, мы все же не думаем, чтобы органу

рабочего класса[111] подобало присоединяться к этому хору крикливых хулителей, участники которого — газеты биржевых дельцов, хлопчатобумажных лордов и земельных аристократов — стараются превзойти друг друга в отборной брани. Этим джентльменам не мешало бы напомнить настоящее положение вещей. *Они* имеют все основания вопить, так как все, что Луи-Наполеон отобрал у других, он отнял не у рабочего класса, а именно у тех классов, чьи интересы в Англии представляет вышеупомянутая часть прессы. Это не значит, что Луи-Наполеон с таким же удовольствием не ограбил бы и рабочий класс, отобрав у него все, что только мог бы пожелать. Дело в том, что в декабре прошлого года у французского рабочего класса нечего было грабить, ибо все, что можно было у него отнять, уже было отнято в течение трех с половиной лет парламентского правления буржуазии после великого'поражения в июне 1848 года. Действительно, что еще оставалось отнять у рабочих накануне 2 декабря! Избирательное право? — Они были лишены его майским избирательным законом 1850 года. Право собраний? — Оно давно было сделано монополией «надежных» и «благонамеренных» классов общества. Свободу печати? — Подлинная пролетарская печать была потоплена в крови повстанцев — участников великой июньской битвы, а тень этой печати, пережившая ее на некоторое время, давно исчезла под гнетом законов о затыкании рта, которые пересматривались и совершенствовались каждой последующей сессией Национального собрания[112]. Их оружие? — Были использованы все предлоги, чтобы добиться исключения из национальной гвардии всех рабочих и сохранения оружия только в руках более состоятельных классов общества.

Таким образом, к моменту недавнего coup d'etat[*] рабочему классу было весьма мало — да едва ли вообще было — что терять в области политических прав. Зато, с другой стороны, - класс средней и крупной буржуазии обладал в это время всей полнотой политической власти. Ему принадлежала печать, право собраний, право ношения оружия, избирательное право, парламент. Легитимисты и орлеанисты, землевладельцы и держатели государственных ценных бумаг, после тридцатилетней борьбы обрели, наконец, нейтральную почву в республиканской форме правления. И для этого класса, действительно, было весьма тяжело насильственно лишиться всего этого в течение каких-нибудь нескольких часов и быть сразу же в политическом отношении низведенным

[*] — государственного переворота. *Ред.*

до такого же ничтожного состояния, до какого сам он довел рабочих. Вот та причина, вследствие которой английская «респектабельная» печать пришла в такую ярость по поводу беззаконных и гнусных действий Луи-Наполеона. До тех пор, пока столь же гнусные действия, либо со стороны исполнительной власти, либо со стороны парламента, были направлены против рабочего класса, они, разумеется, считались вполне законными, но как только подобная политика была распространена на «людей лучшего сорта», на «интеллектуальный цвет нации», это оказалось совсем другим делом, и каждому поборнику свободы надлежало возвысить свой голос в защиту «принципа».

Итак, 2 декабря борьба велась главным образом между буржуазией и Луи-Наполеоном, представителем армии. Что Луи-Наполеон понимал это, видно из отданных по армии во время боев 4 декабря приказов стрелять главным образом в «хорошо одетых господ». Достославная битва на бульварах достаточно известна, и нескольких залпов по закрытым окнам и безоружным буржуа оказалось совершенно достаточно для того, чтобы пресечь всякие попытки к сопротивлению со стороны парижской буржуазии.

С другой стороны, хотя у рабочего класса и нельзя уже было больше отнять какие-либо непосредственные политические права, он отнюдь не был незаинтересованной стороной в этом деле. Прежде всего, ему пришлось упустить крупный шанс, который он имел бы в мае 1852 г., когда истекал срок полномочий одновременно для всех органов государственной власти и когда в первый раз после июня 1848 г. он мог надеяться на получение широкой арены для борьбы. Далее, поскольку он стремился к политическому господству, он не мог допустить какой-либо насильственной перемены правления без своего обязательного вмешательства в спор между борющимися сторонами в качестве верховного арбитра, заставляющего их считаться со своей волей, как с законом страны. Таким образом, он не мог упустить возможности показать двум враждующим силам, что на поле битвы имеется еще третья сила, которая, если даже она временно и удалена с арены официальных и парламентских состязаний, тем не менее всегда готова выступить, как только место действия будет перенесено в ее собственную сферу — на *улицу.* Но не следует забывать, что даже в этом случае пролетарская партия боролась бы в весьма невыгодных условиях. Если бы она восстала против узурпатора, разве не оказалось бы, что она в сущности отстаивает и подготовляет восстановление и диктатуру того самого парламента, который проявил себя как ее самый беспощадный враг? А если бы она

сразу же объявила себя сторонницей революционного правительства, не напугала бы она — как это действительно имело место в провинции — буржуазию настолько, чтобы побудить ее пойти на союз с Луи-Наполеоном и армией? Кроме того, следует помнить, что та часть революционного рабочего класса, которая составляла его подлинную мощь, его цвет, была либо перебита во время июньского восстания, либо же, после июньских событий, сослана или брошена в тюрьмы под бесчисленными предлогами *всякого рода.* И, наконец, существовал такой фактор, который уже сам по себе обеспечивал Наполеону нейтралитет громадного большинства рабочего класса: *промышленность и торговля были в превосходном состоянии,* а англичанам достаточно хорошо известно, что, когда рабочие полностью обеспечены работой и приличной оплатой труда, нельзя вызвать волнений, тем более революции.

В Англии теперь принято говорить, что французы превратились в старых баб, так как иначе они не потерпели бы подобного обращения. Я охотно допускаю, что как нация французы в настоящий момент заслуживают таких украшающих эпитетов. Но нам всем известно, что французы в своих мнениях и поступках больше поддаются влиянию успеха, чем какая-либо другая цивилизованная нация. Как только ходу событий в этой стране придается определенное направление, они без сопротивления следуют ему до тех пор, пока на этом пути не будут достигнуты крайние пределы. Июньское поражение 1848 г. придало такой контрреволюционный курс Франции и через ее посредство всему континенту. Образование в настоящий момент наполеоновской Империи является только венцом длинного ряда побед контрреволюции, заполнивших три последние года. Следует ожидать, что, попав однажды на наклонную плоскость, Франция будет катиться вниз, пока не достигнет дна. Насколько она близка ко дну, сказать не легко, но то, что она стремительно приближается к нему, видно каждому. И если прошлая история Франции не будет опровергнута будущими действиями французского народа, то мы можем спокойно ожидать, что чем глубже падение, тем неожиданнее и тем поразительнее будут его последствия. События в наше время следуют одно за другим с поразительной быстротой, и то, для чего прежде нации требовалось целое столетие, в настоящее время легко совершается в несколько лет. Старая Империя продержалась четырнадцать лет; императорскому орлу чрезвычайно повезет, если это возрожденное в самом жалком виде произведение искусства продержится столько же месяцев. А затем?

II

На первый взгляд может показаться, что в настоящий момент Луи-Наполеон правит во Франции как неограниченный властитель, что, пожалуй, единственная власть, которая существует помимо его собственной, это власть придворных интриганов, осаждающих его со всех сторон и вступающих в заговор друг против друга для того, чтобы целиком завладеть милостью французского самодержца и приобрести безраздельное влияние на него. Но в действительности дело обстоит совершенно иначе. Весь секрет успеха Луи-Наполеона заключается в том, что благодаря традиции, связанной с его именем, он оказался в состоянии сохранить на короткое время *равновесие борющихся классов французского общества.* Ибо на деле под покровом осадного положения, поддерживаемого военным деспотизмом, — покровом, который ныне наброшен на Францию, — борьба между различными классами общества продолжается с еще большим ожесточением, чем когда-либо. Эта борьба, которая велась последние четыре года с помощью пороха и пушечных ядер, приняла теперь лишь другую форму. Подобно тому как затяжная война истощает и изматывает даже самую могущественную нацию, так и открытые кровавые битвы последних лет измотали различные классы и привели к временному истощению их *военных* сил. Но война между классами происходит независимо от того, ведутся или нет действительные военные действия, и она не всегда нуждается в баррикадах и штыках для своего ведения; война между классами не угаснет до тех пор, пока существуют различные классы с противоположными, взаимно сталкивающимися интересами и различным социальным положением, а мы еще не слыхали, чтобы во Франции со времени святого пришествия фальшивого Наполеона исчезли среди ее населения крупные землевладельцы и сельскохозяйственные рабочие, или metayers*, крупные ростовщики

* — издольщики. *Ред.*

и мелкие, обремененные ипотечным долгом крестьяне, капиталисты и рабочие.

Положение различных классов во Франции таково: февральская революция навсегда ниспровергла власть крупных банкиров и биржевых дельцов; после их падения для каждого из остальных классов городского населения приходило его время: сначала для рабочего класса в дни первого революционного возбуждения, затем для мелкобуржуазных республиканцев при Ледрю-Роллене, затем для республиканской фракции буржуазии при Кавеньяке, наконец, для объединенной монархической буржуазии при покойном Национальном собрании. Ни один из этих классов не в состоянии был прочно овладеть властью, которая на мгновенье оказывалась в его руках. А когда позднее вновь начался раскол между монархистами-легитимистами, или земельной аристократией, и монархистами-орлеанистами, или финансовой аристократией, казалось неизбежным, что власть снова ускользнет из их рук и опять перейдет в руки рабочего класса, от которого можно было ожидать, что он на этот раз сумеет воспользоваться ею надлежащим образом. Но имелся еще и другой сильный класс во Франции, сильный отнюдь не благодаря крупной индивидуальной собственности своих членов, но благодаря своей численности и благодаря самим своим нуждам. Этот класс — мелкие крестьяне, обремененные ипотечным долгом, — составляя по крайней мере три пятых французской нации, был, как и всякое сельское население, тяжел на подъем, чтобы действовать самому или поддаться воздействию извне; он цеплялся за свои старые традиции, относился с недоверием к премудростям апостолов всех партий из городов; вспоминая, что ему жилось привольно, что он был свободен от долгов и сравнительно богат во времена императора, он передал с помощью всеобщего избирательного права исполнительную власть в руки его племянника. Активная агитация социально-демократической -партии и, гораздо больше, разочарование, которое уже вызвали среди крестьян мероприятия Луи-Наполеона, побудили часть этого класса перейти в ряды красной партии; но масса этого класса упорно держалась своих традиций и утверждала, что если Луи-Наполеон еще не показал себя тем мессией, которого надеялись обрести в его лице, то в этом повинно Национальное собрание, которое связывало ему руки. Кроме массы крестьянства, Луи-Наполеон, будучи сам образцом высокопоставленного фешенебельного мошенника и окруженный сливками фешенебельных светских мошенников, нашел поддержку в наиболее опустившейся и развращенной части городского населения. Из этого многочисленного элемента

он составил оплачиваемую организацию под названием Общество 10 декабря. Итак, опираясь на крестьянство во время голосования, на всякий сброд, используемый для шумных демонстраций, на армию, всегда готовую свергнуть правительство парламентских болтунов, принимая позу выразителя воли рабочего класса, он мог спокойно ждать того момента, когда распри в буржуазном парламенте позволят ему выступить и присвоить себе более или менее абсолютную власть над темя классами, из которых ни один, после четырех лет кровавой борьбы, не оказался достаточно сильным, чтобы установить свое прочное господство. Так он и поступил 2 декабря прошлого года.

Итак, царствование Луи-Наполеона не положило конец войне между классами. Оно только на время прекратило кровавые взрывы, которыми время от времени ознаменовывались попытки того или иного класса захватить или удержать политическую власть. Ни один из этих классов не был достаточно сильным, чтобы отважиться на новое сражение с каким-либо шансом на успех. Само наличие раскола между классами временно благоприятствовало планам Наполеона. Он уничтожил буржуазный парламент и подорвал политическое могущество буржуазии; разве не должны были пролетарии радоваться этому? И в самом деле, можно ли было ожидать от пролетариев, что они будут сражаться за Собрание, которое было их смертельным врагом? Но в то же время узурпаторские действия Луи-Наполеона угрожали общему полю битвы всех классов и последней выгодной позиции рабочего класса — республике; и вот, как только рабочие стали на защиту республики, буржуазия ради нанесения удара врагу всего общества — рабочему классу — присоединилась к тому самому человеку, который только что оттеснил ее. Так было в Париже, так было в провинции, — и армия легко одержала победу над борющимися и враждующими классами; а после победы в ход были пущены голоса миллионов крестьян, настроенных в пользу империи, и при помощи официальной фальсификации выборов было установлено правление Луи-Наполеона, как правление, отвечающее якобы почти единодушному желанию Франции.

Но даже теперь классовая борьба и классовые интересы составляют подоплеку каждого важного мероприятия Луи-Наполеона, как мы это увидим в нашей следующей статье.




Vol. II.] *Saturday, March 27,* 1852. [*No.* 48.

NOTES

TO

THE PEOPLE.

BY

ERNEST JONES,

OF THE MIDDLE TEMPLE, BARRISTER AT LAW,

Author of the Wood Spirit, Lord Lindsay, My Life, History of the Working Classes, Confessions of a King, Recollections of a Student, The New World, Beldagon Church, Painter of Florence, Canterbury versus Rome. &c., &c.

PRICE TWOPENCE.

Read in this Number "Current Notes, No. 1."

Read in this Number "Chartist Reports, 1."

CONTENTS:

London:

J. PAVEY, 47, HOLYWELL STREET.

1852.



Green & Co., Printers, 32, Castle Street, Holborn.

Read in this Number "Continental Notes."

Титульный лист журнала «Notes to the People»,
в котором была опубликована статья Ф. Энгельса
«Действительные причины относительной пассивности
французских пролетариев в декабре прошлого года»

III

Мы повторяем: Луи-Наполеон пришел к власти потому, что открытая война, которая велась в течение последних четырех лет между различными классами французского общества, истощила их, ослабила боевые силы каждого из них; он пришел к власти и потому еще, что при подобных обстоятельствах борьба между этими классами, по крайней мере временно, могла вестись только мирным и легальным путем — посредством конкуренции, профессиональных организаций и всех других средств мирной борьбы, с помощью которых в Англии вот уже столетие один класс оказывает сопротивление другому. При таких обстоятельствах все борющиеся классы как бы заинтересованы, если можно так выразиться, в том, чтобы существовало так называемое *сильное правительство,* способное подавлять и сдерживать все мелкие, местные и распыленные вспышки открытой войны, которые, не приводя ни к каким результатам, нарушают развитие борьбы в ее новой форме, задерживая процесс накопления сил для нового решительного боя. Это обстоятельство некоторым образом может объяснить неоспоримый факт всеобщей покорности французов нынешнему правительству. Сколько времени пройдет, пока и рабочий класс и класс капиталистов снова наберутся достаточных сил и достаточной уверенности в себе, чтобы выступить и открыто потребовать, каждый для себя, диктатуры над Францией, никто, конечно, сказать не может; но при быстроте развития современных событий каждый из этих классов, по всей вероятности, неожиданно окажется на поле битвы, и таким образом борьба класса против класса на улице может возобновиться гораздо раньше, чем это можно предположить, судя по относительной или абсолютной силе сторон. Ибо если революционная партия Франции, т. е. партия рабочего класса, должна будет ждать повторения для нее того же соотношения сил, какое было в феврале 1848 г., то ей придется обречь себя на десятилетие

покорности и бездействия, на что она, разумеется, не пойдет. В то же время правительство, подобное правительству Луи-Наполеона, поставлено перед необходимостью, как мы это еще не раз увидим, вовлекать себя и Францию в такие затруднения, которые в конечном счете должны быть разрешены посредством крупного революционного взрыва. Мы уж не будем говорить о возможности войны или о других событиях, которые могут произойти или не произойти; мы только упомянем одно событие, наступление которого так же неотвратимо, как неотвратим восход солнца по утрам, — это всеобщее торговое и промышленное потрясение. Тяжелое состояние промышленности и торговли и плохой урожай 1846 и 1847 гг. привели к революции 1848 года. Десять шансов против одного, что в 1853 г. промышленность и торговля во всем мире испытают гораздо более глубокое потрясение и гораздо дольше будут находиться в состоянии расстройства чем когда-либо раньше[113]. И найдется ли кто-нибудь, кто полагает, что корабль, которым управляет Луи-Наполеон, достаточно прочен, чтобы противостоять бурям, которые тогда неизбежно разразятся?

Но обратимся к положению, в котором оказался ублюдок орла в день своей победы. Его поддерживали армия, духовенство и крестьянство. Его поползновениям противодействовали буржуазия (включая крупных земельных собственников) и социалисты, или революционные рабочие. Оказавшись во главе правительства, он тут же должен был не только удержать те круги, которые привели его к власти, но и привлечь на свою сторону или, по крайней мере, насколько возможно примирить с новым порядком вещей тех, кто до сих пор ему противодействовал. Что касается армии, духовенства, правительственных чиновников и членов той заговорщической шайки карьеристов, которыми он давно уже окружил себя, то тут требовались только непосредственный подкуп, наличные деньги, открытый грабеж государственных средств. И мы видели, с какой быстротой Луи-Наполеон либо расплатился наличными, либо подыскал для своих друзей такие должности, которые предоставили им великолепную возможность мгновенного обогащения. Взгляните на де Морни: он был назначен на свой пост нищим, раздавленным тяжестью долгов, а четыре недели спустя уже разгуливал, уплатив долги и владея к тому же суммой, которую даже в окрестностях Белгрейв-сквера[114] назвали бы приличным состоянием! Но иметь дело с крестьянством, с крупными земельными собственниками, с держателями государственных ценных бумаг, с банкирами, промышленниками, судовладельцами, коммерсантами, мелкими буржуа и,

наконец, с наиболее грозным вопросом нашего века, с рабочим вопросом, — это было совсем другое дело. Несмотря на все меры, принятые правительством, чтобы принудить всех к молчанию, интересы различных классов все же оставались столь же противоположными, как и всегда, хотя больше уже не существовало ни печати, ни парламента, ни трибуны собраний, где можно было бы заявить об этом неприятном факте; таким образом, все, что бы правительство ни пыталось делать для одного класса, неизбежно задевало интересы другого. Что бы Луи-Наполеон ни предпринимал, перед ним всюду вставал вопрос: «Кто оплачивает счет?», — вопрос, который привел к свержению большее число правительств, чем все другие вопросы—о милиции, реформах и т. п.,—вместе взятые. И хотя Луи-Наполеон уже заставил своего предшественника, Луи-Филиппа, оплатить добрую часть этих счетов[115], все же осталось еще много подлежащих оплате.

В дальнейшем мы приступим к обзору положения различных классов французского общества и выясним, имеются ли в распоряжении настоящего правительства средства для улучшения этого положения. В то же время мы рассмотрим, какие попытки были предприняты этим правительством и, вероятно, будут предприняты позже с этой целью, и таким образом соберем материалы, из которых можно будет вывести правильное заключение относительно положения и видов на будущее человека, который в настоящее время делает все от него зависящее, чтобы обесславить имя Наполеона.

Написано Ф. Энгельсом
в феврале — начале апреля 1852 г.

Напечатано в газете «Notes to the People»
№№ 43, 48 и 50; 21 февраля,
27 марта и 10 апреля 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ «KOLNISCHE ZEITUNG»

Автор корреспонденции, помеченной: Париж, 25 февраля, в «Kolnische Zeitung»[116] № 51 пишет по поводу так называемого немецко-французского заговора[117] следующее:

«Несколько обвиняемых скрылись, среди них некий А. Майер, которого изображают как *агента Маркса и компании...»*

Лживость этого изображения, наделяющего меня не только «компаньонами», но и «агентом», явствует из следующих фактов. А. Майер, один из интимнейших друзей г-на К. Шаппера и бывшего прусского лейтенанта Виллиха, был счетоводом в руководимом ими Эмигрантском комитете[118]. Об отъезде этого совершенно чужого для меня субъекта из Лондона я узнал только из письма одного моего женевского друга, который сообщил мне, что некий А. Майер обрушивается на меня с самыми нелепыми обвинениями. Из французских газет я узнал, наконец, что этот А. Майер — «политическая фигура».

Лондон, 3 марта 1852 г.

Карл Маркс

Напечатано в «Kolnische Zeitung» №57, 6 марта 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЕЛИКИЕ МУЖИ ЭМИГРАЦИИ [119]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в мае — июне 1852 г.

Впервые опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга V, 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

I

«Воспой, дух бессмертный, грешных людей искупленье»[120]... через Готфрида Кинкеля.

Готфрид Кинкель родился лет сорок тому назад. Жизнь его описана в автобиографии: «Готфрид Кинкель. Правда без вымысла. Биографический очерк». Издана Адольфом Штродтманом (Гамбург, Гофман и Кампе, 1850, in 8°)[121].

Готфрид является героем демократического зигвартовского периода[122], породившего в Германии столь беспредельную патриотическую тоску и слезоточивую скорбь. Дебютировал он в качестве посредственного лирического Зигварта.

Характерные для дневника растянутость и бессвязность, с которой его земное существование преподносится читателю, так же как и назойливую развязность сих откровений следует отнести на счет апостола Штродтмана, «компилятивному изложению» которого мы следуем.

Бонн. Февраль — сентябрь 1834

«Юный Готфрид вместе со своим другом Паулем Целлером изучал евангелическую теологию и снискал трудолюбием и благочестием уважение своих знаменитых учителей» (Зака, Ницша и Блека) (стр. 5).

С самого же начала он предстает перед нами «явно погруженным в серьезные размышления» (стр. 4), «опечаленным и мрачным» (стр. 5), совсем как это подобает grand homme en herbe*. «Карие, сверкающие мрачным огнем очи Готфрида следили» за несколькими буршами «в коричневых фраках и светло-голубых плащах». Готфрид тотчас же ощутил, что бурши эти

* — будущему великому человеку. *Ред.*

«стремились прикрыть внутреннюю пустоту внешним блеском» (стр. 6). Его нравственное негодование объясняется тем, что Готфрид «защищал Гегеля и Мархейнеке», в то время как эти бурши обозвали последнего «тупицей». Впоследствии, когда кандидат теологии явился в Берлин на предмет продолжения занятий и должен был сам чему-нибудь научиться у Мархейнеке, он записал в своем дневнике в его адрес следующее художественное изречение (стр. 61):

«Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вкруг цветет роскошный луг зеленый»[123].

Готфрид позабыл здесь, правда, о другом изречении, в котором Мефистофель подтрунивает над жаждущим познания учеником:

«Презри лишь разум и науку!»[124]

Вся эта назидательная студенческая сценка служит, между тем, лишь вступлением к тому, чтобы дать будущему освободителю мира повод для следующего откровения (стр. 6).

И сказал Готфрид:

«И все же этому поколению но погибнуть, если не быть войне... Лишь сильно действующими средствами можно помочь нашему захиревшему веку!».

А друг его ответствовал:

«Новый потоп и ты в нем подобно Ною, но во втором, исправленном издании».

Таким образом, светло-голубые плащи настолько способствовали развитию Готфрида, что он мог провозгласить себя *«Ноем* нового потопа». Друг его делает по этому поводу следующее замечание, которое можно было бы поставить эпиграфом к самой биографии:

«Мы с отцом частенько посмеивались втихомолку над твоим *пристрастием к неясным понятиям!»*

Во всех этих откровениях прекрасной души повторяется только одно «ясное понятие» — Кинкель уже в зародышевом состоянии был великим человеком. Самые обыденные вещи, происходящие со всеми заурядными людьми, становятся у него многозначительными событиями. Ничтожные горести и радости, переживаемые каждым кандидатом теологии в более интересной форме, столкновения с мещанской обстановкой, десятками

наблюдаемые во всяком интернате и всякой консистории Германии, становятся у него роковыми событиями мирового значения, по поводу которых преисполненный мировой скорби Готфрид непрестанно разыгрывает комедию.

Семья друга Пауля покидает Бонн и возвращается в Вюртемберг. Готфрид инсценирует это событие следующим образом. Готфрид любит сестру Пауля и возвещает при этом, что он «любил уже дважды». Но теперешняя любовь его — не какая-нибудь обыкновенная любовь, а «ревностное и истинное почитание бога» (стр. 13). В сопровождении друга Пауля Готфрид совершает восхождение на Драхенфельс и на фоне этой романтической декорации разражается следующим дифирамбом:

«Прощай, дружба, — во Спасителе найду я брата! Прощай, любовь,— невестой моей будет вера! Прощай, привязанность сестры,—я войду в многотысячную общину праведников! Выйди же, о мое юное сердце, и научись быть наедине с твоим богом и борись с ним, пока не одолеешь его и не наречет он тебя новым именем, именем священного Израиля, неведомого никому, кроме обретающего его! Привет тебе, величаво восходящее солнце, отражение моей пробуждающейся души!» (стр. 17).

Итак, расставанье с другом служит для Готфрида поводом воспеть восторженный гимн своей собственной душе. Однако этого недостаточно — Другу также полагается петь в унисон. Во время этого восторженного излияния Готфрид говорит «приподнятым голосом, чело его пылает», он «забывает о присутствии своего друга», «взгляд его сияет радостью», «возгласы его исполнены восторга» и т. д. (стр. 17) — словом, инсценируется все ветхозаветное явление Ильи-пророка.

«С грустной улыбкой посмотрел на него Пауль преданными очами и молвил: «В груди твоей бьется более мужественное сердце, нежели в моей, — ты, *конечно, превзойдешь меня,* — но позволь мне оставаться твоим другом и вдали от тебя». Готфрид с радостью пожал протянутую ему руку и возобновил старый союз» (стр. 18).

В этой сцене горнего преображения Готфрид добился, чего хотел. Друг Пауль, недавно еще посмеивавшийся над «пристрастием Готфрида к неясным понятиям», склоняется перед именем «священного Израиля» и признает превосходство и будущее величие Готфрида. Готфрид ликует и с дружеской снисходительностью возобновляет старый союз.

* * *

Перемена декорации. День рождения матери Кинкеля, супруги оберкассельского пастора Кинкеля. Семейное торжество дает повод возвестить о том, что, «подобно матери

Спасителя, почтенная мать семейства именовалась Марией» (стр. 20), — несомненное предзнаменование того, что Готфрид также призван быть спасителем и искупителем мира. Таким образом, студент теологии на протяжении первых же двадцати страниц изображается в связи с ничтожнейшими событиями *Ноем, священным Израилем, Ильей* и, наконец, *Христом.*

* * *

Готфрид, который в сущности ничего не переживает, естественно, в ходе переживаемого непрерывно копается в своих внутренних ощущениях. Пиетизм, свойственный ему как сыну проповедника и будущему богослову, вполне соответствует как врожденной слабости его духа, так и кокетливой возне с собственной особой. Мы узнаем, что мать и сестра отличались суровым благочестием и что Готфрид был преисполнен сознанием своей греховности. Конфликт этого богобоязненного воззрения на греховность с «веселым жизнерадостным времяпрепровождением» обыкновенных студентов становится у Готфрида, сообразно его всемирно-историческому призванию, борьбой религии и поэзии, и кружка пива, выпиваемая сыном оберкассельского пастора в компании других студентов, превращается в ту роковую чашу, в которой борются обе души Фауста. Из описания набожной семейной жизни мы узнаем, как «матерь Мария» борется с «греховным влечением Готфрида к театру» (стр. 28), — многозначительная раздвоенность, которая опять-таки должна предуказывать будущего поэта, в действительности же лишь обнаруживает пристрастие Готфрида к актерскому кривлянью. О его сестре Иоганне позднее отзывались как о пиетистской мегере и говорили, что она однажды дала пощечину пятилетней девочке за то, что та была невнимательной в церкви, — грязная семейная история, разглашение которой было бы непопятно, если бы в конце книги не оказалось, что именно эта сестра Иоганна ревностнее всех восставала против брака Готфрида с г-жой Моккель.

Как о событии, упоминается о том, что в Зельшейде Готфрид произнес «великолепную проповедь на тему об увядающем пшеничном зерне».

* * *

Семья Целлеров и «возлюбленная Элиза», наконец, уезжают. Мы узнаем, что Готфрид «горячо сжал руку девушки» и ласково прошептал ей: «Элиза, прощайте! Больше я ничего не смею сказать». За этой интересной повестью следует первое зигвартовское стенание:

«Уничтоженный!» «Безмолвный?» «Безутешная надорванность!» «Пылающее чело!» «Глубочайшие вздохи!» «Безумнейшая боль пронизала его мозг» и пр. и пр. (стр. 37).

Вся сцена в подражанье явлению Ильи-пророка оказывается, таким образом, чистой комедией, разыгранной перед «другом Паулем» и перед самим собой. Пауль также вновь появляется на сцене, чтобы прошептать на ухо одиноко скорбящему Зигварту: «Этот поцелуй моему Готфриду». (стр. 38).

Готфрид возрадовался вновь.

«Тверже чем когда-либо *мое* решение увидеть вновь мою милую, лишь когда я буду ее достоин и *составлю себе имя»* (стр. 38).

И в любовной тоске у него нет недостатка в размышлениях о будущем имени и в щеголянии авансом лавровым венком. Готфрид пользуется этим интермеццо, чтобы с невообразимым хвастовством запечатлеть на бумаге повествование о своей любви, дабы не были утрачены для мира его чувствования, существующие лишь на страницах дневника. Однако главный эффект сцены еще не достигнут. Верный Пауль принужден обратить внимание своего намеревающегося покорить мир наставника на то обстоятельство, что, быть может, впоследствии Элиза, которая остановится в своем развитии, между тем как он сам будет развиваться дальше, перестанет его удовлетворять.

«О нет!» — нарек Готфрид. — «Этот небесный цветок, едва распустивший свои первые лепестки, уже сейчас благоухает так сладко. Что же будет, когда... пламенный летний *луч* мужской *силы* раскроет и *внутренние лепестки цветка!»* (стр. 40).

На это непристойное сравнение Пауль принужден возразить, что доводами рассудка поэта не убедить.

««И все же вся ваша мудрость столь же мало защищает вас от превратностей судьбы, как наше *милое* безумие», — ответил с *улыбкой* Готфрид» (стр. 40).

Что за трогательная картина — улыбающийся самому себе Нарцисс![125] Мешковатый кандидат внезапно выступает в качестве милого безумца, Пауль становится Вагнером[126], восторгающимся великим человеком, а великий человек «улыбается», «он даже улыбается мягко и дружески». Эффект достигнут.

* * *

Готфриду, наконец, удается покинуть Бонн. Достигнутым им там высотам ученой образованности он сам подводит такой итог:

«От гегельянства я, к сожалению, отхожу все дальше и дальше; быть рационалистом — мое самое заветное желание, однако я в то же

время являюсь супернатуралистом и мистиком, а *в случав надобности* даже и пиетистом» (стр. 45).

К этому автопортрету прибавить нечего.

Берлин. Октябрь 1834—август 1835

Из убогой семейной и студенческой обстановки Готфрид попадает в Берлин. Однако никаких следов влияния условий жизни большого города, — по крайней мере по сравнению с Бонном, — никаких признаков участия в тогдашнем научном движении мы не находим. Записи в дневнике Готфрида отмечают лишь душевные волнения, переживаемые им совместно с новым compagnon d'aventure*, Гуго Дюнвегом из Бармена, а также мелкие неприятности бедного богослова, денежные затруднения, потертые фраки, устройство в качестве рецензента и пр. Жизнь его протекает совершенно вне всякой связи с общественной жизнью города; она ограничивается исключительно кругом семьи Шлёссинг, в котором Дюнвег преспокойно сходит за *мейстера Вольфрама***, а Готфрид—за *мейстера Готфрида, Страсбургского* (стр. 67). Образ Элизы в его сердце бледнеет все больше и больше; Готфрид испытывает новое пикантное влечение к фрейлейн Марии Шлёссинг; к тому же он на беду узнает о помолвке Элизы с другим и в конце концов резюмирует свои берлинские настроения и стремления в *«неясной* тоске по женскому существу, которое *полностью* принадлежало бы ему».

Однако нельзя же покинуть Берлин без непременного театрального эффекта.

«Перед тем как ему. покинуть Берлин, старый Вейс» (режиссер) *«еще раз* ввел его внутрь театра. Странное чувство овладело юношей, когда приветливый старец, указывая на несколько пустых ниш в огромном зале, в котором были расставлены бюсты немецких драматургов, многозначительно сказал:

«Еще есть свободные места!»»

Место для платеновского последыша Готфрида, столь невозмутимо принимающего от старого скомороха воскуривание фимиама по поводу «будущего бессмертия», — это место действительно еще не занято.

Бонн. Осень 1835—осень 1837

«Постоянно охваченный колебаниями между искусством, жизнью и наукой, работая во всех трех областях без определенных стремлений, он надеялся в каждой из них познать, достигнуть и даже создать столько, сколько возможно было при его нерешительности» (стр. 89).

---

* — компаньоном по похождениям. *Ред.*

** Вольфрама фон Эшенбаха. *Ред.*

С сознанием того, что он является нерешительным дилетантом, Готфрид возвратился в Бонн. Ощущение собственного дилетантизма не помешало, разумеется, ему сдать экзамен на степень лиценциата и стать приват-доцентом Боннского университета.

«Ни Шамиссо, ни Кнапп не приняли посланных им стихотворении в издаваемые ими альманахи[127], и это его очень огорчало» (стр. 99).

Таковы первые попытки дебютировать на общественном поприще великого мужа, который в частном кругу все время живет в кредит под духовное обеспечение своего будущего величия. С этого момента он окончательно становится сомнительной местной величиной литературных студенческих кружков, пока причинивший ему легкое ранение выстрел в Бадене не производит его внезапно в герои немецкого мещанства.

«В груди Кинкеля все больше и больше пробуждалась тоска по постоянной и верной любви — тоска, которую невозможно было заглушить никакой работой» (стр. 103).

Первой жертвой этой тоски явилась некая Минна. Готфрид заигрывал с Минной и для разнообразия иногда выступал в качестве сострадательного Махадевы[128], позволяющего деве боготворить его и при этом размышляющего о ее здоровье.

«Кинкель мог бы ее полюбить, если бы он был в состоянии обманываться насчет ее положения; но *любовь* его могла бы лишь ускорить *гибель* увядающей розы. Минна была первой девушкой, которая могла его понять; но она была бы для него второй Гекубой, рождающей не детей, а факелы, и пламя родителей сожгло бы через детей собственный дом, подобно тому как сгорела приамова Троя. Однако он не мог от нее оторваться, сердце его обливалось кровью из-за нее, он *страдал не от любви, а от сострадания».*

Божественный герой, любовь которого, как лицезрение Юпитера, смертоносна, в действительности только пошлый, постоянно занятый собой фат, который при выборе невесты впервые пробует выступить в роли сердцееда. Больше того, тошнотворные рассуждения о болезненном состоянии и его последствиях для возможных детей превращаются в подлый расчет, поскольку связь эту он не прекращает, черпая в ней полное внутреннее самоудовлетворение, и лишь тогда прерывает ее, когда она дает ему повод для новой мелодраматической сцены.

Готфрид отправляется к одному из своих дядюшек, у которого только что умер сын. У самого гроба, в жуткий полуночный час, разыгрывает он со своей кузиной, мадемуазель Элизой **II,** сцену во вкусе опер Беллини: обручается с ней «в присутствии покойника» и на следующее утро благополучно принимается дядюшкой в качестве будущего зятя.

«Он часто также думал о Минне и о том мгновении, когда он должен будет вновь увидеть ее, навеки для нее потерянный; однако он не страшился этого мгновения, ибо она не могла предъявлять никаких притязаний на сердце, которое уже отдано другой» (стр. 117).

Новое обручение преследовало лишь одну цель — привести отношения с Минной к драматической коллизии, в которой сталкиваются «долг и страсть». Коллизия эта проводится с подлинно филистерской низостью: добропорядочный мещанин даже перед самим собой отрицает законность притязания Минны на его сердце, которое «уже отдано другой». Добродетельного мужа, конечно, нисколько не смущает то обстоятельство, что даже этот трусливый самообман держится только на позднейшей подтасовке сроков «отдания сердца».

И Готфрид оказывается перед интересной необходимостью разбить «бедное большое сердце».

«После паузы Готфрид продолжал: «В то же время я чувствую, что должен, милая Минна, попросить у Вас прощения, — быть может, я согрешил перед Вами... Минна, рука эта, которую я Вам вчера так приветливо подал, — эта рука более не свободна — я обручен!»» (стр. 123).

Мелодраматический кандидат теологии остерегается, однако, сказать ей, что обручение это произошло спустя несколько часов после того, как он ей «так приветливо» подал руку.

«О боже!.. Минна, можете ли Вы простить меня?» (там же). «Я мужчина и должен оставаться верным своему *долгу,* — я не *должен* любить Вас! Но я Вас не обманывал» (стр. 124).

После того как появился этот задним числом подстроенный добродетельный долг, остается только прибегнуть к невероятному, эффектно обернуть всю ситуацию, сделав так, что не Минна прощает его, а высоконравственный святоша прощает обманутую. С этой целью измышляется возможность того, что Минна «станет ненавидеть его издали», и к этому предположению пристегивается, в заключение, нижеследующая мораль:

««Это я Вам охотно прощаю, и если это случится, Вы можете быть заранее уверены в моем прощении. А теперь прощайте! Мой долг призывает меня, я вынужден покинуть Вас». И он медленным шагом вышел из беседки... С этого часа Готфрид почувствовал себя несчастным» (стр. 124).

Комедиант и мнимый любовник превращается в лицемерного святошу, с елейным всепрощающим видом выпутывающегося из положения. Посредством выдуманных любовных осложнений Зигварт благополучно доходит до того, что может воображать себя несчастным.

В конце концов выясняется, что все эти вымышленные любовные перипетии — не что иное, как кокетливая рисовка Готфрида перед самим собой. Все дело сводится к тому, что

мечтающий о своем будущем бессмертии святоша перемешивает ветхозаветные сказания с модными фантазиями в духе Шписса, Клаурена и Крамера из «Библиотеки для чтения» и наслаждается, воображая себя романтическим героем.

«Роясь в своих книгах, он наткнулся на новалисовского «Офтердингена»[129], который еще за год до того так часто его вдохновлял на поэтическое творчество. Еще когда он гимназистом вместе с несколькими товарищами основал кружок под названием «Тевтония», члены которого ставили своей целью сообща добиться понимания немецкой истории и литературы, он Принял псевдоним *Генриха фон Офтердингена...* Теперь для него стало ясным значение этого имени. Он *казался самому себе тем Генрихом* в милом городке у подножья Вартбурга, и тоска по *«голубому цветку»* охватила его с неудержимой силой. Но не Минне суждено было стать сияющим цветком из сказки и не его невесте, как ни вопрошал он свое сердце. Погрузившись в мечтания, он жадно продолжал читать, причудливый волшебный мир овладел им, и, наконец, он с плачем бросился в кресло, тоскуя по *«голубому цветку»»*.

Тут Готфрид выдает всю романтическую ложь, в которую он облекся; склонность к маскараду, стремление рядиться в чужие одежды — вот в чем, оказывается, его подлинная «внутренняя сущность». Подобно тому как он раньше называл себя Готфридом Страсбургским, так теперь он выступает в роли *Генриха фон Офтердингена,* и ищет он вовсе не «голубой цветок», а особу прекрасного пола, которая признала бы его в этой роли. Такой «голубой цветок», хотя и несколько увядший, он нашел в конце концов в некоей особе, разыгравшей с ним в его и своих интересах желанную комедию.

Эта ложная романтика, эта пародия и карикатура на старые сказания и приключения, которые Готфрид, за недостатком собственных дарований, *копирует* у других — весь этот чувственный обман беспочвенных коллизий с Мариями, Миннами, Элизами I и II завел его так далеко, что ему кажется, будто он достиг высот гётевских переживаний. Подобно тому как Гёте после своих любовных бурь внезапно отправляется в Италию и там пишет свои «Элегии», так и Готфрид, после воображаемого опьянения любовью, считает себя теперь тоже вправе совершить путешествие в Рим. Гёте предчувствовал появление Готфрида:

«Ведь даже у кита есть вши, —
Так мне ли быть от них свободным?»[130]

Италия. Октябрь 1837—март 1838

Путешествие в Рим открывается в дневнике Готфрида пространным описанием переезда от Бонна до Кобленца.

Новый период начинается совершенно так же, как закончился предыдущий, а именно — всесторонним применением

чужих переживаний к собственной особе. На пароходе Готфрид припоминает «великолепный штрих Гофмана», который «заставляет своего мейстера Иоганнеса Вахта создать высокохудожественное произведение непосредственно после того, как он пережил величайшее горе»[131]. В подтверждение этого «великолепного штриха» Готфрид после «величайшего горя» по поводу Минны погружается в *«размышления о давно задуманной* трагедии» (стр. 140).

Во время путешествия Кинкеля из Кобленца в Рим происходят следующие события:

«Ласковые письма его невесты, которые он часто получал и на которые обычно немедленно отвечал, разогнали мрачные мысли» (стр. 144).

«Любовь к прекрасной Элизе пустила глубокие корни в тоскующей груди юноши» (стр. 146).

* * *

В Риме происходит следующее событие:

«По приезде в Рим Кинкель застал там письмо от невесты, еще более усилившее чувство любви к ней, и образ Минны стал все больше и больше отступать на задний план. Сердце ему подсказывало, что Элиза может сделать его счастливым, и он с чистым восторгом предавался этому чувству... Лишь теперь он научился любить» (стр. 151).

Таким образом, Минна, которую он раньше любил только «из сострадания», вновь появляется на сцене его чувствований. Что касается отношений с Элизой, то он мечтает о том, что Элиза может сделать его счастливым, а не о том, чтобы дать ей счастье. А ведь в мечтах о «голубом цветке» он уже заранее предрекал, что тот сказочный цветок, по отношению к которому его разбирает столь поэтический зуд, не может воплотиться ни в Элизе, ни в Минне. Вновь пробудившиеся в нем чувства по отношению к обеим этим девушкам служат для того, чтобы создать ситуацию для нового конфликта:

«В Италии муза Кинкеля, по-видимому, дремала» (стр. 151).

Почему?

«Потому что ему недоставало еще *формы»* (стр. 152).

Впоследствии мы узнаем, что в результате шестимесячного пребывания в Италии он благополучно привез в Германию *«форму»*. И так как Гёте написал свои «Элегии» в Риме, то Готфрид тоже сочинил элегию «Пробуждение Рима» (стр. 153).

* * *

На квартире у Кинкеля служанка вручает ему письмо от его невесты. С радостью вскрывает он его —

«и, вскрикнув, опускается на свое ложе». «Элиза сообщает ему, что некий доктор Д., состоятельный человек, имеющий обширную практику и даже... верховую лошадь (!), посватался к ней, и так как пройдет еще не мало времени, покуда он, Кинкель, бедный богослов, создаст себе прочное положение, она просит его освободить ее от уз, которые их соединяют».

Законченная реминисценция из «Человеконенавистничества и раскаяния»[132].

Готфрид «уничтожен», «ужасающее окаменение», «сухие очи», «чувство мести», «кинжал», «грудь соперника», «кровь сердца противника», «ледяной холод», «безумная боль» и пр. (стр. 156 и 157).

В этих «горестях и радостях бедного богослова» несчастного кандидата терзает преимущественно мысль о том, что Элиза «пренебрегла» им ради «преходящих земных благ» (стр. 157). После того как Готфрид по всем правилам сценического искусства предается в течение некоторого времени вышеописанным чувствам, он находит, наконец, следующее возвышенное утешение:

«Она была недостойна тебя, —и тебе ведь остаются крылья гения, которые высоко вознесут тебя над этим мрачным горем! *И когда со временем слава твоя облетит земной шар,* тогда изменница в собственном сердце найдет отмщение!.. Кто знает, быть может, пройдут годы, — и *ее дети* придут молить меня о помощи, *и я не хотел бы преждевременно уклоняться от этого»* (стр. 157).

Здесь вслед за неизбежным предвкушением возвышенного наслаждения «будущей славой, которая облетит земной шар», наружу выступает низменный облик ханжи-филистера. Он рассчитывает на то, что, быть может, впоследствии поверженные в нищету дети Элизы придут молить великого поэта о милостыне, — «он не хотел бы преждевременно уклоняться от этого». Почему же? А потому, что «будущей славе», о которой Готфрид постоянно мечтает, Элиза «предпочла верховую лошадь», потому что ради «земных благ» она отвергла шутовскую комедию, которую ему хочется разыгрывать под именем Генриха фон Офтердингена. Еще старик Гегель правильно заметил, что благородное сознание всегда переходит в низменное[133].

Бонн. Лето 1838—лето 1843

(Коварство и любовь)

После того как Готфрид в Италии пародировал в карикатурном виде Гёте, он по возвращении решил разыграть шиллеровское «Коварство и любовь».

Несмотря на истерзанную, снедаемую мировой скорбью душу, Готфрид телесно чувствует себя «лучше, чем когда-либо» (стр. 167). Он замышляет «трудами создать себе литературное имя» (стр. 169), что ему, впрочем, не помешало впоследствии, когда «труды» не доставили ему литературного имени, добыть себе более дешевое имя без труда.

«Смутное томление», с которым Готфрид постоянно гоняется за «существом женского пола», выражается в удивительно быстрой смене обещаний вступить в брак и обручений. Помолвка является классической формой, с помощью которой сильный человек и «будущий» возвышенный ум старается завоевать и привязать к себе возлюбленных. Как только он завидит голубой цветочек, с помощью которого он мог бы сыграть роль Генриха фон Офтердингена, нежные, туманные сентиментальные грезы поэта сгущаются в весьма явственные помышления кандидата дополнить идеальное сродство душ узами «долга». Эта мещанская погоня, в которой обручения чуть ли не после первого знакомства сыпятся на всех маргариток и лилий a tort et a travers*, делает еще более отвратительной ту кокетливую рисовку, с которой Готфрид непрестанно раскрывает сердце, дабы засвидетельствовать свою «великую муку поэта».

Поэтому по возвращении из Италии Готфрид должен, конечно, снова «обручиться». На сей раз предмет его томления прямо указывается ему его сестрицей, той самой Иоганной, пиетистский фанатизм которой уже был увековечен ранее междометиями в дневнике Готфрида.

«Бёгехольд на этих днях как раз объявил о своей помолвке с фрейлейн Кинкель, и Иоганна, назойливее чем когда-либо вмешивавшаяся в сердечные дела брата, в силу ряда причин и семейных соображений, о которых предпочтительнее умолчать, пожелала,- чтобы Готфрид *со своей стороны* женился на сестре ее жениха, фрейлейн Софии Бёгехольд» (стр. 172). «Кинкель» — само собой разумеется — *«безусловно* должен был почувствовать влечение к кроткой девушке... То была милая, невинная девушка» (стр. 173). «С необычайной нежностью»—это тоже само собой разумеется — «стал Кинкель добиваться ее руки, и осчастливленные родители радостно обещали ему ее, как только» — и это само собой разумеется — «он добьется в жизни прочного положения и сможет предоставить своей невесте» — что опять-таки само собой разумеется — «мирный профессорский или пасторский очаг».

Тяготение к браку, проявляющееся во всех приключениях пылкого кандидата, в данном случае вылилось на бумаге в виде следующего изящного стишка:

«Мне в жизни ничего не надо,
Лишь ручка белая нужна».

* — без разбора. *Ред.*

Все остальное—очи, уста, кудри—он считает «суетой».

«Мне этого всего не надо,
Лишь ручка белая нужна!» (стр. 174).

Интрижку, которую он завязывает с фрейлейн Софией Бёгехольд по приказу «назойливой более чем когда-либо сестры Иоганны» и из постоянного щекочущего влечения к «ручке», он называет в то же время «глубокой, прочной и тихой» любовью (стр. 175), и, в частности, «*религиозный* элемент играл большую роль в этой новой любви» (стр. 176).

Дело в том, что в любовных похождениях Готфрида религиозный элемент постоянно чередуется с элементами романическим и театральным. В тех случаях, когда Готфриду не удается путем драматических эффектов выставить себя в новой зигвартовской ситуации, он прибегает к религиозным чувствам, чтобы придать пошленьким историям более высокое значение. Зигварт становится благочестивым Юнг-Штиллингом[134], которому господь даровал столь чудесную силу, что три супруги погибли в его мужских объятиях, а он все еще мог вновь «сочетаться браком» с новой возлюбленной.

* * *

Мы приближаемся, наконец, к роковой катастрофе в этой богатой событиями жизни, к знакомству Штиллинга с *Иоганной Моккель,* разведенной Матьё. В ней Готфрид обрел Кинкеля женского пола, свое романтическое alter ego[*], только потверже, поумнее, менее расплывчатое и ввиду зрелого возраста уже свободное от первых иллюзий.

Общим у Моккель с Кинкелем было то, что оба они не были признаны светом. У нее была отталкивающая и вульгарная наружность; в первом браке она была «несчастлива». Она обладала музыкальным талантом, но недостаточным, чтобы своими произведениями или исполнительским мастерством составить себе имя. В Берлине она потерпела фиаско, когда попыталась подражать устарелым ребячествам Беттины[**]. Испытания ожесточили ее характер. Если она, как и Кинкель, любила становиться в позу и безмерными преувеличениями придавать будничным событиям своей жизни «возвышенный» характер, то у нее с возрастом все же развилась более настоятельная «*потребностью* (по словам Штродтмана) в любви, нежели в поэтических разглагольствованиях о ней. То, что у Кинкеля было в этом отношении женским, у нее стало мужским. Вполне

[*] — второе «я». *Ред.*
[**] Арним. *Ред.*

естественно поэтому, что такая особа с радостью пошла на то, чтобы разыграть с Кинкелем комедию непризнанного прекраснодушия вплоть до взаимноудовлетворяющего конца — признать Зигварта в его роли Генриха фон Офтердингена и позволить ему обрести себя в качестве «голубого цветка».

Сразу же после того, как Кинкель с помощью своей сестры благополучно обручился не то в третий, не то в четвертый раз, Моккель заводит его в новый лабиринт любви.

Готфрид находится в «волнах общества» (стр. 190), т. е. в одном из тех небольших профессорских, или иначе говоря «привилегированных кружков» немецкого университетского городка, какие могут составить веху лишь в жизни христианско-германского кандидата. Моккель поет и наслаждается аплодисментами. За столом Готфрида сажают рядом с ней — и тут разыгрывается следующая сцена.

««Испытываешь, должно быть, восхитительное чувство, — сказал Готфрид, — когда при всеобщем восторге паришь на крыльях гения над радостным миром». — «Так Вам *кажется,* — с волнением возразила Моккель. — Я слышала, что у Вас прекрасный поэтический дар; быть может, Вам *также* станут воскуривать фимиам... и тогда я Вас спрошу, счастливы ли Вы, если Вы не...» —«Если я не?.. — переспросил Готфрид, когда она запнулась» (стр. 188).

Мешковатому кандидату, склонному к лирике, была закинута удочка.

После этого Моккель сообщает ему, что недавно

«слышала его проповедь о скорби Христовой и подумала, насколько прекрасный юноша отрекся от мира, если он даже в ней пробудил тихое томление по невинному сну души, который некогда навевали на нее утраченные звуки веры» (стр. 189).

Готфрид был «очарован» (стр. 189) этой любезностью. Ему было необычайно приятно «убедиться в том, что Моккель несчастлива» (там же). И он тут же решает «своей горячей, вдохновенной верой в спасение через Иисуса Христа» «вновь завоевать... *также* и эту скорбящую человеческую душу» (там же). Так как Моккель католичка, то отношения завязываются под тем вымышленным предлогом, что во имя «служения всемогущему» предстоит завоевать человеческую душу, — комедия, на которую идет также и Моккель.

* * *

«В течение 1840 г. Кинкель был также назначен помощником пастора евангелической общины в Кёльне, куда он стал ездить каждое воскресное утро для чтения проповедей» (стр. 193).

Это замечание биографа побуждает нас сказать несколько слов по поводу позиции Кинкеля в теологии. «В течение 1840 г.»

критика успела уже самым беспощадным образом разложить содержание христианства, научное...* в лице Бруно Бауэра вступило в открытое столкновение с государством. В этот период Кинкель и выступает в качестве проповедника. Но, не обладая, с одной стороны, энергией ортодокса, а с другой, способностью объективно подойти к теологии, он вступает в сделку с христианством посредством сентиментально-лирической декламации à la Круммахер, изображая Христа в качестве «друга и учителя», пытаясь отбросить все «некрасивое» в форме христианства и подменяя его содержание пустой фразеологией. Эта манера подменять содержание формой, мысль — фразой породила в Германии целый ряд попов-декламаторов, которые, естественно, должны были найти свое последнее прибежище в *демократии.* Если в теологии иногда все же требовались хотя бы поверхностные знания, то в демократии пустая фразеология нашла, напротив, свое полное применение — здесь бессодержательная звонкая декламация, nullité sonore**, совершенно вытесняет смысл и понимание вопроса. Кинкель, богословские занятия которого не повели его далее сентиментальных извлечений из христианского учения, изложенных в духе Клаурена, в речах и писаниях своих являл образец этого пастырского краснобайства, которое иногда также именовалось «поэтической прозой» и которым он курьезным образом пытался обосновать свое «поэтическое призвание». Его поэтическое творчество состояло, впрочем, [не]*** в насаждении подлинных лавров, а в разведении волчьих ягод, которыми он украшал свою торную дорожку. Та же слабохарактерность, стремление разрешать конфликты не по существу, а посредством удобной формы, проявляется и в его позиции в качестве доцента университета. Он уклоняется от борьбы со старым профессиональным педантизмом тем, что держится «как бурш», благодаря чему доцент превращается в студента, а студент возвышается до приват-доцента. Из этой школы и вышло целое поколение Штродтманов, Шурцев и подобных им субъектов, которые смогли в конце концов применить свою фразеологию, свои познания и свое легковесное «высокое призвание» только в лоне демократии.

* * *

Новые любовные отношения приняли теперь характер сказочки о петушке, курочке**** и яичке.

---

* Далее в рукописи зачеркнуты слова: «движение», «критика». *Ред.*

** — пустозвонство. *Ред.*

*** Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

**** В оригинале игра слов: слова «Hinkel» — «петушок», «Gockel» — «курочка» созвучны фамилиям Kinkel, Mockel. *Ред.*

1840 год явился поворотным пунктом в истории Германии. С одной стороны, критическое применение философии Гегеля к теологии и политике революционизировало науку; с другой стороны, с вступлением на престол Фридриха-Вильгельма **IV** началось движение буржуазии, конституционалистские стремления которой выглядели в то время еще вполне радикальными. От туманной «политической поэзии» того времени совершился переход к новому явлению — революционному могуществу периодической печати.

Что же делал в это время Готфрид? Моккель основала вместе с ним «Maikafer, eine Zeitschrift fur Nicht-Philister»* и «Союз майских жуков». Листок этот

«имел целью лишь доставлять раз в неделю тесному дружескому кругу веселый, и приятный вечер, а также давать участникам возможность представлять свои произведения на суд благожелательных и любящих искусство критиков» (стр. 219).

Действительной целью «Союза майских жуков» было разрешение загадки о голубом цветке. Заседания происходили в доме Моккель и должны были в кругу заурядных, занимающихся беллетристикой студентов возвеличить Моккель в роли «королевы» (стр. 210), а Кинкеля в роли «министра» (стр. 255). Обе непризнанные прекрасные души нашли возможность вознаградить себя сторицей в «Союзе майских жуков» за «несправедливость, причиненную им бездушным светом» (стр. 296). Они могли воздавать друг другу должное в избранных ими ролях Генриха фон Офтердингена и голубого цветка, и Готфрид, у которого выступление в чужих ролях стало второй натурой, должен был чувствовать себя счастливым, когда ему, наконец, удалось создать настоящий *«любительский театр»* (стр. 254).

Сама эта шутовская комедия служила вместе с тем вступлением к практическим действиям:

«Вечера эти дали ему возможность посещать Моккель также в доме ее родителей» (стр. 212).

Прибавим к этому, что «Союз майских жуков» был подражанием гёттингенскому «Союзу рощи»[135], с той только разницей, что последний составил целую эпоху в развитии немецкой литературы, между тем как «Союз майских жуков» остался лишенной всякого значения провинциальной карикатурой. Согласно признанию самого биографа-апологета, «верные майские жуки» (стр. 254) в лице Себастьяна Лонгарда, Лео Хассе, К. А. Шлёнбаха и других были бесцветными, пошлыми, ленивыми и пустыми буршами (стр. 211 и 298).

* — «Майский жук, журнал для не-филистеров». *Ред.*

* * *

Готфрид, разумеется, вскоре стал «мысленно сравнивать» (стр. 221) свою невесту и Моккель, но «пока что не имел времени для» — в общем столь привычного для него — «прозаического размышления по поводу свадьбы и брака» (стр. 219). Словом, он, подобно буриданову ослу, находился в нерешительности между двумя охапками сена. Однако Моккель, умудренная опытом и обладавшая более практическими наклонностями, «ясно узрела невидимые узы» (стр. 225); она решила прийти на помощь «случаю или божественному предначертанию» (стр. 229).

«Однажды, в такое время дня, когда научные преподавательские занятия обычно не позволяли Готфриду видеться с Моккель, он отправился к ней и, тихо подойдя к ее комнате, услышал звуки жалобного пения. Он стал внимать песне:

«Ты близишься, и мне как будто
Заря обвеяла чело» и т. д. и т, д.
«Неизреченные страданья, —
Увы, тебе они чужды!»

Длительный и печальный аккорд заключил ее пенье и медленно замер в воздухе» (стр. 230 и 231).

Готфрид незаметно, как ему казалось, выскальзывает обратно; придя домой, он находит, что создалась весьма интересная ситуация, и начинает писать отчаянные сонеты, в которых сравнивает Моккель с Лорелеей[136] (стр. 233). Чтобы скрыться от Лорелеи и сохранить верность фрейлейн Софии Бёгехольд, он пытается найти место преподавателя в Висбадене, но получает отказ. К вышеописанному случаю прибавилось еще другое предначертание, на этот раз решающее. Не только «солнце стремилось от знака Девы» (стр. 236), но и Готфрид с Моккель совершали прогулку в «челне по Рейну», причем проходивший мимо пароход перевернул челн и Готфрид поплыл к берегу, держа в объятиях Моккель.

«Когда он, прижимая к сердцу спасенную, приближался к берегу, его впервые осенило сознание, что только *эта* женщина могла даровать ему блаженство» (стр. 238).

На этот раз Готфриду удалось, наконец, пережить не воображаемую, а действительную сцену из романа «Избирательное сродство»[137]. Это и решило вопрос. Он расстается с Софией Бёгехольд.

* * *

После любви — коварство. От имени консистории пастор Энгельс заявляет Готфриду, что брак с разведенной женщиной, притом католичкой, недопустим для него, Готфрида,

протестантского священника. Готфрид ссылается на неотъемлемые права человека, выдвигая с немалой долей елея следующие пункты:

1. «Нет ничего преступного в том, что он с той дамой пил кофе в ресторане «Хирцекюмпхе»» (стр. 249).

2. «Вопрос еще не решен, ибо он публично до сих пор еще не заявлял ни о том, что он намерен сочетаться браком с названной дамой, ни о том, что такого намерения не имеет» (стр. 251).

3. «Что касается вопроса вероисповедания, то неизвестно, что покажет будущее» (стр. 250).

«А теперь прошу Вас зайти ко мне и выкушать чашку кофе» (стр. 251).

С этой репликой Готфрид в сопровождении пастора Энгельса, который не в силах противиться приглашению, покидает сцену. Так властно и так мягко умел Готфрид разрешать конфликты с существующими условиями.

* * *

Для характеристики того, какое воздействие должен был оказать на Готфрида «Союз майских жуков», приводим следующее место:

«Было 29 июня 1841 года. В этот день должен был быть торжественно отпразднован первый юбилей «Союза майских жуков»» (стр. 253). «Когда вопрос зашел о том, кому присудить награду, решение последовало единодушно. Готфрид скромно преклонил колена перед королевой, возложившей неизбежный лавровый венок на его пылающее чело, между тем как заходящее солнце бросало жгучие лучи на просветленный лик поэта» (стр. 285).

К этому пышному приобщению Генриха фон Офтердингена к воображаемой поэтической славе голубой цветок поспешил присоединить и свои собственные чувства и пожелания. В этот вечер Моккель исполнила положенный на музыку ею самой гимн «Союза майских жуков», заканчивавшийся следующей строфой, в которой резюмировалась вся цель «Союза»:

«Какой же извлечем урок?
Жучок, лети!
Кто стар, тот пары не найдет, —
Так брось сомненья и расчет!
Жучок, лети!»

Простодушный биограф замечает по этому поводу, что «содержащееся в этой строфе приглашение к вступлению в брак было совершенно непреднамеренным» (стр. 255). Однако Готфрид понял это намерение, «но не хотел преждевременно уклоняться» от того, чтобы еще в течение двух лет его в «Союзе майских жуков» увенчивали лаврами и с обожанием ухаживали за ним. На Моккель он женился 22 мая 1843 г., после того как она,

несмотря на то, что была неверующей, перешла в протестантское вероисповедание под нелепым предлогом, будто «протестантская церковь построена не столько на определенных символах веры, сколько на *этических* понятиях» (стр. 315).

«А вот еще один урок:
Чужд веры голубой цветок!»

* * *

Готфрид вступил в связь с Моккель под предлогом обращения ее от неверия к протестантской церкви. Но теперь Моккель требует штраусовскую «Жизнь Иисуса»[138] и вновь впадает в неверие,

«и со щемящим сердцем последовал он за ней по стезе сомнений в бездну отрицания. Вместе с ней он стал прокладывать себе дорогу в запутанном лабиринте новой философии» (стр. 308).

Итак, не развитие философии, уже оказывавшее в то время влияние на массы, а случайные настроения приводят его к отрицанию.

Что же извлек он из этого лабиринта философии, видно из его собственного дневника:

«Посмотрим, однако, не отбросит ли меня могучее течение от Канта до Фейербаха к *пантеизму!!*» (стр. 308).

Как будто это течение не выводит как раз за пределы пантеизма, как будто Фейербах представляет собой последнее слово немецкой философии!

«Краеугольным камнем моей жизни», — сказано далее в дневнике, — «является не историческое познание, а незыблемая система, и ядром теологии является не история церкви, а догматика» (там же).

Как будто немецкая философия как раз не растворила незыблемые системы в историческом познании, а догматические ядра — в истории церкви! В этих признаниях с полной ясностью выступает вся контрреволюционность демократа, для которого само движение является лишь средством добраться до нескольких неопровержимых вечных истин — гнилых точек покоя.

Читателю же предоставляется на основании вышеприведенной апологетической бухгалтерии Готфрида самому судить обо всем его духовном развитии и о том, какой революционный элемент был скрыт в этом мелодраматически-актерствовавшем богослове.

II

Так заканчивается первый акт жизни Кинкеля, и до начала февральской революции в ней нет больше ничего примечательного. Издательство Котта взялось выпустить его стихи без уплаты гонорара; большая часть издания так и осталась лежать на складе, пока пресловутое ранение в Бадене не придало автору поэтического ореола и не создало рынка для его произведений.

Впрочем, об одном характерном факте биограф умалчивает. По собственному признанию Кинкеля, пределом его желаний было умереть старым директором театра. Идеалом ему представляется некий Эйзенхут, странствующий скоморох, путешествовавший со своей труппой то вверх, то вниз по Рейну и в конце концов помешавшийся.

Помимо лекций в Бонне, преисполненных пастырского красноречия, Готфрид и в Кёльне время от времени устраивал теологические и эстетические художественные представления. Он закончил их, когда вспыхнула февральская революция, следующим прорицанием:

> «Гром сражения, раскаты которого доносятся до нас из Парижа, знаменует собой и для Германии, и для всего европейского континента начало нового прекрасного времени. За ревом бури следует блаженное дуновение зефира свободы; отныне начинается великая, благословенная эра — эра *конституционной монархии*».

Конституционная монархия отблагодарила Кинкеля за этот комплимент тем, что произвела его в экстраординарные профессора. Это признание не могло, однако, удовлетворить grand homme en herbe*. Конституционная монархия, по-видимому, отнюдь не торопилась дать «его славе облететь земной шар». К тому же лавры, которые принесли Фрейлиграту новые поли-

* — будущего великого человека. *Ред.*

тические стихотворения, не давали спать увенчанному «майскими жуками» поэту. И вот Генрих фон Офтердинген сделал поворот налево и стал сперва конституционным демократом, а затем и республиканским демократом (honnete et modere*). Он метил в депутаты, но на майских выборах не попал ни в Берлин, ни во Франкфурт. Невзирая на эти первые неудачи, он продолжал, однако, добиваться своей цели и, можно сказать, ему пришлось немало потрудиться. С мудрой сдержанностью действовал он сперва лишь в своем небольшом провинциальном округе. Он основал газету «Bonner Zeitung», скромное местное растеньице, отличавшееся лишь особенной бесцветностью демократической декламации и наивностью спасающего отечество невежества. Он возвысил «Союз майских жуков» до степени демократического студенческого клуба, из которого вскоре вышел тот сонм учеников, который распространял славу учителя по всем селениям боннского округа и навязывал каждому собранию г-на профессора Кинкеля. Сам он разглагольствовал о политике в казино с владельцами бакалейных лавок, братски пожимал руку честным ремесленникам и распространял свое пылкое свободолюбие даже среди крестьян в Кинденихе и Зельшейде. Но с совершенно особой симпатией он относился к почтенному сословию ремесленников. Вместе с ними он оплакивал падение ремесла, жестокие последствия свободной конкуренции, современное господство капитала и машин. Вместе с ними он строил планы возрождения цехового строя и уничтожения биржевой спекуляции, и, чтобы свершить все, что он задумал, он изложил итоги своих имевших место в казино бесед с мелкими хозяйчиками в брошюре «Спасайся, ремесло!»[139]

Дабы всякому сразу стало ясно, где собственно место г-на Кинкеля и какое по-франкфуртски национальное значение имеет его произведеньице, он посвятил его «тридцати членам экономической комиссии франкфуртского Национального собрания».

Исследования Генриха фон Офтердингена о «красоте» в сословии ремесленников тут же привели его к выводу, что «сословие ремесленников в данный момент совершенно раскололось» (стр. 5). Этот раскол состоит именно в том, что некоторые ремесленники «посещают казино бакалейщиков и чиновников» (какое достижение!), а другие не посещают, а также в том, что некоторые ремесленники получили образование, а другие не получили его. Несмотря на этот раскол, автор все же усматривает благоприятный признак в том, что в любезном

* — добропорядочным и умеренным. *Ред.*

отечестве повсеместно устраиваются союзы и собрания ремесленников, а также в том, что идет агитация за улучшение положения ремесленного сословия (вспомните «винкельблехиады» 1848 года[140]). Чтобы внести и свою лепту в виде доброго совета в это благотворное движение, он излагает свою программу спасения.

Прежде всего автор рассматривает вопрос о том, каким образом путем ограничений можно избавиться от дурных сторон *свободной конкуренции,* отнюдь, впрочем, не отменяя ее полностью. При этом он приходит к следующим выводам:

«Законодательство должно воспрепятствовать тому, чтобы мастерами становились не обладающие еще достаточным искусством и необходимой зрелостью юноши» (стр. 20).

«У каждого мастера может быть лишь один ученик» (стр. 29).

«Для обучения ремеслу также необходимо сдать экзамен» (стр. 30). «На экзамене обязательно должен присутствовать мастер, у которого будет учиться экзаменующийся» (стр. 31).

«Для обеспечения необходимой зрелости мы требуем от законодательства, чтобы отныне никто не мог стать мастером, прежде чем ему исполнится двадцать пять лет» (стр. 42).

«Для обеспечения достаточного искусства мы требуем, чтобы отныне каждый начинающий мастер подвергался экзамену и притом публичному» (стр. 43). «При этом чрезвычайно важно, чтобы экзамен был совершенно бесплатный» (стр. 44). Этим экзаменам должны «также подвергаться все мастера данной профессии, проживающие в сельской местности» (стр. 55).

Друг Готфрид, сам торгующий вразнос политикой, желает отменить «торговлю бродячую или вразнос» другими мирскими товарами как бесчестную (стр. 60).

«Производитель ремесленных изделий стремится извлечь свое состояние из дела с выгодой для себя и в ущерб своим обманываемым кредиторам. Такие действия, как и все двусмысленное, обозначают иностранным именем: их называют *банкротством.* Для этого он быстро перебрасывает свои готовые изделия в соседние местности и немедленно сбывает их тому, кто предлагает наибольшую цену» (стр. 64). Эти распродажи— «собственно своего рода нечистоты, которые наш любезный сосед, торговое сословие, выливает в сад ремесленников», — необходимо отменить. (Не гораздо ли проще было бы, друг Готфрид, вырвать зло с корнем и сразу отменить само банкротство?)

«С ярмарками, конечно, иное дело» (стр. 65). «При этих обстоятельствах законодательство должно предоставить отдельным местностям решать самим большинством голосов (!) на совещании всех граждан, которое должно быть для этого созвано, сохранить или отменить постоянные ярмарки» (стр. 68).

Готфрид переходит затем к сложному «спорному вопросу» об отношении между ремеслом и машинным трудом и выдвигает при этом следующие положения:

«Пусть каждый, кто продает готовые изделия, держит *лишь товар, который он может производить собственными руками»* (стр. 80). «Так как машины и ремесло отделились друг от друга, то оба пришли в упадок и сбились с пути» (стр. 84).

Объединить их он хочет таким путем, чтобы ремесленники — например переплетчики данного города — образовали ассоциацию и сообща держали бы машину.

«И так как они будут пользоваться машиной только для себя и только для выполнения заказов, они могут производить дешевле, нежели владеющий фабрикой купец» (стр. 85). «Капитал можно сломить ассоциацией» (стр. 84) (а ассоциацию можно сломить капиталом).

Свою мысль «о приобретении машины для линования, для обравнивания и для резания картона» (стр. 85) объединившимися дипломированными переплетчиками Бонна он затем обобщает до идеи «машинной палаты».

«Союз объединенных цеховых мастеров соответствующей профессии должен повсюду устроить предприятия, напоминающие фабрики мелких купцов, с тем чтобы предприятия эти работали исключительно над выполнением заказов местных мастеров и не принимали никаких заказов от других работодателей» (стр. 86). Отличительной чертой такой машинной палаты является то, что «коммерческое ведение дела необходимо» только «вначале» (там же). «Всякая мысль, столь же новая, как и предлагаемая», — восклицает «упоенный» этой мыслью Готфрид, — «прежде чем она будет осуществлена, нуждается в самом спокойном и практическом продумывании, вплоть до мельчайших подробностей». Он призывает «заняться этим обдумыванием каждое ремесло для себя в отдельности» (стр. 87, 88).

Сюда же приплетены полемика против конкуренции со стороны государства, использующего труд заключенных, реминисценции о колонии преступников («создание человечной Сибири», стр. 102), а также выпады против «так называемых ремесленных рот и ремесленных комиссий» при военном ведомстве. Разумеется, военное бремя, лежащее на ремесленном сословии, следует смягчить, для чего нужно, чтобы государство заказывало снаряжение ремесленникам по более дорогой цене, нежели та, по которой оно само может его производить.

«Таким образом, отпадают вопросы конкуренции» (стр. 109).

Второе основное положение, к которому затем переходит Готфрид, это — материальная поддержка, которую государство должно оказывать ремесленному сословию, Готфрид, рассматривающий государство исключительно с точки зрения чиновника, придерживается того мнения, что ремесленнику легче всего помочь ссудами из государственной казны на устройство ремесленных палат, касс взаимопомощи и пр. Откуда

государственная казна должна получать эти средства, здесь, конечно, не рассматривается, ибо это ведь *«некрасивая»* сторона вопроса.

Напоследок наш богослов не может, конечно, вновь не впасть в роль проповедника нравственности и не прочесть сословию ремесленников назидательную лекцию о том, каким образом оно само может себе помочь. Сперва речь идет о «жалобах на долгосрочные займы и вычеты» (стр. 136), причем от ремесленника требуется ответить по совести на такого рода вопрос: «Сохранишь ли ты, мой друг, одинаковые и неизменные расценки за каждую работу, которую ты выполняешь?» (стр. 132). По этому случаю ремесленник особо предупреждается, чтобы он не назначал чрезмерных цен «богатым англичанам». «Корень всего зла», — мудро решает эту головоломку Готфрид, — «заключается в годичных расчетах» (стр. 139). Затем следуют сетования по поводу страсти жен ремесленников к нарядам и привязанности самих ремесленников к пивным (стр. 140 и далее).

Средства же, которыми ремесленное сословие само может улучшить свое положение, таковы: «цехи, больничные кассы, ремесленный третейский суд» (стр. 146) и, наконец, рабочие просветительные общества (стр. 153). За последнее слово таких просветительных обществ выдается следующее:

> «Наконец, пение в сочетании с декламацией перекидывает мост к *драматическому представлению* и *к театру ремесленников,* который необходимо постоянно иметь в виду как конечную цель этих эстетических стремлений. Только тогда, когда трудящиеся классы вновь научатся выступать на *сцене,* их художественное воспитание будет завершено» (стр. 174, 175).

Таким образом, Готфрид благополучно превратил ремесленника в комедианта и тем самым опять свел вопрос к самому себе.

Все это заигрывание с цеховыми стремлениями боннских ремесленников имело, однако, свой практический результат. Клятвенно обещав содействовать восстановлению цехов, друг Готфрид добился того, что был избран депутатом от Бонна в октроированную вторую палату[141]. «С этого мгновения Готфрид почувствовал себя» счастливым.

Он немедленно отправился в Берлин, и так как он полагал, что правительство намерено учредить в лице второй палаты постоянный «цех» дипломированных законодателей, он там устроился как на постоянное жительство, решив выписать к себе жену и ребенка. Однако палату распустили, и Готфрид после непродолжительных парламентских наслаждении вернулся в горестном разочаровании к Моккель.

Вскоре после этого разразился конфликт между правительствами и Франкфуртским собранием и вслед за этим начались движения в Южной Германии и на Рейне. Отечество призвало— и Готфрид последовал его зову. В Зигбурге находился цейхгауз ландвера — и Зигбург был тем местом, где, как и в Бонне, Готфрид чаще всего сеял семена свободы. Поэтому он в союзе со своим другом, отставным лейтенантом Аннеке, призвал всех своих последователей к походу на Зигбург. Местом сбора был перекидной мост. Явиться должно было больше сотни человек. Но когда, после долгого ожидания, Готфрид пересчитал своих молодцов, их оказалось едва-едва тридцать, и в том числе — к вечному позору «Союза майских жуков» — всего-навсего три студента! Тем не менее Готфрид вместе со своей горсткой людей бесстрашно переходит Рейн и прямо направляется на Зигбург. Ночь была темна и дождлива. Вдруг позади храбрецов раздается конский топот. Храбрецы прячутся в стороне от дороги, мимо них скачет патруль улан. Жалкие негодяи выболтали тайну: власти были предупреждены, поход не удался, — пришлось поворачивать обратно. Горе, стеснившее в эту ночь грудь Готфрида, можно сравнить лишь с той болью, которую он ощутил, когда и Кнапп и Шамиссо отказались дать приют его первым поэтическим излияниям в своих альманахах муз.

После всего, что случилось, оставаться в Бонне было для него немыслимо. Но разве Пфальц не представлял собой для него широкого поля деятельности? Он отправился в Кайзерслаутерн, и так как надо же было дать ему какую-нибудь должность, то ему и дали синекуру в военном департаменте (говорят, ему поручили управление морскими делами[142]). Хлеб же он зарабатывал себе, по привычке торгуя вразнос свободой и народным благом среди окрестных крестьян, причем, по слухам, в некоторых реакционных округах это окончилось для него не совсем благополучно. Несмотря на эти мелкие невзгоды, Кинкеля можно было видеть бодро шагающим по столбовым дорогам с дорожной сумкой за плечами, — и с этих пор все газеты изображают его с этим неизменным атрибутом.

Однако движение в Пфальце быстро закончилось, и мы видим Кинкеля снова в Карлсруэ, причем вместо дорожной сумки у него на плече мушкет, который отныне становится его постоянным отличительным знаком. Как рассказывают, у этого мушкета была исключительно *красивая* сторона, а именно — приклад и ложа из красного дерева. Во всяком случае, это был эстетский, художественный мушкет. *Некрасивой* стороной его было, впрочем, то, что друг Готфрид не умел ни заряжать, ни прицеливаться, ни стрелять, ни маршировать.

Поэтому один из приятелей спросил его: зачем же, собственно, *он* рвется в бой, — на что Готфрид возразил: «А как же, в Бонн возвратиться я не могу, — нужно же мне жить!».

Итак, Готфрид вступил в ряды воинов, в отряд рыцарственного Виллиха. С этого времени, как нас стараются убедить многие товарищи Готфрида по оружию, он разделял все превратности судьбы, испытанные этим отрядом, держась скромно и как рядовой доброволец, приветливый и ласковый как в хорошие, так и в дурные времена, однако большей частью проводя время на телеге для отставших. А при Раштатте[143] этому истинному поборнику правды и справедливости пришлось подвергнуться тому испытанию, из которого он впоследствии — на удивление всему немецкому народу — вышел незапятнанным мучеником. Подробности этого события до сих пор точно не установлены — уверяют только, что когда группа добровольцев во время перестрелки сбилась с дороги, по ней было сделано несколько выстрелов с флангов, при этом шальная пуля слегка задела голову Готфрида; он упал с возгласом: «Я убит!». Хотя убит он не был, но отступать вместе с остальными не мог; его препроводили в крестьянский домик, где он заявил простодушным обитателям Шварцвальда: «Спасите меня — я известный Кинкель!». Кончилось это тем, что здесь его застали пруссаки и увели в вавилонский плен.

III

Со времени пленения в жизни Кинкеля начался новый период, открывающий в то же время новую эру в истории развития немецкого мещанства. Как только в «Союзе майских жуков» узнали, что Кинкель попал в плен, «Союз» обратился во все немецкие газеты с письмами о том, что великому поэту Кинкелю угрожает опасность быть расстрелянным военно-полевым судом и что германский народ, в частности образованные слои его, в особенности же жены и девы, обязаны приложить все силы для того, чтобы спасти жизнь плененного поэта. Сам он, как уверяют, сочинил в это время стихотворение, в котором сравнивал себя со «своим другом и учителем Христом» и говорил о самом себе: кровь моя прольется за вас. С этого времени атрибутом его становится *лира.* Таким образом, Германия внезапно узнала, что Кинкель был поэтом, великим поэтом, и с этого мгновения вся масса немецкого мещанства и эстетствующих слюнтяев некоторое время принимала участие в разыгрываемой нашим Генрихом фон Офтердингеном комедии о голубом цветке.

Тем временем пруссаки предали его военному суду. Это дало ему повод впервые после долгого перерыва вновь обратиться с трогательным призывом к слезным железам своих слушателей, как это он столь успешно, по свидетельству Моккель, делал в бытность свою помощником пастора в Кёльне, причем опять-таки Кёльну суждено было вскоре вновь насладиться наиболее блестящими его достижениями на этом поприще. Он произнес перед военным судом защитительную речь, которая позже, благодаря нескромности одного из его друзей, была, увы, доведена берлинской «Abend-Post» также до сведения широкой публики. В этой речи Кинкель «протестует»

> «против отождествления моих действий с грязью и мутью, которая, я знаю это, к сожалению, пристала напоследок к революции»[144].

После этой в высшей степени революционной речи Кинкель был приговорен к двадцати годам заключения в крепости;

последняя, впрочем, была милостиво заменена исправительной тюрьмой. Он был переведен в Наугард*, где, как говорят, его заставляли прясть шерсть, — вот почему вместо дорожной сумки, затем мушкета, затем лиры его атрибутом отныне становится *прялка.* Впоследствии мы увидим, как он переплывает океан с новым атрибутом — мошной.

Между тем в Германии произошло удивительное событие. Немецкий мещанин, прекраснодушный, как известно, по самой своей природе, жестоко разочаровался благодаря тяжелым ударам 1849 г. в своих сладчайших иллюзиях. Ни одна из надежд его не сбылась, и даже в бурно вздымающейся груди юноши стали зарождаться сомнения относительно судеб отечества. Тоскливое уныние овладело всеми сердцами, и всюду стали жаждать демократического Христа, действительного или воображаемого мученика, который с кротостью агнца в скорби своей нес бы грехи мещанского мира и в страданиях которого в острой форме воплотилась бы дряблая хроническая тоска всех филистеров. «Союз майских жуков» во главе с Моккель взялся за удовлетворение этой повсеместно назревшей потребности. И в самом деле, кто мог быть более подходящим для исполнения этой великой комедии страстей, как не плененный страстоцвет Кинкель с его прялкой, этот неиссякаемый источник слез и трогательнейших переживаний, соединивший, кроме того, в одном лице проповедника, профессора эстетики, депутата, бродячего торговца политикой, мушкетера, новоявленного поэта и старого театрального директора? Кинкель был героем времени, и, как таковой, он был немедленно принят немецким миром филистеров. Все газеты пестрели анекдотами, характеристиками, стихами, реминисценциями плененного поэта. Его страдания в тюрьме изображались в безмерно преувеличенном, сказочном виде; газеты, по меньшей мере раз в месяц, сообщали о том, что его голова покрылась сединой; во всех бюргерских клубах и на всех вечерах о нем вспоминали с прискорбием. Девушки из образованных сословий вздыхали над его стихами, а старые девы, познавшие томление страсти, оплакивали в разных городах отечества его угасающую мужскую силу. Все прочие, простые жертвы движения, расстрелянные, павшие, плененные, исчезали перед единым жертвенным агнцем, перед мужем, покорившим сердца филистеров мужского и женского пола, и лишь о нем проливались потоки слез, на которые, впрочем, он один и был в состоянии должным образом ответ-

* Польское название: Новогард. *Ред.*

ствовать. Словом, то был настоящий *демократический зигвартовский период,* ни на волос не уступавший литературному зигвартовскому периоду прошлого столетия; и Зигварт-Кинкель никогда не чувствовал себя так хорошо, как в этой роли, в которой он казался великим не тем, что он делал, а тем, чего не делал, великим не силой и сопротивлением, а слабостью и безвольной покорностью, и в которой единственная его задача состояла в том, чтобы терпеть с достоинством и чувством. Умудренная же опытом Моккель сумела извлечь практическую выгоду из этой мягкотелости публики и немедленно развернула в высшей степени энергичную предпринимательскую деятельность. Она затеяла новое издание всех напечатанных и ненапечатанных произведений Готфрида, которые вдруг приобрели ценность и вошли в моду, и широко рекламировала их среди публики. Она воспользовалась случаем для того, чтобы пристроить и свои собственные опыты из мира насекомых, как, например, «Историю светлячка». За кругленькую сумму она позволила «майскому жуку» Штродтману выставить на потребу публики интимнейшие откровения из дневника Готфрида. Она организовывала всякого рода сборы и, проявив несомненную предпринимательскую ловкость и большую настойчивость, сумела превратить мягкие чувства образованного общества в твердые талеры. При этом она вдобавок еще испытывала удовлетворение, получив возможность

«ежедневно видеть в своей маленькой комнатке величайших людей Германии, например Адольфа Штара».

Однако высшей точки это зигвартовское помешательство достигло во время заседаний суда присяжных в Кёльне, на которых весной 1850 г. гастролировал Готфрид. Здесь был устроен процесс о попытке нападения на Зигбург, и Кинкеля перевели в Кёльн. Поскольку в настоящем очерке выдержки из дневников Готфрида играют такую значительную роль, будет вполне уместно, если мы приведем здесь также отрывок из дневника одного из очевидцев.

«Жена Кинкеля навестила его в тюрьме. Она приветствовала его через решетку в стихах, он отвечал, если не ошибаюсь, гекзаметром. Затем оба пали на колени друг перед другом и находившийся тут же тюремный надзиратель, старый фельдфебель, не мог понять, имеет ли он дело с сумасшедшими или с комедиантами. Впоследствии на вопрос обер-прокурора, о чем говорилось при свидании, надзиратель заявил, что хотя они и говорили по-немецки, тем не менее он не понял ни одного слова. На это г-жа Кинкель якобы заметила, что нельзя же назначать надзирателем человека, совершенно необразованного в литературном и художественном отношении».

Перед присяжными Кинкель выступил исключительно в роли источника слез, или литератора зигвартовского периода времен «Страданий молодого Вертера»[145].

««Господа судьи, господа присяжные... глаза-незабудки моих детей... зеленые воды Рейна... нет ничего унизительного в том, чтобы пожать руку пролетария... бледные уста заключенного... живительный воздух родных мест» и прочая чепуха — так выглядела вся эта прославленная речь, над которой и публика, и присяжные, и прокуратура, и даже жандармы проливали горькие слезы, и судебное заседание закончилось единогласным оправданием под всеобщие вздохи и стенанья. Кинкель, конечно, хороший, милый человек, но в остальном это приторная смесь религиозных, политических и литературных реминисценций».

У автора этих строк, видимо, лопнуло терпение.

К счастью, этот горестный период очень скоро закончился романтическим освобождением Кинкеля из шпандауской тюрьмы. При этом освобождении повторилась история Ричарда Львиное сердце и Блонделя[146], только в данном случае Блондель сидел в тюрьме, а Львиное сердце играл во дворе на шарманке, и к тому же Блондель был просто заурядным рифмоплетом, а Львиное сердце в сущности был труслив как заяц. Львиным сердцем был студент Шурц из «Союза майских жуков», интриган, наделенный большим честолюбием и малыми способностями, достаточными, однако, для того, чтобы составить себе ясное представление о «немецком Ламартине». Вскоре после истории с освобождением студент Шурц заявил в Париже, что используемый им Кинкель, как он отлично знает, конечно, не lumen mundi*, между тем как именно он, Шурц, и не кто иной, призван быть будущим президентом германской республики. Этому-то человечку, одному из тех студентов «в коричневых фраках и светло-голубых плащах», за которыми уже некогда следили «сверкающие мрачным огнем очи Готфрида», удалось освободить Кинкеля, правда, принеся в жертву беднягу тюремщика, который теперь отбывает за это заключение с чувством высокого сознания, что он является мучеником за свободу... Готфрида Кинкеля!

* — светоч мира. *Ред.*

IV

В *Лондоне* мы встречаем Кинкеля вновь, и на сей раз, благодаря его тюремной славе и слезливости немецкого мещанства, в качестве величайшего человека Германии. Друг Готфрид в сознании своей высокой миссии сумел использовать все выгоды момента. Романтическое освобождение дало новый толчок восторженному увлечению Кинкелем на родине — увлечению, которое, будучи весьма ловко направлено по нужному пути, не преминуло дать материальные плоды. В то же время мировой город открывал прославленному герою новое обширное поприще для того, чтобы вновь пожать лавры. Ему было ясно: он должен был сделаться героем сезона. С этой целью он на время отказался от всякой политической деятельности и, запершись дома, прежде всего позаботился о том, чтобы снова отрастить себе бороду, без которой не может обойтись ни один пророк. Затем он побывал у Диккенса, в редакциях английских либеральных газет, у немецких коммерсантов Сити, главным образом у тамошних эстетствующих евреев. Он был идеалом для всех: для одного — поэтом, для другого — патриотом вообще, для третьего — профессором эстетики, для четвертого — Христом, для пятого — царственным страдальцем Одиссеем, но для всех одинаково кротким, артистическим, благожелательным и гуманным Готфридом. Он не успокоился до тех пор, пока Диккенс не прославил его в «Household Words» и пока в «Illustrated News»[147] не поместили его портрета. Он поднял на ноги тех немногих лондонских немцев, которые и на чужбине принимали участие в кинкелевском похмелье, якобы для того, чтобы получить приглашение прочесть лекции о современной драме, причем билеты на эти лекции целыми пачками рассылались немецким коммерсантам на дом. Он не пренебрегал ни беготней, ни трескучей рекламой, ни шарлатанством, ни назойливыми приставаниями, ни пресмыкательством перед этой публикой. Зато и успех был полный. Готфрид самодовольно

упивался собственной славой, любовался своим отражением в огромном зеркале Хрустального дворца[148] и чувствовал себя, можно сказать, необыкновенно хорошо.

Лекции его получили признание (см. «Kosmos»[149]).

«Kosmos». Лекции Кинкеля

«Когда я как-то смотрел туманные картины Дёблера, мне пришла в голову курьезная мысль — можно ли создать такие хаотические произведения при помощи «слова», можно ли рассказать туманные картины? Правда, неприятно, когда критик с первых же слов должен признаться, что в таком случае критическая свобода вибрирует в гальванизированных нервах волнующей реминисценции, точно затихающий звук замирающей на трепетных струнах ноты. Поэтому я предпочел отказаться от скучного педантического анализа ученой бесчувственности, нежели от того резонанса, который пленительная муза германского эмигранта родила в игре идей моей *чувствительности.* Этот основной тон кинкелевских образов, эту реминисценцию его аккордов составляет звучное, творческое, созидательное, постепенно оформляющееся «слово» — *«современная мысль».* Человеческая сила *«суждения»* этой мысли выводит истину из хаоса лживых традиций и ставит ее в качестве неприкосновенной всеобщей собственности под защиту интеллектуально развитых, логически мыслящих меньшинств, которые ведут ее от верующего невежества к неверующей учености. На долю ученого неверия выпадает профанировать мистицизм благочестивого обмана, подрывать всемогущество погрязшей в предрассудках традиции, обезглавливать при помощи скепсиса — этой без устали работающей философской гильотины — авторитеты и выводить посредством революции народы из тумана теократии на цветущие поля демократии» (бессмыслицы). «Настойчивое и усердное изучение летописей человечества, как и самих людей, является величайшей задачей всех участников переворота, и это ясно осознал тот изгнанный мятежный поэт, который в течение трех прошедших понедельников по вечерам развивал перед буржуазной публикой свои «dissolving views»*, рисуя историю современного театра».

«Рабочий»

Все утверждали, что уже по выражениям: «сфера резонанса», «затихающий звук», «аккорд» и «гальванизированные нервы», можно было догадаться, что *этим рабочим* была весьма близкая родственница Кинкеля — Моккель.

Но и этому периоду в поте лица доставшегося самолюбования тоже не суждено было длиться вечно. Судный день существующего миропорядка, страшный суд демократии, достославный месяц май 1852 г.[150] все больше приближался. Чтобы встретить этот великий день во всеоружии, Готфрид Кинкель должен был вновь облачиться в политическую львиную шкуру, завязать сношения с «эмиграцией».

Здесь мы переходим к лондонской «эмиграции» — этой мешанине из бывших членов Франкфуртского парламента,

* — «разрушительные воззрения». *Ред.*

берлинского Национального собрания и палаты депутатов, героев баденской кампании, титанов, разыгравших комедию с имперской конституцией[151], литераторов без читателей, крикунов из демократических клубов и конгрессов, газетных писак десятого сорта и т. п.

Великие мужи Германии 1848 года были на грани бесславного конца, когда победа «тиранов» принесла им избавление, выкинув их за границу и сделав из них мучеников и святых. Их спасла контрреволюция. Политическое развитие на континенте привело большинство из них в Лондон, ставший, таким образом, их европейским центром. Само собой разумеется, что при таком положении вещей этим освободителям мира необходимо было что-то делать, что-то предпринимать, чтобы изо дня в день вновь и вновь напоминать публике о своем существовании. Надо было любой ценой воспрепятствовать тому, чтобы создалось впечатление, будто мировая история может двигаться вперед и без помощи этих гигантов. Чем больше это человеческое отребье оказывалось неспособным — как из-за собственной беспомощности, так и из-за существующих условий — совершать какое-нибудь действительное дело, тем ревностнее ему нужно было заниматься своей бесполезной призрачной деятельностью, воображаемые акты которой, воображаемые партии, воображаемые битвы и воображаемые интересы столь напыщенно возвещались ее участниками. Чем более бессильно было оно действительно вызвать новую революцию, тем больше приходилось ему лишь мысленно дисконтировать эту будущую возможность, заранее распределять посты и наслаждаться предвкушением власти. Эта полная фанфаронства бурная деятельность вылилась в организацию общества взаимного страхования на звание великих мужей и взаимного гарантирования будущих правительственных постов.

V

Первая попытка создания подобной «организации» была сделана уже весной 1850 года. В то время по Лондону распространялся написанный высокопарным стилем «Проект циркуляра немецким демократам. На правах рукописи», вместе с «Сопроводительным письмом к вождям». В этом циркуляре и сопроводительном письме содержался призыв к созданию единой демократической церкви. Ближайшей целью выдвигалось создание Центрального бюро по делам немецкой эмиграции[152], для совместного управления делами эмигрантов, организация типографии в Лондоне, объединение всех фракций против общего врага. После этого эмиграция должна была вновь стать руководящим центром движения внутри страны, организация эмиграции должна была положить начало широкой организации демократии. Те из выдающихся личностей, которые не располагали средствами, должны были в качестве членов Центрального бюро оплачиваться за счет обложения немецкого народа. Такое обложение казалось тем более уместным, что «немецкая эмиграция прибыла за границу не только без сколько-нибудь значительного героя, но также, — что гораздо хуже, — без общего *капитала»).* При этом не скрывалось, что существовавшие уже венгерские, польские и французские комитеты послужили образцами для этой «организации», и через весь документ проскальзывает некоторая зависть к этим выдающимся союзникам, занимающим более выгодное положение.

Этот циркуляр явился совместным произведением гг. Рудольфа *Шрамма* и Густава *Струве,* за спиной которых скрывался, в качестве члена-корреспондента, светлый образ проживавшего тогда в Остенде г-на Арнольда *Руге.*

Г-н *Рудольф Шрамм*—сварливый, болтливый, чрезвычайно сумбурный манекен, избравший своим жизненным девизом цитату из «Племянника Рамо»: «Я скорее согласен быть нахальным болтуном, нежели вовсе не быть»[153]. Г-н Кампгаузен в пе-

риод расцвета своей власти охотно предоставил бы молодому развязному крефельдцу ответственный пост, если бы такое возвышение простого референдария не противоречило приличиям. Из-за бюрократического этикета г-ну Шрамму оставалась открытой лишь демократическая карьера. На этом поприще он однажды и в самом деле попал в председатели Демократического клуба в Берлине, и впоследствии при поддержке нескольких депутатов левой был избран депутатом от Штригау* в берлинское Национальное собрание. Здесь обычно столь словоохотливый Шрамм отличался упорным молчанием, сопровождаемым, однако, постоянным брюзжанием. После разгона Учредительного собрания этот народный деятель демократии написал конституционно-монархическую брошюру, однако вновь избран не был. Позже, при правительстве Брентано, он вынырнул на короткое время в Бадене и там, в «Клубе решительного прогресса»[154], познакомился со Струве. По приезде в Лондон он объявил, что хочет отказаться от всякой политической деятельности, а посему выпустил немедленно вышеупомянутый циркуляр. В сущности неудавшийся бюрократ, г-н Шрамм воображает, принимая во внимание семейные связи, что он представляет в эмиграции радикальную часть буржуазии, и на самом деле не без успеха изображает собой карикатуру на радикального буржуа.

Густав Струве принадлежит к числу более значительных фигур эмиграции. Его лицо, напоминающее сафьян, его выпученные, глуповато лукавые глаза, его мягко светящаяся лысина, его славянско-калмыцкие черты сразу изобличают в нем человека необыкновенного, причем впечатление это еще более усиливается благодаря глуховатому гортанному голосу, прочувствованной, елейной речи и напыщенной важности манер. Впрочем, воздавая должное истине, надобно отметить, что наш Густав, поскольку в наше время для каждого человека все труднее становится отличиться, старался выделиться среди своих сограждан хотя бы тем, что выступал в роли то пророка, то афериста, то мозольного оператора, превращая самые причудливые занятия в свою основную профессию и пропагандируя всевозможные нелепости. Так ему, в качестве уроженца России, внезапно пришло в голову воодушевиться идеей борьбы за свободу Германии, и это произошло после того, как он побыл на какой-то сверхштатной должности при русском посольстве в Союзном сейме[155] и написал небольшую брошюрку в защиту последнего. Так как он свой собственный череп считал

* Польское название: Стшегом. *Ред.*

образцом нормального человеческого черепа, он стал увлекаться краниоскопией и с тех пор питал доверие лишь к тому, чей череп он предварительно ощупал и изучил. Кроме того, он перестал употреблять мясо и стал проповедовать евангелие исключительно растительной пищи. Был он также и предсказателем погоды, ревностным противником курения табака и деятельно агитировал в пользу моральных принципов немецкого католицизма[156], равно как и в пользу водолечения. При его глубокой ненависти ко всякому положительному знанию он, конечно, увлекался идеей свободных университетов, в которых, вместо предметов обычных четырех факультетов[157], должны были преподаваться краниоскопия, физиогномика, хиромантия и некромантия. Вполне в его духе было и то чрезвычайное упорство, с которым он пытался стать великим писателем, — разумеется, именно по той причине, что манера его писания противоречила всему, что может быть названо стилем.

Уже в начале 40-х годов Густав основал «Deutscher Zuschauer»[158] — издававшийся им в Мангейме листок, на который он взял патент и который, точно навязчивая идея, всюду преследовал его. Кроме того, он уже тогда сделал открытие, что обе книги, являющиеся для него Ветхим и Новым заветом, а именно «Всеобщая история» Роттека и «Словарь политических наук» Роттека и Велькера[159], не соответствуют более духу времени и нуждаются в новом, *демократическом,* издании. Переработка эта, за которую Густав немедленно принялся, выпустив предварительно отрывок под названием «Основы политических наук»[160], стала «с 1848 г. неотложной необходимостью, ибо покойный Роттек не использовал опыта последних лет».

Тем временем вспыхнули одно за другим те три баденских «народных восстания», историческое описание которых как центрального пункта всего современного мирового движения дано самим Густавом[161]. Попав сразу же после геккеровского восстания в изгнание и едва успев возобновить выпуск своей газеты «Deutscher Zuschauer», он испытал тяжелый удар — оказалось, что мангеймский издатель тамошнего «Deutscher Zuschauer» продолжает выпускать его под редакцией другого лица. Борьба между подлинным и самозванным «Deutscher Zuschauer» была столь ожесточенной, что в ней погибли обе газеты. Зато Густав составил конституцию германской федеративной республики. согласно которой Германия должна была быть разделена на двадцать четыре республики, каждая со своим президентом и двумя палатами. К конституции была приложена тщательно составленная карта, на которую было нанесено точное территориальное деление.

В сентябре 1848 г. началось второе восстание, в котором наш Густав объединял в одном лице Цезаря и Сократа. Он использовал то время, в течение которого ему удалось вновь побывать на немецкой земле для того, чтобы привести шварцвальдским крестьянам убедительные доказательства вреда табака. В Лёррахе он издавал вестник под названием: «Правительственный орган. Германское свободное государство. Свобода, благосостояние, просвещение»[162]. Орган этот поместил на своих столбцах, между прочим, следующий декрет:

«Статья 1. Введенная 10-процентная дополнительная пошлина на ввозимые из Швейцарии товары отменяется. Статья 2. *На управляющего таможней, Христиана Мюллера, возлагается проведение в жизнь настоящего постановления»*.

Его верная Амалия делила с ним все невзгоды и впоследствии живописала их в романтических красках. Кроме того, она принимала участие в приведении к присяге пленных жандармов, а именно каждому, присягнувшему на верность германскому свободному государству, прикрепляла красный нарукавный знак и затем заключала его в объятия. К сожалению, Густав и Амалия были взяты в плен и томились в темнице, где неунывающий Густав немедленно стал продолжать свое республиканское переложение роттековой «Всеобщей истории», пока, наконец, третье восстание не вернуло ему свободы. Тогда Густав стал членом действительного временного правительства, и с тех пор к его прочим навязчивым идеям прибавилась еще мания временных правительств. В должности председателя военного совета он поспешил по возможности запутать дела вверенного ему ведомства и предложил в военные министры «предателя» Майерхофера (см. Гёгг. «Ретроспективный взгляд...». Париж, 1850[163]). Впоследствии он тщетно стремился стать министром иностранных дел и получить 60 тысяч флоринов в свое распоряжение. Г-н Брентано вскоре вновь освободил нашего Густава от бремени власти, и Густав возглавил оппозицию в «Клубе решительного прогресса». Особенно охотно он обращал эту оппозицию против таких мероприятий Брентано, которые сам ранее поддерживал. Хотя этот клуб и был разогнан и Густаву пришлось эмигрировать в Пфальц, бедствие это имело ту хорошую сторону, что неизбежный «Deutscher Zuschauer» вновь смог выйти единственным номером в Нёйштадте-на-Хардте, что вознаградило Густава за многие незаслуженно перенесенные им страдания. Дальнейшим утешением явилось то, что на дополнительных выборах в каком-то захолустном местечке Верхнего Бадена его избрали членом баденского Учредительного собрания, так что он получил возможность вернуться в Баден

в качестве официального лица. В этом собрании Густав отличился лишь тремя внесенными во Фрейбурге предложениями: 1) от 28 июня: объявить предателем всякого, кто захочет вступить в переговоры с неприятелем; 2) от 30 июня: назначить новое временное правительство, в котором Струве был бы полноправным членом; 3) по отклонении последнего предложения, в тот же самый день: после того как неудачное сражение при Раштатте сделало бесполезным дальнейшее сопротивление, следует избавить население Верхнего Бадена от ужасов войны и для этого необходимо выдать всем чиновникам и солдатам жалованье за десять дней вперед, а членам Учредительного собрания оплатить десятидневное содержание и путевые расходы, и затем под звуки труб и с барабанным боем переправиться в Швейцарию. Когда и это предложение было отклонено, Густав самостоятельно пробрался в Швейцарию, а будучи изгнан оттуда палочными ударами Джемса Фази, очутился в Лондоне, где объявил о новом открытии, а именно о *шести бичах человечества.* Этими шестью бичами были монархи, дворянство, попы, бюрократия, постоянная армия, денежный мешок и клопы. В каком духе Густав перерабатывал покойного Роттека, можно видеть из другого его открытия, будто денежный мешок является изобретением Луи-Филиппа. Об этих шести бичах Густав стал теперь писать проповеди в «Deutsche Londoner Zeitung»[164] — газете бывшего герцога Брауншвейгского, за что получал приличный гонорар и потому с благодарностью подчинялся цензуре господина герцога. Таково отношение Густава к первому из бичей — к монархам. Что касается отношения его ко второму бичу — к дворянству, то наш религиозно-нравственный республиканец заказал себе визитные карточки, на которых он именовался «бароном фон Струве». Если ему не удалось вступить в столь же дружественные отношения и с другими бичами, то это не по его вине. Затем Густав употребил свои лондонские досуги на составление республиканского календаря, в котором вместо имен святых приводились имена людей твердых убеждений, — и особенно часто блестящие имена «Густав» и «Амалия», месяцы были обозначены переделанными на немецкий лад названиями французского республиканского календаря, и имелось еще много столь же общеполезных, сколь и общих мест. Впрочем и в Лондоне опять появились все те же излюбленные навязчивые идеи — о возобновлении «Deutscher Zuschauer» и «Клуба решительного прогресса» и об учреждении временного правительства. По всем этим пунктам он встретил полное согласие со стороны Шрамма, и таким образом возник циркуляр.

Третий член этого союза, великий *Арнольд Руге,* выделяется из всей прочей эмиграции благодаря своему облику, напоминающему вахмистра, который все еще ожидает назначения на гражданскую должность. Нельзя сказать, чтобы сей рыцарь отличался особо приятной внешностью. Парижские знакомые обычно называли его померанско-славянские черты мордочкой куницы (figure de fouine). Арнольд Руге, сын крестьянина с острова Рюгена, мученик, проведший в прусских тюрьмах семь лет за участие в происках демагогов[165], очертя голову ринулся в объятия гегелевской философии, как только узнал, что достаточно перелистать гегелевскую «Энциклопедию»[166], чтобы избавиться от необходимости изучать все остальные науки. Кроме того, он придерживался правила, которое он изложил в одной новелле и старался распространить среди своих друзей, — бедняга Гервег может об этом кое-что рассказать, — а именно того правила, что и в браке следует *реализовать* себя, поэтому еще в молодые годы он создал себе женитьбой «субстанциальную основу».

С помощью своих гегельянских фраз и «субстанциальной основы» ему удалось сделаться привратником немецкой философии, а в качестве такового он был обязан возвещать как в «Hallische Jahrbucher», так и в «Deutsche Jahrbucher»[167] о восходящих светилах и восхвалять их; пользуясь этим, ом довольно ловко эксплуатировал их в литературном отношении. К сожалению, вскоре наступил период философской анархии, тот период, когда в науке больше не было общепризнанного короля, когда Штраус, Б. Бауэр, Фейербах сражались друг с другом и когда разнообразнейшие чуждые друг другу элементы стали затуманивать ясную простоту классической доктрины. Тут наш Руге растерялся, он не знал, куда податься; его и так бессвязные гегелевские категории совершенно смешались, ц он вдруг почувствовал превеликую тоску по мощному движению, в котором не так уж важно, как мыслить и писать.

В «Hallische Jahrbucher» Руге играл ту же роль, что покойный книгоиздатель Николаи в старой «Berlinische Monatsschrift»[168]. Подобно ему, Руге видел свое главное призвание в том, чтобы печатать чужие работы и извлекать из них как материальную выгоду, так и литературный материал для собственных духовных излияний. Однако этому *переписыванию статей* своих сотрудников, этому процессу литературного пищеварения, вплоть до его неизбежного конечного результата, наш Руге умел придавать гораздо большее значение, нежели его предшественник. В этом отношении Руге был не привратником немецкого просвещения, а Николаи современной немецкой

философии и он умел скрывать прирожденную пошлость своего ума за густым терновником спекулятивных словесных оборотов. Подобно Николаи, он доблестно боролся против *романтики* как раз потому, что Гегель в своей «Эстетике» критически, а Гейне в «Романтической школе» литературно давно с ней покончили[169]. Однако, в отличие от Гегеля, он сходился с Николаи в том, что в качестве противника романтики воображал себя вправе выставлять как совершенный идеал пошлое филистерство и прежде всего — свою собственную филистерскую фигуру. С этой целью, а также для того, чтобы одолеть врага в его собственной сфере, Руге сочинял и стихи, пресная скука которых, превосходящая достижения любого из голландцев, надменно бросалась в лицо романтикам как вызов.

Впрочем, наш померанский мыслитель в сущности не особенно хорошо чувствовал себя в гегелевской философии. Если он и был силен в усматривании противоречий, то тем менее он был способен разрешать их и питал весьма понятное отвращение к диалектике. Поэтому и случилось, что в его догматическом мозгу грубейшие противоречия мирно уживались рядом, а его и без того крайне неповоротливое мышление чувствовало себя как нельзя лучше в таком смешанном обществе. С ним иногда бывало, что он переваривал на свой лад одновременно две статьи различных авторов и сплавлял их в новое произведение, не замечая, что статьи эти написаны с совершенно противоположных точек зрения. Постоянно застревая в противоречиях, он выпутывался с помощью того, что выдавал перед теоретиками слабость своего мышления за практический образ мысли, а перед практиками, наоборот, свою практическую беспомощность и непоследовательность — за высшее достижение теоретической мысли, —ив конечном счете заявлял, что именно это застревание в неразрешимых противоречиях, эта некритическая хаотичная вера в содержание всяких модных фраз и есть *«убеждение».*

Прежде чем последовать за нашим Морицем Саксонским, как Руге любил называть себя в тесном кругу, в его дальнейших жизненных перипетиях, укажем на две его характерные черты, проявившиеся уже во времена «Jahrbucher». Первая из них — *страсть к манифестам.* Как только кто-либо придумывал какую-либо новую точку зрения, для которой Руге усматривал некоторое будущее, он выпускал манифест. Так как никто не укорял его в том, что он когда-либо был повинен в какой-либо оригинальной мысли, то подобный манифест всегда давал ему удобный повод отстаивать — в более или менее напыщенной форме — нечто новое как свое собственное и на этом основания

одновременно пытаться образовать партию, фракцию, *«массу»,* которая стояла бы за ним и при которой он мог бы исполнять обязанности вахмистра. Впоследствии мы увидим, до какой невероятной степени совершенства Руге довел это изготовление манифестов, прокламаций и пронунциаменто.

Вторая его особенность — это то своеобразное *прилежание,* в котором Арнольд является непревзойденным мастером. Так как он не любит помногу заниматься изучением наук, или, как он выражается, «переписывать из одной библиотеки в другую», он предпочитает «черпать из живой жизни», т. е. с величайшей добросовестностью отмечать каждый вечер все, что приходит в голову, все «курьезы», новые идеи и прочие сведения, которые он в течение дня услышал, прочитал или подхватил. Все это затем, смотря по надобности, используется как материал для заданного урока, который Руге ежедневно проделывает с такой же добросовестностью, как и прочие естественные отправления. Почитатели его поэтому обычно говорят, что он страдает недержанием чернил. Совершенно безразлично, о чем идет речь в этом ежедневном продукте писательского труда, главное в том, что любую тему Руге поливает одним и тем же удивительным соусом стиля, который подходит ко всему решительно, точно так же, как англичане с одинаковым удовольствием приправляют своим «соусом Суайе» или своим уорикским соусом рыбу, птицу, котлеты и всякую иную пищу. Этот ежедневный стилистический *понос* Руге предпочитает называть *«проникновенно-*прекрасной формой» и видит в этом достаточное основание, чтобы выдавать себя за «художника».

Хотя Руге и был доволен своим положением привратника немецкой философии, в глубине души его все же глодал червь. Он не написал еще ни одной толстой книги и каждый день завидовал счастливцу Бруно Бауэру, который еще в молодые годы выпустил восемнадцать увесистых томов. Чтобы устранить эту несправедливость, Руге стал печатать одну и ту же статью трижды под разными заглавиями в одном и том же томе и затем издавать один и тот же том в разнообразнейших форматах. Таким образом возникло *собрание сочинений* Арнольда Руге, аккуратно переплетенные экземпляры которого автор до сих пор перебирает по утрам, том за томом, у себя в библиотеке, с удовлетворением приговаривая: «А ведь у Бруно Бауэра все же нет убеждений!».

Если Арнольду так и не удалось постичь философию Гегеля, то сам он, напротив, явился воплощением одной из гегелевских категорий. Он удивительно верно представил собой *«честное*

сознание» и тем более утвердился в этом, когда в «Феноменологии»[170], которая, впрочем, осталась для него книгой за семью печатями, сделал приятное открытие, что «честное сознание» всегда доставляет радость самому себе. Это «честное сознание» скрывает под назойливой добродетелью все мелкие вероломные повадки и привычки филистера. Оно вправе разрешать себе всякую подлость, ибо знает, что оно подло из честности. Сама глупость становится достоинством, так как является неопровержимым доказательством твердости убеждений. Всякая задняя мысль его поддерживается убеждением во внутренней прямоте, и чем тверже «честное сознание» задумывает какой-либо обман или мелочную подлость, тем более простодушно и доверительно оно может выступать. Все мелкие пороки мещанина в ореоле честного намерения превращаются в его добродетели, гнусный эгоизм предстает в приукрашенном виде, в виде якобы принесения жертвы, трусость рисуется в виде храбрости в высшем смысле слова, низость становится благородством, а грубые развязные мужицкие манеры преображаются в проявления прямодушия и хорошего расположения духа. Сточный желоб, в котором удивительным образом смешиваются все противоречия философии, демократии и, прежде всего, фразерства, и к тому же малый, щедро одаренный всеми порочными, подлыми и мелкими качествами отпущенного на волю крепостного, мужика: хитрецой и глупостью, жадностью и неповоротливостью, раболепием и надменностью, лживостью и простодушием; филистер и идеолог, атеист и верующий во фразу, абсолютный невежда и абсолютный философ в одном лице, — таков наш Арнольд Руге, каким Гегель предсказал его еще в 1806 году.

После запрещения «Deutsche Jahrbucher» Руге перевез в специально для этого сооруженном экипаже свою семью в Париж. Его несчастная судьба свела его там с *Гейне,* и тот приветствовал в нем человека, который «перевел Гегеля на померанский язык». Гейне спросил его, не является ли Пруц его псевдонимом, против чего Руге добросовестно протестовал. Однако Гейне нельзя было разубедить в том, что наш Арнольд является автором пруцевских стихов. Впрочем, Гейне очень скоро заметил, что если Руге и не обладает талантом, зато с успехом носит личину сильного характера, и вышло так, что наш друг Арнольд внушил поэту мысль об Атта Троле[171]. Если А. Руге и не ознаменовал свое пребывание в Париже великим произведением, ему все же по праву принадлежит та заслуга, что Гейне сделал это за него. В благодарность за это поэт посвятил ему известную эпитафию:

«Атта Троль, медведь с уклоном
К жизни в боге, страстный в браке:
Духом века обращенный
В матерого санкюлота;

Хоть плохой плясун, но с строем
Лучших чувств в груди косматой;
В смысле вони не безгрешный,
Не талант, — зато характер».

В Париже приключилось с нашим Арнольдом то, что он спутался с коммунистами и стал печатать в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» статьи *Маркса* и *Энгельса*[172], в которых говорилось прямо противоположное тому, что возвещалось им самим в предисловии. На эту беду обратила его внимание аугсбургская «Allgemeine Zeitung», но он перенес это с философским смирением.

Чтобы возместить природное неумение держаться в обществе, наш Руге выучил для пересказа по своему усмотрению небольшое количество забавных анекдотов, называемых им *«курьезами».* Долголетняя привычка оперировать этими «курьезами» привела к тому, что мало-помалу для него все события, обстоятельства и отношения стали превращаться в приятные или неприятные, хорошие или дурные, важные или неважные, интересные или скучные курьезы. Парижская суета, множество новых впечатлений, социализм, политика, Пале-Рояль[173], дешевые устрицы — все вместе так подавляюще подействовало на несчастного, что в голове его водворилась постоянная и неизлечимая курьезная сутолока и Париж сделался для него неисчерпаемым арсеналом курьезов. Сам он, между прочим, дошел до такого курьеза, что предлагал изготовлять одежду для пролетариев из опилок; да и вообще у него была слабость к промышленным курьезам, для которых он разыскивал, всегда безуспешно, акционеров.

Когда из Франции выслали немцев, игравших более или менее заметную роль в политике, Руге спасся от этой участи, представившись министру Дюшателю в качестве savant serieux*. Должно быть, он при этом имел в виду «ученого» из польдекоковского «Поклонника луны», который объявил себя ученым на том основании, что умел по-особенному стрелять пробками в воздух[174].

Вскоре после этого Арнольд отправился в Швейцарию, где встретился с бывшим голландским унтер-офицером, кёльнским провинциальным писателем и прусским мелким налоговым чиновником *К. Гейнценом.* Обоих вскоре связали узы близкой дружбы. Гейнцен учился у Руге философии, Руге у Гейнцена —

* — солидного ученого. *Ред.*

политике. С этого времени у Руге возникает настоятельная потребность выступать в качестве философа par excellence* лишь перед более невежественными элементами немецкого движения. Судьба заставляла его опускаться в этом отношении все ниже, пока в конце концов его не стали считать философом лишь священники, принадлежавшие к «Друзьям света»[175] (Дулон), немецко-католические пастыри (Ронге), да Фанни Левальд. Тем временем анархия в немецкой философии усиливалась с каждым днем. Штирнеровский «Единственный»[176], социализм, коммунизм и пр. — все новые самозванные пришельцы — невыносимо увеличивали сутолоку в голове Руге. Необходимо было решиться на какой-нибудь серьезный шаг. Вот тут-то Руге и нашел спасение под сенью *гуманизма,* т. е. той фразы, которой все путаники в Германии, от Рейхлина до Гердера, прикрывали свою растерянность. Фраза эта казалась тем более своевременной, что Фейербах только что «вновь открыл человека», и Арнольд уцепился за нее с таким отчаянием, что до сего часа не может от нее оторваться. Однако в Швейцарии Арнольд сделал еще одно несравненно более важное открытие, а именно, «что *повторным появлением* перед публикой «я» утверждает себя как *характер».* С этого момента для Арнольда открывается новое поле деятельности. Он возводит в принцип самую наглую развязность и навязчивость. Руге должен был во всем принимать участие, всюду совать свой нос. Ни одна курица не могла снести яйца без того, чтобы Руге не «проредактировал разум» этого «события»[177]. Во что бы то ни стало нужно было поддерживать связь с каким-нибудь провинциальным листком, где могло бы происходить «повторное появление». Ни одной газетной статьи он больше не писал без того, чтобы не поставить под ней свое имя и не сказать в ней, по мере возможности, о себе самом. Этот принцип «повторного появления» должен был распространяться на каждую статью; она печаталась сначала в виде письма в европейских и (со времени переезда Гейнцена в Нью-Йорк) в американских газетах, затем — в виде брошюры и, наконец, еще раз повторялась в собрании сочинений.

В таком вооружении наш Руге мог возвратиться в Лейпциг, чтобы заставить окончательно признать себя в качестве *«характера».* Но и здесь он нашел не одни только розы. Его старый приятель книгоиздатель Виганд с большим успехом заменил его в роли Николаи, и так как не было никаких вакантных должностей, Руге погрузился в мрачные размышления по поводу

* — по преимуществу. *Ред.*

суетности всех и всяких «курьезов». И вдруг разразилась германская революция.

В ней наш Арнольд нашел неожиданное спасение. Началось, наконец, мощное движение, в котором и самый неповоротливый легко может плыть по течению, и Руге немедленно направился в Берлин, надеясь поудить там рыбку в мутной воде. Поскольку там только что разразилась *революция,* он счел наиболее своевременным выступить с предложением *реформы.* Он основал листок под таким же названием[178]. Выходившая до революции парижская «Réforme»[179] была самой бездарной, самой невежественной и скучной газетой во Франции. Берлинская «Reform» доказала, что можно перещеголять даже ее парижский прообраз и что даже в «метрополии разума» можно без стеснения преподносить немецкой публике столь немыслимую газету. На том основании, что свойственная Руге риторическая тяжеловесность является якобы наилучшей гарантией глубины скрывающихся за ней мыслей, Арнольд был избран представителем Бреславля* во Франкфуртский парламент. Там он немедленно нашел возможность выступить в качестве редактора демократической левой с нелепым *манифестом.* Проявив себя в остальном лишь своими бреднями о *манифестах* от имени *конгрессов* европейских *народов,* он ревностно присоединился к общему пожеланию о том, чтобы Пруссия растворилась в Германии. Впоследствии, вернувшись в Берлин, он требовал, чтобы Германия растворилась в Пруссии, а Франкфурт — в Берлине, а когда ему, под конец, пришло в голову стать саксонским пэром, он потребовал, чтобы Германия и Пруссия растворились в Дрездене.

Его парламентская деятельность не принесла ему никаких лавров, наоборот, его собственная партия разочаровалась в нем, убедившись в его неповоротливости и неспособности. В то же время дела его «Reform» шли все хуже и хуже, и он считал, что может поправить их лишь своим личным присутствием в Берлине. В качестве «честного сознания», он, само собой разумеется, нашел высокополитический предлог для своего ухода и предложил также и всей левой выйти из парламента вместе с ним. Этого, конечно, не произошло, и Руге отправился в Берлин один. В Берлине он сделал открытие, что современные конфликты легче всего разрешаются по *«дессаускому образцу»,* как он окрестил маленькое образцовое демократически-конституционное государство. Потом, во время осады *Вены,* он сочинил новый *манифест,* призывавший генерала *Врангеля*

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*

выступить на защиту Вены от Виндишгреца. Санкцию демократического конгресса[180] для этого уникального документа он приобрел под тем предлогом, будто манифест вместе с подписью уже набран и отпечатан. Наконец, когда и сам Берлин очутился в осадном положении, г-н Руге отправился к Мантёйфелю и сделал ему ряд предложений относительно «Reform», которые были, однако, отклонены. Мантёйфель признался ему, что не может пожелать себе лучших оппозиционных газет, нежели «Reform»,— «Neue Preusische Zeitung»[181] много опаснее и т. д., — высказывание, которое наивный Руге с победоносным видом поспешил распространить по всей Германии. В то же время Арнольд увлекся *пассивным сопротивлением*[182] и оказал его на деле, покинув на произвол судьбы газету, сотрудников и все прочее и поспешно обратившись в бегство. Очевидно, активное бегство является наиболее решительной формой пассивного сопротивления. Контрреволюция наступала и Руге бежал от нее без оглядки от Берлина до самого Лондона.

Во время майского восстания в Дрездене Арнольд вместе со своим другом Отто Вигандом и городским советом стал во главе движения в Лейпциге. Вместе с этими своими коллегами он выпустил энергичный *манифест к* дрезденцам, приглашая их храбро сражаться, ибо в Лейпциге находятся Руге, Виганд и отцы города — они стоят на страже, а береженого и бог бережет. Но едва только появился этот манифест, как наш храбрый Арнольд мгновенно улепетнул в Карлсруэ.

В Карлсруэ он не чувствовал себя в безопасности, хотя баденцы стояли на Неккаре и дело еще далеко не дошло до военных действий. Он упросил Брентано отправить его в Париж в качестве посла. Брентано подшутил над ним, предоставив ему этот пост на двенадцать часов, а на другое утро выманил у него обратно приказ о назначении как раз в тот момент, когда Руге собирался выехать. Тем не менее Руге отправился в Париж вместе с действительно назначенными представителями правительства Брентано — Шюцем и Блиндом — и держал себя столь своеобразно, что его собственный бывший редактор Оппенхейм счел себя вынужденным объявить в официальной «Karlsruher Zeitung»[183], что г-н Руге отправился в Париж отнюдь не в качестве официального лица, а *«на свой собственный страх и риск»*. Когда однажды Шюц и Блинд захватили его с собой к Ледрю-Роллену, Руге вдруг прервал дипломатические переговоры, начав в присутствии француза отчаянно бранить немцев, так что его спутникам не осталось ничего другого, как смущенно и сконфуженно ретироваться. Наступил день 13 июня, который так потряс нашего Арнольда, что он без всяких основа-

ний дал тягу и опомнился только в Лондоне на свободной британской земле. По поводу этого бегства он сравнивал себя впоследствии с Демосфеном.

В Лондоне Руге начал с попытки объявить себя послом баденского временного правительства. Затем он пытался проникнуть в английскую печать в качестве великого немецкого писателя-мыслителя, но получил повсюду отказ со ссылкой на то, что англичане слишком материалистичны, чтобы понимать немецкую философию. Кроме того, его спрашивали относительно его произведений, на что Руге мог отвечать лишь вздохом, между тем как в уме его вновь живо вставал образ Бруно Бауэра. Ибо что представляло собой даже его собрание сочинений, как не многократно перепечатанные брошюры! И даже не брошюры, а сброшюрованные журнальные статьи, и в сущности даже не журнальные статьи, а перепутанные отрывки из прочитанных книг. Снова надо было что-то предпринять, и Руге написал две статьи для «Leader»[184], в которых он под предлогом изображения немецкой демократии заявляет, что в Германии сейчас на повестке дня стоит *«гуманизм»,* представляемый Людвигом Фейербахом и Арнольдом Руге, автором следующих трудов: 1) «Религия нашего времени», 2) «Демократия и социализм», 3) «Философия и революция». Эти три выдающиеся произведения, которых до сих пор нельзя найти ни в одной книжной лавке, являются, разумеется, не чем иным, как неопубликованными пока новыми заглавиями некоторых старых статей Руге. Одновременно с этим Арнольд принялся за свои ежедневные уроки, делая — себе самому в назидание, немецкой публике на пользу и к величайшему ужасу г-на Брюггемана — обратный перевод на немецкий язык статей, попавших из «Kolnische Zeitung» в «Morning Advertiser»[185].

Не пожав никаких лавров, он удалился в Остенде, где нашел досуг, необходимый для подготовки к роли премудрого *путаника*[*] *немецкой эмиграции.*

Подобно тому как Густав представляет растительную пищу, а Готфрид — чувства немецкого *мелкобуржуазного* филистера, так Арнольд представляет его *разум,* или, вернее, *неразумие.* Он не открывает, подобно Арнольду Винкельриду[186], *дорогу* свободы, — он собственной персоной являет собой *сточный желоб* «свободы»[**]. В германской революции Руге выделяется точно вывеска на углу некоторых улиц: здесь разрешается мочиться.

---

[*] Игра слов: «Konfusius»—«путаник» созвучно имени Konfuzius— Конфуций. *Ред.*

[**] Игра слов: «Gasse der Freiheit» — «дорога свободы», «Gosse der Freiheit» — «сточный желоб свободы». *Ред.*

Однако вернемся, наконец, к нашему циркуляру и сопроводительному письму. Циркуляр не произвел ожидаемого впечатления, и из первой попытки учредить демократическую единую церковь ничего не вышло. Впоследствии Шрамм и Густав объясняли, будто виною тому было лишь то обстоятельство, что Руге не умел ни говорить по-французски, ни писать по-немецки. Но великие мужи вскоре снова стали действовать.

Che ciascun oltra moda era possente,
Come udirete nel canto seguente*.

* — Один другого мощью был чудесней,
О чем подробней—в следующей песне. (Боярдо. «Влюбленный Роланд».) *Ред.*

VI

Одновременно с Густавом из Швейцарии в Лондон приехал Родомонт-*Гейнцен*[187]. Карл Гейнцен, годами живший угрозой истребить в Германии «тиранов», проникся после февральской революции такой неслыханной храбростью, что решился вновь ступить на немецкую землю, на островок Шустер, а потом переправился в Швейцарию. Оттуда, из безопасной Женевы, он снова принялся громить «тиранов и притеснителей» и воспользовался случаем объявить, что «Кошут великий человек, но Кошут забыл про гремучую ртуть». Из отвращения к кровопролитию Гейнцен стал алхимиком революции. Он мечтал о взрывчатом веществе, которое в мгновение ока могло бы смести с лица земли всю европейскую реакцию, не обжегши даже пальцев того, кто его применит. Он питал особое отвращение к «прогулкам» под градом пуль и к обыкновенному способу ведения войны, при котором убеждения не защищают от пуль. Во времена правления г-на Брентано он даже рискнул совершить революционную поездку в Карлсруэ. Не получив там ожидаемой награды за свои великие подвиги, он решился на первых порах редактировать официальный вестник* «предателя» Брентано. Однако, когда пруссаки начали наступление, он заявил, что он, Гейнцен, отнюдь «не намерен давать себя убивать» за предателя Брентано, и под предлогом формирования отборного отряда, в котором политические убеждения и военная организация взаимно дополняли бы друг друга, — иными словами, воинская трусость сходила бы за политическую смелость, — он в постоянной погоне за таким образцовым добровольческим отрядом отступал до тех пор, пока не очутился вновь на знакомой швейцарской земле. «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию»[188] выглядело более кровавым, чем революционный поход Родомонта. Прибыв в Швейцарию, он объявил, что в Германии

* — «Karlsruher Zeitung». *Ред.*

нет больше людей, что настоящая гремучая ртуть еще не открыта, что война ведется не при помощи революционных убеждений, а обычным путем, посредством пороха и свинца, и что теперь он начнет революционизировать Швейцарию, ибо Германию он считает потерянной. В идиллически-изолированной Швейцарии, принимая во внимание исковерканный язык, на котором здесь говорят, Родомонт мог сойти за немецкого писателя и даже за опасного человека. Он добился того, чего хотел. Он был выслан и за счет Швейцарского союза препровожден в Лондон. Родомонт-Гейнцен не принимал прямого участия в европейской революции, но он, без сомнения, не мало суетился из-за нее. Когда разразилась февральская революция, он произвел в Нью-Йорке «сбор денег в пользу революции», чтобы поспешить на помощь отечеству, и добрался до самой швейцарской границы. Когда потерпела крушение мартовская революция в германских государствах, он за счет швейцарского Федерального совета перекочевал из Швейцарии на ту сторону Ла-Манша. Он получил то удовлетворение, что взимал поборы как с революции для своего наступления, так и с контрреволюции для своего отступления.

В итальянских рыцарских эпопеях постоянно фигурируют могучие, широкоплечие великаны; вооруженные громадными дубинами, они, однако, в поединках, несмотря на свою варварскую драчливость и грозные вопли, никогда не попадают в противника, а всегда только в окружающие деревья. Таким-то ариостовским великаном в политической литературе и является г-н Гейнцен. Наделенный от природы грубо сколоченной фигурой и солидной плотью, он узрел в этом указание на то, что он призван стать великим человеком. Эта увесистая телесность довлеет над всей его литературной деятельностью, которая насквозь телесна. Противники его— всегда крохотны, карлики, не-доходящие ему до щиколотки, на которых он, даже согнувшись до колен, смотрит сверху вниз. Когда же, наоборот, требуется пустить телесность в дело, «uomo membruto»* ищет спасения в литературе или в суде. Так, едва он очутился в безопасности на британской земле, как написал статью о моральном мужестве. В Нью-Йорке же нашего великана в течение столь долгого времени и столь часто избивал некий г-н Рихтер, что полицейский судья, налагавший сначала лишь незначительные денежные штрафы, в конце концов приговорил карлика Рихтера, принимая во внимание его целеустремленность, к уплате компенсации за побои в размере 200 долларов.

* — «здоровенный детина». *Ред.*

Естественным дополнением к этому большому телу, в котором все пышет здоровьем, является *здравый человеческий, смысл,* который, по уверению г-на Гейнцена, присущ ему в высшей степени. В соответствии с требованиями этого здравого человеческого смысла г-н Гейнцен, будучи прирожденным гением, ничему не учился, и в литературном и научном отношении совершенно невежественен. В силу здравого человеческого смысла, который он называет также «свойственной ему проницательностью» и на основании которого он уверял Кошута, что «проник до последних пределов идеи», он учится только понаслышке или по газетам, а поэтому постоянно отстает от времени и всегда щеголяет в одеянии, за несколько лет до того сброшенном литературой, между тем как новые современные одежды, с которыми он никак еще не может освоиться, он объявляет безнравственными и негодными. Но в то, что он уже раз усвоил, он верит совершенно непоколебимо, и это превращается для него в нечто исконное, само собой разумеющееся, с чем должен согласиться каждый и чего не желает понять только злоба, глупость или софистика. Столь крепкое тело и столь здравый человеческий смысл должны, конечно, также обладать твердыми, добропорядочными *убеждениями* и им весьма пристало доводить тупую веру в эти убеждения до крайних пределов. В этом отношении Гейнцен не уступает никому. По всякому поводу следует ссылка на убеждение, каждому аргументу противопоставляется убеждение и со всяким, кто его не понимает или кого он не понимает, он разделывается, попросту объявляя его человеком, не имеющим никаких убеждений и исключительно по злой воле, с дурными намерениями отрицающим то, что ясно, как солнечный день. Против этих презренных последователей Аримана[189] он взывает к своей музе — к негодованию: он бранится, он шумит, он бахвалится, он читает нравоучения, он с пеной у рта произносит пустые проповеди самого трагикомического характера. Он показывает, до каких пределов может доходить бранная литература, когда ею пользуется человек, которому в равной степени чужды как остроумие, так и литературное образование Берне. Какова его муза, таков и его стиль. Вечно все та же сказочная «дубинка, из мешка!»[190], при этом, однако, самая обыкновенная дубинка, у которой даже суковатые отростки не оригинальны и не колючи. Только в тех случаях, когда он наталкивается на нечто научное, он на мгновение запинается. С ним происходит то же, что произошло с торговкой рыбой в Биллингсгете[191], с которой однажды вступил в перебранку О'Коннел и которую он заставил замолчать, ответив ей на длинный поток ругани: «Вы сами такая, вы еще много

хуже, вы — равнобедренный треугольник, вы — параллелепипед!».

Из прошлого г-на Гейнцена надо отметить, что он в голландских колониях дослужился если не до генерала, то до унтер-офицера — унижение, из-за которого он впоследствии всегда отзывался о голландцах, как о нации, лишенной убеждений. Позже мы застаем его в Кёльне мелким налоговым чиновником, в качестве какового он написал комедию, в которой его здравый человеческий смысл тщетно пытался высмеять философию Гегеля[192]. Значительно лучше чувствовал он себя в отделе местных сплетен «Kolnische Zeitung», на последней полосе, где он с важностью рассуждал о недоразумениях в кёльнском Карнавальном обществе — учреждении, из которого вышли все великие люди Кёльна. Его собственные горести, равно как и горести отца его, лесничего Гейнцена, испытанные в столкновениях с начальством, приняли у него, — как обычно происходит со здравым человеческим смыслом при всякого рода мелких личных конфликтах, — характер мировых событий. Он описал их в своей «Прусской бюрократии» — книге, которая значительно хуже венедеевской[193] и в которой нет ничего, кроме жалоб мелкого чиновника на высшее начальство. Эта книга вовлекла его в процесс о печати. Хотя ему в худшем случае угрожало лишь шестимесячное заключение, ему казалось, что он рискует головой, и он спасся бегством в Брюссель. Оттуда он потребовал, чтобы прусское правительство не только гарантировало ему свободный пропуск, но также отменило в его интересах все французское судопроизводство и предало бы его суду присяжных по делу о простом проступке[194]. Прусское правительство издало приказ об его аресте; он ответил «Приказом об аресте» прусского правительства[195]; в этом сочинении он, между прочим, проповедовал моральное сопротивление и конституционную монархию, а революционеров объявлял безнравственными людьми и иезуитами. Из Брюсселя он направился в Швейцарию. Там он, как уже говорилось выше, встретился с другом Арнольдом и, кроме его философии, обучился у него весьма выгодному способу обогащения. Подобно тому как Арнольд в процессе полемики старался присваивать идеи своего противника, так и Гейнцен в процессе *ругани* стал усваивать новые мысли, с которыми он боролся. Не успел он сделаться атеистом, как со всем рвением и жаром прозелита тотчас затеял яростную полемику с бедным стариком Фолленом за то, что последний не видел оснований также сделаться на старости лет без всяких побудительных причин атеистом. Швейцарская федеративная республика, с которой он теперь столкнулся вплотную, развила его здравый чело-

вечеcкий смысл до такой степени, что он пожелал теперь ввести такую же федеративную республику и в Германии. Однако тот же здравый человеческий смысл привел его к заключению, что сделать это без революции невозможно, и таким образом Гейнцен стал революционером. Он открыл торговлю памфлетами, проповедуя в них в грубейшем швейцарском мужицком тоне немедленное вступление в «бой» и угрожая смертью всем монархам, от которых исходят все бедствия на земле. Он пытался образовать в Германии комитеты для сбора средств на печатание и распространение этих памфлетов, причем это бесцеремонно сопровождалось попрошайничеством в широких размерах — промыслом, в котором принадлежащие к его партии люди сперва эксплуатировались, а затем подвергались грубой брани. Подробнее об этом может рассказать старик Ицштейн. Эти памфлеты снискали Гейнцену большую славу среди немецких виноторговцев, разъезжающих по стране, которые всюду трубили о нем как о храбром «вояке».

Из Швейцарии он перебрался в Америку; здесь он, несмотря на то, что благодаря своему швейцарскому мужицкому стилю сходил за настоящего поэта, сумел в короткое время загубить нью-йоркскую «Schnellpost»[196].

Вернувшись в Европу после февральской революции, он написал в «Mannheimer Abendzeitung»[197] несколько сообщений о прибытии великого Гейнцена и выпустил брошюру против Ламартина[198] в отместку за то, что последний, так же, впрочем, как и все правительство, игнорировал его, невзирая на его мандат представителя американских немцев. Возвращаться в Пруссию он не желал, так как, несмотря на мартовскую революцию и амнистию, полагал, что там он все еще рискует головой. Его должен был призвать народ. Так как этого не произошло, он вздумал заочно баллотироваться в Гамбурге в депутаты во Франкфуртский парламент, мотивируя это тем, что раз он плохой оратор, то тем энергичнее он будет голосовать. Однако он провалился.

Прибыв после окончания баденского восстания в Лондон, он с крайним негодованием стал отзываться о молодых людях, из-за которых забывали и которые сами забывали великого мужа дореволюционного и послереволюционного периода. Он всегда был лишь l'homme de la veille или l'homme du lendemain[*], но никогда не был l'homme du jour[**], а тем паче — de la journée[***]. Так как настоящей гремучей ртути все еще

[*] — человеком вчерашнего или человеком завтрашнего дня. *Ред.*
[**] — человеком сегодняшнего дня. *Ред.*
[***] — дня решительных действий. *Ред.*

не открыли, приходилось изыскивать новые средства борьбы с реакцией. Поэтому он потребовал принесения в жертву двух миллионов голов, дабы в качестве диктатора он мог погрузиться по щиколотку в кровь, — разумеется, пролитую другими. В сущности дело сводилось к тому, чтобы вызвать скандал. Реакция за свой счет препроводила его в Лондон, теперь посредством высылки из Англии она должна была также бесплатно препроводить его в Нью-Йорк. Затея, однако, не удалась и привела лишь к тому, что французские радикальные газеты обозвали его дураком, требующим двух миллионов голов лишь потому, что сам он никогда не рисковал своей собственной. Но чтобы достойно увенчать дело, он свою кровожадную, кровавую статью напечатал... в «Deutsche Londoner Zeitung» бывшего герцога Брауншвейгского — конечно, за наличные деньги.

Густав и Гейнцен издавна питали друг к другу чувства взаимного уважения. Гейнцен выдавал Густава за мудреца, а Густав Гейнцена — за вояку. Гейнцен едва мог дождаться окончания европейской революции, чтобы положить конец «губительным раздорам среди демократической немецкой *эмиграции»* и вновь приняться за свои домартовские дела. Он «представил на обсуждение программу германской революционной партии в качестве своего предложения и проекта». Программа эта выделялась изобретением особого министерства для «той отрасли, которая не уступает по важности любой другой, — а именно для организации публичных игрищ, площадок для борьбы» (без града пуль) «и садов», а также декретом, «отменяющим преимущества лиц мужского пола, в частности в браке» (особенно также ив тактике удара во время войны. См. Клаузевиц). Программа эта, представлявшая собой в сущности только дипломатическую ноту Гейнцена Густаву, — никто другой, собственно, не обратил на нее никакого внимания, — вместо единения вызывает лишь немедленный разрыв между обоими каплунами. Гейнцен требовал назначения для «революционного переходного времени» единоличного диктатора, непременно пруссака родом, причем, во избежание недоразумений, он добавлял: «Диктатором не может быть солдат». Густав же, наоборот, требовал диктатуры троих, в число коих, кроме него, должно было войти по крайней мере еще два баденца. К тому же Густаву показалось, что он обнаружил, будто Гейнцен в поспешно опубликованной программе украл у него какую-то «идею». Так провалилась эта вторая попытка единения, и Гейнцен, совершенно непризнанный светом, вернулся во мрак неизвестности, в котором пребывал до тех пор, пока не нашел, что английская почва для него невыносима и не отплыл осенью 1850 г. в Нью-Йорк.

VII
ГУСТАВ И КОЛОНИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ

После того как неутомимый Густав сделал еще одну безуспешную попытку образовать вместе с Фридрихом Бобцином, Хаббеггом, Освальдом, Розенблюмом, Конхеймом, Грунихом и другими «выдающимися» мужами *центральный эмигрантский комитет,* он направил свои стопы в Йоркшир. Здесь должен был расцвести волшебный сад, в котором царил бы не порок, как в саду Альчины[199], а добродетель. Один старый отличавшийся юмором англичанин, которому наш Густав надоедал своими теориями, поймал его на слове и отвел ему в Йоркшире несколько моргенов болотистой земли с непременным условием, чтобы там была основана «колония воздержания», где строжайше воспрещалось бы всякое употребление мяса, табака и спиртных напитков, где допускалась бы только растительная пища и где каждый колонист был бы обязан по утрам вместо молитвы читать главу из сочинения Струве о государственном праве. Кроме того, колония должна была содержать себя собственным трудом. В сопровождении своей Амалии, желторотого шваба Шнауффера и еще нескольких соратников Густав смиренно отправился в поход и основал «колонию воздержания». Об этой колонии можно сказать, что в ней господствовало мало «благосостояния», много просвещения и неограниченная «свобода» скучать и худеть. И вот в одно прекрасное утро наш Густав открыл обширный заговор. Его компаньоны, не обладавшие его жвачными наклонностями и питавшие отвращение к растительной пище, порешили за его спиной зарезать единственную старую корову, молоко которой являлось главным источником дохода «колонии воздержания». Густав всплеснул руками, залился горючими слезами по поводу вероломства по отношению к подобной нам твари божьей, с негодованием объявил, что колония распускается, и решил сделаться мокрым квакером[200], если ему и на этот раз не удастся в Лондоне вновь вызвать к жизни «Deutscher Zuschauer» или основать какое-либо «временное правительство».

VIII

Арнольд, которого никак не устраивало отшельническое житье в Остенде и которого тянуло к «повторному появлению» перед публикой, прослышал о густавовой беде. Он немедленно решил поспешно вернуться в Англию и на плечах Густава подняться до положения одного из пентархов европейской демократии. Дело в том, что в это время из Мадзини, Ледрю-Роллена и Дараша образовался Европейский центральный комитет[201], душой которого был Мадзини. Руге учуял здесь вакантное местечко. Правда, у Мадзини был им самим произведенный в генералы Эрнст *Хауг,* но он еще мог назначить его немецким сотрудником своего «Proscrit»[202], однако сделать этого совершенно безвестного человека членом своего Центрального комитета он не мог хотя бы из соображений приличия. Нашему Руге было известно, что Густав был знаком с Мадзини еще по Швейцарии. Он, со своей стороны, хотя и знал Ледрю-Роллена, но сам, к несчастью, был ему незнаком. И вот Арнольд поселился в Брайтоне, стал баловать и миловать простодушного Густава, обещал ему основать вместе с ним в Лондоне «Deutscher Zuschauer» и даже за свой счет предпринять совместное демократическое издание роттек-велькеровского словаря политических наук. В то же время одной из провинциальных немецких газет, каковые он в соответствии со своими принципами всегда имел под рукой (на этот раз жребий выпал на долю «Bremer Tages-Chronik»[203] попа Дулона, принадлежащего к «Друзьям света»), он рекомендовал нашего Густава в качестве великого мужа и сотрудника. Рука руку моет — Густав рекомендовал Арнольда Мадзини. Так как Арнольд изъяснялся на совершенно непонятном французском языке, никто не мог ему помешать представиться Мадзини в качестве величайшего мужа и особенно в качестве «мыслителя» Германии. Видавший виды итальянский фанатик с первого взгляда признал в Арнольде нужного ему человека, homme sans conséquence*, который мог бы ставить

* — ничтожного, незначительного человека. *Ред.*

под его антипапскими буллами подпись от имени немцев. Таким образом, Арнольд Руге стал пятой спицей в колеснице европейской центральной демократии. Когда какой-то эльзасец спросил Ледрю, как ему могло прийти в голову связаться о таким «bete»[*], Ледрю резко ответил: «C'est l'homme de Mazzini»[**]. Когда же спросили Мадзини, почему он связался с Ледрю, совершенно безыдейным человеком, хитрец ответил: «C'est precisement pourquoi je l'ai pris»[***]. Мадзини сам имел все основания держаться подальше от идейных людей. А Арнольд Руге почувствовал, что он превзошел собственный идеал, и на некоторое время позабыл даже о Бруно Бауэре.

Когда же он должен был подписать первый мадзиниевский манифест, он с тоской вспомнил о тех временах, когда он выступал против профессора Лео в Галле и старика Фоллена в Швейцарии — первый раз как приверженец учения о святой троице, а второй — уже в качестве атеиста-гуманиста. Теперь надлежало вместе с Мадзини выступить в защиту *бога* против монархов. За это время философская совесть нашего Арнольда успела уже значительно деморализоваться благодаря связи его с Дулоном и прочими пасторами, среди которых он слыл философом. От некоторой слабости к религии вообще наш Арнольд в последнее время не мог отделаться, а кроме того его «честное сознание» нашептывало ему: «Подпиши, Арнольд! Paris vaut bien une messe[204]. Даром нельзя стать пятой спицей в колеснице временного правительства Европы in partibus! Подумай, Арнольд! Каждые две недели подписывать манифест, притом в качестве «membre du parlement allemand»[****], в обществе самых великих мужей Европы!» И Арнольд подписал, обливаясь потом. «Странный курьез!» — бормотал он. — «Ce n'est que le premier pas qui coute»[*****]. Последнюю фразу он накануне вечером занес в свою записную книжку. Между тем испытания Арнольда еще не пришли к концу. После того как Европейский центральный комитет выпустил ряд манифестов — к Европе, к французам, к итальянцам, к силезским полякам, к валахам, очередь дошла, благо как раз произошло великое сражение при Бронцелле[205], до *Германии.* В своем наброске Мадзини нападал на немцев за недостаток космополитизма и, в частности, за излишнюю заносчивость по отношению к итальянским колбасникам, шарманщикам, кондитерам,

[*] — «болваном». *Ред.*
[**] — «Это ставленник Мадзини». *Ред.*
[***] — «Именно поэтому я его и избрал». *Ред.*
[****] — «члена германского парламента». *Ред.*
[*****] — «Труден лишь первый шаг». *Ред.*

дрессировщикам сурков и продавцам мышеловок. Арнольд, пристыженный этим, все это признал. Больше того, он заявил, что согласен отдать Мадзини итальянскую часть Тироля и Истрию. Но этого оказалось недостаточно. Необходимо было не только усовестить немецкую нацию, — надобно было подействовать на ее слабые стороны. Арнольд получил приказ иметь на этот раз собственное мнение, поскольку он представляет немецкий элемент. Чувствовал он себя при этом как кандидат Иобс[206]. Он задумчиво почесал затылок н после долгих размышлений пролепетал: «Со времен Тацита германские барды поют баритоном и зимней порой зажигают на всех горах костры, чтобы греть у них ноги».

«Барды, баритон и костры на всех горах! Это ли не поможет немецкой свободе!» — ухмылялся Мадзини. Барды, баритон, костры на горах и немецкая свобода попали в манифест как чаевые для немецкой нации[207]. К своему собственному удивлению Арнольд Руге выдержал экзамен и впервые понял, как мало требуется мудрости, чтобы управлять миром. С этого момента он больше, чем когда-либо, стал презирать Бруно Бауэра, написавшего уже в молодые годы восемнадцать увесистых томов.

Пока Арнольд, на запятках Европейского центрального комитета, подписывал, таким образом, для Мадзини *воинственные* манифесты в защиту бога против монархов, *движение в пользу мира* под предводительством Кобдена не только широко распространилось в Англии, но даже перекинулось на ту сторону Немецкого моря, так что шарлатан-янки Элнхью Бёррит вместе с Кобденом, Яупом и Жирарденом и индейцем Ка-ги-га-ги-ва-ва-бе-та могли устроить конгресс мира во Франкфурте-на-Майне[208]. У нашего Арнольда руки чесались воспользоваться также и этим случаем, чтобы совершить свое «повторное появление» и выпустить от своего имени манифест. Поэтому он сам себя назначил членом-корреспондентом этого франкфуртского собрания н послал туда чрезвычайно путаный манифест о мире, переложенный им из речей Кобдена на свой спекулятивный померанский язык. Некоторые немцы указывали Арнольду на противоречие между воинственной позицией его в Центральном комитете и его квакерским манифестом о мире. На это он обычно возражал: «На то и существуют противоречия. Такова диалектика. В молодости я изучал Гегеля». А «честное сознание» успокаивало его тем, что Мадзини не понимает по-немецки и поэтому ему легко втереть очки.

Протекция *Харро Харринга,* только что высадившегося в Гулле, также сулила надежду на упрочение отношений Арнольда с Мадзини. В лице Харро Харринга на сцену выступил новый в высокой степени примечательный персонаж.

IX

Великой драме демократической эмиграции 1849—1852 гг. предшествовал за восемнадцать лет до того пролог: демагогическая эмиграция 1830—1831 годов. Хотя времени было достаточно, чтобы смести со сцены большую часть этой первой эмиграции, однако некоторые достойные остатки ее еще сохранились. Со стоическим спокойствием относясь и к ходу мировой истории и к результатам собственной деятельности, они продолжали заниматься своим ремеслом агитаторов, составляли всеобъемлющие планы, учреждали временные правительства и сыпали декларациями направо и налево. Ясно, что эти многоопытные шарлатаны должны были бесконечно превосходить новое поколение в знании дела. Это-то умение вести дела, приобретенное восемнадцатилетней практикой заговоров, комбинаций, интриг, деклараций, обмана и выпячивания своей персоны и придало г-ну Мадзини смелость и уверенность, с которыми он, имея за собой трех мало искушенных в подобных делах подставных лиц, смог провозгласить себя Центральным комитетом европейской демократии.

Никто не был поставлен обстоятельствами в более благоприятное положение, для того чтобы стать типичным эмигрантским агитатором, как наш друг *Харро Харринг.* И он действительно стал тем образцом, которому более или менее сознательно и более или менее удачно стараются подражать все паши великие мужи эмиграции—все Арнольды, Густавы и Готфриды; им, возможно, и удастся—если никакие неблагоприятные обстоятельства не помешают этому — сравняться с ним, по вряд ли они сумеют его превзойти.

Харро, который, подобно Цезарю, сам описал свои подвиги (Лондон, 1852 г.)[209], родился «на Кимврийском полуострове»*.

* — древнее название полуострова Ютландия. *Ред.*

Он принадлежит к тому северофризскому племени провидцев, которое уже доказало при посредстве д-ра Клемента, что все великие нации мира произошли от него. «Уже в ранней юности» стремился он «делами доказать свою преданность делу народов», отправившись в 1821 г. в *Грецию.* Друг Харро, очевидно, уже с молодых лет чувствовал в себе призвание быть всюду, где имела место какая-либо сумятица. Впоследствии он

«благодаря странной судьбе оказался у истоков абсолютизма, в непосредственной близости от царя, и, будучи в *Польше,* разглядел иезуитский характер конституционной монархии».

Таким образом, и в Польше Харро сражался за свободу. Однако «кризис европейской истории после падения Варшавы поверг его в глубокое раздумье», и это раздумье привело его к мысли о «демократии национальности», — мысли, которую он немедленно «запечатлел в произведении *«Народы»,* Страсбург, март 1832 года». По поводу этого произведения надобно заметить, что его чуть было не процитировали на Гамбахском празднестве[210]. В то же время он издал свои «республиканские стихи: *«Капли крови,* «История царя *Саула,* или монархия», *«Голоса мужей.* К единству Германии»»», и редактировал выходивший в Страсбурге журнал *«Deutschland»*[211]. Все эти произведения и даже все его будущие произведения имели неожиданное счастье быть 4 ноября 1831 г. запрещенными Союзным сеймом. Именно этого и недоставало славному борцу, — теперь он приобрел заслуженный вес и одновременно мученический венец. Он мог, таким образом, воскликнуть:

«Мои произведения получили широкое распространение и глубокий отклик в сердце народа. Они большей частью раздавались *бесплатно.* Некоторые из них не покрыли мне даже расходов по их изданию».

Но его ожидали новые почести. Уже в ноябре 1831 г. г-н Велькер тщетно пытался в обширном послании «склонить его к *вертикальному горизонту* конституционализма». Потом, в январе 1832 г., к нему явился г-н Мальтен, известный агент Пруссии за границей, и предложил ему поступить на прусскую службу. Двойное признание даже со стороны врагов! Достаточно сказать, что предложение Мальтена «бессознательно» пробудило в нем

«желание возродить в противовес этому династическому предательству идею скандинавской национальности», и «с этого времени возродилось, по крайней мере, *слово* «Скандинавия», казавшееся забытым уже в течение столетий».

Таким образом наш северный фриз из Южной Ютландии, не знавший сам толком, немец он или датчанин, приобрел хотя бы

фантастическую национальность, и первым результатом этого приобретения было то, что гамбахцы не пожелали иметь с ним дела.

После этих событий положение Харро было обеспечено. Ветеран борьбы за свободу Греции и Польши, изобретатель «демократии национальности», человек, вновь открывший «слово «Скандинавия»», признанный — благодаря запрету Союзного сейма — поэт, мыслитель и журналист, мученик и уважаемый даже врагами великий муж, отбить которого друг у друга стремились конституционалисты, абсолютисты, республиканцы, вдобавок достаточно пустой и путаный, чтобы верить в свое собственное величие, — чего еще не хватало ему для счастья? Но вместе с его славой росли также и требования, которые Харро как человек строгий предъявлял к самому себе. Недоставало большого труда, который в занимательной и популярной форма художественно синтезировал бы великие учения о свободе, идею демократии национальности, все возвышенные свободолюбивые стремления пробуждающейся на его глазах молодой Европы. Создать подобный труд мог лишь первоклассный поэт и мыслитель, а таким поэтом и мыслителем мог быть только Харро. Так возникли первые три части «драматического цикла *«Народ»,* всего в двенадцати частях, из которых одна на датское языке», — труда, которому автор посвятил десять лет своей жизни. К сожалению, из этих двенадцати частей одиннадцать находятся «до сих пор в рукописном виде».

Но недолго продолжалось сладостное общение с музами.

«Зимой 1832—1833 гг. в Германии подготовлялось движение, потерпевшее неудачу в трагических беспорядках во Франкфурте. Мне было поручено в ночь с 6 на 7 апреля овладеть крепостью (?) Кель. И люди, и оружие были в готовности».

К сожалению, из всего этого ничего не вышло и Харро пришлось удалиться в глубь Франции, где он написал свои *«Слова человека».* Оттуда вызвали его в Швейцарию готовившиеся к савойскому походу поляки. Там он стал «союзником их штаба», написал еще две части драматического цикла «Народ» и познакомился в Женеве с Мадзини. Затем вся эта серная банда[212] из польских, французских, немецких, итальянских и швейцарских авантюристов под командой благородного Раморино совершила пресловутое вторжение в Савойю[213]. Во время этого похода наш Харро почувствовал «ценность своей жизни и своей энергии». Но так как и остальные борцы за свободу подобно Харро чувствовали «ценность своей жизни», а относительно своей «энергии» не питали никаких иллюзий, то дело кончилось плохо, и вся компания возвратилась в Швейцарию разбитой, оборванной и разрозненной.

Недоставало только этого похода, чтобы толпа эмигрировавших рыцарей получила полное представление, насколько она страшна тиранам. Пока еще отголоски июльской революции давали себя знать во Франции, Германии или в Италии в виде отдельных восстаний, пока за нашими эмигрировавшими героями еще кое-кто стоял, они чувствовали себя лишь атомами в общей массе, пришедшей в движение, — правда, более или менее привилегированными, руководящими атомами, но в конечном счете все же только атомами. По мере же того как восстания эти теряли свою силу, по мере того как широкая масса «трусов», «равнодушных», «маловеров» все больше отказывалась от легкомысленной игры в восстание [Putschschwindelei] и наши рыцари чувствовали себя все более одинокими, — стало возрастать и их самомнение. Если вся Европа делалась малодушной, глупой и эгоистичной, то как должны были вырасти в собственных глазах те преданные долу люди, которые подобно жрецам поддерживали в своей груди священный огонь ненависти к тиранам и сохраняли традиции великой эпохи добродетели и любви к свободе для будущего более мужественного поколения! Если бы и они изменили делу, тираны утвердились бы на вечные времена. Так, подобно демократам 1848 г., в каждом поражении они черпали новую уверенность в победе и все больше и больше превращались в странствующих донкихотов с сомнительными средствами существования. Заняв такую позицию, они могли предпринять величайший из своих подвигов, а именно основать *«Молодую Европу»*[214], чья декларация о братстве, составленная Мадзини, была подписана в Берне 15 апреля 1834 года. В этот союз Харро вступил в качестве

«инициатора учреждения Центрального комитета, натурализованного члена «Молодой Германии» и «Молодой Италии» и вместе с тем в качестве представителя скандинавской ветви», каковую он «представляет и поныне».

Дата подписания этой декларации о братстве составляет для нашего Харро начало великой эры: от нее и вперед и назад ведется летосчисление, как это делалось до сих пор от рождества Христова. Эта дата знаменует кульминационный пункт его жизни. Он был содиктатором Европы in partibus, и хотя он был неизвестен миру, но все же являлся одним из опаснейших людей в мире. За плечами у него не было ничего, кроме его многочисленных, ненапечатанных произведений, за ним шло всего несколько немцев-ремесленников в Швейцарии да дюжина опустившихся политических аферистов. Но именно поэтому он мог утверждать, что с ним все народы. В том-то и особенность всех великих мужей, что современность их не признает и как раз по этой

причине им принадлежит будущее. А это будущее наш Харро носил в своем ранце, написанным черным по белому, — в виде декларации о братстве.

Но с этого времени начинается падение Харро. Первой постигшей его напастью было то, что ««Молодая Германия» в 1836 г. отделилась от «Молодой Европы»». Однако Германия за это была наказана. А именно вследствие этого отделения «весной 1848 г. оказалось, что в Германии для национального движения *ничего не подготовлено»,* и поэтому все дело окончилось столь плачевно.

Но куда более тяжкое огорчение причинило нашему Харро появление к этому времени коммунизма. При этом мы узнаем, что изобретателем коммунизма был не кто иной, как

«циник Иоганнес Мюллер из Берлина, автор вышедшей в 1831 г. в Альтенбурге весьма интересной брошюры о политике Пруссии», который отправился в Англию, где ему «не оставалось ничего иного, как пасти свиней по утрам на Смитфилдском рынке».

Эпидемия коммунизма вскоре стала свирепствовать среди немецких ремесленников во Франции и Швейцарии, и он сделался чрезвычайно опасным врагом для нашего Харро, так как тем самым был закрыт единственный рынок сбыта для его писаний. Такова «косвенная цензура коммунистов», от которой бедный Харро страдает и поныне, и теперь даже больше, чем когда-либо прежде, как он это с грустью признает и как «доказывает судьба его драмы «Династия»».

Этой «косвенной цензуре коммунистов» удалось даже прогнать нашего Харро из Европы, и он отправился в Рио-де-Жанейро (1840 г.), где жил в течение некоторого времени в качестве художника. «Добросовестно следуя духу времени», он напечатал там произведение

««Поэзия Скандинава» (2000 экземпляров), ставшее с этого времени благодаря своему распространению среди моряков как бы океанской литературой».

Однако «из скрупулезного чувства долга перед «Молодой Европой»» он, к сожалению, вскоре вернулся в Европу,

«поспешил в Лондон к Мадзини и там скоро разгадал опасность, угрожавшую со стороны коммунизма делу народов Европы».

Его ждали новые подвиги. Бандьера готовили свою экспедицию в Италию[215]. Дабы поддержать их в этом деле и вовлечь деспотизм в диверсию, Харро

«вновь отправился в Южную Америку, чтобы совместно с Гарибальди посильно содействовать основанию Соединенных Штатов Южной Америки во имя будущности народов».

Однако деспоты разгадали его намерения, и Харро поспешил скрыться. Он отплыл в Нью-Йорк.

«Во время поездки по океану я развил большую умственную деятельность и написал среди прочего драму «Власть идеи», относящуюся к драматическому циклу «Народ», также остающуюся до сих пор в рукописи».

В Нью-Йорк он привез с собой из Южной Америки мандат от мнимой местной организации «Humanidad»*.

Весть о февральской революции вдохновила его — и он написал на французском языке произведение «Пробужденная Франция», а во время отплытия в Европу

«я вновь запечатлел свою любовь к отечеству в нескольких стихотворениях из цикла «Скандинавия»».

Он прибыл в Шлезвиг-Гольштейн. Здесь он застал

«после двадцатисемилетнего отсутствия беспримерное смешение понятий о :международном праве, демократии, республике, социализме и коммунизме, сваленных, точно гнилое сено и солома, в авгиевы конюшни партийной ярости и национальной ненависти».

И неудивительно, ибо

«мои политические произведения, равно как и все мои стремления и моя деятельность, начиная с 1831 г., остались чуждыми и неизвестными в этих пограничных местностях моей родины».

Аугустенборгская партия[216] в течение восемнадцати лет поддерживала против него conspiration du silence**. Чтобы помочь этой беде, он нацепил на себя саблю, ружье, четыре пистолета и шесть кинжалов и в таком виде стал взывать к образованию добровольческих отрядов; однако все было тщетно. После различных приключений он, наконец, высадился в Гулле. Там он поспешил обнародовать два послания — к шлезвиг-гольштейнцам, а также к скандинавам и немцам, — и отправил, как говорят, двум коммунистам в Лондон записку следующего содержания:

«Пятнадцать тысяч рабочих Норвегии в моем лице протягивают вам братскую руку!»

Несмотря на это странное обращение, он вскоре, в силу старой декларации о братстве, вновь сделался скромным компаньоном Европейского центрального комитета, а вместе с тем

«ночным сторожем и наемным слугой в Грейвсенде на Темзе, где мне пришлось подыскивать на девяти различных языках шкиперов для

---

* — «Человечество». *Ред.*

** — заговор молчания. *Ред.*

недавно основанной маклерской фирмы, пока меня не заподозрили в обмане,—чего, по крайней мере, не произошло с философом Иоганнесом Мюллером в бытность его свинопасом».

Итог своей богатой подвигами жизни Харро подводит таким образом:

«Можно легко подсчитать, что, помимо стихов, я подарил демократическому движению более 18000 экземпляров моих произведений на немецком языке (ценой от 10 шиллингов до 3 марок по гамбургскому курсу, общей стоимостью около 25000 марок), ни разу не возместив расходы по их изданию, не говоря уже о том, что я не извлек из них никакого дохода для своего существования».

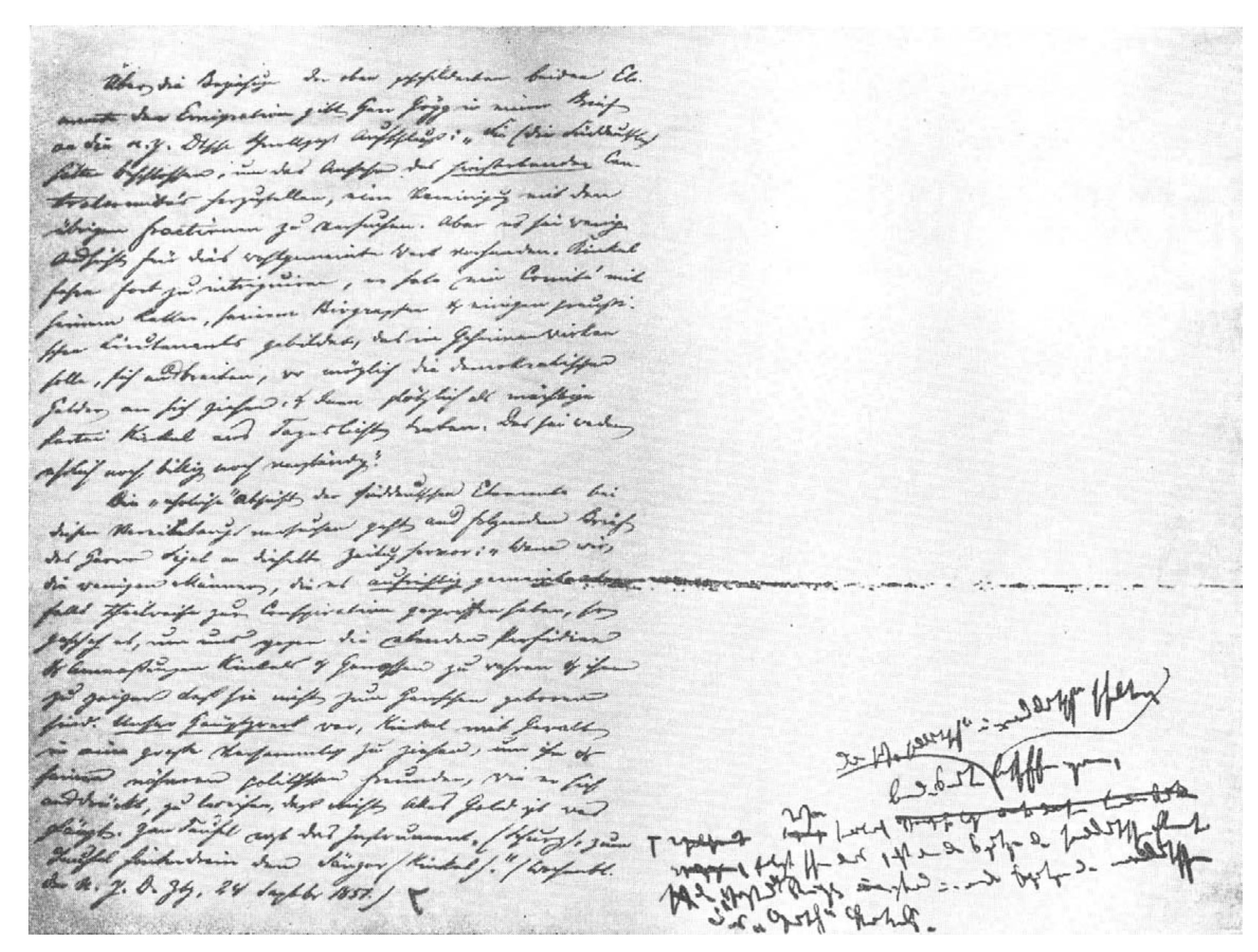
На этом мы закончим повесть о приключениях нашего демагогического идальго из южноютландской Ламанчи. В Греции, как и в Бразилии, на Висле, как и на Ла-Плате, в Шлезвиг-Гольштейне, как и в Нью-Йорке, в Лондоне, как и в Швейцарии, — представитель то «Молодой Европы», то южноамериканского «Humanidad», то художник, то ночной сторож и наемный слуга, то книгоноша, распространяющий свои произведения — сегодня среди силезских поляков, завтра среди гаучо, послезавтра среди шкиперов, непризнанный, покинутый, одинокий, никем не замечаемый, но всюду остающийся странствующим рыцарем свободы, который питает глубокое презрение к обычным гражданским занятиям, — наш герой всегда, во всех странах и при всех обстоятельствах, остается неизменным путаником, отличающимся претенциозной навязчивостью и самомнением. Наперекор всему свету он всегда будет говорить, выступать в печати и писать о себе как о человеке, который, начиная с 1831 г., был главным движущим колесом мировой истории.

X

Несмотря на свои неожиданные успехи, Арнольд пока все еще не достиг цели своих трудов. Став представителем Германии милостью Мадзини, он должен был, с одной стороны, получить утверждение в этом звании по крайней мере от немецкой эмиграции, а, с другой стороны, представить Центральному комитету людей, которые признавали бы его руководство. Правда, он утверждал, что в Германии он имеет «позади себя ясно очерченную часть народа», но эта задняя часть отнюдь не могла внушать доверие Мадзини и Ледрю, пока они лицезрели только переднюю часть в лице Руге. Словом, Арнольду пришлось позаботиться о создании себе «ясно очерченного» хвоста в эмигрантской среде.

К этому времени в Лондон прибыл Готфрид Кинкель и вместе с ним, или, скорее, вслед за ним, прибыл еще ряд изгнанников частью из Франции, частью из Швейцарии и Бельгии: Шурц, Штродтман, Оппенхейм, Шиммельпфенниг, Техов и другие. Эти вновь прибывшие, уже в Швейцарии отчасти поупражнявшиеся в создании временных правительств, внесли новую струю в жизнь лондонской эмиграции, и момент казался для нашего Арнольда более чем когда-либо благоприятным. В то же время Гейнцен вновь сделался в Нью-Йорке редактором «Schnellpost», и таким образом Арнольд имел теперь возможность, помимо бременского листка*, совершать свое «повторное появление» также по ту сторону океана. Если бы у Арнольда оказался когда-либо свой Штродтман, последний признал бы комплект «Schnellpost» за первые месяцы 1851 г. неоценимым материалом. Трудно представить себе ту бесконечно пошлую болтовню, ту глупость, бесстыдство и чисто муравьиное прилежание и важность, с которыми Арнольд откладывает запасы своего литературного помета. В то время как Гейнцен изображает Арнольда

* — «Bremer Tages-Chronik». *Ред.*



Страница рукописи работы «Великие мужи эмиграции»

(Текст написан рукой Ф. Энгельса, дополнение — рукой К. Маркса)

великой европейской державой, Арнольд обращается со своим Гейнценом как с американским газетным оракулом! Он сообщает ему тайны европейской дипломатии, в особенности повседневные перемены в эмигрантской мировой истории; иногда же он фигурирует в качестве анонимного лондонского и парижского корреспондента для того, чтобы сообщить американской публике о некоторых «fashionable movements»* великого Арнольда.

«Арнольд Руге опять прижал коммунистов к стенке». — «А. Руге *вчера»* (сообщение из Парижа, но датировка выдает старого лукавого простофилю) «совершил прогулку из Брайтона в Лондон». И еще: «Арнольд Руге — Карлу Гейнцену: «Дорогой друг и редактор... Мадзини тебе кланяется... Ледрю-Роллен *разрешает* тебе перевести его работу о 13 июня»» и т. п.

По этому поводу в одном письме из Америки говорится:

«Как я вижу из писем Руге» (в «Schnellpost»), «Гейнцен пишет Руге» (конфиденциально) «всякого рода небылицы о значении его газеты в Америке, меж тем как Руге по отношению к нему держит себя как правительство великой европейской державы. Как только Руге сообщает Гейнцену какую-либо важную новость, он не упускает случая прибавить: можешь предложить другим газетам Соединенных Штатов перепечатать это. Как будто они стали бы ждать разрешения Руге, если бы сочли известие стоящим. К слову сказать, я ни разу еще не видел, чтобы эти важные новости были где-либо перепечатаны, несмотря на советы и разрешение г-на Руге».

Папаша Руге пользовался этим листком, как и «Bremer Tages-Chronik», также и для того, чтобы завербовать вновь прибывших эмигрантов посредством такого рода льстивых фраз: здесь теперь находятся Кинкель, гениальный поэт и патриот, Штродтман, великий писатель, Шурц, молодой человек, столь же любезный, сколь и отважный, а кроме того, еще много выдающихся полководцев революции и т. п.

Между тем, в противовес мадзиниевскому, образовался *плебейский* Европейский комитет, за которым стояли «эмигрантские низы» и весь эмигрантский сброд, принадлежавший к различным европейским национальностям. Ко времени битвы при Бронцелле они выпустили манифест, подписанный следующими выдающимися немцами: Гебертом, Майером, Дицем, Шертнером, Шаппером, Виллихом. Документ этот, написанный весьма своеобразным французским языком, сообщает в качестве последней новости, что Священный союз тиранов собрал к этому времени (10 ноября 1850 г.) под ружье миллион триста тридцать тысяч солдат, за которыми стоят в резерве еще семьсот тысяч вооруженных слуг монархии, что «немецкие газеты и

* — «светских выступлениях». *Ред.*

собственные связи комитета» дали ему возможность узнать о тайных планах Варшавской конференции[217], состоящих в том, чтобы устроить резню всех республиканцев Европы. Манифест поэтому заканчивается неизбежным призывом к оружию. Этот манифест — манифест Фанон — Каперон — Гуте, как его окрестила газета «Patrie»[218], в которую он был послан, — был жестоко высмеян контрреволюционной прессой. «Patrie» назвала его

«манифестом dii minorum gentium»*, написанным без блеска, без стиля, с жалкими цветами красноречия вроде выражений: «serpents», «sicaires» и «egorgements»**.

«Independance belge»[219] сообщает, что ее составителями были «soldats les plus obscurs de la demagogie»*** и что бедняги послали манифест ее корреспонденту в Лондоне, хотя газета придерживается консервативного направления. Они так жаждали увидеть свои имена в печати, но как раз подписи газета в наказание и не захотела напечатать. Несмотря на заискивание перед реакцией, этим рыцарям так и не удалось заставить признать себя заговорщиками и опасными людьми.

Это новое конкурирующее учреждение побудило Арнольда усилить свою деятельность. Так, он пытался вместе со Струве, Кинкелем, Шраммом, Бухером и другими основать газету под названием «Volksfreund»****, или, если Густав будет настаивать, «Deutscher Zuschauer». Но предприятие потерпело неудачу отчасти из-за того, что остальная компания противилась протекторату Арнольда, отчасти потому, что «сентиментальный» Готфрид требовал выплаты гонорара наличными, между тем как Арнольд придерживался взгляда Ганземана, что в денежных делах нет места сентиментам[220]. Арнольд, затевая это предприятие, преследовал еще специальную цель: обложить контрибуцией Общество читателей — клуб немецких часовщиков, состоящий из хорошо оплачиваемых рабочих и мелких буржуа. Однако и это не удалось.

Вскоре представился, впрочем, новый случай для «повторного появления» Арнольда. Ледрю и его приверженцы среди французских эмигрантов не могли пропустить 24 февраля (1851 г.), не устроив «праздника братства» европейских наций, на котором присутствовали, впрочем, лишь французы и немцы. Мадзини не приехал и прислал письменное извинение. Готфрид,

* — буквально: младших богов; в переносном смысле: второразрядных величин. *Ред.*
** — «змеи», «наемные убийцы», «кровавые бойни». *Ред.*
*** — «самые безвестные рядовые демагоги». *Ред.*
**** — «Друг народа». *Ред.*

присутствовавший на торжестве, возвратился домой возмущенный, так как его безмолвное появление не вызвало ожидаемого магического эффекта. Арнольд испытал тяжелое переживание: его друг Ледрю сделал вид, будто не узнает его; и он, взойдя на трибуну, растерялся до такой степени, что так и не вытащил свою одобренную высшими сферами речь на французском языке и пролепетал только несколько слов по-немецки, после чего с восклицанием: «A la restauration de la revolution!»[*], поспешно удалился при всеобщем неодобрении.

В тот же день состоялся контрбанкет, проходивший под знаменем упомянутого выше конкурирующего комитета. С досады на то, что комитет Мадзини — Ледрю не привлек его с самого начала в свой состав, Луи Блан присоединился к эмигрантской черни, заявив, что «необходимо упразднить также и аристократию таланта!». Эмигрантские низы были в полном сборе. Председательствовал рыцарственный Виллих. Зал был украшен знаменами и на стенах красовались имена великих народных деятелей: между Гарибальди и Кошутом — Вальдек, между Бланки и Кабе — Якоби, между Барбесом и Робеспьером — Роберт Блюм. Кокетливый щеголь Луи Блан зачитал пискливым голосом адрес от своих старых подголосков, будущих пэров социальной республики, делегатов, заседавших в Люксембургском дворце в 1848 году[221]. Виллих огласил полученный из Швейцарии адрес, подписи под которым частично были собраны обманным путем под ложными предлогами, причем нескромное обнародование их повлекло впоследствии массовую высылку лиц, подписавших адрес. Из Германии адреса не было. Затем пошли речи. Несмотря на беспредельные братские чувства, на всех лицах лежала печать скуки.

Банкет этот послужил поводом для в высшей степени поучительного скандала, разыгравшегося, как и все героические подвиги Европейского центрального комитета эмигрантской черни, на столбцах контрреволюционных газет. Весьма странным показалось уже то, что на этом банкете некий Бартелеми в присутствии Луи Блана произнес напыщенный панегирик *Бланки.* Но вскоре дело разъяснилось. «Patrie» напечатала текст тоста, который Бланки, по специальной просьбе, прислал из тюрьмы Бель-Иль[222]. В нем Бланки резко и справедливо нападал на всех членов временного правительства 1848 г. и, в особенности, на г-на Луи Блана. «Patrie» с притворным удивлением спрашивала, почему этот тост не был оглашен на банкете. Луи Блан немедленно заявил в *«Times»,* что Бланки — гнусный

[*] — «За реставрацию революции!» *Ред.*

интриган и что подобного тоста комитету по организации празднования он никогда не присылал. Со своей стороны комитет в лице гг. Блана, Виллиха, Ландольфа, Шаппера, Бартелеми и Видиля одновременно направил в «Patrie» заявление о том, что он этого тоста никогда не получал. Однако «Patrie» не печатала этого заявления до тех пор, пока не выяснила обстоятельств дела у г-на Антуана, зятя Бланки, передавшего ей текст тоста. Под текстом заявления комитета по организации празднования она напечатала ответ г-на Антуана, в котором говорилось, что он послал тост лицу, подписавшему в числе прочих заявление, а именно Бартелеми, и получил от него уведомление о получении тоста. После этого г-н Бартелеми был вынужден заявить, что он солгал, он действительно получил тост, но, найдя его неподходящим, отложил его, не сообщив об этом комитету. К несчастью, однако, еще до этого один из подписавших заявление, бывший капитан французской службы Видиль, написал без ведома Бартелеми письмо в «Patrie», в котором заявил, что чувство воинской чести и стремление к истине вынуждают его сознаться, что как он, так и Луи Блан, Виллих и все прочие солгали, подписав первое заявление комитета. Комитет состоял не из шести, а из тринадцати членов. Все они видели тост Бланки, все его обсуждали и после долгих дебатов большинством в семь голосов против шести решено было не оглашать его. Он, Видиль, был одним из шести членов, голосовавших *за* его оглашение.

Легко представить себе торжество «Patrie», когда она, после письма Видиля, получила заявление г-на Бартелеми. Она напечатала его со следующим «предисловием»:

«Мы часто задавали себе вопрос, — а на него ответить не легко, — что у демагогов развито сильнее: бахвальство или глупость? Полученное нами четвертое письмо из Лондона делает ответ для нас еще более затруднительным. Сколько же там этих несчастных созданий, до такой степени снедаемых жаждой писать и видеть свое имя напечатанным в *реакционных* газетах, что их не останавливает даже бесконечный позор и самоунижение! Какое им дело до насмешек и негодования публики, ведь «Journal des Dеbats», «Assemblеe nationale», «Patrie» напечатают их стилистические упражнения. Для достижения такого счастья никакая цена не покажется слишком высокой этой космополитической демократии... Во имя литературного сострадания мы помещаем поэтому нижеследующее письмо «гражданина» Бартелеми, — оно является новым и, мы надеемся, последним доказательством подлинности отныне знаменитого тоста Бланки, существование которого они сначала все отрицали, а теперь готовы вцепиться друг другу в волосы из-за того, кто его удостоверит».

XI

«Сила истинного развития», употребляя одно из «проникновенно-прекрасных» арнольдовых выражений, состояла в следующем. 24 февраля Руге скомпрометировал перед заграницей как себя, так и немецкую эмиграцию. Те немногие эмигранты, которые еще имели какую-то склонность действовать вместе с ним, чувствовали, что теряют уверенность и не встречают поддержки. Арнольд сваливал все на раздоры в эмигрантской среде и сильнее прежнего настаивал на объединении. Будучи уже скомпрометированным, он жаждал *нового* повода скомпрометировать себя еще раз.

Поэтому было решено использовать *годовщину мартовской революции в Вене* для организации немецкого банкета. Рыцарственный Виллих отказался принять в нем участие, ибо, принадлежа «гражданину» Луи Блану, он не мог действовать вместе с «гражданином» Руге, который принадлежал «гражданину» Ледрю. Бывшие депутаты Рейхенбах, Шрамм, Бухер и т. д. также избегали близости Арнольда. Зато явились, — не считая безгласных гостей, — Мадзини, Руге, Струве, Таузенау, Хауг, Ронге, Кинкель, и все они выступали с речами.

Выступление Руге было «беспредельно глупым», как признают даже его друзья. Однако присутствовавшей немецкой публике предстояло испытать нечто большее. Шутовство Таузенау, стенания Струве, болтовня Хауга, причитания Ронге привели аудиторию в такое состояние, что большая часть ее разбежалась прежде, чем очередь дошла до оставленного на десерт выступления велеречивого Иеремии-Кинкеля[223]. Готфрид в качестве мученика, «от имени мучеников» и для мучеников произнес жалобное слово примирения, обращенное ко всем — «от рядового борца за конституцию и кончая красным республиканцем». Все они стенали на республиканский манер, а в отдельных случаях, как например Кинкель, даже на манер красных республиканцев, все они и то же время с раболепным

восторгом пресмыкались перед английской конституцией, — противоречие, на которое газета «Morning Chronicle»[224] на следующее утро изволила обратить их внимание.

Однако в тот же вечер Руге достиг-таки цели своих стремлений, как явствует из воззвания, наиболее блестящие места которого мы приводим:

К НЕМЦАМ!

«Граждане и друзья на родине! Мы, нижеподписавшиеся, учреждаем ныне — впредь до вашего распоряжения — комитет по германским делам» (безразлично каким).

«Центральный комитет европейской демократии делегировал *к* нам Арнольда *Руге,* баденская революция — Густава *Струве,* венская революция — Эрнста *Хауга,* религиозное движение — Иоганнеса *Ронге,* тюрьма — Готфрида *Кинкеля.* Мы предложили социал-демократическим рабочим делегировать нам своего представителя.

Братья немцы! События отняли у вас свободу... Мы знаем, что вы неспособны навсегда отказаться от вашей свободы; что же касается нас, **то** мы не пренебрегали ничем» (ни комитетами, ни манифестами, как это может засвидетельствовать Арнольд), «чтобы ускорить ее восстановление.

Когда мы... когда мы поддержали и гарантировали мадзиниевский заем, когда мы... когда мы... учреждали священный союз народов в противовес нечестивому союзу их угнетателей, мы делали — мы это знаем — то. что вы от всей души желали, чтобы было сделано... Свобода ведет великий процесс против тиранов перед судом всемирного трибунала человечества» (пока Арнольд состоит прокурором, «тираны» могут спать спокойно). «...Пожары, убийства, опустошение, голод и банкротства вскоре станут всеобщим уделом Германии.

Из Германии бросьте взгляд на Францию — она вся пылает негодованием, единодушное, чем когда-либо, стремится она к свободе» (кто, черт возьми, мог предвидеть второе декабря![225]). «Взгляните на Венгрию — даже хорваты встали на сторону свободы» (благодаря газете «Deutscher Zuschauer» и одежде из опилок, изобретенной Руге). «И верьте нам, — ибо мы знаем это, — Польша бессмертна» (им это доверил под секретом г-н Дараш).

«Сила против силы, — такова справедливость, и близится ее час. И мы все сделаем для того, чтобы *добиться* создания *временного* правительства, более *действенного»* (ага!), «нежели предпарламент, и народной власти, более могущественной, нежели Национальное собрание (о том, чего добились эти госиода, думая, что водят друг друга за нос, смотри ниже).

«Наши проекты в области финансов и печати» (декреты №№ 1 и 2 сильного временного правительства — на управляющего таможней Христиана Мюллера возлагается проведение в жизнь настоящего постановления) «мы вам представим особо. Они представляют главным образом интерес лишь с деловой стороны. Широким общественным кругам достаточно знать, что каждое приобретение итальянского займа непосредственно содействует нашему комитету и нашему делу, и в настоящее время вы можете оказать нам практическую помощь главным образом *усилением притока денежных средств.* Деньги же мы *сумеем претворить в общественнов мнение* и *в общественную силу»* (Арнольд берется за дело претворения!). «...Мы говорим вам: *подпишитесь на десять миллионов франков — и мы освободим континент!*

Немцы, помните...» (что вы поете баритоном и разводите костры на горах) «дайте нам ваши мысли» (на это в данный момент большой спрос, почти такой же, как на деньги), «ваш кошелек» (этого, смотрите, не забудьте!) «и вашу руку? Мы ожидаем, что ваше рвение будет увеличиваться в той же мере, в какой растет ваше порабощение, и что в решительный час ваша своевременная поддержка вполне подкрепит силы комитета» (в противном случае ему пришлось бы прибегнуть к спиртным напиткам, что противоречило бы густавовой совести).

«На всех демократов *возлагается* распространение нашего воззвания». (Управляющий таможней Христиан Мюллер позаботится об остальном.)

«Лондон, 13 марта 1851 г.

Комитет по германским делам: *Арнольд Руге, Густав Струве, Эрнст Хауг, Иоганнес Ронге, Готфрид Кинкель»*

Наши читатели знают Готфрида, знают Густава; «повторное появление» Арнольда тоже повторялось достаточно часто. Таким образом, остается охарактеризовать только двух членов «действенного временного правительства».

Иоганнес *Ронге,* — или, как он любит называть себя в тесном кругу, просто Иоанн, —разумеется, не написал Апокалипсиса[226]. В нем нет ничего таинственного — это человек пошлый, банальный, пресный, как вода, или, вернее, как теплая водица для омовения. Как известно, Иоганнес стал знаменитым человеком потому, что не захотел, чтобы трирский священный хитон[227] был его заступником, хотя, право же, совершенно все равно, кто является заступником Иоганнеса. Когда появился Иоганнес, старик Паулюс пожалел о том, что Гегель умер, ибо *теперь* последний, конечно, уже не мог бы назвать его поверхностным человеком, а покойный Круг был рад тому, что умер и таким образом избежал опасности прослыть глубокомысленным. Иоганнес принадлежит к числу тех, часто встречающихся в истории личностей, которые через несколько столетий после того, как зародилось и успело усилиться какое-либо движение, преподносят некоей разновидности филистеров и восьмилетним младенцам содержание этого движения в самой тусклой и скучной форме, выдавая это за последнюю новость. Подобным ремеслом, разумеется, долго не проживешь, и наш Иоганнес очень скоро оказался в Германии в положении, становившемся день ото дня все более и более тягостным. Его бесцветная водичка, выцеженная из немецкого лжепросвещения, не находила больше спроса, и Иоганнес перебрался в Англию, где мы его видим подвизающимся без особенного успеха в роли конкурента падре Гавацци. Беспомощный, монотонный, скучный деревенский пастор стушевывался, конечно, перед пылким, эффектно актерствующим итальянским монахом, и англичане стали биться об заклад на большие суммы, споря, действительно ли этот

нудный Иоганнес является тем человеком, который привел в движение столь глубокомысленную германскую нацию. Зато его утешил Арнольд Руге, открывший поразительное семейное сходство между немецким католицизмом нашего Иоганнеса и своим собственным атеизмом.

Людвиг фон Хаук — бывший капитан австрийских императорских инженерных войск, впоследствии, в 1848 г., один из составителей выработанной в Вене конституции, а затем командир батальона венской национальной гвардии, защищал 30 октября с львиной отвагой городские ворота от императорских войск и покинул пост лишь после того, когда все было потеряно. После этого он бежал в Венгрию, присоединился к армии Бема в Трансильвании, в которой благодаря своей храбрости дослужился до полковника генерального штаба. После капитуляции Гёргея при Вилагоше[228] Людвиг Хаук был взят в плен и погиб геройской смертью на одной из тех многочисленных виселиц, которыми австрийцы покрыли Венгрию из чувства мести за свои постоянные поражения и неистовой досады по поводу покровительства русских, ставшего для них невыносимым. Наш Хауг долго сходил в Лондоне за повешенного Хаука, офицера, прославившегося в венгерской кампании. Ныне как будто установлено, что он не является покойным Хауком. Подобно тому как после падения Рима он должен был благосклонно согласиться на то, чтобы Мадзини произвел его в импровизированные генералы, он не мог теперь отказаться от превращения его Арнольдом в представителя венской революции и члена сильного временного правительства. Впоследствии он читал в музыкальном сопровождении эстетические лекции об экономической основе всемирно-исторической космогонии с геологической точки зрения. Среди эмиграции этот меланхоличный человек известен под прозвищем глупой скотинки, или, как говорят французы, la bonne bete.

Желания Арнольда были превзойдены. Манифест, сильное временное правительство, заем в десять миллионов франков — и к тому же какое-то подобие еженедельного листка со скромным названием *«Kosmos»,* под редакцией генерала Хауга.

Манифест не имел никаких последствий — его никто не читал; «Kosmos» испустил дух от истощения на третьем же номере; денег не поступало; сильное временное правительство распалось на свои составные части.

В «Kosmos» прежде всего были напечатаны объявления о лекциях Кинкеля, о сборе достойным Виллихом денег в пользу шлезвиг-гольштейнских эмигрантов и о пивной Гёрингера. Кроме того, в нем был помещен среди прочего пасквиль Арноль-

да. Старый шут приписывает себе вымышленного хлебосольного друга, некоего Мюллера в Германии, выставляя себя в качестве ее старейшины. Мюллер удивляется всему, что читает в газетах об английском гостеприимстве, и выражает опасение, как бы это «сибаритство» не помешало старейшине заниматься «государственными делами». Впрочем, пусть себе, ведь по возвращении в Германию старейшине ввиду занятости государственными делами придется отказаться от гостеприимства Мюллера. В заключение Мюллер восклицает: «Значит, не предатель Радовиц, а Мадзини, Ледрю-Роллен, гражданин Виллих, Кинкель и *вы сами»* (Арнольд Руге) «были приглашены в Виндзор!». Если «Kosmos» тем не менее и почил в бозе уже на третьем номере, то зависело это во всяком случае не от неуменья его сбывать — на всех английских митингах его подсовывали ораторам с просьбой рекомендовать его, ибо он защищает-де именно их принципы.

Не успело появиться обращение о десятимиллионном займе, как неожиданно прошел слух, будто в Сити собирают денежные пожертвования по подписному листу для отправки Струве (в сопровождении Амалии) в Америку.

«Когда комитет постановил выпускать немецкий еженедельник и поручить редактирование его Хаугу, Струве, который сам желал стать редактором и дать листку название «Deutscher Zuschauer», запротестовал и решил перебраться в Америку».

Таковы сведения, сообщаемые нью-йоркской «Deutsche Schnellpost». Газета умалчивает, — и Гейнцен имел на это свои основания, — что Мадзини вообще вычеркнул имя Густава из списка немецкого комитета, как сотрудника «Deutsche Londoner Zeitung» герцога Брауншвейгского. Густав немедленно пересадил свой «Deutscher Zuschauer» на нью-йоркскую почву. Однако вскоре пришла депеша из-за океана: «Густавов «Zuschauer» скончался». По утверждению Густава, это произошло не от недостатка в подписчиках вообще, а также не от того, что он не располагал досугом для писания, а единственно из-за недостатка в *платежеспособных* подписчиках. По так как теперь демократическую обработку роттековой «Всеобщей истории» невозможно откладывать дольше, — а начата эта работа была пятнадцать лет тому назад, — то он, Густав, хочет дать подписчикам обещанное число листов не в виде газеты «Deutscher Zuschauer», а в виде всеобщей истории; он вынужден, однако, просить о внесении подписной платы вперед, и эта просьба при данных обстоятельствах не должна быть ему поставлена в вицу. Пока Густав находился по сю сторону океана,

Гейнцен объявлял его наряду с Руге величайшим человеком Европы. Но не успел он оказаться по ту сторону, как между ними возникла отчаянная потасовка. Густав пишет:

«Когда Гейнцен 6 июня в Карлсруэ увидел, что выкатывают пушки, он сбежал в дамском обществе в Страсбург».

Гейнцен, со свози стороны, называет Густава «гадалкой».

«Kosmos» погиб как раз в тот момент, когда Арнольд расточал ему высокопарные похвалы в газете строго правоверного Гейнцена, а сильное временное правительство перестало существовать как раз в то время, когда Родомонт-Гейнцен провозгласил в отношений к нему *«воинское повиновение».* Пристрастие Гейнцена к военному делу в мирное время хорошо известно.

«Вскоре после отъезда Струве вышел из комитета также и *Кинкель,* и комитет таким образом перестал функционировать» (нью-йоркская «Deutsche Schnellpost» № 23).

«Сильное временное правительство» свелось, следовательно, к гг. Руге, Ронге и Хаугу. Даже Арнольд понял, что с подобной троицей не только нельзя создать нового мира, но и вообще ничего нельзя создать; тем не менее, при всех перестановках, вариантах и комбинациях именно эта троица оставалась ядром его последующих комитетских образований. Но этот неугомонный человек все еще не хотел признать, что его карта бита; для него все дело было только в том, чтобы вообще делалось и предпринималось что-либо такое; это придавало бы ему вид человека, занятого глубокими политическими комбинациями, а прежде всего давало бы основание с важным видом судить обо всем, совершать «повторное появление» и предаваться самодовольной болтовне.

Что же касается Готфрида, то его драматические лекции для respectable City-merchants* не предоставляли ему ни малейшей возможности скомпрометировать себя. С другой стороны, было совершенно ясно, что манифест 13 марта преследовал лишь одну цель: подкрепить узурпированное г-ном Арнольдом положение в Европейском центральном комитете. Сам Готфрид должен был впоследствии в этом убедиться, но признавать это было совершенно не в его интересах. Этим и вызвано было то обстоятельство, что вскоре после обнародования манифеста в «Kolnische Zeitung» dama acerba** Моккель поместила следующее заявление: муж ее вовсе не подписывал воззвания, он вообще не думает о публичных займах и успел уже выйти из только

* — респектабельных негоциантов из Сити. *Ред.*
** — суровая дама. *Ред.*

что образовавшегося комитета. В ответ на это Арнольд в нью-йоркской «Schnellpost» насплетничал о том, что Кинкель из-за болезни, правда, не подписал манифеста, но одобрил его; план манифеста составлялся у него в комнате, он же взялся переправить часть экземпляров в Германию, а из комитета он вышел потому, что председателем был избран не он, а генерал Хауг. Это заявление Арнольд сопроводил резкими выпадами против тщеславия Кинкеля — «абсолютного мученика», «демократического Беккерата», — и выразил также подозрение по адресу г-жи Иоганны Кинкель, к услугам которой были такие запретные газеты, как «Kolnische Zeitung».

Между тем семена, брошенные Арнольдом, пали отнюдь не на каменистую почву. «Прекраснодушный» Готфрид решил перехитрить соперников и раздобыть революционный клад для себя одного. Не успела Иоганна дезавуировать в «Kolnische Zeitung» это смехотворное предприятие, как наш Готфрид стал на собственный страх и риск призывать в заокеанских газетах к займу, добавляя при этом, что деньги надлежит посылать человеку, «пользующемуся наибольшим доверием». Кто другой мор быть этим человеком, как не Готфрид Кинкель? Для начала он требовал взноса в 500 фунтов стерлингов для изготовления революционных бумажных денег. Руге, не мешкая ни минуты, объявил в «Schnellpost», что он, Руге, является казначеем демократического Центрального комитета и что у него можно приобретать уже готовые мадзиниевские ассигнации. Таким образом, тот, кто желает потерять 500 фунтов стерлингов, поступит во всяком случае разумнее, приобретая уже готовые ассигнации, нежели спекулируя еще несуществующими. А Родомонт-Гейнцен возопил, что если г-н Кинкель не бросит своих проделок, его открыто объявят «врагом революции». Тогда Готфрид опубликовал ответные статьи в «New-Yorker Staatszeitung»[229], прямой сопернице «Schnellpost». Таким образом, по ту сторону Атлантического океана война уже велась по всем правилам искусства, в то время как по сю сторону еще обменивались поцелуями Иуды.

Однако Готфрид, как он вскоре сам заметил, все же несколько шокировал демократических добродетельных филистеров, бесцеремонно объявив национальный заем от своего собственного имени. Чтобы исправить эту ошибку, он придумал теперь объяснение :

«Это воззвание о денежных взносах для распространения немецкого национального займа исходило отнюдь не от него, — по всей вероятности, его именем воспользовались для этого его чрезмерно усердные друзья в Америке».

Объяснение это вызвало следующий ответ в нью-йоркской «Schnellpost» со стороны доктора Висса:

«Воззвание, призывающее к агитации в пользу немецкого займа, *было прислано* мне, как это широко известно, *Готфридом Кинкелем с настоятельной просьбой* опубликовать его во всех немецких газетах. И я готов представить это письмо каждому, кто в этом сомневается. Если это заявление исходит действительно от Кинкеля, то делом его чести является публично от него отказаться и обнародовать мою переписку с ним, чтобы показать партии, насколько независимо, и уж никак не «чрезмерно усердно», держался я по отношению к нему. В противном случае обязанностью Кинкеля является публично назвать почтенного автора этого заявления злостным клеветником или, если здесь имело место недоразумение, легкомысленным и бессовестным болтуном. Я, со своей стороны, не могу верить в столь неслыханное вероломство Кинкеля. Доктор К. Висс» (нью-йоркский «Wochenblatt der Deutschen Schnellpost»).

Что должен был делать Готфрид? Он вновь выставил вперед aspra donzella*, он объявил, что «легкомысленным и бессовестным болтуном» была Моккель; он утверждал, что его супруга вела все дело с займом за его спиной. Тактика эта, спора нет, была весьма «эстетична».

Ибо Готфрид наш был гибок словно тростник; он то выступал вперед, то прятался на задний план, то брался за предприятие, то отрекался от него — в зависимости от того, куда, по его мнению, дул ветер народных чувств. Позволив эстетствующей буржуазии устраивать в Лондоне в честь его, мученика революции, официальные торжества и празднества, — он в то же время за спиной этой буржуазии уже находился в запретных сношениях с эмигрантскими низами, представляемыми Виллихом. Живя в условиях, которые, по сравнению с его скромным положением в Бонне, могли считаться блестящими, он в то же время писал в Сент-Луис, что он живет, как подобает «представителю бедноты». Итак, он соблюдал установленный этикет по отношению к буржуазии и в то же время почтительно расшаркивался перед пролетариатом. Но будучи человеком, у которого сила воображения значительно преобладала над голосом рассудка, он не мог избежать грубости и высокомерия выскочки, что оттолкнуло от него не одного чопорного добродетельного мужа эмиграции. Весьма характерной для него была его статья в «Kosmos» по поводу промышленной выставки. Больше всего его поразило огромное зеркало, выставленное в Хрустальном дворце. Объективный мир сводится у него к зеркалу, субъективный мир — к фразе. Якобы для того, чтобы раскрыть красивую сторону всех вещей,

* — строгую даму. *Ред.*

он кокетничает[*] с ними и это кокетничание называет смотря по надобности то поэзией, то жертвоприношением, то религией. В сущности говоря, все это ему нужно лишь для того, чтобы кокетничать с самим собой. При этом он не в силах избежать того, чтобы на практике выступила наружу некрасивая сторона, когда воображение прямо превращается в лживость, а экстравагантность — в подлость. Впрочем, можно было заранее предсказать нашему Готфриду, что коль скоро он попал в руки таких многоопытных паяцев, как Густав и Арнольд, ему придется скинуть с себя львиную шкуру.

[*] Игра слов: «schone Seite* — «красивая сторона», «schontun» — «кокетничать». *Ред.*

XII

Промышленная выставка открыла новую эру в жизни эмиграции. Огромная волна немецких филистеров наводнила в течение лета Лондон; немецкий филистер чувствовал себя неуютно в обширном, наполненном гулом Хрустальном дворце и во много раз более огромном и шумном, грохочущем, орущем Лондоне; покончив с выполнением в ноте лица обременительных дневных трудов по обязательному обозрению выставки и прочих достопримечательностей, он отдыхал в ресторане «Ханау» Шертнера или ресторане «Звезда» Гёрингера, где все пропахло пивным уютом, табачным дымом и трактирной политикой. Здесь «была налицо вся родина», и вдобавок здесь можно было безвозмездно лицезреть величайших мужей Германии. Они сидели тут же — члены парламента, депутаты палат, полководцы, клубные ораторы прекрасной поры 1848 и 1849 гг., дымя своими трубками, как и все прочие смертные, и изо дня в день с непоколебимым достоинством обсуждая coram publico* высшие интересы родины. Это было место, где немецкий мещанин, если, впрочем, ему не жаль было потратиться на несколько бутылок весьма дешевого вина, мог досконально узнать все, что происходило на самых секретных совещаниях европейских кабинетов. Здесь можно было узнать с точностью до минуты, когда «начнется штурм». При этом штурмовали одну бутылку за другой, и сторонники разных мнений расходились по домам, хотя и нетвердо держась на ногах, но поддерживаемые сознанием того, что они внесли свою ленту в дело спасения родины. Никогда эмиграция не выпивала больше с меньшими затратами, чем за время массового пребывания в Лондоне платежеспособных филистеров.

Действительной организацией эмиграции была именно эта достигшая наивысшего расцвета благодаря выставке *трактирная*

* — при всем народе. *Ред.*

организация под эгидой Силена-Шертнера[230] на улице Лонг Эйкр. Здесь постоянно заседал подлинный центральный комитет. Все прочие комитеты, организации, партийные группы были чистым блефом, патриотическими арабесками этого истинно германского тунеядствующего кабацкого завсегдатайства.

К тому времени эмиграция получила еще подкрепление в лице новоприбывших гг. Мейена, Фаухера, Зигеля, Гёгга, Фиклера и пр.

Мейен, этот ежик, по ошибке родившийся на свет божий без колючек, был уже некогда под именем *Пуансине* обрисован Гёте следующим образом:

«В литературе, как и в обществе, встречаются такие маленькие, забавные, кругленькие фигурки, одаренные каким-нибудь талантом, весьма навязчивые и назойливые, и, поскольку каждый может легко смотреть на них свысока, они дают повод для всякого рода развлечений. Между тем эти личности ухитряются многое выиграть при этом: они живут, действуют, их имена называют и им оказывают хороший прием. Если их постигает неудача, они не смущаются, воспринимают ее как единичный случай и ожидают в будущем самых больших успехов. Во французском литературном мире такой фигурой является Пуансине. Прямо невероятно, что над ним проделывали, во что его втравляли, как его мистифицировали, и даже его трагическая смерть — он утонул в Испании — не может ослабить комического впечатления, которое производила его жизнь, подобно тому как фейерверковая петарда вовсе не приобретает значения из-за того, что она, потрещав некоторое время, разрывается с еще более сильным треском»[231].

Напротив, современные писатели говорят о нем следующее: *Эдуард Мейен* принадлежал к числу «решительных», представлявших разум Берлина в противовес массовой глупости остальной Германии. Вместе со своими друзьями Мюгге, Клейном, Цабелем, Булем и прочими он также образовал в Берлине «союз мейенских жуков». Каждый из этих мейенских жуков сидел на своем особом листке — Эдуард Мейен сидел на мангеймском вечернем листке*, на котором он с величайшими усилиями еженедельно откладывал зеленую корреспондентскую колбаску. Мейенский жук добился даже того, что ему в 1845 г. *предстояло* редактировать ежемесячный журнал; с разных сторон поступали к нему труды, издатель ждал, но все предприятие расстроилось оттого, что Эдуард, после того как он в течение восьми месяцев обливался со страху холодным потом, заявил, что не может справиться с проспектом издания. Так как наш Эдуард принимает все свои ребячества всерьез, после мартовской революции в Берлине он прослыл человеком, серьезно относящимся к движению. В Лондоне он вместе с Фаухером

* — «Mannheimer Abendzeitung». *Ред.*

участвовал в немецком издании «Illustrated London News», выходившем под редакцией и под цензурой старухи, лет двадцать тому назад понимавшей немного по-немецки, но был устранен от дел за бесполезностью, так как с большим упорством пытался пристроить в этот журнал свою глубокомысленную статью о скульптуре, напечатанную уже лет за десять до того в Берлине. Когда же кинкелевская эмиграция назначила его впоследствии своим секретарем, он увидел, что является практическим homme d'etat*, и возвестил в литографированном циркуляре, что он достиг «устойчивой точки зрения». После его смерти в наследии мейенского жука будет найдено множество заглавий для предполагавшихся трудов.

С Мейеном неразрывно связан его коллега по редакции и секретарству *Оппенхейм.* Об Оппенхейме говорят, будто он вовсе не человек, а аллегорическая фигура; а именно будто бы сама богиня скуки явилась на свет во Франкфурте-на-Майне в образе сына еврея-ювелира. Когда Вольтер писал: «Tous les genres sont bons excepte le genre ennuyeux»**, он предчувствовал появление нашего Генриха Бернхарда Оппенхейма. Мы лично предпочитаем в Оппенхейме писателя оратору. От писаний его можно спастись, от устных выступлений — c'est impossible***. Пифагорейское учение о переселении душ, быть может, и правильно, но имя, которое в прежние столетия носил Генрих Бернхард Оппенхейм, нельзя установить, так как никогда еще ни в каком столетии человек не составлял себе имени несносной болтовней. Жизнь его воплощается в трех блестящих моментах: редактор Арнольда Руге, редактор Брентано, редактор Кинкеля.

Третьим в этой компании является г-н Юлиус *Фаухер.* Он принадлежит к тем представителям берлинской гугенотской колонии, которые с большой предприимчивостью умеют использовать свой маленький талант. На арену общественной деятельности он вступил первоначально в роли прапорщика Пистоля[232] партии сторонников свободы торговли, в качестве какового он и был нанят гамбургскими купцами для ведения пропаганды. Во время революционного брожения они разрешили ему проповедовать свободу торговли под свирепо выглядевшей вывеской анархии. Когда это перестало соответствовать моменту, его устранили, и он вместе с Мейеном стал редактировать берлинскую «Abend-Post». Под тем предлогом, что

* — государственным деятелем. *Ред.*
** — «Все жанры хороши, кроме скучного», (Вольтер. Предисловие к комедии «Блудный сын».) *Ред.*
*** — невозможно. *Ред.*

государство вообще должно быть уничтожено и должна быть введена анархия, он уклонился здесь от опасной, оппозиции существующему. правительству, и, когда впоследствии листок погиб из-за отсутствия денег для внесения залога, «Neue Preusische Zeitung» выразила сожаление о судьбе Фаухера, единственного достойного, писателя среди демократов. Эти сердечные отношения с «Neue Preusische Zeitung» вскоре стали настолько интимными, что наш Фаухер начал в Лондоне писать корреспонденции для этой газетки. Участие Фаухера в эмигрантской политике было непродолжительным. Его увлечение фритредерством показало ему, что его призванием является предпринимательская деятельность, к которой он с рвением возвратился, и в этой области им был выполнен до сих пор никем не превзойденный труд — составлен *прейскурант* на его статьи по весьма усовершенствованной подвижной шкале. Благодаря нескромности «Breslauer Zeitung» этот документ стал известен широкой публике.

Этому созвездию трех светил берлинского разума противостояло созвездие трех столпов южногерманского постоянства убеждений в лице Зигеля, Фиклера, Гёгга. Франц *Зигель,* по описанию его друга Гёгга, —

«небольшой, безбородый, всем своим существом напоминающий Наполеона человек»; он, согласно тому же Гёггу, «герой», «человек будущего», «прежде всего гениальный, одаренный творческим духом, неустанно занятый новыми планами человек».

Между нами говоря, генерал Зигель —это молодой баденский лейтенант с характером и амбицией. Из истории военных кампаний французской революции он вычитал, что скачок от младшего лейтенанта до главнокомандующего — сущий пустяк, и с этого момента безбородый человечек твердо решил, что Франц Зигель должен когда-нибудь стать главнокомандующим какой-либо революционной армией. Основанная на сходстве имен популярность в армии* и баденское во[*]стание 1849 г. помогли исполниться его желанию. Известны сражения, которые он дал на Неккаре и которых он не давал в Шварцвальде, а его отступление в Швейцарию даже его враги признают своевременным и правильным маневром. Его военные планы свидетельствуют о знании истории революционных войн. Дабы оставаться верным революционным традициям, герой Зигель, не считаясь с неприятелем, не заботясь об операционной линии и путях отхода и прочих подобных мелочах, добросовестно переходил с одной позиции, избранной в свое время Моро, на другую, и если ему, несмотря на это, не удалось пародировать походы Моро во всех

[*] См. настоящий том, стр. 340. *Ред.*

деталях, если он, вместо того чтобы перейти Рейн у Парадиза, перешел его при Эглизау, то это следует приписать ограниченности неприятеля, не сумевшего оценить столь ученый маневр. В своих приказах и инструкциях Зигель выступает в качестве проповедника и обнаруживает в них, правда, меньше стилистического блеска, но зато больше убеждения, нежели Наполеон. Впоследствии он занялся разработкой руководства для революционных офицеров всех родов войск; из этого руководства мы имеем возможность привести следующее важное место:

«Революционный офицер должен, по уставу, иметь при себе: 1 головной убор, кроме фуражки, 1 саблю с ножнами, 1 черно-красно-желтый шарф из верблюжьей шерсти, 2 пары черных кожаных перчаток, 2 мундира, 1 плащ, 1 пару суконных брюк, 1 галстук, 2 пары сапог или башмаков, 1 чемодан из черной кожи в 12 дюймов длины, 10 дюймов высоты и 4 ширины, 6 сорочек, 3 пары кальсон, 8 пар чулок, 6 носовых платков, 2 полотенца, 1 прибор для бритья и умыванья, 1 письменный прибор, 1 грифельную доску установленного образца, 1 платяную щетку, 1 устав полевой службы».

Йозеф *Фиклер* (по характеристике его друга Гёгга) —

«образец честного, решительного, непоколебимо-твердого народного деятеля, человек, который привлек на свою сторону все население Верхнего Бадена и Приозерного края и своими многолетними страданиями ц борьбой снискал почти такую же популярность, как Брентано».

У Йозефа Фиклера, как и подобает честному, решительному и непоколебимому народному деятелю, было жирное, похожее на полную луну лицо, толстая шея и соответствующего объема брюхо. О его прежней жизни известно лишь, что он добывал себе пропитание с помощью одного художественного резного изделия XV века и реликвий, которые имели какое-то отношение к Констанцскому собору[233], демонстрируя эти достопримечательности за деньги путешественникам и иностранным любителям искусства и при этом сбывая им «старинные» сувениры, которые Фиклер, как он сам с большим самодовольством рассказывает, постоянно снова заказывал «под старинные образцы».

Единственными его подвигами во время революции были, во-первых, его арест по распоряжению Мати по окончании заседаний Предпарламента[234] и, во-вторых, его арест в Штутгарте по распоряжению Рёмера в июне 1849 года. Благодаря этим арестам, он счастливо избежал опасности скомпрометировать себя. Позднее вюртембергские демократы внесли за него залог в 1000 гульденов, а Фиклер удалился инкогнито в Тургау и, к величайшему огорчению поручителей, так и не дал больше о себе знать. Нельзя отрицать, что в газете «Seeblatter» он удачно выражал типографской краской мысли и чувства приозерных

крестьян. Впрочем, принимая во внимание своего друга Руге, он придерживается того мнения, что от долгого учения глупеют; поэтому он и предостерегал своего друга Гёгга от посещений библиотеки Британского музея.

Амандус Гёгг, как видно уже по имени его, — человек любезный*,

«правда, не блестящий оратор, но честный гражданин, скромное и благородное поведение которого всюду завоевывает ему друзей» («Westamerikanische Blatter»).

Из благородства Гёгг сделался членом временного правительства в Бадене, где он, по собственному его признанию, ничего не мог предпринять против Брентано, и из скромности позволил присвоить себе титул: господин диктатор. Никто не отрицает того, что достижения его в качестве министра финансов были скромны. Из скромности же он в последний день перед уже объявленным общим отступлением в Швейцарию провозгласил в Донауэшингене «социально-демократическую республику». Впоследствии он из той же скромности заявил (Янусу-Гейнцену[235] в 1852 г.), что 2 декабря парижский пролетариат потерпел поражение потому, что он не обладал его, Гёгга, баденско-французской, а также свойственной французской Южной Германии демократической проницательностью. Кто желает иметь дальнейшие доказательства скромности Гёгга и существования «партии Гёгга», тот может найти их в им самим написанном сочинении «Ретроспективный взгляд на баденскую революцию» и т. д., Париж, 1850. Венцом его скромности было то, о чем он заявил на публичном собрании в Цинциннати:

«После банкротства баденской революции к нему в Цюрих явились уважаемые люди и заявили, что в баденской революции участвовали представители всех германских племен, — поэтому ее следует рассматривать как общегерманское дело, точно так же как римская революция является революцией общеитальянской. Он, Гёгг, был тем деятелем, который продержался до конца, — поэтому ему надлежало бы *стать немецким Мадзини.* Из скромности он отказался».

Отчего же? Тот, кто уже раз был «господином диктатором» и к тому же является закадычным другом «Наполеона»-Зигеля, мог *«стать»* и *«немецким Мадзини».*

Когда благодаря прибытию этих лиц, а также им подобных, менее выдающихся деятелей, эмиграция оказалась au grand complet**, она могла приступить к великим боям, о которых читатель узнает в следующей песне.

* Игра слов: Amandus — имя, «amandus»—«приятный», «любезный». *Ред.*
** — в полном сборе. *Ред.*

XIII

Chi mi dara la voce e le parole,
E un proferir magnanimo e profondo!
Che mai cosa piu fiera sotto il solt
Non fu veduta in tutto quanto il mondo;
L'altre battaglie fur rose e viole,
Al raccontar di questa mi confondo;
Perche il valor, e'l pregio della terra
A fronte son condotti in questa guerra.
(Bojardo. Orlando innam. Canto 27*.)

Кто даст звучанье этой скромной лире,
Где вдохновенных слов поток мне взять,
Чтобы борьбу, невиданную в мире,
Я в ярких красках мог бы описать?
Все прежние бои — цветы на пире
В сравненья с тем, что петь судил мне рок;
Ведь все, в ком жив чудесный дух отваги,
Скрестили в этой славной битве шпаги.

С пополнением эмиграции этими последними fashionable arrivals** наступил момент, когда она должна была попытаться *«сорганизоваться»* в больших масштабах, придать себе окончательную форму. Следовало ожидать, что попытки эти поведут к новым и ожесточенным враждебным действиям. Чернильная война на столбцах заокеанских газет достигла теперь своего апогея. Личные дрязги, интриги, козни, безудержное самовосхваление — на такие пакости уходили все силы великих мужей. Но эмиграция благодаря этому кое-что приобрела, а именно свою собственную историю, протекающую вне всемирной истории, свою цеховую политику наряду с официальной политикой. В этих внутренних раздорах эмиграция даже черпала чувство внутренней значительности. Так как за всеми

* — Боярдо. Влюбленный Роланд. Песнь 27. *Ред.*
** — новоприбывшими знаменитостями. *Ред.*

этими домогательствами и столкновениями скрываются расчеты на деньги демократической партии, на этот святой Грааль[236], то трансцендентальное соперничество, спор о бороде императора Барбароссы весьма быстро превращается в заурядный конкурс шутов. Тот, кто пожелает изучить эту войну мышей и лягушек[237] по первоисточникам, найдет все необходимые документы в нью-йоркской «Schnellpost», «New-Yorker Deutsche Zeitung», «Allgemeine Deutsche Zeitung», «Staatszeitung», в балтиморском «Correspondent», в «Wecker» и прочих немецко-американских газетах. Между тем это кокетничанье выдуманными союзами и вымышленными заговорами, вся эта эмигрантская шумиха не осталась без некоторых серьезных последствий. Она дала правительствам желанный повод подвергнуть аресту множество людей в Германии, повсюду внутри страны зажать в тиски всякое движение и нагнать страх на немецкого мещанина, пользуясь жалкими лондонскими соломенными чучелами, как огородными пугалами. Отнюдь не будучи сколько-нибудь опасными для существующего положения, эти герои эмиграции страстно желали лишь одного — чтобы в Германии наступила мертвая тишина, среди которой тем громче звучал бы их голос, я чтобы уровень общественного сознания стал настолько низким, что даже люди их калибра казались бы значительными величинами.

Новоприбывшие южногерманские добродетельные мужи, не будучи связаны ни с одной из сторон, оказались в Лондоне в самом выгодном положении: они могли выступить в роли примирителей различных клик и собрать в то же время всю эмиграцию в качестве хора вокруг выдающихся личностей. Их высоко развитое, чувство долга повелевало им не упустить представлявшегося случая. Но в то же время они видели Ледрю-Роллена, который был с ними в этом отношении вполне солидарен, уже восседающим в кресле президента Французской республики. Им как ближайшим соседям Франции важно было получить признание от временного правительства Франции в качестве временных правителей Германии. Зигелю в особенности важно было, чтобы Ледрю гарантировал ему пост главнокомандующего. Однако путь к Ледрю лежал только через труп Арнольда. К тому же им тогда еще импонировала личина сильного характера, которую носил Арнольд, и он должен был как философское северное сияние озарить их южногерманские сумерки. Поэтому они обратились прежде всего к *Руге.*

На другой стороне находились, во-первых, *Кинкель* со своим ближайшим окружением — Шурцем, Штродтманом, Шиммельпфеннигом, Теховым и т. д., затем бывшие депутаты парламента

и палат во главе с *Рейхенбахом,* с Мейеном и Оппенхеймом в качестве литературных представителей, наконец, Виллих со своей дружиной, остававшейся, однако, в тени. Роли распределены были здесь таким образом: Кинкель, в качестве страстоцвета, представлял немецких филистеров вообще; Рейхенбах, будучи графом, представлял буржуазию; Виллих же, будучи Виллихом, представлял пролетариат.

Об Августе *Виллихе* надо прежде всего сказать, что Густав всегда питал к нему тайное недоверие из-за его остроконечного черепа, в котором непомерно развитый бугор самомнения подавляет все остальные умственные способности. Некий немецкий филистер, увидав бывшего лейтенанта Виллиха в одной из лондонских пивных, в страхе схватился за свою шляпу и выбежал, восклицая: «Боже мой, до чего же этот человек похож на господа нашего Иисуса Христа!». Дабы усилить это сходство, Виллих незадолго до революции работал некоторое время плотником. Потом, во время баденско-пфальцской кампании он выступил в качестве предводителя партизан.

Предводитель партизан, этот потомок староитальянских кондотьеров, представляет собой своеобразное явление в современных войнах, в особенности в Германии. Предводитель партизан, привыкший действовать на собственный страх и риск, противится всякому общему верховному командованию. Его партизаны подчиняются только ему, но и он всецело зависит от них. Дисциплина в добровольческом отряде носит поэтому весьма своеобразный характер: смотря по обстоятельствам, она бывает то варварски строга, то — и это чаще всего — в высшей степени слаба. Предводитель партизан не может постоянно вести себя властно и повелительно — ему часто приходится угождать своим партизанам, задабривать каждого из них в отдельности вещественным проявлением своей милости. Обычные воинские качества здесь могут принести мало пользы, и для того, чтобы держать подчиненных в повиновении, храбрость должна быть подкреплена другими свойствами. Если даже предводитель лишен благородства, то он должен обладать хотя бы благородным сознанием, необходимым дополнением которого являются коварство, шпионство и интриганство и замаскированная низость на практике. Таким путем не только снискивают расположение своих солдат, но подкупают также и жителей, обманывают врага и получают признание как яркая личность, особенно со стороны противника. Всего этого, однако, недостаточно, чтобы держать в руках добровольческий отряд, большинство которого либо с самого начала состоит из люмпен-пролетариата, либо же вскоре ему уподобляется. Для этого нужна высшая идея.

Поэтому предводителю добровольческого отряда необходимо обладать квинт-эссенцией навязчивых идей, он должен быть человеком принципа, которого неотступно преследует сознание своей миссии освободителя мира. Проповедями перед строем и постоянной назидательной пропагандой в личных беседах с каждым из солдат он должен внушить понимание этой высшей идеи своим солдатам и превратить таким образом весь отряд в своих сыновей по духу. Если эта высшая идея имеет спекулятивный, энергичный характер и возвышается над уровнем обычного рассудка, если она имеет известные гегельянские черты, — подобно той, которую генерал Виллизен пытался привить прусской армии[238], — тем лучше. Таким образом, благородное сознание внушается каждому отдельному партизану и подвиги всего отряда приобретают благодаря этому характер спекулятивного священнодействия, значительно возвышающего их над обычной бездумной смелостью; а слава подобного отряда основывается не столько на его действиях, сколько на его мессианском призвании. Отряду можно придать еще большую стойкость, если заставить всех бойцов поклясться, что они не переживут крушения дела, за которое сражаются, и предпочтут скорее с пением священных песен дать себя перерезать вплоть до последнего человека у последней пограничной яблони. Совершенно естественно, что подобный отряд и подобный предводитель должны чувствовать себя оскверненными общением с обыкновенными мирскими воинами и при каждом удобном случае должны стараться либо отделиться от армии, либо немедленно избавить себя от общества неверных; ничто не может быть для них ненавистнее больших воинских соединений и большой войны, в которой поддерживаемое высшим вдохновением коварство может сделать слишком мало, если оно пренебрегает обычными правилами военного искусства. Таким образом, предводитель партизан должен быть в полном смысле слова крестоносцем: он должен совместить в одном лице Петра Пустынника и Вальтера Голяка. Беспутному образу жизни своего разношерстного отряда он должен противопоставить свою личную добродетель. Никто не смеет напоить его допьяна, и сам он должен предпочитать прикладываться к своей бутылке втайне от всех, хотя бы ночью в постели. Если ему по слабости человеческой случится возвращаться в казарму в неурочное, ночное время, чрезмерно вкусив от благ земных, то он никогда не пойдет в ворота, а предпочтет обойти вокруг и перелезть через стену, чтобы никого не вводить в соблазн. К женским прелестям он должен оставаться равнодушным, но зато хорошее впечатление будет производить, если он время от времени будет

давать приют на своем ложе какому-нибудь портновскому подмастерью, как поступал Кромвель со своими унтер-офицерами; вообще же он не должен быть чересчур аскетичен в своем образе жизни. Так как за cavaliere della ventura* стоят cavalieri del dente** его отряда, пробавляющиеся преимущественно за счет реквизиций и дарового постоя, а Вальтеру Голяку чаще всего приходится смотреть на это сквозь пальцы, — то уже в силу одного этого необходимо постоянное присутствие Петра Пустынника с готовым утешением, что подобного рода неприятные меры принимаются исключительно ради спасения отечества, а, следовательно, и в интересах самих пострадавших.

Все эти качества предводителя партизан во время войны проявляются также и в мирное время, правда, претерпев некоторые изменения не совсем благоприятного характера. Прежде всего он должен сохранить ядро для нового отряда и постоянно рассылать унтер-офицеров—вербовщиков. Это ядро, состоящее главным образом из остатков добровольческого отряда и эмигрантской черни, содержится в казармах то ли за счет правительства (например, в Безансоне[239]), то ли как-нибудь иначе. Жизнь в казармах должна быть освящена идеей; это достигается посредством казарменного коммунизма, благодаря которому презрение к обычной гражданской деятельности приобретает высший смысл. Но так как такая коммунистическая казарма не подчиняется более воинскому уставу, а подчинена только нравственному авторитету и заповеди самопожертвования, то в ней дело не обходится без потасовок из-за общей кассы, причем случается, что тумаки выпадают и на долю нравственного авторитета. Если где-нибудь поблизости находится союз ремесленников, то его могут использовать в качестве вербовочного пункта для пополнения всепьянейшего отряда рекрутами, причем ремесленникам рисуют перспективы разгульной жизни и партизанских приключений в будущем как вознаграждение за их нынешний тяжкий труд. Кроме того, иногда удается устроить так, чтобы, ввиду высокого принципиального значения данной казармы для будущности пролетариата, союз ремесленников вносил денежные суммы на содержание отряда. Как в казарме, так и в союзе проповедь и патриархально-фамильярные манеры в личном обращении должны оказывать свое влияние. Партизан и в мирное время не теряет абсолютно необходимой ему непоколебимой уверенности, и подобно тому как он на войне после каждого поражения всегда предсказывал на завтрашний день

* —рыцарем—искателем приключений. *Ред.*
** — рыцари, орудующие челюстями, прихлебатели. *Ред.*

победу, так и теперь он постоянно возвещает моральную несомненность и физическую необходимость того, что это «начнется» никак не позже, чем через две недели — и именно пресловутое *это.* Так как ему непрестанно нужно иметь перед собой врага и так как благородным всегда противостоят бесчестные, то он среди последних будет обнаруживать яростную враждебность по отношению к себе и убеждаться в том, что бесчестные из одной ненависти к его заслуженной популярности задумали его отравить или заколоть; поэтому он всегда будет держать у себя под подушкой длинный нож. Подобно тому как на войне предводитель партизан не может достигнуть никаких успехов, если он не воображает, что население его боготворит, точно так же и в мирное время он даже при отсутствии у него действительных политических связей непрестанно их предполагает или воображает, что порой приводит к удивительным мистификациям. Талант по части реквизиций и дарового постоя вновь проявляется в форме приятной паразитической жизни. Наоборот, строгий нравственный аскетизм нашего Роланда, как все благородное и великое, подвергается в мирное время тяжким испытаниям. Боярдо говорит в песне 24-й:

Турпин о графе Брава говорит,
Что в целомудрии он век свой прожил, —
Пусть верит, кто желает, господа!

Но известно также, что впоследствии граф Брава потерял рассудок из-за очей прекрасной Анджелики, и Астольф принужден был разыскивать этот рассудок на луне, как это очаровательно изобразил мессер Лодовико Ариосто[240]. Наш современный Роланд, однако, спутал себя с самим поэтом, рассказывающим о себе, что и он от любви потерял рассудок и искал его с помощью губ и рук на груди своей Анджелики, причем случилось так, что в благодарность его выгнали из дома. — В. политике предводитель партизан обнаруживает свою непревзойденную искушенность во всех способах ведения малой войны. В соответствии с самим значением слова «партизан» он переходит от одной партии к другой*. Мелкие интриги, жалкие увертки, а порой и ложь, выступающее под видом нравственного негодования коварство проявляются у него как естественные признаки благородного сознания, и полный веры в свою миссию и в высший смысл своих слов и поступков он решительно заявляет: «я никогда не лгу!». Навязчивые идеи образуют великолепное прикрытие для замаскированного

* Игра слов: «Parteiganger» — «партизан», а также «приверженец той или иной партии». *Ред.*

вероломства и побуждают глупцов-эмигрантов, *лишенных* всяких идей, думать, что он, человек с навязчивой идеей, является просто дураком, — а для такого бывалого молодца только этого и нужно.

Дон-Кихот и Санчо Панса в одном лице, столь же влюбленный как в мешок с провизией, так и в свои навязчивые идеи, воодушевленный даровым содержанием странствующих рыцарей не менее, нежели их славой, герой карликовых войн и крохотных интриг, скрывающий свое плутовство под маской сильного характера, — таков Виллих, подлинная будущность которого находится в прериях Рио-Гранде-дель-Норте.

В письме в редакцию нью-йоркской «Deutsche Schnellpost» г-н Гёгг следующим образом поясняет сложившиеся взаимоотношения между обоими вышеописанными элементами эмиграции:

«Они» (южные германцы) «решили попытаться объединиться с остальными фракциями, чтобы восстановить престиж *умирающего* Центрального комитета. Однако мало надежды на осуществление этого благого намерения. Кинкель продолжает интриговать; вместе со своим избавителем, своим биографом и несколькими прусскими лейтенантами он образовал комитет, который должен действовать тайно, постепенно расширяться, привлекать к себе по возможности денежные средства демократии и затем внезапно выступить открыто уже в качестве могущественной партии Кинкеля. Это и нечестно, и несправедливо, и неразумно».

«Честные» намерения южногерманских элементов при этих попытках объединения обнаруживаются в следующем письме г-на Зигеля, адресованном в ту же газету:

«Если мы, немногие, имевшие *чистосердечные* намерения, также частично прибегли к конспирации, то сделали мы это только для того, чтобы оградить себя от жалких махинаций и домогательств Кинкеля и его присных и доказать им, что они рождены не для того, чтобы властвовать. *Нашей главной целью* было насильно заставить Кинкеля явиться на многолюдное собрание, где мы доказали бы ему и его, как он выражается, ближайшим политическим друзьям, что не все то золото, что блестит. К черту сначала инструмент» (Шурца), «к черту затем и музыканта» (Кинкеля) («Wochenblatt der New-Yorker Deutschen Zeitung», 24 сентября 1851 г.).

Насколько своеобразен был состав обеих группировок, которые, бранясь, называли друг друга «южными германцами» и «северными германцами», можно судить уже по одному тому, что во главе южногерманских элементов находился «рассудок» Руге, а во главе северогерманских — «чувство» Кинкеля.

Чтобы понять последовавшую затем великую борьбу, придется сказать несколько слов о дипломатии обеих потрясающих мир партий.

Арнольд (а следовательно, и его приспешники) заботился прежде всего о том, чтобы образовать «закрытый клуб», офи-

циальной, *показной* целью которого была бы «революционная деятельность». Из этого клуба должен был выдвинуться его излюбленный «комитет *по* германским делам», а из этого комитета сам Руге должен был в свою очередь быть выдвинутым в Европейский центральный комитет. Арнольд неуклонно преследовал эту цель уже с лета 1850 года. Он надеялся «найти» в южных германцах «тот прекрасный средний элемент, среди которого он, не стесняясь, мог бы царить как властелин». Учреждение официальной эмигрантской организации, образование комитетов составляло, таким образом, необходимый элемент в политике Арнольда и его союзников.

Со своей стороны, Кинкель и компания должны были стремиться не допустить ничего, что могло бы узаконить узурпированное Руге положение в Европейском центральном комитете. Кинкель в ответ на свое воззвание о предварительной подписке на 500 фунтов стерлингов получил из Нового Орлеана извещение о том, что ему высылаются деньги, и на этом основании уже успел образовать вместе с Виллихом, Шиммельпфеннигом, Рейхенбахом, Теховым, Шурцем и прочими *тайную финансовую комиссию.* Они рассуждали так: если у нас будут деньги, за нами будет и эмиграция; если за нами будет эмиграция, то правителями Германии будем также мы. Поэтому им прежде всего необходимо было занять эмигрантскую массу собраниями, посвященными чисто формальным вопросам, но всячески препятствовать учреждению официальной организации, выходящей за рамки просто «неоформленного общества», в особенности же не допустить образования какого-либо комитета, чтобы вставлять палки в колеса враждебной фракции, мешать ей действовать, а самим маневрировать за ее спиной.

Общей чертой обеих фракций, т. е. «именитых деятелей», было стремление водить за нос эмигрантскую массу, не посвящая ее в свои конечные цели, пользоваться ею лишь как предлогом, а затем бросить ее, как только цель будет достигнута.

Посмотрим же теперь, как эти Макиавелли, Талейраны и Меттернихи демократии нападают друг на друга.

Явление первое. 14 июля 1851 года. — После того как «не удалось частное соглашение с Кинкелем о совместном выступлении», Руге, Гёгг, Зигель, Фиклер, Ронге приглашают именитых деятелей всех фракций на собрание у Фиклера 14 июля. Является 26 человек. Фиклер вносит предложение об образовании «закрытого кружка» немецких эмигрантов и о выделении из него «рабочего комитета для содействия целям революции». Предложение оспаривается главным образом Кинкелем и примерно шестью его приверженцами. После многочасовых бурных

прений предложение Фиклера принимается (16 голосами против 40). Кинкель и меньшинство заявляют, что они не могут более принимать участия в этой затее, и покидают собрание.

Явление второе. 20 июля. — Вышеуказанное большинство оформляется в особый союз. Среди вновь принятых — рекомендованный Фиклером *Таузенау.*

Подобно тому как Ронге является Лютером немецкой демократии, а Кинкель ее Меланхтоном, г-н Таузенау состоит ее *Абрагамом а Санта Клара.* У Цицерона оба гаруспика не могут глядеть друг на друга без смеха[241]. — Г-н Таузенау не может взглянуть в зеркало на свою собственную серьезную мину, чтобы не расхохотаться. Если Руге удалось встретить в лице баденцев людей, которым *он* импонировал, то судьба ему отомстила, послав ему австрийца Таузенау, который *ему* импонировал.

По предложению Гёгга и Таузенау заседание откладывается с тем, чтобы попытаться еще раз достигнуть соглашения с фракцией Кинкеля.

Явление третье. 27 июля. — Заседание в Кранборн-отеле. «Именитая» эмиграция au grand complet. Фракция Кинкеля также явилась, однако, не для того, чтобы примкнуть к уже существующему союзу. Она, напротив, настаивает «на образовании «открытого дискуссионного клуба» *без* рабочего комитета и *без каких-либо определенных целей».* Шурц, выступающий во всей этой парламентской процедуре в роли наставника юного Кинкеля, вносит следующее предложение:

«Настоящее общество объявляет себя закрытым политическим союзом под названием *Немецкий эмигрантский клуб.* Новые члены принимаются из среды немецкой эмиграции по предложению члена союза большинством голосов».

Предложение принимается единогласно. Клуб постановил собираться каждую пятницу.

«Принятие этого предложения было встречено общей овацией и приветственными возгласами: «Да здравствует германская республика!!!». Благодаря всеобщему стремлению к согласию каждый чувствовал, что он выполнил свой долг и сделал нечто полезное для революции» (Гёгг, «Wochenblatt der Schnellpost», 20 августа 1851 г.).

Эдуард Мейен был в таком восторге от этого успеха, что восклицал в своих литографированных бюллетенях:

«Теперь вся эмиграция образует единую сплоченную фалангу — вплоть до Бухера, за исключением лишь неисправимой марксовой клики».

Эти мейеновские слова можно встретить также в берлинских литографированных правительственных бюллетенях*.

Так при всеобщем проявлении взаимной уступчивости и под возгласы «ура» в честь германской республики возник великий *Эмигрантский клуб,* которому предстояло провести столь вдохновляющие заседания и, спустя несколько недель после отъезда Кинкеля в Америку, почить ко всеобщему удовольствию. Это, впрочем, не мешает ему и по сей день играть свою роль в Америке, фигурируя в качестве здравствующего учреждения.

Явление четвертое. 1 августа. — Второе заседание в Кранборн-отеле.

«К сожалению, мы уже ныне должны доложить, что мы ошибались, возлагая надежды на успех этого клуба» (Гёгг, там же, 27 августа).

Кинкель без предварительного, принятого большинством постановления вводит в клуб шесть прусских эмигрантов и шесть прусских посетителей промышленной выставки. *Дамм*** (председательствующий, бывший председатель баденского Учредительного собрания) выражает свое удивление по поводу этого равносильного государственной измене нарушения устава. *Кинкель* заявляет:

«Клуб — лишь *открытое неоформленное* общество, не преследующее никаких иных целей, кроме возможности лично знакомиться друг с другом и вести беседы, которые может слушать любой. Поэтому желательно, чтобы в обществе присутствовало как можно больше посторонних посетителей».

Студент *Шурц* спешит загладить бестактность своего профессора, внеся поправку о допущении посетителей. Поправка принимается. Абрагам а Санта Клара, то бишь *Таузенау,* встает и без смеха вносит два следующих серьезных предложения:

1) «избрание комиссии» (пресловутый комитет), «которая каждую неделю представляла бы точные отчеты о текущей политике, в особенности германской; эти отчеты должны сдаваться в архив союза и в нужный момент публиковаться; 2) избрание комиссии» (пресловутый комитет) «для регистрации в архиве союза всевозможных подробностей относительно правонарушений и жестокостей, совершенных в течение истекших трех лет, а также тех, которые продолжают еще совершаться прислужниками реакции по отношению *к* сторонникам демократии».

* — «Preussische Lithografische Correspondenz». *Ред.*

** — Дамм тут!
— Кто тут?
— Дамм!
— Кто?
— Дамм, Дамм, неужели вы не знаете Дамма?

Против этого решительно восстают—

Рейхенбах: «В невинных с виду предложениях я усматриваю подозрительные задние мысли и стремление путем избрания этих комиссий придать обществу нежелательный для него и его друзей *официальный* характер».

Шиммельпфенниг и *Шурц:* «Подобные комиссии могут присвоить себе функции, носящие конспиративный характер, и мало-помалу привести к образованию *официального комитета».*

Мейен: «Я желал бы слов, а не дел».

Как утверждает Гёгг, большинство как будто склонялось принять предложения. Тогда Макиавелли-*Шурц* вносит предложение отложить решение вопроса. Абрагам а Санта Клара, то бишь *Таузенау,* по простодушию присоединяется к этому предложению. *Кинкель* полагает, что

«голосование следует отложить до следующего заседания главным образом потому, что в этот вечер его фракция, по-видимому, находится в меньшинстве, и он и его друзья не могли бы считать голосование, которое состоялось бы при подобных условиях, *«связывающим их совесть»».*

Вопрос переносится на следующее заседание.

Явление пятое. 8 августа. — Третье заседание в Кранборн-отеле. Прения по поводу предложений Таузенау. Кинкель и Виллих, вопреки уговору, привели с собой «эмигрантские низы, le menu peuple, чтобы на этот раз связать свою совесть». *Шурц* вносит поправку о добровольных докладах по вопросам текущей политики, и такие доклады, предварительно сговорившись, тут же вызываются прочесть: Мейен— о Пруссии, Шурц— о Франции, Оппенхейм — об Англии, Кинкель — об Америке и будущем (ибо ближайшее будущее его было в Америке). Предложения *Таузенау* отклоняются. Он трогательно заявляет, что желает пожертвовать своим справедливым гневом, принеся его на алтарь отечества, и остаться в кругу союзников. Однако фракция Руге — Фиклера тотчас же раздраженно становится в позу обманутого прекраснодушия.

Интермеццо. — Кинкель получил, наконец, из Нового Орлеана 160 фунтов стерлингов, которые он при участии других именитых особ должен был в интересах революции превратить в капитал, приносящий прибыль. Фракция Руге—Фиклера, и без того уязвленная результатами последнего голосования, узнала об этом. Нельзя было больше терять ни минуты — нужно было действовать. Так образовалось новое эмигрантское болото, украсившее свое застойное и гнилое существование именем *«Агитационного союза».* Членами его были Таузенау, Франк, Гёгг, Зигель, Хертле, Ронге, Хауг, Фиклер, Руге. Союз немедленно заявил в английских газетах, что

«он создан не для дискуссий, а преимущественно для действий, заниматься он будет не words*, а works** и прежде всего предлагает единомышленникам вносить денежные средства. Агитационный союз вверяет исполнительную власть *Таузенау,* а равно назначает его своим уполномоченным и корреспондентом по внешним делам; вместе с тем он признает и положение, занимаемое *Руге* в Европейском центральном комитете» (в качестве имперского регента), «признает и его прежнюю деятельность и то, что он представляет немецкий народ в истинно германском духе».

В этой новой комбинации ясно проглядывает первоначальная группировка: Руге — Ронге — Хауг. Таким образом, Арнольд, после многолетней борьбы и усилий, добился, наконец, того, чего хотел: он был признан пятой спицей в центральной демократической колеснице и имел позади себя «ясно», к сожалению, даже слишком ясно, «очерченную часть народа», состоявшую из целых восьми человек. Но и это удовольствие было для него отравлено, так как его признание было одновременно связано с его косвенным смещением с поста и он был признан лишь на выдвинутом мужланом Фиклером условии, по которому Руге должен был отныне перестать «писать и распространять по свету свою чепуху». Грубиян Фиклер только те писания Арнольда считал «заслуживающими внимания», которых он сам не читал и которые ему не к чему было читать.

Явление шестое. 22 августа. — Кранборн-отель. Сперва «дипломатический шедевр» (см. Гёгг) *Шурца:* предложение образовать общеэмигрантский комитет из шести человек, принадлежащих к различным фракциям, присоединив к нему пять членов существующего уже Эмигрантского комитета виллиховского союза ремесленников (при этом условии фракция Кинкеля — Виллиха всегда была бы в большинстве). Предложение принимается. Выборы состоялись, но члены той части «государства», которая подвластна Руге, отказались принять в них участие, благодаря чему дипломатический шедевр проваливается. Насколько серьезно было задумано дело с этим Эмигрантским комитетом, видно, впрочем, из того, что четыре дня спустя Виллих вышел из давно существовавшего лишь номинально Эмигрантского комитета ремесленников, после того как многократные мятежи проявивших крайнюю непочтительность «эмигрантских низов» уже за много дней сделали неизбежным роспуск этого комитета. — Делается *запрос* по поводу публичных выступлений Агитационного союза. Вносится предложение, чтобы Эмигрантский клуб не имел ничего общего с Агитационным союзом и публично дезавуировал бы все его

* — словами. *Ред.*
** — делами. *Ред.*

действия. Бешеные выпады по адресу присутствующих «агитаторов» — Гёгга и Зигеля младшего (т. е. старшего, см. ниже*). Рудольф *Шрамм* объявляет своего старого друга Руге прислужником Мадзини и «старой грязной сплетницей». И ты, Брут! Гёгг возражает не как великий оратор, а как честный гражданин, и ожесточенно нападает на двуличного, безвольно-коварного, поповски-елейного Кинкеля:

«Непростительно лишать возможности работать тех, кто желает работать! Но эти люди, очевидно, хотят объединения лишь кажущегося, бездеятельного, чтобы под таким прикрытием эта клика могла бы добиваться известных целей».

Когда Гёгг коснулся публичного заявления Агитационного союза в английских газетах, *Кинкель* величественно поднялся и изрек, что он

«уже господствует во всей американской прессе и приняты меры к тому, чтобы подчинить его влиянию также и французскую прессу».

Предложение истинно германской фракции было принято и повело к заявлению «агитаторов» о том, что члены их союза не могут больше оставаться в Эмигрантском клубе.

Так возник ужасный раскол между Эмигрантским клубом и Агитационным союзом, образовавший зияющую брешь во всей современной мировой истории. Любопытнее всего, что оба эти порождения эмиграции действительно существовали лишь до происшедшего между ними раскола, а ныне же они существуют лишь как бы в каульбаховской битве языческих духов[242], и эта битва по сей день продолжается в немецко-американских газетах и на собраниях и будет, по-видимому, продолжаться до скончания века.

Еще более бурный характер всему заседанию придало то, что не признающий никакой дисциплины Шрамм напал также и на Виллиха, утверждая, что Эмигрантский клуб осрамился, связавшись с этим рыцарем. Председательствующий — на сей раз это был робкий Мейен, — отчаявшись, уже несколько раз выпускал из рук кормило правления. Однако сумятица достигла крайних пределов во время прений по поводу Агитационного союза и в связи с выходом его членов. Сопровождаемое криками, треском, гвалтом, угрозами, неистовым ревом длилось это назидательное заседание часов до двух ночи, пока, наконец, хозяин, погасив газовые рожки, не погрузил возбужденных противников в глубокую тьму и, нагнав на них страху, не покончил с делом спасения отечества.

* См. настоящий том, стр. 349. *Ред.*

В конце августа рыцарственный Виллих и сентиментальный Кинкель попытались взорвать Агитационный союз изнутри, обратившись к честному Фиклеру со следующим предложением:

«Он, Фиклер, должен образовать вместе с ними и их ближайшими политическими друзьями *финансовую комиссию,* которая возьмет в свои руки распоряжение прибывшими из Нового Орлеана деньгами. Эта комиссия будет существовать до тех пор, пока не сможет собраться официальная финансовая комиссия самой революции; при этом, однако, принятие этого предложения уже означает согласие на роспуск всех существовавших до того времени немецких революционных и агитационных обществ».

Добродетельный Фиклер пришел в негодование от этой «октроированной, тайной, безответственной комиссии»;

«Как может», — воскликнул он, — «простая финансовая комиссия сплотить вокруг себя все революционные партии? Ни поступающие, ни уже поступившие деньги не могут сами по себе послужить тем основанием, ради которого расходящиеся направления в демократии пожертвуют своей самостоятельностью».

Таким образом, вместо того чтобы вызвать желанный роспуск, эта попытка склонить к дезертирству произвела обратное действие, и Таузенау мог заявить, что разрыв между обеими могущественными партиями — «Эмиграцией» и «Агитацией» — стал непоправимым.

XIV

Чтобы показать, в какой милой манере велась война между «Агитацией» и «Эмиграцией», приведем несколько выдержек из немецко-американских газет.

«АГИТАЦИЯ»

Руге объявляет Кинкеля «агентом принца Прусского».

Другой «агитатор» делает открытие, будто выдающимися членами Эмигрантского клуба являются,

«кроме пастора Кинкеля, еще три прусских лейтенанта, два бездарных литератора из Берлина и один студент».

Зигель пишет:

«Нельзя отрицать, что Виллих приобрел нескольких приверженцев. Конечно, если в течение трех лет проповедовать и говорить людям лишь то, что им приятно, то нужно быть уж очень глупым, чтобы не превратить этих людей в своих приверженцев. Шайка Кинкеля старается перетянуть на свою сторону этих приверженцев Виллиха. Приверженцы Виллиха заводят шашни с приверженцами Кинкеля».

Четвертый «агитатор» объявляет последователей Кинкеля «идолопоклонниками».

Таузенау следующим образом характеризует Эмигрантский клуб:

«Отстаивание сепаратных интересов под личиной миролюбия, систематический обман ради получения большинства, выступление неизвестных величин в качестве вождей и организаторов партии, попытки октроировать тайную финансовую комиссию и всякие закулисные махинации, как бы они там ни назывались, посредством которых *незрелые политики.* всегда» думали распоряжаться в изгнании судьбами родины, между тем как при первых же вспышках революции подобные тщеславные планы рассеиваются как дым».

Наконец, Родомонт-Гейнцен заявляет, что Руге, Гёгг, Фиклер и Зигель — единственные порядочные эмигранты в Англии, с которыми он лично знаком. Члены Эмигрантского

клуба — «эгоисты, роялисты и коммунисты»; Кинкель — «неизлечимо тщеславный болван и философствующий аристократ»; Мейен, Оппенхейм, Виллих и пр. — людишки, которых он, Гейнцен, «может обозреть, лишь согнувшись до коленной чашечки, и которые не доросли даже до щиколотки Руге» (нью-йоркская «Schnellpost», «New-Yorker Deutsche Zeitung», «Wecker» и т. д., 1851).

«ЭМИГРАЦИЯ»

«Зачем нужен октроированный комитет, висящий в воздухе, сам себя уполномочивший еще до того, как он приступил к работе, никем не избранный, не спросивший тех, кого он претендует представлять, желают ли они, чтобы их представляли данные лица?» — «Тем, кто знает Руге, известно, что мания выпускать прокламации его неизлечимая болезнь».— «В парламенте Руге не мог добиться даже такого влияния, каким пользовались какой-нибудь Раво или Симон из Трира». — «Там, где требуется революционная энергия в действии, организационная работа, сдержанность или молчаливость, — там Руге опасен, ибо он страдает как недержанием речи, так и недержанием чернил и непрестанно жаждет представлять весь мир. Руге связался с Мадзини и Ледрю-Ролленом, что означает переведенное на его, Руге, язык сообщение во все газеты: «Германия, Франция и Италия заключили братский революционный союз»». — «Это претенциозное октроирование комитета, эта хвастливая бездеятельность побудили ближайших и разумнейших друзей Руге, как Оппенхейм, Мейен, Шрамм, установить связь с другими людьми для совместной деятельности». — «Позади Руге стоит не ясно очерченная часть народа, а ясно очерченный мирный педант».

«Сколько сотен людей спрашивают каждый день, кто же такой этот Таузенау? И никто, никто не может дать на это ответа. Время от времени кто-либо из венцев уверяет, что он один из тех венских демократов, которые постоянно упрекали венскую демократию в реакционности, чтобы выставить ее в невыгодном свете. Однако это утверждение остается на совести венцев. Во всяком случае, он — величина неизвестная; и еще менее известно, величина ли он вообще».

«Посмотрим еще раз, кто же эти достойные люди, которым все остальные представляются незрелыми политиками. Вот главнокомандующий Зигель. Если бы спросить музу истории, каким образом это бесцветное ничтожество добралось до верховного командования, она пришла бы в величайшее замешательство. Зигель только брат своего брата. Брат его стал популярным офицером благодаря своим резким антиправительственным высказываниям, кои были вызваны частыми арестами, которым он подвергался за самый обыкновенный разврат. Молодой Зигель счел это достаточным основанием для того, чтобы в период первого замешательства, наступившего с революционным подъемом, провозгласить себя главнокомандующим и военным министром. В баденской артиллерии, неоднократно доказывавшей свои превосходные качества, было достаточно более зрелых и достойных офицеров, перед которыми молодой неоперившийся лейтенант Зигель должен был стушеваться и которые были немало возмущены, когда им пришлось подчиниться неизвестному, столь же неопытному, сколь и бездарному юнцу. Но здесь ведь оказался Брентано, достаточно слабый разумом и предательски настроенный, чтобы идти на все, что должно было погубить революцию... Полнейшая

неспособность, которую Зигель проявил во время всей баденской кампании... Достопримечательно, во всяком случае, то, что под Раштаттом и в Шварцвальде Зигель бросил на произвол судьбы храбрейших солдат республиканской армии, не прислав им *обещанного* подкрепления, между тем как сам он разъезжал по Цюриху в эполетах князя Фюрстенберга и в его кабриолете, щеголяя в роли вызывающего интерес неудачливого полководца. Таково известное всем величие этого зрелого политика, который в законном сознании своих былых геройских подвигов во второй раз сам себя назначил главнокомандующим в Агитационном союзе. Таков наш великий знакомый, брат своего брата».

«Право же смешно, когда такие люди» (как члены Агитационного союза) «упрекают в половинчатости других, между тем как сами они — *политические нули,* которые вообще не являются чем-нибудь ни целиком, ни наполовину». — «Личное честолюбие — вот что скрывается за их принципиальной основой». — «Агитационный союз имеет, как союз, лишь частное значение, как какой-нибудь узкий литературный кружок или биллиардный клуб, и у него нет поэтому никаких оснований требовать; чтобы его признавали, и нет никакого права выдавать мандаты». — «Вы сами бросили жребий! Непосвященные должны быть посвящены, дабы они сами могли судить о том, что вы собой представляете!» (Балтиморский «Correspondent»).

Следует признать, что эти господа, взаимно познавая друг друга, почти дошли до самосознания.

XV

Тем временем тайная финансовая комиссия «Эмиграции» избрала правление, состоящее из Кинкеля, Виллиха и Рейхенбаха, и постановила серьезно заняться немецким займом. Студент Шурц — как сообщали в конце 1851 г. нью-йоркская «Schnellpost», «New-Yorker Deutsche Zeitung» и балтиморский «Correspondent» — был послан во Францию, Бельгию и Швейцарию и стал разыскивать там всех старых, забытых и пропавших без вести парламентариев, имперских регентов, депутатов палат и прочих именитых мужей, вплоть до покойного Раво, чтобы добиться от них гарантирования займа. Эти преданные забвению неудачники поторопились гарантировать предприятие. Ведь гарантирование займа являлось, если оно вообще что-нибудь значило, как бы взаимной гарантией правительственных постов in partibus, и гг. Кинкель, Виллих и Рейхенбах получали таким путем гарантию для *своих* видов на будущее. И почтенные добродетельные мужи, безутешно прозябавшие в Швейцарии, до такой степени помешались на «организации» и гарантировании постов, что заранее установили будущий порядок замещения правительственных должностей по старшинству, распределив между собой номера постов, причем не обходилось без резких сцен, когда решалось, кому достанутся посты № 1, № 2 и № 3. Словом, студент Шурц вернулся с гарантией в кармане, и компания принялась за дело. Правда, за несколько дней до того Кинкель на новом совещании с «Агитацией» обещал не предпринимать односторонних займов от имени «Эмиграции»; но именно поэтому он и уехал с гарантийными подписями и с полномочиями Рейхенбаха — Виллиха, якобы для того, чтобы читать на севере Англии свои лекции по эстетике, в действительности же, чтобы из Ливерпуля отплыть в Нью-Йорк и подобно *Парцифалю*[243] отыскать в Америке *святой Грааль,* т. е. золотые сокровища демократической партии.

Тут начинается сладкозвучная, чудесная, велеречивая, неслыханная, подлинная и полная приключений повесть о великих битвах, которые «Эмиграция» и «Агитация» с новым ожесточением и непоколебимым постоянством вели по обе стороны океана, — повесть о крестовом походе Готфрида, в котором он соперничал с Кошутом, повесть о том, как он, после тяжких трудов и невыразимых искушений, в конце концов возвратился под родную кровлю со святым Гралем в дорожной сумке.

Or, bei signori, io vi lascio al presente,
E se voi tornerete in questo loco,
Dirò questa battaglia dov'io lasso
Ch'un'altra non fu mai di tal fracasso.
(Bojardo, canto 26[*].)

Теперь же, господа, я вас покину;
А если вы придете вновь сюда,
Я расскажу про шум и треск сраженья,
С которым ни одно нейдет в сравненье.

[*] — Боярдо, песнь 26. *Ред.*

NEW-YORK DAILY TRIBUNE.

VOL. XII.....NO. 3.540. NEW-YORK, SATURDAY, AUGUST 21, 1852. PRICE TWO CENTS.

К. МАРКС

ВЫБОРЫ В АНГЛИИ. — ТОРИ И ВИГИ [244]

Лондон, пятница, 6 августа 1852 г.

Результаты общих выборов в британский парламент уже известны. На них я остановлюсь более подробно в своей следующей статье*.

Какие же партии боролись между собой или поддерживали друг друга во время избирательной кампании?

Это — тори, виги, либерал-консерваторы (пилиты), фрит-редеры par excellence** (приверженцы манчестерской школы[245], сторонники парламентской и финансовой реформы) и, наконец, чартисты.

Виги, фритредеры и пилиты объединились между собой в оппозиции к тори. Избирательная борьба собственно и разыгралась между этой коалицией, с одной стороны, и тори, с другой. Что же касается чартистов, то они стояли в оппозиции как к вигам, пилитам и фритредерам, так и к тори, выступая таким образом против всей официальной Англии.

Политические партии Великобритании в достаточной степени известны в Соединенных Штатах. Поэтому можно ограничиться здесь лишь несколькими штрихами, чтобы напомнить наиболее характерные особенности каждой из этих партий.

Тори до 1846 г. слыли хранителями традиций старой Англии. Говорили, что они видят в английской конституции восьмое чудо света, что они laudatores temporis acti*** и ревностные приверженцы трона, высокой церкви[246], привилегий и вольностей британских подданных. Отмена хлебных законов в роковом 1846 г.[247] и тот вопль отчаяния, который эта отмена исторгла

* См. настоящий том, стр. 376—381. *Ред.*
** — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*
*** — восхвалитсли минувшего. *Ред.*

у тори, показали, что тори являются ревностными приверженцами одной лишь земельной ренты, и в то же время разоблачили секрет их привязанности к политическим и религиозным учреждениям старой Англии. Ведь это наиболее подходящие для *крупной земельной собственности-учреждения,* при помощи которых она — земельная аристократия — до настоящего времени господствовала в Англии, да и сейчас еще пытается удержать свое господство. 1846 год вскрыл во всей наготе те *материальные классовые интересы,* которые составляют *действительную основу* партии тори. 1846 год сорвал с тори освященную традицией львиную шкуру, под которой до сих пор скрывались классовые интересы этой партии. 1846 год превратил тори в *протекционистов.* Слово «тори» было священным именем, — «протекционисты» стало житейским прозвищем; «тори» звучало как политический боевой клич, «протекционист» звучит как экономический вопль отчаяния; «тори», казалось, обозначало идею, принцип, «протекционист» выражает материальные интересы. Чему покровительствуют эти сторонники покровительственных пошлин? Своим собственным доходам, ренте со своих собственных земель. Таким образом, тори, в конечном счете, являются такими же буржуа, как и прочие; разве есть на свете такой буржуа, который не покровительствовал бы собственному кошельку? От других буржуа тори отличаются в той же мере, в какой земельная рента отличается от торговой и промышленной прибыли. Земельная рента консервативна, — прибыль выступает как сторонница прогресса; земельная рента национальна, — прибыль космополитична; земельная рента верует в государственную церковь, — прибыль же от рождения является диссиденткой. Отмена хлебных законов в 1846 г. была лишь признанием уже свершившегося факта, давно уже происшедшего изменения в элементах английского гражданского общества, а именно: подчинения интересов землевладения интересам денежных кругов, земельной собственности — торговле, сельского хозяйства — фабричной промышленности, деревни — городу. Как можно еще сомневаться в этом факте, когда сельское население Англии количественно относится к городскому, как один к трем? Материальной основой могущества тори являлась земельная рента. Земельная рента регулируется ценами на продукты питания, цены же эти искусственно удерживались на высоком уровне при помощи хлебных законов. Отмена хлебных законов понизила цены на продукты питания, что, в свою очередь, понизило земельную ренту, а с падением ренты рушилась и реальная мощь тори, на которой покоилось их политическое могущество.

Что же теперь пытаются сделать тори? Удержать за собой политическую власть, социальная основа которой уже перестала существовать. А каким путем они могут добиться этого? У них нет иного пути, кроме *контрреволюции,* т. е. реакции государства против общества. Они борются за насильственное сохранение таких учреждений и такой политической власти, которые были обречены на гибель с того момента, когда численность городского населения превысила численность сельского в три раза. Такого рода попытка неизбежно должна закончиться поражением тори; она ускорит и обострит социальное развитие Англии и повлечет за собой кризис.

Тори вербуют своих сторонников среди той части фермеров-арендаторов, которые либо еще не отучились видеть в лендлордах своих естественных повелителей, либо экономически зависят от них, либо еще не понимают, что между интересами фермера и интересами лендлорда ровно столько же общего, сколько между интересами человека, берущего взаймы, и интересами ростовщика. Тори находят сторонников и поддержку также в кругах, заинтересованных в колониальных барышах и прибылях от судоходства, и среди приверженцев государственной церкви, — словом, среди всех тех элементов, которые считают необходимым защищать свои интересы против неизбежных последствий развития современной фабричной промышленности и против подготовленной ею социальной революции.

Потомственным врагом тори являются *виги* — партия, у которой с американскими вигами[248] нет ничего общего, кроме названия.

Английские виги образуют в политической естественной истории такой вид, который, подобно всем представителям класса амфибий, преспокойно существует, но с трудом поддается описанию. Назовем ли мы их, по примеру их противников, тори в отставке? Или будем видеть в них защитников определенных *народных* принципов, как это предпочитают делать писатели континента? В последнем случае мы могли бы попасть в такое же затруднительное положение, в какое попал историограф вигов, г-н Кук, с большим naiveté[*] заявивший в своей «Истории партий»[249], что хотя партия вигов и опирается на ряд «либеральных, нравственных и просвещенных принципов», но ей, к величайшему сожалению, за все время ее более чем полуторавекового существования каждый раз, когда она была у власти, что-нибудь да мешало провести эти принципы в жизнь. Таким образом, виги, по признанию их собственного историка,

[*] — простодушием, наивностью. *Ред.*

на деле представляют собой нечто весьма отличное от провозглашаемых ими «либеральных и просвещенных принципов». Эта партия, таким образом, оказывается точь-в-точь в положении того пьяницы, который, представ перед лорд-мэром, утверждал, что он в принципе сторонник трезвости, но по воскресеньям каждый раз совершенно случайно напивается пьяным.

Но оставим в стороне принципы вигов; мы сможем лучше выяснить, кем они являются, на основании исторических фактов, по тому, что они делают, а не по тому, во что они когда-то верили и что хотели бы внушить о своей роли другим людям.

Подобно тори, виги принадлежат к числу крупных землевладельцев Великобритании. Больше того, наиболее старинные, богатые и надменные землевладельцы Англии как раз и образуют ядро партии вигов.

Чем же они отличаются от тори? Виги являются *аристократическими представителями* буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. За то, что буржуазия предоставляет им, этой олигархии аристократических родов, монополию управления и исключительное право замещения государственных должностей, они делают буржуазии все те уступки, *неизбежность* и *неотложность* которых уже обнаружились в ходе самого социального и политического развития, и помогают ей добиться проведения их в жизнь. Не больше и не меньше. И каждый раз, когда такого рода неотвратимая мера принимается, виги громогласно возвещают, что тем самым достигнут предел исторического прогресса, что все общественное развитие дошло до своей конечной цели, после чего они «цепко держатся» за эту «предельную точку»[250]. Виги могут легче, нежели тори, перенести сокращение своих доходов от аренды, так как они считают, что являются божьей милостью откупщиками доходов Британской империи. Они могут отказаться от монополии, созданной хлебными законами, пока они рассматривают монополию правительственной власти как свое родовое достояние. Со времени «славной революции» 1688 г.[251], за исключением кратких перерывов, связанных главным образом с первой французской революцией и последовавшей за ней реакцией, государственные должности постоянно принадлежали вигам. Кто вспомнит этот период истории Англии, тот не обнаружит у вигизма других отличительных признаков, кроме стремления сохранить власть своей родовой олигархии. Интересы и принципы, которые виги помимо того время от времени защищают, принадлежат не им самим, а навязаны им развитием промышленного и торгового класса — развитием буржуазии. Подобно тому как после 1688 г. виги объединились с финансовыми магна-

тами, которые как раз к тому времени приобрели большое влияние, так в 1846 г. мы видим их объединившимися с промышленными магнатами. Виги столь же мало сделали для проведения билля о реформе в 1831 г.[252], как и для проведения фритредерского билля 1846 года. Оба эти реформистские движения — как политическое, так и торговое — были движениями буржуазии. Как только одно из этих движений настолько усиливалось, что становилось непреодолимым, как только оно превращалось в то же время в вернейшее средство для изгнания тори с правительственных постов, — виги выступали на сцену, брали бразды правления в свои руки и обеспечивали себе ту часть плодов победы, которая касалась правительственной власти. В 1831 г. они довели политическую сторону реформы как раз до той грани, до которой ее нужно было довести, чтобы буржуазия не осталась совершенно неудовлетворенной; после 1846 г. они ограничили свои фритредерские мероприятия настолько, насколько это было необходимо, чтобы спасти для земельной аристократии как можно больше привилегий. Каждый раз они перехватывали движение для того, чтобы помешать его дальнейшему развитию и в то же время вернуть себе свои посты.

Совершенно очевидно, что с того момента как земельная аристократия окажется не в состоянии больше удерживать свои позиции, играя роль самостоятельной силы, и вести борьбу за власть в качестве самостоятельной партии — словом, когда тори окончательно падут, в английской истории не останется места и для вигов. Раз аристократия уничтожена, какой толк в аристократическом представительстве буржуазии, противостоящем этой аристократии?

В средние века, в начальную пору подъема городов, германские императоры, как известно, ставили над ними имперских наместников — «advocati» — для защиты этих городов от окрестного дворянства. Но когда благодаря росту населения и богатства города оказывались достаточно сильными и независимыми, чтобы не только отражать нападение дворян, но и нападать на них, они немедленно прогоняли титулованных наместников — advocati.

Виги были такими advocati для британской буржуазии, и их монополия на власть должна рухнуть в тот самый момент. когда рухнет монополия тори на землю. Виги вырождались из партии в клику по мере того, как буржуазия приобретала больше независимости и силы.

Само собой ясно, какую отвратительную смесь разнородных элементов должны представлять собой английские виги: приверженцы феодальной системы и в то же время сторонники

Мальтуса; денежные мешки с феодальными предрассудками; аристократы без чувства чести; буржуа без промышленной энергии; ретрограды с прогрессивными фразами на устах; поборники прогресса, фанатически преданные консерватизму; дельцы, отмеривающие гомеопатическими дозами реформы; покровители всякого рода кумовства; великие мастера подкупа; ханжи в религии, тартюфы в политике. Массы английского народа отличаются здоровым эстетическим чутьем. Они питают поэтому инстинктивное отвращение ко всему пестрому и двусмысленному, к летучим мышам и к партии Рассела. Вместе с тори народные массы Англии, городской и сельский пролетариат, питают ненависть к «денежным мешкам», а вместе с буржуазией они ненавидят аристократов. В вигах же народ ненавидит и тех и других — аристократию и буржуазию, лендлорда, который его угнетает, и денежного туза, который его эксплуатирует. В лице вигов народ ненавидит олигархию, которая правит Англией в течение более ста лет и которая отстранила народ от управления его собственными делами.

Пилиты (либерал-консерваторы) являются не партией, а скорее воспоминанием о партийном деятеле, о покойном сэре Роберте Пиле. Но англичане слишком прозаический народ, чтобы считать воспоминания пригодными на что-либо иное, кроме сочинения элегий. Теперь же, когда английский народ повсюду в стране воздвиг покойному сэру Роберту Пилю монументы из бронзы и мрамора, он тем более считает возможным обойтись без ходячих монументов Пилю в лице Грехемов, Гладстонов, Кардуэллов и т. д. Так называемые пилиты представляют собой не что иное, как штаб чиновников, вышколенных для себя Робертом Пилем. И так как штаб этот довольно многочисленный, то эти чиновники на мгновение забывают, что за ними нет никакой армии. Таким образом, пилиты — это бывшие сторонники Пиля, которые не решили еще, к какой партии им примкнуть. Но такого рода колебания, понятно, не являются достаточным основанием для образования самостоятельной политической партии.

Остаются еще фритредеры и чартисты. Их краткие характеристики я дам в следующей статье.

Написано К. Марксом 2 августа 1852 г.

Напечатано в газетах «New-York Daily Tribune» № 3540, 21 августа 1852 г. и «The People's Paper» № 22, 2 октября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается, по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

The People's Paper,
THE CHAMPION OF
POLITICAL JUSTICE AND UNIVERSAL RIGHT.
[illegible] LONDON, SATURDAY, OCTOBER [illegible] 1852. [Price Fourpence

К. МАРКС

ЧАРТИСТЫ

Лондон, вторник, 10 августа 1852 г.

В то время как тори, виги, пилиты — словом, все партии, которые мы до сих пор рассматривали, — в большей или меньшей степени являются достоянием прошлого, фритредеры (приверженцы манчестерской школы, сторонники парламентской и финансовой реформы) являются *официальными представителями современного английского общества,* представителями той Англии, которая господствует на мировом рынке. Они представляют партию сознающей свою силу буржуазии, партию промышленного капитала, который стремится превратить свое социальное могущество также и в политическое и искоренить последних надменных служителей феодального общества. Во главе этой партии стоит самая активная и энергичная часть английской буржуазии — *фабриканты.* Они добиваются неограниченного, ничем не замаскированного господства буржуазии, открытого, официально признанного подчинения всего общества законам современного капиталистического производства и власти для тех людей, которые управляют этим производством. Под свободой торговли они понимают беспрепятственное движение капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут. Земля должна стать рыночным товаром и эксплуатироваться в соответствии с общими законами торговли. Должны существовать фабриканты продуктов питания, так же как фабриканты пряжи и хлопчатобумажных тканей, но не должно быть больше аристократов-землевладельцев. Короче говоря, нельзя допускать никаких политических или социальных ограничений,

регламентов или монополий, кроме тех, которые вытекают из «вечных законов политической экономии», т. е. из тех условий, при которых происходит производство и распределение капитала. Суть борьбы этой партии против старых английских учреждений — этого продукта устаревшей, быстро приближающейся к своей гибели стадии общественного развития,— выражается лозунгом: *Производить как можно дешевле и устранить все faux frais производства* (т. е. все излишние, не являющиеся необходимыми издержки производства). И с этим лозунгом обращаются не только к отдельным частным лицам, по главным образом ко *всей нации.*

Разве королевская власть со своей «варварской пышностью», со своим двором, своим цивильным листом и свитой лакеев не принадлежит к числу faux frais производства? Нация может производить и обменивать продукты и без королевской власти, поэтому долой корону! А что собой представляют синекуры дворянства, палата лордов? Faux frais производства. А большая постоянная армия? Faux frais производства. А колонии? Faux frais производства. А государственная церковь со своими богатствами, добытыми грабежом и попрошайничеством? Faux frais производства. Предоставьте священникам свободно конкурировать друг с другом, и пусть каждый платит им столько, сколько сам считает нужным. А вся громоздкая система английского правосудия с ее канцлерским судом?[253] Faux frais производства. Войны между нациями? Faux frais производства. Англия сможет с меньшими затратами эксплуатировать чужие нации, если она будет жить с ними в мире.

Вы видите, что этим передовым борцам британской буржуазии, приверженцам манчестерской школы, каждое учреждение старой Англии кажется с точки зрения машинного производства столь же дорогостоящим, сколь и бесполезным, лишенным какой-либо другой цели, кроме одной: мешать нации производить как можно больше и с минимальными затратами, а также свободно обменивать свои продукты. Их последним словом неизбежно является *буржуазная республика^* в которой во всех сферах жизни неограниченно господствует свободная конкуренция и в общем остается лишь минимум правительственной власти, необходимый всему классу буржуазии для того, чтобы как во внутренней, так и во внешней политике обеспечивать его общие интересы и управлять его общими делами; нпо и этот минимум правительственной власти должен быть организован как можно более рационально и экономно. В других странах такую партию назвали бы *демократической.* Но она по необходимости революционна, и полное уничтожение

старой Англии как аристократического государства является той конечной целью, к которой она более или менее сознательно стремится. Однако ее ближайшей целью является осуществление парламентской реформы, которая передала бы в ее руки законодательную власть, необходимую для подобного рода революции.

Однако британские буржуа — это не легко возбудимые французы. Если они и намерены добиться парламентской реформы, то для этого они не станут устраивать февральской революции. Напротив, одержав в 1846 г. в результате отмены хлебных законов крупную победу над земельной аристократией, они удовлетворились извлечением материальных выгод из этой победы, не позаботившись в то же время о том, чтобы сделать из нее необходимые политические и экономические выводы, и тем самым дали вигам возможность восстановить свою наследственную монополию на правительственную власть. В течение всего времени с 1846 по 1852 г. они выставляли себя в смешном виде своим боевым кличем: великие принципы и практические (читай: *малые)* дела! В чем причины этого? Да в том, что при каждом мощном движении они вынуждены были апеллировать к *рабочему классу.* Но если аристократия для них умирающий противник, то рабочий класс для них нарождающийся враг. И они предпочитают вступить в сделку с умирающим противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками растущего врага, которому принадлежит будущее. Поэтому они стараются избегать каких-либо насильственных столкновений с аристократией. Но историческая необходимость и тори толкают их вперед. Они неизбежно должны будут выполнить свою миссию и разрушить до основания старую Англию, Англию прошлого; а с того момента, когда они окажутся единственными обладателями политической власти, когда политическое господство и экономическая мощь сосредоточатся в одних и тех же руках и поэтому борьба против капитала не будет больше отделена от борьбы против существующего правительства, — с этого момента начнется *социальная революция в Англии.*

Перейдем теперь к *чартистам,* этой политически активной части британского *рабочего класса.* Шесть пунктов Хартии, за которую они борются, не содержат в себе ничего, кроме требования *всеобщего избирательного права* и тех условий, без которых всеобщее избирательное право было бы иллюзорным для рабочего класса, а именно: тайного голосования, вознаграждения для членов парламента, ежегодных общих выборов. Но всеобщее избирательное право равносильно полити-

ческому господству рабочего класса Англии, где пролетариат составляет огромное большинство населения, где в ходе длительной, хотя и скрытой, гражданской войны он выработал ясное сознание своего положения как. класса и где даже в сельских округах не осталось больше крестьян, а имеются лишь лендлорды, капиталистические предприниматели (фермеры) и наемные рабочие. Поэтому введение всеобщего избирательного права в Англии было бы в гораздо большей степени социалистическим мероприятием, нежели любое другое мероприятие, которому на континенте присваивается это почетное имя.

Здесь его неизбежным результатом является *политическое господство рабочего класса.*

О возрождении и реорганизации чартистской партии я сообщу в другой раз. В настоящий момент я остановлюсь только на недавних выборах.

Чтобы иметь право избирать в британский парламент, лицо мужского пола должно в городском избирательном округе владеть домом, доход от которого при раскладке налога в пользу бедных определен не ниже 10 ф. ст.; в графствах же нужно быть фригольдером[254], получающим ежегодный доход не ниже 40 шиллингов, или арендатором, уплачивающим ежегодно не ниже 50 фунтов стерлингов. Из одного этого уже следует, что чартисты официально могли принять лишь незначительное участие в только что закончившейся избирательной борьбе. Но чтобы объяснить, какое участие они действительно в ней принимали, я должен напомнить об одной особенности английской избирательной системы, различающей:

День выдвижения кандидатов [Nomination day] и день объявления результатов выборов [Declaration day]! Голосование поднятием рук и баллотировку!

Когда кандидаты выступают в день своего избрания и публично обращаются к народу, они в первой инстанции избираются поднятием рук. Каждый имеет право поднять руку независимо от того, принадлежит ли эта рука неизбирателю или избирателю. Лицо, за которое было поднято большинство рук, уполномоченный по выборам объявляет избранным (временно) поднятием рук. Но теперь медаль повертывается своей оборотной стороной. Избрание поднятием рук представляло собой лишь простую церемонию, акт формальной вежливости по отношению к «суверенному народу», а вежливость кончается, как только привилегиям начинает грозить опасность. Так, если поднятием рук кандидаты лиц, пользующихся привилегией избирать, оказываются неизбранными, то эти кандидаты требуют баллотировки; в ней может участвовать лишь приви-

легированный круг избирателей, законно же избранным объявляется только тот, кто получает большинство голосов при баллотировке. Первое избрание, поднятием рук, представляет собой лишь видимость компенсации, которую временно дают общественному мнению для того, чтобы в следующий момент тем сильнее доказать ему его бессилие.

Может, пожалуй, показаться, что это избрание поднятием рук, эта опасная формальность изобретена лишь с целью сделать смешным всеобщее избирательное право и позволить себе невинную аристократическую шутку за счет «черни» (как выражается майор Бересфорд, секретарь по военным делам). Но это было бы заблуждением. Древний обычай, первоначально общий всем германским народам, мог по традиции продержаться до XIX столетия только благодаря тому, что он без особых издержек и опасностей придает британскому классовому парламенту видимость народности. Выгода, которую господствующие классы извлекали из этого обычая, заключалась в том, что масса народа более или менее горячо защищала их особые интересы в качестве своих национальных интересов. И только тогда, когда буржуазия начала занимать независимую позицию по отношению к обеим официальным партиям — вигам и тори, — рабочие массы начали самостоятельно выступать в дни выставления кандидатов. Однако никогда раньше противоположность между голосованием поднятием рук и баллотировкой, между днем выставления кандидатов и днем объявления результатов выборов не носила такого серьезного характера, никогда она не была столь резко обозначена столкновением враждебных принципов, никогда она не была столь угрожающей, столь всеобщей, повсеместно охватившей страну, как на последних выборах 1852 года.

И что за противоположность! Достаточно было быть выдвинутым в кандидаты поднятием рук, чтобы провалиться при баллотировке. Достаточно было получить большинство при баллотировке, чтобы быть встреченным народом гнилыми яблоками и кирпичами. Избранным по всем правилам закона членам парламента пришлось, прежде всего, как следует позаботиться о безопасности своего собственного парламентского телесного «я». На одной стороне стояло большинство народа, а на другой — двенадцатая часть всего населения и пятая часть всего взрослого мужского населения страны. На одной стороне — энтузиазм, на другой — подкуп. На одной стороне — партии, отрекающиеся от своих собственных отличительных признаков: либералы, отстаивающие консервативные взгляды, и консерваторы, провозглашающие либеральные идеи; на

другой — народ, заявляющий о своем существовании и защищающий свое собственное дело. На одной стороне — износившаяся машина, непрерывно вращающаяся в порочном кругу, совершенно неспособная сдвинуться ни на шаг вперед, и бесплодный процесс трения, в котором перемалываются все официальные партии, постепенно превращая друг друга в пыль; на другой — устремившаяся вперед масса нации, грозящая уничтожить порочный круг и разрушить официальную машину.

Я не собираюсь прослеживать, как по всей стране проявлялась эта противоположность между выставлением кандидатов и баллотировкой, между грозной демонстрацией рабочего класса во время избирательной кампании и трусливыми избирательными маневрами господствующих классов. Из всей массы округов я возьму только один городской избирательный округ, в котором эта противоположность сконцентрировалась, как в фокусе: речь идет о выборах в Галифаксе. В качестве соперничающих кандидатов тут выступали Эдуарде (тори), сэр Чарлз Вуд (бывший вигский канцлер казначейства и зять графа Грея), Фрэнк Кросли (манчестерец) и, наконец, Эрнест Джонс, наиболее одаренный, последовательный и энергичный представитель чартизма. Галифакс — промышленный город, и потому тори имел там мало шансов. Манчестерец Кросли объединился с вигом. Таким образом, серьезная борьба разыгралась лишь между Вудом и Джонсом, между вигом и чартистом.

«Сэр Чарлз Вуд произнес речь, продолжавшуюся около получаса; начало и вторую половину его речи совершенно нельзя было разобрать из-за возгласов неодобрения собравшейся массы. По отчету сидевшего близко от него репортера, его выступление содержало всего лишь перечень уже проведенных фритредерских мероприятий, нападки на правительство лорда Дерби и панегирик *«беспримерному процветанию страны и народа!»* (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Он не предложил ни одной новой меры в пользу реформы и едва лишь намекнул в немногих словах на билль лорда Джона Рассела о реформе избирательного права»[255].

Так как ни в одной из больших лондонских газет правящего класса вы не найдете речи Эрнеста Джонса, то я привожу из нее более обширные выдержки.

«Встреченный с громадным энтузиазмом, Эрнест Джонс сказал:

«Избиратели и неизбиратели! Вы собрались сюда по случаю великого и торжественного праздника. Конституция признает сегодня всеобщее избирательное право в теории для того, может быть, чтобы завтра отречься от него на практике... Перед вами стоят сегодня представители двух систем, и вам надлежит решить, которые из них должны управлять вами в течение семи лет. Семь лет — это целая небольшая жизнь!..

Я призываю вас приостановиться у преддверья этих семи лет: дайте им сегодня медленно и спокойно протечь перед вашим духовным взором. Примите сегодня решение, вы, двадцать тысяч человек, может быть, для того, чтобы завтра пятьсот человек нарушили вашу волю! (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Я сказал, что перед вами стоят представители двух систем. Правда, налево от меня находятся виги, тори и богачи-предприниматели, но по существу между ними нет никакой разницы. Богач-предприниматель говорит: дешево покупайте и дорого продавайте. Тори говорит: дорого покупайте и еще дороже продавайте. Для рабочих оба они одинаковы. Но берет верх первая система, корни которой подтачиваются язвой пауперизма. Эта система покоится на конкуренции с заграницей. И я утверждаю, что при системе дешевой закупки и дорогой продажи, системе, опирающейся на конкуренцию с заграницей, должно продолжаться разорение рабочего класса и класса мелких предпринимателей. А почему? Труд есть создатель всех богатств. Для того чтобы выросло хотя бы одно зерно или был выткан хоть один ярд ткани, человек должен трудиться. Но в этой стране для рабочего пет никаких независимых занятий. Труд является товаром, который отдается в наем, труд выступает на рынке как предмет купли-продажи; поскольку же труд создает всякое богатство, его и необходимо, прежде всего, покупать. «Покупайте дешево, покупайте дешево!» Труд покупается на самом дешевом рынке. Но за этим следует: «Продавайте дорого, продавайте дорого!». Что продавать? *Продукты труда.* Кому? Загранице — разумеется! — и *самому рабочему,* ибо, не будучи хозяином своего собственного труда, рабочий *не* пользуется его первыми плодами. «Покупайте дешево, продавайте дорого!» Как вам это нравится? «Покупайте дешево, продавайте дорого!» Покупайте дешево труд рабочего и продавайте дорого тому же самому рабочему продукт его собственного труда! В самой сделке лежит принцип неизбежного ущерба. Предприниматель дешево покупает труд, он продает и при этом должен получить прибыль. Он продает самому рабочему — ив результате каждая сделка между предпринимателем и нанимающимся представляет собой преднамеренное мошенничество со стороны предпринимателя. Так труд от непрерывного ущерба опускается все ниже, а капитал от постоянных обманов поднимается все выше. Но описываемая система не ограничивается этим. *Она опирается на конкуренцию с заграницей, а это означает, что мы должны разорить торговлю других стран, как разорили уже труд в своей стране.* Как это делается? Страна с высокими пошлинами должна продавать дешевле, нежели страна с низкими пошлинами. Но иностранная конкуренция постоянно возрастает, а следовательно, должна также постоянно возрастать и дешевизна. Поэтому заработная плата в Англии должна непрерывно падать. Каким образом достигается это падение? Посредством *избыточного труда.* А каким образом создается этот избыток труда? Посредством монополии на землю, которая гонит на фабрики больше рабочих рук, чем там требуется; посредством монополии на машины, которая гонит эти рабочие руки на улицу; посредством женского труда, который оттесняет от ткацкого челнока мужчину; посредством детского труда, который оттесняет от ткацкого станка женщину. И обосновавшись на этом живом базисе избыточного труда, попирая ногами истерзанные сердца, предприниматели восклицают: «Голодная смерть! Кто хочет работы? Лучше мало, чем совсем ничего!». И измученная масса жадно хватается за это, соглашаясь на их условия. (Громкие возгласы: «Слушайте, слушайте!») Таковы плоды этой системы для рабочего. Но как это отражается на вас, избиратели? Как это влияет на внутреннюю торговлю, на мелких торговцев, на налог в пользу бедных и на налоги вообще? Всякому усилению иностранной конкуренции

должен соответствовать рост дешевизны на родине. Всякий рост дешевизны труда должен основываться на увеличении избыточного труда, а последнее достигается расширением машинного производства. Я снова спрашиваю, как же это отражается на вас? Либерал-манчестерец, находящийся налево от меня, вводит новое изобретение и выбрасывает на улицу триста человек, ставших для него излишними. Мелкие торговцы! Вы потеряли триста покупателей. Плательщики налога в пользу бедных! Это триста новых нищих. (Громкие возгласы одобрения оратору.) Но заметьте, зло этим не ограничивается! Эти триста человек, прежде всего, понизят заработную плату тех, которые еще продолжают работать в данной отрасли производства. Предприниматель говорит: «Отныне я понижаю вашу заработную плату». Рабочие возражают. Тогда он добавляет: «Видите ли вы этих триста человек, которых я только что выбросил на улицу? *Если угодно, вы можете поменяться с ними местами,* они мечтают вернуться на любых условиях, ибо они умирают с голоду». Рабочие чувствуют, что это так, и их сопротивление оказывается сломленным. О ты, либерал-манчестерец, фарисей в политике! Перед лицом этих людей, которые слушают нас, ответишь ли ты мне теперь? Но зло не ограничивается и этим. Люди, лишившиеся своей собственной профессии, пытаются найти занятия в других отраслях, чрезмерно увеличивая этим избыток труда и понижая заработную плату. Профессии, плохо оплачиваемые сегодня, оплачивались некогда хорошо, а хорошо оплачиваемые сегодня в недалеком будущем будут оплачиваться плохо. Так покупательная сила рабочего класса уменьшается с каждым днем, а вместе с ней чахнет и внутренняя торговля. Запомните это, торговцы! Ваши покупатели становятся беднее, ваша прибыль уменьшается, зато ваши нищие становятся все многочисленнее, а ваши налоги в пользу бедных и другие налоги все повышаются. Ваши доходы падают, ваши расходы увеличиваются. Вы получаете меньше и платите больше. Как вам нравится эта система? Богатый фабрикант и лендлорд перекладывают на вас всю тяжесть налога в пользу бедных и других налогов. Вы, представители среднего класса, служите богачам орудием для покрытия налогов. Они производят на свет бедность, создающую их богатства, и заставляют вас нести расходы, связанные с этой, ими самими созданной бедностью. Лендлорд увиливает от этого благодаря своим привилегиям, фабрикант— благодаря тому, что он компенсирует себя за счет заработной платы своих рабочих, а это опять-таки отражается на вас. Как вам нравится эта система? Это та система, которую поддерживают господа, находящиеся налево от меня. Что же предлагаю вам я, со своей стороны? Я указал вам на зло. Это уже кое-что значит. Но я хочу сделать больше. Я нахожусь здесь, чтобы показать, в чем состоит правда, и привести доказательства этому». (Громкие аплодисменты.)»

После этого Эрнест Джонс стал развивать свои собственные взгляды на политические и экономические реформы и затем продолжал:

««Избиратели и неизбиратели! Я сейчас изложил вам некоторые из социальных и политических мероприятий, за немедленное проведение которых я выступаю сейчас, как уже выступал в 1847 году. Но за то, что я пытался расширить *вашу* свободу, меня лишили *моей.* (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») За то, что я стремился воздвигнуть для всех вас храм свободы, меня бросили в тюремную камеру для уголовных преступников. И здесь, налево от меня, сидит один из моих главных тюремщиков.

(Громкий продолжительный ропот против сидящих на левой стороне.) За то, что я пытался поднять голос в защиту истины, я был осужден на молчание. Два года и одну неделю меня держали в тюрьме, в одиночном заключении, подвергнув режиму строжайшей изоляции, оставив без чернил, перьев и бумаги, — но зато вместо этого заставляя меня щипать паклю... Да (оратор обращается к сэру Чарлзу Вуду), в течение двух лет и одной недели торжествовали вы, теперь же пришел мой день! Я пробужу в сердцах всех присутствующих здесь англичан ангела мщения. (Громкий взрыв аплодисментов.) Прислушайтесь! Не ощущаете ли вы взмаха его крыльев в каждом движении этой огромной массы! (Новый взрыв продолжительных аплодисментов.) ...Могут сказать, что это не общественное дело. Но это именно такое дело! (Возгласы: «Правильно, правильно!») ...Это общественное дело, ибо человек, который не сочувствует жене арестованного, не станет сочувствовать и жене рабочего. Тот, кто не желает сочувствовать детям заключенного, не станет сочувствовать детям наемного раба. (Аплодисменты и возгласы: «Правильно, правильно!») Его прошлое доказывает это, его сегодняшние обещания этого не опровергают. Кто голосовал за исключительный закон для Ирландии, за билль о затыкании рта, за давление на ирландскую прессу? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал пятнадцать раз против предложения Юма о расширении избирательного права, против предложения Лока Кинга о графствах, против предложения Юарта о парламентах, избираемых на короткий срок, против предложения Беркли о тайном голосовании? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против освобождения Фроста, Уильямса и Джонса? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против расследования злоупотреблений в колониях и в защиту Уорда и Торрингтона, тиранов Ионических островов и Цейлона? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против сокращения содержания герцога Кембриджского, получающего 12000 ф. ст., против всякого сокращения расходов на армию и флот, против отмены пооконного налога? Кто голосовал сорок восемь раз против сокращения всех других налогов, включая сюда и сокращение его собственного жалованья? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против отмены налогов на бумагу и объявления и налогов на знания? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал за кучу новых епископских кафедр, приходов, за субсидии на колледж в Мейнуте, против сокращения этих субсидий и против освобождения диссентеров[256] от церковных налогов? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против всякого расследования фальсификации пищевых продуктов? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против понижения пошлин на сахар и отмены налога на солод? Виг! Вот он! Долой его! Кто голосовал против сокращения ночной работы пекарей, против обследования положения вязальщиков, работающих на фабриках, против медицинской инспекции работных домов, против запрещения начала работы малолетних ранее 6 часов утра, против оказания приходами помощи беременным женщинам из бедноты, против билля о десятичасовом рабочем дне? Виг! Вот он! Долой его! Долой его во имя бога и человечности! Граждане Галифакса! Граждане Англии! Обе системы перед вами. Теперь судите и выбирайте!» (Невозможно описать энтузиазм, вызванный этой речью, в особенности ее заключительной частью. Среди огромной массы людей, слушавших, затаив дыхание, каждую фразу, во время каждой паузы поднимался, подобно рокоту набегающей волны, ропот негодования против представителей вигизма и классового господства. В общем это была сцена, которую долго нельзя будет забыть. При голосовании поднятием рук за сэра Чарлза Вуда голосовали лишь немногие, главным образом подкупленные или запуганные лица. За Эрнеста Джонса

подняли обе руки почти все присутствующие среди неописуемого энтузиазма и оваций.

Мэр объявил избранными поднятием рук г-на Эрнеста Джонса и г-на Генри Эдуардса. Тогда сэр Чарлз Вуд и г-н Кросли потребовали баллотировки».

Случилось так, как и предсказывал Джонс: он был выставлен кандидатом 20000 голосов, но виг сэр Чарлз Вуд и манчестерец Кросли были избраны в парламент пятьюстами голосов.

Написано К. Марксом 2 августа 1852 г.

Напечатало в газете «New-York Daily Tribune» № 3543, 25 августа 1852 г. и в сокращенном виде в газете «The People's Paper» № 23, 9 октября 1852 з.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ

Лондон, пятница, 20 августа 1852 г.

Перед тем как разойтись, члены палаты общин последнего созыва решили создать своим преемникам возможно большее количество препятствий на их пути в парламент. Они проголосовали драконовский закон против подкупов, коррупции, запугивания и вообще против всяких мошеннических избирательных интриг.

Составлен длинный список самых подробных и назойливых вопросов, какие только можно себе представить, — вопросов, которые на основании этого закона могут быть предложены как лицам, подписавшим петицию протеста, так и избранным депутатам парламента. Они могут быть опрошены под присягой о том, кто были их агенты и какого рода связи они с ними имели. Им можно задавать вопросы и требовать от них сведений не только о том, что они знают, но даже о том, что они «думают, предполагают и подозревают» относительно той суммы, которая была израсходована на их выборы ими самими или другими лицами, с их согласия или без него. Словом, ни один член парламента не в состоянии выдержать этого удивительного испытания без риска впасть в клятвопреступление, если только он имеет хотя бы малейшее подозрение, что ради него кем-либо, возможно или вероятно, было допущено нарушение закона.

Итак, если даже предположить, что новые законодатели присвоят себе в отношении этого закона ту же свободу, какой пользуются духовные лица, подписывающиеся под *всеми* тридцатью девятью статьями[257], хотя верят они лишь в *некоторые* из них, — то и при этом условии в законе остается достаточно пунктов для того, чтобы сделать новый парламент наиболее

непорочным из всех собраний, в которых когда-либо произносились речи и проводились законы для трех королевств. Но стоит только сопоставить этот закон и непосредственно последовавшие за его принятием общие выборы, чтобы признать за тори ту бесспорную славу, что при их правлении была провозглашена величайшая строгость нравов для выборов в теории и осуществлена величайшая избирательная коррупция на практике.

«Новые выборы продолжаются, и в ходе их разыгрываются сцены *подкупа, коррупции, насилия, пьянства и убийства, не имеющие примера* со времени прежней безраздельной монополии тори. Нам сообщают о солдатах с заряженными ружьями и примкнутыми штыками, которые хватали либеральных избирателей и насильно заставляли их, на глазах у лендлордов, голосовать против своих убеждений; и эти солдаты, хладнокровно целясь, стреляли в народ, если он осмеливался выражать сочувствие схваченным избирателям, и совершали многочисленные убийства беззащитных людей» (намек на события в Сикс-Майл-Бридже, графство Клэр, и в Лимерике). «Нам, может быть, скажут: ведь это было в Ирландии! Да, а в Англии тори использовали полицию для того, чтобы разрушать трибуны своих противников; они посылали организованные банды ночных грабителей и убийц на улицы, чтобы перехватывать и запугивать либеральных избирателей, открывали настоящие клоаки пьянства, не жалели золота для подкупа, как, например, в Дерби, и почти в каждой местности, в которой происходила избирательная борьба, систематически запугивали избирателей».

Так пишет газета Эрнеста Джонса «People's Paper»[258]. Выслушав этот еженедельник чартистов, дадим слово еженедельнику враждебной им партии, самому трезвому, благоразумному и умеренному органу промышленной буржуазии, лондонскому «Economist».

«Мы убеждены и готовы утверждать, что во время этих общих выборов было совершено больше актов *коррупции, запугивания* и проявлено больше *раболепства, фанатизма и распущенности,* чем когда-либо раньше в подобных случаях. Сообщают, что к подкупам на этих выборах прибегали в гораздо более широких размерах, чем в прежние годы... Разнообразные методы запугивания и незаконного воздействия на избирателей, применявшиеся на последних выборах, превосходят все, что может представить себе самая пылкая фантазия... Если мы соединим все вместе: отвратительное пьянство, низкие интриги, массовую коррупцию, варварские попытки запугать избирателей, забрасывание грязью доброго имени кандидатов, разорение честных, подкуп и обесчещение слабохарактерных избирателей, ложь, козни, клевету, неприкрыто и бесстыдно выставляемые напоказ среди белого дня, осквернение священных слов, оклеветание благородных имен, — то мы можем только застыть в ужасе перед этой огромной грудой принесенных в жертву растерзанных тел и погубленных душ, на вершине которой, как на могильном холме, утвердился новый парламент».

Способы запугивания и коррупции были обычные. Прежде всего — прямое давление со стороны правительства. Так,

в Дерби у одного агента по выборам, пойманного с поличным при попытке прибегнуть к подкупу, было найдено письмо секретаря по военным делам майора Бересфорда, которым тот открывает ему кредит на избирательные расходы через торговую фирму. Газета «Poole Herald» публикует циркуляр адмиралтейства, подписанный главным начальником одной военно-морской базы и обращенный к офицерам запаса. В нем предписывается подавать голоса за правительственных кандидатов. — Прибегали также и к прямому применению вооруженной силы, как это имело место в Корке, Белфасте и Лимерике (в последнем месте было убито восемь человек). — Лендлорды угрожали согнать своих арендаторов с земли, если они не будут голосовать заодно с ними; управляющие имениями лорда Дерби подавали в этом отношении пример своим коллегам. — Лавочникам угрожали потерей клиентуры, рабочим — увольнением; широко применялось спаивание и т. д. и т. п. — К этим *мирским* средствам коррупции тори прибавили еще *духовные.* Была выпущена королевская прокламация против католических процессий, чтобы разжечь ханжество и религиозную ненависть; повсюду раздавался клич: «Долой папистов!». Одним из результатов этой прокламации были беспорядки в Стокпорте[259]. Само собой понятно, что ирландские священники отражали нападение подобным же оружием.

Не успели закончиться выборы, как только к одному из юридических советников короны уже поступили из двадцати пяти местностей петиции об аннулировании выборов в парламент в связи с имевшимися случаями подкупа и запугивания. Подобные протесты против избранных депутатов, с внесением соответствующих сумм на ведение дела, последовали из Дерби, Кокермута, Барнстепла, Хариджа, Кентербери, Ярмута, Уэйкфилда, Бостона, Хаддерсфилда, Виндзора и из многих других мест. Установлено, что не менее восьми или десяти сторонников правительства Дерби в парламенте, даже при наиболее благоприятном для них обороте дел, будут лишены депутатских полномочий в результате этих петиций.

Главной ареной подкупа, коррупции и запугивания были, разумеется, сельские округа и подконтрольные пэрам местечки, для сохранения возможно большего количества которых виги пустили в ход всю свою изобретательность во время прохождения билля о реформе 1831 года. Избирательные округа больших городов и густонаселенных промышленных районов в силу особых условий, в которых они находятся, представляют собой весьма неблагоприятную почву для таких избирательных маневров.

Дни общих выборов издавна являются в Англии днями доходящего до вакханалии пьяного разгула, установленными биржевыми сроками для учета политических убеждений, временем богатейшей жатвы для трактирщиков. «Эти постоянно возобновляющиеся *сатурналии»,* — замечает один английский орган печати*, — «всегда оставляют длительные следы своего гибельного действия». Вполне естественно. Это настоящие сатурналии в древнеримском смысле слова. В это время господин становился рабом, а раб —господином. Но когда раб превращается в господина на один день, то в этот день неограниченно властвуют грубые инстинкты. Господами являлись высшие сановники правящих классов или их отдельных фракций, в роли рабов выступала вся масса тех же классов, пользующаяся избирательной привилегией и окруженная тысячами но имеющих избирательных прав людей, единственное назначение которых состояло в том, чтобы быть простыми статистами; их поддержки, в форме одобрения или голосования поднятием рук, всегда домогались, хотя бы только ради театрального эффекта. Если проследить историю английских выборов за сто или более лет, то возникает вопрос не о том, почему английские парламенты были так плохи, а, наоборот, каким образом им все же удалось быть даже такими, какими они были, и отражать, хотя и в смутных чертах, действительное развитие английского общества. Точно так же противники представительной системы, должно быть, удивляются, когда обнаруживают, что законодательные учреждения, в которых все определяется абстрактным большинством, случайным соотношением числа голосов, тем не менее принимают решения и разрешают вопросы в соответствии с требованиями момента, — по крайней мере, в период расцвета своих жизненных сил. Из простого соотношения чисел никогда нельзя — даже с помощью самых натянутых логических умозаключений—вывести необходимость вотума, соответствующего действительному положению вещей; наоборот, из данного положения вещей неизбежность определенного соотношения депутатов вытекает всегда как бы сама собой. Чем же был традиционный подкуп на английских выборах, если не особой формой, столь же грубой, сколь и наглядной, в которой проявлялось соотношение сил борющихся партий? Средства влияния и господства, которые каждая из них в других случаях применяла *обычным* путем, здесь в продолжение нескольких дней пускались ими в ход необычным образом, в более или менее

* — «Economist». *Ред.*

гротескной форме. Но предпосылка в обоих случаях была та же, а именно, что кандидаты соперничающих партий представляют интересы всего круга избирателей, а этот привилегированный круг избирателей, в свою очередь, представляет интересы неголосующей массы, или, вернее, что эта лишенная избирательных прав масса еще не имеет своих особых интересов. Дельфийских жриц нужно было одурманивать посредством паров, для того чтобы они обрели свой дар оракула. Британский народ должен одурманивать себя джином и портером, чтобы быть в состоянии обрести своих оракулов-законодателей. А где следовало искать таких оракулов, — было ясно само собой.

С того момента как промышленный и торговый средний класс, т. е. буржуазия, выступил в качестве официальной партии рядом с вигами и тори, и особенно со времени проведения билля о реформе в 1831 г., во взаимном положении классов и партий произошли коренные изменения. Буржуа не испытывали ни малейшего влечения к дорогостоящим избирательным маневрам, к этим faux frais[*] общих выборов. Они считали, что будет дешевле конкурировать с земельной аристократией при помощи общих моральных средств, чем при помощи личных денежных средств. С другой стороны, они сознавали себя представителями всеобщих, преобладающих в современном обществе интересов. Поэтому они оказались в состоянии выдвинуть требование, чтобы избиратели руководствовались общими национальными интересами, а не личными и местными мотивами, и тем больше настаивали на этом требовании, чем больше прежний способ воздействия на избирателей — именно в силу самого состава избирателей — превращался преимущественно в орудие земельной аристократии и становился недоступным для буржуазии. Таким образом, буржуазия боролась за выборы, основанные на моральном принципе, и заставляла принимать законы, составленные в этом духе, — законы, из которых каждый должен был служить противодействием местному влиянию земельной аристократии. И действительно, с 1831 г. подкуп принял более цивилизованные, более скрытые формы, и общие выборы стали проходить в более спокойной обстановке чем раньше. Теперь, наконец, народные массы перестали быть простым хором, который принимал более или менее близко к сердцу борьбу официальных героев, тянувших между собой жребий, и — словно критские куреты при рождении Юпитера — буйно участвовал в вакхической оргии

[*] — непроизводительным издержкам. *Ред.*

по случаю сотворения парламентских божков[260], получая за это участие в их прославлении соответствующую плату и угощение. Чартисты грозной толпой окружали всю арену, на которой должна была разыгрываться официальная избирательная борьба, и, полные недоверия, испытующе следили за каждым движением на этой арене. При таких условиях выборы, подобные тем, которые произошли в 1852 г., не могли не возбудить всеобщего негодования. Даже у консервативного органа, «Times», впервые вырвалось несколько слов в защиту всеобщего избирательного права, широкие же массы британского пролетариата воскликнули в один голос: враги реформы дали самые лучшие аргументы ее сторонникам; так вот как выглядят выборы при существующем классовом строе, так вот какая получается палата общин при такой избирательной системе!

Для того чтобы постигнуть истинный характер системы подкупа, коррупции, запугивания в том виде, как она применялась во время последних выборов, необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, которое действовало в том же направлении.

Если обратиться к общим выборам, происходившим с 1831 г., можно заметить, что чем больше усиливалось давление лишенного избирательных прав большинства населения страны на привилегированный круг избирателей и чем громче буржуазия требовала расширения этого круга, а рабочий класс — уничтожения всяких следов его существования, тем все более сокращалось число избирателей, действительно принимавших участие в голосовании, и круг избирателей, таким образом, все более и более суживался. Это ни разу не обнаруживалось так ясно, как на последних выборах.

Возьмем для примера Лондон. В Сити число избирателей равно 26728; из них голосовали только 10 тысяч. В округе Тауэр-Хамлетс зарегистрировано 23534 избирателя, из них голосовали только 12 тысяч. В Финсбери из 20025 избирателей голосовало менее половины. В Ливерпуле, где разыгралась наиболее оживленная избирательная борьба, из 17433 зарегистрированных избирателей в баллотировке участвовало лишь 13 тысяч.

Этих примеров достаточно. Что они доказывают? Наличие апатии среди лиц, пользующихся привилегией избирать. А что доказывает эта апатия? То, что этот круг избирателей пережил себя, что он утратил всякий интерес к своему собственному политическому существованию. Это никоим образцом не означает, что избиратели стали равнодушны к политике вообще; они равнодушны только к такого рода политике, результаты которой

сводятся в большинстве случаев лишь к тому, чтобы помочь тори прогнать вигов или помочь вигам одолеть тори. Избиратели инстинктивно чувствуют, что решение того или иного вопроса не зависит уже более ни от парламента, ни от выборов в парламент. Кто отменил хлебные законы? Конечно, не те избиратели, которые избрали протекционистский парламент, и тем более не сам протекционистский парламент; законы были отменены только и исключительно посредством давления извне. В это давление извне, в воздействие на парламент другими средствами, помимо голосования, уверовала теперь даже большая часть самих избирателей. Существующий до сих пор законный способ голосования они рассматривают как устаревшую формальность и, если бы парламент начал сопротивляться давлению извне и навязывать нации законы, составленные в духе этого ограниченного круга избирателей, они примкнули бы к общему штурму всей этой устаревшей системы.

Поэтому подкуп и запугивание, пущенные в ход тори, были лишь насильственной попыткой возродить отмирающий круг избирателей, который стал непригодным для положительной деятельности и больше не может дать ни решающих результатов на выборах, ни истинно национального парламента. К чему же это привело? Старый парламент был распущен, ибо к концу своего существования он распался на отдельные фракции, обрекавшие друг друга на полнейшее бездействие. Новый же парламент начинает с того, чем кончил старый. Он разбит параличом с самого момента своего рождения.

Написано К. Марксом около 16 августа 1853 г.

Напечатано в газетах «New-York Daily Tribune» № 3552, 4 сентября 1852 г. и «The People's Paper» № 24, 16 октября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ

Лондон, пятница, 27 августа 1852 г.

Рассмотрим теперь результаты последних общих выборов.

Если мы объединим под общим именем «оппозиции» вигов, фритредеров и пилитов и противопоставим их всех вместе тори, то мы увидим, что статистические данные о новом парламенте ясно выражают ту великую противоположность, на которую мы уже указывали в одной из предыдущих статей*, — противоположность между *городом* и *деревней.*

В *Англии* были избраны: в городах 104 сторонника министерства и 215 сторонников оппозиции, а в графствах — 109 сторонников министерства и лишь 32 представителя оппозиции. Из графств, этой крепости тори, должны быть исключены наиболее богатые и влиятельные — Западный Райдинг в Йоркшире, Южный Ланкашир, Мидлсекс, Восточный Суррей и другие, которые охватывают, не считая городов, посылающих депутатов в парламент, четыре из десяти миллионов населения, живущего в графствах.

В *Уэльсе* выборы в городе и выборы в деревне дали, если их сопоставить, как раз противоположные результаты: города здесь избрали 10 сторонников оппозиции и 3 сторонников министерства, графства — 11 сторонников министерства и 3 представителей оппозиции.

В *Шотландии* противоположность проявляется наиболее ярко. В городах были избраны 25 представителей оппозиции и не прошло ни одного сторонника министерства. Графства послали 14 сторонников министерства и 13 представителей оппозиции.

---

* См. настоящий том, стр. 371. *Ред.*

В *Ирландии* соотношение иное, чем то, которое обнаруживается в Великобритании. Национальная партия в Ирландии обладает наибольшей силой в сельских местностях, где население находится под более непосредственным влиянием католического духовенства, в то время как в городах севера преобладают английские и протестантские элементы. Поэтому настоящим центром оппозиции является здесь деревня, хотя при теперешней избирательной системе это не может так резко проявиться. В Ирландии города послали 14 сторонников министерства и 25 представителей оппозиции, а графства — 24 сторонника министерства и 35 представителей оппозиции.

Если вы спросите меня, какая же партия победила на выборах, то надо сказать, что все партии вместе взятые одержали победу над тори, ибо последние явно получили меньшинство, несмотря на пущенные ими в ход подкуп, запугивание и правительственное давление. Согласно наиболее точным сведениям, избрано 290 сторонников министерства, 337 либералов, или представителей объединенной оппозиции, и 27 колеблющихся. Если даже присоединить этих 27 колеблющихся к сторонникам министерства, то либералы все же сохраняют перевес в 20 голосов. Между тем, тори рассчитывали получить большинство, состоящее, по крайней мере, из 336 голосов. Но даже оставляя в стороне вопрос о неблагоприятном численном соотношении, тори потерпели поражение в избирательной борьбе уже в силу того, что их лидеры вынуждены были отречься от своих собственных протекционистских принципов. Из 290 приверженцев Дерби 20 высказались вообще против всяких покровительственных пошлин, а из остальных многие, в том числе сам Дизраэли, — против хлебных законов.

Лорд Дерби уверял в своих заявлениях в парламенте, что он изменит торговую политику Англии лишь в том случае, если будет поддержан значительным большинством. Так далек он был от мысли, что сам он может оказаться в меньшинстве. Но если результаты выборов совершенно не соответствуют оптимистическим ожиданиям тори, то все же они гораздо благоприятнее для них, чем ожидала оппозиция.

Ни одна партия не потерпела более тяжелого поражения, чем виги, и как раз в том самом пункте, где была сосредоточена сила этой партии: речь идет об ее прежних министрах. Масса вигов смешивается, с одной стороны, с фритредерами, а с другой — с пилитами. Настоящий же жизненный принцип английского вигизма концентрируется в официальной верхушке вигов. Правда, глава последнего вигского министерства лорд Джон Рассел переизбран в лондонском Сити; но на выборах

в Сити в 1847 г. г-н Мастермен (тори) получил на 415 голосов меньше лорда Дж. Рассела. В 1852 г. он получил на 819 голосов больше лорда Рассела и прошел первым в числе избранных. Одиннадцать членов последнего правительства вигов были лишены своих мест в парламенте, а именно: сэр У. Г. Крейг, лорд казначейства; Р. М. Белью, лорд казначейства; сэр Д. Дандас, судья генерал-адвокат; сэр Дж. Грей, министр внутренних дел; Дж. Хатчелл, генерал-атторней для Ирландии; Дж. Корнуолл Льюис, секретарь казначейства; лорд К. Э. Паджет, секретарь главного начальника артиллерии; Дж. Паркер, секретарь адмиралтейства; сэр У. Сомервилл, секретарь по делам Ирландии; адмирал Стюарт, лорд адмиралтейства; к ним еще надо причислить м-ра Бернала, председателя комитетов палаты[261]. Словом, со времени билля о реформе виги не терпели подобного поражения.

Пилиты, которые уже в прежнем парламенте были весьма малочисленны, составили, в результате сокращения их числа, еще менее значительную группу; ряд их наиболее влиятельных лидеров лишился своих мест, как, например, Кардуэлл и Юарт (оба от Ливерпуля), Грин (Ланкастер), лорд Махон (Хартфорд), Раунделл Палмер (Плимут) и т. д. Наибольшую сенсацию вызвало поражение Кардуэлла, и не только ввиду важного значения города, представителем которого он был, но и ввиду его личных отношений с покойным сэром Р. Пилем. Ведь он, наряду с лордом Махоном, был литературным душеприказчиком последнего. Кардуэлл потерпел поражение, потому что защищал отмену навигационных актов[262] и не пожелал присоединиться к лозунгу: «Долой папистов!». В Ливерпуле же приверженцы государственной церкви оказали значительное влияние на выборы.

«Эта столь деловая и столь стяжательская община», — замечает по этому поводу один фритредерский орган[*], — «имеет слишком мало времени, чтобы культивировать религиозные чувства; поэтому она должна опираться на духовенство, делаясь орудием в его руках».

Кроме того, избиратели Ливерпуля, в отличие от избирателей Манчестера, — не простые «люди», а «джентльмены», а ратовать за старую религиозную ортодоксию — это то, что в первую очередь требуется от джентльмена.

Наконец, и фритредеры также лишились в этой избирательной борьбе некоторых из своих популярнейших имен. Так, в Брадфорде провалился полковник Томпсон (он же — «Старая гусыня»), один из старейших фритредерских проповедников и

[*] — «Economist». *Ред.*

публицистов; в Олдеме потерпел поражение У. Дж. Фокс, один из наиболее знаменитых, агитаторов и остроумнейших ораторов фритредеров; даже сами Брайт и Гибсон одержали победу над своими противниками вигами в твердыне партии, Манчестере, лишь сравнительно незначительным большинством. Само собой разумеется, что при существующей избирательной системе манчестерцы не рассчитывают и не могут рассчитывать на большинство в парламенте. Но тем не менее они в течение многих лет похвалялись, что, если только виги будут свергнуты и к власти вернутся тори, они разовьют колоссальную агитацию и совершат героические дела; теперь же вместо этого мы снова видели их в недавней избирательной борьбе скромно шагающими рука об руку с вигами, что одно уже равносильно моральному поражению.

Но если ни одна из официальных партий не одержала победы, а, наоборот, каждая из них, в свою очередь, потерпела поражение, то английская нация может утешиться тем, что вместо определенной партии на этот раз в парламенте более внушительно, чем когда-либо, представлена определенная профессия, а именно — *юристы.* Палата общин насчитывает свыше 100 юристов в своем составе — число, которое, пожалуй, не является благоприятным предзнаменованием ни для партии, желающей выиграть свое дело в парламенте, ни для парламента, стремящегося выносить решения с одобрения нации.

Приведенные численные соотношения не оставляют никакого сомнения в том, что оппозиция в целом обладает негативным большинством против тори. Объединив свои усилия, она может в первые же дни после открытия парламента опрокинуть министерство. По она неспособна образовать свое собственное прочное правительство. Для этого нужно было бы снова распустить парламент и назначить новые общие выборы; но новые общие выборы, в свою очередь, лишь сделали бы необходимым новый роспуск. Для того чтобы вырваться из этого заколдованного круга, необходима парламентская реформа. Но устаревшие партии и новый парламент скорее предпочтут правление тори, чем решатся на такой героический шаг.

Если рассматривать каждую партию в отдельности, то тори, хотя они и составляют меньшинство по сравнению с объединенной оппозицией, все же являются наиболее сильной партией в парламенте. К тому же они закрепили за собой командные государственные посты, опираются на хорошо дисциплинированную, компактную и довольно однородную армию; наконец, они ясно сознают, что если они проиграют на этот раз, то их игра закончена навсегда. Им противостоит коалиция из

четырех армий, каждая во главе с особым начальником, — коалиция, которая представляет собой непрочную амальгаму разных фракций, разделенных интересами, принципами, воспоминаниями и страстями, восстающих против объявления парламентской дисциплины высшим принципом и ревниво следящих за притязаниями каждой из них.

Само собой разумеется, что соотношение между отдельными оппозиционными группами в *парламенте* ни в какой мере не соответствует соотношению их сил в *стране.* Так, виги все еще образуют в парламенте наиболее многочисленную часть оппозиции, ядро, вокруг которого группируются остальные фракции. Это тем более опасно, что эта партия, которая в своем воображении постоянно видит себя во главе государственного управления, гораздо больше заботится о том, чтобы отделаться от притязаний своих союзников, чем о том, чтобы разбить общего врага. Вторая оппозиционная группа, пилиты, насчитывает 38 членов; во главе ее стоят: сэр Дж. Грехем, С. Герберт и Гладстон. Сэр Дж. Грехем спекулирует на союзе с представителями манчестерской школы. Он сам слишком сильно жаждет поста премьера, чтобы испытывать хотя бы малейшее желание помочь вигам вернуть себе свою старую монополию на управление государством. С другой стороны, многие пилиты разделяют консервативные взгляды тори, и либералы могут рассчитывать на их постоянную поддержку только в вопросах торговой политики.

«Во многих других вопросах», — пишет одна либеральная газета, — «министрам нетрудно будет придать своим мероприятиям такой вид, чтобы обеспечить им поддержку значительного большинства».

Фритредеры par excellence[*] представлены сильнее, чем в предыдущем парламенте; они насчитывают 113 депутатов. Борьба против тори заведет их дальше того, что может казаться вигам благоразумным при их осторожной политике.

Наконец, имеется «ирландская бригада», насчитывающая около 63 депутатов, которая не стяжала, правда, себе лавров со времени смерти «короля Дана»[**], но вполне способна благодаря своей численности колебать соотношение сил; с британской оппозицией у нее нет ничего общего, кроме ненависти к Дерби. В британском парламенте она представляет Ирландию против Англии. В сколько-нибудь длительной кампании ни одна парламентская партия не может с уверенностью рассчитывать на ее поддержку.

[*] — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*
[**] — Даниела О'Коннела. *Ред.*

Резюмируем вкратце результаты произведенного нами выше анализа: хотя тори и противостоит негативное большинство, но нет ни одной партии, которая могла бы вместо них взять в свои руки кормило правления; поражение тори неизбежно повлекло бы за собой парламентскую реформу; они обладают компактной, однородной, дисциплинированной армией и владеют командными государственными постами; оппозиция представляет собой конгломерат четырех различных групп, а коалиционные армии всегда плохо сражаются и неуклюже маневрируют; негативное большинство к тому же образуют лишь 20—30 голосов, четвертая же часть парламента — 173 депутата — состоит из новых людей, которые будут боязливо избегать всего, что грозило бы им лишиться купленных столь дорогой ценой депутатских мест. Резюмируя все это, мы неизбежно приходим к выводу, что тори будут достаточно сильны, если не для того, чтобы завоевать победу, то для того, чтобы довести дело до кризиса. И на это они, кажется, решились. Боязнь этого кризиса, который революционизировал бы весь официальный фасад Англии, сквозит на страницах каждого органа лондонской ежедневной и еженедельной прессы. «Times», «Morning Chronicle», «Daily News», «Spectator», «Examiner» — все они поднимают шум, ибо все охвачены страхом. Больше всего им хотелось бы с помощью резких выступлений внушить тори мысль об отставке и тем предотвратить кризис. Но им не избежать конфликта, несмотря на все резкие выступления и все добродетельное негодование.

Написано К. Марксом, около 16 августа 1852 г.

Напечатано в газетах «New-York Daily Tribune» № 3558, 11 сентября 1852 г. и «The People's Paper» № 25, 23 октября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

ДЕЙСТВИЯ МАДЗИНИ И КОШУТА. — СОЮЗ С ЛУИ-НАПОЛЕОНОМ. — ПАЛЬМЕРСТОН

Лондон, вторник, 28 сентября 1852 г.

Сообщаю следующие достоверные факты относительно того, что делается среди итальянской и венгерской эмиграции.

Не так давно венгерский генерал Феттер совершил по поручению Кошута и Мадзини поездку по всей Италии с паспортом, выданным на имя одного художника, гражданина Соединенных Штатов. Феттера сопровождала венгерская певица г-жа Ференци, дававшая концерты. Благодаря этому ему удалось проникнуть в высшие официальные круги, между тем как предъявляемые им письма Мадзини открывали перед ним двери тайных обществ. Он проехал по всей стране от Турина и Генуи, через Милан, до Рима и Неаполя. Недавно он вернулся в Англию и сделал доклад о своей поездке, совершенно ошеломивший г-на Мадзини, этого архангела демократии. Суть сообщения Феттера сводится к тому, что Италия целиком впала в *материализм:* торговля шелком, растительным маслом и другими местными продуктами настолько возросла, настолько сделалась всепоглощающей злобой дня, а буржуазия (на которую Мадзини возлагал столь большие надежды) с такой озабоченностью и тщательностью подсчитывает потери и убытки, причиненные революцией, и так усердно старается возместить их посредством самой ревностной предпринимательской деятельности, что никак *нельзя допустить и мысли о том., чтобы революционное движение началось в Италии.* В этой стране, говорит в этом документе Феттер, никакое восстание невозможно до тех пор, пока пламя не вырвется снова из французского кратера, — тем более, что революционная

par excellence* часть населения деморализована продолжительными преследованиями и постоянным крушением своих планов, а главное — не имеет опоры в массах.

На основании этого отчета, сделанного Феттером, Мадзини, после того как он так громко и так глупо поносил Францию, volens nolens** должен был снова предоставить *инициативу* старому Вавилону.

Но, решив вернуться к союзу с Францией, эти господа начали переговоры — как бы вы думали, с кем? *С г-ном Луи Бонапартом.*

Кошут с согласия Мадзини послал в Париж некоего Киша для установления связи с бонапартистами. Киш был когда-то знаком с сыновьями Жерома Бонапарта. Теперь он развлекается в Париже в кафе-шантанах и других подобных заведениях, вертится подле Пьера Бонапарта, рассыпается перед ним в комплиментах и посылает великолепные отчеты Кошуту. Итак, освобождение Венгрии фирмой Луи-Наполеона и Кошута отныне не подлежит сомнению. Глава революционеров заключил союз до гроба с «тираном».

Еще до всех этих событий старик Лелевель, поляк, вместе с православным священником Тадеушем Гожовским приехали в Лондон от имени так называемой польской Централизации[263] и ознакомили Кошута и Мадзини с планом восстания, решающим условием которого должно было бы явиться содействие Бонапарта. Их близким другом в Лондоне был граф Ланцкоронский, являющийся вместе с тем русским императорским агентом, а предложенный ими план удостоился высокой чести быть предварительно просмотренным и исправленным в С.-Петербурге. В настоящее время этот граф Ланцкоронский находится в Париже, где он ведет наблюдение за Кишем, а оттуда он направится в Остенде для получения новых инструкций из С.-Петербурга.

Киш засыпает Кошута из Парижа всевозможными заверениями, которые уместно было бы поместить в сборнике басен; однако ввиду баснословного положения во Франции они, возможно, и соответствуют действительности. Говорят, что Кошут получил собственноручное письмо от Луи-Наполеона с приглашением *приехать в Париж.* Кошут будто бы распространял копии этого письма по всей Венгрии. Он якобы уже все подготовил в этой стране для всеобщего восстания. В заговоре участвуют даже королевско-императорские чиновники. Кошут надеется начать дело в октябре.

---

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*
** — волей-неволей. *Ред.*

Выше я ограничился почти буквальной передачей того, что мне стало известно от других. Если теперь вы спросите, каково мое мнение об этом, то я нахожу, что Луи Бонапарт хочет одним выстрелом убить двух зайцев. Он старается втереться в доверие к Кошуту и Мадзини, чтобы потом выдать их австрийцам, взамен чего последние должны будут санкционировать захват им императорской короны Франции. К тому же, он рассчитывает, что Кошут и Мадзини потеряют всякое влияние среди революционной партии, как только станет известно, что они вели с ним переговоры или установили с ним какие-то связи. Кроме того, поскольку его восшествие на престол встречает сильное противодействие со стороны абсолютистских держав, такой авантюрист, как он, вполне может, хотя это и мало вероятно, оказаться склонным попытать счастье с заговорщиками.

Что касается, в частности, Италии, то Луи Бонапарт предвкушает присоединение Ломбардии и Венеции к своим собственным владениям и переход Неаполя в руки его кузена Мюрата. Недурная перспектива для синьора Мадзини!

Раз я уже опять заговорил об Италии, позвольте мне сообщить вам еще одну новость. Графиня Висконти, одна из героинь последних итальянских битв за свободу, была недавно в Лондоне и имела продолжительную беседу с лордом Пальмерстоном. Его сиятельство поведал ей, что он надеется еще до конца текущего года стать во главе британского правительства и что тогда Европа быстро пойдет навстречу преобразованиям. В особенности Италия не может продолжать оставаться в когтях у Австрии, ибо никакой страной нельзя долго управлять с помощью свинца и пороха. Во всем этом, сказал Пальмерстон, он рассчитывает найти союзника в лице Франции. Во всяком случае он хотел бы, чтобы Ломбардия, если начнется всеобщее брожение, была немедленно же присоединена к Пьемонту, а вопрос о провозглашении Ломбардии республикой был целиком предоставлен будущему.

Я, со своей стороны, убежден, что умудренный опытом Пальмерстон находится во власти сильнейших иллюзий и, в частности, не понимает того, что если он еще и пользуется коекаким влиянием среди парламентских клик, то в самой стране он его совершенно не имеет.

Написано К. Марксом 28 сентября 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3590, 19 октября 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПАУПЕРИЗМ И СВОБОДА ТОРГОВЛИ. — НАДВИГАЮЩИЙСЯ ТОРГОВЫЙ КРИЗИС

Лондон, пятница, 15 октября 1852 г.

Министр торговли г-н Хенли заявил недавно своим друзьям, сельским хозяевам, собравшимся на солодовенном заводе в Банбери, что пауперизм уменьшился по причинам, не имеющим ничего общего со свободой торговли, прежде всего, вследствие *голода в Ирландии,* открытия золота за океаном, массовой эмиграции из Ирландии и вызванного ею большего спроса на английские суда и т. д. и т. д. Мы должны, таким образом, признать, что «голод» есть такое же радикальное средство против пауперизма, как мышьяк против крыс.

Лондонский «Economist» замечает:

«Тори вынуждены признать, по крайней мере, наличие процветания и его естественный результат — опустевшие работные дома».

«Economist» далее пытается доказать неверующему министру торговли, что работные дома опустели исключительно в результате действия свободы торговли и что, если только свобода торговли получит полное развитие, они, вероятно, совершенно исчезнут с лица британской земли. Но, к сожалению, статистика «Economist» отнюдь не доказывает того, что намереваются доказать с ее помощью.

Современная промышленность и торговля проделывают в своем развитии, как это хорошо известно, периодические циклы продолжительностью от пяти до семи лет, проходя с регулярной последовательностью через различные состояния — затишья, затем известного улучшения дел, растущей уверенности, оживления, процветания, лихорадочного возбуждения, чрезмерного расширения торгово-промышленной деятельности, потрясения,

угнетенного состояния дел, застоя, истощения и, наконец, снова затишья.

Вспомнив это, перейдем опять к статистике «Economist».

С 1834 г., когда сумма, истраченная на поддержку бедных, доходила до 6317255 ф. ст., эта сумма упала к 1837 г. до минимума, равного 4044741 фунту стерлингов. Потом она опять ежегодно увеличивалась до 1843 г., когда достигла 5208027 фунтов стерлингов. В 1844, 1845 и 1846 гг. она опять упала до 4954204 ф. ст., но в 1847 и 1848 гг. снова поднялась и достигла в 1848 г. 6180764 ф. ст., почти того же уровня, что и в 1834 г. перед введением нового закона о бедных[264]. В 1849, 1850, 1851 и 1852 гг. она опять упала до 4724619 фунтов стерлингов. Но время между 1834 и 1837 гг. было периодом процветания, 1838—1842 гг. — периодом кризиса и застоя, 1843—1846 гг. — периодом процветания, 1847—1848 гг. — периодом кризиса и застоя и 1849—1852 гг. — опять периодом процветания.

Итак, что доказывает эта статистика? В лучшем случае она подтверждает ту банальную тавтологию, что британский пауперизм усиливается и ослабевает вместе со сменяющимися периодами застоя и процветания, независимо от свободы торговли или протекционизма. Больше того, мы даже обнаруживаем, что во фритредерском 1852 г. сумма, истраченная на поддержку бедных, была на 679 878 ф. ст. выше, чем в протекционистском 1837 г., несмотря на ирландский голод, «золотые самородки» Австралии и непрерывный поток эмигрантов.

Другая английская фритредерская газета пытается доказать, что при свободе торговли увеличивается экспорт, а рост экспорта усиливает процветание; в результате же процветания пауперизм должен уменьшиться и в конце концов исчезнуть. Для доказательства приводятся следующие цифры. Число трудоспособных лиц, обреченных влачить существование за счет приходской помощи бедным, равнялось:

На 1 января 1849 г. в 590 округах попечительства о бедных — 201644
На 1 января 1850 г. в 606 округах попечительства о бедных — 181 159
На 1 января 1851 г. в 606 округах попечительства о бедных — 154 525

Сопоставляя с этим статистику экспорта, мы найдем следующие цифры для экспорта британских и ирландских изделий :

1848 г. .... на 48946395 фунтов стерлингов
1849 г. .... на 58910883 » »
1850 г. .... на 65756032 » »

Что же доказывает эта таблица? Увеличение экспорта на 9964488 ф. ст. избавило в 1849 г. от нищенства свыше 20000 че-

ловек; дальнейшее увеличение экспорта на 6845149 ф. ст. привело в 1850 г. к спасению еще 26634 человек. Итак, если мы даже предположим, что свобода торговли могла бы совершенно устранить промышленные циклы и связанные с ними превратности, то при теперешней системе для избавления от нищенства всех трудоспособных пауперов потребовалось бы дополнительное расширение внешней торговли на сумму в 50000000 ф. ст. в год, т. е. почти на 100 процентов. И эти трезво мыслящие буржуазные статистики осмеливаются разглагольствовать об «утопистах». — Поистине, не существует больших утопистов, чем сами эти буржуазные оптимисты.

Передо мной лежат документы, опубликованные Советом попечительства о бедных. Эти документы показывают, правда, что с 1848 по 1851 г. замечается сокращение количества пауперов. Но в тоже время из этих документов видно, что в период с 1841 по 1844 г. среднее число пауперов составляло 1431571, а в период с 1845 по 1848 г. — 1600257. В 1850 г. обеспечением в работных домах и вне их пользовались 1809308 пауперов, в 1851 г. их насчитывалось 1600329, т. е. несколько больше среднего числа за 1845—1848 годы. Сопоставляя теперь эти цифры с численностью населения, установленной переписью, мы найдем, что в 1841—1848 гг. на каждую тысячу населения приходилось 89 пауперов, а в 1851 г. — 90 пауперов. Итак, в действительности пауперизм увеличился по сравнению со средними цифрами 1841—1848 гг., несмотря на свободную торговлю, голод, процветание, несмотря на золотые самородки Австралии и поток эмигрантов.

Заметим в связи с этим, что возрастало и число преступников. Достаточно также заглянуть в медицинский журнал «Lancet», чтобы убедиться в том, что фальсификация и отравление пищевых продуктов до сих пор шли в ногу со свободой торговли. «Lancet» вызывает в Лондоне каждую неделю новую панику раскрытием все новых тайн. Этот журнал учредил настоящую следственную комиссию из врачей, химиков и т. д. для исследования продаваемых в Лондоне пищевых продуктов. И отчеты этой комиссии неизменно гласят об отравленных кофе, чае, уксусе, перце, пикулях и т. д. — буквально во все подмешивается отрава.

Оба направления буржуазной торговой политики, фритредерство и протекционизм, разумеется, одинаково бессильны уничтожить явления, представляющие собой всего лишь необходимый и естественный результат экономической основы буржуазного общества. И то обстоятельство, что миллион пауперов

прозябает в британских работных домах, так же неразрывно связано с британским процветанием, как наличие от восемнадцати до двадцати миллионов золота в Английском банке.

Это следует раз и навсегда констатировать в противовес буржуазным фантазерам, которые, с одной стороны, рассматривают как результат свободы торговли то, что является лишь неизбежным спутником каждого периода процветания в торгово-промышленных циклах, или, с другой стороны, ожидают от буржуазного процветания таких вещей, которых последнее не в состоянии дать. Констатируя это раз навсегда, следует все же признать несомненным, что 1852 год является одним из тех годов исключительного процветания, которые когда-либо переживала Англия. Размеры государственных доходов,—-несмотря на отмену посконного налога,—отчеты о судоходстве, списки экспортируемых товаров, курсы на денежном рынке и, прежде всего, невиданное раньше оживление в промышленных округах служат этому неопровержимым доказательством.

Но даже самого поверхностного знакомства с историей торговли от начала XIX столетия достаточно для того, чтобы убедить каждого, что уже приближается момент, когда торгово-промышленный цикл вступит в стадию *лихорадочного возбуждения,* за которой затем последует стадия чрезмерного расширения биржевых операций и потрясения. «Ничего подобного», — кричат буржуазные оптимисты, — «ни в один из прежних периодов процветания биржевая спекуляция не была так незначительна, как теперь. Наше теперешнее процветание базируется на производстве товаров, имеющих непосредственную полезность; они потребляются тотчас же, как только появляются на рынке, что обеспечивает производителю соответствующую прибыль и является стимулом к дальнейшему расширенному воспроизводству».

Другими словами, теперешнее процветание отличается тем, что имеющийся в наличии избыточный капитал устремился и продолжает устремляться непосредственно в промышленное производство. Согласно последнему отчету главного фабричного инспектора г-на Леонарда Хорнера, в 1851 г. мощность одних только хлопчатобумажных фабрик увеличилась на 3717 лошадиных сил. Он приводит бесконечно длинный перечень строящихся фабрик. В одном месте строится прядильная фабрика мощностью в 150 лошадиных сил, в другом — ткацкая фабрика на 600 станков для изготовления цветных материй, в третьем — снова прядильная фабрика на 60000 веретен мощностью в 620 лошадиных сил, далее — прядильная и ткацкая фабрики мощностью одна в 200 лошадиных сил, другая

в 300 лошадиных сил и т. д. Но самая крупная фабрика строится подле Брадфорда (Йоркшир) для изготовления альпага и различных материй.

«О величине этого предприятия, сооружаемого для г-на Тайтеса Солта, можно судить по тому, что по расчетам оно должно занять земельный участок в шесть английских акров. Главный корпус будет представлять собой массивное каменное здание весьма затейливой архитектуры, имеющее один зал длиной в 540 футов; машинное оборудование будет включать новейшие конструкции, достоинство которых признано. Паровые двигатели, которые должны будут приводить в движение это огромное количество машин, строятся у гг. Фэрбернов в Манчестере и рассчитана на мощность в 1200 лошадиных сил. Один только газовый завод не уступит по величине газовому заводу небольшого города; он будет построен по углеводородной системе Уайта и обойдется в 4000 фунтов стерлингов. Подсчитано, что потребуется 5000 рожков, которые ежедневно будут потреблять 100000 кубических футов газа. Кроме этой обширной фабрики, г-н Солт строит в непосредственной близости от нее 700 коттеджей для рабочих»[265].

Но что же следует из того, что колоссальные капиталовложения тратятся непосредственно на промышленное производство? Что кризис не наступит? Ни в коем случае. Напротив, кризис примет гораздо более опасный характер чем в 1847 г., когда он больше был торговым и денежным, чем промышленным кризисом. На этот раз он с наибольшей силой обрушится именно на *промышленные* округа. Вспомним период небывалого застоя 1838—1842 гг., который также был прямым результатом промышленного перепроизводства. Чем больше избыточный капитал концентрируется в промышленном производстве вместо того, чтобы растекаться по разнообразным каналам торгово-финансовой сферы, тем шире, продолжительнее и непосредственнее действие кризиса на рабочие массы и на самый цвет буржуазии. И если в момент наступления кризиса вся наводняющая рынок масса товаров сразу же превращается в тяжелый балласт, то во сколько раз тяжелее это окажется для многочисленных расширенных и вновь построенных фабрик, которые как раз настолько уже оборудованы, что могут начать работу, и для которых жизненно важно немедленно к ней приступить. Всякий раз, когда капитал покидает свои обычные торговые каналы обращения, это порождает панику, которая проникает даже под своды Английского банка. Тем сильнее должен раздаться возглас: sauve qui peut*, в тот момент, когда огромные суммы обращены таким образом в основной капитал в виде фабрик, машин и т. д., которые либо были пущены в ход только к началу кризиса, либо же частично нуждаются в дополнительных затратах

* — спасайся, кто может. *Ред.*

оборотного капитала, прежде чем они могут быть приведены в состояние, пригодное для работы.

Из «Friend of India» я заимствую другой факт, показательный для характера приближающегося кризиса. По данным 1852 г. о торговле Калькутты, которые здесь опубликованы, видно, что стоимость хлопчатобумажных товаров и различных видов пряжи, ввезенных в Калькутту в 1851 г., составляла 4074000 рупий, или почти две трети стоимости всего торгового оборота. В этом году общая сумма этого ввоза будет еще выше. При этом сюда еще не входят данные о ввозе в Бомбей, Мадрас и Сингапур. Но уже кризис 1847 г. обнаружил такие стороны торговли с Индией, что никто теперь не может иметь ни малейшего сомнения по поводу окончательного исхода такого промышленного процветания, при котором ввоз в «нашу индийскую империю» составляет две трети общей суммы.

Вот что можно сказать о характере того потрясения, которое должно последовать непосредственно за теперешним процветанием. Наступление этого потрясения в 1853 г. предвещают многие симптомы, в особенности избыток золота в Английском банке и те своеобразные обстоятельства, при которых происходит этот бурный приток золотых слитков.

В данный момент в подвалах Английского банка хранится на 21353000 ф. ст. золотых слитков. Делались попытки объяснить этот приток избытком добычи золота в Австралии и Калифорнии. Но даже беглое знакомство с фактами убеждает нас в неправильности этого мнения.

Увеличение запаса золотых слитков в Английском банке означает на деле лишь уменьшение ввоза других товаров, означает, другими словами, что экспорт значительно превышает импорт. И действительно, последние торговые отчеты показывают значительное сокращение ввоза пеньки, сахара, чая, табака, вин, шерсти, зерна, масел, какао, муки, индиго, кож, картофеля, бэкона, свинины, масла, сыра, ветчины, лярда, риса и почти всех изделий европейского континента и Британской Индии. В 1850 и 1851 гг. импорт явно был чрезмерно велик, и это обстоятельство, а также повышение цен на континенте на зерно, вследствие плохого урожая, вызывают тенденцию к сокращению ввоза. Увеличивается только ввоз хлопка и льна.

Этим превышением экспорта над импортом и объясняется то, почему валютный курс благоприятен для Англии. С другой стороны, благодаря тому, что этот избыток экспорта покрывается ввозом золота, значительная часть английского капитала лежит без движения, увеличивая банковские резервы. Банки и частные

лица изыскивают всяческие средства, чтобы найти приложение этому лежащему без пользы капиталу. Этим объясняется обилие в данный момент ссудного капитала и низкая ставка процента. Учетная ставка для первоклассных векселей равна $1^3/_4$ и 2%. Но из любого сочинения по истории торговли, например из «Истории цен» Тука[266], вы узнаете, что совпадение таких симптомов, как необычайное скопление золотых слитков в подвалах Английского банка, превышение экспорта над импортом, благоприятный валютный курс, обилие ссудного капитала и низкая ставка процента, постоянно означает наступление той фазы торгово-промышленного цикла, когда процветание переходит в лихорадочное возбуждение, когда явно начинается, с одной стороны, чрезмерный импорт, а с другой стороны, необузданная спекуляция вокруг всякого рода заманчивых мыльных пузырей. Но эта стадия лихорадочного возбуждения, в свою очередь, лишь предшествует потрясению. Лихорадочное возбуждение есть высшая точка процветания; оно, конечно, не создает кризиса, но вызывает его наступление.

Я очень хорошо знаю, что английские официальные экономические *прорицатели* отнесутся к этому взгляду как в высшей степени еретическому. Но имел ли место хотя бы один случай — со времени «Робинсона Просперити»*, знаменитого канцлера казначейства, открывшего в 1825 г. в самый канун кризиса сессию парламента предсказанием колоссального и незыблемого процветания, — когда бы эти буржуазные оптимисты предугадали или предсказали кризис? Наоборот, не было еще ни одного периода процветания, когда бы они не воспользовались случаем для утверждения, что *на этот раз,* медаль не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый *рок* побежден. А в дни, когда кризис наступал, они делали невинный вид, обрушиваясь на торговцев и промышленников с нравоучительными, банальными проповедями против непредусмотрительности и неосторожности.

Те своеобразные политические обстоятельства, которые созданы временным торговым и промышленным процветанием, будут темой моей следующей статьи.

Написано К. Марксом 12 октября 1852 г.

Напечатано в газете «NewYork Daily Tribune» № 3601, 1 ноября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Ф. Дж. Робинсона, виконта Годрича, *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТОРГОВОГО ПРОЦВЕТАНИЯ

Лондон, вторник, 19 октября 1852 г.

В своей последней статье я обрисовал теперешнее положение промышленности и торговли в Англии; рассмотрим теперь вытекающие из этого положения политические последствия.

С наступлением ожидаемого промышленного и торгового кризиса неизбежная борьба против тори приобретет более грозный и революционный характер. Напротив, теперешнее процветание является в данный момент лучшим союзником этой партии. Правда, этот союзник не позволит им восстановить хлебные законы, от которых они и сами уже отказались, но он действительно укрепляет их политическую власть и помогает им осуществлять социальную реакцию, которая, если ей ничто не помешает, безусловно завершится для них завоеванием существенных классовых выгод, ибо с самого начала эта реакция стала осуществляться во имя материальных классовых интересов. Никаких хлебных законов, а перераспределение налогов в интересах чрезмерно обремененных фермеров-арендаторов, возвещает Дизраэли. Но почему переобременены фермеры? Потому, что им в большинстве случаев приходится все еще платить арендную плату прежних размеров, как во времена протекционизма, в то время как прежние цены на хлеб времен протекционизма безвозвратно канули в вечность. Между тем аристократия и не думает понизить земельную ренту на своих участках, но зато она хочет ввести новую форму налогового обложения, которая должна компенсировать фермерам то, что они переплачивают в пользу аристократии.

Повторяю: теперешнее торговое процветание благоприятствует торийской реакции. Почему?

«Патриотизм», — сетует «Lloyd's Weekly Newspaper»[267], — «может ютиться даже в буфете, если он находит там пищу и питье. Поэтому свободная торговля служит теперь опорой для графа Дерби; он возлежит на ложе из роз, сорванных Кобденом и Пилем».

Народные массы имеют достаточно работы и сравнительно сносно обеспечены — за исключением, разумеется, пауперов, наличие которых не отделимо от британского процветания; поэтому в настоящий момент народ представляет собой малоподатливую среду для политической агитации. Но, прежде всего, лорду Дерби помогает в его махинациях тот фанатизм, с которым *буржуазия* отдалась мощному процессу промышленного производства: основанию фабрик, конструированию машин, строительству судов, выработке пряжи и тканей из хлопка и шерсти, заполнению складов, выпуску товаров, обмену, экспорту, импорту и другим более или менее полезным делам, целью которых для нее, однако, всегда является нажива. В момент такого оживления деловой жизни буржуазия, которая хорошо знает, что подобные счастливые моменты наступают все реже и ждать их приходится все дольше, жаждет одного — она хочет и должна приобретать деньги, как можно больше, денег, ей ничего не нужно, кроме денег. Надзор за тори она предоставляет своим политикам ex professo*. Но последние (смотри, например, письмо Джозефа Юма в «Hull Advertiser»[268]) вполне справедливо жалуются на то, что без давления извне они так же мало способны действовать, как человеческий организм без давления атмосферы.

Однако при этом буржуазия не может отделаться от своего рода неприятного предчувствия, что в высших правительственных сферах происходит что-то подозрительное и что министерство довольно беззастенчиво *эксплуатирует* политическую апатию, вызванную теперешним процветанием. Поэтому она время от времени делает в своих печатных органах предостережения министерству вроде следующего:

«Нельзя предвидеть, как долго демократия» (читай: буржуазия) «сохранит свое теперешнее *мудрое* долготерпение, свое уважение к собственной силе и к чужим правам, не предпринимая попыток укрепить свою позицию при помощи тех же приемов, к которым в свое время прибегала аристократия. Из общего поведения демократии аристократия не должна делать того вывода, что первая никогда не откажется от своей умеренности» (лондонский «Economist»).

На это Дерби отвечает: Неужели вы считаете меня таким дураком, который даст вам себя запугать теперь, когда светит

* — по профессии. *Ред.*

солнышко, и будет ждать сложа руки, пока с наступлением полосы экономических бурь и застоя в делах у вас не найдется времени более пристально присмотреться к политике?

План действий тори с каждым днем обнаруживается все яснее.

Они начали с того, что стали чинить препятствия к созыву митингов на открытом воздухе; в Ирландии они преследуют газеты, печатающие неугодные им статьи; в настоящий момент они возбуждают обвинение в клеветнических выступлениях, сеющих смуту, против деятелей Общества мира[269], которые распространяли брошюры против применения телесных наказаний в милиции. Действуя без лишнего шума, они таким образом подавляют, где только могут, разобщенную оппозицию улицы и печати.

Но в то же время они избегают всякого крупного публичного столкновения со своими противниками, откладывая созыв парламента и подготовляя все необходимое для того, чтобы после открытия его сессии занять его похоронами «мертвого герцога[*], а не интересами живого народа», как выразилась одна радикальная газета[**]. В первую неделю ноября парламент будет созван, но нет никакого сомнения в том, что серьезные дебаты начнутся не раньше января.

Чем же тори заполняют оставшееся время? Кампанией по регистрации избирателей и формированием милиции.

Кампания по регистрации избирателей имеет целью исключить противников тори из составляемых на будущий год новых списков избирателей в парламент или помещать включению их в эти списки; для этого выдвигается то одно, то другое возражение, дающее законное основание воспрепятствовать регистрации данного лица в качестве избирателя. Каждая политическая партия представлена собственными юристами и сама оплачивает расходы, связанные с процедурой. Назначенные главным судьей суда королевской скамьи[270] ревизоры-юристы выносят решение относительно обоснованности той или иной жалобы на невнесение в списки или возражения против внесения. Главной ареной этой кампании являлись до сих пор Ланкашир и Мидлсекс. Для получения средств на проведение кампании в Северном Ланкашире тори пустили в обращение подписной лист, в котором фигурирует имя самого лорда Дерби, щедро пожертвовавшего 500 фунтов стерлингов. В Ланкашире число возражений против регистрации избирателей достигло чрезвычайной цифры в 6749, из них 4650 падает на Южный

[*] — Веллингтона. *Ред.*
[**] — «People's Paper». *Ред.*

Ланкашир и 2099 на Северный. На юге 3557 возражений против регистрации было заявлено со стороны тори и 1093 со стороны либералов, на севере — 1334 со стороны тори и 765 со стороны либералов (разумеется, это относится лишь к сельским избирателям, а не к избирателям городов, расположенных в этом графстве). Тори оказались победителями в Ланкашире. В графстве Мидлсекс из списков избирателей были вычеркнуты 353 радикала и 140 консерваторов; таким образом, последние выиграли свыше 200 голосов.

В этой борьбе на одной стороне стоят тори, на другой — виги и представители манчестерской школы. Последние, как известно, учредили ряд земельных обществ фригольдеров, т. е. механизм для создания новых избирателей. Тори не трогают этого механизма, но уничтожают его продукцию. По решению ревизора-юриста для Мидлсекса, г-на Шадуэлла, были лишены избирательных прав многие избиратели, принадлежавшие к указанным земельным обществам фригольдеров; он объявил, что владелец участка земли не пользуется избирательным правом, если участок стоит менее 50 фунтов стерлингов. Так как вопрос касался факта, а не права, то на это решение нельзя апеллировать в суд общего права[271]. Каждому ясно, что такое проведение различия между вопросом факта и вопросом права дает ревизорам-юристам, на которых существующее министерство всегда может оказать воздействие, колоссальную власть при составлении новых избирательных списков.

О чем говорят огромные усилия, затраченные тори на проведение кампании по регистрации избирателей и прямое вмешательство их лидера в эту кампанию?

Они свидетельствуют о том, что граф Дерби не возлагает особых надежд на продолжительное существование нового парламента, что он склонен распустить его, если парламент окажет сопротивление, и что в настоящее время он пытается с помощью ревизоров-юристов обеспечить консерваторам большинство на новых общих выборах.

Итак, с одной стороны, тори держат про запас избирательную машину, которой они завладели при помощи кампании по регистрации избирателей, а, с другой стороны, они проводят билль о милиции, предоставляющий в их распоряжение штыки, необходимые для того, чтобы добиться принятия даже самых реакционных парламентских актов и спокойно противостоять угрозам Общества мира.

«Чего только не сможет сделать в Англии реакция, имея парламент, который придает ей видимость законности, и вооруженную милицию,

которая составляет постоянную военную силу!» — восклицает орган чартистов*.

И в этот особо критический момент смерть «железного герцога», этого здравомыслящего героя Ватерлоо, освободила аристократию от докучливого ангела-хранителя, который был достаточно опытен в военном деле для того, чтобы весьма часто жертвовать видимостью победы ради хорошо прикрытого отступления и блестящим наступлением ради своевременного компромисса. Веллингтон был умиротворителем палаты лордов; в решающие моменты он мог выступить с полномочиями от 60 и более лиц; он удерживал тори от открытого объявления войны буржуазии и общественному мнению. Но теперь, при наличии жаждущего конфликта торийского министерства, во главе которого стоит любитель спорта**, палата лордов,

> «вместо того чтобы быть, как при руководстве герцога, балластом, придающим устойчивость государственному кораблю, может превратиться в излишнюю оснастку, угрожающую его безопасности».

Приведенное мнение, что балласт в виде палаты лордов необходим для безопасности государства, принадлежит, конечно, не нам, а либеральной лондонской газете «Daily News». Новый герцог Веллингтон, носивший прежде титул маркиза Дуэро, сразу же перешел из лагеря пилитов в лагерь тори. Итак, налицо все признаки, показывающие, что аристократия готовится предпринять самые отчаянные попытки, чтобы вновь завоевать потерянные позиции и вернуть золотые времена 1815—1830 годов. А у буржуазии в данный момент нет времени ни заниматься агитацией, ни бунтовать, ни даже надлежащим образом выразить свое негодование.

Написано К. Марксом 12 октября 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 2602, 2 ноября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* — «People's Paper». *Ред.*

** — Дерби. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИИ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ

Милостивый государь!

Нижеподписавшиеся обращают Ваше внимание на позицию, которую заняла прусская пресса, включая даже самые реакционные газеты, вроде «Neue Preusische Zeitung», в связи с продолжающимся процессом коммунистов в Кёльне, и на ту похвальную сдержанность, которую эти газеты проявляют в настоящий момент, когда суд не успел еще рассмотреть и третьей части свидетельских показаний, когда еще не доказана достоверность ни одного из предъявленных документов и еще ни слова не произнесено защитой. В то время как эти газеты в худшем случае изображают кёльнских подсудимых и их нижеподписавшихся лондонских друзей, в согласии с государственным обвинителем, как «опасных заговорщиков, целиком ответственных за- всю историю Европы последних четырех лет и за все революционные потрясения 1848 и 1849 гг.», — в Лондоне нашлось два публичных органа, «Times» и «Daily News», не постеснявшихся изобразить кёльнских подсудимых и авторов настоящего письма как «шайку праздных бродяг», мошенников и т. д. Нижеподписавшиеся обращаются к английской публике с такой же просьбой, с какой защитники обвиняемых обратились к немецкой публике, — подождать выносить свое суждение до окончания судебного процесса. Если бы они выступили с дальнейшими объяснениями теперь же, это дало бы прусскому правительству возможность воспрепятствовать разоблачению всех совершенных полицией мошеннических проделок, клятвопреступлений, подделок документов, подтасовок дат, краж и т. д., которые не имеют прецедентов даже в анналах прусской

политической юстиции. Когда все это будет разоблачено в ходе нынешнего судебного разбирательства, общественное мнение Англии сумеет по достоинству оценить анонимных писак **из** «Times» и «Daily News», выступающих в роли адвокатов и глашатаев самых гнусных правительственных шпионов самого низкого пошиба.

Ваши покорные слуги

Ф. Энгельс, Ф. Фрейлиграт,
К. Маркс, В. Вольф

Лондон, 28 октября 1852 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в газетах «The Spectator» № 1270, 28 октября 1852 г.; «The People's Paper» № 26, 30 октября 1852 г.;

«The Morning Advertiser» 30 октября 1852 г.; «The Leader» 30 октября 1852 г. и «The Examiner» № 2335, 30 октября 1852 г.

Печатается по тексту газеты «The People's Paper», сверенному с текстом других газет

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «MORNING ADVERTISER»

Милостивый государь!

Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за ту великодушную поддержку, которую Вы оказали делу моих друзей, кёльнских подсудимых*. Предоставляя защитникам обвиняемых разоблачение целой серии бессовестных актов, совершенных агентами прусской полиции даже в ходе самого процесса, я хочу осведомить Вас о последней мошенническое проделке, к которой было прибегнуто для того, чтобы доказать наличие преступной связи между мной и кёльнскими подсудимыми. Согласно сообщению «Kolnische Zeituug» от 29 октября, г-н Штибер, полицейский советник, произвел на свет новый образчик своих документов — написанное якобы моей рукой смехотворное письмо, в котором я будто бы поручил одному моему мнимому агенту «подсунуть под двери известных демократов в Крефельде 50 экземпляров «Красного катехизиса», избрав для выполнения этого задания полуночный час 5 июня 1852 года».

В интересах моих друзей — обвиняемых, я заявляю настоящим:

1) что я не писал упомянутого письма;

2) что о его существовании я узнал только из «Kolnische Zeitung» от 29 сего месяца;

3) что я никогда не видел так называемого «Красного катехизиса»;

* Имеется в виду опубликование газетой «Morning Advertiser» заявления в защиту кёльнских обвиняемых (см. настоящий том, стр. 397—398). *Ред.*

4) что я никогда не содействовал распространению в какой бы то ни было форме экземпляров «Красного».

Это заявление, сделанное мной также перед полицейским судьей на Марльборо-стрит и, таким образом, равносильное показанию под присягой, я направил по почте в Кёльн. Вы премного меня обяжете, поместив его на столбцах Вашей газеты, ибо это было бы наиболее действенным способом помешать прусской полиции перехватить этот документ.

Остаюсь, милостивый государь,

Вашим покорным слугой

Д-р ***Карл Маркс***

Лондон, 30 октября 1852 г.,

28, Дин-стрит, Сохо

Напечатано в газетах «The Morning Advertiser» 2 ноября 1852 г. и «The People's Paper» № 27, 6 ноября 1852 г.

Печатается по тексту газеты «The Morning Advertiser», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лондон, вторник, 2 ноября 1852 г.

Продолжим рассмотрение политических последствий, неизбежно вытекающих из теперешнего торгового и промышленного процветания.

Среди этой атмосферы всеобщего промышленного оживления, ускоренных торговых оборотов, равнодушия к политике парламентские партии, избавленные от всякого давления извне, в полном спокойствии завершают процесс своего разложения.

«Пилиты и расселиты испытывают в настоящий момент сильнейшее тяготение друг к другу. Пилиты, эти незаменимые «государственные деятели», которые не в состоянии сделать хоть что-нибудь собственными силами, стараются теперь быть включенными на правах родственников в правящие сферы. Стоит только взглянуть, например, как их орган «Morning Chronicle» расхваливает весьма посредственную речь лорда Джона Рассела в Перте!»

Так говорит «Morning Herald»[272], полуофициальный орган правительства.

Наоборот, возражает «Guardian»[273], достаточно только послушать, что говорил о пилитах министр торговли г-н Хенли на солодовенном заводе в Банбери в кругу своих друзей — сельских хозяев.

«Эта партия», — заявил г-н Хенли, — «имеет свои собственные принципы и сохраняет верность им. Вопрос о свободе торговли или о протекционизме был открытым вопросом и лишь покойный сэр Роберт Пиль превратил его в партийный вопрос».

Г-н Хенли, пишет «Guardian», с уважением отозвался о пилитах, утверждая, что «в настоящее время нет больше существенных препятствий к воссоединению *великой консервативной партии»*. Именно так, восклицает «Guardian», оставим в стороне протекционизм и возродим консервативную партию!

Другими словами, «Guardian» предполагает, что пилиты готовы — поскольку вопрос о хлебных законах перестал быть предметом спора — вступить в реакционный союз с тори. А «Daily News» сообщает о переходе части пилитов в лагерь Дерби как об уже совершившемся факте. Однако в том же неблаговидном поступке подозревают и ряд вигов, и в этом нет ничего удивительного, принимая во внимание, что их аристократическое ядро состоит из клики карьеристов. Взять, например, лорда Далхузи. Этот милорд был министром при Пиле в либеральный период его правления. После падения Пиля Рассел предложил ему место в своем новом кабинете. Вместе с герцогом Ньюкаслом, лордом Сент-Джерменсом и другими членами бывшего правительства он поддерживал в верхней палате маневры вигов и был вознагражден за это освободившимся постом генерал-губернатора Индии, этим наиболее крупным выигрышем в олигархической лотерее. Он сумел извлечь из него величайшие материальные выгоды. Виги хвастались «беспримерной» жертвой, которую они принесли, отказав в этой столь желанной должности своим собственным непосредственным ставленникам. В настоящий момент приманкой, которую держат перед лордом Далхузи, является должность губернатора пяти портов — синекура, приносящая ежегодно тысячные доходы[274]. Достойный муж, как говорят, не слишком обременен состоянием, перешедшим по наследству, и считает своим патриотическим долгом уберечь эту должность от всяких неожиданностей, даже при министерстве Дерби.

В прессе либерального направления за текущую неделю можно найти десятки подобных эпизодов из chronique scandaleuse[*], анекдотических сообщений о переговорах того или иного вига относительно минимальной цены, за которую он готов продаться тори. Они свидетельствуют о глубокой коррупции, охватившей партию вигов; но по своему значению они отступают на задний план по сравнению с расколом между двумя главными лидерами этой партии — Расселом и Пальмерстоном. Уже некоторое время тому назад нам стали известны инциденты, связанные с последней избирательной борьбой; поддержка, которую лорд Пальмерстон оказал во время этой борьбы кандидатам министерского лагеря, выглядела весьма странно, по выражению самих же либеральных газет. Но вот теперь, в один прекрасный день, «Morning Post»[275], орган самого Пальмерстона, помещает передовую, в которой передает слухи, будто Пальмерстон намерен либо вступить в кабинет в качестве министра и

[*] — скандальной хроники. *Ред.*

лидера палаты общин, либо же, в случае скорого падения министерства Дерби, составить новый кабинет из тех обломков старого, которые не будут чересчур «неприемлемыми». «Morning Post», находя эти слухи в целом весьма отрадными, вместе с тем заявляет, что говорит не от имени лорда Пальмерстона, а от своего собственного имени, в частном порядке. Однако Пальмерстон, несмотря на все настоятельные и даже назойливые требования вигской и либеральной печати, все же не считает нужным опровергнуть это порочащее его сообщение. Пилитская «Morning Chronicle» говорит об этих слухах в таком тоне, который ясно показывает, что идея подобного слияния не вызовет у Гладстона и К° никакого horror vacui*. «Daily News», газета манчестерской школы, предает гласности этот факт и с возмущением требует, чтобы предатели из среды вигов и пилитов открыто перешли на сторону Дерби. Мы видим, таким образом, что каждая из парламентских *клик,* сменявших до сих пор друг друга у государственного кормила, не питает доверия ни ко всем остальным кликам, ни к своим собственным членам, что все они обвиняют друг друга в дезертирстве, в коррупции, в соглашательстве и тем не менее все без исключения признают, что, если отбросить вопрос о хлебных законах, ничто не препятствует их объединению со сторонниками Дерби, кроме личной вражды и личного честолюбия. Они занимают по отношению к Дерби приблизительно такую же позицию, какую накануне 2 декабря прошлого года занимали по отношению к Бонапарту различные фракции партии порядка.

Легко понять, что оппозиция настроена довольно малодушно в ожидании предстоящей парламентской кампании.

Маленькому Джону Расселу был преподнесен в маленьком футляре диплом почетного гражданина города Перта, и после грандиозного обеда он произнес в ответ маленькую речь, наиболее важная часть которой состояла в следующем заявлении:

«Справедливость обязывает нас — в такой же мере, я полагаю, как подсказывает нам *благоразумие — подождать, пока будут проведены мероприятия, благодаря которым интересы сельского хозяйства,* колониальной деятельности и судоходства получат то удовлетворение, в котором им до сих пор несправедливо отказывали (смех); эти замечательные мероприятия призваны положить конец долгой борьбе».

Единственная ежедневная газета, которой еще располагает Рассел, «Globe» (вечерняя газета)[276], комментирует это следующим образом: «Всякая оппозиция подобно той, которая выступила в 1835 г. против сэра Р. Пиля, неизбежно должна

* — страха перед смертью (буквально; боязнь пустоты). *Ред.*

потерпеть неудачу вследствие соперничества между различными либеральными лидерами». Таким образом, налицо полный отказ от попытки опрокинуть кабинет Дерби немедленно же после открытия сессии, путем дружного голосования объединенной оппозиции, и лорд Джон Рассел остается верен своей роли человека, который первый дает сигнал к отступлению. Относительно общих перспектив парламентской оппозиции ее вождь г-н Дж. Юм делает в письме в «Hull Advertiser» следующее признание:

«Мой опыт, касающийся ирландских депутатов, которые до сих пор заседали в палате общин, говорит о том, что это отнюдь не такого рода люди, которых можно направлять и удерживать на определенных позициях под влиянием того или иного лидера. Ирландские депутаты слишком экстравагантны, слишком горячи, слишком поглощены обидами и бедствиями Ирландии. До настоящего времени, насколько я знаю, не сделано ничего, что привело бы к объединению тех либералов, которые относятся с недоверием к действиям правительства Дерби. И когда я слышу пустые заявления предшественников лорда Дерби» (вигов) «и вижу, что они скорее выйдут из игры, чем станут отстаивать дело народа, призвав сторонников реформы присоединиться к ним, то я не могу питать большого доверия ко всему, что бы они ни предпринимали для объединения партий. Я боюсь, что, пожалуй, придется предоставить им пережевывать их старую жвачку, в то время как сторонники Дерби попрежнему всячески злоупотребляют властью для того, чтобы обеспечить успех своему делу и доставить выгоды своим приверженцам. Подобное положение будет продолжаться еще *долгое время, прежде чем* возникнет какая-либо возможность для образования народной партии».

Джон Брайт, теперешний глава манчестерской школы, попытался, правда, в своей речи, произнесенной перед фабрикантами Белфаста на специальном обеде, при помощи лести ирландским депутатам загладить дурное впечатление от нападок на них Джозефа Юма. Однако во всех вопросах, касающихся парламентской дисциплины, авторитетным остается мнение «старого Джо».

Таким образом, парламентская оппозиция совершенно разуверилась в себе самой.

Да, старая парламентская оппозиция до такой степени изжила себя, что ее Нестор[277], Юм, на закате своей продолжительной карьеры публично заявляет ныне, что в палате общин не существует «народной партии», а то, что носило это имя, было попросту «иллюзией».

Итак, в лагере оппозиции царят всеобщее разложение, слабость и беспомощность.

Написано К. Марксом 16 октября 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3625, 29 ноября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ НОВУЮ ОППОЗИЦИОННУЮ ПАРТИЮ [278]

Лондон, вторник, 9 ноября 1852 г.

По мере того как разлагаются господствовавшие до сих пор партии и стираются их отличительные признаки, естественно, все больше ощущается потребность в новой оппозиционной партии. Эта потребность выражается различным образом.

Инициативу в этом вопросе взял на себя, в своей уже упомянутой речи, лорд Джон Рассел*. Он заявил, что тревога, поднятая лордом Дерби, вызвана отчасти слухами, приписывающими ему, лорду Джону Расселу, «весьма демократические взгляды». «Мне, конечно, в связи с этим нет надобности указывать, что эти слухи совершенно неосновательны и лишены всякой почвы». Но тем не менее он объявляет себя демократом и вслед за тем разъясняет безобидный смысл этого слова.

«Демократия страны — это значит, другими словами, народ этой страны. Демократия, несомненно, имеет такое же право пользоваться своими правами, как и монархия и аристократия. Демократия не намерена посягать на какие-либо прерогативы короны. Демократия не пытается отменять какие-либо законные привилегии палаты лордов. Что же представляет собой эта демократия? Это — рост богатства, рост интеллектуальных сил, формирование взглядов более просвещенных и более пригодных к тому, чтобы управлять миром просвещенным образом. Но я хочу сказать большее. Я хочу сказать, что при таком усилении позиции демократии нельзя прибегать к образу действий, *основанному на старой системе обуздывания, которая и мне была слишком хорошо знакома.* Напротив, демократию следует поддерживать и поощрять, проявлению ее силы и влияния необходимо дать признанный законом легальный орган».

По этому поводу «Morning Herald» восклицает:

«Лорд Джон Рассел имеет один набор принципов на тот случай, когда он у власти, и другой — на тот случай, когда он в оппозиции.

* См. настоящий том, стр. 403. *Ред.*

Когда он у власти, его принцип — не делать ничего, а когда он не у власти — торжественно обещать все».

Любопытно, что газета «Morning Herald» понимает под словом «ничего», если приведенный выше вздор, сказанный лордом Джоном Расселом, она изображает как «все!», если она грозит судьбой Фроста, Уильямса и других маленькому Джону Расселу за его обожающую короля, почитающую лордов и охраняющую епископов «демократию». Соль всей этой истории заключается, однако, в том, что лорд Дерби в палате лордов провозглашает себя откровенным противником «демократии» и говорит о демократии, как о единственной партии, заслуживающей того, чтобы против нее вели борьбу. И вот на подмостках появляется неизбежный Джон Рассел с исследованием существа этой демократии, то бишь роста богатства, роста интеллектуальных сил этого богатства и их притязаний на то, чтобы влиять на правительство посредством общественного мнения и при помощи признанных законом органов. Таким образом, демократия есть не что иное, как воплощение притязаний буржуазии, промышленного и торгового среднего класса. Лорд Дерби выступает в качестве противника этой демократии, лорд Джон Рассел добровольно берет на себя роль ее знаменосца. Оба они сходятся на молчаливом признании того факта, что старая распря внутри их собственного класса, аристократии, уже не представляет никакого интереса для страны. И Рассел уже готов отказаться от клички «виг» в пользу клички «демократ», если это является conditio sine qua non* для того, чтобы опрокинуть его противников. Виги в этом случае продолжали бы фактически играть свою прежнюю роль, официально выступая в качестве слуг буржуазии. Таким образом, предлагаемый Расселом план реорганизации партии сводится к тому, чтобы дать партии новое название.

Джозеф Юм также считает необходимым образование новой «народной партии». Но, по его мнению, такая партия не может быть образована на основе требования защиты прав арендаторов и подобных же предложений. «На такой платформе Вам не удастся объединить даже 100 депутатов из 654». В чем же заключается его патентованное средство?

«Народная лига — или партия, или союз — должна сойтись на одном пункте, — скажем, на требовании тайного голосования; достигнув этого, можно будет шаг за шагом перейти к другим пунктам. И хотя положить начало движению может лишь небольшая группа отдельных депутатов палаты общин, однако успех не может быть достигнут до тех.

* — необходимым условием. *Ред.*

пор, пока народ вне парламента и избиратели не убедятся в необходимости их участия и оказания ими поддержки небольшой народной партии в парламенте».

Этот Юм был одним из тех, кто вырабатывал Народную хартию[279]. От Народной хартии с ее шестью пунктами он отрекся в пользу «маленькой хартии» сторонников финансовой и парламентской реформы, состоящей всего лишь из трех пунктов, а теперь мы видим, что он уже довольствуется одним пунктом о тайном голосовании. Как мало пользы ожидает он сам от своего нового патентованного средства, видно из заключительной части его письма в «Hull Advertiser»:

«Скажите мне, много ли редакторов рискнут поддержать партию, которая при данном составе парламента *никогда не сможет прийти к власти?»*

Итак, поскольку эта новая партия не намерена в данный момент сколько-нибудь менять состав парламента и ограничивается требованием тайного голосования, то она, по ее собственному признанию, никогда не придет к власти. Какая же польза в основании партии *бессилия,* и притом открыто признаваемого бессилия?

Помимо попыток Джозефа Юма предпринимается еще одна попытка основать новую партию. Речь идет о так называемой *национальной партии.* Вместо Народной хартии эта партия хочет сделать своим *единственным* лозунгом всеобщее избирательное право, упуская, таким образом, как раз те условия, которые одни только могут превратить движение за всеобщее избирательное право в национальное движение и обеспечить ему поддержку народа. В дальнейшем у меня будет еще повод вернуться к этой национальной партии. Она состоит из бывших чартистов, стремящихся приобщиться к *респектабельным сферам,* и из радикалов, идеологов буржуазии, стремящихся подчинить своему влиянию чартистское движение. За ними стоят, — сознают ли это «националисты» или нет, — сторонники парламентской и финансовой реформы, приверженцы манчестерской школы, которые их подгоняют и используют в качестве своего авангарда.

Итак, для всякого очевидно, что все эти жалкие компромиссы и отступничества, вся эта погоня за ничтожными выгодами, все эти колебания и шарлатанские средства доказывают только то, что Катилина стоит у ворот, что приближается решающая борьба, что оппозиция сознает свою непопулярность и неспособность к сопротивлению и что все попытки создать новые центры обороны совпадают лишь в одном пункте,

именуемом «политикой движения вспять». «Национальная партия» отходит назад — от Хартии к всеобщему избирательному праву; Джо Юм — от всеобщего избирательного права к тайному голосованию; другие — от тайного голосования к равномерному распределению избирательных округов, и так далее, пока мы не добираемся, наконец, до Джонни Рассела, у которого в качестве лозунга не нашлось ничего, кроме голого слова: демократия. Демократия лорда Джона Рассела — таково было бы на практике последнее слово и национальной партии, и юмовской «народной партии», и всех прочих бутафорских партий, обладай хоть одна из них некоторыми признаками жизнеспособности.

Политическая вялость и равнодушие, порожденные периодом материального процветания, и вместе с тем опасения, что тори все-таки замышляют что-то недоброе, убежденность лидеров буржуазии, что им скоро понадобится поддержка народа, и вместе с тем укрепившееся у некоторых популярных лидеров сознание, что народ слишком апатичен для того, чтобы в данный момент начать самостоятельное движение, — все эти обстоятельства привели к тому, что партии делают попытки к взаимному сближению, различные фракции оппозиции, начиная наиболее и кончая наименее радикальной, вне парламента стараются достигнуть союза, делая друг другу уступки, пока в конце концов они не возвращаются к тому, что лорду Расселу угодно было назвать демократией.

По поводу попыток основать так называемую «национальную партию» Эрнест Джонс делает следующее справедливое замечание:

«Народная хартия есть наиболее всеобъемлющее мероприятие в области политических реформ, какое только может быть, и чартисты являются единственной истинно национальной партией в Великобритании, стремящейся к политическим и социальным реформам».

А Р. Дж. Гаммедж, один из членов чартистского Исполнительного комитета[280], следующим образом обращается к народу:

«Отклоните ли вы сотрудничество буржуазии? Конечно, нет, если это сотрудничество предлагается на справедливых и почетных условиях. Каковы же эти условия? Они просты и приемлемы. Признайте Хартию и, признав ее, объединитесь с ее друзьями, которые уже организовались для проведения ее в жизнь. Если вы откажетесь от этого, то вы либо являетесь противниками самой Хартии, либо же, кичась своим классовым превосходством, воображаете, что последнее дает вам право на руководящую роль. В первом случае ни один честный чартист не может пойти на союз с вами, во втором случае ни один рабочий не станет настолько ронять свое собственное достоинство, чтобы преклониться перед вашими

классовыми предрассудками. Пусть рабочие полагаются только на свои собственные силы, принимая честную помощь, от кого бы она ни исходила но ориентируясь в своих действиях на то, что их спасение зависит от их собственных усилий».

Чартистские массы в настоящий момент также поглощены материальным производством. Но ядро партии повсюду реорганизуется и связи восстанавливаются как в Англии, так и в Шотландии. Когда наступит торговый и политический кризис, значение теперешней деятельности главного штаба чартизма, которая ведется без всякого шума, даст себя знать во всей Великобритании.

Написано К. Марксом 16 октября 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3622, 25 ноября 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

КОШУТ, МАДЗИНИ И ЛУИ-НАПОЛЕОН

РЕДАКТОРУ «NEW-YORK TRIBUNE»

Милостивый государь!

Моя статья от 28 сентября, с фактами, проливающими свет на действия Кошута и Мадзини[*], вызвала, как я вижу, много нареканий и дала демократической прессе повод широко прибегнуть к пустой декламации, брани и громким угрозам.

Мне достоверно известно, что Кошут не принимает никакого участия в этой шумной кампании. Если бы он сам выступил с опровержением моих сообщений, я вернулся бы к ним и подтвердил бы их свидетельствами, неопровержимо доказывающими правильность приведенных фактов.

Впрочем, своей статьей я имел в виду не столько выступить против Кошута, сколько предостеречь его. В политике ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом, — нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя.

Что касается господина, взявшегося опровергнуть меня на основании авторитетного источника, то я позволю себе напомнить ему старую пословицу: Amicus incommodus ab inimico non differt[**].

Тем господам из демократической печати, и в особенности из немецкой демократической печати, которые, по своему обыкновению, вопили громче всех, я скажу, что в душе все они фанатичные роялисты. Эти господа не могут обойтись без королей, богов и пап. Едва выйдя из-под опеки своих старых правителей,

[*] См. настоящий том, стр. 382—384. *Ред.*

[**] — Неловкий друг не отличается от врага (соответствует русской пословице: услужливый дурак опаснее врага). *Ред.*

они уже создают себе новых и яростно негодуют на тех «язычников и мятежников», которые запятнали себя преданием гласности неприятных истин и раскрытием компрометирующих фактов, совершив таким образом оскорбление величества и святотатство по отношению к новоявленным королям и богам демократии.

Написано К. Марксом

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3627, 1 декабря 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ НЕДАВНЕГО ПРОЦЕССА В КЁЛЬНЕ

*РЕДАКТОРУ «MORNING ADVERTISER**

Милостивый государь!

Нижеподписавшиеся, выполняя свой долг перед собой и перед своими ныне осужденными друзьями в Кёльне, считают необходимым привести для английской публики следующие факты, связанные с недавним процессом-монстр, который происходил в упомянутом городе и не получил достаточного освещения в лондонской прессе.

Потребовалось восемнадцать месяцев только для того, чтобы добыть улики для этого судебного процесса. В течение всего этого времени наших друзей держали в одиночном заключении и они были лишены всякой возможности чем-либо заниматься, даже читать книги; заболевшим отказывали в необходимой медицинской помощи, в случае же, если они ее и получали, то в условиях, в которых они находились, она не приносила никакой пользы. Даже после вручения «обвинительного акта» им было запрещено советоваться со своими защитниками, что является прямым нарушением закона. А каковы же были предлоги для того, чтобы держать их в столь затянувшемся суровом заточении? По истечении первых девяти месяцев «обвинительный сенат» объявил, что для возбуждения обвинения нет оснований и что поэтому следствие нужно начать заново. И оно было начато заново. Через три месяца, при открытии сессии суда присяжных, государственный обвинитель жаловался, что количество улик достигло таких больших размеров, что он до сих пор не в состоянии в них разобраться. А по истечении следующих трех месяцев суд был снова отложен ввиду болезни одного из главных свидетелей обвинения.

Истинной причиной всех этих проволочек была боязнь прусского правительства, что объявленные им с такой помпой «неслыханные разоблачения» не выдержат испытания перед лицом столь скудных фактов. В конце концов, правительству удалось подобрать такой состав суда присяжных, какого еще доселе не видывали в Рейнской провинции: в него входили шесть реакционеров-дворян, четыре представителя haute finance* и два лица, принадлежащих к высшему чиновничеству.

Каковы же были улики, представленные этому суду присяжных? Одни лишь нелепые воззвания и письма, принадлежащие кучке, невежественных фантазеров, жаждущих приобрести вес заговорщиков, которые являлись одновременно и сообщниками и орудием некоего Шерваля, явного агента полиции. Большая часть этих документов находилась до того в руках некоего Освальда Дица в Лондоне. Во время всемирной выставки[281] прусская полиция, когда Дица не было дома, взломала ящики его стола и, таким образом, завладела нужными ей документами путем обычной кражи. Эти документы, в первую очередь, послужили для раскрытия так называемого немецко-французского заговора в Париже[282]. Судебные прения в Кёльне доказали теперь, что эти заговорщики и их парижский агент Шерваль являются как раз политическими противниками обвиняемых и их нижеподписавшихся лондонских друзей. Однако государственный обвинитель утверждал, что последним помешали принять участие в заговоре Шерваля и его сообщников только раздоры чисто личного характера. Подобной аргументацией надеялись доказать моральное соучастие кёльнских подсудимых в парижском заговоре. И вот в то время как на кёльнских обвиняемых взвалили ответственность за действия их открытых врагов, явные друзья Шерваля и его сообщники были доставлены правительством в суд, но не в качестве обвиняемых на скамью подсудимых — нет, на скамью свидетелей, с тем чтобы они дали показания против обвиняемых. Все это, впрочем, выглядело очень жалко. Состояние общественного мнения вынудило правительство искать менее сомнительных улик. Была пущена в ход вся полицейская машина под руководством некоего Штибера, главного свидетеля обвинения в Кёльне, королевского полицейского советника и начальника берлинской уголовной полиции. На заседании 23 октября Штибер объявил, что экстренный курьер из Лондона привез ему особо важные документы, неопровержимо доказывающие участие обвиняемых, совместно с нижеподписавшимися, в инкриминируемом им

* — финансовой аристократии. *Ред.*

заговоре. «Среди других документов курьер доставил ему подлинную книгу протоколов заседаний тайного общества, проводившихся под председательством д-ра Маркса, с которым обвиняемые вели переписку». Однако Штибер запутался в своих противоречивых показаниях относительно даты приезда к нему его курьера. И когда д-р Шнейдер, главный защитник обвиняемых, прямо обвинил Штибера в лжесвидетельстве, последний не решился дать какой-либо другой ответ, кроме ссылок на свое достоинство, как представителя короны, которому доверена важнейшая миссия со стороны высочайших властей в государстве. Что касается книги протоколов, то Штибер дважды показал под присягой, что она является «подлинной книгой протоколов лондонского коммунистического общества», по потом, окончательно прижатый к стене защитой, он признал, что она, возможно, является только записной книжкой, захваченной одним из его шпионов. В конце концов, из его же собственных показаний выяснилось, что книга протоколов является преднамеренным подлогом и что следы ее происхождения ведут к трем лондонским агентам Штибера — Грейфу, Флёри и Гиршу. После этого последний сам признался в том, что он составил книгу протоколов под руководством Флёри и Грейфа. Это было с такой очевидностью доказано в Кёльне, что даже государственный обвинитель объявил столь важный штиберовский документ «в высшей степени злополучной книгой», простым подлогом. Это же лицо отказалось признать заслуживающим внимания письмо, которое являлось одним из доказательств, выдвинутых обвинением, — в этом письме был подделан почерк д-ра Маркса; документ этот также оказался свидетельством явного и грубого подлога. Подобным же образом всякий другой документ, предъявлявшийся для доказательства не революционных стремлений, а действительного участия обвиняемых в чем-то, хотя бы издали напоминавшем заговор, превращался в доказательство совершенного полицией подлога. Страх правительства перед разоблачениями был так велик, что оно не только заставило почту задерживать все документы, адресованные защитникам, но и поручило Штиберу запугивать последних угрозами преследования за «преступную переписку» с нижеподписавшимися.

Если, несмотря на полное отсутствие убедительных судебных доказательств, тем не менее был вынесен обвинительный приговор, то это стало возможным — даже при подобном составе присяжных — лишь в результате того, что новый уголовный кодекс был применен как закон, имеющий якобы обратную силу; при таком применении законов и сам «Times» и само

Общество мира могли бы в любое время быть привлечены к суду по грозному обвинению в государственной измене. Кроме того, кёльнский процесс по своей продолжительности и по тем необычайным методам, к которым прибегла сторона, возбудившая обвинение, принял характер такого громкого процесса, что вынесение оправдательного приговора было бы равносильно осуждению правительства, и в Рейнской провинции вообще широко распространилось убеждение, что следствием оправдательного приговора была бы немедленная ликвидация самого института суда присяжных.

Остаемся, милостивый государь,
Вашими покорными слугами

Ф. Энгельс,
Ф. Фрейлиграт,
К. Маркс,
В. Вольф

Лондон, 20 ноября 1852 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «The Morning Advertiser» № 19168, 29 ноября 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕДАВНИЙ ПРОЦЕСС В КЁЛЬНЕ [283]

Лондон, среда, 1 декабря 1852 г.

Вы, вероятно, уже получили через европейскую печать множество отчетов о кёльнском процессе-монстр против коммунистов в Пруссии, и о его исходе. Но так как ни один из этих отчетов не дает хотя бы приблизительно верного изложения фактов и так как эти факты бросают яркий свет на политические средства, с помощью которых европейский континент держат в оковах, то я считаю необходимым вернуться к этому процессу.

Вследствие уничтожения права союзов и собраний коммунистическая, или пролетарская, партия, точно так же как и другие партии, утратила возможность создать себе на континенте *легальную* организацию. Кроме того, ее вожди были изгнаны из своих стран. Но ни одна политическая партия не может существовать без организации; и если у либеральной буржуазии, так же как и у демократической мелкой буржуазии, ее социальное положение, ее материальные преимущества и издавна установившиеся повседневные сношения между ее членами до известной степени могли заменить подобную организацию, то пролетариат, лишенный такого общественного положения и денежных средств, был вынужден искать эту организацию в тайных объединениях. Вот почему как во Франции, так и в Германии возникло множество тайных обществ, которые, начиная с 1849 г., полиция открывала одно за другим и преследовала как организации заговорщиков. Многие из этих обществ и в самом деле были заговорщическими организациями, действительно созданными с целью ниспровергнуть существующее правительство, — и трус тот, кто при известных обстоятельствах не стал бы организовывать заговоры, точно так же как

было бы глупостью делать это при других обстоятельствах. Но кроме этого существовали и другие общества, ставившие себе более широкие и более возвышенные цели, — общества, которые знали, что свержение существующего правительства является только переходным этапом в предстоящей великой борьбе, стремились сплотить вокруг себя партию, ядро которой они составляли, и подготовить ее к последнему решительному бою, который рано или поздно должен будет навсегда уничтожить в Европе не только господство «тиранов», «деспотов» и «узурпаторов», но несравненно более могущественную и страшную власть: власть капитала над трудом.

Такой была организация передовой коммунистической партии в Германии[284]. В согласии с принципами ее «Манифеста» (опубликованного в 1848 г.) и с положениями, развитыми в напечатанной в «New-York Daily Tribune» серии статей *«Революция и контрреволюция в Германии»*[*], партия эта никогда не создавала себе иллюзий, будто она может когда и как ей заблагорассудится произвести ту революцию, которая должна на практике осуществить ее идеи. Она изучала причины, которые вызвали революционные движения 1848 г., и причины, которые привели к их крушению. Считая, что общественный антагонизм классов лежит в основе всякой политической борьбы, она обратилась к исследованию тех условий, при которых один общественный класс может и должен быть призван к тому, чтобы представлять совокупность интересов нации и, следовательно, политически управлять ею. История показала коммунистической партии, каким образом вслед за земельной аристократией средних веков выросло денежное могущество первых капиталистов, которые и захватили затем бразды правления; как общественное влияние и политическое господство этой *финансовой* фракции капиталистов было вытеснено возросшим — с того времени, как стал применяться пар, — могуществом *промышленных* капиталистов и как в настоящее время притязание на господство заявляют, в свою очередь, еще два класса — класс мелких буржуа и класс промышленных рабочих. Практический революционный опыт 1848—1849 гг. подтвердил теоретические соображения, приведшие к тому выводу, что, прежде чем коммунистический рабочий класс может надеяться установить в непрерывной борьбе свою власть и уничтожить ту систему наемного рабства, которая держит его под игом буржуазии, сначала должна наступить очередь мелкобуржуазной демократии. Следовательно, тайная организация коммунистов

[*] См. настоящий том, стр. 3—113. *Ред.*

не могла иметь непосредственной целью ниспровержение *существующих* правительств в Германии. Она была создана для того, чтобы ниспровергнуть не эти правительства, а то инсуррекционное правительство, которое рано или поздно должно прийти им на смену. Члены организации, каждый в отдельности, могли в свое время оказать и несомненно оказали бы активную поддержку революционному движению против status quo*, Но *подготовка* такого движения иным способом, кроме тайного распространения коммунистических идей в массах, не могла входить в задачу Союза коммунистов. Большинство членов этого общества настолько хорошо понимало эти лежавшие в его основе принципы, что, когда честолюбие и карьеризм некоторых из его членов привели к попыткам превратить Союз в заговорщическую организацию для устройства революции ex tempore**, эти члены были быстро исключены из Союза.

Никакой закон в мире не мог бы дать основание называть такого рода союз заговорщической организацией, тайным сообществом, созданным в целях государственной измены. Если это и был заговор, то заговор не против существующего правительства, а против его вероятного преемника. И прусское правительство знало это. Вот в чем причина, почему одиннадцать обвиняемых держали в одиночном заключении восемнадцать месяцев, использованных властями для самых поразительных юридических проделок. Представьте себе: после восьмимесячного пребывания под арестом заключенных задержали в тюрьме еще на несколько месяцев для продолжения следствия «за отсутствием против них улик, доказывающих какое-либо преступление»! А когда, наконец, обвиняемые предстали перед судом присяжных, им не смогли вменить в вину ни одного преднамеренного деяния, носившего характер государственной измены. Все же они были осуждены, и вы сейчас увидите, каким образом.

В мае 1851 г. был арестован один из эмиссаров Союза***, и на основании найденных у него документов были произведены дальнейшие аресты. Один прусский полицейский чиновник, некий *Штибер,* немедленно получил предписание проследить разветвления мнимого заговора в Лондоне. Ему удалось добыть некоторые документы, принадлежавшие тем упомянутым выше отщепенцам, которые после исключения их из Союза действительно организовали заговор в Париже и Лондоне. Эти бумаги

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*
** — экспромтом, без всякой подготовки. *Ред.*
*** — Нотъюнг. *Ред.*

были добыты посредством двойного преступления. Удалось подкупить некоего Рейтера, который взломал письменный стол секретаря этого общества* и украл из стола документы. Но это было еще только начало. Кража эта повела к раскрытию так называемого немецко-французского заговора в Париже и к осуждению его участников, но все же не дала ключа к большому Союзу коммунистов. Парижским заговором, кстати сказать, руководили несколько честолюбивых дураков и политических chevaliers d'industrie** в Лондоне и один осужденный в прошлом за подлог субъект, действовавший в Париже в качестве полицейского шпиона***. Одураченные ими простофили неистовыми декламациями и кровожадными напыщенными фразами возмещали свое крайнее политическое ничтожество.

Таким образом, прусской полиции пришлось искать новых открытий. В прусском посольстве в Лондоне она устроила настоящее отделение тайной полиции. Полицейский агент по фамилии Грейф занимался своей гнусной профессией, прикрываясь званием атташе посольства, — прием, которого, собственно, достаточно, чтобы поставить все прусские посольства вне международного права, и прибегать к которому еще не решались даже австрийцы. Под его руководством работал некий Флёри, купец из лондонского Сити, человек с некоторым состоянием и связями в довольно респектабельных кругах, одна из тех низких тварей, которые совершают гнуснейшие дела из прирожденной склонности к подлости. Другим агентом был торговый служащий по имени Гирш, который, однако, уже при его прибытии в Лондон был заподозрен в шпионаже. Он втерся в компанию нескольких немецких эмигрантов-коммунистов в Лондоне, которые, чтобы удостовериться в том, кем он был в действительности, терпели его в течение некоторого времени в своей среде. Доказательства его связи с Полицией вскоре были получены, и г-н Гирш с этого момента скрылся. Но хотя он потерял, таким образом, всякую возможность приобретать те сведения, за которые ему платили, он все-таки не остался бездеятельным. В своем уединении в Кенсингтоне, где он ни разу не встречал ни одного из вышеупомянутых коммунистов, он еженедельно фабриковал мнимые отчеты о мнимых заседаниях мнимого центрального комитета как раз той заговорщической организации, которую никак не могла выловить прусская полиция. Содержание этих отчетов было в высшей степени абсурдным.

* — О. Дица. *Ред.*
** — проходимцев. *Ред.*
*** — Шерваль. *Ред.*

Ни одно собственное имя не соответствовало действительности, ни одна фамилия не была написана правильно, ни одно слово, приписываемое тому или иному лицу, не было похоже на сколько-нибудь вероятные высказывания этого лица. В составлении этих фальшивок Гиршу помогал его учитель Флёри, и отнюдь не доказано, что к этому гнусному делу не приложил своей руки и «атташе» Грейф. Как ни невероятно это, но прусское правительство приняло эту нелепую стряпню за святую истину, и можно представить себе, какую путаницу внесли подобного рода свидетельства в тот обвинительный материал, который был представлен суду присяжных. Когда начался судебный процесс, г-н Штибер, упомянутый полицейский чиновник, сам занял место на свидетельской скамье, подтвердил под присягой все эти нелепые выдумки и с немалым самодовольством уверял, что один из его тайных агентов находится в интимнейших отношениях с теми людьми в Лондоне, которых следует рассматривать как главных организаторов этого ужасного заговора. Этот тайный агент был действительно окружен глубокой тайной, ибо он в течение восьми месяцев не высовывал носа из Кенсингтона из страха, как бы и в самом деле не повстречать кого-нибудь из тех участников заговора, о самых тайных помыслах, высказываниях и делах которых он будто бы сообщал из недели в неделю.

Однако у гг. Гирша и Флёри было в резерве еще одно изобретение. Все сфабрикованные ими отчеты они переработали в «подлинную книгу протоколов» заседаний тайного верховного комитета, на существовании которого настаивала прусская полиция. А так как г-н Штибер нашел, что эта книга удивительно согласуется с отчетами, которые он уже получил от тех же лиц, то он немедленно представил ее присяжным, заявив опять-таки под присягой, что после тщательного исследования он пришел к твердому убеждению в подлинности книги. Тогда-то и была опубликована большая часть нелепых выдумок, которые сообщал Гирш. Можно представить себе изумление мнимых членов этого тайного комитета, когда они услыхали, что о них сообщаются вещи, о которых они до того времени даже и не подозревали. Тот, кого при крещении нарекли Вильгельмом, здесь оказался перекрещенным в Людвига или Карла; другим приписывалось произнесение речей в Лондоне в такое время, когда они были в другом конце Англии; о третьих сообщалось, что они читали письма, которых они никогда не получали; указывалось, что они устраивали регулярные собрания по четвергам, между тем как у них просто было обыкновение еженедельно устраивать приятельские встречи по средам;

рабочий, едва умевший писать, фигурировал в качестве одного из составителей протоколов и якобы подписывался как таковой; всех их заставили изъясняться на таком языке, который, пожалуй, является языком прусского полицейского участка, но уж никак не общества, состоявшего в большинстве своем из хорошо известных у себя на родине литераторов. И в довершение всего была подделана расписка в получении суммы, будто бы уплаченной фальсификаторами за книгу протоколов мнимому секретарю вымышленного центрального комитета. Но существование этого мнимого секретаря основывалось исключительно на мистификации, которую какой-то коварный коммунист разыграл с несчастным Гиршем.

Эта грубая подделка была слишком скандальна, чтобы не произвести действия, прямо противоположного тому, которого хотели достичь. Хотя лондонские друзья обвиняемых были лишены всякой возможности познакомить присяжных с обстоятельствами дела; хотя письма, которые они посылали защитникам, изымались на почте; хотя документы и сделанные под присягой письменные показания, которые им все же удалось доставить этим адвокатам, не были допущены в качестве судебных доказательств, тем не менее общее негодование было таково, что даже государственные обвинители, да и сам г-н Штибер, — который сам же под присягой поручился за подлинность этой книги протоколов, — были вынуждены признать ее поддельной.

Этот подлог был, однако, не единственным актом подобного рода, в котором оказалась повинной полиция. Во время процесса всплыли еще два или три таких же факта. Полиция посредством вставок фальсифицировала украденные Рейтером документы и таким образом исказила их смысл. Один документ, полный неимоверного вздора, был написан почерком, подделанным под почерк д-ра Маркса, и в течение некоторого времени приписывался именно ему, пока, наконец, обвиняющая сторона не была вынуждена признать подлог. Но на смену каждой разоблаченной полицейской гнусности выдвигалось пять или шесть новых, которые невозможно было немедленно разоблачить, потому что защиту старались захватить врасплох, доказательства приходилось добывать в Лондоне, а всякая переписка защитников с лондонскими эмигрантами-коммунистами трактовалась на суде как соучастие в предполагаемом

заговоре!

Что Грейф и Флёри действительно таковы, какими они изображены выше, это подтвердил сам г-н Штибер в своем свидетельском показании. Что же касается Гирша, то он признался перед

полицейским судьей в Лондоне, что он подделал «книгу протоколов» по приказу и при содействии Флёри, а потом скрылся из Англии, чтобы избежать уголовного преследования.

Столь позорные разоблачения, сделанные во время процесса, поставили правительство в крайне затруднительное положение. Состав присяжных был у него на этом процессе такой, какого доселе еще не видывали в Рейнской провинции: шесть дворян — реакционеров чистейшей воды, четыре денежных магната и два правительственных чиновника. Эти люди не очень-то склонны были внимательно разбираться в хаотической массе показаний, которые в течение шести недель нагромождались перед ними при непрерывно раздававшихся у них в ушах криках о том, что обвиняемые являются главарями страшного коммунистического заговора, имеющего целью ниспровержение всего святого: собственности, семьи, религии, порядка, правительства и законов! И тем не менее, если бы правительство в это же время не дало понять привилегированным классам, что оправдание в этом процессе послужит сигналом к упразднению суда присяжных и будет воспринято как прямая политическая демонстрация, как доказательство того, что буржуазно-либеральная оппозиция готова пойти на союз даже с самыми крайними революционерами, — приговор был бы все-таки вынесен оправдательный. Как бы то ни было, правительству удалось посредством применения нового прусского уголовного кодекса как закона, имеющего якобы обратную силу, добиться осуждения семерых арестованных, между тем как оправданы были только четверо. Осужденные были приговорены к тюремному заключению на различные сроки, от трех до шести лет[285], о чем Вы, несомненно, в свое время уже сообщали, когда известие об этом дошло до Вас.

Написано Ф. Энгельсом 29 ноября 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3645, 22 декабря 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РАЗОБЛАЧЕНИЯ О КЁЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ [286]

Написано К. Марксом в конце октября— начале декабря 1852 г.

Напечатано в виде отдельной брошюры: «Enthullungen uber den Kommunisten-Prozess zu Koln», Basel, 1853

Печатается по тексту издания 1885 г., сверенному с изданиями 1853 и 1875 гг.

Перевод с немецкого

Enthüllungen

über den

Kommunisten-Prozeß

zu Köln.

Basel,

Buchdruckerei von Chr. Krüsi.

1853.

Титульный лист первого издания работы К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»

I
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нотъюнг был арестован 10 мая 1851 г. в Лейпциге; вскоре после этого были арестованы Бюргерс, Рёзер, Даниельс, Беккер и другие. 4 октября 1852 г. арестованные предстали перед кёльнским судом присяжных по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре» против прусского государства. Предварительное заключение — одиночная тюрьма — продолжалось, таким образом, около полутора лет.

При аресте Нотъюнга и Бюргерса были найдены «Манифест Коммунистической партии», «Устав Союза коммунистов» (коммунистического пропагандистского общества), два обращения Центрального комитета этого Союза[287], наконец, несколько адресов и печатных произведений. Об аресте Нотъюнга было уже известно в течение восьми дней, когда в Кёльне начались обыски и аресты. Если, таким образом, и можно было найти еще кое-что, то теперь все, без сомнения, исчезло. И, действительно, добыча свелась лишь к нескольким малозначащим письмам. Спустя полтора года, когда арестованные предстали, наконец, перед судом присяжных, материал bona fide[*], которым располагало обвинение, не увеличился ни на один документ. Тем не менее, все власти прусского государства, по уверениям прокуратуры (представленной фон Зеккендорфом и Зедтом), развили самую напряженную и самую разностороннюю деятельность. Чем же они собственно занимались? Nous verrons![**]

Необычная длительность предварительного заключения мотивировалась самым замысловатым образом. Сначала указывалось, что саксонское правительство не желало выдать Бюргерса и Нотъюнга Пруссии. Кёльнские судебные органы

[*] — заслуживающий доверия. *Ред.*
[**] —Посмотрим! *Ред.*

тщетно требовали выдачи у министерства в Берлине, а министерство в Берлине тщетно добивалось этого от саксонских властей. Между тем, саксонское правительство дало себя уговорить. Бюргерс и Нотъюнг были выданы. В октябре 1851 г. дело, наконец, настолько продвинулось вперед, что материалы были представлены обвинительному сенату кёльнского апелляционного суда. Обвинительный сенат вынес постановление, «что для возбуждения обвинения нет объективного состава преступления и поэтому следствие нужно начать заново». Между тем, служебное рвение судебных органов было подогрето только что изданным дисциплинарным законом, который давал право прусскому правительству устранять любого неугодного ему судейского чиновника. На этот раз процесс был перенесен из-за отсутствия данных, доказывающих преступление. В следующую же квартальную сессию суда присяжных его должны были отложить из-за наличия чересчур большого количества данных. Кипа документов, как указывалось, была так велика, что обвинитель не успел ее одолеть. Мало-помалу он ее одолел, обвинительный акт был вручен обвиняемым и слушание дела было назначено на 28 июля. Но в это время заболел полицей-директор Шульц, главное правительственное движущее колесо процесса. Во здравие Шульца обвиняемым пришлось просидеть еще три месяца. По счастью, Шульц умер, общество выражало нетерпение, и правительству пришлось поднять занавес.

В течение всего этого периода дирекция полиции в Кёльне, полицейпрезидиум в Берлине, министерство юстиции и министерство внутренних дел постоянно вмешивались в ход следствия точно так же, как позже их достойный представитель Штибер в качестве свидетеля постоянно вмешивался в публичное судебное разбирательство в Кёльне. Правительству удалось подобрать беспримерный в летописях Рейнской провинции состав присяжных. Наряду с представителями верхушки буржуазии (Херштадт, Лейден, Йост), городского патрициата (фон Бианка, фон Рат), заскорузлых юнкеров (Хеблинг фон Ланценауэр, барон фон Фюрстенберг и т. д.) в него входили два прусских регирунгсрата, в том числе королевский камергер (фон Мюнх-Беллингхаузен), наконец, один прусский профессор (Крёйслер). В этом суде присяжных, таким образом, были представлены все слои господствующих в Германии классов, и только они.

При таком составе присяжных прусское правительство как будто бы могло избрать прямой путь и организовать просто тенденциозный процесс. Правда, документы, признанные подлинными Бюргерсом, Нотъюнгом и другими, а также те, которые

были захвачены непосредственно, не свидетельствовали ни о каком заговоре; они вообще не подтверждали наличие каких-либо действий, предусмотренных Code pénal[288]; но они неопровержимо доказывали враждебное отношение обвиняемых к существующему правительству и к существующему обществу. Но то, что не предусмотрел разум законодателя, могла восполнить совесть присяжных. Разве не было хитростью со стороны обвиняемых так обставить свою вражду к существующему обществу, что она не нарушала ни одного параграфа свода законов? Разве болезнь перестает быть заразной от того, что она не значится в номенклатуре санитарно-полицейского устава? Если бы прусское правительство ограничилось попыткой доказать на основании действительно имеющегося материала, что обвиняемые являются вредными людьми, а присяжные сочли достаточным обезвредить их посредством своего вердикта: «виновен», кто мог бы подвергнуть присяжных и правительство нападкам? Никто, кроме близорукого мечтателя, который думает, что прусское правительство и господствующие в Пруссии классы настолько сильны, что могут предоставить свободное поле деятельности и своим врагам, пока те держатся в рамках дискуссии и пропаганды.

Между тем прусское правительство само закрыло себе широкий путь политических процессов. Необычайным затягиванием процесса, прямым вмешательством министерства в ход следствия, таинственными намеками на неведомые ужасы, хвастливыми заявлениями о раскрытии заговора, охватывающего всю Европу, возмутительно зверским обращением с арестованными процесс был раздут в procès monstre*, к нему было привлечено внимание европейской прессы, а подозрительное любопытство публики было возбуждено до крайности. Прусское правительство поставило себя в такое положение, что обвинение приличия ради должно было представить доказательства, а суд приличия ради должен был требовать доказательств. Суд сам стоял перед другим судом—перед судом общественного мнения.

Чтобы исправить первый промах, правительство должно было совершить второй промах. Полиция, которая во время следствия выполняла обязанности судебного следователя, во время судебного разбирательства должна была выступить в качестве свидетеля. Рядом с обычным обвинителем правительство должно было выставить еще необычного, рядом с прокуратурой— полицию, рядом с Зедтом и Зеккендорфом—Штибера с его

* — процесс-монстр, буквально: процесс-чудовище, т. е. грандиозный процесс. *Ред.*

Вермутом, с его птицей Грейфом и с его малюткой Гольдхеймом*. Вмешательство в суд третьей государственной силы стало неизбежным, чтобы чудодейственными полицейскими способами постоянно доставлять юридическому обвинению факты, за тенью которых оно тщетно гонялось. Суд так хорошо понял это положение, что председатель, судья и прокурор с похвальнейшей покорностью попеременно уступали свою роль полицейскому советнику и свидетелю Штиберу и постоянно прятались за его спиной. Прежде чем перейти к освещению этих полицейских откровений, на которых основан «объективный состав преступления», так и не найденный обвинительным сенатом, мы должны сделать еще одно предварительное замечание.

Из бумаг, захваченных у обвиняемых, так же как из их собственных показаний обнаружилось, что существовало немецкое коммунистическое общество, Центральный комитет которого первоначально находился в Лондоне. 15 сентября 1850 г. этот Центральный комитет раскололся. Большинство — обвинительный акт называет его *«партией Маркса»* — перенесло местопребывание Центрального комитета в Кёльн. Меньшинство — исключенное позднее кёльнцами из Союза — организовалось как самостоятельный Центральный комитет в Лондоне и основало здесь и на континенте Зондербунд[289]. Обвинительный акт называет это меньшинство и его приверженцев *«партией Виллиха — Шаппера».*

Зедт — Зеккендорф утверждают, что раскол лондонского Центрального комитета был вызван раздорами чисто личного характера. Задолго до Зедта — Зеккендорфа «рыцарственный Виллих» уже распустил среди лондонской эмиграции гнуснейшие сплетни о причинах раскола. В лице г-на Арнольда Руге, этой пятой спицы в колеснице европейской центральной демократии[290], и других подобных ему людей Виллих нашел готовые к услугам каналы для распространения этих сплетен в немецкой и американской печати. Демократия сообразила, как облегчит она себе победу над коммунистами, если наскоро изобразит «рыцарственного Виллиха» представителем коммунистов. «Рыцарственный Виллих», со своей стороны, сообразил, что «партия Маркса» не могла раскрыть причины раскола, не выдав существования тайного общества в Германии и, в первую очередь, не передав кёльнский Центральный комитет отеческому попечению прусской полиции. Теперь эти обстоятельства более не существуют, и поэтому мы приводим несколько небольших

* Игра слов: Wermuth, Greif и Goldheim (уменьшительное: Goldheimchen)— фамилии полицейских чиновников, а также: «Wermut» — «горечь», «полынь», «полынное вино», «Greif» — «гриф», «Goldheimchen» — «золотистый сверчок». *Ред.*

выдержек из протокола последнего заседания лондонского Центрального комитета от 15 сентября 1850 года*.

Мотивируя свое предложение о размежевании, Маркс, среди прочего, сказал буквально следующее: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю.* Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в святыню, вы проделываете это со словом *пролетариат.* Подобно демократам, вы подменяете революционное развитие фразой о революции» и т. д. и т. д.

Г-н Шаппер в своем ответе сказал буквально следующее:

«Я высказал подвергнувшийся здесь нападкам взгляд, потому что я вообще с энтузиазмом отношусь к этому делу. Речь идет о том, мы ли сами начнем рубить головы, или нам будут рубить головы». (Шаппер даже обещал, что ему отрубят голову через год, т. е. 15 сентября 1851 года.) «Во Франции наступит черед для рабочих, а тем самым и для нас в Германии. Не будь этого я, конечно, ушел бы на покой, и тогда у меня было бы иное материальное положение. Если же мы этого достигнем, то мы сможем принять такие меры, которыми мы обеспечим господство пролетариата. Я являюсь фанатическим сторонником этого взгляда, но Центральный комитет хотел противоположного» и т. д. и т. д.

Как мы видим, Центральный комитет раскололся не в силу личных причин. Но было бы также неверно говорить о принципиальных разногласиях. Партия Шаппера—Виллиха никогда не претендовала на честь иметь собственные идеи. Ей свойственно лишь своеобразное непонимание чужих идей, которые она фиксирует в качестве символа веры, полагая, что усвоила их вместе с фразами. Не менее ошибочно было бы предъявить партии Виллиха — Шаппера обвинение в том, что она является «партией действия», если только под действием не понимать безделья, прикрытого трактирной шумихой, вымышленными конспирациями и бесплодными показными связями.

* См. настоящий том, стр. 581—585. *Ред.*

II

АРХИВ ДИЦА

Найденный у обвиняемых «Манифест Коммунистической партии», напечатанный перед февральской революцией и в течение нескольких лет находившийся в продаже, не мог ни по своей форме, ни по своему назначению быть программой «заговора». В захваченных *обращениях* Центрального комитета речь шла исключительно об отношении коммунистов к будущему правительству демократии, следовательно вовсе не о правительстве Фридриха-Вильгельма IV. Наконец, устав был уставом тайного пропагандистского общества, но в Code penal не содержится наказаний для тайных обществ. В качестве конечной цели этой пропаганды выдвигается разрушение существующего общества, но прусское государство однажды уже погибло, может гибнуть еще десяток раз и погибнуть окончательно, а существующее общество от этого нисколько не пострадает. Коммунисты могут содействовать ускорению процесса разложения буржуазного общества и тем не менее предоставить буржуазному обществу разлагать прусское государство. Если бы кто-нибудь поставил себе прямой целью ниспровержение прусского государства и проповедовал бы, что средством для достижения этой цели является разрушение общества, то он уподобился бы тому сумасшедшему инженеру, который хотел взорвать землю для того, чтобы смести с пути навозную кучу.

Но если конечной целью Союза является *ниспровержение общества,* то его средством неизбежно должна быть *политическая революция,* а это предполагает ниспровержение прусского государства, подобно тому как землетрясение предполагает разрушение курятника. — Однако обвиняемые исходили из того преступного взгляда, что современное прусское правительство падет и без них. Они поэтому не организовывали союза для свержения теперешнего прусского правительства и не были виновны ни в каком «носящем характер государственной измены заговоре».

Обвиняли ли когда-нибудь первых христиан в том, что они ставят себе целью свержение первого попавшегося захолустного римского префекта? Прусские государственные философы, от Лейбница до Гегеля, трудились над ниспровержением бога, но если я ниспровергаю бога, то я ниспровергаю также и короля божьей милостью. Разве их преследовали за покушение на династию Гогенцоллернов?

Таким образом, дело можно было вертеть и переворачивать как угодно, найденный corpus delicti* при дневном свете гласности исчезал, как призрак. Дело остановилось на жалобном признании обвинительного сената** в том, что *«нет объективного состава преступления»,* а «партия *Маркса»* была достаточно злонамеренна, чтобы за полтора года, в продолжение которых велось следствие, *ровным счетом ничего* не прибавить *к недостающему составу преступления.*

Этому горю надо было помочь. И партия Виллиха — Шаппера сделала это совместно с полицией. Посмотрим, как г-н Штибер, акушер этой партии, втянул ее в кёльнский процесс. (См. свидетельские показания Штибера в заседании от 18 октября 1852 года.)

Когда весной 1851 г. Штибер находился в Лондоне якобы для того, чтобы оградить посетителей промышленной выставки от проныр и воров***, берлинский полицейпрезидиум прислал ему копии найденных у *Нотъюнга* бумаг, и

«мое внимание», — показывает под присягой Штибер, — «было особенно обращено на архив заговора, который, согласно найденным у Нотъюнга бумагам, должен был находиться в Лондоне у некоего Освальда Дица и содержать всю корреспонденцию членов Союза».

Архив заговора? Вся корреспонденция членов Союза? Но Диц был секретарем виллих-шапперовского Центрального комитета. Если, следовательно, у него находился архив заговора, то это был архив виллих-шапперовского заговора. Если у Дица находилась корреспонденция Союза, то это могла быть только корреспонденция враждебного кёльнским обвиняемым Зондербунда. Однако из рассмотрения найденных у Нотъюнга документов следует большее, а именно, что в них нет никаких указаний на Освальда Дица как на хранителя архива. Да и как мог Нотъюнг в Лейпциге знать то, что было неизвестно самой «партии *Маркса»* в Лондоне.

* — состав преступления. *Ред.*

** В оригинале игра слов: «Klage des Anklagesenats». *Ред.*

*** Игра слов: в оригинале выражение «Stiebern und Diebern», образованное от созвучного фамилии Штибер слова «Stieber» (собака-ищейка, в переносном смысле: проныра, всюду рыскающий субъект, сыщик) и слова «Diebe» (воры). *Ред.*

Штибер не мог прямо сказать: Внимание, господа присяжные! Я сделал неслыханное открытие в Лондоне. К сожалению, оно относится к заговору, с которым кёльнские обвиняемые не имеют ничего общего и по поводу которого кёльнские присяжные неправомочны выносить решения; но оно дало повод продержать обвиняемых полтора года в одиночном заключении. Так Штибер говорить не мог. Необходимо было замешать в это дело Нотъюнга, чтобы поставить сделанные в Лондоне разоблачения и выкраденные документы в кажущуюся связь с кёльнским процессом.

И вот Штибер показывает под присягой, что какой-то человек предложил ему купить за наличные деньги архив у Освальда Дица. Дело, однако, обстояло попросту так: некий Рёйтер, прусский полицейский шпик, который никогда не принадлежал к коммунистическому обществу, проживая в одном доме с Дицем, взломал в отсутствие последнего его письменный стол и украл его бумаги. Весьма вероятно, что г-н Штибер заплатил ему за эту кражу, но если бы об этой проделке стало известно во время его пребывания в Лондоне, то Штиберу было бы трудновато избежать путешествия на Вандименову землю[291].

5 августа 1851 г. Штибер получил в Берлине из Лондона «в пакете, обернутом прочной клеенкой», архив Дица, а именно кипу документов, состоящую из «шестидесяти отдельных единиц». Так клятвенно утверждает Штибер, показывая под присягой также, что в пакете, который он получил *пятого* августа 1851 г., среди других писем находилось письмо Берлинского руководящего округа от *двадцатого* августа 1851 года. Если бы кто-нибудь вздумал утверждать, что Штибер совершает клятвопреступление, уверяя, будто 5 августа 1851 г. он получал письма от 20 августа 1851 г., то Штибер мог бы с полным основанием ответить, что королевско-прусский советник имеет такие же права, как и евангелист Матфей, в частности, право совершать хронологические чудеса.

En passant[*]. Из перечня украденных у партии Виллиха— Шаппера документов и из дат этих документов следует, что эта партия, хотя и была предупреждена кражей со взломом, совершенной Рёйтером, умудрилась и впредь позволять выкрадывать у нее документы и допускать их передачу в руки прусской полиции.

Когда Штибер оказался обладателем завернутого в прочную клеенку клада, у него стало бесконечно радостно на душе.

[*] — Между прочим. *Ред.*

«Все нити», — клянется он, — «раскрылись перед моими глазами». Но что же таил в себе клад в отношении «партии Маркса» и кёльнских обвиняемых? По собственному признанию Штибера ничего, решительно ничего, за исключением:

«помеченного: Лондон, 17 сентября, подлинного заявления нескольких членов Центрального комитета, явно составлявших ядро партии Маркса, о выходе из коммунистического общества, вследствие известного раскола, который произошел 15 сентября 1850 года».

Так говорит сам Штибер, но даже давая это безобидное показание, он не мог ограничиться простым сообщением факта. Он принужден возвести его в высшую степень, чтобы придать ему полицейский вес. Упомянутое подлинное заявление, в частности, не содержит ничего, кроме трех строк, уведомляющих о том, что представители большинства прежнего Центрального комитета и их друзья выходят из *открытого Общества рабочих* на Грейт-Уиндмилл-стрит[292], но отнюдь не из *«коммунистического общества»*.

Штибер мог сберечь своим корреспондентам клеенку, а свое начальство избавить от расходов по пересылке. Штиберу стоило только порыться[*] в некоторых немецких газетах за сентябрь 1850 г., и он нашел бы напечатанным черным по белому заявление «ядра партии Маркса», в котором она одновременно со своим выходом из Эмигрантского комитета[293] сообщает также и о своем выходе из Общества рабочих на Грейт-Уиндмилл-стрит.

Ближайшим результатом штиберовских розысков было, следовательно, неслыханное открытие, что «ядро партии Маркса» вышло 17 сентября 1850 г. из открытого Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит. «Все нити кёльнского заговора раскрылись перед его глазами». Но публика не доверяла его глазам.

[*] Игра слов: Stieber — фамилия, «durchstiebern» — «рыться», «обшаривать», «выслеживать». *Ред.*

III
ЗАГОВОР ШЕРВАЛЯ

Между тем Штибер сумел извлечь барыш из украденного сокровища. Полученные им 5 августа 1851 г. бумаги указали путь к открытию так называемого «немецко-французского заговора в Париже». Среди них имелось шесть отчетов виллих-шапперовского эмиссара *Адольфа Майера, с* пометкой: Париж, и пять отчетов Парижского руководящего округа Центральному комитету Виллиха—Шаппера. (Свидетельское показание Штибера в заседании от 18 октября.) Штибер предпринимает увеселительную дипломатическую поездку в Париж и там лично знакомится с великим Карлье, который только что доказал в нашумевшей афере с лотереей золотых слитков[294], что хотя он и большой враг коммунистов, но в еще большей степени он друг чужой частной собственности.

«Вследствие этого я в сентябре 1851 г. поехал в Париж. Со стороны тогдашнего парижского префекта полиции Карлье мне была оказана самая предупредительная поддержка... Обнаруженные в лондонских письмах нити были при помощи французских полицейских агентов быстро и точно разысканы. Удалось выследить квартиры отдельных главарей заговора и установить наблюдение за всеми их шагами, в частности, за всеми их собраниями и за всей их перепиской. Там были обнаружены очень опасные вещи... Я должен был уступить требованиям префекта Карлье, и в ночь с 4 на 5 сентября были предприняты решительные действия». (Показание Штибера от 18 октября.)

В сентябре Штибер уехал из Берлина. Предположим, что это было 1 сентября. В Париж он прибыл в лучшем случае 2 сентября вечером. 4-го ночью были предприняты решительные действия. Таким образом, для переговоров с Карлье и для принятия необходимых мер оставалось 36 часов. В течение этих 36 часов были не только «выслежены» квартиры отдельных главарей, но и осуществлено «наблюдение» за *всеми* их шагами, *всеми* их собраниями, за *всей* их перепиской, что, разумеется, было сделано лишь после того, как были «выслежены их квартиры». Прибытие Штибера не только вызывает чудодействен-

ную «быстроту и точность французских полицейских агентов», оно заставляет и конспирирующих главарей быть «предупредительными» и в течение 24 часов совершить столько шагов, устроить столько собраний, написать столько писем, что уже на следующий вечер против них можно было предпринять решительные действия.

Однако мало того, что 3-го выслеживаются квартиры отдельных главарей и устанавливается наблюдение за всеми их шагами, собраниями и письмами.

«Французским полицейским агентам»,—показывает под присягой Штибер, — «удается присутствовать на заседаниях заговорщиков и узнать их решения относительно образа действий в будущей революции».

Итак, едва только полицейские агенты устанавливают наблюдение за собраниями, как им посредством наблюдения удается присутствовать на них, едва только они попадают на какое-нибудь заседание, как оно превращается в ряд заседаний, едва только состоится несколько заседаний, как дело уже доходит до принятия решений относительно образа действий в будущей революции — и все это в один и тот же день! В тот самый день, когда Штибер знакомится с Карлье, полицейский персонал Карлье узнает квартиры отдельных главарей, последние знакомятся с полицейским персоналом Карлье, приглашают этот персонал в тот же день на свои заседания, устраивают ему в угоду в тот же день целый ряд заседаний и не могут расстаться с ним до тех пор, пока не принимаются в спешном порядке решения об образе действий в ближайшей революции.

Как бы ни был предупредителен Карлье, — а никто не может усомниться в его предупредительной готовности за три месяца до государственного переворота раскрыть коммунистический заговор, — Штибер приписывает ему больше, чем он мог дать. Штибер требует полицейских чудес, он не только требует их, он также верит в них; он не только верит в них, но и подтверждает их под присягой.

«Когда было приступлено к делу», т. е. к решительным действиям, «я лично вместе с одним французским комиссаром в первую очередь арестовал опасного Шерваля, главного вожака французских коммунистов. Он оказал ожесточенное сопротивление, и с ним завязалась упорная борьба».

Таково показание Штибера от 18 октября.

«Шерваль совершил в Париже на меня покушение, и притом в моей собственной квартире, в которую он пробрался ночью; во время возникшей между нами борьбы была ранена моя жена, которая поспешила мне на помощь».

Таково другое показание Штибера от 27 октября. В ночь с 4-го на 5-е Штибер предпринимает решительные действия против Шерваля, между ними завязывается рукопашная борьба, в которой сопротивление оказывает Шерваль. В ночь с 3-го на 4-е Шерваль предпринимает решительные действия против Штибера, между ними завязывается рукопашная борьба, в которой сопротивление оказывает Штибер. Но ведь именно 3-го между заговорщиками и полицейскими агентами еще господствовало то entente cordiale*, благодаря которому за один день могло быть так много совершено. Теперь же оказывается, что не только Штибер раскрыл 3-го числа замыслы заговорщиков, но и заговорщики 3-го же также раскрыли замыслы Штибера. В то время, когда полицейские агенты Карлье обнаружили квартиры заговорщиков, заговорщики обнаружили квартиру Штибера. В то время как Штибер по отношению к заговорщикам играл роль «наблюдателя», они по отношению к нему играли активную роль. В то время как ему грезится их заговор против правительства, они занимаются организацией покушения на его собственную персону.

В своем показании от 18 октября Штибер далее говорит:

«Во время этой борьбы» (когда Штибер был наступающей стороной) «я заметил, что Шерваль пытался сунуть в рот бумагу и проглотить ее. Мне с трудом удалось спасти половину этой бумаги, другую половину он успел съесть».

Бумага, следовательно, была у Шерваля во рту между зубами, ибо только одна ее половина была спасена, другую же он успел съесть. Штибер и его сообщник—полицейский комиссар или кто-либо другой — могли спасти другую половину, только засунув свои руки в пасть «опасного Шерваля». Лучшим способом, каким Шерваль мог защититься от подобного нападения, было *кусаться,* и действительно, как сообщали парижские газеты, Шерваль укусил г-жу Штибер. Но при этой сцене со Штибером присутствовала не его жена, а полицейский комиссар. Ведь Штибер заявляет, что г-жа Штибер была ранена при покушении, произведенном на него Шервалем в его собственной квартире, когда она поспешила ему на помощь. Если сопоставить показания Штибера с сообщением парижских газет, то создастся впечатление, что Шерваль в ночь с 3-го на 4-е укусил г-жу Штибер, чтобы спасти бумаги, которые г-н Штибер вырывал у него изо рта с 4-го на 5-е. Штибер ответит нам: Париж — город чудес и уже Ларошфуко говорил, что во Франции все возможно.

* — сердечное согласие. *Ред.*

Если мы на один момент откажемся от веры в чудеса, то выяснится, что первые чудеса произошли потому, что Штибер собрал и втиснул в *один* день, 3 сентября, целый ряд действий, которые отделены друг от друга продолжительными промежутками времени, а последние чудеса получились оттого, что различные происшествия, которые произошли в один вечер и в одном месте, он распределил между двумя разными ночами и двумя разными местами. Противопоставим его россказням из «Тысячи и одной ночи» действительные факты. Но прежде приведем еще одно чудесное обстоятельство, хотя оно и не является чудом. Штибер вырвал половину проглатываемой Шервалем бумаги. Что заключалось в этой спасенной половине? Все, что искал Штибер.

«Эта бумага», — показывает он под присягой, — «содержит чрезвычайно важную инструкцию для эмиссара Гиппериха в Страсбурге и его *подробный адрес».*

Перейдем теперь к фактам.

Мы узнаем от Штибера, что 5 августа 1851 г. он получил упакованный в прочную клеенку архив Дица. 8 или 9 августа 1851 г. в Париже появился некий Шмидт. Шмидт — это, по-видимому, незаменимая фамилия для путешествующих инкогнито прусских полицейских агентов. Под именем Шмидт Штибер в 184-5—1846 гг. совершает путешествие по горам Силезии, под именем Шмидт его лондонский агент *Флёри в* 1851 г. совершает путешествие в Париж. Он разыскивает здесь отдельных главарей виллих-шапперовского заговора и, прежде всего, обнаруживает Шерваля. Он рассказывает, будто бежал из Кёльна и спас местную союзную кассу в 500 талеров. Он удостоверяет свою личность мандатами из Дрездена и из различных других мест, заводит речь о реорганизации Союза, об объединении различных партий, ибо расколы-де вызваны разногласиями чисто личного характера, — полиция уже тогда проповедовала единство и примирение, — и обещает употребить упомянутые 500 талеров на то, чтобы вновь привести Союз в цветущее состояние. Мало-помалу Шмидт знакомится с отдельными главарями виллих-шапперовских общин Союза в Париже. Он не только узнает их адреса, по посещает их, шпионит за их перепиской, Наблюдает за их шагами, проникает на их заседания, подстрекает их как agent provocateur*. Особенно бахвалится Шерваль и тем больше, чем больше похвал расточает ему Шмидт, как неведомой еще величине Союза, «главному вожаку», который до сих пор сам не сознавал собственного значения, что

* — провокатор. *Ред.*

уже бывало со многими великими людьми. Однажды вечером, когда Шмидт вместе с Шервалем направлялся на заседание Союза, Шерваль прочитал ему свое знаменитое письмо к Гиппериху, прежде чем его отправить. Так Шмидт узнал о существовании Гиппериха. «Коль скоро Гипперих вернулся в Страсбург», — заметил Шмидт, — «давайте тотчас же пошлем ему доверенность на получение тех 500 талеров, которые находятся в Страсбурге. Вот вам адрес того человека, у которого хранятся эти деньги, Вы же дайте мне адрес Гиппериха для того, чтобы послать в качестве подтверждения тому человеку, к которому явится Гипперих». Так Шмидт получил адрес Гиппериха. В тот самый вечер, когда Шерваль отправил Гиппериху письмо, спустя четверть часа Гипперих был арестован, согласно указанию, переданному по телеграфу; у него на квартире был произведен обыск и знаменитое письмо было перехвачено. Гиппериха *арестовали до ареста Шерваля.*

Вскоре после этого Шмидт сообщил Шервалю, что в Париж прибыл прусский полицейский шпик по имени Штибер. Он, Шмидт, не только узнал его квартиру, но и слышал от гарсона из кафе, расположенного напротив, что Штибер договаривался об аресте его, Шмидта. Шерваль — именно тот человек, сказал он, который может проучить этого жалкого прусского полицейского. «Я выброшу его в Сену», — отвечает Шерваль. Они условились проникнуть на следующий день в квартиру Штибера, под каким-нибудь предлогом убедиться в его присутствии и запомнить его приметы. На следующий вечер оба наши героя действительно предприняли этот поход. По дороге Шмидт заметил, что будет лучше, если Шерваль войдет в дом, а он останется сторожить, прохаживаясь перед домом. «Ты спросишь у портье, дома ли Штибер», — продолжал он, — «и скажешь Штиберу, если он впустит тебя, что ты хотел бы поговорить с г-ном Шперлингом и спросить его, привез ли он ожидаемый из Кёльна вексель. Кстати, еще: твоя белая шляпа обращает на себя внимание, у нее слишком демократический вид. Вот что! Надень мою черную!» Они обмениваются шляпами. Шмидт остается караулить, Шерваль же звонит и оказывается в помещении, где живет Штибер. Портье сказал, что Штибера, наверное, нет дома, и Шерваль хотел было уже уйти, как с лестницы раздается женский голос: «Да, Штибер дома». Шерваль идет на голос и оказывается перед субъектом в зеленых очках, который называет себя Штибером. Шерваль произносит условленную фразу насчет векселя и Шперлинга. «Так нельзя», — живо перебивает его Штибер, — «Вы приходите сюда в дом, спрашиваете меня, Вам указывают квартиру, затем Вы соби-

раетесь уходить и т. д. Это кажется мне в высшей степени подозрительным». Шерваль грубо отвечает. Штибер звонит. немедленно появляются несколько молодчиков и окружают Шерваля; Штибер хватается за карман его сюртука, из которого торчит письмо. Правда, это была не инструкция Шерваля Гиппериху, но все же письмо Гипперих Шервалю. Шерваль пытается съесть письмо, Штибер лезет ему в рот. Шерваль кусается, толкается, наносит удары. В то время как Штибер-супруг стремится спасти одну половину письма, его дражайшая половина стремится спасти другую половину и за свое служебное усердие получает ранение. Шум, вызванный этой сценой, привлекает различных жильцов, появившихся из своих квартир. Тем временем один из штиберовских молодчиков бросил через перила лестницы золотые часы, и в ответ на крик Шерваля: «Mouchard!»* — Штибер и компания вопят: «Au voleur!»**. Портье приносит золотые часы, и крик: «Au voleur!» становится всеобщим. Шерваля арестовывают; у дверей он уже не застает своего друга Шмидта, но зато находит там 4—5 солдат, которые берут его под стражу.

Перед фактами исчезают все чудеса, которые подтвердил под присягой Штибер. Его агент Флёри действовал в течение более чем трех недель; он не только раскрыл нити заговора, он помогал их плести; Штиберу оставалось лишь приехать из Берлина и воскликнуть: Veni, vidi, vici!*** Он мог преподнести в дар Карлье готовый заговор. От Карлье потребовалась только «предупредительная готовность» предпринять решительные действия. Г-же Штибер не было надобности быть 3-го укушенной Шервалем, потому что г-н Штибер залез последнему в рот 4-го. Адресу Гипперих и важной инструкции незачем было, подобно Ионе, вылезшему из чрева кита, вылезать целыми из пасти «опасного Шерваля», после того как они были наполовину съедены. Единственное, что остается достойным чудес, это вера в чудеса присяжных, которым Штибер осмелился с серьезным видом выкладывать свои лживые выдумки. Поистине вот чистокровные носители «ограниченного разума верноподданных»!****

«В тюрьме Шерваль», — показывает под присягой Штибер (заседание от 18 октября), — «после того как я представил ему к его величайшему изумлению все подлинные сообщения, которые он посылал в Лондон, и после того как он убедился, что я все знаю, чистосердечно во всем мне сознался».

---

* — «Шпик!» *Ред.*

** — «Держи вора!» *Ред.*

*** — Пришел, увидел, победил! *Ред.*

**** Выражение прусского министра фон Рохова. *Ред.*

То, что Штибер вначале предъявил Шервалю, ни в коем случае не было подлинными сообщениями, посланными последним в Лондон. Их Штибер лишь впоследствии выписал из Берлина вместе с другими документами из архива Дица. Вначале же им было предъявлено Шервалю только что полученное Шервалем циркулярное письмо, подписанное Освальдом Дицем, и несколько последних писем Виллиха. Каким образом удалось Штиберу их заполучить? В то время, когда Шерваль кусался и дрался со Штибером и его супругой, бравый Шмидт-Флёри кинулся к мадам Шерваль, англичанке; он сказал ей — Флёри, немецкий купец в Лондоне, говорит, конечно, по-английски, — что ее муж арестован, что опасность велика и что она может отдать ему бумаги Шерваля, чтобы они не скомпрометировали его еще более, и что Шерваль поручил ему передать их третьему лицу. В доказательство того, что он действительный посланец, он показывает белую шляпу, которую он взял у Шерваля, потому что у нее был слишком демократический вид. Флёри получил письма от мадам Шерваль, а Штибер получил их от Флёри.

Во всяком случае Штибер располагал теперь более благоприятной операционной базой, чем прежде в Лондоне. Бумаги Дица он мог украсть, показания же Шерваля он мог сфабриковать. И вот он заставляет своего Шерваля (заседание от 18 октября) рассказывать «о его связях с Германией» следующее:

«Он-де долгое время проживал в Рейнской области и в 1848 г., в частности, был в Кёльне. Там он познакомился с Марксом и был принят последним в Союз, распространению которого он затем ревностно содействовал в Париже, на основе уже имевшихся там элементов».

Шерваль был принят в Союз в 1846 г. в Лондоне Шаппером и по рекомендации Шаппера, в то время как Маркс тогда находился в Брюсселе и вообще даже не был членом Союза[295]. Шерваль, таким образом, не мог быть принят Марксом в тот же Союз в 1848 г. в Кёльне.

Когда вспыхнула мартовская революция, Шерваль приехал на несколько недель в Рейнскую Пруссию, но вернулся оттуда обратно в Лондон, где проживал безвыездно с конца весны 1848 до лета 1850 года. Он, следовательно, не мог в это же время «ревностно содействовать распространению Союза в Париже»; или, может быть, Штибер, совершающий хронологические чудеса, также в состоянии совершать и *пространственные* чудеса и даже третьих лиц наделять свойством вездесущности.

Маркс только после своей высылки из Парижа в сентябре 1849 г., когда он вступил в Лондоне в Общество рабочих на

Грейт-Уиндмилл-стрит, среди сотни других рабочих весьма поверхностно познакомился также и с Шервалем. Он не мог, следовательно, познакомиться с ним в 1848 г. в Кёльне.

Шерваль первоначально по всем этим пунктам сказал Штиберу правду. Штибер пытался принудить его дать ложные показания. Достиг ли он своей цели? За это говорят только собственные показания Штибера, что является, следовательно, минусом. Для Штибера все дело, конечно, заключалось в том, чтобы поставить Шерваля в вымышленную связь с Марксом и тем самым создать искусственную связь между кёльнскими обвиняемыми и парижским заговором.

Как только Штибер становится перед необходимостью вдаваться en détail* в вопрос о связях и переписке Шерваля и его товарищей с Германией, он остерегается даже упомянуть о Кёльне, но зато он самодовольно распространяется о Хеке в Брауншвейге, Лаубе в Берлине, Рейнингере в Майнце, Тице в Гамбурге и т. д. и т. д. — одним словом, о партии Виллиха—Шаппера. Эта партия, говорит Штибер, имела «в своих руках архив Союза». — По недосмотру архив из ее рук перешел в его руки. В этом архиве он не нашел *ни одной* строчки, которую Шерваль направил бы *до раскола* лондонского Центрального комитета, до 15 сентября 1850 г., в Лондон или вообще лично Марксу.

Через Шмидта-Флёри он обманным образом выманил у г-жи Шерваль бумаги ее мужа. Но он опять-таки не нашел ни строчки, которую Шерваль получил бы от Маркса. Чтобы помочь этому горю, Штибер заставляет Шерваля написать под диктовку,

«что у него с Марксом были натянутые отношения, потому что последний, несмотря на то что Центральный комитет находился в Кёльне, требовал, чтобы корреспонденция велась *также* и с ним».

Если Штибер не мог обнаружить переписки между Марксом и Шервалем *до* 15 сентября 1850 г., то это происходит просто оттого, что *после* 15 сентября 1850 г. Шерваль прервал всякую переписку с Марксом. Pends-toi, Figaro, tu n'aurais pas inventé cela!**

Материалы, которые прусское правительство наскребло против обвиняемых за время полуторагодичного следствия, частично с помощью самого Штибера, опровергали наличие какой-либо связи обвиняемых с парижской общиной и с немецко-французским заговором.

* — в подробностях. *Ред.*

** — Повесься, Фигаро, тебе до этого не додуматься! (Бомарше. «Безумный день, или женитьба Фигаро».) *Ред.*

Обращение лондонского Центрального комитета от июня 1850 г. доказывало, что парижская община была распущена до раскола Центрального комитета. Шесть писем из архива Дица доказывали, что после перенесения Центрального комитета в Кёльн парижские общины были вновь организованы эмиссаром партии Виллиха — Шаппера А. Майером. Письма Парижского руководящего округа из того же архива доказывали, что этот округ находился в резко враждебных отношениях с кёльнским Центральным комитетом. Наконец, французский обвинительный акт доказывал, что все, что инкриминировалось Шервалю и его товарищам, произошло только в 1851 году. Поэтому Зедт (заседание от 8 ноября), несмотря на штиберовские разоблачения, счел для себя лучшим сделать лишь тонкий намек на то, что партия Маркса, возможно, когда-то, каким-то образом была замешана в каком-то заговоре в Париже, заявив, однако, что ни о времени этого заговора, ни о самом этом заговоре ничего больше неизвестно, кроме того только, что Зедт, по указанию начальства, считает его возможным. Можно судить о тупоумии немецкой прессы, которая рассказывает сказки о проницательности Зедта!

Прусская полиция de longue main* пыталась изобразить публике Маркса, а через Маркса и кёльнских обвиняемых лицами, замешанными в немецко-французском заговоре. Во время разбора дела Шерваля полицейский шпион Бекман послал в «Kolnische Zeitung» следующую заметку, помеченную: Париж, 25 февраля 1852 года:

«Несколько обвиняемых скрылось, среди них некий А. Майер, которого изображают как агента *Маркса и компании»*.

«Kolnische Zeitung» после этого поместила заявление Маркса, в котором говорилось, что «А. Майер — один из интимнейших друзей г-на Шаппера и бывшего прусского лейтенанта Виллиха и что для него, Маркса, он совершенно чужой»**. Теперь сам Штибер заявляет в своем показании от 18 октября 1852 г., что «исключенные партией Маркса 15 сентября 1850 г. в Лондоне члены Центрального комитета послали А. Майера во Францию» и т. д., и даже ссылается на переписку А. Майера с Шаппером — Виллихом.

Один из членов «партии Маркса», *Конрад Шрамм,* был в сентябре 1851 г., в связи с преследованиями иностранцев, арестован в Париже в кафе вместе с 50—60 другими присутствовавшими там посетителями; его продержали под арестом почти

* — с давних пор, давно. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 246. *Ред.*

два месяца по обвинению в участии в заговоре, руководимом ирландцем Шервалем. 16 октября в тюрьме полицейской префектуры его посетил один немец, который обратился к нему со следующими словами:

«Я прусский чиновник. Вы знаете, что во всех частях Германии, особенно в Кёльне, были произведены многочисленные аресты вследствие раскрытия коммунистического общества. Одного упоминания имени в письме достаточно, чтобы вызвать арест соответствующего лица. Правительство до известной степени находится в затруднительном положении благодаря большому числу арестованных, относительно которых оно не знает, имеют ли они какое-нибудь отношение к этому делу или нет. *Нам известно, что Вы не принимали, участия в complot franco-allemand** *и что, напротив, Вы хорошо знакомы с Марксом и Энгельсом и, без сомнения, осведомлены о всех деталях немецкого коммунистического объединения.* Вы чрезвычайно обязали бы нас, если бы могли дать нам необходимые сведения об этом и захотели бы более точно указать тех лиц, которые виновны или невиновны. Этим Вы могли бы содействовать освобождению многих людей. Если Вы хотите, то мы можем составить акт по поводу Вашего заявления. Вам нечего опасаться такого заявления» и т. д.

Шрамм, конечно, указал на дверь этому медоточивому чиновнику прусского государства, выразил протест французскому министерству против подобных посещений и был в конце октября выслан из Франции.

О том, что Шрамм принадлежал к «партии Маркса», прусская полиция знала из найденного у Дица заявления о выходе из Общества рабочих. О том, что «партия Маркса» не имела никакого касательства к заговору Шерваля, прусская полиция сама призналась Шрамму. Если и могла быть доказана связь между «партией Маркса» и заговором Шерваля, то это не могло произойти в Кёльне, а только в Париже, где одновременно с Шервалем сидел под арестом член этой партии. Но прусское правительство больше всего боялось очной ставки между Шервалем и Шраммом, так как эта очная ставка заранее уничтожила бы все результаты, которые оно надеялось извлечь против кёльнских обвиняемых из парижского процесса. Освобождая Шрамма, французский судебный следователь тем самым вынес вердикт, признающий, что кёльнский процесс не имеет ничего общего с парижским заговором.

Штибер делает последнюю попытку:

«Что касается вышеупомянутого главаря французских коммунистов, Шерваля, то долгое время безуспешно старались разузнать, кто, собственно, такой этот Шерваль. Наконец, из конфиденциального заявления, сделанного самим Марксом одному полицейскому агенту, выяснилось, что это — человек, который в 1845 г. бежал из ахенской тюрьмы, где он

* — французско-немецком заговоре. *Ред.*

содержался за подделку векселей, в 1848 г. во время тогдашних беспорядков был принят Марксом в Союз и отправился в качестве эмиссара Союза в Париж».

Маркс не мог сообщить полицейскому агенту Штибера, этому spiritus familiaris*, что он в 1848 г. принял в Кёльне Шерваля в Союз, в который Шаппер принял его уже в 1846 г. в Лондоне, или что он заставлял его жить в Лондоне и в то же самое время лично вести пропаганду в Париже, так же как и не мог он до показания Штибера сообщить его alter ego**, собственно полицейскому агенту, что Шерваль в 1845 г. сидел в Ахене в тюрьме и подделывал векселя, ибо он узнал об этом именно из показания Штибера. Подобного рода hysteron proteron*** позволительна разве какому-нибудь Штиберу. Античный мир оставил после себя *умирающего гладиатора,* прусское государство оставляет после себя *присягающего Штибера*****.

Итак, долгое, очень долгое время безуспешно старались разузнать, кто, собственно, такой Шерваль. Вечером 2 сентября Штибер прибыл в Париж. Вечером 4-го Шерваль был арестован, вечером 5-го его привели из его камеры в тускло освещенное помещение. Там был Штибер, а рядом со Штибером находился еще французский полицейский чиновник, эльзасец, который хотя и говорил на ломаном немецком языке, но прекрасно понимал немецкую речь и обладал полицейской памятью; притворно подобострастный берлинский полицейский советник показался ему не особенно приятным. Итак, в присутствии этого французского чиновника произошел следующий разговор:

Штибер, по-немецки: «Послушайте, г-н Шерваль, мы прекрасно знаем, что означают Ваша французская фамилия и ирландский паспорт. Мы Вас знаем, Вы житель Рейнской Пруссии. Вас зовут К., и только от Вас самого зависит избавить себя от всяких последствий; этого можно достичь тем, что Вы совершенно откровенно нам во всем признаетесь» и т. д. и. т. д.

Шерваль ответил отказом.

Штибер: «Такие-то и такие-то лица, которые подделывали векселя и бежали из прусских тюрем, были выданы французскими властями Пруссии, и поэтому я еще раз повторяю Вам, подумайте, здесь дело идет о 12 годах одиночного заключения».

Французский полицейский чиновник: «Мы дадим этому человеку время, пусть он поразмыслит в своей камере».

Шерваля отвели обратно в его камеру.

* — семейному гению, хранителю домашнего очага. *Ред.*

** — второму «я». *Ред.*

*** Ошибка, состоящая в принятии последующего и позднейшего (hysteron) за первичное и предшествующее (proteron); извращение действительной последовательности. *Ред.*

**** игра слов: «Stieber» значит также «ищейка», «сыщик». *Ред.*

Штибер, конечно, не мог говорить напрямик, он не мог признаться публике, что он пытался вынудить у Шерваля ложные показания, пугая его призраком выдачи и двенадцатилетнего одиночного заключения.

Однако Штибер все еще не разузнал, кто, собственно, такой Шерваль. Перед присяжными он все еще называет его Шервалем, а не К. Более того. Он не знает также, где, собственно, находится Шерваль. В заседании от 23 октября он все еще предполагает, что тот находится в Париже. В заседании от 27 октября прижатый к стене вопросом адвоката Шнейдера II: «Не находится ли неоднократно упоминавшийся Шерваль в настоящее время в Лондоне?», Штибер ответил, что «он не может сообщить по этому поводу никаких сведений, а может лишь повторить слух, будто Шерваль скрылся в Париже».

Прусское правительство постигла его обычная участь: оно было одурачено. Французское правительство разрешило ему таскать из огня каштаны немецко-французского заговора, но не разрешило ему их есть. Шерваль сумел снискать к себе расположение французского правительства; и оно предоставило ему возможность через несколько дней по окончании разбирательства дела в парижском суде присяжных бежать вместе с Гипперихом в Лондон. Прусское правительство рассчитывало приобрести в лице Шерваля орудие для кёльнского процесса, но оно лишь завербовало еще одного агента для французского правительства[296].

За день до мнимого бегства Шерваля к нему явился некий прусский faquin* в черном фраке, манжетах, с черными торчащими усами, с коротко подстриженными редкими седеющими волосами, одним словом, недурной собой мужчина, который потом был ему представлен как полицейский лейтенант Грейф и сам вслед за тем также отрекомендовался Грейфом. К Шервалю Грейф был допущен по пропуску, который он получил непосредственно от министра полиции в обход префекта полиции. Министру полиции улыбалась мысль провести любезных его сердцу пруссаков.

Грейф: «Я прусский чиновник, присланный сюда, чтобы вступить с Вами в переговоры; Вам никогда не выйти отсюда без нас. Я делаю Вам предложение. Потребуйте в заявлении на имя французского правительства, чтобы Вас выдали Пруссии; согласие на это нам заранее обещано. Вы нам там нужны в качестве свидетеля в Кёльне. Когда вы исполните свой долг и дело будет кончено, мы выпустим Вас под честное слово на свободу».

Шерваль: «Я и без вас выйду».

Грейф, уверенно: «Это невозможно!»

* — проходимец, нахал. *Ред.*

Грейф вызвал также Гипперих и предложил ему поехать на пять дней в Ганновер в качестве коммунистического эмиссара. И это предложение также не имело успеха. На следующий день Шерваль и Гипперих бежали. Французские чиновники ухмылялись, депеша об этом несчастном происшествии была уже отправлена в Берлин, а Штибер 23 октября все еще показывал под присягой, что Шерваль находится в Париже; даже 27 октября он не мог сообщить никаких сведений и только по слухам знал, что Шерваль скрылся «в Париже». Тем временем полицейский лейтенант Грейф во время судебного разбирательства в Кёльне три раза посетил Шерваля в Лондоне, между прочим, чтобы выведать у него парижский адрес Нетте, у которого рассчитывали купить свидетельское показание против кёльнцев. Но из этого ничего не вышло.

У Штибера имелись основания оставлять в тени свои отношения с Шервалем. Поэтому К-р все еще остается Шервалем, пруссак остался ирландцем, и Штибер и по сей день еще не знает, где находится Шерваль и «кто, собственно, такой Шерваль»*.

В переписке Шерваля с Гипперихом трио Зеккендорф — Зедт — Штибер приобрело, наконец, то, что ему было нужно:

«Мне образцом был Карл Моор
И Ганс по кличке живодер»[298].

Для того чтобы письмо Шерваля к Гипперих как следует запечатлелось в неподатливых мозгах 300 главных налогоплательщиков, которые представляют суд присяжных, оно удостоилось чести быть прочитанным три раза. За его простодушным цыганским пафосом всякий сведущий человек тотчас же распознал бы уловки шута, старающегося казаться страшным самому себе и другим.

* Даже в «черной книге»[297] Штибер еще не знает, кто, собственно, такой Шерваль. Во второй части на стр. 38 под № 111 значится «Шерваль» и дана отсылка: «см. Кремер», а под № 116 «Кремер», сказано: «развил под именем Шерваль, как это видно из № 111, очень широкую деятельность в интересах Союза коммунистов. Носил также союзную кличку Франк. Под именем Шерваля был приговорен парижским судом присяжных в феврале 1853 г.» (нужно 1852 г.) «к 8 годам тюремного заключения, но вскоре бежал и отправился в Лондон». Столь неосведомленным оказывается Штибер во второй части книги, в которой содержится указатель персональных сведений о подозрительных лицах, расположенных по алфавиту и снабженных порядковыми номерами. Он уже забыл, что в первой части на стр. 81 у него вырвалось следующее признание: «Шерваль, собственно, сын рейнского чиновника по имени Йозеф Кремер, который» (вот именно, который? Отец или сын?) «злоупотребил своим ремеслом литографа, подделав векселя, за что и был арестован, но в 1844 г. бежал из кёльнской тюрьмы» (неверно, из ахенской!) «сначала в Англию, а впоследствии в Париж». — Сравните это с приведенными выше показаниями Штибера перед присяжными. Полиция абсолютно неспособна когда-либо говорить правду. *(Примечание Энгельса к изданию 1885 г.)*

Далее, Шерваль и его товарищи разделяли общие надежды демократии на чудодейственную силу второго воскресенья мая 1852 года[299]; они решили принять в этот день участие в революционных событиях. Шмидт-Флёри постарался придать этой навязчивой идее форму плана. Таким образом Шерваль и К° подпали под юридическую категорию заговора. Так с их помощью были добыты доказательства того, что если кёльнские обвиняемые и не составили заговора против прусского правительства, то во всяком случае против Франции партией Шерваля, очевидно, был составлен заговор.

Прусское правительство пыталось сфабриковать при посредстве Шмидта-Флёри показную связь между парижским заговором и кёльнскими обвиняемыми, которую Штибер должен был подтвердить под присягой. Штибер — Грейф — Флёри — эта троица играет главную роль в заговоре Шерваля. Позже мы снова увидим ее за работой.

Мы резюмируем:

А — республиканец, Б также называет себя республиканцем. А и Б находятся во враждебных отношениях. Б по поручению полиции строит адскую машину. А за это привлекается к суду. Если адскую машину строил не А, а Б, то вина А заключается в том, что он находится во враждебных отношениях к Б. Чтобы уличить А, Б вызывается свидетелем против него. Такова была комическая сторона заговора Шерваля.

Понятно, что подобная логика потерпела крах перед публикой. «Фактические» разоблачения Штибера испарились в зловонных миазмах; дело остановилось на жалобном признании обвинительного сената в том, что «нет объективного состава преступления». Потребовались новые полицейские чудеса.

IV
ПОДЛИННАЯ КНИГА ПРОТОКОЛОВ

В заседании от 23 октября председатель* замечает, что, «как заявил ему полицейский советник Штибер, последний должен дать еще новые важные показания», и с этой целью он опять вызывает вышеуказанных свидетелей. Штибер выскакивает вперед и кладет начало новой мизансцене.

До сих пор Штибер характеризовал деятельность партии Виллиха — Шаппера, или, короче говоря, партии Шерваля, — деятельность этой партии *до* и *после* ареста кёльнских обвиняемых. О самих обвиняемых ни *до* их ареста, ни *после* этого Штибер ничего не говорил. Заговор Шерваля возник после ареста данных обвиняемых, и Штибер теперь заявляет:

«До сих пор в своих показаниях я характеризовал положение дел в Союзе коммунистов и деятельность его членов только *до ареста* данных обвиняемых».

Он, таким образом, признает, что заговор Шерваля не имеет никакого отношения «к положению дел в Союзе коммунистов и деятельности его членов». Он признает *полную никчемность* показаний, сделанных им до сих пор. Он настолько безразличен к своим показаниям от 18 октября, что считает излишним продолжать отожествлять Шерваля с «партией Маркса».

«Прежде всего», — говорит он, — «существует еще фракция Виллиха, из которой до сих пор схвачен только Шерваль в Париже и т. д.»

Ага! Значит, главный вожак, Шерваль, является вожаком виллиховской фракции.

Но Штибер сейчас должен сделать *наиважнейшие сообщения, не только наиновейшие,* но и *наиважнейшие.* Наиновейшие и наиважнейшие! Эти наиважнейшие сообщения потеряли бы свою важность, если бы не была подчеркнута неважность сделанных до сих пор показаний. До сих пор, собственно,

* — Гёбель. *Ред.*

я ничего не сообщил, дает понять Штибер, и только теперь я начинаю. Внимание! До сих пор я сообщал о партии Шерваля, враждебной обвиняемым, что, собственно говоря, к делу не относится. Теперь я сообщу о «партии Маркса», о которой только и идет речь в этом процессе. Однако столь просто Штибер не мог высказаться. И поэтому он говорит: «До сих пор я характеризовал Союз коммунистов *до* ареста обвиняемых, теперь я охарактеризую его *после* ареста обвиняемых». Со свойственной лишь ему виртуозностью он умеет даже чисто риторической фразе придать характер лжеприсяги.

После ареста кёльнских обвиняемых Маркс якобы создал новый Центральный комитет.

«Это явствует из показания одного полицейского агента, которого уже покойный полицейдиректор Шульц сумел незаметно ввести в лондонский Союз и устроить в непосредственной близости к Марксу».

Этот новый Центральный комитет вел книгу протоколов, и эта *«подлинная книга протоколов»* находится теперь в руках Штибера. Подлинная книга протоколов подтверждает ужасные козни в Рейнской провинции, в Кёльне, даже в самом зале суда. В ней содержится доказательство продолжавшейся сквозь тюремные стены переписки обвиняемых с Марксом. Одним словом: архив Дица был Ветхим заветом, подлинная же книга протоколов — это Новый завет. Ветхий завет был упакован в прочную, клеенку. Новый же завет переплетен в ужасный красный сафьян. Красный сафьян во всяком случае является demonstratio ad oculos*, но мир в настоящее время является еще более неверующим, чем во времена Фомы; он не верит даже тому, что видит. Кто теперь еще верит Ветхому или Новому заветам, с тех пор как открыта религия мормонов[300]? Но и это предусмотрел Штибер, который не совсем чужд религии мормонов.

«Мне, конечно», — говорит мормон Штибер, — «мне, конечно, могли бы возразить, что все это только россказни презренных полицейских агентов, но», — показывает под присягой Штибер, — «но у меня имеются исчерпывающие доказательства правдивости и надежности сделанных ими сообщений».

Подумайте только! Доказательства правдивости и доказательства надежности! Да еще исчерпывающие доказательства! *Исчерпывающие* доказательства! А каковы эти доказательства?

Штибер давно знал,

«что между Марксом и находившимися в предварительном заключении обвиняемыми ведется тайная переписка, но я не мог напасть на ее

* — наглядным доказательством. *Ред.*

след. Но в *прошлое воскресенье* ко мне явился *экстренный курьер из Лондона с* сообщением, что, наконец, удалось обнаружить тайный адрес, по которому велась эта переписка; это — адрес здешнего купца Д. Котеса, проживающего на Старом рынке. Этот же курьер доставил мне подлинную книгу протоколов, которая велась лондонским Центральным комитетом; эту книгу удалось получить за деньги у одного из членов Союза».

И вот Штибер завязывает сношения с полицейдиректором Гейгером и с дирекцией почты.

«Были приняты необходимые меры предосторожности, и уже *через два дня* вечерняя почта доставила из Лондона письмо, адресованное Котесу. *По распоряжению обер-прокуратуры* письмо было конфисковано и распечатано. В нем была найдена написанная рукой Маркса инструкция на 7 страницах адвокату Шнейдеру II. Письмо содержит указание, как должна быть проведена защита... На оборотной стороне ппсьма значилось большое латинское В. С письма была снята копия, часть подлинника, которую легко было отделить, была сохранена вместе с *подлинным конвертом.* Затем письмо было запечатано в конверт; в таком виде его получил приезжий полицейский чиновник вместе с поручением явиться к Котесу, отрекомендоваться ему эмиссаром Маркса» и т. д.

Далее Штибер описывает мерзкую полицейско-лакейскую комедию, как приезжий полицейский чиновник изображал эмиссара Маркса и т. д. 18 октября арестовывают Котеса и через 24 часа он заявляет, что латинское В на адресе, обозначенном внутри письма, означает Бермбах. 19 октября аресту подвергается Бермбах и дома у него производится обыск. 21 октября Котес и Бермбах снова оказываются на свободе.

Штибер дал это показание в субботу 23 октября. *«В прошлое воскресенье»,* то есть в воскресенье 17 октября, прибыл экстренный курьер с адресом Котеса и с подлинной книгой протоколов; через два дня после прибытия курьера, т. е. 19 октября, было получено письмо, адресованное Котесу. По ведь Котес был арестован уже 18 октября в связи с письмом, которое ему 17 октября передал приезжий полицейский чиновник. Таким образом, письмо к Котесу пришло на два дня раньше прибытия курьера с адресом Котеса, или же Котес был арестован 18 октября из-за письма, которое он получил только 19 октября. Что это — хронологическое чудо?

Позднее, прижатый к стене адвокатурой Штибер заявляет, что курьер с адресом Котеса и подлинной книгой протоколов прибыл 10 октября. Почему 10 октября? Потому что 10 октября также приходится на воскресенье и по отношению к 23 октября точно так же являлось уже «прошлым» воскресеньем, поэтому сохраняется в силе первоначальное заявление относительно прошлого воскресенья и с этой стороны лжеприсяга остается

завуалированной. Но в таком случае письмо было получено не через два дня, а через целую неделю после прибытия курьера. Объектом лжеприсяги становится теперь письмо, вместо курьера. Со штиберовскими присягами происходит то же самое, что с лютеровским крестьянином. Если ему помогают взобраться на лошадь с одной стороны, то он падает с нее с другой[301].

Наконец, в заседании 3 ноября полицейский лейтенант Гольдхейм из Берлина заявляет, что полицейский лейтенант Грейф из Лондона передал Штиберу книгу протоколов в присутствии его и полицейдиректора Вермута 11 октября, следовательно, в понедельник. Таким образом, Гольдхейм обвиняет Штибера в двойной лжеприсяге.

Маркс сдал на почту письмо к Котесу, как это доказывает подлинный конверт с лондонским почтовым штемпелем, в четверг, 14 октября. Письмо, таким образом, должно было прибыть в пятницу вечером, 15 октября. Курьер, который за два дня до получения письма привез адрес Котеса и подлинную книгу протоколов, должен был, следовательно, явиться в среду, 13 октября. Но он не мог прибыть ни 17 октября, ни 10-го, ни 11-го.

Во всяком случае Грейф в качестве курьера привез Штиберу из Лондона его подлинную книгу протоколов. Что это была за книга, Штибер знал так же хорошо, как и его коллега Грейф. Поэтому он медлил представить ее суду, так как здесь речь шла уже не о показаниях, добытых за тюремными решетками Мазаса[302]. В этот момент было получено письмо Маркса. Это оказалось весьма на руку Штиберу. Котес играл лишь роль адреса, так как само письмо предназначалось не Котесу, а латинскому **В,** указанному на оборотной стороне вложенного в запечатанный конверт письма. Таким образом, Котес был фактически всего лишь адресом. Но предположим, что это — *конспиративный* адрес. Предположим далее, что это — тот конспиративный адрес, по которому Маркс переписывается с кёльнскими обвиняемыми. Предположим, наконец, что наши лондонские агенты послали с тем же самым курьером одновременно и подлинную книгу протоколов и этот конспиративный адрес, письмо же было получено через два дня после приезда курьера с адресом и книгой протоколов. Таким образом, мы одним выстрелом убиваем двух зайцев. Во-первых, мы доказываем существование тайной переписки с Марксом, во-вторых, мы доказываем достоверность подлинной книги протоколов. Достоверность подлинной книги протоколов доказана правильностью адреса, правильность адреса доказана письмом. Надежность и правдивость наших агентов доказана адресом и письмом,

достоверность подлинной книги протоколов доказывается надежностью и правдивостью наших агентов. Quod erat demonstrandum*. Затем последует веселая комедия с приезжим полицейским чиновником; затем таинственные аресты — публика, присяжные и сами подсудимые будут поражены словно громом.

Но почему же Штибер не заставил своего *экстренного курьера* прибыть 13 октября, что было бы так легко сделать? Потому что иначе он не был бы экстренным, потому что хронология, как мы видели, является слабым местом прусского полицейского советника, а заглядывать в обыкновенный календарь он считает ниже своего достоинства. Кроме того, подлинный конверт письма он сохранил у себя; кто, таким образом, мог бы распутать это дело?

Однако в своем показании Штибер заранее скомпрометировал себя тем, что умолчал об одном факте. Если бы его агенты знали адрес Котеса, то они знали бы также и того человека, который скрывался за таинственным В на оборотной стороне находящегося внутри конверта письма. Штибер был так мало посвящен в тайны латинского **В,** что он 17 октября приказал обыскать в тюрьме Беккера, чтобы найти у него письмо Маркса. Только из показания Котеса он узнал, что буквой **В** обозначался Бермбах.

Но каким образом попало письмо Маркса в руки прусского правительства? Очень просто. Прусское правительство регулярно вскрывает доверенные его почте письма, а во время кёльнского процесса оно занималось этим с особенным усердием. Ахен и Франкфурт-на-Майне многое могут об этом порассказать. Ускользнет ли от него то или иное письмо или оно попадет ему в руки — дело чистого случая.

Вместе с подлинным курьером отпала также подлинная книга протоколов. Но Штибер, конечно, об этом еще не подозревал в заседании 23 октября, когда он с торжествующим видом делился своими откровениями о содержании Нового завета, красной книги. Ближайшим результатом его показаний был вторичный арест Бермбаха, который в качестве свидетеля присутствовал на судебных заседаниях.

Почему Бермбах был арестован вторично?

Из-за найденных у него документов? Нет, поскольку после произведенного у него обыска он снова был освобожден. Он был арестован через 24 часа после ареста Котеса. Если бы, следовательно, у него имелись компрометирующие его документы, то они, безусловно, исчезли бы. Почему же был арестован

* — что и требовалось доказать. *Ред.*

свидетель Бермбах, между тем как свидетели Хенце, Хетцель, Штейнгенс, которые, как было установлено, либо знали о деятельности Союза, либо принимали в нем участие, спокойно оставались на скамье свидетелей?

Бермбах получил письмо от Маркса, содержавшее только критику обвинения и ничего больше. Штибер признал этот факт, так как письмо лежало перед присяжными. Он только следующим образом изложил этот факт в своей полицейско-гиперболической манере: «Сам Маркс оказывает из Лондона постоянное влияние на настоящий процесс». И присяжные задавали самим себе вопрос, подобный тому, который Гизо задавал своим избирателям: Est-ce quo vous vous sentez corrompus?* Итак, почему же был арестован Бермбах? Прусское правительство с самого начала следствия стремилось *в принципе систематически* лишать обвиняемых средств защиты. Адвокатам, как они заявили об этом в публичном заседании, в прямом противоречии с законом было запрещено сноситься с обвиняемыми даже после вручения последним обвинительного акта. С 5 августа 1851 г. в руках у Штибера, согласно его собственному признанию, находился архив Дица. Однако архив Дица не был приобщен к обвинительному акту. Он был предан огласке только 18 октября 1852 г. в ходе публичного заседания, и притом лишь в той мере, в какой это казалось выгодным Штиберу. Нужно было огорошить, захватить врасплох присяжных, обвиняемых, публику; нужно было оставить адвокатов безоружными перед лицом полицейских сюрпризов.

А как стали усердствовать после предъявления подлинной книги протоколов! Прусское правительство страшно боялось разоблачений. Бермбах же получил от Маркса материал для защиты: нетрудно было предположить, что он мог получить разъяснения относительно книги протоколов. Его арестом было провозглашено новое преступление, состоявшее в переписке с Марксом, и было установлено, что преступление это карается тюремным заключением. Это должно было удержать каждого прусского гражданина от того, чтобы давать свой адрес. A bon entendeur demi mot**. Бермбах был *заключен* для того, чтобы *исключить* материалы для защиты. И Бермбах сидит пять недель. Если бы его освободили тотчас же по окончании процесса, то прусские суды открыто признали бы свое безропотное, рабское подчинение прусской полиции. Бермбах сидел ad majorem gloriam*** прусских судей.

* — Чувствуете ли вы себя подкупленными? *Ред.*
** — Понимающему достаточно полуслова. *Ред.*
*** — для вящей славы. *Ред.*

Штибер показывает под присягой, что

«Маркс после ареста кёльнских обвиняемых снова собрал воедино обломки своей партии в Лондоне и образовал приблизительно из восемнадцати человек новый Центральный комитет» и т. д.

Эти обломки никогда не разваливались, а были настолько собраны воедино, что с сентября 1850 г. они постоянно составляли private society*. Одним высочайшим повелением Штибер заставляет их исчезнуть, чтобы после ареста кёльнских обвиняемых другим высочайшим повелением вновь вызвать их к жизни, и притом в виде нового Центрального комитета.

В понедельник, 25 октября, «Kolnische Zeitung» с отчетом о показаниях Штибера от 23 октября была получена в Лондоне.

«Партия Маркса» не образовывала нового Центрального комитета и не вела протоколов своих собраний. Она тотчас же сообразила, что Новый завет сфабрикован главным образом *Вильгельмом Гиршем из Гамбурга.*

В начале декабря 1851 г. Гирш появился в «обществе Маркса» в качестве коммунистического эмигранта. Но в это же время письма из Гамбурга разоблачили его как шпиона. Однако было решено некоторое время терпеть его в обществе, наблюдать за ним и получить доказательства его вины или невиновности. На собрании 15 января 1852 г. было зачитано письмо из Кёльна, в котором один друг Маркса сообщал об очередной отсрочке процесса и о том, как трудно даже родственникам добиться свидания с арестованными. При этом упоминалась супруга д-ра Даниельса. Примечательным было то, что после этого заседания Гирша не было видно ни в «непосредственной близости», ни в отдалении. 2 февраля 1852 г. Маркс получил из Кёльна извещение о том, что у супруги д-ра Даниельса был произведен обыск по полицейскому доносу; согласно этому доносу, письмо г-жи Даниельс к Марксу было якобы прочитано в лондонском коммунистическом обществе и Марксу было поручено ответить супруге д-ра Даниельса, что он, Маркс, занимается реорганизацией Союза в Германии и т. д. Этот донос дословно воспроизведен на первой странице подлинной книги протоколов. — Маркс сразу же ответил, что так как г-жа Даниельс никогда ему не писала, то он не мог прочитать ее письма к нему. Весь донос является измышлением некоего Гирша, бесчестного молодого человека, которому ничего не стоит за наличные деньги сочинить для прусской полиции сколько ей угодно небылиц.

* — частное общество, круг частных лиц. *Ред.*

Начиная с 15 января Гирш исчез, не появляясь на собраниях: теперь он был окончательно исключен из общества. Одновременно было решено переменить помещение, где собиралось общество, и день собраний. До сих пор собирались на Фаррингтон-стрит. Сити, у Дж. У. Мастерса, Маркет-хаус, по *четвергам.* Теперь день собраний был перенесен на *среду,* а место в таверну «Роза и Корона», Краун-стрит, Сохо. Гирш, которого «полицейдиректор Шульц сумел незаметно устроить в непосредственной близости к Марксу», несмотря на эту «близость», даже спустя восемь месяцев не знал ни помещения, где собиралось общество, ни дня собраний. Как до, так и после февраля, фабрикуя свою *«подлинную книгу протоколов»,* он упорно относил заседания к четвергам и помечал их четвергами. Стоит только обратиться к «Kolnische Zeitung», как мы обнаружим: протокол от 15 января (четверг), то же от 29 января (четверг), от 4 марта (четверг), от 13 мая (четверг), от 20 мая (четверг), от 22 июля (четверг), от 29 июля (четверг), от 23 сентября (четверг) и от 30 сентября (четверг).

Хозяин таверны «Роза и Корона» сделал перед полицейским судьей на Марльборо-стрит заявление о том, что «общество д-ра Маркса» с февраля 1852 г. собирается у него каждую среду. Либкнехт и Рингс, выдаваемые Гиршем за секретарей, составивших его подлинную книгу протоколов, удостоверили свои подписи перед тем же мировым судьей. Наконец, были добыты протоколы, которые Гирш вел в рабочем обществе Штехана[303], так что можно было сравнить его почерк с почерком, которым написана подлинная книга протоколов.

Таким образом, было доказано, что подлинная книга протоколов является подделкой, и при этом не было даже необходимости вдаваться в критику ее содержания, которое уничтожает себя своими собственными противоречиями.

Трудность заключалась в доставке документов адвокатам. Прусская почта была лишь сторожевой заставой*, расставленной от границ прусского государства до Кёльна, чтобы отрезать защитников от подвоза оружия.

Пришлось прибегнуть к обходным путям, и первые документы, высланные 25 октября, могли быть получены в Кёльне только 30 октября.

Поэтому адвокатам пришлось сначала ограничиваться только теми скудными средствами защиты, которые были им доступны в Кёльне. Первый удар Штибер получил с той стороны, с которой

* Игра слов; «Post» — «почта»; «Vorposten» — «сторожевая застава», «форпост». *Ред.*

он его совершенно не ждал. Советник юстиции Мюллер, отец супруги д-ра Даниельса, уважаемый юрист и известный своим консервативным образом мыслей бюргер, выступил в «Kolnische Zeitung» от 26 октября с заявлением, что его дочь никогда не состояла в переписке с Марксом и что подлинная книга Штибера представляет собой «мистификацию». Отправленное 3 февраля 1852 г. в Кёльн письмо, в котором Маркс называет Гирша полицейским шпиком и субъектом, фабриковавшим ложные полицейские донесения, было случайно найдено и доставлено защитникам. В заявлении «партии Маркса» о выходе из Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит, находившемся в архиве Дица, оказался образец подлинного почерка В. Либкнехта. Наконец, адвокат Шнейдер II получил от секретаря кёльнского управления попечительства о бедных Бирнбаума подлинные письма Либкнехта и от частного письмоводителя Шмица подлинные письма Рингса. В секретариате суда адвокаты сравнили книгу протоколов — с одной стороны, с почерком Либкнехта в заявлении о выходе, с другой стороны, с письмами Рингса и Либкнехта.

Штибер, обеспокоенный уже заявлением советника юстиции Мюллера, получил сведения о предвещавшем беду исследовании почерков. Чтобы предотвратить грозивший удар, он опять выскакивает вперед в заседании от 27 октября и заявляет:

«Ему казалось очень подозрительным то обстоятельство, что имеющаяся в книге подпись Либкнехта сильно отличается от другой его подписи, уже встречавшейся в документах. Он поэтому стал наводить более подробные справки и узнал, что лицо, подписавшее данные протоколы, это Г. Либкнехт, между тем как перед фамилией Либкнехта, встречавшейся в документах, стоит буква **В**».

На вопрос адвоката Шнейдера II: «Кто сказал ему о том, что существует также Г. Либкнехт», Штибер отказывается отвечать. Шнейдер II спрашивает его далее о личности Рингса и Ульмера, фамилии которых фигурируют в книге протоколов в качестве секретарей рядом с фамилией Либкнехта. Штибер чувствует новую ловушку. Три раза он делает вид, что не слышит вопроса, старается скрыть свою растерянность и вновь обрести присутствие духа, три раза ни с того, ни с сего повторяет, как он получил книгу протоколов. Наконец, запинаясь, он бормочет, что Рингс и Ульмер, вероятно, не настоящие имена, а лишь *«союзные клички».* Постоянно повторяющееся в книге протоколов упоминание г-жи Даниельс как корреспондентки Маркса Штибер объясняет тем, что, может быть, нужно *читать:* супруга д-ра Даниельса, а *подразумевать* под этим

помощника нотариуса Бермбаха. Адвокат фон Хонтхейм задает ему вопрос о Гирше. Штибер показывает под присягой:

«Он не знает также и этого Гирша. Но что это не прусский агент, как ходят слухи, следует из того, что со стороны Пруссии за этим самым Гиршем было установлено наблюдение».

По знаку Штибера Гольдхейм стрекочет, что «в октябре 1851 г. он был послан в Гамбург для поимки Гирша». Мы увидим, как этот самый Гольдхейм на следующий же день посылается в Лондон для поимки того же Гирша. Итак, тот же самый Штибер, который утверждает, что купил за наличные деньги у эмигрантов архив Дица и подлинную книгу протоколов, тот же самый Штибер теперь утверждает, что Гирш не может быть прусским агентом, потому что он эмигрант! Ему достаточно быть эмигрантом, чтобы, в зависимости от надобности, Штибер гарантировал либо его абсолютную продажность, либо его абсолютную неподкупность. Но разве Флёри, которого сам Штибер в заседании от 3 ноября объявляет полицейским агентом, разве этот самый Флёри не является политическим эмигрантом?

После того как в его подлинной книге протоколов были пробиты со всех сторон бреши, Штибер 27 октября с классическим бесстыдством заявляет, что *«он более чем когда-либо твердо убежден в подлинности книги протоколов».*

В заседании от 29 октября эксперт сравнивает переданные Бирнбаумом и Шмицем письма Либкнехта и Рингса с книгой протоколов и заявляет, что подписи в книге протоколов *поддельные.*

В обвинительной речи обер-прокурор Зеккендорф заявляет:

«Приведенные в книге протоколов данные согласуются с данными, полученными другим путем. Однако прокуратура абсолютно не в состоянии доказать подлинность книги».

Книга эта подлинная, но доказательства подлинности отсутствуют. Новый завет! Зеккендорф продолжает:

«Защита, однако, сама доказала, что в книге содержится, по крайней мере, много истинного, так как в ней имеются сведения о деятельности упомянутого там Рингса, о чем до сих пор никто ничего не знал».

Если до сих пор никто ничего не знал о деятельности Рингса, то и книга протоколов не дает об этом никаких сведений. То, что там сказано о деятельности Рингса, таким образом не могло свидетельствовать в пользу *содержания* книги протоколов, а в отношении ее формы служило доказательством того, что подпись одного из членов «партии Маркса» *поистине* там

подделана. Сказанное о Рингсе, таким образом, доказывает, употребляя выражение Зеккендорфа, «что в книге содержится, по крайней мере, много истинного», — а именно *истинный подлог.* Обер-прокуратура (Зедт — Зеккендорф) и дирекция почты вместе со Штибером вскрыли письмо к Котесу. Они знали, следовательно, день прибытия письма; они знали, таким образом, что Штибер совершил клятвопреступление, когда он показывал под присягой сначала, что курьер прибыл 17-го, потом, что он прибыл 10 октября, получение же письма сначала относил к 19-му, а затем к 12-му. Они были его сообщниками.

В заседании от 27 октября Штибер тщетно пытался сохранить присутствие духа. Он опасался, что из Лондона в любой день могут быть получены обличительные документы. Штибер чувствовал себя плохо, и так же плохо чувствовало себя воплощенное в нем прусское государство. Разоблачение перед публикой достигало опасных размеров. Поэтому полицейский лейтенант Гольдхейм был послан 28 октября в Лондон для спасения отечества. Что делал Гольдхейм в Лондоне? Он пытался при содействии Грейфа и Флёри побудить Гирша приехать в Кёльн и под именем *Г. Либкнехта* подтвердить под присягой подлинность книги протоколов. Гиршу была предложена государственная пенсия, выплачиваемая по всей форме. Однако полицейский инстинкт у Гирша был развит не хуже, чем у Гольдхейма. Гирш знал, что он не прокурор, не полицейский лейтенант, не полицейский советник и поэтому не имеет привилегии на клятвопреступление. Гирш предчувствовал, что его оставят без всякой поддержки, если дело примет дурной оборот. Гирш не захотел превращаться в козла*, а тем более в козла отпущения. Гирш категорически отказался. Но за христианско-германским правительством Пруссии остается слава, что оно пыталось нанять лжесвидетеля в уголовном процессе, в котором дело шло о головах его обвиняемых соотечественников.

Гольдхейм возвращается, таким образом, в Кёльн, не достигнув никаких результатов.

В заседании от 3 ноября после окончания обвинительной речи и перед началом защиты Штибер, оказавшись в критическом положении, выскакивает вперед:

«Он», — показывает под присягой Штибер, — «должен был произвести дальнейшие расследования, касающиеся книги протоколов. Он послал полицейского лейтенанта Гольдхейма из Кёльна в Лондон с поручением произвести это расследование. Гольдхейм уехал 28 октября, а вернулся 2 ноября. Гольдхейм находится здесь».

* Игра слов; Hirsch — фамилия, «Hirsch» — «олень». *Ред.*

По знаку своего повелителя выползает Гольдхейм и показывает под присягой, что,

«прибыв в Лондон, он прежде всего обратился к полицейскому лейтенанту Грейфу, который проводил его в городской район Кенсингтон к полицейскому агенту Флёри, к тому самому агенту, который передал книгу Грейфу. Флёри признался в этом ему, свидетелю Гольдхейму, и подтвердил, что он действительно получил книгу от члена партии Маркса по имени Г. Либкнехт. Флёри без колебаний признал расписку Г. Либкнехта о получении денег за книгу. Самого же Либкнехта свидетель не мог поймать в Лондоне, потому что последний, по утверждению Флёри, боялся показываться публично. Он, свидетель, убедился в Лондоне, что, не считая нескольких ошибок, содержание книги *совершенно достоверно.* Ему это, в частности, подтвердили заслуживающие доверия агенты, присутствовавшие на заседаниях у Маркса, но книга эта является не подлинной книгой протоколов, а лишь *записной книжкой с* заметками о том, что происходило на заседаниях у Маркса. Существуют только два пути для объяснения при всем этом не вполне еще выясненного происхождения книги. Либо, как решительно уверяет агент, она действительно является делом рук Либкнехта, который, чтобы скрыть свое предательство, избегал писать своим почерком, либо же агент Флёри получил записки для книги от двух других друзей Маркса, от эмигрантов Дронке и Имандта, и придал этим записям форму подлинной книги протоколов, чтобы поднять цепу на свой товар. Ведь через полицейского агента Грейфа официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри... Свидетель Гольдхейм уверяет, что в Лондоне он убедился, что все, ранее сообщавшееся о тайных заседаниях у Маркса, о связях между Лондоном и Кёльном, о тайной переписке и т. д., вполне соответствует истине. Для доказательства того, насколько хорошо осведомлены прусские агенты в Лондоне и в настоящее время, свидетель Гольдхейм сообщает, что 27 октября у Маркса имело место совершенно секретное заседание; на нем обсуждались меры, которые следует принять против книги протоколов и особенно против весьма неприятного для лондонской партии полицейского советника Штибера. Соответствующие постановления и документ были совершенно секретно отправлены адвокату Шнейдеру II. А именно, среди посланных Шнейдеру II бумаг находится также частное письмо, которое Штибер сам написал в 1848 г. Марксу в Кёльн и которое Маркс держал в большом секрете, потому что он надеялся этим письмом скомпрометировать свидетеля Штибера».

Свидетель Штибер вскакивает и заявляет, что он тогда писал Марксу по поводу наглой клеветы, угрожал ему судом и т. д.

«Ни один человек, кроме меня и Маркса, не может об этом знать, и это, конечно, лучшее доказательство достоверности доставленных из Лондона сообщений».

Итак, по Гольдхейму, подлинная книга протоколов, за исключением неверных частей, является *«совершенно достоверной».* В ее достоверности его убедило главным образом то обстоятельство, что подлинная книга протоколов является вовсе не подлинной книгой протоколов, а лишь *«записной книжкой».* А Штибер? Штибер отнюдь не чувствует себя свалившимся с седьмого неба, наоборот, он чувствует, как тяжесть

сваливается с его сердца. В последнюю минуту, едва только отзвучало последнее слово обвинения и не успело еще прозвучать первое слово защиты, как Штибер уже заставляет подлинную книгу протоколов мгновенно превратиться с помощью своего Гольдхейма в записную книжку. Если двое полицейских уличают друг друга во лжи, то не значит ли это, что они оба служат истине? Штибер использовал Гольдхейма для того, чтобы прикрыть свое отступление.

Гольдхейм показывает под присягой, что, «прибыв в Лондон, он прежде всего обратился к полицейскому лейтенанту Грейфу, который проводил его в городской район Кенсингтон к полицейскому агенту Флёри». Кто же после этого не покажет под присягой, что бедный Гольдхейм вместе с полицейским лейтенантом Грейфом просто выбились из сил, пока они добрались до Флёри в отдаленном городском районе Кенсингтоп! Но полицейский лейтенант Грейф живет в доме полицейского агента Флёри, и именно в верхнем этаже дома Флёри, так что на самом деле не Грейф водил Гольдхейма к Флёри, а, наоборот, Флёри водил Гольдхейма к Грейфу.

«Полицейский агент Флёри в городском районе Кенсингтон»! Какая точность! Можете ли вы еще сомневаться в правдивости прусского правительства, которое раскрывает своих собственных шпионов, указывает их фамилии и местожительство, выдает их с головой! Если книга протоколов — подлог, то обратитесь только к «полицейскому агенту Флёри в Кенсингтоне». Великолепно! К частному письмоводителю Пьеру в 13-м округе. Ведь если хотят точно обозначить того или иного индивида, то называют не только его фамилию, но и его имя. Не *Флёри,* а *Чарлз* Флёри. Указывают род деятельности этого индивида, которую он ведет открыто, а не ту профессию, которой он занимается тайно. Следовательно, *купец Чарлз Флёри,* а не полицейский агент Флёри. А когда хотят сообщить его местожительство, то указывают не только район Лондона, составляющий, собственно, целый город, но район, улицу и номер дома. Таким образом, не полицейский агент Флёри в Кенсингтоне, а *купец Чарлз Флёри, 17, Виктория-род, Кенсингтон.*

Но *«полицейский лейтенант Грейф»,* это, по крайней мере, сказано прямо. Если же, однако, полицейский лейтенант Грейф причисляет себя в Лондоне к персоналу посольства и из лейтенанта превращается в attaché[*], то это такая attachement[**], которая не касается судов. Влечение сердца есть голос судьбы.

[*] — атташе. *Ред.*
[**] — привязанность. *Ред.*

Итак, как уверяет полицейский лейтенант Гольдхейм, полицейский агент Флёри уверяет, что он получил книгу от человека, действительно уверявшего, что он Г. Либкнехт и даже выдавшего Флёри расписку. Гольдхейм только не смог «поймать» этого Г. Либкнехта в Лондоне. Гольдхейм мог, таким образом, спокойно оставаться в Кёльне, потому что уверения полицейского советника Штибера не становятся солиднее от того, что они преподносятся только в виде уверений полицейского лейтенанта Гольдхейма, заверенных полицейским лейтенантом Грейфом, которому полицейский агент Флёри, в свою очередь, оказывает услугу, заверяя его уверения.

Не смущаясь своим малоутешительным лондонским опытом, Гольдхейм с присущей ему большой способностью убеждаться, которая должна заменить ему способность рассуждать, *«совершенно»* убежден, что *«все»* то, что показывал под присягой Щтибер о «партии Маркса», о ее связях с Кёльном и т. д., *«все вполне* соответствует истине». Ну, а теперь, когда его подчиненный Гольдхейм выдал ему testimonium paupertatis*, разве теперь полицейский советник Штибер все еще не прикрыт? Одного результата Штибер добился своей манерой давать показания под присягой: он перевернул вверх ногами прусскую иерархию. Вы не верите полицейскому советнику? Хорошо. Он скомпрометировал себя. Но вы в таком случае поверите полицейскому лейтенанту. Вы не верите полицейскому лейтенанту? Еще лучше. В таком случае вам не остается ничего другого, как поверить по крайней мере полицейскому агенту, alias mouchardus vulgaris**. Такую еретическую путаницу понятий создает *присягающий Штибер.*

После того как Гольдхейм доказывал до сих пор, что подлинная книга протоколов, как он убедился в Лондоне, не существует, а относительно существования Г. Либкнехта он может лишь констатировать, что его нельзя «поймать» в Лондоне; после того как именно поэтому он убедился, что *«все»* показания Штибера о «партии Маркса» *«вполне»* соответствуют *«истине»,* он все же, в конце концов, кроме этих отрицательных аргументов, в которых, однако, согласно Зеккендорфу, содержится «много истинного», должен представить и положительный аргумент, показывающий, «насколько хорошо осведомлены прусские агенты в Лондоне и в настоящее время». В виде образчика он приводит сообщение о том, что 27 октября

* — свидетельство о бедности. *Ред.*
** — иначе говоря, обыкновенному шпику. *Ред.*

«у Маркса имело место совершенно секретное заседание». На этом совершенно секретном заседании обсуждались меры против книги протоколов и «весьма неприятного» полицейского советника Штибера. Соответствующие декреты и постановления были «совершенно секретно отправлены адвокату Шнейдеру II».

Хотя прусские агенты присутствовали на этом заседании, путь, которым отправлялись эти письма, остался для них настолько «совершенно секретным», что почта не могла задержать эти письма, несмотря на все усилия. Стоит послушать, как под обветшалыми сводами меланхолично стрекочет сверчок[*]: «Соответствующие письма и документы были совершенно секретно отправлены адвокату Шнейдеру II». Совершенно секретно для секретных агентов Гольдхейма.

Мнимые постановления относительно книги протоколов не могли быть приняты 27 октября на совершенно секретном заседании у Маркса, потому что Маркс уже 25 октября отослал основные данные о подложности книги протоколов, правда, не Шнейдеру II, а г-ну фон Хонтхейму.

Что вообще в Кёльн были посланы документы, это подсказывала полиции не только ее нечистая совесть. 29 октября Гольдхейм прибыл в Лондон. 30 октября он обнаружил в «Morning Advertiser», «Spectator», «Examiner», «Leader», «People's Paper» заявление, подписанное Энгельсом, Фрейлигратом, Марксом и Вольфом[**]; последние обращают в нем внимание английской публики на разоблачения, которые будут сделаны защитой относительно forgery, perjury, falsification of documents[***], — одним словом, относительно гнусностей, совершенных прусской полицией. Отсылка документов была настолько «совершенно секретной», что «партия Маркса» открыто доводила об этом до сведения английской публики, правда, только 30 октября, после приезда Гольдхейма в Лондон и после того как документы были получены в Кёльне.

Однако и 27 октября в Кёльн также посылались документы. Откуда узнала об этом всеведущая прусская полиция?

Прусская полиция действовала не столь совершенно секретно, как «партия Маркса». Напротив, она за несколько недель до этого совершенно открыто водворила двух своих шпиков перед домом Маркса, которые с улицы следили за ним du soir jusqu'au matin, du matin jusqu'au soir[****] и преследовали

[*] Игра слов, основанная на созвучии слова «Heimchen» — «сверчок.» с фамилией Goldheim. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 397—398. *Ред.*
[***] — подлогов, клятвопреступлений, подделок документов. *Ред.*
[****] — с вечера до утра и с утра до вечера. *Ред.*

его по пятам. И вот 27 октября Маркс официально заверил в совершенно гласном полицейском суде на Марльборо-стрит в присутствии репортеров английских газет совершенно секретные документы, содержавшие образцы подлинных почерков Либкнехта и Рингса и показания хозяина таверны «Корона» о дне собраний. Прусские ангелы-хранители следовали за ним от его квартиры до Марльборо-стрит и обратно от Марльборо-стрит до его квартиры и снова от его квартиры до почты. Они исчезли лишь тогда, когда Маркс совершенно секретно направился к полицейскому судье участка, чтобы добиться от него приказа об аресте своих двух «последователей».

Впрочем, у прусского правительства был еще и другой путь. Дело в том, что Маркс послал прямо по почте в Кёльн заверенные 27 октября и помеченные 27 октября документы, чтобы уберечь отосланный *совершенно секретно дубликат* этих документов от когтей прусского орла. Кёльнская почта и полиция знали, таким образом, что документы, помеченные 27 октября, были посланы Марксом, и Гольдхейму незачем было ездить в Лондон, чтобы раскрыть этот секрет.

Гольдхейм чувствует, что, наконец, он должен указать *«именно»* кое-что из того, что «именно» было решено послать Шнейдеру II на «совершенно секретном заседании 27 октября», и он *называет* письмо Штибера, адресованное Марксу. Но, к сожалению, Маркс послал это письмо не 27, а 25 октября, и не Шнейдеру II, а г-ну фон Хонтхейму. Но откуда знала полиция, что у Маркса вообще хранилось еще письмо Штибера и что он пошлет его защите? Пусть же снова выступит Штибер.

Штибер надеется удержать Шнейдера II от оглашения столь для него «неприятного письма», посредством praevenire*. Если Гольдхейм скажет, что мое письмо у Шнейдера II, прикидывает Штибер, да к тому же еще полученное благодаря «преступной связи с Марксом», то Шнейдер II скроет это письмо, чтобы доказать, что агенты Гольдхейма неправильно осведомлены и что сам он не находится в преступной связи с Марксом. Штибер поэтому выскакивает вперед, искажает содержание письма и заканчивает изумительным восклицанием: «Ни один человек, кроме меня и Маркса, не может об этом знать, и это, конечно, *лучшее доказательство достоверности* доставленных из Лондона сообщений».

У Штибера особая манера скрывать неприятные для него секреты. Когда он не говорит, все также должны молчать. Поэтому кроме него и одной пожилой дамы «ни один человек

* — упреждающего действия. *Ред.*

не может знать», что он некогда жил неподалеку от Веймара в качестве ее homme entretenu*. Но если у Штибера были все основания стремиться к тому, чтобы никто, кроме Маркса, не знал о письме, то у Маркса были все основания стремиться к тому, чтобы об этом письме знали все, кроме Штибера. Нам теперь известно *лучшее доказательство* достоверности доставленных из Лондона сообщений. Как же выглядит худшее доказательство Штибера?

Однако Штибер опять-таки сознательно совершает клятвопреступление, когда он, показывая под присягой, говорит: «Ни один человек, кроме меня и Маркса, не может об этом знать». Он знал, что не Маркс, а другой редактор «Neue Rheinische Zeitung» ответил на его письмо[304]. Это во всяком случае был еще «один человек, кроме него и Маркса». Мы приводим здесь это письмо, чтобы о нем узнало еще большее количество людей.

В № 77 «Neue Rheinische Zeitung» помещено корреспондентское сообщение из Франкфурта-на-Майне от 21 декабря, в котором содержится гнусная ложь, будто я отправился в качестве полицейского шпиона во Франкфурт, чтобы под видом человека демократического образа мыслей установить убийц князя Лихновского и генерала Ауэрсвальда. Я действительно 21-го был во Франкфурте, я находился там всего один день с единственной целью урегулировать частное дело здешней жительницы г-жи фон Швецлер, как вы можете видеть из прилагаемого при сем документа; я давно вернулся в Берлин, где я уже много времени тому назад возобновил свою адвокатскую деятельность. Впрочем, я отсылаю Вас к официальному опровержению, появившемуся именно в этой связи в № 338 «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung» от 21 декабря и в № 248 здешней «National-Zeitung». Полагаю, что при Вашей любви к истине я могу ожидать, что Вы тотчас же поместите прилагаемое опровержение в Вашей газете и назовете мне автора лживого сообщения, как это Вы обязаны сделать по закону, ибо я не могу оставить безнаказанной подобную клевету и, к сожалению, принужден буду сам принять меры против высокочтимой редакции.

Я думаю, что за последнее время демократия никому не обязана больше, чем именно *мне*. Не кто иной, как я, вырвал сотни обвиняемых демократов из сетей уголовной юстиции. Не кто иной, как я, даже при введенном здесь осадном положении, когда трусливые и жалкие людишки (так называемые демократы) давно бежали с поля сражения, бесстрашно и неутомимо выступал против властей и продолжаю делать это и теперь. Если демократические органы обходятся со мной подобным образом, то это мало поощряет дальнейшие усилия.

Но что в этом деле поистине великолепнее всего, это — тупоумие, проявленное демократическими органами. Слух о том, что я поехал в качестве полицейского агента во Франкфурт, был сначала пущен «Neue Preusische Zeitung», этим пользующимся дурной славой органом реакции, с целью подкопаться под мою адвокатскую деятельность, мешавшую этой газете. Другие берлинские газеты давно опровергли это. Но демократические газеты столь бездарны, что повторяют подобную глупую ложь. Если бы я хотел поехать в качестве шпиона во Франкфурт, то об этом,

* — лица, находящегося на содержании. *Ред.*

конечно, заранее не писали бы во всех газетах; да и зачем Пруссии посылать полицейского чиновника во Франкфурт, где достаточно знающих дело чиновников? Глупость всегда была пороком демократии, ловкость же приносила победу ее противникам.

Точно так же гнусной ложью является утверждение, будто я много лет тому назад был в Силезии полицейским шпионом. Я был тогда официально назначенным полицейским чиновником и как таковой исполнял свой долг. Обо мне распространяли гнусную ложь. Пусть хоть один человек выступит и докажет, что я пытался втереться к нему в доверие. Лгать и утверждать может всякий. Итак, я жду от Вас, — а Вас я считаю честным и порядочным человеком, — немедленного и удовлетворительного ответа. Демократические газеты у нас дискредитировали себя массой лжи, не преследуйте и Вы такой же цели.

Преданный вам

Штибер, доктор права и пр.

Берлин, Риттерштрассе, 65

Берлин, 26 декабря 1848 г.

Откуда же Штибер узнал, что письмо его было 27 октября послано Марксом Шнейдеру II? Но оно было послано не 27, а 25 октября, и не Шнейдеру II, а фон Хонтхейму. Штибер, следовательно, знал только, что письмо это еще существует, и он предполагал, что Маркс сообщит его кому-нибудь из защитников. Но что послужило основанием для этих предположений? Когда «Kolnische Zeitung» с показанием Штибера о Шервале от 18 октября была получена в Лондоне, Маркс написал в «Kolnische Zeitung», в берлинскую «National-Zeitung» и в «Frankfurter Journal» заявление, помеченное 21 октября, в конце которого он угрожал Штиберу его еще сохранившимся письмом. Чтобы держать письмо «в строгом секрете», сам Маркс объявляет о нем в газетах. Он терпит неудачу, вследствие трусости немецкой прессы, но прусская почта была отныне осведомлена, а вместе с прусской почтой и ее Штибер.

Итак, что же привез с собой из Лондона стрекочущий Гольдхейм?

То, что Гирш не дает ложных показаний под присягой, что существование Г. Либкнехта не является «осязаемым», что подлинная книга протоколов вовсе не подлинная книга протоколов, что всеведущие лондонские агенты знают все то, что «партия Маркса» опубликовала в лондонской печати. Чтобы спасти честь прусских агентов, Гольдхейм вкладывает им в уста те скудные сведения, которые были выведаны* посредством вскрытия и хищения писем.

В заседании от 4 ноября, после того как Щнейдер II уничтожил Штибера с его книгой протоколов, уличил его в подлоге

* Игра слог, основанная на созвучии слова «aufgestieberte» — «выведанные» и фамилии Stieber. *Ред.*

и клятвопреступлении, Штибер выскакивает в последний раз и дает волю своему нравственному негодованию. Даже господина Вермута, с возмущением восклицает он, даже господина Вермута, полицейдиректора Вермута, смеют обвинять в клятвопреступлении. Штибер, следовательно, опять вернулся к ортодоксальной иерархической лестнице, к восходящей линии. Прежде он двигался по гетеродоксальной, по нисходящей линии. Если не хотят верить ему, полицейскому советнику, то должны верить его полицейскому лейтенанту; если не полицейскому лейтенанту, то полицейскому агенту этого лейтенанта; если не агенту Флёри, то все же субагенту Гиршу. Теперь же наоборот. Он, *полицейский советник,* может, пожалуй, дать ложную присягу; но Вермут, *полицейдиректор?* Невероятно! В своем негодовании он со все возрастающей горечью воздает хвалу Вермуту[*], он угощает публику чистейшим Вермутом, Вермутом как человеком, Вермутом как адвокатом, Вермутом как отцом семейства, Вермутом как полицейдиректором, Вермутом for ever[**].

Даже теперь в публичном заседании Штибер все еще старается держать обвиняемых au secret[***] и воздвигнуть барьер между защитой и материалом для защиты. Он обвиняет Шнейдера II в «преступной связи» с Марксом. В его лице Шнейдер-де совершает покушение на высшие прусские власти. Даже председатель суда присяжных Гёбель, сам Гёбель испытывает на себе обременительное давление Штибера. И он не может избежать необходимости: хотя и в трусливо подобострастной форме он разок-другой опускает на спину Штибера розгу. Но Штибер по-своему прав. Ведь не он один лично выставлен к позорному столбу, вместе с ним пригвождены прокуратура, суд, почта, правительство, полицейпрезидиум в Берлине, министерства, прусское посольство в Лондоне — одним словом, все прусское государство с подлинной книгой протоколов в руках.

Г-ну Штиберу теперь разрешается напечатать ответ «Neue Rheinische Zeitung» на его письмо.

Но вернемся еще раз вместе с Гольдхеймом в Лондон.

Подобно тому как Штибер все еще не знает, где находится Шерваль и кто, собственно, такой Шерваль, так и, согласно показанию Гольдхейма (заседание от 3 ноября), все еще не выяснено *происхождение* книги протоколов. Для объяснения его Гольдхейм приводит две гипотезы.

[*] Игра слов: «Wermut» означает также «горечь», «полынь», «полынное вино». *Ред.*
[**] — во веки веков. *Ред.*
[***] — в полной изоляции, буквально: в одиночном заключении. *Ред.*

«Существуют только два пути для объяснения не вполне еще выясненного происхождения книги», — говорит он. — «Либо, как решительно уверяет агент, она действительно является делом рук Либкнехта, который, чтобы скрыть свое предательство, избегал писать своим почерком».

В. Либкнехт, как известно, принадлежит к «партии Маркса». Но также известно, что имеющаяся в книге протоколов подпись Либкнехта не принадлежит В. Либкнехту. Поэтому Штибер в заседании от 27 октября показывает под присягой, что подпись эта принадлежит не этому В. Либкнехту, а другому Либкнехту, некоему Г. Либкнехту. Он узнал о существовании этого двойника, но не может указать источника своих сведений. Гольдхейм показывает под присягой: «Флёри подтвердил, что он действительно получил книгу от члена партии Маркса, по имени Г. Либкнехт». Далее, Гольдхейм показывает под присягой, что «он не мог поймать этого Г. Либкнехта в Лондоне». Какие же *признаки существования* подавал до сих пор миру вообще и полицейскому лейтенанту Гольдхейму в особенности открытый Штибером Г. Либкнехт? Никаких признаков существования, кроме его *почерка* в подлинной книге протоколов; но теперь Гольдхейм объявляет: «Либкнехт избегал писать своим почерком».

До сих пор Г. Либкнехт существовал только как почерк. Но теперь от Г. Либкнехта не остается ничего, не остается даже почерка, даже точки над «i». Но откуда Гольдхейм знает, что Г. Либкнехт, о существовании которого ему известно только по почерку в книге протоколов, пишет почерком, отличающимся от почерка в книге протоколов, до сих пор остается тайной Гольдхейма. Если у Штибера есть свои чудеса, то почему же не может быть своих чудес и у Гольдхейма?

Гольдхейм забывает, что его начальник Штибер уже подтвердил под присягой существование Г. Либкнехта и что он сам только что присягал в этом. Но в тот же самый момент, когда он показывает под присягой, что Г. Либкнехт существует, он вспоминает, что Г. Либкнехт — вынужденная увертка, к которой прибегнул Штибер, вынужденная ложь, а нужда закона не знает. Он вспоминает, что есть только один настоящий Либкнехт, В. Либкнехт, но если В. Либкнехт является подлинным, то подпись в книге протоколов поддельна. Он не смеет сознаться, что Гирш, субагент Флёри, вместе с поддельной книгой протоколов сфабриковал и поддельную подпись. Поэтому он высказывает гипотезу: «Либкнехт избегал писать своим почерком». Выскажем и мы в свою очередь гипотезу: Гольдхейм в прошлом подделал однажды банковые билеты. Он был привлечен к суду, было доказано, что подпись, значившаяся на билете,

не является подписью директора банка. Не истолкуйте, пожалуйста, это дурно, господа, скажет Гольдхейм, не истолкуйте это дурно! Банковый билет подлинный. Он является делом рук самого директора банка. Если его фамилия не подписана им самим, а подделана другим, то какое это имеет отношение к делу? «Он ведь избегал писать своим почерком».

Либо же, продолжает Гольдхейм, в случае если гипотеза о Либкнехте неверна:

«Либо же агент Флёри получил записки для книги от двух других друзей Маркса, от эмигрантов Дронке и Имандта, и придал этим запискам форму подлинной книги протоколов, чтобы поднять цену на свой товар. Ведь через полицейского лейтенанта Грейфа официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри».

Либо? Откуда могло взяться «либо»? Если книга, подобная подлинной книге протоколов, подписана тремя лицами: Либкнехтом, Рингсом и Ульмером, то никто не сделает из этого вывода, что «она является делом рук Либкнехта», либо Дронке и Имандта, а всякий скажет, что она — дело рук Либкнехта, либо Рингса и Ульмера. Неужели несчастный Гольдхейм, который всего лишь раз возвысился до разделительного суждения — либо, либо,—неужели он опять скажет: «Рингс и Ульмер избегали писать своими почерками»? Даже Гольдхейм считает необходимым придать делу другой оборот.

Если подлинная книга протоколов не является делом рук Либкнехта, как утверждает агент Флёри, в таком случае ее составил сам Флёри, но записи для этого он получил от Дронке и Имандта, относительно которых полицейский лейтенант Грейф официально установил, что они часто встречались с Флёри.

«Чтобы поднять цену на свой товар», говорит Гольдхейм, Флёри придает этим записям форму подлинной книги протоколов. Он не только совершает подлог, но он подделывает подписи. Он делает все это для того, «чтобы поднять цену на свой товар». Столь добропорядочный человек, как этот прусский агент, который из корыстолюбия фабрикует подложные протоколы и подделывает подписи, во всяком случае неспособен фабриковать *подложные записи.* Таков вывод Гольдхейма.

Дронке и Имандт приехали в Лондон только в апреле 1852 г., после того как они были высланы швейцарскими властями. Но треть подлинной книги протоколов состоит из протоколов за январь, февраль и март месяцы 1852 года. Следовательно, одну треть подлинной книги протоколов Флёри во всяком случае составил *без* Дронке и Имандта, хотя Гольдхейм и клянется, что либо книгу протоколов составил Либкнехт, либо же это

сделал Флёри, но на основании записок Дронке и Имандта. Гольдхейм клянется в этом, а Гольдхейм хотя и не Брут, но все же Гольдхейм.

Но остается еще предположить, что Дронке и Имандт доставляли Флёри записки, начиная с апреля, ибо, присягает Гольдхейм, «через полицейского лейтенанта Грейфа официально установлено, что Дронке и Имандт часто встречались с Флёри».

Обратимся к этим встречам.

Как уже было сказано выше, Флёри был известен в Лондоне не как прусский полицейский агент, а как купец из Сити, да еще как купец-демократ. Он был уроженцем Альтенбурга и прибыл в Лондон в качестве политического эмигранта, женился впоследствии на англичанке из весьма почтенной и состоятельной семьи и внешне вел скромный образ жизни со своей женой и своим тестем, старым предпринимателем, *квакером*. 8 или 9 октября начались «частые встречи» Флёри с Имандтом, который встречался с ним в качестве преподавателя. Но, согласно уточненному показанию Штибера, подлинная книга протоколов была получена в Кёльне 10-го, согласно же заключительному показанию Гольдхейма — 11 октября. Флёри, следовательно, когда совершенно до тех пор незнакомый ему Имандт дал ему дома первый урок французского языка, не только уже переплел подлинную книгу протоколов в красный сафьян, но и передал ее уже экстренному курьеру, который повез книгу в Кёльн. Вот как Флёри создавал свою книгу протоколов по запискам Имандта. Дронке же Флёри видел лишь *один раз* случайно у Имандта, и к тому же только 30 октября, когда подлинная книга протоколов давно уже вернулась в свое первоначальное состояние небытия.

Таким образом, христианско-германское правительство не довольствуется взламыванием письменных столов, кражей чужих бумаг, вымогательством ложных показаний, созданием мнимых заговоров, фабрикацией подложных документов, лжеприсягами, попытками подкупа для того, чтобы добыть лжесвидетелей, — словом, всем, что можно использовать для осуждения кёльнских обвиняемых. Оно старается еще набросить грязную тень подозрения на лондонских друзей обвиняемых, чтобы выгородить своего Гирша, относительно которого Штибер показывал под присягой, что он его не знает, а Гольдхейм, — что он не шпион.

В пятницу 5 ноября в Лондоне была получена «Kolnische Zeitung» с отчетом о заседании суда присяжных от 3 ноября, на котором были заслушаны показания Гольдхейма. Тотчас же были наведены справки о Грейфе, и в тот же день было установлено, что он живет у Флёри. Одновременно с этим

Дронке и Имандт с «Kolnische Zeitung» отправились к Флёри. Они заставляют его прочитать показания Гольдхейма. Он бледнеет, старается овладеть собой, разыгрывает удивление и заявляет, что он всегда готов дать перед английским мировым судьей показания против Гольдхейма. Но прежде он должен еще поговорить со своим адвокатом. Назначается свидание на следующий день после обеда, в субботу 6 ноября. Флёри обещает принести на это свидание свое показание в готовом, официально заверенном виде. Он, конечно, не явился. Поэтому Имандт и Дронке в субботу вечером отправились к нему на дом и нашли здесь следующую записку, предназначавшуюся Имандту:

«С помощью адвоката все улажено, дальнейшее будет сделано, как только будет выяснена личность. Адвокат еще сегодня отправил эту вещь. Дела потребовали моего присутствия в Сити. Зайдите ко мне завтра, я буду дома в течение всего послеобеденного времени до 5 часов. Фл.»

На другой стороне записки приписка:

«Я только что вернулся домой, но должен был уйти с г-ном Вернером и моей женой, в чем Вы завтра *сможете убедиться.* Напишите мне, в какое время Вы намерены прийти».

Имандт оставил следующий ответ:

«Я чрезвычайно удивлен тем, что не застал Вас в данный момент дома, так как Вы не пришли также и на назначенное на послеобеденное время свидание. Я должен Вам признаться, что ввиду создавшихся обстоятельств у меня уже составилось мнение о Вас. Если Вы заинтересованы в том, чтобы переубедить меня, то Вы придете ко мне и не позднее завтрашнего утра, так как я не могу поручиться Вам, что Ваша деятельность в качестве прусского полицейского шпиона не станет предметом обсуждения на страницах английских газет. Имандт».

Флёри не явился и в воскресенье утром. Дронке и Имандт поэтому снова отправились к нему в воскресенье вечером, чтобы, сделав вид, что их доверие к нему поколебалось лишь в первый момент, получить от него заявление. Несмотря на всякого рода проволочки и колебания, заявление было составлено. Особенно заколебался Флёри, когда ему было указано, что, подписывая документ, он должен поставить не только свою фамилию, но и свое имя. Заявление текстуально гласило:

В редакцию «Kolnische Zeitung»

Нижеподписавшийся настоящим заявляет, что он знаком с г-ном Имандтом приблизительно один месяц, в продолжение которого последний давал ему уроки французского языка, а г-на Дронке он впервые увидел в субботу, 30 октября сего года;

что никто из них обоих не делал ему никаких сообщений, которые имели бы отношение к фигурирующей в кёльнском процессе книге протоколов;

что он не знает никого, кто носил бы фамилию Либкнехт, и ни в какой связи с таковым не состоял.

Лондон, 8 ноября 1852 г., Кенсингтон

Чарлз Флёри

Дронке и Имандт были, конечно, убеждены, что Флёри пошлет распоряжение в «Kolnische Zeitung» не принимать никаких заявлений за его подписью. Поэтому они послали его заявление не в «Kolnische Zeitung», а адвокату Шнейдеру **II**, который, однако, получил его на слишком поздней стадии процесса и уже не мог им воспользоваться.

Флёри, хотя и не Флёр де Мари [Fleur de Marie][305] полицейских проституток, но все же он цветок[*], который будет цвести, хотя бы только цветом fleurs-de-lys[**].

История книги протоколов этим еще не закончилась.

В субботу, 6 ноября, В. Гирш из Гамбурга сделал перед полицейским судьей на Боу-стрит в Лондоне заявление, равносильное показанию под присягой, о том, что он сам под руководством Грейфа и Флёри сфабриковал фигурирующую в кёльнском процессе коммунистов подлинную книгу протоколов.

Итак, сперва подлинная книга протоколов «партии Маркса», затем записная книжка шпиона Флёри, наконец, изделие прусской полиции, простое полицейское изделие, полицейское изделие sans phrase[***].

В тот же самый день, когда Гирш выдал английскому полицейскому судье на Боу-стрит тайну подлинной книги протоколов, в Кенсингтоне в доме Флёри другой представитель прусского государства был занят тем, что упаковывал в прочную клеенку на этот раз не краденые документы, не сфабрикованные документы и вообще не документы, а свои собственные пожитки. Эта птица была не кем иным, как Грейфом[****], лицом, знакомым нам по Парижу, экстренным курьером в Кёльне, шефом прусских полицейских агентов в Лондоне, официальным дирижером разыгранной мистификации, прикомандированным к прусскому посольству в качестве атташе полицейским лейтенантом. Грейф получил от прусского правительства приказ немедленно оставить Лондон. Нельзя было терять ни минуты.

[*] Игра слов: «fleur» — «цветок», Fleury — фамилия. *Ред.*

[**] Fleurs-de-lys [лилиями] на французском народном языке называются выжженные у клейменных преступников буквы Т. F. (travaux forcés, каторжные работы). Насколько правильно охарактеризовал Маркс этого субъекта, видно из дополнения (см. ниже, раздел VIII, № 1)[306]. *(Примечание Энгельса к изданию 1885 г.)*

[***] — без прикрас. *Ред.*

[****] игра слов: «Greif» означает также «гриф». *Ред.*

Подобно тому как в конце оперного спектакля декорация на заднем плане, скрытая до сих пор кулисами и расположенная амфитеатром, внезапно озаряется бенгальскими огнями и ее ослепительные очертания открываются взорам, так и в конце этой прусской полицейской трагикомедии открываются взорам скрытые, расположенные амфитеатром мастерские, в которых фабриковалась подлинная книга протоколов. На нижней ступеньке виднеется несчастный, работающий сдельно полицейский шпик Гирш; на второй ступени — шпион-буржуа и agent provocateur, купец из Сити, Флёри; на третьей ступени— дипломатический полицейский лейтенант Грейф и на самой высокой ступени — само прусское посольство, к которому он был прикомандирован в качестве атташе. В продолжение 6—8 месяцев Гирш регулярно, неделя за неделей фабриковал свою подлинную книгу протоколов в рабочем кабинете под надзором Флёри. Но этажом *выше* Флёри жил прусский полицейский лейтенант Грейф, который наблюдал за ним и наставлял его. Сам Грейф регулярно проводил часть дня в помещении прусского посольства, где за ним в свою очередь наблюдали и его наставляли. Помещение прусского посольства явилось, следовательно, настоящей теплицей, в которой была выращена подлинная книга протоколов*. Итак, Грейф должен был исчезнуть. Он исчез 6 ноября 1852 года.

Дальше нельзя уже было держаться за подлинную книгу протоколов, хотя бы как за записную книжку. Прокурор Зедт предал ее погребению в своем ответе на защитительные речи адвокатов.

Таким образом, снова вернулись к исходному пункту, вызвавшему предписание обвинительного сената апелляционного суда начать заново следствие ввиду того, что *«нет объективного состава преступления».*

* В издании 1853 г., вышедшем в Базеле, после этих слов напечатаны две фразы, отсутствовавшие в других изданиях: «Поэтому Грейф должен был исчезнуть. Позор, ожидавший его в Лондоне, падал и на прусское посольство». *Ред.*

V
СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО К «КРАСНОМУ КАТЕХИЗИСУ»

Полицейский инспектор *Юнкерман* из Крефельда в заседании от 27 октября дает следующее показание:

«Он конфисковал пакет с экземплярами «Красного катехизиса», адресованный кельнеру одной из крефельдских гостиниц и имевший дюссельдорфский почтовый штемпель. Там же находилось сопроводительное письмо. Отправитель не установлен». «Сопроводительное письмо, по-видимому, как указывает прокуратура, *написано рукой Маркса»*.

В заседании от 28 октября эксперт (???) Ренар находит, что сопроводительное письмо написано почерком Маркса. Это сопроводительное письмо гласит:

Гражданин!

Так как Вы пользуетесь нашим полным доверием, то мы при сем препровождаем Вам 50 экземпляров «Красного», который Вы в субботу 5 июня, в 11 часов вечера, должны подсунуть под двери известных своими революционными убеждениями граждан, лучше всего рабочих. Мы с уверенностью рассчитываем на Вашу гражданскую доблесть и ожидаем поэтому исполнения этого предписания. Революция ближе, чем думают некоторые. Да здравствует революция!

Привет и братство

Революционный комитет

Берлин, май 1852 г.

Свидетель Юнкерман заявляет также, «что пакеты, о которых идет речь, были посланы свидетелю *Кианелле»*.

Во время предварительного заключения кёльнских обвиняемых берлинский полицейпрезидент *Хинкельдей* руководит маневрами как главнокомандующий. Лавры Мона не дают ему покоя.

В судебных прениях фигурируют два полицейдиректора, один живой и один мертвый, один полицейский советник — зато этим одним был Штибер, — два полицейских лейтенанта, из которых один постоянно ездит из Лондона в Кёльн, другой же — из Кёльна в Лондон, множество полицейских агентов и субагентов, выступающих то под своим именем, то анонимно,

то под разными именами, то под псевдонимами, с хвостами и без хвостов, и в довершение еще полицейский инспектор.

Как только в Лондоне была получена «Kolnische Zeitung» с показаниями свидетелей от 27 и 28 октября, Маркс отправился к полицейскому судье на Марльборо-стрит, переписал приведенный в «Kolnische Zeitung» текст сопроводительного письма и дал заверить эту копию; одновременно он сделал следующее, равносильное показанию под присягой, заявление:

1) что он не писал упомянутого сопроводительного письма;

2) что о его существовании он узнал только из «Kolnische Zeitung»;

3) что он *никогда не видел* так называемого «Красного катехизиса»;

4) что он никогда не содействовал его распространению в какой бы то ни было форме.

Надо кстати заметить, что подобное заявление (declaration), сделанное перед полицейским судьей, если оно оказывается ложным, влечет за собой в Англии все последствия клятвопреступления.

Вышеупомянутый документ был отправлен Шнейдеру II и в то же самое время опубликован в лондонском «Morning Advertiser»*, так как за время процесса можно было убедиться, что у прусской почты с соблюдением тайны переписки связано странное представление, будто она обязана держать в тайне от адресатов доверенные ей письма. Обер-прокуратура противилась рассмотрению этого документа, хотя бы только для *сравнения.* Обер-прокуратура знала, что одного беглого взгляда на подлинник сопроводительного письма, а затем на официально заверенную копию с него, сделанную Марксом, было достаточно, чтобы даже от проницательных взоров наших присяжных не укрылся обман и умышленная подделка почерка Маркса. И поэтому в интересах нравственной репутации прусского государства она протестовала против всякого сравнения.

Шнейдер II указал,

«что адресат Кианелла, который с готовностью дал полиции сведения о предполагаемых отправителях и *прямо предложил ей свои услуги в качестве шпиона,* совершенно не имел в виду Маркса».

Тот, кто прочел когда-либо хоть одну строчку, написанную Марксом, не счел бы возможным утверждать, что он является автором этого мелодраматического сопроводительного письма. Полуночный час во время сна в летнюю ночь 5 июня, предписанная с навязчивой наглядностью операция по подсовыванию

* См. настоящий том, стр. 399—400. *Ред.*

«Красного» под двери революционных филистеров — это скорее могло указывать на нрав Кинкеля, подобно тому как «гражданская доблесть» и «уверенность», с которой «рассчитывали» на военное «исполнение» данного «предписания», могли указывать на силу воображения Виллиха. Но как могли Кинкель— Виллих дойти до того, чтобы писать свои революционные рецепты почерком Маркса?

Если можно выдвинуть гипотезу относительно «не вполне еще выясненного происхождения» рукописи этого сопроводительного письма, написанной поддельным почерком, то эта гипотеза выглядела бы так: полиция нашла в Крефельде 50 «Красных» с высокопарным, вполне отвечающим запросу сопроводительным письмом. Она распорядилась — в Берлине или Кёльне, qu'importe?* —переложить текст на марксовские ноты. С какой целью? «Чтобы поднять цену на свой товар».

Однако даже обер-прокуратура не решилась в своей речи, достойной речей против Катилины**, сослаться на это сопроводительное письмо. Она отказалась от него. Письмо, таким образом, ничего не дало для установления недостающего *«объективного состава преступления»*.

* — не все ли равно? *Ред.*

** Имеются в виду речи Цицерона против Катилипы. *Ред.*

VI
ФРАКЦИЯ ВИЛЛИХА—ШАППЕРА

Со времени поражения революции 1848—1849 гг. пролетарская партия лишилась на континенте того, чем она обладала в порядке исключения в течение этой короткой эпохи: печати, свободы слова и права союзов, иными словами легальных средств партийной организации. Как буржуазно-либеральная, так и мелкобуржуазно-демократическая партии, несмотря на реакцию, нашли в социальном положении представляемых ими классов условия, необходимые для того, чтобы в той или другой форме объединяться и в большей или меньшей степени отстаивать свои общие интересы. Для пролетарской партии после 1849 г., как и до 1848 г., оставался открытым только *один путь*—путь *тайного объединения.* Поэтому, начиная с 1849 г., на континенте возникает целый ряд тайных пролетарских объединений; полиция их раскрывает, суды преследуют, тюрьмы опустошают их ряды; обстоятельства же постоянно их вновь возрождают.

Часть этих тайных обществ ставила своей непосредственной целью ниспровержение существующей государственной власти. Это было правомерно во Франции, где пролетариат был побежден буржуазией и где нападение на существующее правительство прямо совпадало с нападением на буржуазию. Другая часть тайных обществ ставила своей целью образование партии пролетариата, не заботясь о судьбе существующих правительств. Это было необходимо в таких странах, как Германия, где и буржуазия и пролетариат находились под гнетом своих полуфеодальных правительств и где, следовательно, победоносное нападение на существующие правительства вместо того, чтобы подорвать власть буржуазии, или так называемых средних сословий, должно было, наоборот, сначала содействовать установлению ее господства. Не подлежит сомнению, что и здесь члены пролетарской партии вновь приняли бы участие в революции против status quo*, но подготовка этой революции,

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*

Enthüllungen

über den

Kommunisten-Prozeß

zu

Köln.

1853.

Титульный лист издания работы К. Маркса
«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»,
вышедшего в Бостоне в 1853 г.

агитация за нее, конспирирование и организация заговоров в ее пользу не входили в их задачу. Они могли предоставить эту подготовку общим условиям и непосредственно заинтересованным классам. Они должны были предоставить им ее, если не хотели отказаться от своей собственной партийной позиции и от исторических задач, которые сами по себе вытекают из общих условий существования пролетариата. Для них теперешние правительства были только эфемерными явлениями, а status quo — кратковременным переходным моментом, причем возиться с ним до изнеможения предоставляется мелочно-ограниченной демократии.

«Союз коммунистов» не являлся поэтому заговорщическим обществом, а был обществом, которое тайно осуществляло организацию пролетарской партии, потому что немецкий пролетариат открыто был лишен igni et aqua*, лишен свободы печати, слова и союзов. Если такое общество и конспирирует, то происходит это лишь в том смысле, в каком против status quo конспирируют пар и электричество.

Само собой разумеется, что такое тайное общество, ставившее своей целью образование не *правительственной,* а *оппозиционной партии будущего,* могло представлять мало привлекательного для людей, которые, с одной стороны, под импозантным театральным плащом конспирации стремились скрыть свое собственное ничтожество, с другой стороны—хотели удовлетворить свое мелкое честолюбие при наступлении ближайшей революции, но прежде всего старались уже в данный момент казаться важными, получить свою долю в плодах демагогии и снискать одобрение демократических базарных крикунов.

Поэтому от Союза коммунистов отделилась фракция, или, если угодно, была отделена фракция, которая требовала, если не действительных заговоров, то хотя бы *видимости* заговора, и настаивала поэтому на прямом союзе с демократическими героями дня — фракция Виллиха—Шаппера. Характерно для этой фракции то, что Виллих наряду и вместе с *Кинкелем* фигурирует в качестве entrepreneur** в деле с немецко-американским революционным займом.

Об отношении этой партии к большинству Союза коммунистов, к которому принадлежали кёльнцы, было только что сказано; Бюргерс и Рёзер дали четкое и исчерпывающее освещение этого вопроса на судебных заседаниях кёльнского суда присяжных.

* — буквально: огня и воды, т. е. необходимых жизненных условий. *Ред.*
** — предпринимателя. *Ред.*

Прежде чем закончить наше изложение, оглянемся назад и бросим взгляд на поведение фракции Виллиха — Шаппера во время кёльнского процесса.

Как уже отмечалось выше, даты похищенных Штибером у фракции документов показывают, что и *после* кражи, совершенной Рейтером, ее документы все еще продолжали попадать каким-то путем в руки полиции. Фракция до сих пор все еще не дает объяснения этому загадочному факту.

Шаппер лучше всех был осведомлен о прошлом Шерваля. Он знал, что Щерваль был принят в Союз им в 1846 г., а не Марксом в 1848 г. и т. д. Своим молчанием он подтверждает ложь Штибера.

Фракция знала, что угрожающее письмо свидетелю Хаупту написал принадлежавший к ней Хаке, тем не менее она допускает, чтобы подозрение продолжало тяготеть над партией обвиняемых.

Мозес Гесс, член фракции, автор *«Красного катехизиса»*[307], этой злополучной пародии на «Манифест Коммунистической партии», Мозес Гесс, который свои произведения не только сам пишет, но и сам распространяет, в точности знал, кому он отправлял партии своего «Красного». Он знал, что Маркс ни на один экземпляр не уменьшил его богатые запасы «Красного». Мозес спокойно оставляет тяготеть на обвиняемых подозрение в том, будто их партия занималась розничным распространением его «Красного» в Рейнской провинции вместе с мелодраматическим сопроводительным письмом.

Так же, как своим молчанием, фракция делает общее дело с прусской полицией и своими речами. Там, где она выступает во время судебного разбирательства, она появляется не на скамье подсудимых, а в качестве *«свидетеля короны».*

Хенце, друг и благодетель Виллиха, признавшийся в своем соучастии в деятельности Союза, проводит несколько недель у Виллиха в Лондоне, а затем едет в Кёльн, чтобы дать ложное показание против Беккера, против которого имеется гораздо меньше улик, чем против него самого; он показывает, будто Беккер в 1848 г. был членом Союза.

Хетцель, принадлежавший, как это видно из архива Дица, к фракции, получавший от нее поддержку деньгами, привлекавшийся уже однажды за участие в Союзе к суду присяжных в Берлине, выступает как свидетель против обвиняемых. Он дает ложные показания, ставя имевшее место как исключение вооружение берлинского пролетариата во время революции в вымышленную связь с уставом Союза.

Штейнгенс, изобличенный своими собственными письмами (см.. заседание от 18 октября) в том, что он состоял главным агентом фракции в Брюсселе, появляется в Кёльне не в качестве обвиняемого, а в качестве свидетеля.

Незадолго до открытия заседаний кёльнского суда присяжных Виллих и Кинкель послали одного портновского подмастерья* в качестве эмиссара в Германию. Кинкель, правда, не принадлежит к фракции, но Виллих был одним из заправил немецко-американского революционного займа.

Кинкелю уже тогда угрожала нагрянувшая впоследствии опасность, что лондонские поручители устранят его и Виллиха от заведования займовыми суммами, а деньги, несмотря на негодующие протесты с их стороны, переправят обратно в Америку. Поэтому именно в то время Кинкелю понадобились показные миссии *в* Германию и показная переписка с Германией, отчасти, чтобы показать, что там вообще еще существует поприще для революционной деятельности, в которой могут найти применение он и американские доллары, отчасти же для того, чтобы найти повод к огромной корреспонденции, к расходам на пересылку и т. п., которые Кинкель и его друг Виллих помечали в финансовых отчетах (см. литографированный циркуляр графа О. Рейхенбаха). У Кинкеля не было, как он и сам сознавал, никаких связей в Германии ни с буржуазными либералами, ни с мелкобуржуазными демократами. Поэтому он и обознался, приняв эмиссара фракции за эмиссара немецко-американского революционного союза. Перед этим эмиссаром не стояло другой задачи, кроме деятельности среди рабочих, направленной против партии кёльнских обвиняемых. Надо признать, что момент был выбран удачно для того, чтобы в последнее мгновенье дать новый повод для возобновления следствия. Прусская полиция была вполне осведомлена относительно личности, дня отъезда и маршрута эмиссара. Откуда? Это мы увидим. На тайных собраниях, которые он устраивал в Магдебурге, присутствовали ее шпионы, которые сообщали о происходивших дебатах. Друзья кёльнцев в Германии и в Лондоне трепетали.

6 ноября, как мы уже говорили выше, Гирш признался перед полицейским судьей на Боу-стрит, что он сфабриковал подлинную книгу протоколов под руководством Грейфа и Флёри. К этому шагу побудил его Виллих. Виллих и хозяин гостиницы Шертнер провожали его к полицейскому судье. С признания Гирша были сняты три различные копии, которые были отправлены по почте в Кёльн по различным адресам.

* — А. Геберта. *Ред.*

Было в высшей степени важно арестовать Гирша тут же, после того как он переступит обратно порог здания суда. На основании находившегося у него официально заверенного показания, процесс, проигранный в Кёльне, мог быть выигран в Лондоне, если не в пользу обвиняемых, то все же против правительства. Но Виллих, наоборот, сделал все, чтобы такой шаг оказался невозможным. Он хранит глубочайшее молчание, скрывая это не только от непосредственно заинтересованной «партии Маркса», но и от своих собственных единомышленников, даже от Шаппера. Один лишь Шертнер был посвящен в его тайну. Шертнер заявляет, что он и Виллих проводили Гирша на пароход. А именно, согласно намерениям Виллиха, Гирш должен был дать в Кёльне показания против самого себя.

Виллих сообщает Гиршу, каким путем будут отправлены документы, Гирш сообщает об этом прусскому посольству, прусское посольство — почте. Документы не достигают места назначения, они исчезают. Спустя некоторое время исчезнувший Гирш опять выплывает в Лондоне и заявляет на публичном собрании демократов, что Виллих является его сообщником.

В ответ на сделанный ему по этому поводу запрос Виллих признается, что с начала августа 1852 г. он опять поддерживал связи с Гиршем, который уже в 1851 г. по его предложению был, как шпион, изгнан из Общества на Грейт-Уиндмилл. Именно Гирш выдал ему Флёри как прусского шпиона и сообщал ему затем обо всех получаемых на имя Флёри и обо всех отправляемых им письмах. Он-де, Виллих, пользовался этим средством, чтобы следить за прусской полицией.

Виллих, как известно, уже около года был близким другом Флёри и получал от него поддержку. Но если Виллих с августа 1852 г. знал, что тот прусский шпион, и притом был осведомлен о его происках, то как случилось, что он не знал о подлинной книге протоколов?

Как случилось, что он вмешивается лишь после того, как прусское правительство само *выдало* своего шпиона Флёри?

Что он прибегает к такому способу вмешательства, который в лучшем случае приводит лишь к тому, что и его союзник Гирш ускользает из Англии, а официально заверенное доказательство виновности Флёри ускользает из рук «партии Маркса»?

Что он продолжал получать поддержку от Флёри, который хвастался полученной от него распиской на 15 фунтов стерлингов?

Что Флёри продолжает орудовать в предприятии с немецко-американским революционным займом?

Что он указывает Флёри помещение и место собраний своего собственного тайного общества, так что прусские агенты в соседней комнате протоколируют прения?

Что он сообщает Флёри маршрут вышеуказанного эмиссара, портновского подмастерья, и даже получает от Флёри деньги на организацию этой поездки с особым поручением?

Что он, наконец, рассказывает Флёри, как он инструктировал живущего у него Хенце относительно показаний последнего на кёльнском суде присяжных *против* Беккера?* Надо признать, que tout cela n'est pas bien clair**.

---

* По поводу отношений между Виллихом и Беккером:

«Виллих пишет мне забавнейшие письма; я не отвечаю; но он не может удержаться от того, чтобы не изложить мне свои новые революционные планы. Меня он предназначил для революционизирования кёльнского гарнизона!!! Мы недавно от смеха надорвали себе животики. Своими глупостями он вовлечет в беду еще множество людей, так как одного такого письма достаточно, чтобы на три года обеспечить жалованье сотне судей над демагогами[308]. Если бы я устроил революцию в Кёльне, он не *отказался бы* взять на себя руководство дальнейшими операциями. Совсем по-дружески!» (Из письма Беккера Марксу от 27 января 1851 г.)

** — что все это не совсем ясно. *Ред.*

VII
ПРИГОВОР

По мере того как раскрывались полицейские тайны, общественное мнение стало высказываться в пользу обвиняемых. Когда был разоблачен обман с подлинной книгой протоколов, все стали ждать оправдательного приговора. «Kolnische Zeitung» сочла себя вынужденной склониться перед общественным мнением и повернуть против правительства. На столбцах ее, которые до сих пор были открыты только для полицейских инсинуаций, вдруг стали как бы невзначай появляться беглые заметки, благоприятные для обвиняемых и бросавшие тень подозрения на Штибера. Прусское правительство само считало дело проигранным. Его корреспонденты в «Times» и в «Morning Chronicle» внезапно начали готовить общественное мнение за границей к неблагоприятному исходу. Как бы ни были пагубны и чудовищны доктрины обвиняемых и как бы ни были отвратительны найденные у них документы, фактических доказательств существования заговора нет в наличии, а потому осуждение едва ли вероятно. С такой лицемерной покорностью судьбе писал берлинский корреспондент «Times», это раболепное эхо, отразившее опасения, которые циркулировали в высших кругах города на Шпрее. Тем необузданнее было ликование византийского двора и его евнухов, когда телеграф молниеносно принес из Кёльна в Берлин вердикт присяжных: «виновен».

С разоблачением книги протоколов процесс вступил в новую стадию. Теперь присяжные не могли уже признать обвиняемых виновными пли невиновными; теперь они должны были признать виновными обвиняемых или правительство. Оправдать обвиняемых значило осудить правительство.

В своем ответе на защитительные речи адвокатов прокурор Зедт отрекся от книги протоколов. Он-де не желает использовать документ, на котором лежит такое пятно, сам он считает ее «недостоверной», это — «злополучная» книга, она привела

к огромной и бесполезной потере времени, к делу же она не прибавила ничего; Штибер из похвального служебного рвения поддался мистификации и т. д.

Но ведь прокуратура сама в своем обвинении утверждала, что в книге содержится «много истинного». Весьма далекая от того, чтобы объявить ее недостоверной, она только сожалела, что не может доказать ее подлинность. Вместе с подлинностью книги протоколов, подтвержденной Штибером под присягой, отпала также подтвержденная Штибером под присягой подлинность показаний Шерваля в Париже, на которые Зедт еще раз ссылается в своем ответе; отпали все факты, которые наскребли в результате самой напряженной полуторагодичной деятельности все власти прусского государства. Слушание дела в суде присяжных, назначенное на 28 июля, было отложено на три месяца. Почему? Из-за болезни полицейдиректора Шульца. А кто такой Шульц? Тот, кто первым открыл подлинную книгу протоколов. Но вернемся еще немного назад. В январе и феврале 1852 г: были произведены домашние обыски у супруги д-ра Даниельса. На каком основании? На основании *первых страниц* подлинной книги протоколов, которые Флёри переслал Шульцу, Шульц передал дирекции полиции в Кёльне, а дирекция полиции в Кёльне — судебному следователю; они-то и привели судебного следователя в квартиру супруги д-ра Даниельса.

Несмотря на заговор Шерваля, обвинительный сенат в октябре 1851 г. еще не добыл отсутствующего состава преступления и поэтому по приказу министерства предписал начать новое следствие. Кто вел это следствие? Полицейдиректор Шульц. Шульц, таким образом, должен был найти состав преступления. Что же Шульц нашел? Подлинную книгу протоколов. Весь новый материал, который он доставил, ограничивался всего лишь листами книги протоколов, которые Штибер позднее приказал дополнить и переплести. Обвиняемые должны были провести двенадцать месяцев в одиночном заключении, чтобы дать необходимое время для рождения и роста подлинной книги протоколов. Пустяки! — восклицает Зедт и находит доказательство вины уже в том, что защитникам и обвиняемым понадобилось восемь дней для того, чтобы очистить авгиевы конюшни, ради наполнения которых все власти прусского государства работают без устали в течение полутора лет и во имя чего обвиняемые в течение полутора лет сидят в тюрьме. Подлинная книга протоколов не была единичным эпизодом; она была тем узловым пунктом, в котором сходились все нити правительственной деятельности: посольства и полиции, министерства

и местных властей, прокуратуры и дирекции почты, Лондона, Берлина и Кёльна. Подлинная книга протоколов так много значила для дела, что она была изобретена, чтобы вообще создать дело. Курьеры, депеши, перехватывание писем, аресты, клятвопреступления — ради того, чтобы сохранить в силе подлинную книгу протоколов, falsa[*] — ради того, чтобы создать ее, попытки подкупа — ради того, чтобы оправдать ее. Разоблаченная тайна подлинной книги протоколов явилась разоблаченной тайной процесса-монстр.

Первоначально понадобилось чудодейственное вмешательство полиции, чтобы скрыть чисто тенденциозный характер процесса. «Предстоящие разоблачения докажут вам, господа присяжные, что этот процесс не является тенденциозным процессом», — этими словами Зедт открыл судебные прения. Теперь же он делает упор на тенденциозном характере, чтобы предать забвению разоблачения, сделанные полицией. После полуторагодичного предварительного следствия присяжным понадобились объективные данные, доказывающие преступление, чтобы оправдать себя в глазах общественного мнения. После пятинедельной полицейской комедии им понадобилась *«чистая* тенденция», чтобы выбраться из грязи фактических данных. Поэтому Зедт не ограничивается одним только материалом, который заставил обвинительный сенат прийти к заключению, что «нет объективного состава преступления». Он идет дальше. Он пытается доказать, что закон о заговорах вообще не требует состава преступления, а является чисто тенденциозным законом, следовательно, категория заговора является только предлогом, чтобы законным порядком сжигать политических еретиков. Попытка его обещала больший успех благодаря применению к обвиняемым нового прусского уголовного кодекса, изданного после их ареста. Под тем предлогом, что этот кодекс будто бы содержит статьи, смягчающие наказание, раболепный суд мог допустить его применение как закона, имеющего якобы обратную силу.

Но если процесс являлся чисто тенденциозным процессом, то для чего нужно было полуторагодичное предварительное следствие? Из тенденции.

Но раз дело идет, таким образом, только о тенденции, то должны ли мы вести принципиальные дискуссии о тенденции с Зедтами—Штиберами—Зеккендорфами, с Гёбелями, с прусским правительством, с тремястами главных налогоплательщиков Кёльнского административного округа, с королевским

[*] — фальсификация, подлог. *Ред.*

камергером фон Мюнх-Беллингхаузеном и с бароном фон Фюрстенбергом? Pas si bete*.

Зедт признается (заседание от 8 ноября),

«что, когда несколько месяцев тому назад ему было поручено, а именно обер-прокурором, представлять вместе с ним в этом процессе прокуратуру и когда он вследствие этого стал просматривать материалы, у него впервые явилась мысль несколько ближе познакомиться с коммунизмом и социализмом. Он чувствовал себя тем более обязанным поделиться результатом этих исследований с присяжными, поскольку должен был, по его мнению, исходить из предположения, что подобно ему многие из них, по-видимому, еще мало занимались этими вопросами».

И Зедт поэтому покупает себе известное руководство Штейна[309].

«Тому, что он сегодня изучил,
Он хочет завтра поучать других»[310].

По прокуратуру постигло особенное несчастье. Она искала объективных данных против Маркса, а нашла объективные данные против Шерваля. Она ищет коммунизм, который пропагандировали подсудимые, а находит коммунизм, против которого они вели борьбу. В руководстве Штейна, правда, имеются различные виды коммунизма, но нет только того вида, которого ищет Зедт. Штейн еще не зарегистрировал немецкого критического коммунизма. Правда, в руках Зедта имеется «Манифест Коммунистической партии», который обвиняемые признают манифестом своей партии. А в этом «Манифесте» есть глава. содержащая критику всей предшествующей социалистической и коммунистической литературы, следовательно, всей зарегистрированной Штейном премудрости. Из этой главы должно быть ясно отличие того коммунистического направления, против которого возбуждено обвинение, от всех прежних направлений коммунизма, должно быть ясно, следовательно, специфическое содержание и *специфическая тенденция* учения, против которого выступает Зедт. Никакой Штейн не поможет при этом камне преткновения**. Здесь надо было понимать, хотя бы даже для того, чтобы только обвинять. Как же теперь выходит из затруднения брошенный Штейном на произвол судьбы Зедт? Он утверждает, что

««Манифест» состоит из *трех разделов.* В первом разделе содержится историческое развитие общественного положения различных граждан (!) с точки зрения коммунизма». (Very fine***.) «...Во втором разделе

* — Не так уж мы глупы. *Ред.*
** Игра слов: Stein — фамилия, «Stein» — «камень». *Ред.*
*** — Замечательно тонко. *Ред.*

разбирается позиция коммунистов по отношению к пролетариям... Наконец, в последнем разделе рассматривается позиция коммунистов в различных странах...» (!) (Заседание от 6 ноября.)

«Манифест», правда, состоит из четырех разделов, а не из трех, но чего не знаю, по тому и не скучаю. Зедт поэтому утверждает, что он состоит из трех разделов, а не из четырех. Несуществующий для него раздел есть именно тот самый злополучный раздел, который содержит критику запротоколированного Штейном коммунизма, следовательно, содержит *специфическую тенденцию* того коммунизма, против которого возбуждено обвинение. Бедняга Зедт! Вначале ему недоставало *состава преступления,* теперь ему недостает *тенденции.*

Но сера, мой друг, теория везде[311]. «Так называемый социальный вопрос», — замечает Зедт, — «и его решение занимало в новейшее время как призванных, так и непризванных». Зедт во всяком случае принадлежит к числу призванных, поскольку обер-прокурор Зеккендорф три месяца тому назад в служебном порядке «призвал» его к изучению социализма и коммунизма. Зедты всех времен и всех стран с давних пор единодушно сходились в том, что Галилей «не призван» к изучению движений небесных тел, а инквизиторы, которые объявили его еретиком, к этому «призваны»! E pur si muove! [А все-таки она вертится!][*]

В лице обвиняемых перед господствующими классами, представленными судом присяжных, стоял безоружный революционный пролетариат; обвиняемые были, следовательно, заранее осуждены уже потому, что они предстали перед этим судом присяжных. Если что и могло на один момент поколебать буржуазную совесть присяжных, как оно поколебало общественное мнение, то это—обнаженная до конца правительственная интрига, растленность прусского правительства, которая раскрылась перед их глазами. Но если прусское правительство применяет по отношению к обвиняемым столь гнусные и одновременно столь рискованные методы, — сказали себе присяжные, — если оно, так сказать, поставило на карту свою европейскую репутацию, в таком случае обвиняемые, как бы ни была мала их партия, должно быть, чертовски опасны, во всяком случае их учение, должно быть, представляет большую силу. Правительство нарушило все законы уголовного кодекса,

[*] Зедт оказался не только однажды «призванным». И в дальнейшем он продолжал быть «призванным» — в награду за его заслуги в этом процессе, — а именно, «призванным» занимать пост генерального прокурора Рейнской провинции; в этом чине он был переведен на пенсию, а затем, причастившись перед смертью святых тайн, мирно почил в бозе. *(Примечания Энгельса* к *изданию 1885 г.)*

чтобы защитить нас от этого преступного чудовища. Нарушим же и мы, в свою очередь, нашу крохотную point d'honneur*, чтобы спасти честь правительства. Будем же признательны, осудим их.

Рейнское дворянство и рейнская буржуазия своим вердиктом: «виновен», присоединили свой голос к воплю, который издавала французская буржуазия после 2 декабря: «Только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок!»

Весь государственный аппарат Франции проституировался. И все же ни одно учреждение не было так глубоко проституировано, как французские суды и присяжные. Превзойдем же французских присяжных и судей, — воскликнули присяжные и суд в Кёльне. В процессе Шерваля, вскоре после государственного переворота, парижские присяжные оправдали Нетте, против которого было гораздо больше улик, нежели против *любого* из обвиняемых. Превзойдем же присяжных государственного переворота 2 декабря. Осудим же задним числом Нетте в лице Рёзера, Бюргерса и других.

Так навсегда была разрушена ложная вера в суд присяжных, существовавшая еще в Рейнской Пруссии. Стало ясно, что суд присяжных есть сословный суд привилегированных классов, учрежденный для того, чтобы заполнить пробелы в законе широтой буржуазной совести.

Йена!..[312] Вот последнее слово для правительства, которое нуждается в таких средствах для существования, и для общества, которое нуждается в таком правительстве для защиты; Таково последнее слово кёльнского процесса коммунистов... **Йена!**

* — честь. *Ред.*

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТ. — ГОЛОСОВАНИЕ 26 НОЯБРЯ. БЮДЖЕТ ДИЗРАЭЛИ

Лондон, пятница, 10 декабря 1852 г.

Мое предсказание относительно важных результатов возобновившейся борьбы партий в парламенте сбылось[*]. При открытии сессии оппозиция располагала против министерства негативным большинством; но с тех пор отдельные соперничающие фракции, которые составили это большинство, уже успели взаимно парализовать друг друга. Когда 26 ноября палата общин принимала вместо «радикальной» резолюции г-на Вильерса о свободе торговли двусмысленную поправку лорда Пальмерстона, она являла собой картину всеобщего и взаимного надувательства, всеобщего разброда и разложения всех старых парламентских партий.

Резолюция г-на Вильерса, характеризовавшая акт 1846 г.[313] как «мудрый и справедливый», была составлена без ведома Кобдена и Брайта, этих фритредеров par excellence[**]. Виги решили действовать в интересах фритредеров, не предоставляя им, однако, ни инициативы, ни участия в правительстве после ожидаемой победы. Рассел, который- первый предложил внести столь оскорбительные для министерства слова: «мудрый и справедливый», выразил свое согласие с поправкой Грехема; пилиты, к которым присоединились сторонники министерства, внесли предложение, признающее свободу торговли целесообразной для будущего, но отрицающее ее целесообразность в прошлом; это предложение предоставляло тори возможность вознаградить себя за ущерб, нанесенный им актом сэра Роберта Пиля. Однако те же самые пилиты отвергли поправку Дизраэли и, взяв

[*] См. настоящий том, стр. 401—409. *Ред.*
[**] — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

назад свое собственное предложение, приготовились поддержать первоначальную резолюцию в пользу свободы торговли. Виги, которые были уже совсем недалеки от триумфа, потерпели поражение благодаря выходу на арену Пальмерстона, который взял под защиту поправку Грехема и таким образом с помощью пилитов обеспечил победу сторонникам министерства. Наконец, сама-то эта победа, доставшаяся протекционистскому министерству, состояла в признании свободы торговли и сопровождалась противодействием со стороны не менее 53 наиболее решительных сторонников самой министерской партии. Сложный клубок фальшивых положений, партийных интриг, парламентских маневров, взаимных предательств и т. д. —таков итог дебатов 26 ноября, во время которых была официально признана политика свободы торговли, имевшая, однако, в качестве истолкователей протекционистов, в качестве представителей—протекционистов и в качестве будущих проводников — протекционистов.

В одной из своих прежних статей, написанной до начала сессии, я уже упомянул, что Дизраэли, отказавшись в своих предвыборных речах от восстановления хлебных законов, вознамерился компенсировать лендлордов посредством налоговой реформы, которая дала бы возможность фермерам-арендаторам платить прежнюю, существовавшую во времена протекционизма арендную плату*. Снимая часть теперешнего налогового бремени с плеч фермеров и перекладывая ее на плечи народных масс, Дизраэли льстил себя мыслью, что он нашел для нуждающихся лендлордов гораздо более эффективное средство, чем старая ненадежная система покровительственных пошлин, которая означала спекуляцию непосредственно на *желудке* масс. Хитроумный план г-на Дизраэли заключался в том, чтобы спекулировать на их *кармане;* этот план воплощен ныне в его бюджете, который он представил 3 сего месяца в палату общин и судьба которого будет, вероятно, решаться в сегодняшних вечерних дебатах.

У немецких правительств и немецких филантропов вошло в обычай разглагольствовать о «мероприятиях по улучшению положения трудящихся классов» (Massregeln zur Hebung der arbeitenden Klassen). Бюджет же г-на Дизраэли можно было бы без преувеличений назвать рядом «мероприятий по улучшению положения праздных классов». Но подобно тому как у наших немецких правительств и филантропов такого рода мероприятия неизменно оказываются простым шарлатанством, так

* См. настоящий том, стр. 392. *Ред.*

и план, придуманный ныне английским канцлером казначейства в интересах праздных классов, представляет собой чистейшее надувательство, рассчитанное на то, чтобы побудить фермеров с большей готовностью платить свою теперешнюю высокую арендную плату, обещая им кажущееся уменьшение налогового бремени; этой иллюзией Дизраэли мог бы дурачить их только с помощью какого-либо мероприятия, явно носящего характер настоящего ограбления городского населения.

Дизраэли уже давно с таинственным видом возвестил о своем бюджете, обещая миру не более и не менее, как восьмое чудо света. Его бюджет должен был «положить конец борьбе интересов и прекратить истребительную войну классов», «удовлетворить всех, никого не ущемляя», «слить различные интересы в цветущее единство», «впервые создать гармонию между нашей торговой и финансовой системами, посредством установления новых принципов», *вырисовывающихся в грядущем.*

Рассмотрим теперь эти откровения, которые уже более не вырисовываются в грядущем, а неделю тому назад были сообщены английскому парламенту и всему миру. Как и подобает при таких таинственных откровениях, Дизраэли внес их на рассмотрение с внушительным видом и со всеми надлежащими церемониями. Пиль в 1842 г. излагал свой финансовый проект в течение двух часов. Дизраэли проговорил не менее пяти часов. В течение часа он обстоятельно доказывал, что «страждущие» вовсе не страждут; другой час он посвятил сообщению о том, чего он *не намерен* для них делать, вступая при этом в противоречие с заявлениями Уолпола, Пакингтона, Малмсбери и своими собственными прежними заявлениями; остальные три часа он заполнил изложением бюджета, различными эпизодами, характеризующими положение Ирландии, вопросами обороны страны, предполагаемыми административными реформами и другими занятными предметами.

Основные черты бюджета состоят в следующем:

1) *Судоходство.* Маячный сбор частично понижается, на сумму приблизительно в 100000 ф. ст. в год. Это означает сокращение бремени менее чем на 6 пенсов с тонны в год, которое к тому же может оказать какое-либо влияние на судоходство не ранее середины следующего года. Взимание транзитных пошлин совершенно прекращается. Некоторые полномочия адмиралтейства, задевающие интересы торгового флота, отменяются; так, например, морские офицеры при вербовке матросов в иностранных портах не должны требовать немедленной уплаты им их жалованья, они должны оказывать безвозмездную помощь кораблям, терпящим бедствие, и в гаванях

не должны прогонять невоенные суда с наиболее удобных для якорных стоянок мест. Наконец, должна быть назначена комиссия палаты общин по делам о лоцманстве и загрузке судов балластом. Этим ограничиваются мероприятия в интересах судоходства. Но, дабы фритредеры не могли хвастать тем, что этими постановлениями им делаются какие-то реальные уступки, пережитки таможенных пошлин на лес, ввозимый для постройки судов, сохраняются без изменений.

2) *Колонии.* Разрешается рафинировать сахар еще до уплаты таможенных пошлин, так что пошлины будут отныне взиматься с количества рафинированного сахара, произведенного для продажи, а не с сырья. Кроме того, предполагается поощрять иммиграцию китайцев в Вест-Индию, дабы обеспечить плантаторам достаточное количество дешевых рабочих рук. Дифференцированные пошлины на сахар не отменяются.

3) *Налог на солод и пошлина на хмель.* Налог на солод должен быть снижен наполовину, что, по утверждению Дизраэли, повлечет за собой уменьшение доходов на 2500000 фунтов стерлингов. Предлагается также наполовину снизить пошлины на хмель, что опять-таки вызовет уменьшение доходов почти на 300000 фунтов стерлингов. Это снижение должно быть проведено в жизнь с 10 октября 1853 года. Взамен действующего запрещения ввоза заграничного солода и существующей ввозной пошлины на заграничный хмель для заграничного хмеля и солода должны быть установлены пошлины, соответствующие акцизному сбору, которым облагаются эти товары.

4) *Чай.* Теперешняя пошлина понижается для всех сортов с 2 шилл. $2^1/_2$ пенсов до 1 шилл. с фунта; но это снижение должно быть проведено постепенно в течение шести лет: в 1853 г. — на $4^1/_2$ пенса и в каждый последующий год на 2 пенса, вплоть до 1858 г. включительно. Для 1853 г. это будет означать уменьшение поступлений на 400000 фунтов стерлингов.

5) *Поимущественный и подоходный налог.* Этот налог, утвержденный лишь до 5 августа 1853 г., предполагается продлить еще на три года; он сохраняется в прежнем размере, но распределение его должно быть изменено. Должно быть проведено различие между обложением приносящей доход собственности и налогом на доходы от различных занятий. Недвижимое имущество и ценные бумаги должны облагаться, как и раньше, в размере 7 пенсов с фунта, в то время как для доходов от различных занятий (земледелие, торговля, свободные профессии, служба за жалованье) проектируется снижение налога с 3 до 2 процентов. Эти доходы будут впредь облагаться только в

размере $5^1/_4$ пенса с фунта. С другой стороны, предельный размер дохода, освобождаемого от налога, понижается со 150 до 100 ф. ст. в год, а для недвижимости и ценных бумаг — до 50 ф. ст. в год. Для того чтобы фермеры не понесли какого-либо ущерба от этих проектируемых изменений, они будут облагаться налогом не с половины арендной платы, как в настоящее время, а лишь с одной трети, так, чтобы и после изменения все фермеры, платящие менее 300 ф. ст. арендной платы в год, были свободны от налога. В знак милости, оказываемой церкви, все священники, получающие ежегодный доход в 100 ф. ст., продолжают освобождаться от налога. Наконец, подоходный налог впервые распространяется на Ирландию, но это отнюдь не касается лендлордов, а относится лишь к доходам от ценных бумаг и к жалованью.

6) *Подомовый налог.* Этот налог распространяется на всех съемщиков, уплачивающих за наем помещений не меньше 10 ф. ст. в год, в то время как до сих пор облагались только съемщики, платившие за наем не менее 20 ф. ст. в год. Кроме того, сам размер по домового налога должен быть удвоен: так, вместо 6 пенсов с фунта для лавок и 9 пенсов с фунта для жилых помещений устанавливается налог для первых в 1 шилл. с фунта и для вторых в 1 шилл. 6 пенсов с фунта.

В итоге этот бюджет означает:

С одной стороны, распространение подоходного налога в Англии на те классы городского населения, которые до сих пор были от него освобождены, и введение этого налога в Ирландии для владельцев ценных бумаг и государственных чиновников; распространение подомового налога на те классы городского населения, которые до сих пор его не платили, и увеличение вдвое размера этого налога. *С другой стороны*— сокращение на 2800000 ф. ст. налога на солод и пошлины на хмель, падающих на сельское хозяйство; облегчение налогового бремени, падающего на судоходство, на 100000 ф. ст. и уменьшение на 400000 ф. ст. таможенных пошлин на чай.

Городское население подвергается увеличенному обложению посредством дополнительного подоходного налога, расширения круга плательщиков подомового налога, увеличения его размера вдвое; это делается ради того, чтобы сельское население получило облегчение налогового бремени на сумму в 2800000 фунтов стерлингов. Мелкий лавочник, лучше оплачиваемый рабочий-механик и торговый служащий станут таким образом плательщиками подомового налога и впервые окажутся объектами обложения подоходным налогом. В соответствии с этим с земельных участков будут платить 7 пенсов с фунта, в то

время как с жилых домов будут платить 2 шилл. 1 пенс. Понижение пошлины на чай не изменяет этого соотношения, так как эта сумма очень мала по сравнению с возросшим прямым обложением, и выгоды от этого понижения одинаковы как для деревни, так и для города.

Освобождение ирландских лендлордов от всякого подоходного налога, а английских фермеров и духовенства от расширенного подоходного налога является явной милостью, оказанной деревне за счет города. Но кто выигрывает от понижения налога на солод: лендлорд, фермер или потребитель? Понижение налогов означает уменьшение риска, связанного с производством. По законам политической экономии, уменьшение издержек производства должно было бы вызвать снижение цен и, следовательно, доставило бы выгоду не лендлорду и не фермеру, а лишь потребителю.

Но в данном случае необходимо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, земля, на которой может произрастать первосортный ячмень, является в Англии монопольным владением, и пригодная для этого почва имеется только в Ноттингемшире, в Норфолке и т. д., а для поставок заграничного солода существует естественный предел, ибо ни ячмень, ни солод не переносят продолжительных морских перевозок. Во-вторых, крупные английские пивовары фактически обладают монополией, которая основывается главным образом на теперешней системе лицензий. Вследствие этого даже отмена хлебных законов не вызвала понижения цен на портер и на эль.

Таким образом, выгода от понижения налога на солод достанется не фермерам и не потребителям, а будет поделена между лендлордами и крупными пивоварами. — Поскольку же сохраняется ненавистное вмешательство акциза в дела земледелия, то взимание половинной суммы прежних налогов будет вызывать такие же административные расходы, какие до сих пор вызывало взимание полной суммы. В настоящее время расходы по взиманию акцизных сборов на сумму в 14400000 ф. ст. достигают 5 ф. ст. 6 шилл. на каждую сотню фунтов налогов. После уменьшения налога на 3 миллиона они составят от 6 ф. ст. до 6 ф. ст. 4 шиллингов. Словом, в такой же мере, в какой уменьшается доход, возрастают непроизводительные расходы.

Итак, бюджет Дизраэли сводится к возмещению убытков лендлордов — «возмещению, воздаваемому сторицей».

Но этот бюджет имеет также и другую, не менее любопытную особенность.

Если вы желаете осуществить фритредерскую торговую систему, то прежде всего вам необходимо изменить финансовую

систему. «Вы должны от косвенного обложения вернуться к прямому», — говорит Дизраэли, и Дизраэли прав.

Прямое обложение, как простейшая форма налогообложения, является вместе с тем его первоначальной и самой древней формой — современницей того общественного строя, который основывался на земельной собственности. Впоследствии города ввели систему косвенных налогов; но с течением времени последняя оказалась в двойном конфликте с общественными потребностями благодаря современному разделению труда, крупному промышленному производству и прямой зависимости внутренней торговли от внешней и от мирового рынка. На границах государства эта система воплощается в покровительственные пошлины и нарушает или затрудняет свободный обмен с другими странами. Внутри государства она тождественна фискальному вмешательству в производство, нарушает соотношение стоимостей товаров и подрывает свободную конкуренцию и обмен. По этим двум причинам упразднение ее становится необходимостью. Система прямого обложения должна быть восстановлена. По прямое обложение не допускает никакого обмана, и каждый класс точно знает, какую долю государственных расходов он несет. Поэтому в Англии нет ничего более непопулярного, чем прямые налоги: подоходный налог, поимущественный налог, подомовый налог и т. д. Теперь спрашивается: каким образом промышленный класс Англии, вынужденный благодаря свободной торговле перейти к системе прямого обложения, может ввести последнюю, не возбуждая общественного недовольства и в то же время не увеличивая своих собственных тягот?

Это можно сделать только тремя способами:

Посредством наступления на государственный долг. По это явилось бы подрывом государственного кредита, конфискацией, революционным мероприятием.

Посредством превращения земельной ренты в главный, объект обложения. Но и это также явилось бы покушением на собственность, конфискацией, революционным мероприятием.

Посредством возвращения находящихся в руках у церкви имуществ. Но это опять-таки дальнейшее покушение на собственность, конфискация, революционное мероприятие.

«Ни в коем случае», — восклицает Кобден, — «мы должны только сократить государственные расходы, и тогда мы сможем также уменьшить наше теперешнее налоговое бремя».

Это — утопия. Во-первых, отношения между Англией и континентом требуют постоянного увеличения национальных расходов; во-вторых, к этому же привела бы, и победа промыш-

ленного класса, представляемого Кобденом, ибо благодаря ей борьба между капиталом и трудом сделалась бы еще ожесточенней и еще больше возросла бы потребность в средствах подавления. Иными словами, бюджет никак не может быть сокращен.

Я резюмирую: свобода торговли побуждает перейти к системе прямого обложения. Система же прямого обложения таит в себе революционные мероприятия против церкви, лендлордов и держателей государственных ценных бумаг. Эти революционные мероприятия настоятельно требуют союза с рабочим классом, а союз этот лишает английскую буржуазию тех главных выгод, которых она ожидает от свободы торговли, а именно — неограниченного господства капитала над трудом.

Написано К. Марксом около 10 декабря 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3650, 28 декабря 1852 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ОТВЕТ «СЕКРЕТАРЮ» КОШУТА

РЕДАКТОРУ «NEW-YORK TRIBUNE»

Лондон, вторник, 14 декабря 1852 г.

Милостивый государь!

Некоторое время тому назад я послал Вам объяснение* по поводу моей недавней корреспонденции о действиях Кошута и Мадзини**, вызвавшей такой бурный отклик в американской печати. В этом объяснении, —в котором я, между прочим, отметил, что сам Кошут не имел совершенно никакого касательства к вызванным моей корреспонденцией многочисленным статьям и что моим намерением было не столько выступить против упоминаемых лиц, сколько предостеречь их и т. д., —содержалось все, что я считал тогда необходимым сказать по этому вопросу. Но вот я получаю последние американские газеты и нахожу в них нечто вроде официального опровержения моих сообщений, вышедшего якобы из-под пера секретаря г-на Кошута. По поводу этого «документа» я должен сообщить Вам, что Кошут, будучи запрошен мной, заверил меня в следующем:

1) что в настоящее время он вообще не имеет секретаря;

2) что упомянутое «опровержение» было написано без его санкции;

3) что он даже ничего не знал о нем до того, как получил мое уведомление.

После этого «авторизованного» заявления я больше не буду возвращаться к данному вопросу. Пусть испрошенные адвокаты, столь некстати проявившие свое усердие, сами ищут себе утешение.

Вам частный корреспондент

Написано К. Марксом

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3656, 4 января 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 410—411. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 382—384. *Ред.*

К. МАРКС

ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА

Лондон, пятница, 17 декабря 1852 г.

Спешу сообщить вам результат вчерашних вечерних дебатов, которые принесли министерству поражение.

Этому общему поражению министров предшествовал позорный исход того сражения в одиночку, которое вел их наиболее отчаянный боец, Ахилл Бересфорд[314], секретарь по военным делам. Комиссия по проверке выборов в Дерби представила свой доклад. Этот доклад подтверждает все те разнообразные факты, которые уже приводили в своей петиции по поводу выборов либералы, и в заключение признает доказанным свидетельскими показаниями, что во время выборов в Дерби была в широких масштабах пущена в ход система подкупа. Но вместе с тем комиссия воздержалась от дальнейшего расследования улик и вместо того, чтобы прямо предъявить Бересфорду обвинение в попытке подкупа, удовлетворилась суровым осуждением его «безрассудной халатности и непредусмотрительности». Посмотрим, присоединится ли парламент к мнению этой почтенной комиссии и разрешит ли г-ну Бересфорду сохранить свое место в палате. В этом случае парламент сам подписался бы под достопамятным изречением господина министра Бересфорда о том, что «английский народ представляет собой самую отвратительную чернь в мире». Как бы то ни было, но своего министерского поста г-н Бересфорд удержать уже не может.

После этого краткого отступления возвратимся к первоначальной теме.

Четыре вечера подряд и бо́льшую часть пятого вечера члены палаты общин дебатировали вопрос, должен ли быть рассмотрен весь бюджет в целом или — рассмотрена резолюция в целом, общие принципы или конкретные данные, касающиеся того или иного пункта. Наконец, они пришли к заключению, что палата

в данный момент должна заняться лишь вопросом о повышении подомового налога и о расширении сферы *прямого обложения.*

Это главное предложение, содержащееся в бюджете г-на Дизраэли, было отклонено палатой в результате следующего голосования:

За — 286 голосов, против — 305.

Большинство, полученное противниками министерства, составляет 19 голосов. После этого палата отложила свои заседания до ближайшего понедельника. Недостаток времени не позволяет мне рассмотреть дебаты столь подробно, как бы мне этого хотелось. Я должен поэтому ограничиться лишь изложением важнейших мест из последней речи г-на Дизраэли, которая является безусловно наиболее значительной из всех.

Сэр Чарлз Вуд, бывший канцлер казначейства, и сэр Джемс Грехем направили свой главный огонь против предложения Дизраэли обратить заемный фонд, предназначенный для общественных работ (400000 ф. ст. в год), на покрытие дефицита, образующегося вследствие понижения пошлин на судоходство. Особенно рьяно доказывал благотворное действие этого фонда сэр Джемс Грехем. Что же на это отвечает г-н Дизраэли?

«Я намерен показать комиссии, какие вопиющие злоупотребления совершались с государственными средствами этой страны, какие громадные суммы денег проматывались фактически без ведома и контроля парламента, при этом исключительно посредством аппарата, управляющего этим заемным фондом для общественных работ».

После этого следует детальное описание скандальных финансовых махинаций, которые производились вигским правительством с этим фондом. Затем Дизраэли переходит к изложению тех принципов, на которых основан его бюджет.

«Прежде чем определить, какой именно первый шаг нам нужно сделать, следует разрешить один в высшей степени важный вопрос — вопрос о том, как далеко мы можем заходить в своих просьбах к стране относительно установления той суммы прямых налогов, которая необходима всякому министерству, пытающемуся встать на путь финансовой реформы. (Возгласы: «Правильно!») Депутат от Галифакса (сэр Чарлз Вуд) обвинил меня в том, что я внес предложение о безрассудном увеличении прямого обложения страны. (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Депутат от Карлайла (сэр Джемс Грехем) обвинил меня в опрометчивом доведении прямого обложения до крайних пределов. Прежде всего, внесенное мной от имени правительства предложение не только не означает безрассудного увеличения размера прямых налогов, но в случае его принятия не довело бы прямые налоги даже до тех размеров, каких они достигли во время управления финансами достопочтенного джентльмена, депутата от Галифакса, прибегавшего не только к поимущественному и подоходному налогу, но и к посконному налогу; этот налог в последний год своего существования принес ему почти два миллиона фунтов стерлингов. (Аплодисменты.) Достопочтенный джентльмен, предостерегающий нас от безрассудного

повышения размера прямых налогов, понизил сумму, которую он получил с последний год своего управления от посконного налога, и удовлетворился скромной суммой в 700000 ф. ст., сохранившейся в результате замены посконного налога другим налогом. Я не могу забыть, однако, как достопочтенный джентльмен, безрассудно обвиняющий меня в повышении суммы прямых налогов, вначале предложил провести такую замену в полном объеме, что сделало бы размеры его подомового налога выше, чем когда-либо предлагал это сделать я. (Громкие аплодисменты.) Но все ли это? Все ли это, что сделал этот достопочтенный джентльмен, который обвиняет меня в безрассудном повышении прямых налогов страны? Да, ведь это тот самый министр, который, взимая поимущественный налог, истинные размеры которого нам теперь известны, взимая поконный налог, приносящий около двух миллионов, явился однажды в палату общин и предложил пораженному собранию увеличить почти вдвое поимущественный и подоходный налог. (Бурные аплодисменты.) Я рассматриваю такое поведение как признак безрассудного отношения к последствиям... Нам твердят об удвоении подомового налога. Безобидная сумма! Но если бы достопочтенный джентльмен провел увеличение вдвое поимущественного и подоходного налога, его, по моему мнению, справедливо можно было бы обвинить в безрассудном повышении прямых налогов страны. (Громкие аплодисменты.) Толкуют о безрассудстве! Но что в истории финансов может сравниться с тем безрассудством, с каким действовал достопочтенный джентльмен? (Громкие аплодисменты.) И какие у него были основания вносить это чудовищное, невероятное предложение, предложение, внесение которого можно было бы оправдать лишь в случае, если бы от этого зависела безопасность страны? Когда же он получил отпор, потерпел провал и был осыпан насмешками, он выступил с заявлением, что имеет достаточно доходов и может обойтись без своего предложения. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Будущему историку не поверят и заподозрят его в неправде, когда он расскажет, как один министр выступил с предложением почти удвоить подоходный налог, а на следующий день заявил, что доходная часть бюджета вполне обеспечена. (Новый взрыв аплодисментов.)»

Сведя, таким образом, счеты с сэром Чарлзом Вудом, Дизраэли продолжает:

«Мы должны доказать, что существует различие между собственностью, и доходом, между непостоянным и постоянным доходом. Мы должны затем отстоять принцип, который мы считали и продолжаем считать единственно правильным и который, если даже и не теперь, непременно будет признан и принят, а именно, что *база для прямого обложения должна быть расширена.* (Возгласы одобрения на правительственных скамьях.)... Если бы имелось намерение сделать постоянным принципом нашей социальной системы то положение, что классы, пользующиеся политической властью, должны создаваться за счет чрезмерного обременения более богатой части общества прямыми налогами, а рабочих — косвенными налогами, то я не мог бы представить себе обстоятельства, более рокового для этой страны и более чреватого гибельными последствиями. (Аплодисменты.) Но при этом я глубоко убежден, что привилегированные классы первые испытали бы на себе эти гибельные последствия».

Обращаясь к фритредерам, Дизраэли говорит:

«Мы видим, что великие противники колониальных пошлин все, как один, выступают в защиту высокого обложения производителей; мы видим

здесь, что они, как бы в насмешку над нами, используют все те ложные положения, от которых мы в конце концов имели мужество достойным образом отказаться. (Бурные овации.) И вы мне говорите, что протекционизм умер, и вы говорите нам, что не существует партии протекционистов! О нет, она в полном цвету, и она здесь. (Указывает на скамьи оппозиции.) Вместе с нашими скамьями они присвоили наши принципы, и я уверен, что они будут иметь столь же мало успеха. (Аплодисменты.)»

В заключение Дизраэли следующим образом отвечает на благожелательный совет сэра Чарлза Вуда взять свой бюджет обратно:

«Мне советуют взять обратно мой бюджет. Мне говорят, что г-н Питт брал обратно свой бюджет и что недавно некоторые другие лица» (виги и, в частности, сэр Чарлз Вуд) «поступили точно так же. (Смех.) Я не мечтаю о славе г-на Питта, но не хочу и пасть до уровня этих других лиц. (Громкие аплодисменты.) Нет, господа, я уже видел, к каким результатам приходит правительство, неспособное провести свои собственные мероприятия, результатам, которые не приносят ни чести правительству, ни пользы стране и, по моему убеждению, несовместимы с тем, что для меня всего дороже—с достоинством этой палаты. (Громкие аплодисменты.) Я вспоминаю об одном бюджете, который был взят обратно, снова внесен и снова взят обратно (смех) в 1848 году. Каков же был результат деятельности этого правительства, существовавшего лишь постольку, поскольку его терпели? Каков был результат для финансов этой страны? Не эта ли позорная операция по замене посконного налога подомовым налогом, которую я теперь должен постараться исправить? (Аплодисменты.) Причины недовольства кроются далеко не в сфере одних только партийных интересов... Да, я хорошо знаю, кто будет мне противостоять. Мне придется иметь дело с коалицией. (Аплодисменты.) И, возможно, сговор будет иметь успех. Коалиция, которая была до этого, имела успех. Но даже добившиеся успеха коалиции постоянно убеждались в непродолжительности своего триумфа. И я знаю также, что Англия не любит коалиций. (Аплодисменты.) От коалиции я апеллирую к тому общественному мнению, которое управляет страной, к тому общественному мнению, чье мудрое и неотразимое влияние может подчинить своему контролю даже решения парламента и без чьей поддержки самые величественные и древние учреждения являются всего лишь беспочвенным порождением фантазии. (Достопочтенный джентльмен возвращается на свое место, сопровождаемый оглушительными, несмолкаемыми аплодисментами.)»

Каково же мнение сегодняшних газет о последствиях этого поражения министерства?

«Morning Chronicle» (орган пилитов) и «Morning Advertiser» (орган радикалов) считают отставку министерства несомненной. «Times» держится того же мнения, считая, что министры подадут в отставку, хотя и сомневается, сможет ли оппозиция так же легко образовать новое правительство, как она свалила старое. «Daily News» (орган манчестерцев) допускает возможность реорганизации павшего министерства в союзе с лордом

Пальмерстоном. «Morning Post» (орган Пальмерстона) считает эту реорганизацию чем-то само собой разумеющимся. Наконец, «Morning Herald» (Дерби — Дизраэли) заявляет, что если министры подадут сегодня в отставку, королева* вынуждена будет завтра снова их призвать.

Несомненно одно: министры потерпели поражение в результате фритредерской резолюции, предусматривавшей расширение прямого обложения. Во всяком случае они могут утешаться тем, что если они сумели успешно отразить первый парламентский натиск ценой отказа от своих собственных принципов, то оппозиция победила их во втором сражении лишь благодаря тому, что отказалась от своих.

Таким образом, в этих дебатах полностью подтвердилось то, что я уже раньше говорил о положении парламентских партий**. Объединенная оппозиция имеет по сравнению с компактной массой 286 тори большинство лишь в 19 голосов. Стоит ей образовать новое правительство, как оно будет опрокинуто при первом же удобном случае. Если же правительство, образованное оппозицией, распустит палату общин, новые выборы, которые будут происходить при прежних условиях, приведут к тем же результатам, т. е. в новой палате общин, когда возобновится старая игра, различные партии по-прежнему парализуют друг друга, и политика Англии снова окажется в cercle vicieux***.

Поэтому я утверждаю, что остается в силе старая дилемма: либо *дальнейшее существование торийского правительства,* либо *парламентская реформа.*

Написано К. Марксом
17 декабря 1852 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 3659, 7 января 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* — Виктория. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 401—409. *Ред.*
*** — порочном кругу. *Ред.*

К. МАРКС

ОТЖИВШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. — ПЕРСПЕКТИВЫ КОАЛИЦИОННОГО МИНИСТЕРСТВА и т. д.

Лондон, вторник, 11 января 1853 г.

«Мы подошли теперь к началу *политического тысячелетнего царства*[315], во время которого исчезнет с лица земли дух партийных раздоров, и лишь талант, опыт, трудолюбие и патриотизм станут единственными качествами, дающими право на занятие должностей. Мы имеем теперь министерство, которое, как нам кажется, пользуется одобрением и поддержкой людей всех направлений. Его принципы пользуются всеобщим сочувствием и поддержкой».

Такими словами «Times» в первом порыве своего энтузиазма возвестил о правительстве Абердина. По его тону можно вообразить, будто Англия отныне будет осчастливлена лицезрением министерства, состоящего исключительно из новых, молодых, многообещающих личностей. Поэтому мир будет, без сомнения, немало удивлен, когда он узнает, что начать новую эру в истории Великобритании призваны почти совсем обессилевшие, дряхлые восьмидесятилетние старцы. Абердину — под восемьдесят; Ленсдаун стоит уже одной ногой в могиле; Пальмерстон и Рассел почти приблизились к такому же состоянию; Грехом — бюрократ, служивший с конца прошлого столетия почти при всех правительствах; другие члены кабинета уже дважды умирали от старости и истощения и лишь искусственно возвращены к жизни. Одним словом, десяток столетних стариков — вот тот материал, из которого публицист газеты «Times» обрадовал, — по-видимому, путем простого сложения — новое «тысячелетнее царство».

Нам обещают, что в этом «тысячелетнем царстве» должны исчезнуть всякие партийные раздоры, более того — даже и самые партии. Что этим хочет сказать «Times»? Должны ли с этого часа перестать существовать все партии но той лишь

причине, что определенные аристократические круги, которые до сих пор пользовались привилегией придавать себе видимость национальных или парламентских партий, убедились теперь, что продолжать разыгрывать этот фарс дальше уже нельзя, а также потому, что эти аристократические клики в силу этого убеждения и в результате жестоких уроков, полученных ими в последнее время, решили оставить свои мелкие распри и объединиться в одну компактную массу для защиты своих общих привилегий? И не служит ли самый факт образования подобной «коалиции» вернейшим признаком того, что наступило время, когда действительно растущие, но все еще частично лишенные представительства основные классы современного общества — промышленная буржуазия и рабочий класс — готовятся отстоять свое право быть единственными политическими партиями нации?

Во время правления лорда Дерби тори раз и навсегда отказались от своих старых протекционистских доктрин и провозгласили себя сторонниками свободы торговли. Когда граф Дерби объявлял об отставке своего кабинета, он сказал:

«Милорды, я вспоминаю,—да и вам, милорды, наверное, это памятно,— как благородный граф» (Абердин) «неоднократно заявлял в этой палате, что, кроме вопроса о свободе торговли, ему не известно *ни одного* вопроса, в котором у него были бы *какие-либо* расхождения с теперешним правительством».

Лорд Абердин, подтверждая это мнение, пошел еще дальше, заметив, что «он готов объединиться с благородным графом» (Дерби) «для сопротивления посягательствам демократии, но он затрудняется указать, где эта демократия существует». По признанию обеих сторон, между пилитами и тори не существует более никаких разногласий. Но и это еще не все. По поводу внешней политики граф Абердин замечает:

«На протяжении тридцати лет принципы внешней политики нашей страны были неизменны, хотя и имелись известные расхождения в их применении».

Из этого следует, что вся борьба между Абердином и Пальмерстоном, продолжавшаяся с 1830 до 1850 г., борьба, в которой первый добивался союза с северными державами, а последний отстаивал «entente cordiale»* с Францией, один был за Луи-Филиппа, а другой — против, один выступал против вмешательства, а другой — за него; словом, все их распри и споры, даже их недавнее общее возмущение «позорным» ведением

* — «сердечное согласие». *Ред.*

иностранных дел лордом Малмсбери — все это признано простым обманом. Да и вообще, найдется ли в политической жизни Англии что-либо подвергавшееся более радикальным изменениям, чем ее внешняя политика? До 1830 г. союз с северными державами; с 1830 г. союз с Францией (четверной союз)[316], с 1848 г. полная изоляция Англии от всего континента.

После того как сначала лорд Дерби заверил нас, что нет никаких разногласий между тори и пилитами, граф Абердин заверяет нас вслед за тем, что разногласий нет точно так же и между пилитами и вигами, консерваторами и либералами. По его мнению:

«Страна устала от этих бессмысленных различий, которые не оказывают также действительного влияния на поведение или принципы государственных деятелей. Никакое другое правительство, кроме консервативного, немыслимо, — и равным образом столь же правильно и то, что немыслимо никакое другое правительство, кроме либерального».

«Эти термины имеют не очень определенный смысл. Стране надоели эти бессмысленные различия».

Итак, три аристократические фракции — тори, пилиты и виги — согласны в том, что они действительно ничем не отличаются друг от друга. Кроме того, есть еще один пункт, в котором они сходятся. Дизраэли заявил, что он намерен проводить принцип свободы торговли. Лорд Абердин говорит:

«Великая цель теперешних министров королевы и главная особенность их правления должна состоять в сохранении и разумном расширении свободной торговли. Это та миссия, которая в особенности на них возложена».

Одним словом, вся аристократия соглашается с тем, что управлять следует к выгоде и в интересах буржуазии, но вместе с тем она решила не допускать самое буржуазию руководить этим делом. Для этой цели старая олигархия, напрягая последние силы, собрала все, что у нее еще есть талантливого, влиятельного и авторитетного, и соединила в одном правительстве, задача которого состоит в том, чтобы возможно дольше преграждать буржуазии непосредственный доступ к управлению страной. Объединенная аристократия Англии намерена действовать по отношению к буржуазии согласно тому же правилу, которое Наполеон рекомендовал применять к народу: «Tout pour le peuple, rien par le peuple»*.

Эрнест Джонс замечает в «People's Paper»:

«Разумеется, явное намерение исключить буржуазию придется каким-то образом замаскировать, и они» (министры) «надеются легче всего достигнуть этого путем предоставления некоторых второстепенных и мало-

* — «Все для народа, ничего посредством народа». *Ред.*

влиятельных постов либеральным аристократам вроде сэра Уильяма Молсуорта, Бернала Осборна и других. Но пусть они не воображают, что этот щеголеватый либерализм Мейфера[317] удовлетворит суровых господ из манчестерской школы. Последних интересует лишь деловая сторона и ничто другое. Они думают о фунтах, шиллингах и пенсах, о постах и должностях, о гигантских доходах самой обширной в мире империи, которая со всеми своими ресурсами должна быть целиком поставлена на службу исключительно их классовым интересам».

И действительно, достаточно беглого взгляда на «Daily News», «Advertiser» и особенно на «Manchester Times»[318], орган непосредственно г-на Брайта, чтобы убедиться в том, что приверженцы манчестерской школы, обещая коалиционному правительству свою временную поддержку, имеют в виду лишь придерживаться той же политики, которую пилиты и виги проводили по отношению к последнему министерству Дерби: они хотят дать возможность министрам испытать себя. Каков смысл этого «испытания», Дизраэли имел недавно случай убедиться.

Так как поражение торийского кабинета было решено ирландской бригадой, то новое коалиционное правительство, естественно, считало необходимым предпринять шаги для того, чтобы обеспечить себе парламентскую поддержку этой фракции. Г-на Садлера, маклера ирландской бригады, быстро соблазнили должностью лорда казначейства. Г-ну Кьоу был предложен пост генерал-солиситора для Ирландии, а г-н Монселл сделан клерком артиллерийского управления.

«Этими тремя подкупами»,—пишет «Morning Herald»,—«надеются завоевать ирландскую бригаду».

Тем не менее есть достаточно оснований сомневаться в том, смогут ли эти три подкупа обеспечить поддержку всей ирландской бригады. Мы сейчас уже читаем в ирландской газете «Freeman's Journal»[319]:

«Ныне наступил критический момент для вопроса о правах арендаторов и вопроса о религиозной свободе. Успех или неуспех в разрешении этих вопросов зависит теперь не от министров, а от ирландских депутатов. Министерство Дерби было опрокинуто девятнадцатью голосами. Если бы десять человек перешли на другую сторону, это изменило бы ход событий. При таком положении партий ирландские депутаты всемогущи».

В конце моей последней статьи я высказал мнение, что существует лишь одна альтернатива: торийское правительство или парламентская реформа[*]. Вашим читателям будет интересно узнать взгляды лорда Абердина по этому же вопросу.

---

[*] См. настоящий том, стр. 565. *Ред.*

Он говорит;

«Улучшение положения народа не исключает» (sic![*]) «устранения недостатков представительной системы, ибо такого рода события, какие имели место во время последних выборов, без сомнения, вряд ли способны в ком-нибудь пробудить любовь к этой системе».

Коллеги лорда Абердина на выборах, которые проходили вслед за назначением их на государственные посты, единодушно заявили, что реформа представительной системы необходима. Однако при этом они каждый раз давали своим слушателям понять, что подобные реформы должны быть «умеренными и разумными реформами и их следует проводить, ие торопясь, обдуманно и осторожно». Итак, чем больше пороков оказывается в теперешней представительной системе и чем чаще это открыто признают, тем больше обнаруживается нежелания торопиться с ее изменением и делать это радикально.

Последние перевыборы министров дали повод впервые испытать повое изобретение, позволяющее политическим деятелям сохранять свой престиж при всех обстоятельствах, попадут ли они *в кабинет* или *нет.* Это изобретение состоит в до сих пор еще не применявшемся на практике употреблении понятия *«открытый вопрос».* Осборн и Вильерс в прошлом публично обязались стоять за тайное голосование. Теперь они объявляют его открытым вопросом. Молсуорт обязался бороться за колониальную реформу, теперь это — открытый вопрос. Кьоу, Садлер и другие обязались отстаивать права арендаторов, теперь это — открытый вопрос. Одним словом, все то, о чем они в качестве депутатов постоянно твердили как о решенном для себя вопросе, сделалось открытым вопросом для них в качестве министров.

В заключение я должен отметить еще одно курьезное обстоятельство, создавшееся в результате коалиции пилитов, вигов, радикалов и ирландцев. Каждый из знаменитых деятелей соответствующей фракции выброшен из того ведомства, для которого он, как считают, только и обладает некоторым талантом или знаниями, и назначен на пост, для которого он удивительно мало пригоден. Пальмерстон, этот знаменитый министр иностранных дел, назначен в министерство внутренних дел, из которого Рассел, состарившийся на этом посту, удален для того, чтобы получить в управление иностранные дела. Глад-стон, этот Эскобар пьюзиизма[320], назначается канцлером казначейства. Молсуорт, приобретший известную репутацию подражателя или сторонника нелепой колониальной системы

[*] — так! *Ред.*

г-на Уэйкфилда[321], делается уполномоченным по общественным работам. Сэру Чарлзу Вуду, который, будучи министром финансов, пользовался привилегией садиться в лужу то с дефицитом, то с излишками в казначействе, доверен пост председателя Контрольного совета по делам Индии. Монселл, который с трудом отличает нарезное ружье от мушкета, назначен клерком артиллерийского управления. Единственным человеком, оказавшимся на своем собственном месте, является сэр Джемс Грехем, который на посту первого лорда адмиралтейства еще раньше успел снискать себе солидную славу уже тем, что первый ввел в британском флоте гнилостного червяка.

Написано К. Марксом
11 января 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 3677, 28 января 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ. — ПРОЦВЕТАНИЕ ТОРГОВЛИ. — СЛУЧАЙ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ

Лондон, пятница, 14 января 1853 г.

Когда лорд Джон Рассел получил в министерстве иностранных дел знаки дипломатического ранга, он заявил, что намерен занимать пост в этом ведомстве лишь временно и в недалеком будущем управление иностранными делами будет передано графу Кларендону. И действительно, в министерстве иностранных дел лорд Рассел всегда оставался настоящим иностранцем; он там ничем себя не проявил, если не считать издания скучной компиляции, кажется, по истории договоров, заключенных со времени Нимвегенского мира, — книги, которая, по правде говоря, является в лучшем случае столь же занимательной, как и «трагедия», которой тот же Рассел в один прекрасный день удивил мир[322]. По всей вероятности, лорд Джон сделается лидером палаты общин, сохранив место в кабинете, где вся его энергия будет поглощена, по-видимому, разработкой нового билля о реформе. Ведь парламентская реформа является традиционным поприщем Рассела с той поры, как, проводя свои мероприятия в 1831 г., он со столь большим мастерством сумел поделить «гнилые местечки»[323] между тори и вигами.

Мое предсказание, что подкуп трех ирландских депутатов[*], к которому прибегло министерство для того, чтобы завербовать всю «ирландскую бригаду» на сторону коалиционного правительства, окажется безрезультатным, целиком оправдалось. Позиция «Freeman's Journal» и «Tablet», тон писем и заявлении гг. Лукаса, Мура и Даффи, наконец, резолюция, принятая на последнем собрании Лиги защиты прав арендаторов[324] против гг. Садлера и Кьоу, в достаточной мере свидетельствуют о том,

[*] См. настоящий том, стр. 509. *Ред.*

что правительство Абердина будет располагать лишь весьма незначительной частью ирландских сил.

Как известно, лорд Абердин, глава кабинета, будет заседать в палате лордов. В своей недавно произнесенной речи в Манчестере на банкете в честь г-на Ингерсолла, нового американского посла, г-н Брайт воспользовался случаем заявить, что полное упразднение палаты лордов является conditio sine qua non* для «прогресса» промышленной буржуазии. Это первое официальное заявление манчестерской школы со времени образования коалиционного министерства, наверное, поможет до некоторой степени лорду Абердину напасть на след том демократии, которая внушает такой страх лорду Дерби.

Итак, борьба партий, которую полный оптимизма публицист «Times» объявил навсегда исчезнувшей, снова разгорелась, несмотря на то, что эра «тысячелетнего царства» началась отсрочкой сессии парламента до 10 февраля.

Продолжающийся рост торгового и промышленного процветания был громогласно и единодушно провозглашен в начале нового года и подтвержден публикацией отчетов о государственных доходах с данными вплоть до 5 сего месяца, официальными отчетами министерства торговли за месяц и за одиннадцать месяцев, кончая 5 декабря 1852 г., отчетами фабричных инспекторов и, наконец, ежегодными торговыми бюллетенями, выпускаемыми к началу каждого нового года и содержащими общий обзор всех торговых операций за истекший год.

Отчеты о государственных доходах показывают их общее увеличение за весь год на 978926 ф. ст. и за квартал на 702776 фунтов стерлингов. Увеличение произошло за год по всем статьям, за исключением *таможенных пошлин.* Общая сумма, поступившая в казначейство, достигла 50468193 фунтов стерлингов.

Акцизные сборы, которые, как полагают, служат показателем благосостояния народа, составляли:

за год, кончая 5 января 1852 г. ....13093170 ф. ст.

за год, кончая 5 января 1853 г. ....13356981 »

Гербовые сборы — показатель роста торговой активности — составляли:

в 1851—1852 гг. ....5933549 ф. ст.

в 1852—1853 гг. ....6287261 »

* — необходимым условием. *Ред.*

Поимущественный налог, показывающий рост богатства высших классов, составлял:

в 1851—1852 гг. ....5304923 ф. ст.

в 1852—1853 гг. ....5509637 »

Отчеты министерства торговли за месяц и за последние одиннадцать месяцев, кончая 5 декабря 1852 г., показывают:

	1852 г.	1851 г.	1850 г.
Стоимость экспорта за месяц, кончая 5 декабря (в фунтах стерлингов)	6102694	5138216	5362319
За одиннадцать месяцев, кончая 5 декабря	65349798	63314272	60400525

Итак, за месяц увеличение стоимости экспорта составляет почти миллион, а за одиннадцать месяцев — свыше двух миллионов фунтов стерлингов. Однако насколько уравновешено или перекрыто оно увеличением стоимости импорта, мы не знаем из-за отсутствия каких-либо сведений о стоимости последнего.

Перейдем к отчетам фабричных инспекторов: г-н Хорнер, фабричный инспектор Ланкаширского округа, в своем только что опубликованном полугодовом отчете, включающем сведения по 31 октября 1852 г., пишет следующее:

«Что касается шерстяных, камвольных и шелкоткацких фабрик, то в течение последнего года в моем округе произошло мало изменений; льнопрядильни находятся в том же положении, как и к 1 ноября 1851 года. Но рост хлопчатобумажных фабрик был весьма значителен. Если даже вычесть те из них, которые в данный момент бездействуют (а многие из них будут, по всей вероятности, вскоре снова работать, в особенности те, машинное оборудование которых было сохранено), — то в течение последних двух лег насчитывается 129 пущенных в ход новых фабрик, общей мощностью в 4023 лошадиные силы. Мощность существующих фабрик в 53 случаях увеличена в целом на 2090 лошадиных сил, так что общее увеличение мощности равно 6113 лошадиным силам — увеличение, которое позволило дополнительно занять в хлопчатобумажной промышленности, по-видимому, не менее 24000 рабочих. Но этим дело не ограничивается, так как в настоящее время строится еще много новых фабрик. В небольшом районе, где расположены города Аштон, Стейлибридж, Олдем и Лис, строятся одиннадцать фабрик общей мощностью, как определяют, в 620 лошадиных сил. Говорят, что машиностроители прямо завалены заказами; один очень умный и наблюдательный фабрикант сказал мне недавно, что многие из строящихся теперь фабрик смогут быть пущены, вероятно, не ранее 1854 г. из-за невозможности достать для них машинное оборудование. Однако, хотя приведенные выше сведения, а также те, которые приведут мои коллеги в своих текущих отчетах, и могут дать представление о сильнейшем росте производства, тем не менее они не в состоянии отразить полную картину этого роста. Ибо существует обширный и очень богатый источник роста производства, о котором очень трудно полу-

чить какие-либо данные. Я имею в виду современные усовершенствования в области паровых машин, благодаря которым старые и даже новые двигатели могут развить мощность, которая значительно превышает их номинальную и которую раньше считали бы невозможной».

Далее г-н Хорнер цитирует письмо выдающегося инженера-строителя г-на Несмита из Бирмингема, показывающее, сколько можно выиграть в смысле производительности, если ускорить работу машин и снабдить их двойным цилиндром высокого давления Вулфа; в результате его применения те самые машины, которые уже находятся в употреблении, увеличивают свою производительность по меньшей мере на 50 процентов по сравнению с той, какая была у них до усовершенствования.

Из итоговых данных отчетов всех фабричных инспекторов можно увидеть, что в течение года, кончающегося 31 октября 1852 г., общее число всех новых пущенных в ход фабрик равнялось 229, с паровыми двигателями мощностью в 4771 лошадиную силу и водяными двигателями мощностью в 586 лошадиных сил; были расширены 69 уже существующих фабрик, с паровыми двигателями мощностью в 1532 лошадиные силы и водяными мощностью в 28 лошадиных сил; общин итог составляет 6917 лошадиных сил.

Переходя затем к ежегодным торговым бюллетеням, мы обнаруживаем, что все они проникнуты тем же энтузиазмом, с каким «Times» возвестил о политическом «тысячелетнем царстве», но они во всяком случае имеют то преимущество перед этой газетой, что опираются — по крайней мере, поскольку речь идет об истекшем годе — на факты, а не на одни ожидания.

Сельское хозяйство также не имеет оснований для жалоб. К началу года средняя цена пшеницы за неделю равнялась 37 шиллингам 2 пенсам, к концу года она достигла 45 шиллингов 11 пенсов. Рост цен на зерно сопровождался повышением цен на скот, мясо, масло и сыр.

В августе 1851 г. наступило неслыханное падение цен на продукты, главным образом на сахар и кофе, и оно не прекращалось до самого конца 1851 г., ибо паника на Минсинглейн[325] достигла своей высшей точки лишь в январе 1852 года. Теперь ежегодные бюллетени отмечают значительное повышение цен на большинство заграничных продуктов, в особенности на продукты, ввозимые из колоний: сахар, кофе и т. д.

Что же касается положения с сырьем, то мы можем судить об этом на основании следующих данных.

«Состояние торговли шерстью» характеризуется в бюллетене гг. Хьюза и Рональда как

«в высшей степени удовлетворительное в течение всего прошлого года... Спрос на шерсть на внутреннем рынке был необычайно велик... Экспорт шерстяных и камвольных товаров достиг самого высокого уровня, превысив даже экспорт 1851 г., показатели которого была наиболее высокими за все эти годы... Наблюдалось неуклонное повышение цен, но их значительный рост имел место только в течение последнего месяца, так что в данный момент можно считать, что они в среднем превышают цены в соответствующие периоды прошлого года на 15—20 процентов».

Гг. Черчиль и Сим сообщают:

«Торговля лесом занимала значительное место в торговом процветании страны в 1852 году... Ввоз в Лондон составлял 1200 судовых грузов— ровно столько, сколько в 1851 году. Оба года дали превышение на 50 процентов по сравнению с предшествующими годами, средний показатель которых был около 800 грузов. Если количество строевого леса осталось в среднем на уровне ряда прошлых лет, то спрос на сосновый тес, доски и т. д., или на пиленый лес, в 1852 г. необычайно возрос; средняя цифра в 6800000 штук в год сменила прежнюю цифру в 4900000 штук».

О выделке кожи фирма Поуэлл и К° сообщает следующее:

«Истекший год был, без сомнения, благоприятен для фабрикантов почти всех отраслей кожевенной промышленности. Сырье стоило к началу года дешево, а обстоятельства сложились так, что стоимость выделанной кожи поднялась значительно выше чем в предыдущие годы».

Особенно процветает металлургическая промышленность. Цены на железо поднялись с 5 ф. ст. за тонну до 10 ф. ст. 10 шилл. за тонну, а совсем недавно до 12 ф. ст. за тонну; возможно, что последует повышение до 15 ф. ст.; вводится в действие все больше и больше доменных печей.

О судоходстве гг. Оффор и Гаммен сообщают следующее:

«Истекший год отличался необычайной активностью британского судоходства. Главной причиной был тот стимул, который дало деловой жизни открытие золота в Австралии... Наблюдалось всеобщее увеличение фрахтов».

Такое же оживление имело место в области судостроения. Относительно этой отрасли производства в бюллетене гг. Тонджа, Карри и К° из Ливерпуля говорится следующее:

«Мы никогда раньше не имели возможности сообщить в наших годовых отчетах столь благоприятные сведения о продаже судов в этом порту как в отношении размеров проданного тоннажа, так и в отношении полученных цен. Колониальные суда повысились в цене на целых 17 процентов, причем существует тенденция к дальнейшему повышению. Число находящихся на верфях готовых судов уменьшилось до 48, тогда как в 1852 г. их было 76, а в 1851 г. — 82, и в ближайшее время не предвидится их увеличения... Число прибывших в Ливерпуль и проданных в течение года судов равняется 120, общим тоннажем в 50000 тонн. Число спущенных на воду в нашем порту и строящихся судов равнялось в 1852 г. 39, общим тоннажем в 15000 тоны, в то время как в 1851 **г.** их было 23, общим тоннажем в 9200 тонн. Число построенных здесь и строящихся пароходов составляло 13, общим тоннажем в 4050 тонн... Что касается построенных из железа

парусных судов, то в высшей степени замечательной чертой нашей отрасли является то, что этим судам отдается все большее предпочтение; как здесь, так и на Клайде, в Ньюкасле и повсюду судостроители заняты теперь постройкой этих судов в масштабах еще небывалых».

О железных дорогах гг. Вудс и Стаббс пишут:

«Отчеты дают право на самые радужные надежды и оставляют далеко позади все прежние расчеты. Отчеты за последнюю неделю показывают увеличение протяженности линий на 348 миль, или на 5,5 процента, по сравнению с 1851 г. и рост дохода от грузооборота на 41426 ф. ст., или на 14 процентов».

Наконец, бюллетени фирмы Дьюфи и К° (Манчестер) характеризуют торговый оборот с Индией и Китаем за декабрь 1852 г. как весьма обширный. Избыток денег упоминается как обстоятельство, благоприятствовавшее предпринимательской деятельности на отдаленных рынках и позволившее ео участникам возместить убытки, понесенные ими в начале года на товарах и продуктах.

«В настоящий момент различные проекты по освоению новых земель, разработке недр и др. привлекают к себе спекулянтов и капиталистов».

О процветании промышленных округов вообще и хлопчатобумажных в частности можно было судить уже по отчетам фабричных инспекторов. Фирма Джон Ригли и сын (Ливерпуль) сообщает следующее о хлопчатобумажном производстве:

«Будучи показателем всеобщего процветания страны, рост торговли хлопком в истекшем году привел к весьма благоприятным результатам... При этом обнаружился целый ряд замечательных черт, однако самым поразительным и наиболее заслуживающим упоминания является та чрезвычайная легкость, с которой был реализован еще небывалый до сих пор урожай хлопка более чем в 3 миллиона кип, полученный в Соединенных Штатах Америки... Во многих округах уже принимаются подготовительные меры к дальнейшему увеличению мощности промышленных предприятий, и мы можем ожидать, что в ближайшем году будет переработано большее количество собранного хлопка, чем когда-либо раньше».

Многие другие отрасли промышленности находятся в таком же положении.

«Укажем на Глазго», — говорят гг. Мак-Нэр, Гринхау и Ирвинг (Манчестер), — «с его хлопчатобумажной и металлургической промышленностью, на Хаддерсфилд, Лидс, Галифакс, Брадфорд, Ноттингем, Лестер, Шеффилд, Бирмингем, Вулвергемптон с их разнообразными отраслями промышленности — все они, по-видимому, находятся в состоянии величайшего процветания».

Единственным исключением на фоне всеобщего процветания являются шелковая промышленность и шерсточесальни в Йоркшире. Общие перспективы промышленности и торговли могут быть резюмированы словами одного манчестерского бюллетеня:

«*Мы предвидим скорее чрезмерную спекуляцию,* нежели отсутствие активности и недостаток средств».

В самый разгар этого всеобщего процветания шаг, недавно предпринятый Английским банком, вызвал всеобщее смятение в торговом мире. 22 апреля 1852 г. Английский банк понизил учетную ставку до 2%. Утром 6 января 1853 г. было сообщено, что учетная ставка повышается с 2 до $2^1/_2$%, т. е. увеличивается на 25%. Это повышение пытались объяснить большими ссудами, полученными недавно некоторыми крупными железнодорожными подрядчиками, чьи векселя на весьма значительные суммы, как известно, находились в обращении. В других кругах — см. например лондонскую газету «Sun» — полагали, что Английский банк, повышая учетный курс, хотел получить свою долю выгоды от общего процветания. В целом же этот акт был осужден как «неуместный». Дабы можно было дать ему истинную оценку, я привожу здесь следующие данные из «Economist»:

Английский банк.

	Золото	*Ценные бумаги*	*Минимальная ставка учетного процента*
1852 г.			
22 апреля	19587670 ф. ст.	23782000 ф. ст.	понижена до 2%
24 июля	22 065 349 »	24 013 728 »	2%
18 декабря ......-.-..-	21 165 224 »	26 765 724 »	2%
24 декабря .-...---	20794190 »	27 545 640 »	2%
1853 г.			
1 января-.......-....--.-.	20 527 662 »	29 284 447 »	2%, однако, с 6 января повышена до $2^1/_2$%

Итак, следовательно, в банке имеется золота на один миллион больше, чем в апреле 1852 г., когда ставка учетного процента была понижена до 2%, но между этими периодами существует резкое различие, так как движение золота перешло из фазы прилива в фазу отлива. Отлив этот исключительно сильный: он превысил ввоз золота из Америки и Австралии за последний месяц. Кроме того, в апреле 1852 г. ценных бумаг было на пять с половиной миллионов меньше чем теперь. Следовательно, в апреле 1852 г. предложение ссудного капитала превышало спрос на него, в то время как теперь имеет место обратное соотношение.

Вывоз золота сопровождался заметным понижением валютного курса за границей — явление, которое объясняется

отчасти значительным повышением цен на большинство предметов импорта, отчасти широкой спекуляцией на импорте. К этому еще следует прибавить влияние неблагоприятной для фермеров осени и зимы, порожденные этим сомнения и опасения насчет ближайшего урожая и, как результат, колоссальные торговые операции с заграничным зерном и мукой. Наконец, английские капиталисты широко участвуют в основании железнодорожных и других компаний во Франции, Италии, Испании, Швеции, Норвегии, Дании, Германии и Бельгии и им принадлежит немалая доля в том всеобщем мошенничестве, ареной которого является ныне парижская биржа. Поэтому векселя на Лондон имеются теперь на всех европейских рынках в гораздо большем обилии, чем когда-либо раньше, что вызывает продолжающееся падение валютного курса. 24 июля фунт стерлингов обменивался в Париже на 25 франков 30 сантимов, а 1 января — только на 25 франков; некоторые сделки были заключены даже по курсу ниже чем 25 франков.

Поскольку спрос на капитал возрастал пропорционально его предложению, последнее мероприятие Английского банка кажется вполне обоснованным. Но поскольку с его помощью надеются положить конец спекуляции и утечке капитала за границу, я беру на себя смелость предсказать, что оно окажется совершенно бесполезным.

После того как читатели проследовали за мной, пробегая столь длинный перечень всех этих доказательств растущего процветания Англии, я прошу их уделить немного внимания тому, что произошло с несчастным игольщиком Генри Морганом на пути из Лондона в Бирмингем, куда он отправился в поисках работы. Дабы избежать обвинения в преувеличении, воспроизвожу буквальный отчет из нортгемптонской газеты*.

Смерть в результате нищеты

Косгров. «В понедельник около 9 часов утра двое рабочих, укрывшиеся от дождя в заброшенном сарае, принадлежащем г-ну Т. Слейду из прихода Косгров, были привлечены стонами, которые издавал, как они обнаружили, несчастный человек, лежавший в закутке; он был в состоянии полного истощения. Они заговорили с ним и дружески предложили ему разделить с ними завтрак, но не получили никакого ответа. Когда они дотронулись до него, его тело оказалось совершенно холодным. Они позвали г-на Слейда, находившегося поблизости. Этот джентльмен, спустя некоторое время, отправил несчастного в сопровождении мальчика, в тележке с подстилкой и покрытием из соломы в приют для бедных в Ярдли-Гобион, расположенный на расстоянии около мили. Туда он прибыл почти ровно в час дня, но через четверть часа после этого умер. Исхудавшее, грязное, одетое в лохмотья тело бедняги представляло собой ужасающее зрелище. Выяснилось,

* — «Northampton Mercury». *Ред.*

что этот несчастный получил в четверг, 2-го, вечером, от чиновника попечительства о бедных в Стони-Стратфорде выдаваемый бродягам ордер на ночлег в приюте для бедных в Ярдли; пройдя затем свыше трех миль пешком до Ярдли, он был принят в этом приюте. Он с большим аппетитом съел предложенную ему пищу и попросил разрешения остаться еще на одни сутки, что и было ему разрешено. Рано утром в субботу он, позавтракав (возможно, это была его последняя трапеза на этом свете), оставил приют и пошел обратно в Стратфорд. Будучи очень слабым, со стертыми ногами — у него была болячка на пятке, — он, по-видимому, был рад воспользоваться первым попавшимся кровом. Этим кровом оказался открытый навес, принадлежавший к каким-то наружным постройкам фермы, на расстоянии четверти мили от шоссе. Там нашли его в понедельник, 6-го, в полдень, лежащим на соломе и, так как хозяева не пожелали, чтобы чужой человек здесь оставался, ему приказали убраться. Он просил разрешить ему побыть еще немного и ушел около 4-х часов дня, чтобы еще раз до наступления ночи поискать ближайшее место для отдыха и ночлега. Этим местом и оказался упомянутый заброшенный сарай с наполовину разрушенной соломенной крышей и с настежь раскрытыми дверьми. В этом самом холодном, какое только можно представить, помещении он, забравшись в закуток, пролежал без пищи более *семи дней,* пока, как было описано выше, его не нашли 13-го утром. Этот несчастный сообщил, что его зовут Генри Морган, что он игольщик; ему можно было дать от 30 до 40 лет и на вид это был хорошо сложенный человек».

Трудно представить себе более ужасный случай. Здоровый, крепкого сложения человек, в расцвете сил, совершающий долгий, мученический путь из Лондона в Стони-Стратфорд, его отчаянная мольба о помощи к окружающей *«цивилизации»,* его семидневная голодовка, жестокость людей, оставивших его на произвол судьбы, поиски им крова, изгнание его то из одного, то из другого убежища, наконец, в завершение всего бесчеловечность субъекта по имени Слейд и безропотная, печальная смерть совершенно истощенного человека — картина, достаточно потрясающая, чтобы над этим задуматься.

Без сомнения, он нарушил право собственности, когда искал убежища под навесом и в заброшенном сарае!!!

Расскажите тучному дельцу из лондонского Сити об этом случае голодной смерти в период блестящего процветания, и он ответит вам словами лондонского «Economist» от 8 января:

«Приятно видеть, как процветают при свободе торговли все классы; надежды на вознаграждение усиливают их энергию; все улучшают свое производство, и как все, так и *каждый в отдельности* пользуются выгодой».

Написано К. Марксом
14 января 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 3681, 2 февраля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВЫБОРЫ. — ФИНАНСОВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ. ГЕРЦОГИНЯ САТЕРЛЕНД И РАБСТВО [326]

Лондон, пятница, 21 января 1853 г.

Перевыборы, явившиеся результатом новых мероприятий министерства, закончились. Министерство потерпело поражение. Г-н Садлер, один из лордов казначейства, считавшийся до сих пор вождем «ирландской бригады», был побежден г-ном Александером, который был избран большинством в шесть голосов. Г-н Александер обязан своим избранием коалиции оранжистов[327] и католиков. С другой стороны, министерство победило в Оксфордском университете, где голосование продолжалось пятнадцать дней и борьба достигла крайнего напряжения. Большинством в 124 голоса Гладстон одержал победу над Дадли Персивалом, кандидатом сторонников высокой церкви[328]. Поклонникам гудибрасовой логики[329] мы рекомендуем прочитать передовые двух соперничавших в этой борьбе газет — «Morning Chronicle» и «Morning Herald».

Вчера, после долгих дебатов, директора Английского банка снова повысили минимальную учетную ставку с $2^1/_2$ до 3%. Это обстоятельство немедленно повлияло на парижскую биржу, где имело место повое падение всех видов ценных бумаг. — Но если бы даже Английскому банку удалось обуздать спекуляцию в Париже, все же остался бы другой канал для утечки наличного золота — ввоз зерна. Последний урожай как в Англии, так и на континенте оценивается как урожай на одну треть ниже среднего. Вдобавок существуют также некоторый сомнения относительно того количества продовольствия, которым можно будет располагать до ближайшего урожая, ибо

сев запоздал вследствие влажности почвы. Поэтому заключаются сделки на ввоз большого количества зерна, и в результате валютный курс останется неблагоприятным для Англии. Золота, прибывающего на кораблях из Австралии, недостаточно для покрытия внезапного увеличения ввоза зерна.

В одной из моих последних статей я упомянул о спекуляции железом*. Первое повышение Английским банком учетной ставки с 2 до $2^1/_2$% уже повлияло на эту отрасль торговли. Шотландский чугун, стоивший за последние две недели 78 шиллингов, понизился 19 сего месяца в цене до 61 шиллинга. В торговле железнодорожными акциями, по всей вероятности, с момента повышения ставки процента также предвидится застой в силу принудительной продажи акций, которые до сих пор были депонированы в обеспечение выданных ссуд; подобные операции уже начали производиться. Однако, по моему мнению, отлив золота вызван не только вывозом золота, этому также в полной мере способствовало оживление внутренней торговли, особенно в промышленных округах.

В обстановке нынешнего временного затишья в политической жизни обращение женского собрания в Стаффорд-хаусе к американским сестрам по поводу рабства негров и «исполненное любви и христианских чувств послание многих тысяч женщин Соединенных Штатов Америки к своим сестрам, женщинам Англии» по поводу рабства белых представляют собой подлинную находку для прессы. Но ни одна из английских газет не обратила внимания на то обстоятельство, что собрание в Стаффорд-хаусе происходило во дворце и под председательством герцогини Сатерленд. А между тем этих имен— Стаффорд и Сатерленд— достаточно для того, чтобы по достоинству оценить человеколюбие английской аристократии, — человеколюбие, которое ищет себе объектов как можно дальше от родины и предпочитает, чтобы они были не по эту, а по ту сторону океана.

История обогащения семьи Сатерленд является историей разорения и экспроприации шотландско-гэльского населения, историей его изгнания с его исконных земель. Еще в X столетии датчане высадились в Шотландии и завоевали равнины Кейтнесса, прогнав коренное население в горы. Mor-Fear-Chattaibh, как назывался по-гэльски «большой человек Сатерленда», всегда находил товарищей по оружию, готовых с опасностью для жизни защищать его против его врагов, датчан

* См. настоящий том, стр. 516. *Ред.*

SUTHERLAND AND SLAVERY; OR, THE DUCHESS AT HOME.

By Dr. Charles Marx.

"How canst thou say to thy *sister*: *Sister*, let me take the mote out of thine eye, and perceivest not the beam in thine own eye."

[Under the sanctified hypocrisy of "Church and State" a system of oppression is carried on in this gloriously free country, that equals in kindred atrocity the slavery of the American South. We give as a fitting illustration, the following historical statement, showing how the Sutherland family got their wealth. The Duchess of Sutherland here alluded to, is the celebrated "Countess-Duchess" mother-in law of the present Duchess. How the present Duke improved on the lessons of the Countess-Duchess, the reader may have occasion to see when we have done with the latter.]

The history of the wealth of the Sutherland family is the history of the ruin and of the expropriation of the Scotch Gaelic population from its native soil. As far back as the tenth century, the Danes had landed in Scotland, conquered the plains of Caithness, and driven back the aborigines into the mountains. Mheor-Thair-Chattaibh, as he was called, in Gaelic, or the "Great Man of Sutherland," had always found his companions in arms ready to defend him at the risk of their lives against all his enemies, Danes or Scots, foreigners or natives. After the revolution which drove the Stuarts from Britain, private feuds among the petty chieftains of Scotland became less and less frequent, and the British Kings, in order to keep up at least a semblance of dominion in these remote districts, encouraged the levying of family regiments among the chieftains, a system by which these *lairds* were enabled to combine modern military establishments with the ancient *clan* system in such a manner as to support one by the other.

Now, in order to distinctly appreciate the usurpation subsequently carried out, we must first properly understand what the *Clan* meant. The *Clan* belonged to a form of social existence which, in the scale of historical development, stands a full degree below the feudal state; viz., the *patriarchal* state of society. "*Klaen*," in Gaelic, means children. Every one of the usages and traditions of the Scottish Gaels reposes upon the supposition that the members of the *clan* belong to one and the same family. The "great man," the chieftian of the Clan, is on one hand quite as arbitrary, on the other quite as confined in his power, by consanguinity, &c., as every father of a family. To the Clan, to the family, belonged the district where it had established itself, exactly as in Russia, the land occupied by a community of peasants belongs, not to the individual peasants, but to the community. Thus the district was the common property of the family. There could be no more question, under this system, of private property, in the modern sense of the word, than there could be of comparing the social existence of the members of the Clan to that of individuals living in the midst of our modern society. The division and subdivision of the land corresponded to the military functions of the single members of the Clan. According to their military abilities, the chieftain entrusted to them the several allotments, cancelled or enlarged according to his pleasure the tenures of the individual officer, and these officers again distributed to their vassals and under-vassals every separate plot of land. But the district at large alwayс remained the property of the clan, and, however the claims of individuals might vary, the tenure remained the same; nor were the contributions for the common defence, or the tribute for the Laird, who at once was leader in battle and chief magistrate in peace, ever increased. Upon the whole, every plot of land was cultivated by the same family, from generation to generation, under fixed imposts. These imposts were insignificant, more a tribute by which the supremacy of the "*great man*" and of his officers was acknowledged, than a rent of land in a modern sense, or a source of revenue. The officers directly subordinate to the "*great man*" were called "*Taksmen*," and the district entrusted to their care, "*Tak*." Under them were placed inferior officers, at the head of every hamlet, and under these stood the peasantry.

Thus you see, the Clan is nothing but a family organised in a military manner, quite as little defined by laws, just as closely hemmed in by traditions, as any family. But the land is the *property of the family*, in the midst of which differences of rank, in spite of consanguinity, do prevail as well as in all the ancient Asiatic family communities.

The first usurpation took place after the expulsion of the Stuarts, by the establishment of the family Regiments. From that moment, *pay* became the principal source of revenue of the *Great Man*, the Mhoir-Fhear-Chattaibh. Entangled in the dissipation of the Court of London, he tried to squeeze as much money as possible out of his officers, and they applied the same system to their inferiors. The ancient tribute was transformed into fixed money contracts. In one respect these

of her generosity she alotted to the expelled natives about 6,000 acres, two acres per family. These 6,000 acres had been lying waste until then, and brought no revenue to the proprietors. The Countess was *generous enough to sell the acre at 2s. 6d. on an average*, to the clan-men who for centuries past had shed their blood for her family. The whole of the unrightfully appropriated clan-land she divided into twenty-nine large sheep farms, each of them inhabited by one single family, mostly English farm-labourers; and in 1821, the 15,000 Gaels had already been superseded by 131,000 sheep.

A portion of the aborigines had been thrown upon the sea-shore, and attempted to live by fishing. They became amphibious, and, as an English author says, lived half on land and half on water, and after all did not half live upon both.

Sismondi, in his "*Etudes Sociales*," observes with regard to this expropriation of the Gaels from Sutherlandshire—an example, which, by-the-by, was imitated by the other "great men" of Scotland:

"The large extent of seignorial domains is not a circumstance peculiar to Britain. In the whole empire of Charlemagne, in the whole occident, entire provinces were usurped by the warlike chiefs, who had them cultivated for their own account by the vanquished, and sometimes by their own companions in arms. During the ninth and tenth centuries the Counties of Maine, Anjou, Poitou, were for the Counts of these provinces rather three large estates than principalities. Switzerland which in so many respects resembles Scotland, was at that time divided among a small number of *Seigneurs*. If the Counts of Kyburg, of Lantzburg, of Hatsburg, of Gruyeres had been protected by British laws, they would have been in the same position as the Earls of Sutherland; some of them would perhaps have had the same taste for improvement as the Marchioness of Stafford, and more than one republic might have disappeared from the Alps in order to make room for flocks of sheep. Not the most despotic monarch in Germany would be allowed to attempt anything of the sort."

Mr. Lock, in his defence of the Countess of Sutherland, (1820,) replies to the above as follows:—

"Why should there be made an exception to the rule adopted in every other case, just for this particular care? Why should the absolute authority of the landlord over his land be sacrificed to the public interest and to motives which concern the public only?"

And why then should the slaveholders in the Southern States of North America sacrifice their private interest to the philanthropic grimaces of her Grace, the Duchess of Sutherland?

The British aristocracy, who have everywhere superseded man by bullocks and sheep, will, in a future not very distant, be superseded in turn by those useful animals.

The process of *clearing estates*, which, in Scotland, we have just now described, was carried out in England in the sixtenth, seventeenth, and eighteenth centuries. Thomas Morus already complains of it in the sixteenth century. It was performed in Scotland in the beginning of the nineteenth, and in Ireland it is now in full progress. The noble Viscount Palmerston, too, some years ago cleared of men his property in Ireland, exactly in the manner described above.

If of any property it ever was true that it was *robbery*, it is literally true of the property of the British aristocracy. Robbery of the Church-property, robbery of commons, fraudulent transformation, accompanied by murder, of feudal and patriarchal property into private property—these are the titles of British aristocrats to their possessions. And what services in this latter process were performed by a servile class of lawers you may see from an English lawyer of the last century, Dalrymple, who, in his "History of Feudal Property," very naively proves that every law or deed concerning property was interpreted by the lawyers, in England, when the middle class rose in wealth, in favour of the *middle class*—in Scotland, where the nobility enriched themselves, in favour of the *nobility*—in either case it was interpre ed in a sense hostile to the *people*.

The above Turkish reform by the Countess of Sutherland was justifiable, at least, from a Malthusian point of view. Other Scottish noblemen went further. Having superseded human beings by sheep, they superseded sheep by game, and the pasture grounds by forests. At the head of these was the Duke of Athol. "After the conquest, the Norman Kings afforested large portions of the soil of England, in much the same way as the landlords here are now doing with the Highlands." (R. Somer's Letters on the Highlands, 1848.)

As for the large number of the human beings expelled to make room for the game of the Duke of Athol, and the sheep of the Countess of Sutherland, where did they fly to, where did they find a home?

In the United States of North America.

The enemy of British Wages Slavery has a right to condemn Negro-Slavery; a Duchess of Sutherland, a Duke of Athol, a Manchester Cotton-lord—never!

Karl Marx.

Часть страницы «People’s Paper» со статьей К. Маркса «Герцогиня Сатерленд и рабство» (В «People’s Paper» статья озаглавлена: «Сатерленд и рабство, или герцогиня у себя на родине»)

или шотландцев, чужеземцев или местных уроженцев. После революции, изгнавшей Стюартов из Британии[330], частные распри между мелкими шотландскими клановыми вождями становились все более редкими, и английские короли, желавшие сохранить, по крайней мере, видимость своей власти в этих отдаленных округах, поощряли клановых вождей к формированию воинских частей из сородичей; при помощи этой системы *лэрды,* как назывались эти вожди, сумели таким образом сочетать современную военную организацию с древней *плановой* системой, что одна служила опорой для другой.

Для того чтобы правильно оценить осуществленную вслед за тем узурпацию, необходимо сначала точно выяснить, что собой представляет *клан. Клан* принадлежит к тем формам общественной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя, иными словами он принадлежит к *патриархальному* общественному строю. *«Klaen»* значит по-гэльски «дети». Все обычаи и традиции шотландских гэлов основаны на предпосылке, что все члены *клана* принадлежат к одной и той же родственной группе. «Большой человек» — вождь клана — с одной стороны, обладает столь же деспотической властью, а с другой стороны, столь же ограничен в своих правах кровным родством и т. п., как и любой глава рода [family]. Клану—роду—принадлежал тот округ, в котором он поселился, точно так же как в России земля, занимаемая крестьянской общиной, принадлежит не отдельным крестьянам, а всей общине. Округ, таким образом, был общей собственностью рода. При этом строе столь же мало можно говорить о частной собственности в современном смысле слова, как и сравнивать общественное положение членов клана с положением индивидов, живущих в условиях нашего современного общества. Раздел и последующее распределение земли соответствовали военным функциям отдельных членов клана. Вождь жаловал им известные наделы, в зависимости от их военных качеств, по своему усмотрению увеличивая или урезывая земельные держания отдельных старейшин, которые, в свою очередь, распределяли отдельные участки земли между своими вассалами и подвассалами. Однако округ в целом постоянно оставался собственностью клана, и как бы изменчивы ни были притязания отдельных лиц, условия держания оставались постоянными; точно так же никогда не увеличивалась военная подать, или подать, уплачиваемая лэрду, который был одновременно и военным предводителем и верховным правителем в мирное время. В общем, каждый участок

земли из поколения в поколение обрабатывался одной и той же семьей, платившей твердо установленные подати. Последние были невелики и скорее представляли собой дань, уплачиваемую в знак признания верховной власти *«большого человека»* и подчиненных ему старейшин, нежели земельную ренту в современном смысле слова или вообще источник дохода. Старейшины, непосредственно подчиненные *«большому человеку»,* назывались *«таксменами» [«taksmen»],* а отданная на их попечение земля носила название *«так» [«tak»].* Им, в свою очередь, были подчинены низшие слуги, стоявшие во главе каждой деревни, а этим слугам было подчинено крестьянство.

Как видите, *клан* есть не что иное, как организованный на военный лад род, и, как и всякий род, он столь же мало регламентирован законами, но столь же сильно связан традициями. Во всяком случае, земля является *собственностью рода,* внутри которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в положении, как и во всех древних азиатских родовых общинах.

Первая узурпация произошла после изгнания Стюартов посредством учреждения родовых воинских частей. С этого момента *платежи* сделались главным источником дохода для *«большого человекам,* Mor-Fear-Ghattaibh. Погрязший в расточительстве лондонского двора, он старался выжать как можно больше денег из своих слуг, а последние, в свою очередь, применяли ту же систему по отношению к тем, кто стоял ниже их. Старинная дань превратилась в твердые денежные взносы. С одной стороны, введение этих взносов явилось прогрессом, ибо оно сопровождалось точной фиксацией традиционных платежей. Но, с другой стороны, оно означало узурпацию, поскольку «большой человек» занял теперь положение лендлорда по отношению к «таксменам», а последние, со своей стороны, выступили по отношению к крестьянам в роли фермеров. А так как теперь «большой человек», не меньше чем «таксмены», нуждался в деньгах, то возникла необходимость в производстве не только для непосредственного потребления, по также для вывоза и обмена. Поэтому система национального производства должна была претерпеть изменения, а от рабочих рук, ставших в результате этих перемен излишними, надлежало избавиться. Численность населения стала вследствие этого уменьшаться. Но в XVIII столетии население в какой-то мере еще уцелело, и человек еще не был открыто принесен и жертву голой наживе, как это видно из одного места у Стюарта, шотландского экономиста, чья работа была опубликована за

десять лет до труда Адама Смита. Стюарт (т. 1, гл. 16) говорит:

«Рента, уплачиваемая с этих земельных участков, весьма незначительна по сравнению с их размерами; но если сравнить ее с числом ртов, которые кормятся от этого хозяйства, то окажется, что участок земли в горной Шотландии прокармливает в десять раз больше людей, чем хозяйство тех же размеров в самых богатых областях»[331].

Даже в начале XIX столетия земельные платежи были еще очень низки, о чем свидетельствует сочинение г-на Лока (1820 г.)[332], управляющего графини Сатерленд, руководившего работами по улучшению ее имений. Он приводит, например, опись земельных платежей в имении Кинтрадоэлл за 1811 г., из которой видно, что до этого времени каждая семья должна была самое большее платить ежегодно несколько шиллингов наличными деньгами, поставлять немного домашней птицы и отбывать несколько дней барщины.

Лишь после 1811 г. была осуществлена окончательная и действительная узурпация, насильственное превращение *собственности клана* в *частную собственность* — в современном смысле слова — *вождя.* Лицо, стоявшее во главе этой экономической революции, было своего рода Мухаммедом-Али женского пола, хорошо усвоившим Мальтуса: то была *графиня Сатерленд,* или иначе *маркиза Стаффорд.*

Прежде всего, нужно отметить, что предками маркизы Стаффорд были «большие люди» крайней северной части Шотландии, охватывавшей почти три четверти Сатерлендшира. Это графство обширнее многих департаментов Франции или мелких немецких княжеств. Когда графиня Сатерленд унаследовала эти имения, которые она потом принесла в приданое своему мужу, маркизу Стаффорду, впоследствии герцогу Сатерленду, жившее в них население уже было уменьшено до 15000 человек. Благородная графиня решила провести радикальную экономическую реформу и превратить всю территорию в пастбище. С 1814 по 1820 г. эти 15000 жителей — около 3000 семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все их поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для проведения этой экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной лачуге, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем благородная графиня присвоила себе *семьсот девяносто четыре тысячи акров земли,* с незапамятных времен принадлежавших клану. В приливе щедрости она отдала изгнанным жителям около 6000 акров, по 2 акра на семейство.

Эти 6000 акров представляли собой до того времени пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Графиня была настолько великодушна, что сдала землю в среднем по 2 шилл. 6 пенсов за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю незаконно присвоенную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна-единственная семья, большей частью английские арендаторы-батраки. В 1821 г. 15000 гэлов уже были замещены 131000 овец.

Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась просуществовать рыбной ловлей. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, наполовину на земле, наполовину на воде; но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование.

Сисмонди в своих «Социальных очерках» делает следующее замечание по поводу этой экспроприации сатерлендширских гэлов, послужившей, между прочим, и другим «большим людям» Шотландии примером для подражания.

«Крупные размеры сеньориальных владений являются фактом, характерным не для одной только Англии. Во всей империи Карла Великого, на всем Западе, воинственные вожди узурпировали целые провинции и обрабатывали их для себя, используя труд побежденных жителей, а иногда даже своих собственных товарищей по оружию. В IX и X веках графства Мен, Анжу и Пуату являлись для графов этих провинций скорее тремя обширными поместьями, нежели княжествами. Швейцария, которая в столь многих отношениях похожа на Шотландию, была в то время поделена между несколькими сеньорами. Если бы графы Кибург, Ленцбург, Габсбург и Груйер находились под защитой британских законов, они достигли бы такого же положения, как и графы Сатерленд. Возможно, что многие из них обнаружили бы такую же склонность к улучшениям» (как маркиза Стаффорд) «и не одна республика в Альпах должна была бы исчезнуть, чтобы уступить место стадам овец. Даже самый деспотический монарх в Германии не мог бы позволить себе что-либо подобное»[333].

Г-н Лок в своей защите графини Сатерлеид (1820 г.) отвечает на это следующим образом:

«Почему именно в этом частном случае должно быть сделано исключение из правила, применяемого во всех других случаях? Почему абсолют-пая власть землевладельца над его землей должна быть принесена в жертву общественному интересу и по мотивам, которые касаются лишь самого общества?»

Но, в таком случае, почему же рабовладельцы южных штатов Северной Америки должны жертвовать своими частными

интересами в угоду филантропическим ужимкам ее светлости герцогини Сатерлеид?

Британская аристократия, которая повсюду заменила людей быками и овцами, будет, в свою очередь, в не столь отдаленном будущем также заменена этими полезными животными.

Процесс *«очистки имений»* в Шотландии, только что описанный нами, в Англии происходил в XVI, XVII и XVIII веках. Уже в XVI веке Томас Мор горько сетует по поводу него. В Шотландии этот процесс совершился в начале XIX века, а в Ирландии он в полном разгаре в данный момент. Сам благородный виконт Пальмерстон всего несколько лет тому назад «очистил» от людей свои владения в Ирландии, точно таким же способом, который был описан выше.

Если вообще какую-либо собственность правильнее было бы назвать *кражей,* то собственность британской аристократии является кражей в буквальном смысле этого слова. Разграбление церковных имуществ, разграбление общинных земель, мошенническое превращение феодальной и патриархальной собственности в частную собственность, сопровождаемое истреблением, — таковы правовые основания британской аристократии на ее владения. Какие услуги в этом не столь давнем процессе оказал аристократии рабски угодливый класс юристов, можно обнаружить у одного английского юриста прошлого столетия, Далримпла; в своей книге «История феодальной собственности»[334] он с весьма наивной откровенностью свидетельствует, что в тяжбах из-за права владения каждый закон и каждый документ, касающийся собственности, толковались юристами в Англии во времена роста богатства буржуазии — в пользу *буржуазии,* а в Шотландии, где обогащалась аристократия, — в пользу *аристократии,* в обоих случаях — во враждебном *народу* духе.

Описанную выше турецкую реформу графини Сатерленд можно было, по крайней мере, пытаться оправдать с мальтузианской точки зрения. По другие шотландские аристократы пошли дальше. Заменив людей овцами, они вслед за тем заменили овец дичью, а пастбища — охотничьими заповедниками. Ведущая роль в этом принадлежит герцогу Атоллу.

«После завоевания Англии норманские короли превратили обширные пространства английской земли в леса; это же самое проделывают сейчас здешние лендлорды с горной Шотландией» (Р. Сомерс. «Письма из горной Шотландии», 1848)[335].

А что же стало с массой тех человеческих существ, которые были согнаны с земли, дабы освободить место для дичи герцога

Атолла и овец графини Сатерленд? Куда они вынуждены были бежать? Где нашли они убежище?

В Соединенных Штатах Северной Америки.

Враги английского наемного рабства имеют право клеймить рабство негров, но герцогиня Сатерленд, герцог Атолл, хлопчатобумажные лорды Манчестера—никогда!

Написано К. Марксом 21 января 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3687, 9 февраля 1853 г. и в сокращенном виде в газете «The People's Paper» № 45, 12 марта 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ. — ПАМФЛЕТ г-на КОБДЕНА. МЕРОПРИЯТИЯ АНГЛИЙСКОГО БАНКА [336]

Лондон, пятница, 28 января 1853 г.

В «Times» от 25 января в статье, озаглавленной «Мания вешаться», развиваются следующие мысли:

«Уже нередко замечалось, что в нашей стране за каждой публичной казнью, как правило, тотчас же следует ряд случаев смерти через повешение, либо в результате самоубийства, либо в результате несчастного случая; это является следствием того сильного действия, которое казнь известного преступника оказывает на болезненно-впечатлительные и незрелые умы».

В качестве иллюстрации к этому утверждению «Times» приводит несколько случаев; один из них произошел с неким сумасшедшим в Шеффилде, который, после разговора с другими сумасшедшими о казни Барбура, покончил жизнь самоубийством, повесившись. Другой случай произошел с четырнадцатилетним мальчиком, который тоже повесился.

Ни одному разумному человеку не придет, наверное, в голову, подтверждением какой доктрины должны были служить перечисленные факты. Речь идет не более и не менее, как о прямом апофеозе палача, поскольку смертная казнь превозносится как ultima ratio* общества. И все это помещено в ведущей статье «ведущей газеты».

«Morning Advertiser» сопровождает свои весьма резкие, по справедливые критические замечания по поводу пристрастия «Times» к виселице и кровавой логики этой газеты следующей любопытной хроникой за сорок три дня 1849 года:

* — последний довод, крайнее средство. *Ред.*

Казни:		*Убийства и самоубийства:*	
Миллан	20 марта	Ханна Сандлс	22 марта
		М. Дж. Ньютон	22 марта
Пулли	26 марта	Дж. Дж. Глисон	4 убийства
		в Ливерпуле	27 марта
Смит	27 марта		
Хау	31 марта	Убийство и самоубийство	
		в Лестере	2 апреля
		Отравление в Бате	7 апреля
		У. Бейли	8 апреля
Ландич	9 апреля	Дж. Уорд убивает свою	
		мать	13 апреля
Сара Томас	13 апреля	Ярдли	14 апреля
		Докси, отцеубийство	14 апреля
		Дж. Бейли убивает двух	
		своих детей и самого	
		себя	17 апреля
Дж. Гриффитс	18 апреля	Чарлз Овертон	18 апреля
Дж. Раш	21 апреля	Даниел Холмсден	2 мая

Эта таблица показывает — и это вынужден признать «Times», — что не только самоубийства, но и самые зверские убийства совершаются тотчас же вслед за казнью преступников. Вызывает удивление, что в упомянутой статье даже не приводится ни одного аргумента, ни одной посылки в пользу развиваемой в ней варварской теории. И действительно, весьма трудно, а, может быть, вообще невозможно, найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать справедливость или целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией. Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием. Как раз наоборот! С точки зрения абстрактного права существует лишь одна теория наказания, которая в абстрактной форме признает достоинство человека: это — теория Канта, особенно в той более строгой формулировке, которую придал ей Гегель. Гегель говорит:

«Наказание есть *право* преступника. Оно — акт его собственной воли. Преступник объявляет нарушение права своим правом. Его преступление есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания,

следовательно есть утверждение права, которого домогается сам преступник и которое он сам себе насильно навязывает»[337].

В этих положениях кое-что, без сомнения, кажется правдоподобным, поскольку Гегель, вместо того чтобы усматривать в преступнике только простой объект, раба юстиции, поднимает его до ранга свободного, самоопределяющегося существа. Но, вникнув несколько глубже в суть дела, мы обнаруживаем, что здесь, как и во многих других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует в мистической форме законы существующего общества. Разве это не заблуждение, когда определенного индивида, с действительными мотивами его поступков, с влияющими на него многообразными социальными условиями подменяют абстракцией «свободной воли», когда человека как такового подменяют лишь одним из многих его свойств? Такая теория, рассматривающая наказание как результат собственной воли преступника, является лишь спекулятивным выражением древнего «jus talionis»* — око за око, зуб за зуб, кровь за кровь. Скажем прямо, без всяких длинных повторений: наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия. Но хорошо же то общество, которое не знает лучшего средства самозащиты, чем палач, и которое через «ведущую газету мира» провозглашает свою собственную жестокость вечным законом.

Г-н А. Кетле в своем превосходном научном труде «Человек и его способности»[338] говорит:

«Существует бюджет, по которому мы платим с ужасающей регулярностью: это—расходы на тюрьмы, казематы, эшафоты... Мы даже можем предсказать, сколько лиц обагрят свои руки кровью своих ближних, сколько — прибегнут к подлогу, сколько — пустят в ход яд, почти таким же способом, как мы предсказываем число ежегодных рождений и смертей».

В своем прогнозе вероятных преступлений, опубликованном в 1829 г., г-н Кетле действительно с поразительной точностью предсказал не только общее число, но и все разнообразные виды преступлений, которые были затем совершены во Франции в 1830 году. Приводимая Кетле нижеследующая таблица за 1822—1824 гг. показывает, что среднее число преступлений, совершаемых среди той или иной национальной части общества, зависит не столько от особых политических учреждений данной страны, сколько от основных условий,

* — «права тождественного возмездия». *Ред.*

свойственных современному буржуазному обществу в целом. Из ста осужденных преступников в Америке и Франции было:

В возрасте	Филадельфия	Франция
до 21 года.............	19	19
от 21 до 30 лет........	44	35
от 30 до 40 лет........	23	23
свыше 40 лет...........	14	23
Итого.........	100	100

Итак, если преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают, по своему числу и по своей классификации, такую же закономерность, как явления природы, если, по выражению Кетле, «трудно решить, в которой из двух областей» (физического мира или социальной жизни) «побудительные причины с наибольшей закономерностью приводят к определенным результатам», то не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая порождает эти преступления, вместо того чтобы прославлять палача, который казнит известное число преступников лишь для того, чтобы дать место новым?

Одним из злободневных событий является выход в свет памфлета г-на Ричарда Кобдена под заголовком: «1793 и 1853 гг., три письма» (140 страниц)[339]. Первая часть этого памфлета, в которой рассматривается период революции 1793 г. и предшествующее время, заслуживает похвалы за то, что автор открыто и с большой силой обрушивается на старые английские предрассудки относительно этой эпохи. Г-н Кобден доказывает, что в революционной войне Англия была агрессивной стороной. Однако в этом вопросе он не может претендовать на оригинальность, ибо по существу он лишь повторяет, и притом в гораздо менее блестящей форме, выводы, уже сделанные величайшим из памфлетистов, каким когда-либо обладала Англия, — покойным Уильямом Коббетом. Другая часть памфлета, несмотря на то, что она написана с экономической точки зрения, имеет несколько романтическую окраску. Г-н Кобден всячески старается доказать, что предположение, будто Луи-Наполеон замышляет вторжение в Англию, совершенно абсурдно, что слухи о беззащитности Англии лишены реального основания и распространяются лишь лицами, заинтересованными в увеличении государственных расходов. Чем же он доказывает, что Луи-Наполеон не питает никаких враждебных намерений по отношению к Англии? Утверждением, что Наполеон не имеет никакого *разумного* основания ссориться

с Англией. А чем доказывается невозможность неприятельского вторжения в страну? Тем, говорит г-н Кобден, что в течение 800 лет Англия не подвергалась вторжению. Наконец, каркие доводы приводит он в доказательство того, что крики о неудовлетворительном состоянии обороны являются просто своекорыстным обманом? Заявление высших военных властей о том, что они чувствуют себя в полной безопасности!

Луи-Наполеон никогда еще не имел даже в Законодательном собрании столь легковерного почитателя своих честных и мирных намерений, какого он теперь совершенно неожиданно нашел в лице г-на Ричарда Кобдена. «Morning Herald», обычный защитник Наполеона, напечатал (во вчерашнем номере) письмо, адресованное г-ну Кобдену и, как утверждают, инспирированное непосредственно самим Бонапартом; в нем августейший герой Сатори[340] заверяет нас, что он появится в Англии лишь в том случае, если королева*, подвергшись угрозе со стороны восставшей демократии, будет нуждаться в 200000 его decembraillards, или горлодеров**. Но ведь этой демократией, согласно мнению «Herald», является не кто иной, как Кобден и компания!

Мы должны сознаться, что, внимательно прочитав упомянутый памфлет, сами начинаем испытывать опасение, не предвидится ли что-либо вроде нашествия на Великобританию. Г-н Кобден не принадлежит к числу счастливых пророков. После отмены хлебных законов он предпринял путешествие по континенту, посетив даже Россию, и по возвращении объявил, что все находится в наилучшем порядке, что времена насилия отошли в прошлое, что народы целиком и полностью поглощены торговой и промышленной деятельностью и отныне избрали для себя спокойный, чисто деловой путь развития, без политических бурь, взрывов и потрясений. Не успело его пророчество дойти до континента, как во всей Европе разразилась революция 1848 г., сыграв в некотором роде роль иронического эха к кротким предсказаниям г-на Кобдена. Он говорил о мире там, где никакого мира не было.

Было бы большой ошибкой предполагать, что доктрина мира манчестерской школы имеет глубокое философское значение. Она сводится лишь к тому, что феодальный метод ведения войны должен быть заменен торговым, что место пушек должен занять капитал. Общество мира созвало вчера в Манчестере собрание, на котором было почти единодушно провозглашено, что

* — Виктория. *Ред.*

** — decembraillards (decembre + braillards)—буквально: «декабрьские горлодеры»; намек на членов бонапартистского Общества 10 декабря. *Ред.*

не было бы никаких оснований подозревать Луи-Наполеона в каких-либо замыслах против безопасности Англии, *если бы пресса прекратила свои отвратительные нападки на его правление и умолкла!* Принимая во внимание это заявление, кажется весьма странным, что увеличение расходов на армию и флот было проведено в палате общин, не встретив никакой оппозиции, и что ни один из членов парламента, присутствовавших на конференции мира[341], не обмолвился ни единым словом против предложенного увеличения вооруженных сил.

В период политического затишья, вызванного отсрочкой заседания парламента, прессу занимают два важнейших вопроса: предстоящий *билль о реформе* и последние *распоряжения* Английского банка *об учетной ставке.*

«Times» от 24 сего месяца сообщает публике, что подготовляется новый билль о реформе. О характере этого билля о реформе можно судить но предвыборной речи сэра Чарлза Вуда в Галифаксе, в которой он высказался против принципа *равных избирательных округов;* далее, по речи Джемса Грехема в Карлайле, в которой он отверг *тайное голосование,* и, наконец, по негласно циркулирующему мнению, что даже крохотные реформистские пилюли, прописанные в феврале 1852 г. Джонни Расселом[342], считаются слишком сильно действующими и опасными. Но есть признаки, внушающпе еще большее подозрение. Рупор коалиционного министерства, «Economist», в номере от 22 января утверждает не только, что

«реформа нашей представительной системы не так уж давно значится в списке насущных и неотложных вопросов», но что *«у нас отсутствует еще предварительный материал для законодательной деятельности.* Расширение, уравнение, урегулирование, пересмотр, охрана и перераспределение избирательных нрав — таковы отдельные стороны вопроса, из которых каждая требует глубокого обдумывания и серьезного изучения... Нельзя сказать, что известная часть наших государственных деятелей не обладает в должной мере полезными знаниями по всем этим вопросам или по некоторым из них, но их знания *нахватаны,* а не *добыты трудом;* они хаотичны, односторонни и неполны... Очевидно, здесь может помочь лишь избрание *комиссии по исследованию вопроса,* на которую следует возложить изучение всего, что прямо или косвенно относится к данному предмету».

Итак, нашему мафусаилову министерству[343] снова предстоит заняться изучением политических наук coram publico*. Коллеги Пиля, коллеги Мелбурна, помощник Каннинга, заместитель Грея-старшего, люди, служившие при лорде Ливерпуле или в кабинете лорда Гренвилла, все эти новички, начавшие свою деятельность полвека тому назад, оказывается, неспо-

* — при всем народе, публично. *Ред.*

собны, за недостатком опыта, сделать парламенту какое-либо радикальное предложение об избирательной реформе. Итак, старая пословица, что опыт приходит с годами, по-видимому, опровергнута. «Подобная скромность среди коалиции ветеранов различных партий слишком комична для того, чтобы ее легко было описать!» — восклицает «Daily News», спрашивая: «Где же ваш билль о реформе?». «Morning Advertiser» отвечает на это:

«Мы склоняемся к тому мнению, что на теперешней сессии вообще не будет обсуждаться никакого билля о реформе. Возможно, что будет сделана попытка провести кое-какие законодательные меры для предотвращения избирательных подкупов и наказания за них, а также в некоторых других вопросах второстепенного значения; возможно, что будут приложены усилия к устранению недостатков, связанных с распределением парламентского представительства в стране, но такого рода законодательные мероприятия не заслуживают названия нового билля о реформе».

Что же касается последних распоряжений Английского банка об учетной ставке, то паника, первоначально вызванная ими, в настоящее время улеглась, и дельцы подобно теоретикам внушили себе, что теперешнее процветание не будет всерьез прервано или прекращено. Но прочтите-ка следующую выдержку из «Economist»:

«В этом году на громадных пространствах нашей земли, отведенной под пшеницу, вообще ничего не растет. На весьма больших полосах наших плодородных земель многие участки, отведенные под пшеницу, остались незасеянными, а некоторые из засеянных участков находятся не в лучшем состоянии, так как посевы либо погибли, либо дали крайне слабые всходы, либо же настолько пострадали от вредителей, что владельцы этих участков вряд ли имеют лучшие перспективы, чем владельцы незасеянной земли. В настоящее время уже почти невозможно обработать всю площадь, отведенную под пшеницу».

Кризис, временно отсроченный благодаря открытию калифорнийских и австралийских рынков и рудников, несомненно, наступит в случае неурожая. Распоряжения банка об учетной ставке являются лишь первым зловещим предзнаменованием. В 1847 г. Английский банк тринадцать раз менял учетную ставку. В 1853 г. подобные мероприятия будут проводиться десятки раз. Я хотел бы в заключение задать английским экономистам вопрос: как могло случиться, что современная политическая экономия, начав свой поход против меркантилизма с доказательства, что прилив и отлив золота не имеет значения для страны, что продукты обмениваются лишь на продукты, а золото такой же продукт, как и все другие, как могло случиться, что эта же самая политическая экономия ныне, в конце своего жизненного пути, с величайшей тревогой

следит за приливом и отливом золота? «Действительная цель, которую банк должен достигнуть своими операциями», — говорит «Economist», — «это — *воспрепятствовать вывозу капитала».* Собирается ли, однако, «Economist» воспрепятствовать вывозу капитала в виде хлопчатобумажных тканей, железа, шерстяной пряжи и материй? Но разве золото не *такой же продукт, как и все другие?* Уж не превратился ли «Economist» на старости лет в меркантилиста? Не намерен ли он, открыв свободный доступ иностранному капиталу, запретить вывоз британского капитала? Не желает ли он, освободившись от цивилизованного протекционизма, возвратиться к турецкому?

Когда я уже кончал эту статью, мне сообщили, что в политических кругах получила широкое распространение версия, будто у г-на Гладстона возникли разногласия со многими руководящими деятелями министерства Абердина по вопросу о *подоходном налоге* и что результатом этих разногласий, возможно, будет отставка этого достопочтенного джентльмена. В этом случае его преемником, вероятно, будет сэр Фрэнсис Беринг, бывший канцлер казначейства в правительстве лорда Мелбурна.

Написано К. Марксом 28 января 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Dally Tribune» № 3695, 18 февраля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ОБОРОНА. — ФИНАНСЫ. — ВЫМИРАНИЕ АРИСТОКРАТИИ. — ПОЛИТИКА

Лондон, вторник, 8 февраля 1853 г.

«Daily News» утверждает, что вопрос об учреждении милиции для береговой обороны серьезно обсуждается правительством.

Отчеты банка показывают дальнейшее уменьшение количества золота на сумму в 362084 фунта стерлингов. За последние две недели около 1000000 ф. ст. золотом было отправлено частью на континент, частью — перечеканенными в монету— в Австралию. Так как золотой запас Французского банка также продолжает уменьшаться, несмотря на значительный приток золота из Англии, то, очевидно, начался процесс образования сокровищ в руках частных лиц, а это является ярким признаком всеобщего неверия в прочность наполеоновского режима.

В настоящий момент имеет место всеобщее требование рабочих о повышении заработной платы, в особенности судостроителей, углекопов, фабричных рабочих и механиков. Это требование порождено господствующим процветанием, и его нельзя рассматривать как совершенно необычное явление. Более заслуживающим внимания фактом является организованная по всем правилам стачка сельскохозяйственных рабочих — событие до сих пор небывалое. Сельскохозяйственные рабочие Южного Уилтшира забастовали, требуя повышения заработной платы на 2 шиллинга, в настоящее время нх заработная плата равна лишь 7 шиллингам в неделю.

Согласно квартальным отчетам начальника бюро регистрации актов гражданского состояния, в течение прошлого года эмиграция из Великобритании определялась цифрой в 1000 человек в день; прирост населения был несколько меньшим. Одновременно сильно увеличилось число браков.

Со смертью виконта Мелбурна и графа Тирконнела, а также графа Оксфорда в течение последних двух недель угасли целых три пэрских рода. Если какой-либо класс и составляет исключение из закона Мальтуса о размножении в геометрической прогрессии, то это — класс наследственной аристократии. Взять, например, пэров и баронетов Великобритании. От норманской знати в наши дни сохранилось совсем немногое, если вообще сохранилось что-либо; не намного больше уцелело и первоначальных баронетских родов времен короля Якова I. Значительное большинство членов палаты лордов было возведено в это звание в 1760 году. Звание баронета восходит к 1611 г., к царствованию Якова I. Из всех баронетских родов, получивших тогда это звание, до настоящего времени дожило лишь тринадцать; из тех же, которые были возведены в этот сан в 1625 г., осталось всего 39. Другим примером действия того же закона является необычайно быстрое вымирание венецианской аристократии, несмотря на то, что *все* сыновья венецианских аристократов причислялись к знати по праву рождения. *Амло* насчитывал в свое время в Венеции 2500 аристократов, пользовавшихся правом голоса в Совете[344]. К началу XVIII века их осталось только 1500, хотя за это время прибавился ряд новых аристократических родов. Правительствующий совет в Берне за время от 1583 до 1654 г. включил 487 семейств в состав наследственного патрициата; из них 399 вымерло в течение двух столетий, к 1783 г. их осталось только 108. Если обратиться к более древним периодам истории, то Тацит сообщает нам, что император Клавдий создал новое поколение патрициев, «exhaustis etiam quas dictator Caesar lege Cassia et princeps Augustus lege Saenia sublegere»*. Из этих фактов видно, что природа не дорожит наследственной аристократией, и можно смело утверждать, что английская палата лордов уже давно умерла бы естественной смертью, если бы не постоянный приток свежей крови и не система искусственной поддержки. Современная физиология установила, что среди высших животных плодовитость находится в обратном отношении к развитию нервной системы, и в частности к росту количества мозгового вещества. Но, конечно, никто не осмелится утверждать, что вымирание английской аристократии в какой-либо мере связано с изобилием мозгового вещества.

Те самые партии, которые предсказывали наступление «тысячелетнего царства» и положили ему начало, кажется,

* — «ибо вымерли даже те, которые были включены дополнительно диктатором Цезарем по закону Кассия и принцепсом Августом по закону Сения» (Тацит. «Анналы»). *Ред.*

уже сейчас, еще до созыва палаты общин, считают его прекратившимся. В «Times», в номере от 4 февраля, говорится:

«В то время как манчестерцы мечут громы и молнии против правительства лорда Абердина... ирландский папизм и ирландский *социализм* (?) расточают свои сомнительные похвалы лорду Дерби и г-ну Дизраэли».

Что касается выражения *«ирландский социализм»,* употребленного «Times», то, само собой разумеется, оно относится к агитации в защиту прав арендаторов. В будущем, когда представится случай, я намерен показать, что теории всех современных английских буржуазных экономистов находятся в полном согласии с принципами Лиги защиты прав арендаторов[345]. Как мало тенденция только что цитированной статьи «Times» разделяется другими газетами, можно видеть из следующих строк в «Morning Advertiser»:

«Мы презирали бы ирландцев, если бы считали их способными изменить принципам Лиги защиты прав арендаторов».

Крайнее раздражение газеты Абердина объясняется фактом полного крушения надежд «тысячелетнего» министерства. Гг. Садлер и Кьоу были признанными лидерами ирландской бригады — один в кабинете, другой на поле битвы. Г-н Садлер руководил и управлял, г-н Кьоу произносил речи. Купив этих двух, надеялись заполучить всю компанию. Но члены ирландской бригады были посланы в парламент с обязательством быть в оппозиции и оставаться независимыми от всякого правительства, которое не установит полного религиозного равенства и не проведет в жизнь принципы билля Шермена Крофорда о правах ирландских арендаторов[346]. Таким образом, «Times» возмущается этими людьми за то, что они не желают нарушить свое слово. Непосредственный повод к данной вспышке гнева дал митинг и банкет в Келсе, графство Мит. Разосланное циркулярное письмо призывало всех, кому оно было адресовано, выразить свое негодование по поводу «недавнего дезертирства из рядов ирландской парламентской партии»; в этом же духе была составлена и резолюция.

Провал расчетов министерства на ирландскую бригаду можно было предвидеть заранее; однако в характера и в позиции ирландских партий происходят ныне перемены, глубокий смысл которых, кажется, не сознают до сих пор ни сами эти партии, ни английская пресса. Епископы и подавляющее большинство духовенства одобряют поведение католических депутатов, вступивших в правительство. В Карлоу духовенство целиком поддержало г-на Садлера, и он не потерпел бы поражения, если бы не усилия членов Лиги защиты прав

арендаторов. Как выглядит этот раскол в глазах истинно католической партии, можно видеть из одной статьи французской газеты «Univers», европейского органа иезуитизма. Там говорится:

«Единственный упрек, который с полным правом можно сделать гг. Кьоу и Садлеру, это — то, что они позволили вовлечь себя в сношения с двумя ассоциациями» (Лигой защиты прав арендаторов и Ассоциацией сторонников религиозного равенства), «у которых лишь одна цель — узаконить анархию, пожирающую Ирландию».

В пылу гнева «Univers» выдает свою тайну:

«Мы глубоко опечалены тем, что обе ассоциации ставят себя в открытую оппозицию к епископам и духовенству, и это в стране, где прелаты и сановники церкви были до сих пор надежнейшими руководителями народной и национальной организации».

Отсюда мы можем заключить, что если бы приверженцы Лиги защиты прав арендаторов случайно оказались во Франции, газета «Univers» постаралась бы, чтобы их сослали в Кайенну. Агитация рипилеров[347] была чисто политическим движением и потому католическое духовенство могло использовать эту агитацию для того, чтобы вырвать у английского правительства уступки, причем ирландский народ служил лишь орудием в руках священников. Агитация же в защиту прав арендаторов представляет собой социальное движение, имеющее глубокие корни, движение, которое в своем дальнейшем развитии вызовет окончательный разрыв между церковью и ирландской революционной партией и таким образом освободит народ от того духовного рабства, которое в течение столетий делало бесплодными все его усилия и жертвы, всю его борьбу.

Перейдем теперь к «сходке» руководящих деятелей движения за реформу в Ланкашире и депутатов этого графства, состоявшейся в Манчестере 3 сего месяца. Председательствовал г-н *Джордж Уилсон.* Он говорил только о неравном представительстве торговых и промышленных округов по сравнению с сельскохозяйственными округами, сказав по этому поводу следующее:

«В пяти графствах — Бакингемшир, Дорсетшир, Уилтшир, Нортгемптоншир и Селоп — 63 члена парламента избраны 52921 избирателем и в то же время такое же число членов парламента было избрано от Ланкашира и Йоркшира, имеющих 89609 сельских и 84612 городских избирателей, т. е. в целом 174281 избирателя. Если даже избирать членов парламента пропорционально лишь числу избирателей, то эти пять графств могли бы претендовать только на 19 мест, в то же время Ланкашир, — при такой же норме представительства, — имел бы право на 207 мест. Двенадцать крупных городов пли городских избирательных округов (принимая Лондон за два городских избирательных округа) избирают 24 члена парламента, имея 192000 избирателей,

население в 3268218 человек и 383000 обитаемых домов. В то же время Андовер, Бакингем, Чиппенем, Кокермут, Тотнесс, Харидж, Хонитон, Тетфорд, Лимингтон, Марльборо, Грейт-Марльборо и Ричмонд избирают также 24 члена парламента, имея 3569 избирателей, 67434 жителя и 1373 обитаемых дома... Самый робкий реформатор и самый умеренный человек вряд ли мог бы возразить против того, чтобы лишить представительства местечки с населением менее 5000 человек и предоставить свыше двадцати мест крупным избирательным округам».

Г-н Милнер Гибсон, член парламента, говорил на тему о народном образовании и о налогах на знания. Что касается билля о реформе, то в его речи заслуживает внимания лишь одно место — его заявление по поводу пункта о равных избирательных округах:

«Этот пункт, если хотите, может явиться великим *классовым вопросом».*

Г-н Бротертон, другой член парламента, сказал:

«В настоящее время не может считаться удовлетворительным ни один билль о реформе, который не предусматривает равномерного распределения представительства».

Но наиболее достопримечательную речь произнес г-н Брайт, член парламента, этот настоящий муж среди «манчестерских мужей». Он сказал:

«Правительство является коалиционным правительством, состоящим из вигов и пилитов... У нас нет серьезных оснований так ликовать, как будто мы имеем в правительстве людей, придерживающихся новых принципов и проводящих новую политику, людей, которые заняты широкими начинаниями и не нуждаются в том, чтобы их подталкивали все приверженцы реформы в каждой части страны. (Возгласы: «Правильно!»)»

Относительно парламентской реформы Брайт сказал следующее :

«Если бы Луи-Наполеон ввел во Франции такое же представительство, как наше, если бы он предоставил все депутатские места сельским округам, где династия Бонапартов пользуется такой популярностью, и не допустил бы избрания депутатов от Парижа, Лиона, Марселя, — то вся английская пресса осуждала бы фальшивую представительную систему, введенную им во Франции. (Возгласы: «Правильно, правильно!»)... Здесь, в Ланкашире, сосредоточена восьмая часть населения Англии, десятая часть ее собственности, облагаемой налогом, десятая часть общего числа ее домов... Мы начинаем понимать, в каком положении мы находимся. (Громкие аплодисменты.) ... Есть еще одно маленькое препятствие — это препятствие, которое встречает тайное голосование. (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Я читал речь, произнесенную лордом Джоном Расселом во время его выборов; наверное, лондонские избиратели были в прекрасном настроении духа, ибо в противном случае они не могли бы оставить без возражений его заявление о том, что он «противник тайны где бы то ни было». Прочитав это, я сказал про себя: «Недурно, если бы я был одним из твоих приверженцев, я посоветовал бы тебе захватить с

собой на ближайшее заседание кабинета репортера из редакции «Times»». (Возгласы: «Правильно!», смех.)

Теперь перейдем к аргументу сэра Джемса Грехема, который заявил, что «он не думает, чтобы тайное голосование можно было сделать обязательным». Но почему его нельзя сделать обязательным? Ведь было же сделано обязательным открытое голосование, таким же обязательным можно сделать и тайное. Во всяком случае, оно является обязательным в Массачусетсе и, быть может, также в других штатах Северной Америки; и сэр Джемс Грехем отлично знает, насколько малодоказательно было то, что он говорил перед двумя или тремя тысячами жителей Карлайла в дождливый день, когда слушатели, как я предполагаю, под своими зонтиками не могли достаточно тщательно взвесить приводимые доводы.

Мы не должны забывать», — сказал в заключение г-н Брайт, — «что все, достигнутое страной со времени революции 1688 г., — и особенно в последние годы, — добыто *в отважной борьбе промышленного и торгового классов против аристократии и привилегированных классов этой страны.* Мы должны продолжать дальше тот же конфликт; осталось еще совершить великие дела. (Аплодисменты, возгласы: «Правильно, правильно!»)»

Единогласно принятая резолюция гласит:

«Настоящее собрание призывает либеральных депутатов, связанных с Ланкаширом, рассматривать себя как комитет, имеющий целью содействовать любому мероприятию в пользу парламентской реформы для того, чтобы обеспечить этому графству такое расширение представительства, какое соответствует его населению, промышленности, богатству и культуре».

На этом собрании манчестерская школа повторила свой боевой клич: «Промышленная буржуазия против аристократии». Но, с другой стороны, она также выдала тайну своей политики, а именно, стремление к исключению народа из национального представительства и к строгому соблюдению своих особых классовых интересов. Все, что говорилось о тайном голосовании, народном образовании, налогах на знания и т. п., представляет собой не более как риторические украшения; единственной, всерьез выдвигаемой целью является *уравнение избирательных округов;* по крайней мере, это единственный пункт, по которому была принята резолюция и депутаты взяли на себя соответствующее обязательство. Почему? При равных избирательных округах городские интересы взяли бы верх над сельскими: буржуазия завладела бы палатой общин. Если бы манчестерцы сумели добиться равных избирательных округов, избежав при этом необходимости делать серьезные уступки чартистам, то последние вместо двух врагов, которые наперебой, конкурируя друг с другом, старались привлечь их каждый на свою сторону, имели бы против себя одну сплоченную армию врагов, объединивших все своп силы для противодействия требованиям народа. Тогда на некоторое время установилось

бы неограниченное господство капитала не только в промышленности, но и в политике.

Плохим предзнаменованием для коалиционного министерства можно считать те похвалы, которые расточались в Келсе и Манчестере бывшему правительству. Г-н *Лукас,* член парламента, заявил в Келсе:

«Нет больших противников прав арендаторов, чем маркиз Ленсдаун, лорд Пальмерстон, Сидни Герберт и другие... Разве вигское министерство и сторонники Грехема не встречали враждебным брюзжанием вопрос об арендаторах? С другой стороны, возьмем официальных представителей тори; и пусть каждый, кто читал предложения, исходящие от различных партий, скажет по совести, не вело ли себя министерство Дерби в этом вопросе в тысячу раз честнее, чем виги».

Милнер Гибсон заявил на собрании в Манчестере:

«Если даже бюджет последнего министерства в целом был плох, то в нем все-таки имелись некоторые хорошие признаки в отношении будущей политики. (Возгласы: «Правильно, правильно!») Предыдущий канцлер казначейства, по крайней мере, сломал лед. Я имею в виду пошлины на чай. Я слышал из достоверных источников, что у последнего правительства было намерение отменить налог на объявления».

Г-н *Брайт* пошел в своих похвалах еще дальше:

«В вопросе о подоходном налоге последнее правительство поступило смело. Со стороны английских сельских дворян, которые являются владельцами огромной части недвижимой, земельной собственности страны, выдвижение и поддержка проекта, устанавливающего различие в нормах обложения недвижимого имущества и доходов от торговли и от других непостоянных источников, явилось шагом, мимо которого мы не должны проходить и который мы в нашем округе обязаны приветствовать. Но г-н Дизраэли затронул еще один пункт, и должен сказать, что я ему за это благодарен. Во вступительной речи к своему бюджету и в речи, в которой он в продолжение трех часов вел бой со всеми сплотившимися против него силами в ту ночь, когда он потерпел окончательное поражение, он коснулся налогов на наследства, под которыми мы понимаем налог с наследуемого движимого имущества и пошлину, взимаемую при утверждении завещаний, признав, что эти налоги нуждаются в упорядочении. (Громкие аплодисменты.)»

Написано К. Марксом 8 февраля 1853 г.

Напечатано в газете. «New-York Daily Tribune» № 3699, 23 февраля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ. — БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Лондон, пятница, 11 февраля 1853 г.

Политическая апатия, столь долго господствовавшая здесь под естественным покровом густого тумана, была внезапно прервана прибытием революционных вестей из Италии. По телеграфу получено сообщение, что 6 сего месяца в Милане произошло восстание, что выпущены были прокламации, одна от имени Мадзини, другая от имени Кошута, с призывом к находящимся в рядах австрийской армии венграм примкнуть к революционерам, что восстание было сперва подавлено, но затем вспыхнуло снова, что австрийцы, расквартированные в арсенале, перебиты и т. д., что ворота Милана заперты. Правда, французские правительственные газеты напечатали два дополнительные сообщения, посланные из Берна 8-го и из Турина 9 сего месяца, в которых говорится, что 7-го восстание было окончательно подавлено. Но друзья Италии видят благоприятный признак в том, что английское министерство иностранных дел в продолжение двух дней но получает никакой прямой информации.

В Париже ходят слухи, что в Пизе, Лукке и других городах царит огромное возбуждение.

В Турине сообщение, сделанное австрийским консулом, повлекло за собой экстренное заседание министерства для обсуждения положения дел в Ломбардии. Первые известия пришли в Лондон 9 февраля; любопытно, что этот день был также днем годовщины провозглашения Римской республики в 1849 г.[348], казни Карла I в 1649 г. и низложения Якова II в 1689 году.

Что касается шансов теперешнего восстания в Милане, то надежды на его успех весьма незначительны, если только на

сторону революции не перейдет несколько австрийских полков. Частные письма из Турина, которые я рассчитываю получить в ближайшее время, вероятно, дадут мне возможность дать подробный отчет обо всем происшедшем.

По поводу характера той амнистии, которую недавно даровал Луи-Наполеон, в печати был помещен ряд высказываний французских эмигрантов. Виктор Фронд (бывший офицер) заявляет в брюссельской газете «Nation»[349], что он с удивлением прочел в списке амнистированных свое имя; ведь он сам себя амнистировал уже пять месяцев тому назад, когда совершил свой побег из Алжира.

Первоначально в «Moniteur» сообщалось, что амнистии подлежат 3000 ссыльных и лишь около 1200 граждан остаются под действием проскрипций. Но через несколько дней тот же авторитетный орган сообщил, что помилованы 4312 человек; получалось, что Луи-Наполеон помиловал фактически на 100 человек больше, чем до этого осудил! Один только Париж и департамент Сены насчитывают до 4000 человек, отправленных в ссылку; из них лишь 226 попали под амнистию. Из департамента Эро было отправлено в ссылку 2611 человек; из них амнистировано 229. На Ньевр приходится 1478 жертв, среди них 1100 отцов семейств, имеющих в среднем по трое детей; из них амнистировано 180 человек. В департаменте Вар возвращено из ссылки 687 человек из 2181. Из сосланных в Кайенну 1200 республиканцев помилованы лишь немногие, и главным образом как раз те, которые уже бежали из этой каторжной колонии. Число лиц, сосланных в Алжир и ныне возвращенных, велико, но оно не идет ни в какое сравнение с громадным количеством людей, вообще вывезенных в Африку; это число, как полагают, достигает 12000. Эмигранты, проживающие в настоящий момент в Англии, Бельгии, Швейцарии и Испании, почти целиком, за очень немногими исключениями, не попали под амнистию. С другой стороны, списки амнистированных содержат большое число лиц, которые либо никогда не покидали Францию, либо давно уже получили разрешение вернуться; более того, имеются даже имена, которые фигурируют в списках несколько раз. Но самым чудовищным фактом является то, что списки переполнены именами большого числа лиц, которые, как хорошо известно, были убиты во время кровавых декабрьских battues*.

Вчера открылась новая сессия парламента. В качестве достойного вступления к будущим деяниям «тысячелетнего»

* — облав, избиений. *Ред.*

министерства в палате лордов разыгралась следующая сцена. Граф Дерби запросил графа Абердина, какие мероприятия правительство намерено внести на рассмотрение парламента, на что последний ответил, что он уже раньше имел случай изложить свои принципы и повторять их было бы неуместно; делать же здесь дальнейшие заявления до оглашения их в палате общин было бы преждевременным. За этим последовал в высшей степени любопытный диалог, во время которого граф Дерби говорил, а граф Абердин лишь многозначительно покачивал головой.

Граф Дерби: «Я хотел бы спросить благородного лорда, какие мероприятия намерен он предложить палате лордов в течение этой сессии?»

Пауза в несколько секунд; благородный лорд не поднимается с места.

Граф Дерби: «Может быть, молчание означает отсутствие мероприятий?» (Смех.)

Граф Абердин бормочет что-то невнятное.

Граф Дерби: «Могу ли я позволить себе спросить, какие мероприятия будут предложены этой палате?»

Никакого ответа.

Лорд-канцлер ставит вопрос о перенесении заседания, палата лордов принимает решение о перенесении.

Если мы от палаты лордов перейдем к «верноподданным общинам ее величества», то нам, пожалуй, придется согласиться, что граф Абердин гораздо ярче изложил программу министерства своим молчанием, чем лорд Джон Рассел вчера вечером в своей длинной и тяжеловесной речи. Краткое резюме последней сводится к следующему: «важны не мероприятия, а люди»; отсрочка решения всех вопросов, подлежащих рассмотрению парламента, на год и аккуратная выплата жалованья министрам ее величества в течение этого времени. Это намерение правительства лорд Джон Рассел выразил приблизительно в следующих словах:

«Что касается численности контингентов, которые нужно утвердить для армии, флота и артиллерии, то она будет не выше той, которая была утверждена перед рождественскими каникулами. Что касается размеров различных расходных статей бюджета, то по сравнению с бюджетом прошлого года они будут значительно увеличены... Будет внесен билль, по которому канадские законодательные органы получат право распоряжаться резервным церковным фондом в Канаде... Министр торговли возбудит вопрос о внесении билля о лоцманском деле... Ограничения в правах подданных ее величества иудейского вероисповедания будут отменены... Будут внесены предложения, касающиеся образования. Я еще не могу сказать, насколько широким будет тот проект, который мне предстоит предложить в этой области от имени правительства ее величества. Он будет включать мероприятия, касающиеся обучения бедных классов, и предложения относительно Оксфордского и Кембриджского университетов... Ссылка в Австралию будет прекращена... Внесен будет законопроект отно-

сительно системы более легких наказаний за преступления... Немедленно после пасхальных каникул или при первой возможности после них канцлер казначейства внесет финансовый проект на текущий год... В ближайшие дни лорд-канцлер изложит мероприятия, которые он намерен предложить для улучшения законов... Главный секретарь по делам Ирландии намерен через несколько дней внести предложение о назначении специального комитета, который должен заняться законопроектом о лендлордах и арендаторах в Ирландии... Министры приложат все усилия к тому, чтобы возобновить для этого года подоходный налог без каких-либо обсуждений или дискуссий».

Относительно парламентской реформы лорд Джон Рассел заявляет, что она, быть может, станет предметом обсуждения на ближайшей сессии. Это значит, что в настоящее время не будет никакого билля о реформе. Мало того, Джонни изо всех сил старался опровергнуть предположение, будто он когда-либо обещал внести более либеральный проект реформы представительной системы, чем билль, внесенный им во время последней сессии[350]. Он даже возмущался тем, что ему приписывают подобного рода обещания. Он никогда ничего подобного не говорил и не думал. Он не может даже обещать, что билль, который он наморен внести во время ближайшей сессии, будет столь же всесторонним, каким был билль 1852 года. В отношении же подкупов и коррупции он сказал:

«Я считаю, что лучше подождать с высказыванием своего мнения о том, необходимы ли дальнейшие мероприятия для прекращения подкупов и коррупции. Я хочу этим только сказать, что это — один из наиважнейших вопросов».

Невозможно передать, с каким холодным равнодушием и удивлением была встречена палатой общин эта речь Джона Предельной точки[351]. Трудно сказать, что преобладало: недоумение среди его друзей или веселье среди врагов. Но все, кажется, усмотрели в этой речи полное опровержение учения Лукреция о том, что «nil de nihilo tit»*. Лорд Джон, по крайней мере, сделал из ничего кое-что, а именно сухую, длинную и весьма скучную речь.

Предполагалось, что кабинет министров связал свое существование с двумя вопросами: о новых размерах подоходного налога и о новом билле о реформе. Итак, что касается подоходного налога, то предложено оставить его в теперешнем виде еще на один год. Что же касается билля о реформе, даже в пределах, намеченных вигами, то объявлено, что министры намерены провести его лишь при том условии, если они останутся на своих постах еще целый год. В общем воспроизведена

* — «из ничего ничто не возникает» (Лукреций. «О природе вещей»). *Ред.*

программа последнего министерства Рассела, за вычетом билля о реформе. Даже обсуждение проекта бюджета переносится на время после пасхальных каникул, так что министры при всех обстоятельствах смогут получить свое жалованье за четверть года.

Предложения о частичных реформах почти все заимствованы из программы г-на Дизраэли. Таковы, например, улучшение законов, отмена ссылки в Австралию, билль о лоцманском деле, создание комиссии по вопросу о правах арендаторов и т. д. Единственными собственными пунктами нынешнего министерства являются предполагаемая реформа образования, которая, как заверяет нас сам лорд Джои, будет не крупнее его самого, и отмена правовых ограничений для барона Лайонела Ротшильда. Сомнительно, доставит ли английскому народу большое удовлетворение распространение избирательного права на еврейского ростовщика, который, как известно, был одним из соучастников государственного переворота, произведенного Бонапартом.

Такое наглое поведение министерства, составленного из представителей двух партий, которые на последних общих выборах потерпели полное поражение, трудно объяснить иначе, как тем обстоятельством, что всякий новый билль о реформе потребует роспуска теперешней палаты общин, а со большинство цепляется за свои, столь дорогой ценой купленные депутатские места, добытые лишь ничтожным перевесом голосов.

Нет ничего более восхитительного, чем тот способ, с помощью которого «Times» пытается утешить своих читателей:

«Ближайшая сессия — это срок, гораздо менее неопределенный, чем *завтра,* ибо завтра зависит не только от воли, но и от жизни виновника проволочек. А ближайшая сессия непременно наступит, если только не погибнет мир. Итак, отложим всю парламентскую реформу до ближайшей сессии и оставим министерство в покое на один год!»

Я, со своей стороны, считаю в высшей степени благоприятным обстоятельством для народа, что билль о реформе не будет *октроирован* министрами при теперешнем апатичном состоянии общественного мнения и «под холодной сенью аристократического коалиционного кабинета». Не следует забывать, что лорд Абердин был членом того торийского кабинета, который в 1830 г. отказывался согласиться на какой бы то ни было шаг в пользу реформы. Национальные реформы должны быть завоеваны посредством национальной агитации, а не дарованы милостью милорда Абердина.

В заключение я хочу еще упомянуть, что на специальном заседании главного комитета *Национальной ассоциации покровительства британской промышленности и капитала*[352], происходившем в последний понедельник под председательством герцога Ричмонда в доме Компании Южных морей, это общество приняло мудрое решение о своем роспуске.

Написано К. Марксом 11 февраля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3701, 25 февраля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОКУШЕНИЕ НА ФРАНЦА-ИОСИФА.—МИЛАНСКОЕ ВОССТАНИЕ. — БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА. — РЕЧЬ ДИЗРАЭЛИ. — ЗАВЕЩАНИЕ НАПОЛЕОНА

Лондон, вторник, 22 февраля 1853 г.

Телеграф сообщает следующие новости из Штульвейсенбурга*:

«18 сего месяца в 1 час дня на гулявшего вдоль венской крепостной стены австрийского императора Франца-Иосифа стремительно напал венгерский портной-подмастерье, по имени Ласло Либени, бывший гусар из Вены, и нанес ему удар кинжалом. Удар был парирован адъютантом, графом О'Донноллем. Франц-Иосиф ранен ниже затылка. Венгр, которому 21 год, был повержен на землю ударом сабли адъютанта и немедленно арестован».

По другим версиям орудием нападения служило ружье.

В Венгрии только что раскрыт очень широкий заговор с целью свержения австрийского господства.

«Wiener Zeitung» публикует несколько приговоров военного суда по делу 39 лиц, которые обвинялись главным образом в том, что они состояли в заговоре с Кошутом и Рущаком из Гамбурга.

Немедленно после подавления революционного восстания в Милане Радецкий издал приказы о прекращении всякого сообщения с Пьемонтом и Швейцарией. До вас, вероятно, еще до получения этого письма дойдет та скудная информация, которой удалось просочиться из Италии в Англию. Я хочу обратить ваше внимание на одну характерную черту миланских событий.

Помощник маршала Радецкого граф Страссольдо в своем первом приказе от 6 сего месяца прямо признает, что большинство населения совершенно не участвовало в последнем

* Венгерское название: Секешфехервар. *Ред.*

восстании, хотя это и не помешало ему ввести в Милане строжайшее осадное положение. В последующем официальном объявлении, составленном в Вероне 9 февраля, Радецкий лишает всякой силы заявление своего подчиненного, стараясь использовать восстание для того, чтобы под фальшивыми предлогами заполучить деньги. На всех, за исключением лиц, заведомо принадлежащих к австрийской партии, он налагает денежные штрафы в неограниченных размерах в пользу гарнизона. В своем объявлении от 11 сего месяца он заявляет, что «большинство жителей, за немногими похвальными исключениями, не желает подчиняться императорскому правительству», и предписывает всем судебным властям, т. е. военным судам, конфисковать имущество всех соучастников, определяя соучастие следующим образом:

«Che tale complicità consista semplicimente nella omissione della denuncia a cui ognuno è tenuto»[*].

На таком основании он мог бы сразу конфисковать весь Милан под предлогом, что о восстании, вспыхнувшем 6-го числа, жители не донесли еще 5-го. Кто не хочет сделаться шпионом и осведомителем Габсбургов, тот должен стать законной добычей кроатов[353]. Словом, Радецкий провозгласил новую систему массового грабежа.

Миланское восстание замечательно как симптом приближающегося революционного кризиса на всем европейском континенте. Оно достойно восхищения как героический акт горстки пролетариев, которые, будучи вооружены лишь ножами, отважились напасть на такую твердыню, как гарнизон и расквартированная вокруг армия в 40 тысяч лучших солдат Европы, в то время как итальянские сыны Мамоны предавались пляскам, пению и пиршествам среди крови и слез своей униженной и истерзанной нации. Но в качестве исхода вечных заговоров Мадзини, его напыщенных воззваний, его высокомерных декламаций против французского народа, это восстание является весьма жалким по своим результатам. Будем, однако, надеяться, что этим révolutions improvisées[**], как называют их французы, отныне положен конец. Слыхал ли кто когда-нибудь, чтобы великие импровизаторы были также великими поэтами? В политике дело обстоит так же, как в поэзии. Революции никогда не делаются по приказу. После страшного опыта 1848 и 1849 гг., для того чтобы вызвать национальную революцию,

[*] — «И что подобным соучастием является уже простое воздержание от доноса, который каждый обязан сделать». *Ред.*

[**] — импровизированным революциям. *Ред.*

требуется нечто большее, чем бумажные призывы находящихся вдали вождей. Кошут воспользовался случаем, чтобы вообще публично отречься от восстания и, в частности, от прокламации, выпущенной от его имени. Однако весьма подозрительным выглядит то, что он задним числом требует признания своего превосходства в качестве политика над своим другом Мадзини. Но этому поводу газета «Leader» замечает:

«Мы считаем нужным предупредить наших читателей, что это дело касается исключительно взаимоотношений гг. Кошута и Мадзини, из которых последний находится не в Англии».

Делла Рокко, друг Мадзини, в письме в «Daily News» говорит следующее по поводу опровержений г-на Кошута и г-на Агостини:

«Некоторые лица подозревают их в том, что они дожидались окончательных сведений об успехе или неудаче восстания, готовые как разделить честь успеха, так и сложить с себя ответственность за неудачу».

Б. Семере, бывший венгерский министр, в письме, адресованном редактору «Morning Chronicle», протестует «против того, что Кошут незаконно узурпирует имя Венгрии». Он говорит:

«Тот, кто хочет составить себе мнение о Кошуте как о государственном деятеле, пусть внимательно изучит историю последней венгерской революции; а тот, кто хочет познакомиться с его талантом в качестве заговорщика, пусть бросит ретроспективный взгляд на прошлогоднюю несчастную гамбургскую экспедицию».

Что революция побеждает даже тогда, когда она терпит поражение, видно лучше всего по тому страху, который миланская echauffouree* возбудила среди континентальных властителей, поразив их в самое сердце. Достаточно только прочитать следующее письмо, напечатанное в официальной «Frankfurter Oberpostamts-Zeitung»:

«Берлин, 15 февраля. События в Милане произвели здесь глубокое впечатление. Известия о них дошли до короля по телеграфу 9 сего месяца, как раз в момент самого разгара придворного бала. Король немедленно заявил, что движение связано с имеющим глубокие корни заговором, разветвления которого находятся повсюду, и что перед лицом этого революционного движения необходим тесный союз между Пруссией и Австрией... Один из высших сановников воскликнул: «Нам, быть может, придется защищать корону Пруссии на берегах По»».

В первую минуту тревога была так велика, что в Берлине было арестовано около двадцати жителей, и единственной при-

* — безрассудная выходка; смелый, но неудачный поступок. *Ред.*

чиной ареста явилось «глубокое впечатление» от миланских событий. «Neue Preusische Zeitung», ультрароялистская газета, была конфискована за то, что напечатала документ, приписываемый Кошуту. 13-го числа министр фон Вестфален внес в верхнюю палату наспех составленный законопроект, которым правительство уполномочивалось конфисковать все газеты и брошюры, изданные не в Пруссии. В Вене аресты и домашние обыски сделались повседневным явлением. Между Россией, Пруссией и Австрией немедленно начались переговоры о том, чтобы заявить английскому правительству совместный протест по поводу политических эмигрантов. Как слабы, как бессильны так называемые европейские «силы»! Они чувствуют, что все тропы Европы сотрясаются до самого основания при первых же предвестниках революционного землетрясения. Окруженные своими армиями, виселицами, тюрьмами, они содрогаются перед тем, что сами же называют «разрушительными поползновениями немногих подкупленных злоумышленников».

«Спокойствие восстановлено». Да, это так. То зловещее, страшное спокойствие, которое наступает между первой вспышкой бури и ее повторным мощным ударом.

От бурных сцен континента перейдем к спокойной Англии. Может показаться, что дух маленького Джона Предельной точки царит во всех сферах официального мира, что вся нация поражена таким же параличом, как и люди, которые ею управляют. Даже «Times» в отчаянии восклицает:

«Может быть, это — затишье перед бурей, может быть, это — дым, без которого не бывает огня... Характерной чертой данного момента является скука».

Деятельность парламента возобновилась, но до сих пор наиболее драматическим и единственно привлекающим внимание актом коалиционного министерства были трижды повторенные реверансы лорда Абердина. О впечатлении, произведенном программой лорда Джона на его врагов, можно лучше всего судить по высказываниям его друзей.

«Лорд Джон Рассел», — говорит «Times», — «произнес речь, в которой было меньше вдохновения, чем даже во вступительном слове рядового аукциониста перед распродажей старой мебели, испорченных товаров или лавочных принадлежностей... Лорд Джон Рассел вызывает чрезвычайно мало энтузиазма».

Как известно, новый билль о реформе был отложен ввиду наличия более насущных практических реформ, требующих более экстренного внимания законодателей. В настоящее время уже показан пример того, какой характер должны принять эти

реформы, когда инструмент для проведения реформ, т. е. парламент, сам остается не реформированным.

14 февраля лорд Кpaнуopт изложил в палате лордов свою программу реформ в области права. Большая часть его многословной, скучной и туманной речи состояла в перечислении тех многих вещей, которых от него ожидают, но которых он еще не готов выполнить. Он оправдывался тем, что сидит на мешке с шерстью[354] всего лишь семь недель. Однако, как замечает «Times», «лорд Кpaнуopт прожил уже 63 года на этом свете и из них 37 лет состоял адвокатом». В истинно вигском духе он из сравнительно больших успехов прежних мелких реформ в области нрава делает тот вывод, что было бы нарушением всяких правил скромности продолжать проводить реформы с тем же рвением, как и раньше. В истинно аристократическом духе он не хочет заниматься церковным правом, ибо «это слишком шло бы вразрез с законно обоснованными интересами». На чем основаны эти интересы? На ущербе для общества. Только два следующие мероприятия, подготовленные лордом Кpaнуopтoм, имеют некоторое значение. Во-первых, «билль об облегчении передачи земли», главные особенности которого состоят в том, что он еще больше затрудняет передачу земли, увеличивая связанные с этим издержки и технические препятствия, но не сокращая волокиты и не упрощая сложной процедуры передачи собственности в другие руки. Во-вторых, предложение создать комиссию, которой надлежит систематизировать статутное право[355] и вся заслуга которой должна свестись к составлению указателя ко всем сорока фолиантам статутов. Лорд Кpaнуopт, несомненно, может защитить свои мероприятия от нападок самых закоренелых противников реформы в области права с помощью того же оправдания, к которому прибегала одна бедная девица, заявившая своему исповеднику, что хотя она, действительно, и родила ребенка, но этот ребенок очень маленький.

До сих пор единственными интересными дебатами в палате общин были дебаты, вызванные запросом, который г-н Дизраэли сделал 18 сего месяца министерству по поводу отношений между Англией и Францией. Дизраэли начал с Пуатье и Азенкура[356] и кончил избирательной кампанией в Карлайле и речью в Клос-холле в Галифаксе. Его целью было обвинить сэра Джемса Грехема и сэра Чарлза Вуда, непочтительно отозвавшихся о Наполеоне III. Дизраэли не мог более наглядно продемонстрировать полное разложение старой торийской партии, как выступая в роли апологета Бонапартов, этих наследственных врагов той самой политической касты, вождем которой он

является. Он не мог начать свою оппозиционную деятельность более неподходящим образом, как оправдывая теперешний режим во Франции. Слабость этой части его речи обнаруживается уже при кратком анализе ее.

Когда он пытался объяснить причины беспокойства, испытываемого публикой по поводу состояния теперешних отношений между Англией и Францией, он вынужден был признать, что главным источником этого служат как раз те большие вооружения, которые были начаты во время его собственного правления. Несмотря на это, он старался доказать, что увеличение и усовершенствование средств обороны Великобритании имеют своим единственным основанием лишь те крупные изменения, которые вызваны современным приложением науки к военному искусству. Ведущие авторитеты, заявил он, уже давно признали необходимость подобных мероприятий. В 1840 г., в период министерства г-на Тьера, правительство сэра Роберта Пиля приложило некоторые усилия к тому, чтобы, по крайней мере, положить начало повой системе в области национальной обороны. Но эти усилия оказались тщетными. В 1848 г., когда на континенте разразилась революция, тогдашнему правительству снова представился случай придать общественному мнению желательное направление в той мере, в какой дело касалось обороны страны. Но опять-таки безрезультатно. Вопрос о национальной обороне окончательно созрел лишь к тому времени, когда он и его коллеги были призваны стать во главе правительства. Принятые ими меры сводились к следующему:

1) Была создана милиция.

2) Артиллерия была приведена в надлежащее состояние.

3) Были приняты меры для того, чтобы полностью укрепить арсеналы страны и некоторые важные опорные пункты на побережье.

4) Было внесено предложение о дополнительном наборе во флот 5000 матросов и 1500 солдат морской пехоты.

5) Были приняты меры к восстановлению былой мощи путем создания флота Ла-Манша, состоящего из 15—20 линейных кораблей, соответствующего числа фрегатов и более мелких судов.

Из всех этих утверждений следует, что Дизраэли доказал как раз обратное тому, что он хотел доказать. Правительство не смогло осуществить увеличения вооружений в момент, когда сирийский и таитянский вопросы угрожали нарушить entente cordiale* с Луи-Филиппом[357]; оно не в состоянии было сделать это и тогда, когда революция распространилась по всему континенту и, казалось, угрожала самым коренным британским интересам. Почему же это стало возможным только теперь и

* — сердечное согласие. *Ред.*

почему это было сделано как раз правительством г-на Дизраэли? Именно потому, что теперь Наполеон III дает основания больше опасаться за безопасность Англии, чем когда-либо раньше, начиная с 1815 года. Кроме того, как правильно замечает г-н Кобден:

«Проектировавшееся увеличение морских сил заключалось не в увеличении числа паровых двигателей, а в увеличении людского состава, переход же от парусных судов к паровым не вызывает необходимости увеличения числа матросов, а как раз наоборот».

Дизраэли говорил:

«Другой причиной для предположения о грозящем разрыве с Францией явилось существование во Франции военного правительства. Но если армии жаждут завоеваний, то это происходит в силу непрочности их позиции в собственной стране. Франция же управляется теперь армией не потому, что войска охвачены военным честолюбием, а потому, что граждане испытывают беспокойство».

Г-н Дизраэли, кажется, совершенно не видит, что вопрос заключается именно в том, как долго армия будет себя чувствовать прочно в собственной стране и как долго вся нация, отдавая дань эгоистическому беспокойству немногочисленного класса граждан, будет подчиняться современному террористическому режиму военного деспотизма, который в конце концов является не чем иным, как орудием узких классовых интересов.

В качестве третьей причины Дизраэли указывает на

«сильное предубеждение в нашей стране против теперешнего правителя Франции... Придерживаются того мнения, что, придя к власти, он покончил с парламентской конституцией, высоко почитаемой здесь, и уничтожил свободу печати».

Однако этому предубеждению Дизраэли мало что мог противопоставить. Он сам говорил, что «в высшей степени трудно составить себе мнение о французской политике».

Но даже если английский народ и не столь глубоко посвящен в тайны французской политики, как г-н Дизраэли, то его простой здравый смысл говорит ему, что бесцеремонный авантюрист, не контролируемый ни парламентом, ни печатью, является как раз тем самым человеком, который способен совершить пиратское нападение на Англию, когда его собственная государственная казна истощится от сумасбродных трат и расточительства.

Далее г-н Дизраэли приводит несколько примеров в доказательство того, как много содействовало сохранению мира сердечное согласие между Бонапартом и последним правительством, имевшее место в вопросе об угрожавшем конфликте

между Францией и Швейцарией, в вопросе об открытии для свободного плавания южноамериканских рек, в прусско-невшательском вопросе, во время принуждения Соединенных Штатов к участию в трехстороннем акте отказа от Кубы, во время совместного выступления на Ближнем Востоке по поводу распространения танзимата на Египет, во время пересмотра договора о греческом престолонаследии, во время дружественного сотрудничества в отношении Туниса и т. д.[358] Это напоминает мне произнесенную в конце ноября 1851 г. одним из представителей французской партии порядка речь по поводу сердечного согласия между Наполеоном и большинством собрания — согласия, которое якобы позволило собранию столь легко разрешить вопросы об избирательном праве, об ассоциациях и о печати. Через два дня произошел государственный переворот.

Насколько слаба и противоречива была эта часть речи Дизраэли, настолько же блестящим было ее заключение, представлявшее собой нападение на коалиционное министерство,

«Есть еще одно основание», — сказал он в заключение, — «вынуждающее меня в настоящий момент прибегать к данному анализу, это основание я нахожу в теперешнем положении партий в этой палате. Налицо весьма своеобразное положение. Мы имеем в настоящий момент консервативное министерство, и мы имеем консервативную оппозицию. (Аплодисменты.) Великую либеральную партию я вообще никак не могу найти. (Аплодисменты.) Где виги с их великими традициями?.. Нет никого, кто бы мог мне на это ответить. (Снова аплодисменты.) Где, спрашиваю я, юношеская энергия радикализма, его радужные ожидания, его большие надежды? Я боюсь, что, как только он пробудится от мечтаний, навеянных той пылкой неискушенностью, которая нередко бывает спутником юности, он увидит себя одновременно и использованным и выброшенным, как ненужная вещь. (Аплодисменты.) Использованным без зазрения совести и выброшенным без особых церемоний. (Аплодисменты.) Где радикалы? Есть ли в этой палате хоть один человек, называющий себя радикалом? (Возгласы: «Слушайте, слушайте!») Ни одного. Он должен был бы опасаться, что его схватят и сделают консервативным министром. (Взрыв смеха.) Как могло создаться такое смешное положение? Где тот механизм, с помощью которого было вызвано к жизни это необычайно бедственное политическое состояние? Я полагаю, что для выяснения теперешнего положения дел мне нужно обратиться к тому неисчерпаемому арсеналу политических проектов, каким является первый лорд адмиралтейства» (Грехем). «Быть может, палата вспомнит, что примерно два года тому назад первый лорд адмиралтейства преподнес нам по своему обыкновению один из тех политических символов веры, которыми изобилуют его речи. Он заявил: «Я становлюсь на базу прогресса». Уже в то время, господа, я подумал, что за странная вещь прогресс, если на нем можно стоять? (Громкий смех и аплодисменты.) Я подумал тогда, что это была ораторская обмолвка. Но я прошу извинения за это промелькнувшее у меня подозрение. Я обнаружил, что это была система, тщательно обдуманная и ныне пущенная в ход. Ибо теперь мы имеем министерство прогресса, и поэтому все стоит на месте. (Аплодисменты.) Слова «реформа» мы более уже не слышим, уже нет более

министерства реформ, а есть министерство прогресса, в котором каждый член кабинета решил ничего не делать. Все трудные вопросы отодвинуты в сторону, все вопросы, по которым нельзя достигнуть соглашения, превращены в открытые вопросы».

У противников Дизраэли немного нашлось, что ему возразить, если не считать «неисчерпаемого арсенала политических проектов» сэра Джемса Грехема, который сохранил, по крайней мере, достоинство в том отношении, что не целиком отрекся от поставленных ему в вину оскорбительных слов в адрес Луи-Наполеона.

Лорд Джон Рассел обвинил Дизраэли в том, что тот превращает внешнюю политику страны в партийный вопрос, и уверял оппозицию,

«что после прошлогодних раздоров и столкновений страна была бы счастлива увидеть хотя бы кратковременный мирный прогресс, без каких-либо проявлений этой великой, потрясающей борьбы партий».

В результате дебатов все расходы на флот будут одобрены палатой, но, для успокоения Наполеона, не по военным мотивам, а лишь на основании требований науки. Suaviter in modo, fortiter in re[*].

В четверг утром на прошлой неделе коронный адвокат, явившись к сэру Дж. Додсону в суд архиепископа, потребовал от имени министра иностранных дел выдачи из архива французскому правительству подлинника завещания Наполеона Бонапарта с дополнительным распоряжением к нему. Это требование было удовлетворено. Если Луи-Наполеон пожелает вскрыть это завещание и попытается его выполнить, то оно легко может оказаться современным ящиком Пандоры[359].

Написано К. Марксом 22 февраля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3710, 8 марта 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — Мягко по образу действий, но жестко по существу (соответствует русской пословице: мягко стелет, да жестко спать.). *Ред.*

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ. — ДУХОВЕНСТВО И БОРЬБА ЗА ДЕСЯТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. — ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ [360]

Лондон, пятница, 25 февраля 1853 г.

Парламентские дебаты за эту неделю представляют мало интереса. 22-го в палате общин г-н Спунер предложил прекратить выдачу субсидий католическому колледжу в Мейнуте[361], а г-н Сколфилд внес в качестве поправки предложение об «отмене всех действующих ныне постановлений, возлагающих на государство расходы на церковные или религиозные цели какого бы то ни было рода». Предложение Спунера было отклонено 192 голосами против 162. Поправка Сколфилда будет обсуждаться только на следующей неделе в среду; однако возможно, что она вообще будет взята обратно. Во всех прениях о Мейнуте заслуживает внимания только заявление г-на Даффи («ирландская бригада») о том, что, по его мнению,

«не исключена возможность, что президент Соединенных Штатов или новый французский император будет рад возобновить сношения между своей страной и ирландским духовенством».

На вчерашнем вечернем заседании лорд Джон Рассел представил палате общин свой проект «отмены некоторых правовых ограничений для подданных ее величества иудейского вероисповедания». Это предложение было принято большинством в 29 голосов. Таким образом, вопрос этот снова разрешен в палате общин, по, без сомнения, вновь останется нерешенным в палате лордов.

Недопущение евреев в палату общин, в то время как дух ростовщичества давно уже господствует в британском парламенте, бесспорно представляет собой нелепую аномалию, тем более, что евреи уже пользуются правом избираться на все муниципальные гражданские должности. Но тем не менее весьма

характерно для человека и *его эпохи,* что вместо обещанного билля о реформе, который должен был покончить с бесправием массы английского народа, Джон Предельная точка вносит билль, преследующий исключительно отмену ограничения в правах барона Лайонела Ротшильда. Какое ничтожное значение придает этому вопросу широкая публика, видно из того, что ни из одной местности Великобритании не поступило ни одной петиции в парламент в пользу допущения туда евреев. Весь секрет этого жалкого реформистского фарса был раскрыт в речи сэра Роберта Пиля-младшего:

«Собственно говоря, палата занимается лить частными делами благородного лорда. (Громкие возгласы одобрения.) Благородный лорд был выдвинут представителем Лондона вместе с евреем (возгласы одобрения) и дал обет ежегодно вносить законопроект в пользу евреев, (Возгласы: «Правильно!») Без сомнения, барон Ротшильд является очень богатым человеком, но это не дает ему никакого права на особое уважение, особенно, если вспомнить, каким образом создавалось его богатство. (Громкие возгласы: «Правильно, правильно!» и восклицание «Ого!» на скамьях сторонников министерства.) Только вчера я прочел в газетах, что банкирский дом Ротшильда согласился предоставить Греции заем из 9% под солидное обеспечение. (Возгласы: «Слушайте!») Неудивительно, что при таких процентах дом Ротшильда богатеет. (Возгласы: «Слушайте?») Министр торговли говорил на тему о подавлении печати. Но поистине никто не сделал так много для подавления свободы в Европе, как дом Ротшильда (возгласы: «Правильно, правильно!») посредством займов, которыми он помогал деспотическим державам. Но даже если допустить, что барон имеет столько же достоинств, сколько богатства, то все-таки можно было ожидать, что благородный лорд, который представляет в этой палате правительство, составленное из лидеров всех политических фракций, находившихся в оппозиции к предыдущему министерству, предложит более важное мероприятие, чем рассматриваемое сегодня».

Рассмотрение петиции по поводу выборов уже началось. Выборы в Кентербери и Ланкастере признаны недействительными и аннулированы по обстоятельствам, которые свидетельствуют о продажности, вошедшей в обычай у известной категории избирателей. Однако можно почти с уверенностью сказать, что большая часть дел будет замята посредством компромисса.

«Само собой понятно», — пишет «Daily News», — «что привилегированные классы, которым удалось свести на нет тенденции билля о реформе и вновь приобрести перевес в теперешнем представительстве, крайне встревожены мыслью о том, что может произойти полное, доведенное до конца разоблачение».

21, сего месяца лорд Джон Рассел сложил с себя обязанности министра иностранных дел, и лорд Кларендон принес присягу в качестве его преемника. Лорд Джон является первым членом палаты общин, который, не имея никакого официального назначения, входит в кабинет. Он теперь просто привилегирован-

ный советчик, без должности — и без жалованья. Впрочем, по поводу последнего неприятного обстоятельства г-н Келли уже возвестил, что будет внесен проект, имеющий целью облегчить участь бедного Джонни. Пост министра иностранных дел приобрел в настоящий момент важное значение, поскольку германский Союзный сейм внезапно решился потребовать удаления из Великобритании всех политических эмигрантов, а австрийцы предлагают всех нас погрузить на корабли и переправить на какой-нибудь пустынный остров в южной части Тихого океана.

В одной из прежних статей я уже указал на вероятность того, что движение в защиту прав ирландских арендаторов может со временем, вопреки взглядам и намерениям его теперешних лидеров, превратиться в антиклерикальное движение*. Я указывал на тот факт, что высшее духовенство уже начало занимать враждебную позицию по отношению к Лиге. С тех пор на арену выступила еще одна сила, толкающая движение в том же направлении. Лендлорды Северной Ирландии усиленно стараются убедить своих арендаторов, что Лига защиты прав арендаторов и Ассоциация защиты католиков — одно и то же, и под предлогом сопротивления распространению папизма они усердно сколачивают оппозицию против Лиги.

Если ирландские лендлорды апеллируют, таким образом, к своим арендаторам против католического духовенства, то, с другой стороны, английское протестантское духовенство апеллирует к рабочему классу против фабричных лордов. Промышленный пролетариат Англии с удвоенной энергией возобновил свою давнюю борьбу за проведение билля о десятичасовом рабочем дне и за отмену *системы фабричных лавок и оплаты труда товарами [truck and shoppage system]*. Так как требования этого рода должны быть представлены палате общин, в которую уже поступило много петиций по этому поводу, то мне в одной из ближайших статей представится случай подробнее остановиться на жестоких и постыдных методах, применяемых на практике фабричными деспотами, которые имеют обыкновение превращать прессу и парламентскую трибуну в рупор своего либерального красноречия. Здесь же достаточно будет напомнить, что, начиная с 1802 г., английский рабочий класс вел непрерывную борьбу за законодательное ограничение рабочего дня на фабриках, пока, наконец, в 1847 г. не прошел знаменитый акт Джона Филдена о десятичасовом рабочем дне, по которому запрещалось заставлять женщин и подростков работать на фабриках более десяти часов в день. Но либеральные

* См. настоящий том, стр. 540. *Ред.*

фабричные магнаты быстро сообразили, что этот закон открывает широкую возможность для введения на фабриках посменной работы. В 1849 г. был возбужден процесс перед судом казначейства, и судья постановил, что система смен [relay or shift-system], при которой дети работают в две смены, а взрослые рабочие работают непрерывно в течение всего времени, пока машина находится в ходу, является вполне законной. Пришлось снова обратиться в парламент, и в 1850 г. система смен была признана неправомерной, но при этом десятичасовой акт был превращен в акт о рабочем дне в $10^1/_2$ часов. В настоящий момент рабочий класс требует возвращения in integrum* к первоначальному биллю о десятичасовом рабочем дне, а для того, чтобы этот закон сделать более эффективным, рабочие прибавляют к нему еще одно требование: ограничение времени работы машин.

Вот вкратце внешняя история акта о десятичасовом рабочем дне. Что касается подоплеки этой истории, то она такова. Земельная аристократия, которой буржуазия нанесла поражение проведением билля о реформе 1831 г. и на «священнейшие интересы» которой фабриканты посягали своим требованием свободы торговли и отмены хлебных законов, решила оказать сопротивление буржуазии, выставляя себя защитницей интересов и требований рабочих в их борьбе с хозяевами и, в частности, поддерживая их требования ограничения рабочего дня на фабриках. В то время так называемых лордов-филантропов можно было видеть во главе всех митингов в пользу десятичасового рабочего дня. Лорд Эшли в этой кампании даже стяжал своими выступлениями своего рода «славу». Получив смертельный удар в результате отмены хлебных законов, которая действительно последовала в 1846 г., земельная аристократия отомстила тем, что в 1847 г. заставила парламент принять десятичасовой билль. Однако промышленная буржуазия, посредством судебной власти, возмещала то, чего ее лишило парламентское законодательство. К 1850 г. гнев лендлордов постепенно смягчился, и они заключили с фабричными лордами компромисс, согласно которому, с одной стороны, система смен была признана неправомерной, зато, с другой стороны, — в виде наказания за вынужденное соблюдение хозяевами закона — на рабочий класс были возложены полчаса дополнительного труда в день. Между тем в настоящий момент, чувствуя приближение решающей битвы с манчестерцами, аристократы снова пытаются овладеть движением за сокращение рабочего времени; но так как они не осмеливаются открыто выступить сами, они пытаются

* — целиком и полностью, без каких-либо отступлений. *Ред.*

подорвать позиции хлопчатобумажных лордов, направляя против них народные массы при посредстве *служителей государственной церкви.* Несколько примеров покажут, в какой резкой форме ведут эти святые отцы свой крестовый поход против фабрикантов. В Крамптоне состоялся митинг в пользу десятичасового рабочего дня, на котором председательствовал преподобный д-р Браммел (представитель государственной церкви). На этом митинге преподобный Дж. Р. Стефенс, приходский священник из Стейлибриджа, заявил:

«Были времена, когда народы управлялись теократиями... Эти времена прошли... Но дух закона остался все тот же... Трудящийся человек должен был бы в первую очередь получать свою долю земных плодов, ибо он их производит. Фабричные законы нарушаются столь бесстыдно, что главный инспектор здешних фабричных округов г-н Леонард Хорнер вынужден был сам написать министру внутренних дел и сообщить ему, что он не рискует и не станет посылать кого-либо из подчиненных ему инспекторов в некоторые округа, пока им не будет дана полицейская охрана... От кого же требуется их охранять? От владельцев фабрик! От самых богатых, самых влиятельных людей в округе, от должностных лиц округов, от людей, которые облечены званием мировых судей ее величества и заседали на местных судебных сессиях в качестве представителей короны... *А были ли наказаны хозяева за нарушение ими закона?..* В моем округе, среди фабричных рабочих-мужчин, а также среди большей части женщин стало обычным оставаться по воскресеньям в постели до 9, 10 или даже 11 часов, так как они совершенно изнурены работой за неделю. Воскресенье — единственный день, когда их утомленные члены могут отдохнуть... При этом, как правило, чем длиннее рабочее время, тем меньше заработная плата... *Я скорее согласился бы быть рабом в Южной Каролине, чем фабричным рабочим в Англии».*

В Бёрнли на большом митинге в пользу десятичасового рабочего дня преподобный Э. А. Верити, приходский священник из Хабергем-Ивса, сказал своим слушателям, между прочим, следующее:

«Что делают г-н Кобден, г-н Брайт, остальные господа манчестерцы, когда народ Ланкашира терпит такое угнетение?.. Что на уме у богача? Он помышляет лишь о том, как ему лучше похитить у рабочих обманным путем еще час или два. Таковы цели представителей так называемой манчестерской школы. Вот что делает их столь *наглыми лицемерами* и *ловкими мошенниками. В* качестве служителя англиканской церкви я про-тестую против подобного поведения».

Мы уже указывали на причину, которая столь внезапно превратила достопочтенных отцов государственной церкви в странствующих рыцарей — защитников прав рабочих, и к тому же в рыцарей, исполненных такого воинственного пыла. Они не только хотят накопить некоторый запас популярности про черный день, на случай победы демократии, они не только понимают, что государственная церковь есть по существу аристократическое учреждение, которое сохранится или погибнет вместе

с землевладельческой олигархией, — тут имеется и нечто большее. Приверженцы манчестерской школы являются противниками государственной церкви, они диссиденты[362], и прежде всего они настолько горячо принимают к сердцу ежегодное извлечение из их карманов 13 миллионов фунтов стерлингов в пользу одной только государственной церкви Англии и Уэльса, что полны решимости произвести отделение этих светских миллионов от духовного сословия, дабы оно оказалось более достойным неба. Благочестивые служители церкви сражаются, таким образом, pro aris et focis*. Представителей же манчестерской школы эта вылазка должна заставить сделать вывод, что они не смогут вырвать политическую власть из рук аристократии, если не решатся, как бы им это ни было неприятно, предоставить и народу его полную долю власти.

На континенте виселицы, расстрелы и ссылки поставлены в порядок дня. Но ведь сами палачи, чьи действия глубоко запечатлеваются в сознании всего цивилизованного мира, принадлежат к существам, которых можно изловить и повесить. В Англии же действует невидимый, неуловимый и немой деспот, который приговаривает людей, когда дело доходит до крайности, к самому жестокому виду смертной казни и, совершая изо дня в день свою бесшумную работу, изгоняет целые племена и классы с земли их предков, подобно ангелу с огненным мечом, изгнавшему Адама из рая. В последнем случае действие невидимого социального деспота носит название *вынужденная эмиграция,* в первом — *голодная смерть.*

В Лондоне за этот месяц имели место новые случаи голодной смерти. Я отмечу лишь случай с Мэри Анн Сандри, 43-х лет, которая умерла на Кол-лейн, Шадуэлл, Лондон. Томас Пин, врач, присутствовавший при осмотре трупа следователем, заявил, что смерть последовала от истощения и холода. Покойница лежала на охапке соломы без всякого одеяла. В комнате совершенно отсутствовала какая-либо мебель и не было никаких следов топлива и пищи. Пятеро малых детей сидели на голом полу у трупа матери и кричали от холода и голода.

На действии *«вынужденной эмиграции»* я остановлюсь в следующей статье.

Написано К. Марксом 25 февраля 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3716, 15 марта 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* — за алтари и очаги, за свое кровное дело. *Ред.*

К. МАРКС

ВЫНУЖДЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ. —КОШУТ И МАДЗИНИ. — ВОПРОС ОБ ЭМИГРАНТАХ. — ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПОДКУПЫ В АНГЛИИ. — Г-н КОБДЕН [363]

Лондон, пятница, 4 марта 1853 г.

Из отчетов о торговле и судоходстве за 1851 и 1852 гг., опубликованных в феврале, мы видим, что общая стоимость *экспорта,* объявленная при прохождении через таможню, составляла в 1851 г. 68531601 ф. ст., а в 1852 г. — 71429548 ф. ст.; из общей стоимости экспорта за 1852 г. 47209000 ф. ст. приходятся на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые изделия. Размеры *импорта* в 1852 г. были меньшими, чем в 1851 году. Так как удельный вес импорта, идущего на внутреннее потребление, не уменьшился, а скорее даже увеличился, то отсюда следует, что в Англии предметом реэкспорта сделалась — вместо обычного количества колониальных продуктов — некоторая сумма золота и серебра.

Управление, ведающее эмиграцией в колонии, дает следующий отчет об эмиграции из Англии, Шотландии и Ирландии во все части света за время с 1 января 1847 г. по 30 июня 1852 года:

		Из Англии	Из Шотландии	Из Ирландии	Всего
1847	г. ……………..	34685	8616	214969	258270
1848	» ………………	58 865	11505	177719	248089
1849	» ………………	73613	17127	208758	299498
1850	» ………………	57843	15154	207852	280849
1851	» ………………	69557	18646	247 763	335 966
1852	» (до июня) …..	40767	11562	143375	195704
	Итого ……..	335330	82610	1200436	1618376

«Девять десятых эмигрантов из Ливерпуля», — говорится в отчете, — «как полагают, ирландцы. Три четверти эмигрантов из Шотландии — либо кельты горной Шотландии, либо кельты Ирландии, эмигрировавшие через Глазго».

Исходя из этого, следует признать, что около четырех пятых всех эмигрантов принадлежат к кельтскому населению Ирландии и горных местностей Шотландии, а также прилегающих к ней островов. Лондонский «Economist» замечает по этому поводу:

«Эмиграция представляет собой результат крушения общественной системы, основанной на мелкой аренде и разведении картофеля». «Выезд избыточной части населения из Ирландии и из горной Шотландии», — продолжает «Economist», — «является неизбежной предпосылкой к улучшениям всякого рода... Доходы Ирландии совершенно не пострадали ни от голода 1846—1847 гг., ни от последовавшей затем эмиграции. Напротив, ее *чистый доход составлял* в 1851 г. 4281999 ф. ст., т. е. был на 184 тысячи ф. ст. выше, чем в 1843 году».

Сначала довести население страны до пауперизма, а когда из нищих больше уже нельзя выжать никакой прибыли, когда они стали бременем, мешающим росту доходов, выгнать их вон и потом подсчитывать свой чистый доход! Такова ведь доктрина, изложенная Рикардо в его знаменитой работе «Начала политической экономии»[364]. Предположим, говорит он, что капиталист получает ежегодную прибыль в 2 тысячи фунтов стерлингов. Не все ли ему равно, сто или тысяча рабочих заняты у него на работе? «Не так ли обстоит дело и с действительным доходом нации?» — спрашивает Рикардо. Если действительный чистый доход нации — земельная рента и прибыль — остается на одном уровне, то в конце концов безразлично, получен ли он от десяти миллионов или от двенадцати миллионов жителей. Сисмонди в своих «Новых началах политической экономии»[365] в ответ на это указывает, что, согласно такой точке зрения, для английской нации должно было бы быть совершенно безразлично, если бы исчезло все население и на острове остался бы один король (в то время царствовал король*, а не королева) при условии, что автоматические машины давали бы ему возможность получать ту же сумму *чистого дохода,* которую сегодня создает население в двадцать миллионов. И в самом деле «национальное богатство», являющееся здесь лишь грамматическим понятием, в данном случае нисколько бы не уменьшилось.

В одной из предыдущих статей я приводил примеры «очистки имений» в горной Шотландии**. Следующая цитата, взятая из

* — Георг III. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 522—528. *Ред.*

«Galway Mercury», покажет вам, что тот же самый процесс продолжает и в Ирландии являться причиной вынужденной эмиграции:

«В Западной Ирландии население почти исчезло с лица земли. Лендлорды Коннота молчаливо сговорились изгнать всех мелких арендаторов, против которых ведется систематическая истребительная война... В этой провинции ежедневно совершаются самые потрясающие жестокости, о которых публика не имеет ни малейшего представления».

Однако не только доведенные до нищеты жители зеленого Эрина* и горной Шотландии изгоняются в результате улучшений, вводимых в сельское хозяйство, и «крушения устаревшей общественной системы»; речь идет также не только о дюжих сельских рабочих Англии, Уэльса и равнинной Шотландии, чье переселение оплачивают агенты по эмиграции; процесс «улучшений» захватывает ныне также другой класс, который был наиболее устойчивым классом Англии. Поразительное эмиграционное движение возникло среди английских мелких фермеров, особенно среди тех, кто арендует участки с тяжелой глинистой почвой. Плохие виды на урожай, недостаток капитала, необходимого для проведения на этих земельных участках значительных улучшений, которые дали бы им возможность платить прежнюю ренту, — все это не оставляет им иного выхода, кроме как отправиться за океан в поисках новой родины и новой земли. Я говорю здесь не об эмиграции, вызванной золотой лихорадкой, а о той вынужденной эмиграции, которая порождена лендлордизмом, концентрацией земельных участков, применением машин при обработке земли и введением в широких масштабах современной системы сельского хозяйства.

В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации. Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными. В противном случае им грозило подчинение игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило права

* — древнее название Ирландии. *Ред.*

гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция.

То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы.

Однако совершенно иначе обстоит дело с современной вынужденной эмиграцией. Избыток населения создается теперь отнюдь не в результате недостатка производительных сил; наоборот, именно рост производительных сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции. Не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение.

Я не разделяю ни мнения Рикардо, считавшего «чистый доход» Молохом, которому должны быть принесены в жертву — и притом совершенно безропотно — целые народы, ни мнения Сисмонди, который во имя своей ипохондрической филантропии стремился насильственно сохранить отжившие методы ведения сельского хозяйства и изгнать науку из промышленности, подобно тому как Платон изгнал поэтов из своей республики[366]. В обществе совершается бесшумная революция, которой приходится подчиняться и которая так же мало считается с человеческими жизнями, ставшими ее жертвами, как землетрясение с разрушаемыми им домами. Классы и народы, слишком слабые для того, чтобы справиться с новыми условиями жизни, обрекаются на гибель. Но что может быть более ребяческим и близоруким, чем взгляды тех экономистов, которые вполне серьезно полагают, что это плачевное переходное состояние не имеет иного смысла, кроме как приспособление общества к стяжательским наклонностям капиталистов, — как лендлордов, так и денежных магнатов? В Великобритании этот процесс проявляется наиболее явственно. Применение современных научных методов в производстве приводит к изгнанию жителей из сельских мест-

ностей и в то же время ведет к концентрации населения в промышленных городах.

«Агентам по эмиграции», — пишет «Economist», — «не пришлось оказывать поддержки промышленным рабочим, за исключением немногих ручных ткачей из Спиталфилдса и Пейсли, а на собственный счет эмигрировали лишь немногие или даже никто».

«Economist» отлично знает, что на собственный счет рабочие не могут эмигрировать, а промышленная буржуазия не станет оказывать им поддержки при эмиграции. К чему же это приводит? Сельское население, наиболее неподвижный и консервативный элемент современного общества, исчезает, в то время как промышленный пролетариат, именно в результате развития современного способа производства, сосредоточивается в крупнейших центрах, где вокруг собраны огромные производительные силы, история создания которых была до сих пор мартирологом трудящихся. Кто помешает последним сделать еще шаг вперед и овладеть этими силами, во власти которых они до сих пор находились? Какая сила сможет оказать им сопротивление? Нет такой силы! Бесполезно будет тогда ссылаться на «права собственности». Буржуазные экономисты сами признают, что современные изменения в способе производства уничтожили устаревшую общественную систему и ее способы присвоения. Эти изменения привели к *экспроприации* членов шотландского клана, ирландских поденщиков и арендаторов, английских иоменов, ручных ткачей, бесчисленного множества ремесленников, целых поколений фабричных детей и женщин; наступит время и они приведут к экспроприации лендлордов и хлопчатобумажных лордов.

На континенте небо сверкает молниями, но в Англии дрожит сама земля. Англия — та страна, где начинается подлинное бурное преобразование современного общества.

В своей статье от 1 марта я сообщил, что Мадзини намерен публично выступить против Кошута[367]. Действительно, 2 марта в «Morning Advertiser», «Morning Post» и «Daily News» появилось письмо Мадзини. Так как теперь сам Мадзини нарушил молчание, я могу подтвердить, что Кошут под давлением своих парижских друзей отрекся от своего собственного документа. И в прежней деятельности Кошута мы находим много таких проявлений непостоянства и слабости, крайней противоречивости и двойственности. Он обладает всеми достоинствами, внушающими симпатию, но вместе с тем и всеми типично женскими недостатками так называемой «артистической» натуры. Он ведь великий артист en paroles*. Тем, кто не желает

* — по части фраз, по части словесных оборотов. *Ред.*

подчиняться общераспространенным предрассудкам, стремится составить собственное мнение, основанное на фактах, я рекомендую прочитать написанные г-ном Семере и недавно опубликованные биографии Людвига Баттяни, Артура Гёргея и Людвига Кошута[368].

Если в Ломбардии Мадзини и не удалось втянуть в движение итальянскую буржуазию, то можно быть уверенным, что Радецкий в этом отношении вполне преуспеет. В настоящий момент он собирается конфисковать имущество всех эмигрантов — даже тех, которые выехали с разрешения австрийских властей и натурализовались в других государствах, — *если они не докажут, что не имеют ничего общего с последним восстанием.* Стоимость подлежащей конфискации собственности, по подсчетам австрийских газет, равна приблизительно двенадцати миллионам фунтов стерлингов.

На заседании палаты общин 1 марта лорд Пальмерстон дал следующий ответ на вопрос лорда Дадли Стюарта:

«Континентальные державы не сделали никаких представлений относительно изгнания из Англии политических эмигрантов, но если бы они это сделали, им ответили бы определенным и решительным отказом. *Британское правительство никогда не брало на себя заботы о внутренней безопасности других государств».*

Что такое представление, тем не менее, предполагалось сделать, видно из газеты биржевых дельцов «Moniteur» и из «Journal des Débats»; в одном из своих последних номеров «Journal des Débats» высказывает предположение, что Англия уже согласна подчиниться совместным требованиям Австрии, России, Пруссии и Франции. К этому газета прибавляет:

«Если Швейцарский союз откажет Австрии в разрешении осуществлять надзор за пограничными кантонами, то возможно, что Австрия нарушит неприкосновенность швейцарской территории и оккупирует кантон Тессин; в этом случае Франция, для сохранения политического равновесия, введет свои войска в швейцарские кантоны, расположенные на ее границе».

«Journal des Débats» по существу предлагает в отношении Швейцарии такое же простое решение вопроса, какое в 1770 г. принц Генрих Прусский в шуточной форме предложил императрице Екатерине относительно Польши[369]. Тем временем почтенное учреждение, именующее себя германским Союзным сеймом[370], всерьез обсуждает вопрос о «представлении, которое надлежит сделать Англии», и по этому торжественному поводу из легких выпускается столько воздуха, что им можно было бы надуть паруса всего германского флота.

На заседании палаты общин 1 марта произошел весьма характерный инцидент. Было объявлено, что депутаты от Бридж-

норта и Блэкберна избраны при помощи подкупа, а потому их избрание является незаконным. Тогда сэр Дж. Шелли предложил, чтобы улики, предъявленные комиссиям обоих этих округов, были переданы на рассмотрение палаты и чтобы предписание о перевыборах было дано не ранее, чем 4 апреля. Достопочтенный баронет сэр Дж. Троллоп, заметив по этому поводу, «что назначено уже четырнадцать комиссий для расследования случаев коррупции в мелких избирательных округах и что надо назначить еще пятьдесят новых комиссий», высказался о том, как трудно найти достаточное количество членов парламента для составления, с одной стороны, арбитражных комиссий, решающих вопрос о выборах, законность которых оспаривается, и, с другой стороны, комиссий для текущих дел палаты. Если несколько глубже разобраться в тех основах, на которых покоится сама палата, неизбежно приходишь к выводу, что ее ждет крах и что парламентская машина должна полностью застопориться.

В своем последнем памфлете, а также в своих *торжественных обращениях* на конгрессе мира в Манчестере[371] и на митингах в пользу реформы образования, г-н Кобден не мог отказать себе в удовольствии обрушиться с упреками на прессу. Вся пресса отплатила ему той же монетой, но наиболее сильный удар нанес ему «Англичанин»*, чьи статьи о Луи-Наполеоне во время coup d'etat** вызвали столь большую сенсацию[372] и который с тех пор обратил свое оружие против шелковых баронов п хлопчатобумажных лордов. Он заканчивает свое письмо, адресованное Кобдену, следующей язвительной характеристикой этого оракула из Западного Райдинга.

«Упоенный и *выведенный из душевного равновесия* всего лишь одним-единственным успехом, он готов был бы стать популярным автократом. Пророк клики, неугомонный в своей агитации, жадный до славы, нетерпимый к какой-либо оппозиции, своенравный, не считающийся с логикой и впадающий в утопизм, упрямый в достижении цели, заносчивый в обращении, жаждущий ссор проповедник мира и желчный прозелит всеобщего братства, приверженец деспотических догм со словом «свобода» на устах, он приходит в неистовство, когда пресса не дает себя запугать или обмануть; он хотел бы оскопить прессу, лишив ее влияния, интеллектуальной силы и независимости; он хотел бы низвести профессию высокообразованных джентльменов до уровня ремесла шайки наемных писак с тем, чтобы самому быть их единственным *лидером*».

Написано К. Марксом 4 марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3722, 22 марта 1853 г. и в сокращенном виде в газете «The People's Paper» № 50, 16 апреля.1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом газеты «The People's Paper»

Перевод с английского

* — Ричардс. *Ред.*
** —государственного переворота. *Ред.*

К. МАРКС

КОШУТ И МАДЗИНИ. — ПРОИСКИ ПРУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ. — «TIMES» И ЭМИГРАНТЫ [373]

Лондон, пятница, 18 марта 1853 г.

Сегодня парламент прерывает свои заседания до 4 апреля по случаю пасхальных каникул.

В одной из прежних статей я сообщал в соответствии с общепринятой версией, что жена Либени была в Пеште подвергнута австрийцами порке[374]. Впоследствии я установил, что он никогда не был женат; равным образом оказался совершенно необоснованным и другой циркулировавший в лондонской прессе слух, будто бы он пытался отомстить за своего отца, обиженного австрийцами. Он действовал исключительно под влиянием политических мотивов и до последней минуты сохранил твердость духа и вел себя, как герой.

Еще до получения настоящей статьи вы из английских газет узнаете ответ Кошута на заявление Мадзини. Я, с своей стороны, полагаю, что Кошут еще больше ухудшил свое и без того плохое положение. Противоречие между его первым заявлением в последним настолько очевидно, что мне нет надобности подробно доказывать это. Помимо того и в языке обоих документов обнаруживается различие, вызывающее неприятное чувство: первый написан гиперболическим языком восточного пророка, второй — казуистическим судейским стилем адвоката.

Друзья Мадзини утверждают теперь в один голос, что миланское восстание было навязано ему и его товарищам обстоятельствами, над которыми они были не властны. Но, с одной стороны, в силу самой природы заговоров им свойственны преждевременные вспышки — либо вследствие измены, либо в результате случая. С другой стороны, если вы в течение трех лет кричите: *действовать, действовать, действовать,* и весь

ваш революционный словарь ограничивается одним словом «восстание», то нельзя рассчитывать, что у вас хватит авторитета продиктовать в любой момент: *восстания не должно быть.* Как бы то ни было, жестокость австрийцев превратила миланскую неудачу в настоящее начало национальной революции. Послушаем, например, сегодняшнее сообщение хорошо осведомленного органа лорда Пальмерстона «Morning Post»:

«Народ Неаполя ждет движения, которое наверняка вспыхнет в Австрийской империи. Тогда восстанет вся Италия от границ Пьемонта до Сицилии, и произойдут ужасные бедствия. Итальянские войска разбегутся, так называемые швейцарские солдаты, набранные со времени революции 1848 г., не спасут итальянских государей. Италия идет навстречу *невероятной республике.* Таков будет, несомненно, ближайший акт драмы, начавшейся в 1848 году. Дипломатия исчерпала все свои силы в борьбе за итальянских государей».

Аурелио Саффи, подписавший прокламацию Мадзини и совершивший поездку по Италии перед восстанием, открыто признает в письме, адресованном в «Daily News», что *«высшие классы* погрузились в апатию, равнодушие или отчаяние» и что только «народ Милана», пролетариат,

«лишенный руководства и предоставленный своим собственным инстинктам, сохранил перед лицом деспотизма австрийских проконсулов и судебных убийств, совершаемых военными судами, веру в будущее родины и единодушно готовился к мести».

Итак, большим прогрессом для партии Мадзини является то, что она, наконец, убедилась, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия, и не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Мадзини сделают еще шаг вперед и проникнутся сознанием, что им самим надо серьезно заняться материальным положением сельского населения Италии, если они хотят встретить отклик на свой лозунг «Dio e popolo»*. В будущем я намерен подробно обрисовать те материальные условия, в которых живет подавляющее большинство сельских жителей этой страны, — условия, которые до настоящего времени делают их если не реакционными, то, по крайней мере, равнодушными к национальной борьбе Италии.

Две тысячи экземпляров брошюры, выпущенной мной недавно в Базеле под заглавием «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» («Enthullungen uber den Kolner Kommunisten-Prozess»)**, конфискованы на баденской границе и

* — «Бог и народ». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 423—491. *Ред.*

сожжены по требованию прусского правительства. Ссылаясь на новый закон о печати, навязанный Швейцарскому союзу континентальными державами, базельское правительство, которое конфисковало также некоторое число экземпляров, еще находившихся у издателя, намерено возбудить преследование против издателя г-на Шабелица, его сына[*] и владельца типографии. Это будет первый процесс такого рода в Швейцарии, и дело уже стало предметом спора между радикалами и консервативной партией. Насколько озабочено прусское правительство тем, чтобы скрыть от общественного мнения подлости, совершенные им во время кёльнского процесса, вы можете заключить уже по тому факту, что министр иностранных дел, разослав приказы о конфискации (Fahndebriefe) брошюры, где бы она ни появилась, не осмелился при этом даже указать ее настоящее заглавие. Чтобы ввести публику в заблуждение, он называет брошюру *«Теорией коммунизма»,* в то время как она не содержит ничего, кроме разоблачения прусских государственных тайн.

Единственный «прогресс», достигнутый официальной Германией после 1848 г., это — заключение австро-прусского торгового договора — et encore![**] этот договор снабжен таким количеством clausulae[***], уснащен таким количеством исключений и откладывает столько важных вопросов до будущего урегулирования их еще не существующими комиссиями и в то же время предусматривает фактически столь незначительное понижение тарифа, что весь он равносилен лишь мечте о действительном торговом объединении Германии и лишен всякого практического значения. Наиболее характерная черта договора — это новая победа Австрии над Пруссией. Эта коварная, низкая, трусливая, колеблющаяся лжедержава и на этот раз подчинилась своей более жестокой, но более откровенной сопернице. Австрия не только навязала Пруссии договор, который последняя согласилась принять лишь скрепя сердце, но Пруссия вынуждена также восстановить старый Таможенный союз[375] со старым тарифом, иначе говоря обязалась в течение двенадцати лет ничего не менять в своей торговой политике без единодушного согласия более мелких государств, входящих в Таможенный союз, то есть без разрешения Австрии (южногерманские государства не только в политическом, но и в торговом отношении являются вассалами Австрии и, следовательно, врагами Пруссии). Со времени восстановления монархии «божьей милостью» Пруссия опускалась все ниже и ниже. По-видимому,

[*] — Якоба Шабелица. *Ред.*
[**] — да и к тому же! *Ред.*
[***] — оговорок. *Ред.*

король Пруссии, «для своего времени мудрый человек», полагает, что в том унижении, которое его правительству приходится сносить за границей, его народ может найти утешение и награду за свое подчинение бесчеловечному деспотизму.

Вопрос об эмигрантах еще не урегулирован. Полуофициальная «Oesterreichische Correspondenz» опровергает утверждение, будто Австрия направила в данный момент английскому правительству новую ноту, ибо «поскольку недавние события показали восстановление влияния лорда Пальмерстона, императорское правительство не может подвергать свое достоинство неминуемой угрозе». Я уже писал вам о заявлении Пальмерстона в палате общин*. Из английских газет вы знаете об австрофильском заявлении Абердина в палате лордов, согласно которому английское правительство готово взять на себя роль австрийского шпиона и главного поверенного по судейской части. Газета Пальмерстона** теперь следующим образом отзывается по поводу высказываний его коллеги:

«Даже по поводу более умеренных уступок, на которые лорд Абердин, по-видимому, склонен пойти, мы не можем сказать, что относительно их у нас имеется большая уверенность в успехе... Никто не смеет предлагать британскому правительству, чтобы оно сделало попытку превратиться в орудие чужой политики и сыграть роль политической ловушки».

Вы видите, какое доброе согласие царит в синедрионе мафусаилова министерства между «старческой немощью и либеральной энергией». Со столбцов всей лондонской прессы раздается единодушный крик возмущения против Абердина и палаты лордов. *Единственным позорным исключением* является «Times».

Вы помните, что «Times» начал с доносов на эмигрантов и побуждал иностранные державы требовать их изгнания. Когда он убедился, что предложение о возобновлении закона об иностранцах[376] будет — с позором для министерства — отклонено в палате общин, он внезапно стал изливаться риторическими описаниями тех жертв, на которые он — еще бы! — был бы готов пойти ради сохранения права убежища. Наконец, после любезного обмена мнениями между сиятельными лордами в верхней палате он вознаградил себя за свою высокую гражданскую добродетель, позволив себе следующую злобную вспышку в передовой статье от 5 марта:

«Во многих странах континента полагают, что нам доставляет наслаждение присутствие в вашей стране зверинца эмигрантов, этих свирепых

---

* См. настоящий том, стр. 570. *Ред.*

** — «Morning Post», *Ред.*

личностей всех национальностей, способных на всякое преступление... Думают ли те иностранные писатели, которые протестуют против присутствия их объявленных вне закона соотечественников в Англии, что судьба эмигранта в нашей стране достойна зависти? Мы хотим рассеять их заблуждение. *Этот жалкий класс существ* живет большей частью в нищете и убожестве, *ест горький хлеб чужбины,* да и то, когда ему, поглощаемому мутными волнами этого огромного города, удается достать его... *Наказанием для них служит изгнание в наиболее жестокой форме».*

Что касается последнего пункта, то «Times» прав: Англия — великолепная страна, если только не приходится жить в ней.

На «небе Марса» Данте встречает своего предка Каччагвиду ди Элизеи, который в следующих словах предсказывает ему его предстоящее изгнание из Флоренции:

«Tu proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'e duro calle
Lo scendere, e'l salir per l'altrui scale».

«Узнаешь ты, как горек хлеб не свой,
Как тяжело всходить и опускаться
По лестницам чужим в стране чужой»[377].

Счастливый Данте! Он также был «существом, принадлежавшим к жалкому классу, называющемуся политическими эмигрантами», однако ему не грозили нападки врагов в духе ничтожных передовиц «Times»! Еще более счастливый «Times»! Он избежал «резервированного места» в дантовом «Аду»!

Если, как выражается «Times», эмигранты вынуждены есть горький хлеб чужбины, который к тому же, как забыл он добавить, обходится им весьма дорого, то разве сам «Times» не жиреет за счет плоти и крови иностранцев? Сколько передовых статей и сколько фунтов анонимные пифии этой газеты извлекли из французских революций, германских восстаний, итальянских вспышек и венгерских войн, из французских расстрелов и австрийских виселиц, из конфискованных голов и обезглавленных состояний! Как несчастен был бы «Times», если бы на континенте не существовало «свирепых личностей» и он должен был бы изо дня в день пробавляться низкосортными продуктами Смитфилдского рынка, дымом лондонских труб, грязью, *свирепыми* извозчиками, шестью мостами через Темзу, погребениями в черте города, зачумленными кладбищами, загрязненной питьевой водой, железнодорожными катастрофами, фальсификацией мер и весов и прочими интересными предметами, составляющими постоянный ассортимент этой газеты в периоды, когда на континенте царит затишье. «Times» не изменился с того времени, когда он требовал от английского правительства *казни* Наполеона I.

«Приняли ли во внимание», — писала эта газета в номере от 27 июля 1815 г., — «какое действие неизбежно окажет на недовольных во всех частях Европы известие о том, что этот человек все еще жив? Они подумают,— и с полным правом, — что союзные государи *боятся* посягнуть на жизнь человека, имеющего столько почитателей и сторонников».

Эта же газета проповедовала крестовый поход против Соединенных Штатов Америки:

«Никакого мира с Америкой до тех пор, пока не будет покончено с этим вредным примером победоносного демократического мятежа».

В редакции «Times» нет «свирепых» личностей с континента. Как раз наоборот. Там, например, имеется жалкий человечек, пруссак, по имени Отто фон Венкштерн, некогда издававший немецкую газетку, а впоследствии впавший в Швейцарии в нищету и убожество, так что он вынужден был апеллировать к карману Фрейлиграта и других эмигрантов, пока, наконец, не поступил в услужение к прусскому послу в Лондоне, небезызвестному Бунзену, и не сделался одновременно неотъемлемой частью оракула на Принтинг-хаус-сквере[378]. В редакции «Times» имеется немало других подобных кротких личностей с континента, которые образуют связующее звено между континентальной полицией и ведущей газетой Англии.

Примером свободы печати в Англии может служить следующий факт. Перед полицейским судом на Боу-стрит в Лондоне предстал г-н Э. Трулоу, живущий на Стренд-стрит, по обвинению, возбужденному против него уполномоченными ведомства по делам внутренних сборов на основании акта шестого и седьмого года царствования Вильгельма IV, глава 76; он обвинялся в продаже газеты, носившей название «Potteries Free Press» и напечатанной без уплаты соответствующего штемпельного сбора. Четыре номера этой газеты были напечатаны в городе Сток-он-Трент. Ее номинальным собственником был Кол-лет Добсон Коллет, секретарь *Общества борьбы за отмену налогов на знания,* который стал выпускать газету «в соответствии с практикой Управления гербовыми сборами, разрешившего газетам «Athenaeum», «Builder», «Punch», «Racing Times»[379] и др. печатать без уплаты штемпельного сбора отчеты о текущих событиях и комментарии к ним»; его нескрываемым намерением было вызвать преследование со стороны правительства с целью добиться судебного определения, какие именно сообщения должны быть освобождены от штемпельного сбора в один пенс. Судья, г-н Генри, еще не вынес своего решения. Впрочем, оно не будет иметь большого значения, так как издание указанной газеты было предпринято не в качестве вызова закону

о штемпельном сборе, а лишь для того, чтобы использовать все еще существующую двусмысленность в букве закона.

Сегодняшние английские газеты печатают телеграмму из Константинополя от 6 марта, согласно которой Фуад-эфенди, министр иностранных дел, заменен Рифаат-пашой. Эту уступку вынудил у Порты русский чрезвычайный посол князь Меншиков. Спор по поводу святых мест[380] до сих пор еще не улажен между Россией, Францией и Портой, так как Луи-Наполеон, чрезвычайно раздраженный интригами России и Австрии с целью помешать его коронованию папой, намерен взять реванш за счет турок. В ближайшей статье я намереваюсь остановиться на этом вечно вновь всплывающем восточном вопросе, этом pons asini[*] европейской дипломатии.

Написано К. Марксом 18 марта 1853 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 3733, 4 апреля 1853 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — камне преткновения для дураков; буквально — мосту для ослов (так называли пятую теорему Эвклида, представляющую трудности для усвоения начинающими). *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1850 ГОДА [381]

Присутствуют: Маркс, Энгельс, Шрамм, Пфендер, Бауэр, Эккариус, Шаппер, Виллих, Леман.

Френкель отсутствует по уважительной причине.

Протокола прошлого заседания в наличии не имеется, так как настоящее заседание — чрезвычайное; поэтому он не зачитывается.

Маркс: В пятницу заседание не могло состояться вследствие совпадения с заседанием комиссии Общества[382]. Поскольку Виллих созвал* окружное собрание, вопроса о законности которого я не ставлю, заседание должно состояться сегодня.

Я вношу следующее предложение, распадающееся на три пункта:

1. Центральный комитет переводится из Лондона в Кёльн; его полномочия переходят к тамошнему окружному комитету сразу после закрытия сегодняшнего заседания. Это решение будет сообщено членам Союза в Париже, Бельгии и Швейцарии. В Германии о нем известит сам новый Центральный комитет.

Мотивы: Я был против предложения Шаппера о создании общегерманского окружного комитета в Кёльне, не желая нарушать единство центральной власти. В нашем предложении это отпадает, поскольку возник ряд новых обстоятельств. Меньшинство Центрального комитета подняло открытое восстание против большинства — как при вотуме порицания на последнем заседании, так и теперь в связи с созывом Округом общего собрания, а также в Обществе и в Эмигрантском комитете[383]. Поэтому дальнейшее существование Центрального комитета здесь невозможно. Единство ЦК далее сохранить не удастся, он должен был бы расколоться и образовались бы два союза. Но так как интересы партии — прежде всего, я и предлагаю этот выход.

* на понедельник (Здесь и в дальнейшем под строкой приводятся существенные разночтения между двумя вариантами рукописных копий протокола заседания от 15 сентября 1850 года. *Ред.)*

2. Существовавший доныне устав Союза отменяется. Новому Центральному комитету предлагается выработать новый устав.

Мотивы: Устав, принятый на конгрессе 1847 г., был в 1848 г. изменен лондонским ЦК. Теперь обстановка вновь изменилась. В последнем лондонском уставе ослаблены принципиальные статьи. В некоторых местах действуют оба устава, в других — никакого устава нет, или же действуют уставы, выработанные совершенно самовольно[*]. Таким образом, в Союзе — полная анархия. К тому же последний устав обнародован и, следовательно, не может действовать дальше. Итак, мое предложение, по существу, имеет целью заменить отсутствие устава действительным уставом[384].

3. В Лондоне образуются два округа, не поддерживающие друг с другом абсолютно никаких сношений и связанные только тем, что оба состоят в Союзе и переписываются с тем же самым Центральным комитетом.

Мотивы: Именно ради единства Союза и нужно создать здесь два округа. Помимо личных противоречий обнаружились, даже в Обществе, противоречия принципиальные. Как раз в последней дискуссии по вопросу «о позиции немецкого пролетариата в предстоящей революции» членами меньшинства ЦК высказывались взгляды, прямо противоречащие предпоследнему циркулярному письму[**] и даже Манифесту[385]. На место универсальных воззрений Манифеста ставится немецкое национальное воззрение, льстящее национальному чувству немецких ремесленников. Вместо материалистического воззрения Манифеста выдвигается идеалистическое. Вместо действительных отношений главным в революции изображается *воля.* В то время как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданской войны для того, чтобы изменить существующие условия и чтобы сделать самих себя способными к господству, — им, вместо этого, говорят: Мы должны *тотчас* достигнуть власти, или же мы можем лечь спать. Подобно тому как демократы употребляют слово «народ», так употребляется ныне слово «пролетариат», — как пустая фраза. Для того чтобы претворить эту фразу[***] в жизнь, пришлось бы объявить всех мелких буржуа пролетариями, то есть de facto представлять мелких буржуа, а не пролетариев. На место действительного революционного развития пришлось бы поставить

[*] самостоятельно
[**] Центрального комитета
[***] этот взгляд

революционную фразу. Эта дискуссия наконец[*] показала, какие принципиальные разногласия составляют подоплеку личных раздоров, и теперь уж пришло время принять меры. Именно эти противоположные утверждения и стали боевыми лозунгами обеих фракций; некоторые члены Союза называли защитников Манифеста реакционерами, пытаясь таким путем сделать их непопулярными, что, впрочем, им совершенно безразлично, ибо они не стремятся к популярности. После всего этого большинство имеет право распустить Лондонский округ и исключить членов меньшинства[**] как не согласных с принципами Союза. Я не вношу такого предложения, так как оно вызвало бы бесполезную ссору и так как эти люди, по своему убеждению, все же коммунисты, хотя высказываемые ими в настоящее время взгляды являются антикоммунистическими и, в лучшем случае, их можно назвать социально-демократическими. Однако ясно само собой, что оставаться вместе было бы просто вредной тратой времени. Шаппер часто говорил о разрыве — что ж, я отношусь к разрыву серьезно. Я думаю, что нашел путь, на котором мы разойдемся, не вызывая раскола партии.

Я заявляю, что на мой взгляд имеется самое большее 12 человек, а возможно и того меньше, которые были бы желательны в нашем округе, а всю остальную публику я охотно предоставляю меньшинству. Если это предложение будет принято, то мы, разумеется, не сможем оставаться в[***] Обществе; я и большинство выйдем из Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит. В конце концов речь идет не о враждебных отношениях между обеими фракциями, а, напротив, о прекращении раздоров и для этого — прекращении всяких отношений. Мы остаемся вместе в Союзе и в партии, но прерываем отношения, которые приносят лишь вред.

Шаппер: Как во Франции пролетариат порывает с Горой[386] и с «Presse», так здесь люди, представляющие партию в отношении се принципов, порывают с теми, кто организовывает пролетариат. Я — за перевод Центрального комитета[****] и за изменение устава. Кёльнцы знают обстановку в Германии. Я полагаю также, что новая революция выдвинет людей, которые будут вести себя[*****] лучше, чем все, кто пользовался известностью в 1848 году. Что касается принципиальных расхождений, то Эккариус предложил тот вопрос, который дал повод к сегодняшним прениям. Я высказал

[*] наконец ясно
[**] меньшинства Центрального комитета
[***] одном и том же
[****] в Кёльн
[*****] руководить ею

подвергнувшийся здесь нападкам взгляд, потому что я вообще с энтузиазмом отношусь к этому делу. Речь идет о том, мы ли сами начнем рубить головы, или нам будут рубить головы. Во Франции настанет черед для рабочих, а тем самым и для *нас* в Германии. Не будь этого я, конечно, отправился бы на покой, и тогда у меня было бы иное материальное положение. Если же мы этого достигнем, то мы сможем принять такие меры, которые обеспечат господство пролетариата. Я являюсь фанатическим сторонником этого взгляда. Но Центральный комитет хотел противоположного. Однако если вы больше не хотите иметь с нами дела, что ж — тогда расстанемся. В предстоящей революции меня наверняка гильотинируют, но я поеду в Германию. Если же вы хотите образовать два округа — пусть будет так, но в этом случае Союз прекратит свое существование, а потом мы снова встретимся в Германии и, быть может, тогда сумеем опять пойти вместе. Я личный друг Маркса, но если вы хотите разрыва, что ж — тогда мы пойдем одни и мы пойдем одни[*]. Но в таком случае должны быть образованы два союза. Один — для тех, кто действует пером, другой — для тех, кто действует по-иному. Я не сторонник того мнения, что в Германии к власти придут буржуа, и в этом отношении я фанатический энтузиаст; не будь я таковым, я и гроша бы не дал за всю эту историю. Но два округа здесь в Лондоне, два общества, два эмигрантских комитета — тогда уж лучше два союза и полный разрыв.

Маркс: Шаппер неправильно понял мое предложение. Как только предложение будет принято, мы расходимся, два округа отделяются друг от друга, и люди прекращают всякие отношения между собой. Однако они состоят в том же самом Союзе и под руководством того же самого Комитета[**]. Можете даже оставить за собой подавляющее большинство членов Союза. Что же касается личных жертв, то я их принес не меньше, чем кто-либо другой, — но классу, а не личностям. Что до энтузиазма, то немного его требуется, чтобы принадлежать к партии, о которой думаешь, что она вот-вот придет к власти. Я всегда противился преходящим мнениям пролетариата. Мы посвящаем себя партии, которая, к счастью для нее, как раз не может еще прийти к власти. Пролетариат, если бы он пришел к власти, проводил бы не непосредственно пролетарские, а мелкобуржуазные меры. Наша партия может прийти к власти лишь тогда, когда условия позволят проводить в жизнь *ее* взгляды. Луи Блан дает лучший пример того, что получается,

[*] и вы пойдете одни
[**] Центрального комитета

когда слишком рано приходят к власти[387]. К тому же во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а *их* меры. Коммуна Парижа[388] доказывает, что не нужно быть в правительстве, чтобы что-то осуществить. Впрочем, почему не высказывается никто из остальных членов меньшинства, которые тогда единогласно одобрили Обращение, в частности, гражданин Виллих? Расколоть Союз мы не *можем* и не хотим, мы хотим только разделить Лондонский округ на два округа.

Эккариус: Вопрос поставил я, и у меня действительно было намерение довести его до обсуждения. Что касается мнения Шаппера, то я уже в Обществе разъяснил, почему считаю иллюзией и почему не верю, что сразу после ближайшей революции наша партия может прийти к власти. Тогда наша партия будет нужнее в клубах, чем в правительстве.

Гражданин Леман удаляется, не говоря ни слова. То же делает гражданин Виллих.

Пункт 1 принимается всеми. Шаппер не голосует.

Пункт 2 принимается всеми. Шаппер снова не голосует.

Пункт 3 также принимается. Шаппер снова не голосует.

Шаппер заявляет протест против нас всех. «Теперь мы совершенно разъединены. У меня в Кёльне есть знакомые и друзья, которые скорее последуют за мной, чем за вами».

Маркс: Мы сделали свое дело согласно уставу, и постановления ЦК имеют законную силу.

После оглашения протокола Маркс и Шаппер заявляют, что они об этом деле в Кёльн не писали*.

Шаппера спрашивают, имеет ли он что-либо возразить против протокола. Он заявляет, что ничего не имеет возразить, ибо считает всякое возражение излишним.

Эккариус предлагает всем подписать протокол. Предложение принимается. Шаппер заявляет, что он протокола не подпишет.

Составлен в Лондоне 15 сентября 1850 года.
Зачитан, одобрен и подписан**.
Подписали: К. Маркс, председатель Центрального комитета
Ф. Энгельс, секретарь
Генрих Бауер, К. Шрамм, И. Г. Эккариус, К. Пфендер

Впервые опубликовано в журнале «International Review of Social History», volume I, part 2, 1956

Печатается по фотокопиям рукописей

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Это предложение во втором варианте копии протокола отсутствует. *Ред.*
** Этих слов нет во втором варианте. *Ред.*

ВОЗЗВАНИЕ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ В КЁЛЬНЕ [389]

К нам поступило следующее письмо вместе с приводимым ниже воззванием. В соответствии с желанием авторов мы публикуем поступившее к нам послание.

Для «California Staats-Zeitung»

Вашингтон, 14 января 1853 **г,**

К НЕМЕЦКО-АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИКЕ!

С кёльнским процессом-монстр рабочее движение в Германии вступило в новую фазу. Оно освободилось от оков, которые накладывали на него узкие рамки фанатического сектантского движения, и открыто выступило на политическую арену. Прокурорам бюрократического полицейского государства противостояли политические деятели пролетариата; рейнское дворянство и рейнская буржуазия образовали в виде суда присяжных свой сословный суд и произнесли вердикт «виновен» противостоящей их привилегиям оппозиции труда. При этих обстоятельствах мы считаем своей приятной обязанностью представить вниманию публики нижеследующее воззвание, которое было направлено членам нашего союза лицами, подписавшимися под ним, для распространения в Соединенных Штатах, и предложить одновременно наши услуги для пересылки в Лондон небольших сумм, которые, вероятно, к нам поступят, представив отчет об их использовании.

Союзы, какое бы вы ни носили название!

В настоящее время ваши члены проводят многие вечера в шумном веселом общении друг с другом. Ободрите наших

энергичных друзей на родине и протяните им руку помощи, предоставив им выручку от одного из таких вечеров. Взносы просим направлять по адресу: «Дело помощи», Адольфу Клуссу, Транспортная контора Адамса, Айен-билдинг, Вашингтон.

Вашингтон, 10 января 1853 г.

И. Герхардт ***Ад. Клусс***
Председатель Секретарь

ВОЗЗВАНИЕ!

Обязанностью рабочей партии является облегчить положение своих передовых борцов, осужденных в Кёльне, и, в частности, позаботиться об их семьях, оставшихся без помощи. Мы надеемся, что рабочие Соединенных Штатов также не считают себя свободными от этого партийного долга. Кассиром для приема сумм, предназначенных для арестованных и их семей, является Ферд. Фрейлиграт, 3, Сэтон-плейс, Хакни, Лондон.

Лондон, 7 декабря 1852 г.

Иоганн Бер	***В. Либкнехт.***
Э. Дронке	***Ф. Мюнкс***
И. Г. Эккариус	***К. Пфендер***
И. Ф. Эккариус	***В. Пипер***
Фр. Энгельс	***Л. В. Ранге***
Ф. Фрейлиграт	***Э. Румпф***
Имандт	***И. Ульмер***
Эрнест Джонс	***Ферд. Вольф***
Г. Лохнер	***В. Вольф***
К. Маркс	***Мюнкс II***

Просим немецко-американские газеты перепечатать данное воззвание.

Напечатано в «Califonia Staats-Zeitung», январь 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВОЗЗВАНИЕ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ В КЁЛЬНЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПРОЛЕТАРИАТА И ИХ СЕМЬЯМ

К обязательствам, которые молчаливо берут на себя политические партии и их члены, относится прежде всего оказание помощи тем людям, которые, находясь на передовых позициях и мужественно и стойко отстаивая их до последней возможности, попадают в руки врага. В таком положении по отношению к пролетарской, рабочей партии оказались кёльнские осужденные в Германии. Они были осуждены не за то преступление, которое вменялось им в вину — смехотворное устройство революции, — а за то, что они трудились над организацией рабочей партии, — и осуждены были судьями, которые принадлежали к денежной и феодальной аристократии, чей приговор уже в силу этого должен был быть несправедлив, не говоря уже о том, что прусское правительство с помощью самых гнусных подлогов сумело заставить совершенно замолчать возможно и имевшуюся еще у них совесть.

Будучи неимущими рабочими и литераторами, зарабатывавшими себе на жизнь повседневным трудом своих рук или своего пера, осужденные, в силу того, что они находятся в заточении, лишены всякой возможности продолжать заботиться о своих близких. Сами они, из-за страданий и лишений, которые им приходится претерпевать в тюрьме, подвергаются опасности утратить ту свежесть и гибкость ума, благодаря которым они до сих пор занимали выдающееся положение в партии, если только не будет предпринято все для того, чтобы облегчить их состояние и снять с них тяжелую заботу о поддержании своих семей.

В Лондоне недавно образован комитет, избравший своим кассиром пролетарского поэта Ферд. Фрейлиграта и имеющий среди своих членов вождя английских чартистов Эрнеста Джонса. Комитет обратился к немецким рабочим в Америке с воззванием, на которое мы поспешили откликнуться.

«Обязанностью рабочей партии является облегчить положение своих передовых борцов, осужденных в Кёльне, и, в частности, позаботиться об их семьях, оставшихся без помощи. Мы надеемся, что рабочие Соединенных Штатов также не считают себя свободными от этого партийного долга».

Кассиром для приема сумм, предназначенных для арестованных и их семей, является *Фердинанд Фрейлиграт,* № 3, Сэтон-плейс, Хакни, Лондон.

Подписано: ***Йог. Бер, Э. Дронке, Иог. Георг Эккариус, Иог. Фрид. Эккариус, Фр. Энгельс, Ф. Фрейлиграт, Имандт, Эрнест Джонс, В. Либкнехт, Г. Лохнер, Ф. Мюнкс, Мюнкс II, К. Маркс, К. Пфендер, В. Пипер, В. Рингс, Э. Румпф, И. Ульмер, Ферд. Вольф, В. Вольф***

Социалистический гимнастический союз[390] поручил своему правлению организовать помощь осужденным; нижеподписавшиеся составляют специальный комитет, образованный в связи с этим. Они обращаются ко всем проживающим в Нью-Йорке немцам, которые еще дорожат делом свободы и его защитниками в старом отечестве, с призывом направлять комитету взносы для оказания помощи. Об использовании этих взносов Гимнастический союз представит в свое время отчет. Мы полагаем, что общества, занимающие в партии такое же положение, как наше, с готовностью примут энергичное участие в деле оказания помощи.

Со стороны президиума уже разосланы соответствующие предложения всем гимнастическим обществам Соединенных Штатов.

В заключение отметим еще, что на первый понедельник марта социалистическими гимнастическими обществами назначено проведение общей лотереи, которая, мы убеждены, даст богатую выручку, благодаря уже неоднократно испытанной при подобных обстоятельствах щедрости немецких женщин и девушек, щедрости, являющейся выражением их симпатии к свободе и ее передовым борцам.

Подписные листы для сбора пожертвований как в виде денежных взносов, так и в виде подарков, снабженные печатью

Социалистического гимнастического союза, находятся в помещении последнего по адресу: №38, Канал-стрит, а также у Рейхерцера и Хейна по адресу: .№ 12, Норт-Уильям-стрит, и у Б. Кека, проживающего у Йоз. Мюллера, — № 21, Аллен-стрит.

Нью-Йорк, 16 января 1853 г.

От имени правления Социалистического
гимнастического союза
Комитет по оказанию помощи
Г. Рейхерцер, И. Л. Шулер,
Б. Беккер, Б. Кек, Э. Рейстле

Напечатано в «New-Yorker Criminal-Zeitung», январь 1853 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В работе *«Революция и контрреволюция в Германии»* изложены взгляды основоположников марксизма по важнейшим вопросам германской революции 1848—1849 годов. Непосредственным поводом к написанию этой работы послужило предложение о сотрудничестве, сделанное Марксу в начале августа 1851 г. одним из редакторов прогрессивной буржуазной газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») Чарлзом Дана. Маркс, занятый экономическими исследованиями, обратился к Энгельсу с просьбой написать ряд статей о германской революции. В работе над статьями Энгельс в качестве источника использовал главным образом комплект «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»), не считая некоторых дополнительных материалов, переданных ему Марксом, с которым Энгельс постоянно обменивался мнениями. Маркс также просматривал статьи перед отправкой их в газету. Серия статей «Революция и контрреволюция в Германии» печаталась в «New-York Daily Tribune» с 25 октября 1851 по 23 октября 1852 г. за подписью Маркса; только в 1913 г. в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что эта работа написана Энгельсом. При жизни Маркса и Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» не переиздавалась. Первое издание этого произведения в виде отдельной книги на английском языке было предпринято в 1896 г. дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг; в том же году был издан немецкий перевод книги; в 1900 г. вышло в свет французское издание книги в переводе дочери Маркса Лауры Лафарг. В 1899 г. в Берлине был издан русский перевод трех первых глав книги, первое полное издание книги на русском языке вышло в переводе с английского в Лондоне в 1900 г., ряд новых изданий книги появился в России в годы первой русской революции, впоследствии книга неоднократно переиздавалась на русском языке Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В «New-York Daily Tribune» статьи данной серии печатались без подзаголовков; в английском издании 1896 г. Элеонора Маркс-Эвелинг снабдила их подзаголовками, которые сохранены и в настоящем издании. — *3.*

[2] *«Tribune»* — сокращенное название американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), выходившей с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом

республиканской партии. В 40—50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную прогрессивную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев допускала вольное обращение со статьями Маркса и Энгельса, печатая некоторые статьи без подписи автора в виде редакционных передовых, в некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, Маркс был вынужден сократить число своих корреспонденций в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *7.*

[3] *Континентальная система,* или континентальная блокада, объявленная Наполеоном в 1806 г., запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. — *8.*

[4] *Покровительственный тариф 1818 г.* упразднил внутренние пошлины на территории Пруссии и создал предпосылки для образования Таможенного союза.

Таможенный союз германских государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 г. под главенством Пруссии. Со временем Союз охватил все германские государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, Таможенный союз способствовал в дальнейшем и политическому объединению Германии. — *9.*

[5] Имеется в виду восстание силезских ткачей 4—6 июня 1844 г. — первая крупная классовая схватка между пролетариатом и буржуазией в Германии, а также восстание чешских рабочих во второй половине июня 1844 года. Движение рабочих, сопровождавшееся разгромом фабрик и уничтожением машин, было жестоко подавлено правительственными войсками. — *12.*

[6] *Германский союз* — объединение германских государств, созданное 8 июня 1815 г. Венским конгрессом. Сохранение трех дюжин германских государств с их абсолютистско-феодальным строем закрепляло политическую и экономическую раздробленность Германии и препятствовало ее прогрессивному развитию.

Союзный сейм — центральный орган Германского союза, заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей германских государств. Союзный сейм являлся орудием реакционной политики германских правительств. — *14.*

[7] В мае 1834 г. образовался так называемый Пошлинный союз (Steuerverein), в состав которого вошли немецкие государства — Ганновер, Брауншвейг, Ольденбург и Шаумбург-Липпе, заинтересованные в торговле с Англией. К 1854 г. этот сепаратный союз распался и его участники примкнули к Таможенному союзу. — *14.*

[8] На Венском конгрессе в 1814—1815 гг. Австрия, Англия и царская Россия, возглавлявшие европейскую реакцию, перекроили карту Европы в целях реставрации легитимных монархий, вопреки интересам национального объединения и независимости народов. — *15.*

[9] Речь идет об июльской революции 1830 г. во Франции и последовавших за ней восстаниях в ряде европейских стран: в Бельгии, Польше, Германии и Италии. — *16.*

[10] *«Молодая Германия»* — литературная группа, возникшая в 30-х годах XIX в. в Германии и находившаяся под влиянием Гейне и Бёрне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределенностью; вскоре большинство из них выродилось в заурядных буржуазных либералов. — *16.*

[11] G. W. F. Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Berlin, 1821 (Г. В. Ф. Гегель. «Основы философии права». Берлин, 1821). — *16.*

[12] *«Berliner politisches Wochenblatt»* («Берлинский политический еженедельник») — крайне реакционный орган, издавался с 1831 по 1841 г. при участии ряда представителей исторической школы права; пользовался поддержкой и покровительством кронпринца Фридриха-Вильгельма (с 1840 г. — король Фридрих-Вильгельм IV).

Историческая школа права — реакционное направление в исторической и юридической науке, возникшее в Германии в конце XVIII века. Школа в лице своих видных представителей (Гуго, Савиньи и др.) выступала против буржуазно-демократических идей французской буржуазной революции. Характеристику этого направления см. в статьях К. Маркса «Философский манифест исторической школы права» и «К критике гегелевской философии права. Введение» (настоящее издание, том 1, стр. 85—92 и 416).

Легитимисты — сторонники свергнутой во Франции в 1792 г. династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В 1830 г., после вторичного свержения этой династии, легитимисты объединились в политическую партию. — *18.*

[13] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младоге-

гельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *20,*

[14] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *21.*

[15] Имеется в виду немецкий, или «истинный», социализм — реакционное направление, получившее распространение в Германии в 40-х годах XIX века преимущественно среди мелкобуржуазной интеллигенции. Представители «истинного социализма» — К. Грюн, М. Гесс, Г. Криге и др. — подменяли идеи социализма сентиментальной проповедью любви и братства и отрицали необходимость буржуазно-демократической революции в Германии. Критика этого направления дана К. Марксом и Ф. Энгельсом в произведениях: «Немецкая идеология», «Циркуляр против Криге», «Немецкий социализм в стихах и прозе», «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, том 3, стр. 455—544, том 4, стр. 1—16, 208—248, 451—453). — *23.*

[16] *«Немецкий католицизм»* — религиозное движение, возникшее в 1844 г. в ряде германских государств и охватившее значительные слои средней и мелкой буржуазии. Движение выступало против крайних проявлений мистицизма и ханжества в католической церкви. Отвергая главенство римского папы и многие догматы и обряды католической церкви, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии.

«Свободные общины» — общины, выделившиеся из официальной протестантской церкви в 1846 г. под влиянием движения «Друзей света» — религиозного течения, направленного против господствовавшего в протестантской церкви пиетизма, который отличался крайним мистицизмом и ханжеством. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX в. реакционными порядками в Германии.

В 1859 г. произошло слияние «Свободных общин» с общинами «немецких католиков». — *27.*

[17] *Унитарии,* или антитринитарии, — представители религиозного течения, оспаривающего догмат о «триединстве божьем». Движение унитариев, возникшее в XVI в. в период Реформации, являлось отражением борьбы народных масс и радикальной части буржуазии против феодального строя и феодальной церкви. В Англию и Америку унитаризм проник с XVII века. Доктрина унитаризма в XIX в. выдвигала на первый план морально-этические моменты в религии, выступая против внешней, обрядовой ее стороны. — *27.*

[18] Победы Наполеона в Германии привели к развалу так называемой Священной Римской империи германской нации. В августе 1806 г. австрийский император Франц I отказался от титула императора Священной Римской империи. Основанная в X в. Империя не была централизо-

ванным государством и представляла собой объединение феодальных княжеств и вольных городов, признававших верховную власть императора. — *28.*

[19] Лозунг единой и неделимой германской республики был выдвинут еще накануне революции Марксом и Энгельсом (см. настоящее издание» том 4, стр. 316). Этот же лозунг был выдвинут в качестве первого пункта в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, том 5, стр. 1) — политической программе Союза коммунистов в германской революции, сформулированной Марксом и Энгельсом в марте 1848 года. — *28.*

[20] Речь идет о так называемой первой опиумной войне (1839—1842) — захватнической войне Англии против Китая, положившей начало превращению Китая в полуколониальную страну. Одна из статей Нанкинского мирного договора, навязанного Китаю в результате войны, предусматривала открытие пяти китайских портов для иностранной торговли, что способствовало проникновению иностранцев в Китай. —*30.*

[21] В феврале — марте 1846 г., одновременно с национально-освободительным восстанием в Кракове, вспыхнуло крупное крестьянское восстание в Галиции. Используя классовые противоречия, австрийские власти сумели вызвать столкновения между восставшими галицийскими крестьянами и польской шляхтой, пытавшейся выступить на поддержку Кракова. Крестьянское восстание, начавшись с разоружения шляхетских повстанческих отрядов, приняло характер массового разгрома помещичьих усадеб. Справившись с повстанческим движением шляхты, австрийское правительство подавило также и крестьянское восстание в Галиции. — *30.*

[22] Имеется в виду национально-освободительная война итальянского народа против австрийского владычества в 1848—1849 годах. Война началась в марте 1848 г. после победоносного народного восстания в подвластной Австрии Ломбардии и Венецианской области. Под давлением народных масс в войну против Австрии вступили также итальянские монархические государства во главе с Пьемонтом. Предательское поведение итальянских господствующих классов, боявшихся объединения Италии революционным путем, привело к поражению в борьбе с Австрией. — *39.*

[23] Из поэмы Гейне «Германия. Зимняя сказка», глава VII. — *50.*

[24] Речь идет о перемирии в шлезвиг-гольштейнской войне, заключенном 26 августа 1848 г. между Данией и Пруссией. Война против Дании, начавшаяся с восстания в Шлезвиг-Гольштейне, являлась частью революционной борьбы немецкого народа за объединение Германии. Правительства германских государств, в том числе Пруссии, под давлением народных масс вынуждены были принять участие в войне. Однако правящие круги Пруссии на деле саботировали военные действия и в августе 1848 г. заключили позорное перемирие в Мальмё. Ратификация этого перемирия в сентябре 1848 г. франкфуртским Национальным собранием вызвала волну протестов и привела к народному восстанию во Франкфурте. Весной 1849 г. военные действия в Шлезвиг-Голыптейне возобновились, но в июле 1850 г. Пруссия заключила мирный договор с Данией, что позволило последней разгромить повстанцев. — *50.*

[25] О развиваемых в данной работе взглядах Энгельса на исторические судьбы славянских народов, входивших в состав Австрийской империи, см. предисловие к настоящему тому, стр. IX—X. — *51.*

[26] *Гуситские войны* — по имени великого чешского патриота, вождя чешской Реформации Яна Гуса (1369—1415) — национально-освободительные войны чешского народа в 1419—1434 гг. против немецких феодалов и католической церкви. Во время этих войн армия гуситов, главную силу которой составляли крестьянско-плебейские отряды, отразила пять крестовых походов, организованных папой и германским императором против Чехии. Только предательский компромисс чешских дворянско-бюргерских элементов с силами внешней феодальной реакции привел к поражению народного восстания. Движение гуситов оказало огромное влияние на европейскую Реформацию XVI века. — *54.*

[27] *Славянский съезд* собрался 2 июня 1848 г. в Праге; на съезде обнаружилась борьба двух течений в национальном движении славянских народов, угнетенных империей Габсбургов. Правое, умеренно-либеральное направление, к которому принадлежали руководители съезда (Палацкий, Шафарик), пыталось разрешить национальный вопрос путем сохранения и укрепления Габсбургской монархии. Левое, демократическое направление (Сабина, Фрич, Либельт и др.) решительно выступало против этого и стремилось к совместным действиям с революционно-демократическими силами в Германии и Венгрии. Часть делегатов съезда, принадлежавших к радикальному крылу и принявших активное участие в пражском восстании в июне 1848 г., подверглась жестоким репрессиям. Оставшиеся в Праге представители умеренно-либерального крыла 16 июня объявили заседания съезда отложенными на неопределенное время. — *57.*

[28] Гейне. «На прибытие ночного сторожа в Париж» (цикл «Современные стихотворения»). — *59.*

[29] На 10 апреля 1848 г. в Лондоне чартистами была назначена массовая демонстрация, которая должна была направиться к зданию парламента с целью подачи петиции о принятии Народной хартии. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили массы демонстрантов разойтись. Неудача демонстрации была использована силами реакции для наступления на рабочих и репрессий против чартистов. — *60.*

[30] 16 апреля 1848 г. в Париже мирная демонстрация рабочих с петицией временному правительству об «организации труда» и «упразднении эксплуатации человека человеком» была остановлена буржуазной национальной гвардией, специально мобилизованной для этой цели. 15 мая 1848 г. во время народной демонстрации парижские рабочие и ремесленники проникли в зал заседаний Учредительного собрания, объявили его распущенным и образовали революционное правительство. Демонстранты, однако, вскоре были разогнаны подоспевшей национальной гвардией и войсками. Вожди рабочих (Бланки и др.) были арестованы. — *60.*

[31] 15 мая 1848 г. неаполитанский король Фердинанд II, прозванный королем-бомбой за бомбардировку Мессины в январе 1848 г., подавил народное восстание, распустил национальную гвардию, разогнал парламент и отменил реформы, введенные под давлением народных масс в феврале 1848 года. — *60.*

[32] Опубликованные австрийским правительством 1 апреля 1848 г. *временные правила о печати* требовали внесения крупного залога для получения права на издание газеты. Сохранение цензуры и подсудность лиц, виновных в «преступлениях в печати», административному суду (а не суду присяжных) давали возможность правительственным чиновникам задерживать выход любого печатного произведения.

Конституция 25 апреля 1848 г. устанавливала высокий имущественный ценз и ценз оседлости при выборах в рейхстаг, учреждала две палаты — нижнюю палату и сенат, и сохраняла провинциальные сословные представительные учреждения. Конституция передавала исполнительную власть и командование вооруженными силами императору и предоставляла ему право отклонения законов, принятых палатами.

Избирательный закон 11 мая 1848 г. лишал избирательного права рабочих, поденщиков и прислугу. Часть сенаторов назначалась императором, другая часть избиралась на основе двухстепенных выборов из лиц, уплачивающих наивысшую сумму налогов. Выборы в нижнюю палату были также двухстепенными. — *64.*

[33] 13 августа 1849 г. венгерская армия под командованием Гёргея, изменившего делу революции, капитулировала под Вилагошем и сдалась царским войскам, посланным для подавления восстания в Венгрии. — *74.*

[34] *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революций, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung»

послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *74.*

[35] *Ланкастерские школы* — названные по имени английского педагога Джозефа Ланкастера (1778—1831) — начальные школы для детей неимущих родителей, в которых применялась система взаимного обучения. Старшие и более успевающие учащиеся, чтобы восполнить недостаток в учителях, использовались для занятий с остальными учащимися. Ланкастерские школы получили широкое распространение в первой половине XIX в. в Англии, а также в ряде других стран.— *76.*

[36] В 1636 г. Джон Гемпден, впоследствии один из видных деятелей английской буржуазной революции XVII в., отказался платить королевским сборщикам «корабельные деньги» — налог, не утвержденный палатой общин. Судебный процесс, возникший в связи с отказом Гемпдена, способствовал росту оппозиции против абсолютизма в английском обществе.

Прологом к войне за независимость северо-американских колоний Англии (1775—1783) была борьба американцев против налогов и пошлин, вводимых английским правительством в колониях. В 1766 г. английскому парламенту вследствие протестов пришлось отменить введенный в предшествующем году гербовый сбор; позже американцы объявили бойкот английских товаров, обложенных косвенными налогами. В 1773 г. попытка ввезти силой в Америку чай, который был обложен высокой акцизной пошлиной, закончилась уничтожением груза в бостонском порту. Все эти столкновения повели к обострению конфликта и ускорили начало восстания американских колоний против Англии. — *79.*

[37] 21 марта 1848 г. по инициативе прусских буржуазных министров, стремившихся восстановить авторитет короля, в Берлине был устроен торжественный королевский выезд, сопровождавшийся манифестациями в пользу объединения Германии. Фридрих-Вильгельм IV проезжал по улицам Берлина с черно-красно-золотой повязкой на рукаве — символом единой Германии — и произносил псевдопатриотические речи, лицемерно выдавая себя за поборника «немецкой свободы и единства». — *93.*

[38] 17 мая 1849 г. в Берлине открылась конференция с участием Пруссии, Саксонии, Ганновера, Баварии и Вюртемберга с целью пересмотра так называемой имперской конституции, выработанной франкфуртским Национальным собранием. В результате конференции 26 мая 1849 г. было заключено соглашение между королями Пруссии, Саксонии и Ганновера («уния трех королей»), к которому до августа 1849 г. примкнули 29 немецких государств. По соглашению имперская конституция была приспособлена к интересам монархии, регентом империи должен был стать прусский король, предусматривалось создание сейма из двух палат. «Уния» представляла собой попытку прусской монархии добиться гегемонии в Германии. Однако под давлением Австрии и России Пруссия была вынуждена отступить и уже в ноябре 1850 г. отказаться от «унии». — *97.*

[39] В *соборе св. Павла* во Франкфурте-на-Майне с 18 мая 1848 по 30 мая 1849 г. происходили заседания общегерманского Национального собрания. — *110.*

[40] Последняя статья серии «Революция и контрреволюция в Германии» в «New-York Daily Tribune» не появилась. В английском издании 1896 г., а также в ряде последующих изданий, в качестве последней была помещена не входившая в данную серию статья Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» (см. настоящий том, стр. 416—422). — *113.*

[41] *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета»)—немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — *114.*

[42] Имеются в виду аресты деятелей Союза коммунистов в Кёльне (Бюргерса, Рёзера, Даниельса и др.), произведенные прусской полицией в мае 1851 г. после ареста саксонскими властями эмиссара Союза Потъюнга в Лейпциге. Прусское правительство намеревалось с помощью провокационного процесса против Союза коммунистов разгромить самостоятельное движение пролетариата. Значение кёльнского процесса раскрыто в работе Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящий том, стр. 423—491).— *114.*

[43] *«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»* — одно из важнейших произведений марксизма. В этой работе на основе анализа событий революции 1848—1851 гг. во Франции получили дальнейшее развитие основные положения исторического материализма, теории классовой борьбы и пролетарской революции, учения о диктатуре пролетариата. Здесь впервые был выдвинут Марксом тезис о необходимости слома буржуазной государственной машины победившим пролетариатом. Маркс писал книгу по горячим следам событий в период с декабря 1851 по март 1852 года. В ходе работы над «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта» Маркс постоянно поддерживал обмен мнениями с Энгельсом о событиях во Франции. В качестве источника Марке, кроме прессы и официальных материалов, использовал также частные корреспонденции из Парижа. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» первоначально предназначалось для опубликования в виде серии статей в еженедельном журнале «Die Revolution» («Революция»), подготовлявшемся к изданию другом Маркса и Энгельса членом Союза коммунистов И. Вейдемейером в США. Вейдемейеру удалось, однако, выпустить только два номера журнала (январь 1852 г.), после чего издание пришлось прекратить из-за денежных затруднений. Статьи Маркса прибыли слишком поздно и в этих номерах опубликованы не были. По предложению Маркса, Вейдемейер издал работу в мае 1852 г. отдельной книгой в виде первого (и единственного) выпуска «непериодического журнала» «Revolution». Название книги «Восемнадцатое брюмера Луи-Наполеона» (вместо Луи Бонапарта) было дано Вейдемейером. Большую часть тиража этого первого издания Вейдемейер. находившийся в стесненном материальном положении, не смог выкупить у владельца типографии, в Европу было доставлено незначительное количество экземпляров. Попытки переиздать книгу в Германии или в Англии (на английском языке) оказались безрезультатными, Второе издание книги увидело свет только в 1869 году. Для этого

издания текст работы был заново просмотрен Марксом. В предисловии к изданию 1869 г. Маркс следующим образом характеризовал проведенную им редакцию текста: «В переработке предлагаемое сочинение утратило бы свою своеобразную окраску. Я ограничился поэтому исправлением опечаток и устранением ставших уже непонятными намеков». Текст третьего издания, вышедшего в 1885 г. под редакцией Энгельса, соответствует тексту издания 1869 года. Французский перевод «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» первоначально был напечатан в органе Рабочей партии Франции, газете «Le Socialiste» («Социалист») в январе — ноябре 1891 года; в том же году работа вышла отдельной книгой в Лилле. Впервые на русском языке книга была издана в 1894 г. в Женеве. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась на русском языке, целый ряд изданий был подготовлен к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В настоящем издании работа печатается по тексту немецкого издания 1869 года. — *115.*

[44] *Восемнадцатое брюмера* (9 ноября 1799 г.) — государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции; в результате переворота была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта. — *119.*

[45] *Бедлам* — дом умалишенных в Лондоне. — *121.*

[46] 10 декабря 1848 г. в результате всеобщего голосования Луи Бонапарт был избран президентом Французской республики. — *121.*

[47] Согласно библейской легенде, во время бегства евреев из египетского плена малодушные среди них под влиянием трудностей пути и голода стали сожалеть о днях, проведенных в неволе, когда они были, по крайней мере, сыты. Выражение *«сожалеть о египетских котлах с мясом»* вошло в поговорку. — *121.*

[48] *Hic Rhodus, hic salta!* (Здесь Родос, здесь прыгай!—в переносном смысле: Здесь главное, здесь доказывай!) — слова, обращенные к хвастуну (из басни Эзопа «Хвастун»), утверждавшему, что на острове Родос он совершал огромные прыжки.

Здесь роза, здесь танцуй! — перифраза предыдущей цитаты (Ροδοζ— по-гречески название острова, а также «роза»), данная Гегелем в предисловии к книге «Философия права». — *123.*

[49] В мае 1852 г. истекал срок президентских полномочий Луи Бонапарта. Согласно французской конституции 1848 г., выборы нового президента должны были проводиться каждые четыре года во второе воскресенье месяца мая. — *123.*

[50] Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — *124.*

[51] В немецком издании 1869 г., так же как и в изданиях 1852 и 1885 гг., дата открытия Законодательного собрания указана неточно: 29 мая 1849 года. — *124.*

[52] *Династическая оппозиция* — возглавляемая Одилоном Барро группа во французской палате депутатов в период Июльской монархии. Представители этой группы, выражавшие настроения либеральных кругов промышленной и торговой буржуазии, стояли за проведение

умеренной избирательной реформы, видя в ней средство для предотвращения революции и сохранения династии Орлеанов. — *124.*

[53] *Крапюлинский* —- герой стихотворения Гейне «Два рыцаря», промотавшийся шляхтич; фамилия Крапюлинский образована от французского слова crapule — чревоугодие, обжорство, пьянство, а также — бездельник, подонок.

Именем Крапюлинского Маркс называет Луи Бонапарта. — *128.*

[54] *«Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных, буржуазных республиканцев. — *129.*

[55] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. — *129.*

[56] *Конституционная хартия,* принятая после буржуазной революции 1830 г. во Франции, являлась основным законом Июльской монархии. Хартия формально провозглашала суверенные права нации и несколько ограничивала власть короля. При этом, однако, оставались нетронутыми полицейско-бюрократический аппарат и суровые законы против рабочего и демократического движения. — *131.*

[57] *«Frere, il faut mourir!»* («Брат, готовься к смерти!») — приветствие, с которым обращаются друг к другу при встрече члены католического монашеского ордена траппистов. Орден траппистов, возникший в 1664 г., отличался строгим уставом и аскетическим образом жизни его членов. — *133.*

[58] *Клиши* — долговая тюрьма в Париже в 1826—1867 годах. — *133.*

[59] Имеется в виду участие Неаполитанского королевства в интервенции против Римской республики в мае — июле 1849 года.

9 февраля 1849 г. Учредительное собрание в Риме, избранное всеобщим голосованием, упразднило светскую власть папы и провозгласило республику. Исполнительная власть в Римской республике была сосредоточена в руках триумвирата во главе с Мадзини. За время существования республики был проведен ряд буржуазно-демократических реформ. Классово-ограниченная природа республики сказалась, однако, в ее аграрной политике: отказ передать помещичьи земли в собственность крестьян лишил республику союзника в борьбе против контрреволюции. В результате интервенции Франции, Австрии и Неаполя Римская республика пала 3 июля 1849 года. — *136.*

[60] Маркс имеет в виду следующие факты из биографии Луи Бонапарта: в 1832 г. Луи Бонапарт принял швейцарское гражданство в кантоне Тургау; в 1848 г. во время пребывания в Англии Луи Бонапарт добровольно вступил в число специальных констеблей (в Англии — полицейский резерв из гражданских лиц), действовавших вместе с полицией против рабочей демонстрации, организованной чартистами 10 апреля 1848 года. — *136.*

[61] Имеется в виду анализ выборов 10 декабря 1848 г., данный Марксом в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. настоящее издание, том 7, стр. 42—44). — *136.*

[62] Римский император Калигула (37—41) был возведен на престол преторианской гвардией. — *139*.

[63] Французское правительство добилось от Учредительного собрания ассигнования для снаряжения экспедиционного корпуса в Италию в апреле 1849 г. под предлогом поддержки Пьемонта в борьбе против Австрии и защиты Римской республики. Подлинной целью экспедиции была интервенция против Римской республики и реставрация светской власти папы. — *140.*

[64] Имеется в виду законопроект, внесенный 6 ноября 1851 г. роялистами Лефло, Базом и Пана, квесторами Законодательного собрания (уполномоченными Собрания по ведению хозяйства, финансов и охране его безопасности), который был отклонен 17 ноября после острых дебатов. При голосовании Гора поддержала бонапартистов, видя в роялистах главную опасность. — *140.*

[65] *Петер Шлемиль* — герой повести Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», променявший свою тень на волшебный кошелек. — *143.*

[66] *Эмс* — курорт в Германии. В августе 1849 г. здесь состоялась легитимистская конференция с участием графа Шамбора, претендента на французский престол под именем Генриха V.

Клэрмонт — замок близ Лондона, резиденция Луи-Филиппа после его бегства из Франции. — *146.*

[67] Статья V относится к вводной части французской конституции 1848 года; статьи основного текста конституций пронумерованы арабскими цифрами. — *149.*

[68] Намек на планы Луи Бонапарта, рассчитывавшего получить французскую корону из рук римского папы Пия IX. По библейскому преданию, Давид, древнееврейский царь, был помазан на царствование пророком Самуилом. — *153.*

[69] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 году (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). — *159.*

[70] *Бургграфами* называли 17 главарей орлеанистов и легитимистов, входивших в комиссию Законодательного собрания по составлению проекта нового избирательного закона, за их неоправданные притязания на власть и реакционные устремления. Прозвище заимствовано из одноименной исторической драмы Виктора Гюго из жизни средневековой Германии. Бургграфами назывались в Германии назначенные императором правители городов и округов. — *163.*

[71] По закону о печати, принятому Законодательным собранием в июле 1850 г., был значительно увеличен денежный залог, который были

обязаны вносить издатели газет, и введен штемпельный сбор, распространявшийся также на брошюры. Новый закон явился продолжением реакционных мероприятий, которые привели *к* фактической ликвидации свободы печати во Франции. — *164.*

[72] *«La Presses* («Пресса») — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в 1848—1849 гг. — орган буржуазных республиканцев, позже бонапартистский орган. — *164.*

[73] *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник»), официального правительственного органа; под данным названием газета выходила в Париже с 1789 до 1869 года. — *167.*

[74] Речь идет о предпринятых в период Июльской монархии попытках Луи Бонапарта произвести государственный переворот путем военного мятежа. 30 сентября 1836 г. ему удалось с помощью нескольких бонапартистски настроенных офицеров поднять два артиллерийских полка страсбургского гарнизона, однако уже через несколько часов мятежники были обезоружены. Сам Луи Бонапарт был арестован и выслан в Америку. 6 августа 1840 г., используя некоторое оживление бонапартистских настроений во Франции, он высадился с кучкой заговорщиков в Булони и пытался поднять мятеж среди войск местного гарнизона. Эта попытка также окончилась полным провалом. Бонапарт был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но бежал в 1846 г. в Англию. — *168.*

[75] *Основа* — персонаж из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Маркс имеет в виду сцену вторую из I акта. — *168.*

[76] *Шуфтерле* и *Шпигельберг* — персонажи из драмы Шиллера «Разбойники», образы лишенных каких-либо моральных устоев грабителей и убийц. — *169.*

[77] Имеются в виду газеты бонапартистского направления; название идет от Елисейского дворца — резиденции Луи Бонапарта в Париже в период его президентства. — *170.*

[78] Маркс использует здесь для игры слов строку из стихотворения Шиллера «К радости», в котором поэт воспевает радость — дочь Элизиума, или елисейских полей (у древних авторов синоним рая). Елисейские поля — также название проспекта в Париже, на котором находилась резиденция Луи Бонапарта. — *175.*

[79] *Парламенты* — высшие судебные учреждения во Франции до буржуазной революции конца XVIII века. Парламенты существовали в ряде городов страны. Наибольшее значение имел парижский парламент, производивший регистрацию королевских указов и обладавший так называемым правом ремонстрации, т. е. правом протеста против указов, не соответствующих обычаям и законодательству страны. Оппозиция парламента не имела, однако, реальной силы, поскольку личное присутствие короля на заседаниях делало регистрацию указов обязательной. — *179.*

[80] *Бель-Иль* —Остров в Бискайском заливе; в 1849—1857 гг. был местом заключения политических узников; здесь, в частности, содержались рабочие — участники июньского восстания 1848 г. в Париже. — *182.*

[81] Маркс здесь использует, передавая не совсем точно, следующий эпизод, рассказанный античным писателем Атенеем (II—III вв.) в его книге «Застольные беседы ученых мужей» («Deipnosophistae»). Египетский фараон Тахос, намекая на малый рост спартанского царя Агесилая, пришедшего с войском ему на помощь, сказал: «Гора была беременна. Зевс испугался. Но гора родила мышь». Агесилай ответил: «Я кажусь тебе мышью, но придет время, когда я покажусь тебе львом». — *183.*

[82] Венеция в 50-х годах XIX в. была местопребыванием легитимистского претендента на французский престол графа Шамбора. — *187.*

[83] Имеются в виду тактические разногласия в лагере легитимистов в период Реставрации. Людовик XVIII и Виллель стояли за более осторожное проведение реакционных мероприятий, в то время как граф д'Артуа (с 1824 г. король Карл X) и Полиньяк совершенно игнорировали обстановку во Франции и выступали за полное восстановление дореволюционных порядков.

Тюильрийский дворец в Париже — резиденция Людовика XVIII; *Марсанский павильон* — одно из зданий дворца — был в период Реставрации резиденцией графа д'Артуа. — *188.*

[84] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *191.*

[85] *Лондонская промышленная выставка* — первая всемирная торгово-промышленная выставка—происходила в мае—октябре 1851 года. — *195.*

[86] *«Le Messager de l'Assemblee»* («Вестник Собрания») — французская ежедневная газета антибонапартистского направления; выходила в Париже с 16 февраля по 2 декабря 1851 года. — *197.*

[87] Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена пятая. — *205.*

[88] *Севенны* — горный район провинции Лангедок во Франции, охваченный в 1702—1705 гг. крестьянским восстанием, получившим название восстания «камизаров» («рубашечников»). Восстание, начавшееся из-за преследований протестантов, приняло ярко выраженный антифеодальный характер. Отдельные вспышки его имели место до 1715 года.

Вандея — западная провинция Франции, в которой в период французской буржуазной революции конца XVIII в. происходило контрреволюционное восстание крестьянства, возглавленное дворянством и духовенством. — *209.*

[89] В издании 1852 г. вместо двух последних фраз в конце данного абзаца стояли следующие слова: «Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом. Разочаровавшись в наполеонов

ской реставрации, французский крестьянин расстанется и с верой в свою парцеллу; все построенное на этой парцелле государственное здание рухнет, и *пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню». — 213.*

[90] *Констанцский собор* (1414—1418) был созван с целью укрепления пошатнувшегося положения католической церкви в условиях начавшегося реформационного движения. На соборе были осуждены учения вождей Реформации Джона Уиклифа и Яна Гуса. Собор ликвидировал раскол католической церкви, избрав вместо трех претендентов, оспаривавших друг у друга папский престол, нового главу церкви. — *214.*

[91] См. примечание 15. — *214.*

[92] Имеется в виду регентство Филиппа Орлеанского во Франции в 1715— 1723 гг., во время малолетства Людовика XV. — *216.*

[93] *Трирский священный хитон* — хранившаяся в Трирском соборе католическая реликвия, представлявшая собой якобы священное облачение, снятое с Христа во время казни. Трирский священный хитон был предметом поклонения паломников. — *217.*

[94] Статьи Энгельса об Англии предназначались для еженедельного журнала «Revolution», издававшегося Вейдемейером в Нью-Йорке. Из четырех статей, написанных Энгельсом в декабре 1851 — январе 1852 г., к Вейдемейеру попали только две, две другие затерялись в дороге. Однако статьи, полученные Вейдемейером, также не были опубликованы вследствие прекращения выхода журнала. В рукописи название «Англия» надписано рукой Энгельса над каждой из двух сохранившихся статей. Над второй статьей это название вычеркнуто, по-видимому, Вейдемейером, им же, очевидно, дана нумерация статей римскими цифрами. — *218.*

[95] В 1846—1853 гг. Англия вела в Капской земле пятую «кафрскую войну» (кафры—неправильное собирательное название племен юго-восточной Африки) против племен коса. В первые годы войны местное население не раз наносило поражение английским войскам. По мирному договору 1853 г. племена коса вынуждены были, однако, уступить англичанам часть своих земель.

В 1851 г. английские колонизаторы предприняли попытку овладеть Невольничьим берегом (Западная Африка) и вмешались с этой целью в междоусобную борьбу обитавших здесь племен йоруба. Несмотря на бомбардировку г. Лагоса в декабре 1851 г., англичанам не удалось покорить местное население и пришлось довольствоваться установлением здесь власти своего ставленника. Только после «покупки» Лагоса в 1861 г. англичане утвердились на Невольничьем берегу и заложили основы своей колонии Нигерии. — *219.*

[96] Имеются в виду французские колониальные войска, участвовавшие в завоевании Алжира. — *219.*

[97] В песне «Мелюзга или похороны Ахилла» («Les mirmidons ou les funerailles d'Achille») Беранже аллегорически изобразил ничтожных и бездарных властителей Франции в период Реставрации. В заглавии

песни игра слов: les mirmidons — мирмидоняне, легендарное племя в Южной Фессалии, воины которого сражались в Троянской войне под предводительством Ахилла; mirmidon также означает карапуз, карлик, а в переносном смысле: ничтожный, бездарный человек. — *220.*

[98] См. примечание 29. — *220.*

[99] Здесь и ниже имеются в виду *Пунические войны* (264—241, 218—201 и 149—146 гг. до н. э.), которые вели между собой два крупнейших рабовладельческих государства древности — Рим и Карфаген — за установление господства в Западном Средиземноморье, за захват новых территорий и приобретение рабов. Войны закончились разгромом Карфагена. — *221.*

[100] Во время войны против первой антифранцузской коалиции (1792— 1797) французская армия под командованием Наполеона, действовавшая против австрийских сил, оккупировала в мае — июне 1797 г. нейтральную Венецианскую республику. По франко-австрийскому мирному договору, заключенному в октябре того же года в Кампоформио, часть территории республики вместе с городом Венецией была отдана Австрии в обмен на уступки, сделанные последней на рейнской границе, другая часть присоединена к Цизальпинской республике, созданной Наполеоном из завоеванных в Северной Италии земель; Ионические острова и владения Венецианской республики на албанском побережье были присоединены к Франции. — *221.*

[101] Имеется в виду английский флот, находившийся в Португалии, в устье реки Тахо. В XIX в. устье Тахо использовалось английским средиземноморским флотом в качестве промежуточной базы. — *222.*

[102] Намек на созданный Наполеоном I в 1803—1805 гг. в районе Булони военный плацдарм для вторжения в Англию через Ла-Манш. Здесь было сосредоточено около двух с половиной тысяч мелких транспортных судов и 120-тысячная десантная армия. Поражение французского флота в войне с Англией и образование в Европе новой антифранцузской коалиции с участием России и Австрии вынудили Наполеона отказаться от своего плана. — *223.*

[103] Речь идет об одной из операций в шлезвиг-гольштейнской войне (см. примечание 24). 5 апреля 1849 г. датская эскадра в составе 10 судов предприняла — с целью высадки десанта — атаку с моря на шлезвигский город Эккернфёрде, расположенный на берегу залива. Эскадра была разгромлена перекрестным огнем береговых батарей. — *225.*

[104] *Общество мира* — буржуазно-пацифистская организация, основанная в 1816 г. в Лондоне религиозной сектой квакеров. Общество получило активную поддержку со стороны фритредеров, полагавших, что в мирных условиях Англия сумеет с помощью свободной торговли полнее использовать свое промышленное превосходство и добиться экономического и политического господства. — *226.*

[105] К этому месту в рукописи дано следующее редакционное примечание, принадлежащее, по-видимому, Вейдемейеру: «Статья, в которой обсуждалась отставка Пальмерстона, до нас не дошла. Она, очевидно, потеряна по пути из Англии». — *227.*

[106] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *227.*

[107] *Народная хартия,* содержащая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. — *228.*

[108] Публикуемое письмо было написано Энгельсом по инициативе Маркса и направлено последним в редакцию газеты «The Times» («Времена»). Энгельс подготовил аналогичное письмо для отправки в редакцию газеты «Daily News». Однако ввиду резко враждебного отношения редакций этих газет к деятелям Союза коммунистов эти письма не были опубликованы. Текст письма в «Times» печатается по черновику, написанному на обороте письма Энгельса Марксу от 28 января 1852 года.

«The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1785 года. — *231.*

[109] *Большое жюри* — в Англии до 1933 г. коллегия присяжных в составе 12—23 человек, отбираемых шерифом из числа «добрых и верных людей» графств, которая осуществляла функции предварительного рассмотрения и решала вопрос о предании обвиняемых уголовному суду. — *232.*

[110] *«The Weekly Dispatch»* («Еженедельное сообщение») — английская газета, выходила под данным названием в Лондоне в 1801—1928 годах; в 50-х годах придерживалась радикального направления. — *234.*

[111] Речь идет о еженедельном органе чартистов *«Notes to the People»* («Заметки для народа»), выходившем в Лондоне в 1851—1852 гг. под редакцией Э. Джонса. Маркс и Энгельс оказывали поддержку журналу, принимая участие в его редактировании и издании, и опубликовали в нем с июня 1851 по апрель 1852 г. ряд статей. — *235.*

[112] Имеется в виду ряд законов о печати, принятых Учредительным и Законодательным собраниями (9—11 августа 1848 г., 27 июля 1849 г., в июле 1850 г.), которые вводили высокий денежный залог для издания газеты, штемпельный сбор на газеты и брошюры, а также суровые наказания за нападки на «принцип собственности и семейное право», за «подстрекательства к гражданской войне». Эти законы фактически ликвидировали свободу печати и слова во Франции.

Энгельс называет эти законы «законами о затыкании рта» по аналогии с тем, как в Англии называли шесть реакционных актов, принятых английским парламентом в 1819 г. и упразднивших неприкосновенность личности, свободу печати и собраний. — *235.*

[113] В конце 1853 и в 1854 г. имели место острые кризисные явления в экономике главных капиталистических стран. Затоваривание рынков, прежде всего американского и австралийского, вызвало сокращение производства в английской текстильной и железоделательной

промышленности. Сходные явления наблюдались во Франции. Серьезные затруднения испытывала также промышленность США. — *244.*

[114] *Белгрейв-сквер* — парк в Уэст-Энде, фешенебельном районе Лондона, где сосредоточены особняки аристократии и крупной буржуазии.—*244.*

[115] Речь идет о конфискации имущества Орлеанского дома, декретированной Луи Бонапартом 22 января 1852 года. — *245.*

[116] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии; вела ожесточенную борьбу против «Neue Rheinische Zeitung». — *246.*

[117] В сентябре 1851 г. во Франции были произведены аресты среди членов местных общин, принадлежавших к фракции Виллиха — Шаппера, отколовшейся от Союза коммунистов в сентябре 1850 года. Принятая этой фракцией мелкобуржуазная заговорщическая тактика, игнорирующая реальную обстановку и рассчитанная на немедленную организацию восстаний, позволила французской и прусской полиции, с помощью провокатора Шерваля, возглавлявшего одну из парижских общин, сфабриковать дело о так называемом немецко-французском заговоре. В феврале 1852 г. арестованные были осуждены по обвинению в подготовке государственного переворота. Провокатору Шервалю был устроен побег из тюрьмы. Попытки прусской полиции приписать участие в немецко-французском заговоре Союзу коммунистов, руководимому Марксом и Энгельсом, полностью провалились. Член Союза коммунистов Конрад Шрамм, арестованный в сентябре 1851 г. в Париже, был вскоре освобожден за отсутствием улик. Лжесвидетельства Штибера на кёльнском процессе, имевшие целью доказать причастность обвиняемых к немецко-французскому заговору, были разоблачены Марксом (см. настоящий том, стр. 436—449). — *246.*

[118] В сентябре 1849 г. Маркс был избран в состав Комитета помощи немецким эмигрантам в Лондоне, образованного при местном Просветительном обществе немецких рабочих. С целью пресечения попыток мелкобуржуазных демократов-эмигрантов подчинить своему влиянию пролетарские элементы лондонской эмиграции Комитет по предложению Маркса и других руководителей Союза коммунистов был преобразован в Социал-демократический эмигрантский комитет, в руководство которого входили Маркс и Энгельс. В середине сентября 1850 г. Маркс и Энгельс заявили о своем выходе из Эмигрантского комитета, большинство членов которого подпало под влияние фракции Виллиха — Шаппера. — *246.*

[119] Работа *«Великие мужи эмиграции»* представляет собой памфлет, направленный против мелкобуржуазных деятелей революции 1848— 1849 гг., которые после поражения революции выступали с нападками на пролетарских революционеров. Целью Маркса и Энгельса было дать должный отпор этим нападкам и разоблачить вредную деятельность мелкобуржуазной эмиграции, занимавшейся игрой в революционные заговоры. Работа была написана в мае — июне 1852 г., частично в Лондоне, а частично у Энгельса в Манчестере, куда Маркс

прибыл в конце мая. В работе был использован собранный предварительно с помощью друзей обильный фактический материал: различные эмигрантские издания (документы, газеты, мемуары), немецкая, французская и английская пресса и т. д. В подборе материалов и оформлении рукописи помимо жены Маркса принимал участие также член Союза коммунистов Эрнст Дронке. Уже в начале июля рукопись была вручена для напечатания в Германии предложившему свои услуги венгерскому эмигранту Бандье, который, как это выяснилось впоследствии, был полицейским агентом. Последний продал памфлет прусской полиции. Действия Бандьи, которому удалось на некоторое время ввести в заблуждение Маркса, были вскоре публично разоблачены последним в статье «Добровольные признания Гирша», написанной в апреле 1853 г. и опубликованной в американской газете «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический журнал и нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»).

При жизни авторов памфлет остался неопубликованным. Сохранившийся у Маркса и Энгельса экземпляр рукописи (первые страницы рукописи написаны рукой Дронке, вся остальная рукопись написана рукой Энгельса с добавлениями Маркса) впоследствии оказался в руках Э. Бернштейна, который не только не предпринял мер к его опубликованию, но при издании переписки Маркса и Энгельса в 1913 г. тщательно вытравил все места, касающиеся переговоров Маркса с Бандьей относительно памфлета «Великие мужи эмиграции». Только в 1924 г. рукопись была получена от Бернштейна архивом германской социал-демократической партии, где хранилось литературное наследие Маркса и Энгельса. В 1930 г. работа была впервые опубликована в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» на русском языке Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В отличие от предыдущего издания текст работы дается с учетом редакционных поправок Маркса и Энгельса, вычеркнутые в рукописи места не воспроизводятся. — *247.*

[120] Клопшток. «Мессиада», песнь первая. — *249.*

[121] «Gottfried Kinkel. Wahrheit ohne Dichtung». Biographisches Skizzenbuch von Adolf Strodtmann. Bd. I—II, Hamburg, Hoffmann und Campe, 1850—1851. — *249.*

[122] Имеется в виду сентиментальное направление в немецкой литературе, типичным образцом которого был популярный в конце XVIII в. роман Миллера «Зигварт. Монастырская история», вышедший в 1776 году. — *249.*

[123] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). — *250.*

[124] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). — *250.*

[125] *Нарцисс* — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, влюбленный в собственное отражение; в переносном смысле самовлюблённый человек. — *253.*

[126] *Вагнер* — персонаж из «Фауста» Гёте, ученик Фауста; тип лжеученого, схоласта. — *253.*

[127] Имеются в виду литературные журналы: «Deutscher Musenalmanach» («Немецкий альманах муз»), издававшийся в Лейпциге А. Шамиссо

и Г. Швабом в 1832—1838 гг., и «Der Christoterpe» («Утеха христианина»), издававшийся в Тюбингене А. Кнаппом в 1833—1853 годах. — *255.*

[128] *Махадева* — «великий бог», прозвище Шивы, одного из главных индийских богов. Индийские девушки сами изготовляли изображения Шивы, которые служили им предметом поклонения. — *255.*

[129] *«Генрих фон Офтердинген»* — неоконченный роман немецкого писателя Новалиса, одно из типичных произведений немецкого реакционного романтизма. Герой романа — Генрих фон Офтердинген — поэт, посвятивший свою жизнь поискам «голубого цветка», символа идеальной поэзии. — *257.*

[130] Гёте. «Кроткие ксении». — *257.*

[131] Имеется в виду эпизод из повести Гофмана «Мейстер Иоганнес Вахт». Герой повести плотник Иоганнес Вахт, охваченный горем по поводу недавней гибели жены и сына, находит утешение в творчестве и создает проект оригинального сооружения. — *258.*

[132] *«Человеконенавистничество и раскаяние»* — название драмы немецкого реакционного писателя А. Коцебу. — *259.*

[133] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes». Bamberg und Wurzburg, 1807 (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа». Бамберг и Вюрцбург, 1807). — *259.*

[134] Имеется в виду герой автобиографического романа писателя Юнг-Штиллинга «Юношеские годы Генриха Штиллинга» (1778), представляющего собой образец ханжеской пиетистской литературы. — *261.*

[135] *«Союз рощи»* — кружок молодых поэтов (И. Фосс, Г. Бюргер, Л. Гёльти и др.), образовавшийся в Гёттингенском университете в 1772 году. Идейным вдохновителем кружка был Клопшток. Кружок примыкал к направлению, которое вскоре получило название «Бури и натиска» («Sturm und Drang») и выражало недовольство немецкого бюргерства существовавшими в Германии порядками. Для представителей гёттингенского кружка характерна лирика, в которой мотивы протеста переплетаются с сентиментальным воспеванием простого образа жизни немецких бюргеров и их мещанских добродетелей. — *264.*

[136] *Лорелея* — героиня народной легенды, широко использованной немецкими поэтами; символ губительной, равнодушной красоты. Лучшее художественное воплощение этого образа дано в стихотворении Г. Гейне того же названия. — *265.*

[137] Goethe. «Die Wahlverwandtschaften». — *265.*

[138] D. F. Straus. «Das Leben Jesu». Bd. 1—2, Tubingen, 1835—1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса». Тт. 1—2, Тюбинген, 1835—1836).— *267.*

[139] G. Kinkel. «Handwerk, errette Dich! oder Was soll der deutsche Handwerker fordern und thun, um seinen Stand zu bessern?» Bonn, 1848 (Г. Кинкель. «Спасайся, ремесло! или Что немецкие ремесленники

должны требовать и делать, чтобы улучшить положение своего сословия?» Бонн, 1848). — *269.*

[140] *«Винкельблехиадами»* (по имени немецкого экономиста К. Г. Винкельблеха, выступавшего с реакционной теорией восстановления цехового строя) здесь иронически называются собиравшиеся в ряде немецких городов в 1848 г. съезды ремесленников, на которых выдвигались реакционно-утопические программы восстановления цехов. 15 июля 1848 г. во Франкфурте-на-Майне собрался общегерманский конгресс ремесленников для выработки общей программы. Вследствие нежелания мастеров допустить подмастерьев к участию в конгрессе на равных основаниях, последние организовали собственный конгресс и привлекли к участию в нем рабочих из различных городов Южной Германии. Программа этого конгресса была, однако, также составлена в духе реакционного учения Винкельблеха, принимавшего личное участие в обоих конгрессах. — *270.*

[141] *Вторая палата* прусского парламента была созвана 5 февраля 1849 г. на основе конституции, октроированной (дарованной) Фридрихом-Вильгельмом IV 5 декабря 1848 г. в результате контрреволюционного переворота в Пруссии. Несмотря на то, что выборы в палату происходили на основе крайне урезанного избирательного закона, в палате образовалось сильное оппозиционное левое крыло. Уже 28 апреля вторая палата была распущена правительством. — *272.*

[142] Пфальц не имеет морских границ. — *273.*

[143] При Раштатте 29—30 июня 1849 г. состоялось последнее сражение революционной баденской армии с прусскими войсками. Остатки баденской армии, осажденные в крепости Раштатт, капитулировали 23 июля. — *274.*

[144] Речь Кинкеля, произнесенная им 4 апреля 1849 г. перед военным судом в Раштатте, была помещена в берлинской буржуазно-демократической газете «Abend-Post» («Вечерняя почта») 6—7 апреля 1850 года. Маркс и Энгельс подвергли резкой критике эту речь Кинкеля в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomiscne Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») (см. настоящее издание, том 7, стр. 315—317). — *275.*

[145] Goethe. «Leiden des jungen Werthers». — *278.*

[146] Имеется в виду освобождение из плена английского короля Ричарда Львиное сердце, попавшего в плен к австрийскому герцогу Леопольду I при возвращении из третьего крестового похода (1190—1192). Легенда связывает освобождение короля с именем французского трубадура Блонделя, бывшего, по преданию, придворным поэтом Ричарда Львиное сердце. — *278.*

[147] *«Household Words»* («Знакомые слова») — еженедельный английский литературный журнал; в 1850—1859 гг. издавался в Лондоне Чарлзом Диккенсом.

«Illustrated News» — сокращенное название английского еженедельного иллюстрированного журнала «Illustrated London News» («Иллюстрированные лондонские новости»), выходит с 1842 года. — *279.*

[148] *Хрустальный дворец* — здание, сооруженное из металла и стекла для первой всемирной торгово-промышленной выставки в Лондоне в 1851 году. — *280.*

[149] *«Der Kosmos»* («Космос») — еженедельный орган немецких мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в Англии; издавался в 1851 г. в Лондоне Эрнстом Хаугом; в еженедельнике принимали участие Кинкель, Руге, Ронге, Оппенхейм, Таузенау. Вышло всего 6 номеров. — *280.*

[150] В мае 1852 г. во Франции, в соответствии с конституцией, должны были состояться перевыборы президента республики. В кругах мелкобуржуазной демократии, в частности в эмигрантских кругах, с этой датой связывали надежды на приход демократических партий к власти. — *280.*

[151] Имеется в виду кампания в защиту имперской конституции, которая была принята франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 года. Конституция была отвергнута большинством немецких правительств. В мае — июне вспыхнули восстания в Бадене и Пфальце с целью поддержки конституции. Однако франкфуртское Национальное собрание не оказало восставшим никакой поддержки. Характеристика кампании за имперскую конституцию дана в работах Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящее издание, том 7, стр. 111—207) и «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящий том, стр. 89—102). — *281.*

[152] Попытки создать Центральное бюро всей немецкой эмиграции были направлены против руководимого в этот период Марксом и Энгельсом Социал-демократического эмигрантского комитета (см. примечание 118) и имели целью помешать формированию самостоятельной организации пролетариата. — *282.*

[153] D. Diderot. «Le neveu de Rameau». In: «Oeuvres inédites de Diderot». Paris, 1821 (Д. Дидро. «Племянник Рамо». В книге: «Неизданные произведения Дидро». Париж, 1821). — *282.*

[154] *«Клуб решительного прогресса»,* основанный 5 июня 1849 г. в Карлсруэ, объединял более радикальное крыло мелкобуржуазных демократов-республиканцев (Струве, Чирнер, Гейнцен и др.), недовольных капитулянтской политикой правительства Брентано и усилением в нем правых элементов. Клуб предложил Брентано распространить революцию за пределы Бадена и Пфальца и пополнить состав правительства радикальными элементами. Получив отрицательный ответ, члены клуба 6 июня попытались воздействовать на правительство угрозой вооруженной демонстрации. Однако правительство заставило их капитулировать, воспользовавшись поддержкой гражданского ополчения и других вооруженных частей. «Клуб решительного прогресса» был закрыт. — *288.*

[155] См. примечание 6. — *283.*

[156] См. примечание 16. — *284.*

[157] Обычными четырьмя факультетами в немецких университетах были богословский, юридический, медицинский и философский. — *284.*

[158] *«Deutscher Zuschauer»* («Немецкий зритель») — немецкая еженедельная газета радикального направления, издавалась мелкобуржуазным демократом Струве с декабря 1846 по апрель 1848 г. в Мангейме и с июля по сентябрь 1848 г. в Базеле. В Мангейме с июля по декабрь 1848 г. под этим же названием мелкобуржуазным демократом Ф. Мёрдесом продолжала издаваться газета, которая имела подзаголовок «Neue Folge» («Новое продолжение») и новую нумерацию. — *284.*

[159] Имеются в виду книги: К. Rotteck. «Allgemeine Weltgeschichte fur alle Stande, von den fruhesten Zeiten bis zum Jahre 1831». Bd. 1—4, Stuttgart, 1831—1833 (К. Роттек. «Всеобщая история для всех сословий, с древнейших времен до 1831 года». Тт. 1—4, Штутгарт, 1831— 1833) и К. Rotteck und К. Welcker. «Das Staats-Lexikon. Encyclopadie der sammtlichen Staatswissenschaften fur alle Stande». Bd. 1—12, Altona, 1845—1848 (К. Роттек и К. Велькер. «Политический словарь. Общая энциклопедия политических наук для всех сословий». Тт. 1—12, Альтона, 1845—1848). — *284.*

[160] G. Struve. «Grundzuge der Staatswissenschaft». Bd. 1—4. Первые два тома книги вышли в 1847 г. в Мангейме, тома 3—4 — в 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. — *284.*

[161] Речь идет о книге: G. Struve. «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden». Bern, 1849 (Г. Струве. «История трех народных восстаний в Бадене». Берн, 1849). — *284.*

[162] Имеется в виду *«Republikanisches Regierungs-Blatt»* («Республиканская правительственная газета»), орган мелкобуржуазных демократов; издавался Г. Струве и К. Блиндом в Лёррахе во время второго баденского восстания в сентябре 1848 года. В виде подзаголовка к газете был напечатан лозунг: «Deutsche Republik! Wohlstand, Bildung, Freiheit fur Alle!» («Немецкая республика! Благосостояние, просвещение, свобода для всех!»). — *285.*

[163] Речь идет о вышедшей анонимно книге А. Гёгга «Ruckblick auf die Badische Revolution unter Hinweisung auf die gegenwartige Lage Teutschlands. Von einein Mitgliede der Badischen constituirenden Versammlung». Paris, 1850 («Ретроспективный взгляд на баденскую революцию в связи с современным положением в Германии. Написано членом баденского Учредительного собрания». Париж, 1850). — *285.*

[164] *«Deutsche Londoner Zeitung»* («Немецкая лондонская газета») — еженедельная газета немецких эмигрантов в Лондоне, выходила с апреля 1845 по февраль 1851 г. при материальной поддержке отрешенного от престола герцога Карла Брауншвейгского. Редактором был мелкобуржуазный демократ Луи Бамбергер. В 1849—1850 гг. газета главным образом публиковала статьи К. Гейнцена, Г. Струве и других мелкобуржуазных демократов; наряду с этим на ее страницах были перепечатаны «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (в марте 1848 г.), первая глава «Классовой борьбы во Франции» К. Маркса (в апреле 1850 г.), часть «Третьего международного обзора» К. Маркса и Ф. Энгельса (в феврале 1851 г.) и ряд заявлений, подписанных Марксом и Энгельсом. — *286.*

[165] Имеется в виду оппозиционное движение немецкой интеллигенции после освобождения Германии от наполеоновского ига. Многие члены студенческих гимнастических обществ, возникших еще в период освободительной войны, после Венского конгресса (см. примечание 8) выступали против реакционного строя в немецких государствах, организовывали политические манифестации, на которых выдвигались требования объединения Германии. Убийство в 1819 г. студентом Зандом сторонника Священного союза и царского агента Коцебу послужило предлогом для репрессий против «демагогов», как были названы участники этого оппозиционного движения в постановлениях Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 года. — *287*.

[166] G. W. F. Hegel. «Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Heidelberg, 1817 (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке». Гейдельберг, 1817). — *287*.

[167] *«Hallische Jahrbucher»* и *«Deutsche Jahrbucher»* — сокращенные названия литературно-философского журнала младогегельянцев, издававшегося в виде ежедневных листков в Лейпциге с января 1838 по июнь 1841 г. под названием «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenscnaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства») и с июля 1841 по январь 1843 г. под названием «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). До июня 1841 г. журнал редактировался А. Руге и Т. Эхтермейером в Галле, а с июля 1841 г. — А. Руге в Дрездене. В январе 1843 г. журнал «Deutsche Jahrbucher» был закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — *287.*

[168] *«Berlinische Monatsschrift»* («Берлинский ежемесячник») — орган немецких просветителей; выходил в 1783—1811 годах. Журнал несколько раз менял название, в 1799—1811 гг. издавался при участии Ф. Николаи. — *287.*

[169] Имеются в виду книги: G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Aesthetik», Bd. I—III; Werke, Bd. X, Abt. 1—3, Berlin, 1835, 1837—1838 (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по эстетике», тт. I—III; Сочинения, т. X, ч. 1—3, Берлин, 1835, 1837—1838) и H. Heine. «Die romantische Schule». Hamburg, 1836 (Г. Гейне. «Романтическая школа», Гамбург, 1836).— *288.*

[170] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes». Bamberg und Wurzburg, 1807 (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа». Бамберг и Вюрцбург, 1807). — *290.*

[171] Имеется в виду сатирическая поэма Г. Гейне «Атта Троль», в которой в образе ученого медведя Атты Троля высмеивается немецкий филистер. — *290.*

[172] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической

экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 382—413, 414—429. 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *291.*

[173] *Пале-Рояль* — дворец в Париже, принадлежавший фамилии Орлеанов. В 30—40-е годы XIX в. на территории дворца были расположены зрелищные и увеселительные заведения; сады и галереи Пале-Рояля служили местом прогулок. — *291.*

[174] Имеется в виду *Сосисар* — персонаж фривольного романа Поль де Кока «Поклонник луны»; тип пройдохи и пьяницы. — *291.*

[175] О *«Друзьях света»* см. примечание 16. — *292.*

[176] M. Stirner. «Der Einzige und sein Eigenthum». Leipzig, 1845 (М. Штирнер. «Единственный и его собственность». Лейпциг, 1845). — *292.*

[177] Выражение, заимствованное из составленного Руге «Избирательного манифеста радикальной партии реформ в Германии» (апрель 1848 г.). в котором главной задачей общегерманского Национального собрания провозглашалось «редактирование разума событий». — *292.*

[178] *«Die Reform. Organ der demokratischen Partei»* («Реформа. Орган демократической партии») — немецкая газета, орган мелкобуржуазных демократов; издавалась А. Руге и Г. Б. Оппенхеймом под редакцией Э. Мейена с апреля 1848 г. в Лейпциге и Берлине; с лета 1848 г. до начала 50-х годов выходила в Берлине. — *293.*

[179] *«La Reforme»* («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей, —- *293.*

[180] Имеется в виду второй демократический конгресс, происходивший в Берлине с 26 по 30 октября 1848 года. На конгрессе были представлены делегаты 260 демократических и рабочих организаций различных городов Германии. Однако разнородный состав делегатов вызвал раздоры и разногласия по важнейшим вопросам. Вместо принятия действенных мер для мобилизации масс на борьбу с контрреволюцией конгресс ограничился выработкой бесплодных, противоречивых резолюций. Так, в своем воззвании в защиту Вены, принятом 29 октября по предложению Руге, конгресс требовал от монархических немецких правительств оказания помощи революционной Вене. Маркс подверг это воззвание резкой критике на страницах «Neue Rheinische Zeitung» (см. настоящее издание, том 5, стр. 480—483). — *294.*

[181] *«Neue Preusische Zeitung»* («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»), так как в ее заголовке изображен крест. — *294.*

[182] О тактике пассивного сопротивления см. настоящий том, стр. 78— 82, — *294.*

[183] *«Karlsruher Zeitung»* («Газета Карлсруэ») — ежедневная немецкая газета, выходила с 1757 г., официальный орган правительства Бадена, в частности правительства Брентано в 1849 году. — *294.*

[184] Имеются в виду статьи Руге, опубликованные без подписи под названием «Немецкая демократическая партия» в английской еженедельной либеральной газете «The Leader» («Лидер») 21 и 28 декабря 1850 года. — *295.*

[185] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, выходит в Лондоне с 1794 года; в 50-х годах XIX в. орган радикальной буржуазии. — *295.*

[186] *Арнольд Винкельрид* — полулегендарный швейцарский воин, участник освободительной войны против австрийского гнета; согласно преданию, во время сражения швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III при Земпахе (кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. ценой самопожертвования решил исход битвы в пользу швейцарцев. — *295.*

[187] Маркс и Энгельс называют Гейнцена именем одного из героев поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» — Родомонта, отличавшегося своими хвастливыми россказнями. — *297.*

[188] Имеется в виду распространенный в Германии в конце XVIII и начале XIX в. морализирующий и сентиментальный роман немецкого писателя И. Т. Хермеса «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию».—*297.*

[189] *Ариман* — греческое наименование древнеперсидского бога Анхра-Майнью, олицетворяющего злое начало в мире. Анхра-Майнью находится в вечной и непримиримой вражде с Ахурамаздой (по-гречески — Ормузд), олицетворением доброго начала. — *299.*

[190] Из сказки братьев Гримм «Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка». По приказу хозяина дубинка выскакивала из мешка и избивала его врагов. — *299.*

[191] *Биллингсгет* — рыбный рынок в Лондоне, пользовавшийся дурной славой из-за грубой брани, которая была в обиходе у его торговцев. — *299.*

[192] Речь идет о комедии Гейнцена «Doktor Nebel, oder: Gelehrsamkeit und Leben». Koln, 1841 («Доктор Небель, или: Ученость и жизнь». Кёльн, 1841).— *300.*

[193] Имеются в виду книги: K. Heinzen. «Die Preusische Bureaukratie». Darmstadt, 1845 (К. Гейнцен. «Прусская бюрократия». Дармштадт, 1845) и J. Venedey. «Preussen und Preussenthum». Mannheim, 1839 (Я. Венедей. «Пруссия и пруссачество». Мангейм, 1839). — *300.*

[194] Французское судопроизводство было введено в завоеванных французами областях Германии в 1811 году. В Рейнской области оно сохранилось и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году; лишь

постепенно французское судопроизводство вытеснялось здесь прусским. — *300.*

[195] Имеется в виду книга: K. Heinzen. «Ein Steckbrief». Schaerbeek, 1845 (К. Гейнцен. «Приказ об аресте». Схарбек, 1845). — *300.*

[196] *«Schnellpost»* — сокращенное название газеты «Deutsche Schnellpost fur Europaische Zustande, offentliches und sociales Leben Deutschlands» («Немецкие экстренные сообщения о положении в Европе, об общественной и социальной жизни Германии»), органа немецких мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в США, выходившего в Нью-Йорке в 1843—1851 гг. два раза в неделю. В 1848 и 1851 гг. редактором газеты был К. Гейнцен, в 1851 г. в состав редакции входил также А. Руге. Газета имела приложение «Wochenblatt der Deutschen Schnellpost» («Еженедельник немецких экстренных сообщений»). — *301.*

[197] *«Mannheimer Abendzeitung»* («Мангеймская вечерняя газета») — ежедневная немецкая газета радикального направления, основана в 1842 г. К. Грюном, который вскоре стал представителем «истинного социализма» (см. примечание 15). Газета прекратила свое существование в конце 1848 года. — *301.*

[198] Имеется в виду изданная в 1848 г. брошюра: K. Heinzen. «Frankreichs «Bruderlicher Bund mit Deutschland»». Rheinfelden (К. Гейнцен. «Французский «Братский союз с Германией»». Рейнфельден). — *301.*

[199] *Альчина*—персонаж из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»; злая волшебница. — *303.*

[200] *Квакеры* (официальное название — «Общество друзей») — христианская протестантская секта, образовавшаяся в Англии во время буржуазной революции XVII в. и получившая широкое распространение также в Северной Америке. Квакеры отвергали официальную церковь с ее обрядностью, проповедовали пацифистские идеи. «Мокрыми» квакерами называли (в отличие от ортодоксальных членов секты — «сухих» квакеров) сторонников возникшего в 20-х годах XIX в. течения, выступавшего за обновление догмы квакерства. — *303.*

[201] *Европейский центральный комитет* (полное название — Центральный комитет европейской демократии) был создан в июне 1850 г. в Лондоне по инициативе Мадзини. Комитет представлял собой организацию, объединявшую буржуазных и мелкобуржуазных эмигрантов из разных стран. Крайне неоднородная как по своему составу, так и по идейным позициям, организация просуществовала недолго; из-за обострившихся отношений между итальянскими и французскими эмигрантами-демократами Центральный комитет европейской демократии уже к марту 1852 г. фактически распался. — *304.*

[202] *«Proscrit»* — сокращенное название ежемесячного органа Центрального комитета европейской демократии «Le Proscrit, journal de la republique universelle» («Изгнанник, журнал всемирной республики»); издавался в Париже в 1850 году. Вышло два номера. В редакцию журнала входили Ледрю-Роллен, Мадзини, Хауг, Э. Араго, Дараш, Делеклюз, Ворцель. С конца октября 1850 г. преобразован в ежене-

дельный журнал «La Voix du Proscrit» («Голос изгнанника»), который выходил в Сент-Амане (Франция) до сентября 1851 года. — *304.*

[203] *«Bremer Tages-Chronik»* («Бременская ежедневная хроника») — немецкая демократическая газета, выходила в 1849—1851 годах; с марта 1850 г. редактором газеты был Р. Дулон. — *304.*

[204] *«Paris vaut bien une messe»* («Париж стоит обедни») — слова Генриха IV, сказанные им в 1593 г. в связи с обещанием парижан признать его королем при условии перехода его из протестантства в католичество. — *305.*

[205] *Великим сражением при Бронцелле* здесь иронически называется незначительная стычка между прусским и австрийским передовыми отрядами 8 ноября 1850 г. во время восстания в Кургессене; Пруссия и Австрия, боровшиеся за гегемонию в Германии, оспаривали друг у друга право вмешательства во внутренние дела Кургессена с целью подавления восстания. В этом конфликте с Австрией, получившей дипломатическую поддержку со стороны России, Пруссии пришлось уступить. — *305.*

[206] *Иобс* — герой популярной в конце XVIII и начале XIX в. сатирической поэмы К. А. Кортума «Иобсиада». — *306.*

[207] Слова и выражения, по поводу которых иронизируют Маркс и Энгельс, заимствованы в перефразированном виде из текста обращения «К немцам» Центрального комитета европейской демократии, опубликованного в журнале «Voix du Proscrit» в ноябре 1850 года. — *306.*

[208] Речь идет о международном конгрессе, созванном буржуазными пацифистами во Франкфурте-на-Майне в августе 1850 года. Видную роль на конгрессе играли американский буржуазный филантроп Элихью Бёррит, лидер английских фритредеров Кобден, французский буржуазный политический деятель и публицист Жирарден, немецкий либерал, бывший глава либерального правительства в Гессен-Дармштадте Яуп; в конгрессе участвовали представители религиозной секты квакеров, а также вождь одного из индейских племен. Произнесенные на конгрессе речи носили ханжеский и лицемерный характер. — *306.*

[209] Имеется в виду книга: H. Harring, «Historisches Fragment uber die Entstehung der Arbeiter-Vereine und ihren Verfall in Communistische Speculationen». London, 1852 (Х. Харринг. «Исторический фрагмент о возникновении рабочих союзов и их впадении в коммунистическую спекуляцию». Лондон, 1852). — *307.*

[210] *Гамбахское празднество* — политическая манифестация 27 мая 1832 г. у замка Гамбах в баварском Пфальце, организованная представителями немецкой либеральной и радикальной буржуазии. Участники празднества выступали с призывами к единству всех немцев против немецких государей во имя борьбы за буржуазные свободы и конституционные преобразования. — *308.*

[211] Имеются в виду *«Deutschland»,* демократический орган, выходивший под редакцией Харро Харринга в Страсбурге с декабря 1831 по март 1832 г., а также следующие книги этого автора: «Die Volker.

Ein dramatisches Gedicht. Ehre. Freiheit. Vaterland». Strasburg, 1832 («Народы. Драматическое стихотворение. Честь. Свобода. Родина». Страсбург, 1832); «Blutstropfen. Deutsche Gedichte». Strasburg, 1832 («Капли крови. Немецкие стихотворения». Страсбург, 1832); «Die Monarchie, oder die Geschichte vom Konig Saul». Strasburg, 1832 («Монархия, или история царя Саула». Страсбург, 1832); «Manner-Stimmen, zu Deutschland's Einheit. Deutsche Gedichte». Strasburg, 1832 («Голоса мужей. К единству Германии, немецкие стихотворения». Страсбург, 1832). — *308.*

212 *Серная банда* — первоначально название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х годах XVIII в., пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами; впоследствии выражение «серная банда» стало нарицательным. — *309.*

213 Речь идет о походе революционеров-эмигрантов, организованном буржуазным демократом Мадзини в 1834 году. Отряд повстанцев, состоявший из эмигрантов различных национальностей, под командованием Раморино вторгся из Швейцарии в Савойю, но был разбит пьемонтскими войсками. — *309.*

214 *«Молодая Европа»* — международное объединение революционных организаций политических эмигрантов, основанное по инициативе Мадзини в 1834 г. в Швейцарии и просуществовавшее до 1836 года. В состав «Молодой Европы» входили национальные организации: «Молодая Италия», «Молодая Польша», «Молодая Германия» и другие. Объединение ставило себе целью установление республиканского строя в европейских государствах. — *310.*

215 В июне 1844 г. братья Бандьера, члены тайной заговорщической организации, предприняли во главе небольшого отряда итальянских патриотов высадку на побережье Калабрии. Целью повстанцев было поднять в Италии восстание против неаполитанских Бурбонов и австрийского господства. В результате предательства одного из членов отряда власти захватили участников экспедиции в плен, братья Бандьера были расстреляны. — *311.*

216 Имеются в виду сторонники немецкой Аугустенборгской династии, которая оспаривала у датских королей право на владение Шлезвиг-Гольштейном. — *312.*

217 Имеется в виду совещание России, Австрии и Пруссии, созванное по инициативе России в Варшаве в октябре 1850 г. с целью оказать давление на Пруссию и заставить ее отказаться от планов объединения Германии под своей эгидой. — *316.*

218 *«La Patrie»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 г., в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка, являясь органом их избирательного блока; в дальнейшем бонапартистская газета. — *316.*

219 *«L'lndependance belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — *316.*

220 Из выступления Ганземана на заседании Соединенного ландтага в Берлине 8 июня 1847 года. — *316.*

[221] Имеется в виду образованная после февральской революции 1848 г. во Франции Правительственная комиссия по рабочему вопросу, заседавшая в Люксембургском дворце в Париже. Эта так называемая Люксембургская комиссия была создана буржуазией с целью отвлечь рабочие массы от революционных выступлений, она не имела финансовых средств и не обладала какой-либо властью. Практическая деятельность комиссии, возглавленной Луи Бланом, свелась к посредничеству между рабочими и предпринимателями. После выступления народных масс 15 мая 1848 г. (см. примечание 30) правительство ликвидировало комиссию. — *317.*

[222] Тост Бланки, который организаторы митинга 24 февраля 1851 г. (так называемого «банкета равных») пытались скрыть от общественного мнения, был опубликован в ряде французских газет. Маркс и Энгельс перевели этот тост на немецкий и английский языки, снабдив его предисловием (см. настоящее издание, том 7, стр. 569—570). Немецкий перевод был напечатан большим тиражом и распространялся в Германии и Англии. — *317.*

[223] Маркс и Энгельс называют Кинкеля именем библейского пророка Иеремии. «Плач Иеремии» по поводу разрушения Иерусалима вошел в литературу как пример горьких сетований и жалоб (отсюда выражение — иеремиада). — *319.*

[224] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *320.*

[225] Имеется в виду государственный переворот Луи Бонапарта во Франции 2 декабря 1851 года. — *320.*

[226] *Апокалипсис* — одно из произведений раннехристианской литературы, входящее в Новый завет. Авторство книги приписывается апостолу Иоанну. Мистические пророчества о «конце света» и «новом пришествии Христа», содержащиеся в Апокалипсисе, часто использовались в еретических народных движениях средневековья. Впоследствии пророчества Апокалипсиса использовались церковниками для запугивания народных масс. — *321.*

[227] См. примечание 93. — *321.*

[228] См. примечание 33. — *322.*

[229] *«New-Yorker Staatszeitung»* («Нью-йоркская государственная газета») — ежедневная немецкая демократическая газета, выходившая с 1834 года; впоследствии один из органов демократической партии США. — *325.*

[230] Маркс и Энгельс называют Шертнера именем *Силена* — согласно греческой мифологии, спутника бога вина и виноделия Диониса. — *329.*

[231] Goethe. «Anmerkungen uber Personen und Gegenstande, deren in dem Dialog: «Rameau's Neffe» erwahnt wird» (Гёте. «Замечания о лицах и предметах, упоминаемых в диалоге: «Племянник Рамо»»). — *329.*

[232] *Пистоль* — персонаж ряда произведений Шекспира («Веселые виндзорские кумушки», «Король Генрих IV», «Жизнь короля Генриха V»); бахвал и лгун. — *330.*

[233] См. примечание 90. — *332.*

[234] *Предпарламент* — собрание общественных деятелей немецких государств, которое происходило во Франкфурте-на-Майне с 31 марта по 4 апреля 1848 года. Подавляющее большинство делегатов Предпарламента принадлежало к конституционно-монархическому направлению. Предпарламент вынес решение о созыве обще германского Национального собрания и разработал проект «Основных прав и требований германского народа» — документ, который провозглашал на словах некоторые буржуазные свободы, но не затрагивал основ полуфеодального абсолютистского строя тогдашней Германии. — *332.*

[235] Маркс и Энгельс называют Гейнцена именем *Януса* — древнеримского божества, которое изображалось с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны; в переносном смысле Янус — двуличный человек. «Янус» («Janus») называлась также газета, издававшаяся Гейнценом в 1851—1852 гг. в Соединенных Штатах Америки, в которой он выступал с нападками на Маркса. — *333.*

[236] *Святой Граль* — согласно средневековой легенде, драгоценная чаша, обладающая чудодейственной силой. — *335.*

[237] Намек на древнегреческую комическую поэму неизвестного автора «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия»), представляющую собой пародию на эпос Гомера. — *335.*

[238] Речь идет о взглядах Виллизена, изложенных им в книге: «Theorie des grosen Krieges angewendet auf den russisch-polnischen Feldzug von 1831». In zwei Theilen. Berlin, 1840 («Теория большой войны в применении к русско-польской кампании 1831 года». В двух частях. Берлин, 1840). Виллизен в построении своей теории исходил не из фактического материала истории военного искусства, а из отвлеченных философских положений. — *337.*

[239] Имеется в виду отряд, организованный Виллихом из немецких эмигрантов — рабочих и ремесленников в Безансоне (Франция) в ноябре 1848 года. Члены отряда получали пособие от французского правительства, но в начале 1849 г. выплата пособия была прекращена. Впоследствии отряд вошел в состав так называемого корпуса Виллиха, принимавшего участие в баденско-пфальцском восстании в мае — июне 1849 года. — *338.*

[240] Имеется в виду 34-я песнь поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». Поэма Ариосто была написана как продолжение поэмы Боярдо «Влюбленный Роланд». — *339.*

[241] Выражение Катона Старшего, приведенное в книге Цицерона «De divinatione» («О прорицании»); гаруспики — в древнем Риме прорицатели, гадавшие по внутренностям жертвенных животных. — *342.*

[242] Имеется в виду «Битва гуннов» — известная картина немецкого художника Каульбаха. На картине изображена битва духов павших воинов, происходящая в воздухе над полем сражения. — *346.*

[243] *Парцифаль* — герой ряда средневековых поэм; рыцарь, отправившийся на поиски святого Грапя (см. примечание 236); совершив ряд подвигов, Парцифаль становится хранителем святого Граля. — *351.*

[244] Статьей *«Выборы в Англии. — Тори и виги»* фактически начинается сотрудничество самого Маркса в газете «New-York Daily Tribune» (см. примечание 2). До этого он посылал в газету лишь статьи из серии «Революция и контрреволюция в Германии», написанные Энгельсом. Статья была первоначально написана Марксом как одно целое со статьей «Чартисты» на немецком языке и отослана им 2 августа 1852 г. в Манчестер Энгельсу для перевода на английский язык. Энгельс, как правило, переводил и последующие статьи Маркса до конца января 1853 г., когда Маркс уже настолько овладел литературным английским языком, что сам стал писать свои корреспонденции по-английски. При переводе Энгельс иногда делил большую статью на две, которые затем отсылались Марксом в газету как самостоятельные статьи. Так, в данном случае Энгельс разделил присланную Марксом статью на две: «Выборы в Англии. — Тори и виги» и «Чартисты».

В октябре 1852 г. упомянутые статьи, а также статьи «Избирательная коррупция» и «Результаты выборов» были перепечатаны в ряде номеров газеты «The People's Paper» («Народная газета») под заглавием «Общие выборы в Великобритании». В варианте статьи «Чартисты», напечатанном в «People's Paper», были опущены некоторые материалы, заимствованные Марксом из этой же газеты.

«The People's Paper» («Народная газета») — еженедельная чартистская газета, основанная в мае 1852 г. в Лондоне одним из вождей левого крыла чартистов, другом Маркса и Энгельса Э. Джонсом. С октября 1852 по май 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо перепечатки важнейших статей Маркса из «New-York Daily Tribune» газета публиковала ряд специально написанных для нее статей Маркса и Энгельса. В этот период газета последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному разрыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *353.*

[245] *Манчестерская школа* — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры являлись особой политической группировкой, впоследствии составившей левое крыло либеральной партии. — *353.*

[246] *Высокая церковь* — направление в англиканской церкви, имевшее приверженцев преимущественно среди аристократии; сохраняло старинные пышные обряды, подчеркивая преемственную связь с католицизмом. В противовес высокой церкви, другое направление англиканской

церкви — низкая церковь, — получившее распространение главным образом среди буржуазии и низшего духовенства, делало упор на проповедь буржуазно-христианской морали. — *353.*

[247] Билль об отмене хлебных законов был принят в июне 1846 года. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Принятие билля 1846 г. означало победу промышленной буржуазии, боровшейся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли. — *353.*

[248] *Виги* — название партии в США, представлявшей, главным образом, интересы промышленной и финансовой буржуазии, к которой примыкала также часть плантаторов. Партия вигов существовала с 1834 по 1852 г., когда обострение борьбы по вопросу о рабстве вызвало раскол и перегруппировку в политических партиях страны. Большинство вигов вместе с частью демократической партии и фермерской партией (фрисойлеры) образовали в 1854 г. республиканскую партию, выступавшую против рабства. Остальная часть вигов примкнула к демократической партии, защищавшей интересы плантаторов-рабовладельцев. — *355.*

[249] G. W. Cooke. «The History of Party; from the Rise of the Whig and Tory Factions, in the Reign of Charles II, to the Passing of the Reform Bill». Vol. 1—3, London, 1836—1837 (Дж. У. Кук. «История партий от возникновения фракций вигов и тори в период правления Карла II до принятия билля о реформе». Тт. 1—3, Лондон, 1836—1837). — *355.*

[250] Намек на ироническое прозвище «Джон Предельная точка», данное радикалами лидеру партии вигов Джону Расселу после его выступления в 1837 г., в котором он охарактеризовал парламентскую реформу 1832 г. как предел конституционного развития Англии. — *356.*

[251] Название «славной революции» в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., после которого в Англии упрочилась конституционная монархия, основанная на компромиссе между земельной аристократией и финансовой буржуазией. — *356.*

[252] Речь идет о реформе избирательного права, принятой английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержденной палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *357.*

[253] *Канцлерский суд,* или суд справедливости, — один из высших судов Англии, после судебной реформы 1873 г. отделение Высокого суда. В компетенцию этого суда, возглавлявшегося лордом-канцлером, входили дела, касающиеся наследства, договорных обязательств, акционерных обществ и т. д. Компетенция этого суда в ряде случаев переплеталась с компетенцией других высших судов; в противовес принятому

в других судах английскому общему праву, судопроизводство в канцлерском суде велось на основе так называемого «права справедливости». — *360.*

[254] *Фригольдеры* — одна из категорий мелких землевладельцев в Англии, которая вела свое начало от средневековых «свободных держателей». — *362.*

[255] Имеется в виду билль об избирательной реформе, о внесении которого Рассел сделал предварительное заявление в феврале 1852 года; билль, однако, так и не был поставлен на обсуждение парламента. Анализ содержания билля дан Энгельсом в статьях об Англии (см. настоящий том, стр. 227—230). — *364.*

[256] Речь идет о субсидиях, предоставленных английским парламентом в 1846 г. на постройку нового здания для католического колледжа в Мейнуте (Ирландия), и ассигнованиях на его содержание. Эти мероприятия имели целью привлечь на сторону английских господствующих классов ирландское католическое духовенство и ослабить таким образом национально-освободительное движение в Ирландии.

Диссентеры — представители религиозных сект и течений, отступающих в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви. — *367.*

[257] *Тридцать девять статей* — символ веры англиканской церкви, принятый английским парламентом в 1571 году. — *369.*

[258] См. примечание 244. — *370.*

[259] Имеется в виду ирландский погром 29—30 июня 1852 г. в городе Сток-порте (графство Чешир, Англия), учиненный фанатичной толпой англичан-протестантов при попустительстве местных властей и полиции. Дома ирландцев-католиков, составлявших около трети населения города, подверглись разгрому, среди ирландцев имелись убитые и насчитывались десятки раненых; в то же время полиция взяла под стражу более ста ни в чем неповинных ирландцев якобы за участие в беспорядках. События в Стокпорте вызвали новое обострение англоирландской национальной розни. — *371.*

[260] Согласно греческой мифологии, куреты охраняли на острове Крите младенца Зевса (верховный бог неба; в древнеримской мифологии ему соответствует Юпитер), спрятанного его матерью, богиней Реей, от отца — титана Кроноса, который пожирал своих детей из опасения, что потомство лишит его власти. Ударами мечей о щиты куреты заглушали крик новорожденного Зевса. — *374.*

[261] В соответствии с процедурой, принятой в английском парламенте, палата общин при обсуждении некоторых важнейших вопросов объявляет себя в полном составе заседающей в качестве комитета (Committee of the whole House); обязанности председательствующего (Chairman of the Committees) на таких заседаниях исполняет одно из лиц, состоящих в списке председателей, которое специально назначается спикером палаты общин для проведения данного заседания. — *378.*

[262] *Навигационными актами* назывались покровительственные законы, принятые английским парламентом в течение второй половины XVII в., начиная с 1651 г., и направленные на поддержку английского судоходства; эти акты были отменены в 1849 году. — *378.*

[263] *Централизация* — созданный в 1836 г. руководящий исполнительный орган польского Демократического общества. Демократическое общество возникло в 1832 г. во Франции как организация левого, шляхетско-буржуазного крыла польской эмиграции. Программа Общества предусматривала отмену феодальных повинностей и сословного неравенства, передачу крестьянам земельных наделов без выкупа и ряд других прогрессивных мер. Демократическое общество приняло активное участие в подготовке краковского восстания 1846 г., предпринятого с целью национального освобождения Польши. С лета 1849 г. после запрещения польского Демократического общества во Франции местопребыванием Централизации стал Лондон, однако большинство членов Общества по-прежнему оставалось во Франции. 50-е годы были временем идейного разброда в Демократическом обществе. В 1862 г. в связи с созданием в Польше Центрального национального комитета по подготовке восстания Демократическое общество приняло решение о своем роспуске. — *383.*

[264] *Закон о бедных,* принятый в 1834 г., допускал только одну форму помощи бедным — помещение в работные дома с тюремно-каторжным режимом, прозванные народом «бастилиями для бедных». — *386.*

[265] Маркс приводит цитату из «Times» от 22 сентября 1852 года. — *389.*

[266] Имеются в виду книги Т. Тука: «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I—II, London, 1838 («История цен и состояние обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I—II, Лондон, 1838), «A History of Prices, and of the State of the Circulation, in 1838 and 1839». London, 1840 («История цен и состояние обращения в 1838 и 1839 годах». Лондон, 1840) и «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1839 to 1847 inclusive». London, 1848 («История цен и состояние обращения с 1839 по 1847 г. включительно». Лондон, 1848). — *391.*

[267] *«Lloyd's Weekly London Newspaper»* («Лондонский еженедельник Ллойда») — английская газета либерального направления, выходила под данным названием в 1843—1918 годах. — *393.*

[268] *«The Hull Advertiser»* («Гулльский уведомитель») — английская газета, орган буржуазных радикалов; выходила в 1799—1867 годах. — *393.*

[269] См. примечание 104. — *394.*

[270] *Суд королевской скамьи* — один из высших судов Англии, после реформы 1873 г. отделение Высокого суда. Суд королевской скамьи рассматривал уголовные и гражданские дела и обладал правом пересмотра решений ряда нижестоящих судов. — *394.*

[271] Имеется в виду *суд по гражданским делам* — один из высших судов Англии, в котором судопроизводство велось на основе английского общего права (после реформы 1873 г. отделение Высокого суда). В ком-

петенцию суда по гражданским делам наряду с другими вопросами входило также рассмотрение апелляций на решения, принятые ревизорами-юристами относительно списков избирателей. Согласно английскому общему праву, предметом разбирательства в апелляционном суде могли быть только вопросы права, т. е. вопросы, касающиеся нарушения правовых и процессуальных норм; вопросы факта, т. е. вопросы, касающиеся фактических обстоятельств дела, являлись, согласно общему праву, предметом рассмотрения присяжных. — *395.*

[272] *«The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах. — *401.*

[273] *«The Guardian»* («Страж») — английская еженедельная газета, орган англиканской церкви; основана в Лондоне в 1846 году. — *401.*

[274] *Пять портов* (Cinque ports) — ассоциация приморских городов Юго-Восточной Англии, сложившаяся в средние века; название ассоциации происходит от числа первоначально входивших в нее портов. Ассоциации были предоставлены привилегии в области морской торговли и рыболовства, в то же время она была обязана поставлять королю военные суда и снаряжение. Должность губернатора пяти портов, обладавшего в средние века широкими административными и судебными полномочиями, с созданием постоянного королевского флота постепенно превратилась в одну из высших синекур английской монархии. — *402.*

[275] *«The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. — *402.*

[276] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды их правления — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. — *403.*

[277] *Нестор* — согласно греческой мифологии, старейший и мудрейший из греческих героев, участвовавших в Троянской войне; в литературную традицию вошел как тип умудренного житейским опытом старца. — *404.*

[278] Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *405.*

[279] См. примечание 107. — *407.*

[280] Имеется в виду Исполнительный комитет Национальной чартистской ассоциации, основанной в июле 1840 года. Эта Ассоциация была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъема чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказались отсутствие идейного и тактического единства среди ее членов и мелкобуржуазная идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартизма в 1848 г. Ассоциация пришла в упадок и в 50-х годах прекратила свою деятельность. — *408.*

[281] См. примечание 85. — *413.*

[282] См. примечание 117. — *413.*

[283] Статья *«Недавний процесс в Кёльне»* была написана для «New-York Daily Tribune» Энгельсом по просьбе Маркса. Впоследствии она была включена в подготовленное Элеонорой Маркс-Эвелинг и вышедшее отдельной книгой в 1896 г. издание серии статей «Революция и контрреволюция в Германии» вместо последней, обещанной Энгельсом, но не появившейся в газете статьи этой серии. — *416.*

[284] Имеется в виду *Союз коммунистов* — первая международная коммунистическая организация пролетариата. Созданию Союза коммунистов предшествовала большая работа Маркса и Энгельса, направленная на идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран. С этой целью в начале 1846 г. ими был организован в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет. Маркс и Энгельс отстаивали идеи научного коммунизма в упорной борьбе против грубо-уравнительного коммунизма Вейтлинга, «истинного социализма» и мелкобуржуазных утопий Прудона, которые оказывали влияние, в частности, на членов Союза справедливых — заговорщической организации рабочих и ремесленников, имевшей свои общины в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. Лондонское руководство Союза справедливых, убедившись в правильности взглядов Маркса и Энгельса, предложило им в конце января 1847 г. вступить в Союз, принять участие в его реорганизации, а также разработать программу Союза, основанную на провозглашенных ими принципах. Маркс и Энгельс дали на это свое согласие.

В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых, вошедший в историю как первый конгресс Союза коммунистов. В работе конгресса приняли участие Энгельс и В. Вольф. На конгрессе организация была переименована в Союз коммунистов, прежний расплывчатый лозунг — «Все люди — братья!» — был заменен боевым интернационалистским лозунгом пролетарской партии — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конгресс рассмотрел также «Устав Союза коммунистов», в разработке которого принял деятельное участие Энгельс. В новом уставе были четко определены конечные цели коммунистического движения, устранены пункты, придававшие организации заговорщический характер; в основу организации Союза были положены демократические принципы. Окончательно устав был утвержден на втором конгрессе Союза коммунистов (см. настоящее издание, том 4, стр. 524—529). В работе второго конгресса, состоявшегося в Лондоне 29 ноября — 8 декабря 1847 г., приняли участие Маркс и Энгельс. В многодневных прениях они отстаивали принципы научного коммунизма, которые были приняты конгрессом единогласно. По поручению конгресса Марксом и Энгельсом был написан программный документ — «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, том 4, стр. 419—459), опубликованный в феврале 1848 года.

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс. Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Центральный комитет организует возвращение на родину нескольких сотен немецких рабочих, в большинстве членов Союза коммунистов» для участия в начавшейся

германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, том 5, стр. 1—3).

По приезде в Германию в начале апреля 1848 г. Маркс и Энгельс и их сторонники убедились в том, что ввиду отсталости Германии, разобщенности и недостаточной политической сознательности немецких рабочих две-три сотни членов Союза коммунистов, рассеянных по всей стране, не в состоянии оказать заметное воздействие на широкие народные массы. В связи с этим Маркс и Энгельс признали необходимым выступить на крайнем левом, фактически пролетарском, фланге демократического движения. Они вошли в кёльнское Демократическое общество и рекомендовали своим сторонникам вступать в демократические организации, чтобы отстаивать в них позиции революционного пролетариата, критиковать непоследовательность и колебания мелкобуржуазных демократов, толкать их на решительные действия. Вместе с тем Маркс и Энгельс направляли внимание своих сторонников на организацию рабочих обществ, на политическое воспитание пролетариата, на создание предпосылок для образования массовой пролетарской партии. Руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась теперь редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» (см. примечание 34). В конце 1848 г. лондонский ЦК Союза сделал попытку восстановить прерванные связи и направил в качестве эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Лондонским ЦК были внесены изменения в устав 1847 г., ослабляющие принципиальное значение этого документа. Так, вместо свержения буржуазии, установления господства пролетариата и построения бесклассового коммунистического общества целью Союза провозглашалось основание социальной республики. Миссия Молля в Германии зимой 1848—1849 гг. не увенчалась успехом.

В апреле 1849 г. Маркс, Энгельс и их сторонники вышли из Демократического общества. Политический опыт, приобретенный рабочими массами, разочарование их в мелкобуржуазной демократии — все это позволяло теперь практически ставить вопрос о создании самостоятельной пролетарской партии. Но осуществить этот план Марксу и Энгельсу не удалось. Вскоре началось восстание в Юго-Западной Германии, поражение которого явилось концом германской революции.

В ходе революции обнаружилось, что воззрения Союза коммунистов, изложенные в «Манифесте Коммунистической партии», оказались единственно правильными и что Союз был прекрасной школой революционной деятельности: его члены повсюду энергично участвовали в движении, отстаивая в печати, на баррикадах и на полях сражений позиции наиболее революционного класса — пролетариата.

Поражение революции нанесло тяжелый удар Союзу коммунистов. Многие члены Союза находились в тюремном заключении или в эмиграции, были утрачены адреса, нарушены связи, общины повсеместно перестали функционировать. Значительный урон потерпела также организация Союза за пределами Германии.

Осенью 1849 г. большинство руководящих деятелей Союза собралось в Лондоне. Усилия руководимого Марксом и Энгельсом нового, реорганизованного Центрального комитета привели к восстановлению прежней организации и к оживлению деятельности Союза коммунистов весной 1850 года. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммуни-

стов» (см. настоящее издание, том 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848—1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной, независимой от мелкой буржуазии партии пролетариата. В «Обращении» впервые была сформулирована идея непрерывной революции. С марта 1850 г. издается новый орган коммунистической пропаганды «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».

Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха — Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных закономерностей и реальной политической обстановки в Европе. В противовес этому Маркс и Энгельс всемерно подчеркивали в качестве важнейшей задачи Союза коммунистов в обстановке наступления реакции пропаганду научного коммунизма и подготовку кадров пролетарских революционеров для будущих революционных боев. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела к разрыву с этой фракцией в середине сентября 1850 года. На заседании 15 сентября 1850 г. (см. настоящий том, стр. 581—585) по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Общины Союза коммунистов в Германии повсеместно одобрили решение большинства лондонского Центрального комитета. По указанию Маркса и Энгельса новый Центральный комитет в Кёльне составил в декабре 1850 г. новый устав Союза (текст его с пометками Маркса см. настоящее издание, том 7, стр. 565—568). Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала). — *417.*

[285] Согласно приговору, вынесенному судом присяжных в Кёльне 12 ноября 1852 г., обвиняемые члены Союза коммунистов Г. Бюргерс, П. Нотъюнг и П. Рёзер были приговорены к шести годам, Г. Беккер, К. Отто, В. Рейф к пяти и Ф. Лесснер к трем годам заключения в крепости. Четверо подсудимых — Р. Даниельс, И. Клейн, И. Эрхардт и А. Якоби — были признаны судом невиновными и оправданы. Р. Даниельс через несколько лет после своего освобождения умер от туберкулеза, которым он заболел в тюрьме. Обвиняемый по делу кёльнских коммунистов Ф. Фрейлиграт избежал ареста и суда, эмигрировав в Лондон. — *422.*

[286] Работа *«Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»* представляет собой боевой памфлет, в котором Маркс заклеймил подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против коммунистического движения. Маркс приступил к написанию работы в конце октября 1852 г., когда в Кёльне еще продолжался судебный процесс против Союза коммунистов. Несмотря на крайне тяжелые условия — Маркс и его семья были на грани полной нищеты, — Марксу удалось в начале декабря завершить написание работы. 6 декабря рукопись была отослана в Швейцарию издателю Шабелицу-младшему. Другой

экземпляр рукописи был на следующий день отправлен для напечатания в Америку члену Союза коммунистов А. Клуссу. В Швейцарии памфлет был напечатан в Базеле в январе 1853 г., но почти весь его тираж (2 000 экземпляров) был в марте конфискован полицией в баденской пограничной деревушке Вейль. В Америке работа первоначально печаталась по частям в демократической бостонской газете «Neu-England-Zeitung» («Газета Новой Англии»), а в конце апреля 1853 г. была опубликована в издательстве этой газеты отдельной брошюрой. Не удалось распространить в Германии и бостонское издание памфлета. Книга получила распространение в Германии только после ее переиздания там в 1875 году. В отличие от изданий 1853 г., вышедших анонимно, в этом издании было указано имя автора. К этому изданию Марксом было написано специальное послесловие; в качестве дополнения к книге было воспроизведено без названия четвертое приложение («Кёльнский процесс коммунистов») к памфлету Маркса «Господин Фогт», написанному в 1860 году. В 1885 г. книга вышла третьим изданием под редакцией и с вступительной статьей Энгельса «К истории Союза коммунистов». По сравнению с предыдущим изданием Энгельс дополнил книгу обращениями Центрального комитета к Союзу коммунистов, написанными в марте и в июне 1850 года (см. настоящее издание, том 7, стр. 257—267, 322—328). Первый русский перевод работы «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» вышел в 1906 году. — *423.*

[287] Маркс имеет в виду обращения Центрального комитета Союза коммунистов от марта и июня 1850 года (см. настоящее издание, том 7, стр. 257—267, 322—328). Как видно из обвинительного заключения, при аресте Нотъюнга в руки полиции попали также следующие документы, которые фигурировали на процессе: устав Союза коммунистов, составленный по указанию Маркса и Энгельса Центральным комитетом Союза в Кёльне после раскола Союза в сентябре 1850 года (см. настоящее издание, том 7, стр. 565—568) и обращение кёльнского Центрального комитета Союза от 1 декабря 1850 года. — *427.*

[288] *Code pе̲nal* — Уголовный кодекс, введенный в 1811 г. во Франции и в завоеванных французами областях Западной и Юго-Западной Германии; наряду с Гражданским кодексом действовал в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. — *429.*

[289] *Зондербундом* (Особым Союзом), по аналогии с сепаратным объединением реакционных католических кантонов в Швейцарии в 40-х годах XIX в., Маркс и Энгельс иронически называли сектантско-авантюристскую фракцию Виллиха — Шаппера, отколовшуюся от Союза коммунистов после 15 сентября 1850 г. и обособившуюся в самостоятельную организацию со своим собственным Центральным комитетом. Своей деятельностью фракция Виллиха — Шаппера облегчила прусской полиции раскрытие нелегальных общин Союза коммунистов в Германии и фабрикацию судебного процесса в Кёльне в 1852 г. против видных деятелей Союза коммунистов. — *430.*

[290] См. примечание 201. — *430.*

[291] *Вандименова земля* — название, первоначально данное европейцами острову Тасмания, служившему вплоть до 1853 г. местом ссылки из Англии на каторжные работы. — *434.*

[292] Имеется в виду лондонское *Просветительное общество немецких рабочих,* которое было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После организации Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества (см. настоящее издание, том 7, стр. 438) в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха — Шаппера) Общество стало на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами. — *425.*

[293] О выходе Маркса и его сторонников из Эмигрантского комитета см. примечание 118. — *435.*

[294] О *лотерее золотых слитков* см. настоящий том, стр. 175—176. — *436.*

[295] См. примечание 284. — *442.*

[296] В памфлете «Господин Фогт», в приложениях к нему, а также в послесловии к изданию 1875 г. работы «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» Маркс приводит дополнительные фактические данные, разоблачающие Шерваля как шпиона и провокатора. Шерваль, согласно этим данным, был агентом прусского посланника в Париже и одновременно французским шпионом; его побег из тюрьмы был совершен с ведома французской и прусской полиции. По прибытии в Лондон он был в мае 1852 г. принят в руководимое Шаппером Просветительное общество немецких рабочих, но был вскоре изгнан из Общества в связи с раскрытием его провокаторской роли в деле о так называемом немецко-французском заговоре (см. примечание 117). — *447.*

[297] Имеется в виду книга: «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Berlin, Erster Theil 1853, Zweiter Theil 1854 («Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия». Берлин, часть первая 1853, часть вторая 1854), составленная полицейскими чиновниками Вермутом и Штибером. В приложениях к первой частя книги, в которой излагалась «история» рабочего движения в качестве руководства для полицейских, были перепечатаны некоторые попавшие в руки полиции документы Союза коммунистов. Вторая часть представляла собой «черный список» с биографическими сведениями о лицах, связанных с рабочим и демократическим движением. — *448.*

[298] Из стихотворения Гейне «Бежал я от жестокой прочь». — *448.*

[299] См. примечание 150. — *449.*

[300] *Мормоны* — члены религиозной секты, основанной в 1830 г. в Соединенных Штатах Америки. Основатель секты Джозеф Смит (1805—1844) написал якобы внушенную ему божественным откровением «Книгу Мормона». В этой книге, изобилующей фантастическими измышле-

ниями, рассказывалось от имени пророка Мормона о переселении израильских племен в Америку, которое будто бы имело место в древности. — *451.*

[301] В одной из «Застольных речей» Лютер сравнивал мир с пьяным крестьянином, неспособным удержаться в седле. — *453.*

[302] *Мазас* — тюрьма в Париже. Маркс имеет в виду показания, которые были даны заключенными по делу о так называемом немецко-французском заговоре (см. примечание 117). — *453.*

[303] Речь идет о рабочем обществе, основанном при поддержке Маркса в Лондоне в январе 1852 г. под председательством ганноверского эмигранта Штехана. В его состав входили рабочие, отколовшиеся от Просветительного общества немецких рабочих, которое оказалось под влиянием фракции Виллиха—Шаппера. Активное участие в организации общества принимал также член Союза коммунистов рабочий Лохнер, близкий к Марксу и Энгельсу. В дальнейшем многие члены этого общества, в том числе сам Штехан, подпали под влияние фракции Виллиха — Шаппера и примкнули к прежней организации. — *457.*

[304] В рукописях Маркса сохранился написанный его рукой, но не подписанный им черновик ответного письма Штиберу, в котором давалась резкая отповедь этому полицейскому шпиону. По-видимому, ответ был перед отправкой Штиберу подписан кем-либо из состава редакции «Neue Rheinische Zeitung», вероятнее всего В. Вольфом, которому могла быть известна деятельность Штибера в Силезии. — *466.*

[305] *Флёр де Мари* — героиня романа Эжена Сю «Парижские тайны», девушка, выросшая среди преступников, но сохранившая благородство и душевную чистоту; автор дал ей имя цветка, лилии, растущей в грязном болоте, но сохраняющей ослепительно белые лепестки. — *473.*

[306] Энгельс имеет в виду первое дополнение к изданиям 1875 и 1885 **гг.** работы «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». В этом дополнении было воспроизведено без названия четвертое приложение («Кёльнский процесс коммунистов») к книге Маркса «Господин Фогт». В нем указывалось, что вскоре после кёльнского процесса Флёри был приговорен к нескольким годам каторги по обвинению в подлоге. — *473.*

[307] В послесловии к немецкому изданию 1875 г. работы «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» Маркс отмечал, что автором «Красного катехизиса» был не Гесс, а некий Леви. Как выяснилось впоследствии, Маркс в данном случае был введен в заблуждение. Документы, неизвестные в свое время Марксу, в частности, письмо самого Гесса к Вейдемейеру от 21 июля 1850 г., подтверждают авторство Гесса. — *482.*

[308] См. примечание 165. — *485.*

[309] Имеется в виду книга: L. Stein. «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs». Leipzig, 1842 (Л. Штейн. «Социализм и коммунизм современной Франции». Лейпциг, 1842). — *489.*

[310] Перефразированная строка из эпиграммы Шиллера «Баловни счастья» («Die Sonntagskinder»). — *489.*

[311] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). — *490.*

[312] Намек на поражение, которое потерпела Пруссия под Йеной 14 октября 1806 года; это поражение, повлекшее за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией, показало всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *491.*

[313] Имеется в виду отмена хлебных законов (см. примечание 247). — *492.*

[314] Маркс иронически сравнивает Бересфорда с храбрейшим из героев греческого мифа о Троянской войне, Ахиллом. — *501.*

[315] Согласно религиозному учению о *«тысячелетнем царстве»,* на земле перед «концом мира» будто бы установится полная справедливость. — *506.*

[316] Союзные отношения, установившиеся между Англией и Францией после июльской революции и известные под названием *«сердечного согласия»* («entente cordiale»), получили договорное оформление только с заключением в апреле 1834 г. так называемого *четверного союза* между Англией, Францией, Испанией и Португалией. Уже при заключении этого договора обнаружились, однако, противоречия между интересами Англии и Франции, которые в дальнейшем привели к обострению отношений между обеими странами. Договор, формально направленный против абсолютистских «северных держав» (России, Пруссии и Австрии), на самом деле позволил Англии под предлогом оказания военной помощи испанскому и португальскому правительствам в борьбе против претендентов на престол, дон Мигела в Португалии и дон Карлоса в Испании, укрепить свои позиции в этих двух странах. — *508.*

[317] *Мейфер* — район в Лондоне, в котором были расположены особняки английской аристократии. — *509.*

[318] Маркс имеет в виду выходившую в Манчестере английскую либеральную газету «Examiner and Times» («Наблюдатель и Времена»). Газета была создана в 1848 г. в результате слияния газет «Manchester Times» («Манчестерские времена») и «Manchester Examiner» («Манчестерский наблюдатель»). В 40—50-х годах газета поддерживала фритредеров; под различными названиями издавалась до 1894 года. — *509.*

[319] *«The Freeman's Journal»* («Газета свободного человека») — ирландская ежедневная газета, издавалась в Дублине с 1763 до 1924 года; в 40— 50-х годах XIX века поддерживала требования отмены унии с Англией, выступала в защиту прав ирландских арендаторов. — *509.*

[320] *Пьюзиизм* — течение внутри англиканской церкви в 30—60-х годах XIX века. Названо по имени одного из его основателей — богослова Оксфордского университета Пьюзи, призывавшего к восстановлению в англиканской церкви католической обрядности и некоторых догматов католицизма. Пьюзиизм явился религиозным отражением борьбы английской аристократии, стремившейся сохранить свое влияние в стране, против промышленной буржуазии, принадлежавшей в своей массе к различным протестантским сектам. — *510.*

[321] Критика теории колонизации Уэйкфилда была впоследствии дана Марксом в двадцать пятой главе первого тома «Капитала». — *511.*

[322] Имеются в виду книга Рассела «Memoirs of the Affairs of Europe from the Peace of Utrecht». Vol. 1—2, London, 1824—1829 («Записки о европейских делах со времени Утрехтского мира». Тт. 1—2. Лондон, 1824—1829) и его трагедия «Дон Карлос», вышедшая в 1822 году. — *512.*

[323] *«Гнилые местечки»* —- так называли в Англии в XVIII—XIX вв. малонаселенные или обезлюдевшие городки и деревни, обладавшие со времени средневековья правом представительства в парламенте. Депутаты от «гнилых местечек» фактически назначались крупными земельными аристократами, от которых зависело местное население. Привилегии «гнилых местечек» были отменены реформами 1832, 1867 и 1884 годов. — *512.*

[324] *Лига защиты прав арендаторов* была основана в августе 1850 г. группой ирландских буржуазных политических деятелей. Целью Лиги была ликвидация полуфеодальных и колонизаторских методов эксплуатации ирландского крестьянства, препятствовавших развитию капитализма в Ирландии. Несмотря на умеренное руководство, Лига отражала интересы ирландских арендаторов, боровшихся против лендлордов и земельных спекулянтов. Программа Лиги сводилась к требованиям запрещения произвольного расторжения арендного договора лендлордами и компенсации арендаторов за мелиоративные работы в случае прекращения аренды, установления справедливой арендной платы, признания за арендаторами права передачи аренды посредством свободной продажи. Большую роль сыграла агитация Лиги в период общих выборов в парламент в 1852 году. Требования Лиги были поддержаны широкими массами ирландских арендаторов как католиков, так и протестантов. На перевыборах в январе 1853 г. Лига агитировала против тех ирландских членов парламента, которые проводили соглашательскую политику и вошли в состав правительства. Против Лиги выступили совместно лендлорды и высшее католическое и протестантское духовенство Ирландии, опасавшиеся подъема демократического и национально-освободительного движения в стране. Вскоре Лига прекратила свое существование. — *512.*

[325] *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами, — *515.*

[326] Материалы об экспроприации семьей Сатерленд земли у сельского населения, приведенные в данной статье, были впоследствии использованы Марксом в двадцать четвертой главе первого тома «Капитала». — *521.*

[327] Орден *оранжистов* — реакционная террористическая организация. созданная в 1795 г. лендлордами и протестантским духовенством для борьбы против национально-освободительного движения ирландского народа. Орден систематически занимался натравливанием протестантов на ирландцев-католиков. Особенно сильным было влияние ордена в населенной протестантами Северной Ирландии. В период агитации Лиги защиты прав арендаторов (см. примечание 324) в Ирландии возникла, вопреки воле лендлордов и высшего католического и протестантского духовенства, коалиция рядовых протестантов-оранжистов и католиков, — *521.*

[328] См. примечание 246. — *521.*

[329] *Гудибрас* — герой одноименной сатирической поэмы английского поэта Батлера, отличавшийся склонностью к бессмысленным рассуждениям и спорам и способностью с помощью силлогизмов доказывать самые абсурдные положения. Поэма Батлера была написана в 1663—1678 гг. и направлена против лицемерной морали и религиозного ханжества английской буржуазии. — *521.*

[330] Речь идет о государственном перевороте в 1688 г. (см. примечание 251), приведшем к изгнанию Якова II Стюарта и провозглашению английским королем штатгальтера Нидерландов Вильгельма III Оранского. — *523.*

[331] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». In two volumes. Vol. I, London, 1767, p. 104 (Дж. Стюарт. «Исследование о принципах политической экономии». В двух томах. Т. I, Лондон, 1767, стр. 104). — *525.*

[332] J. Loch. «An Account of the Improvements on the Estates of the Marquess of Stafford, in the Counties of Stafford and Salop and on the Estate of Sutherland». London, 1820 (Дж. Лок. «Отчет об улучшениях в поместьях маркизы Стаффорд в графствах Стаффорд и Селоп и в поместье Сатерленд». Лондон, 1820). — *525.*

[333] Маркс цитирует книгу: J.-C.-L. Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'economie politique». T. I, Paris 1837, pp. 230—231, 237 (Ж. Ш. Л. Симонд де Сисмонди. «Очерки по политической экономии». Т. I, Париж, 1837, стр. 230—231, 237). — *526.*

[334] J. Dalrymple. «An Essay towards a General History of Feudal Property in Great Britain». London, 1759 (Дж. Далримпл. «Очерк общей истории феодальной собственности в Великобритании». Лондон, 1759). — *527.*

[335] R. Somers. «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847». London — Edinburgh — Glasgow, 1848, p. 27 (Р. Сомерс. «Письма из горной Шотландии; или Голод 1847 года». Лондон — Эдинбург — Глазго, 1848, стр. 27). — *527.*

[336] Настоящая статья является первой статьей, написанной Марксом на английском языке (см. примечание 244). — *529.*

[337] G. W. F. Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Berlin, 1821 (Г. В. Ф. Гегель. «Основы философии права». Берлин, 1821). — *531.*

[338] A. Quetelet. «Sur 1'homme et le developpement de ses facultes, ou Essai de physique sociale». Tomes I—II, Paris, 1835 (А. Кетле. «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики». Тт. I—II, Париж, 1835). Маркс пользовался английским переводом этой книги, вышедшим в Эдинбурге в 1842 году. — *531.*

[339] R. Cobden. «1793 and 1853. In three letters». Manchester, 1853. — *532.*

[340] Намек на Луи Бонапарта, устроившего смотр войскам в Сатори (см. настоящий том, стр. 170). — *533.*

[341] Имеется в виду международный конгресс мира в Манчестере, созванный Обществом мира (см. примечание 104) в конце января 1853 года. Особую активность на конгрессе проявляли фритредеры. Конгресс принял ряд резолюций против антифранцузской военной пропаганды в Англии и увеличения вооружений; эти резолюции не имели, однако, практического значения.— *534.*

[342] См. примечание 255. — *534.*

[343] Намек на преклонный возраст членов коалиционного правительства Абердина. *Мафусаил* — мифический библейский патриарх, якобы проживший 969 лет; выражение «мафусаилов век» — синоним исключительного долголетия. — *534.*

[344] Amelot de la Houssaie. «Histoire du Gouvernement de Venise». Paris, 1676, p. 48 (Амло де ла Уссе. «История правительства Венеции». Париж, 1676, стр. 48). — *538.*

[345] Маркс осуществил свое намерение в написанной в июне 1853 г. статье «Индийский вопрос. — Ирландское арендное право». — *539.*

[346] Речь идет о билле, впервые внесенном в палату общин ирландским радикалом Шерменом Крофордом в 1835 году. Этот билль, предусматривавший выплату вознаграждения арендаторам при расторжении договоров за сделанные на участках улучшения, был отвергнут палатой в 1836 году. Впоследствии билль несколько раз вновь ставился на обсуждение (в 1847, 1852 и 1856 гг.) и каждый раз отвергался палатой'. — *539.*

[347] *Рипилеры* (от слов Repeal of Union — отмена унии) — сторонники отмены англо-ирландской унии 1801 года. Уния, навязанная Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 г., уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии. Однако возглавлявшие национальное движение буржуазные либералы (О'Коннел и другие) рассматривали агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства мелких уступок ирландской буржуазии. В 1835 г. О'Коннел, заключив сделку с английскими вигами, вообще прекратил эту агитацию. Но под воздействием массового движения ирландские либералы вынуждены были в 1840 г. основать Ассоциацию рипилеров, которую они старались направить на путь компромисса с английскими правящими классами. — *540.*

[348] См. примечание 59. — *544.*

[349] *«La Nation, organe quotidien democrate socialiste»)* («Нация, ежедневный демократическо-социалистический орган») — газета бельгийских мелкобуржуазных демократов, издавалась в Брюсселе в 1848—1856 годах. — *545.*

[350] См. примечание 255. — *547.*

[351] См. примечание 250. — *547.*

[352] Имеется в виду *Общество покровительства сельского хозяйства и британской промышленности,* которое первоначально носило название Общества покровительства сельского хозяйства. Оно было основано в 1845 г. для борьбы против фритредеров. Общество, выражавшее интересы крупных землевладельцев-лендлордов, выступало против отмены хлебных законов (см. примечание 247). — *549.*

[353] *Кроаты* — в австрийской армии легковооруженные войска, рекрутировавшиеся преимущественно среди хорватов и некоторых других славянских народов, а также среди венгров. — *551.*

[354] Согласно английской парламентской традиции, председателю палаты лордов — лорду-канцлеру — предназначено особое сидение, *мешок с шерстью,* некогда символизировавший главный источник национального богатства Англии. — *554.*

[355] *Статутным правом* называются в Англии нормы права, источником которых являются законодательные акты парламента — статуты. —*554.*

[356] Имеются в виду крупные сражения в Столетней войне (1337—1453) между Англией и Францией. При Пуатье в 1358 г. и при Азенкуре в 1415 г. английская пехота нанесла поражения французской рыцарской коннице. — *554.*

[357] В 1839 г. возобновился турецко-египетский конфликт из-за Сирии, захваченной египетскими войсками в 1833 году. Поддержка, оказанная Францией египетскому паше Мухаммеду-Али, явилась причиной обострения англо-французских отношений на Ближнем Востоке в этот период. Англия, стремясь не допустить усиления французского влияния в этом важном районе, расположенном на подступах к ее азиатским колониям, оказала военную помощь Турции против Египта и при поддержке России, Австрии и Турции осуществила дипломатический нажим на Францию, заставив ее отказаться от помощи Египту.

В 1844 г. имело место новое обострение англо-французских отношений в связи с высылкой в марте английского агента с острова Таити, незадолго до этого объявленного французским протекторатом. Инцидент на острове Таити был следствием усиления англо-французского колониального соперничества в районе Тихого океана. — *555.*

[358] Конфликт между Францией и Швейцарией имел место в декабре 1851— январе 1852 г. в связи с требованием Луи Бонапарта о высылке из Швейцарии французских эмигрантов-республиканцев.

В течение 1845—1849 гг. Англия и Франция оказывали давление на Аргентину, требуя открытия рек Параны и Парагвая для своих торговых судов. Ввиду длительной блокады побережья английским и французским флотом Аргентина была вынуждена уступить, подписав в 1852 г. договор об открытии названных рек для иностранных судов.

Невшатель (немецкое название Нёйенбург) —швейцарский кантон, находившийся одновременно в вассальной зависимости от Пруссии. В результате буржуазной революции в феврале 1848 г. в Невшателе была провозглашена независимая от Пруссии республика. Дипломатическое вмешательство европейских держав, в том числе Англии и Франции, удержало Пруссию от применения силы.

Окончательно Пруссия отказалась от своих притязаний на Невшатель только в 1857 году.

В 1852 г. правительства Англии и Франции предложили правительству США подписать трехстороннюю конвенцию об отказе от Кубы, опасаясь захвата этого острова, принадлежавшего Испании, Соединенными Штатами. Конвенция не была подписана вследствие отказа правительства США.

В 1851 г. Турция под предлогом распространения на Египет танзимата (танзимат — политика реформ, проводившаяся в Турции с 1839 г., имевшая целью укрепление монархии путем компромисса с нарождавшейся буржуазией) предложила правителю Египта провести ряд «реформ», которые должны были вновь подчинить эту страну Турции. Под давлением Англии и Франции Египет был вынужден частично принять требования Турции.

В ноябре 1852 г. в Лондоне Англией, Францией, Россией, Баварией и Грецией был подписан протокол, по которому наследником бездетного греческого короля Оттона назначался его младший брат Адальберт Баварский вместо другого принца баварского дома, отказавшегося принять православие.

В 40—50-х годах XIX в. Англия и Франция, препятствуя установлению независимости Туниса, вмешивались в его внешнюю политику и оказывали поддержку Турции в ее притязаниях на господство в Тунисе. — *557*.

[359] *Ящик Пандоры* — вместилище зла и раздоров; литературное выражение, сложившееся на основе древнегреческого мифа о Пандоре, из любопытства открывшей сосуд, в котором были заключены всевозможные бедствия, и выпустившей их наружу. — *558.*

[360] Заглавие статьи изменено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В «New-York Daily Tribune» статья была опубликована под не соответствующим содержанию заглавием: «Парламентские дебаты. — Духовенство против социализма. — Голодная смерть». — *559.*

[361] См. примечание 256. — *559.*

[362] *Диссиденты,* или диссентеры, — см. примечание 256. — *564.*

[363] В газете «People's Paper» раздел данной работы, озаглавленный «Вынужденная эмиграция», опубликован в виде отдельной статьи; четыре других раздела помещены под общим заголовком «Американская печать и европейское движение». — *565.*

[364] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (Д. Рикардо. «О началах политической экономии и налогового обложения»). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — *566.*

[365] J.-C.-L. Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population». Tomes I—II, Paris, 1819 (Ж. Ш. Л. Симонд де Сисмонди. «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению». Тт. I—II, Париж, 1819). — *566.*

[366] Имеется в виду диалог Платона «Государство», в котором описывается идеальное государство, основанное на разделении труда; из этого

государства поэты, по мнению Платона, должны быть изгнаны, поскольку они неспособны приносить пользу. — *568.*

[367] Упомянутая Марксом статья не была опубликована в «New-York Daily Tribune» и не дошла до нас в рукописи. — *569.*

[368] Речь идет о книге: B. Szemere. «Graf Ludwig Batthyany, Arthur Gorgei, Ludwig Kossuth. Politische Charakterskizzen aus dem Ungarischen Freiheitskriege». Hamburg, 1853 (Б. Семере. «Граф Людвиг Баттяни, Артур Гёргей, Людвиг Кошут. Наброски политических характеристик деятелей венгерской освободительной войны». Гамбург, 1853). — *570.*

[369] Имеется в виду предложение о разделе Польши, сделанное Генрихом Прусским во время его визита в Петербург в 1770 году. — *570.*

[370] См. примечание 6. — *570.*

[371] См. примечание 341. — *571.*

[372] Имеются в виду опубликованные в газете «Times» в период с декабря 1851 по ноябрь 1852 г. статьи английского журналиста Ричардса, печатавшегося под псевдонимом «Англичанин». — *571.*

[373] Заглавие статьи дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *572.*

[374] Факты, на которые ссылается Маркс, приводились, вероятно, в упомянутой Марксом и не дошедшей до нас статье от 1 марта 1853 года (см. примечание 367). — *572.*

[375] См. примечание 4. — *574.*

[376] *Закон об иностранцах* был принят английским парламентом в 1848 г. в связи с революционными событиями на континенте и чартистской демонстрацией 10 апреля. По этому закону иностранец в любой момент мог быть выслан из Англии по распоряжению правительства. Срок действия закона устанавливался на один год. — *575.*

[377] Данте. «Божественная комедия», «Рай», песнь XVII. — *576.*

[378] *Принтинг-хаус-сквер* — площадь в Лондоне, местонахождение главной редакции газеты «Times». — *577.*

[379] *«Athenaeum»* — сокращенное название английского еженедельного литературно-критического журнала «The Athenaeum, Journal of Literature, Science and the Fine Arts» («Атенеум, журнал по вопросам литературы, науки и искусства»); выходил в Лондоне в 1828—1921 годах.

«The Builder» («Строитель») — английский еженедельный журнал по вопросам архитектуры, выходит в Лондоне с 1842 года.

«Punch» — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»), выходит в Лондоне с 1841 года.

«Racing Times» («Скачки») — английский еженедельный спортивный журнал, выходит в Лондоне с 1851 года. — *577.*

[380] Старинный спор между греко-православной и римской церквами о праве распоряжаться христианскими святынями в Палестине был возобновлен в 1850 г. по инициативе Луи Бонапарта с целью усиления позиции Франции на Ближнем Востоке. Спор о святых местах разросся в крупный дипломатический конфликт, послуживший одним из поводов к Крымской войне. — *578.*

[381] Из публикуемого протокола заседания Центрального комитета Союза коммунистов от 15 сентября 1850 г. раньше были известны только выдержки, приводимые Марксом в его работе «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. настоящий том, стр. 431). Кроме того, постановление, принятое на этом заседании, было известно из обращения кёльнского Центрального комитета к Союзу коммунистов от 1 декабря 1850 года (см. настоящее издание, том 7, стр. 561). Впервые текст протокола был полностью опубликован в журнале «International Review of Social History», volume I, part 2, 1956 («Международное обозрение по социальной истории», том I, часть 2, 1956). Во вступительной статье к этой публикации сообщалось, что текст протокола печатается по копии, снятой неизвестной рукой, а под строкой даются разночтения с черновиком протокола, написанным рукой Энгельса.

Однако в результате исследования фотокопии обоих вышеупомянутых документов, предоставленных Международным Институтом социальной истории (Амстердам) Институту марксизма-ленинизма, научными сотрудниками ИМЛ было установлено, что оба документа представляют собой лишь копии с протокола заседания Центрального комитета Союза. Одна из этих копий написана рукой Г. В. Хаупта, который после раскола Союза коммунистов был направлен Центральным комитетом в Кёльн для информации о решениях, принятых Центральным комитетом. Кем снята вторая копия, установить пока не удалось.

В настоящем томе текст протокола публикуется по копии, написанной Хауптом, существенные разночтения между двумя вариантами рукописных копий протокола даются под строкой. — *581.*

[382] Имеется в виду лондонское Просветительное общество немецких рабочих (см. примечание 292). — *581.*

[383] Речь идет о Социал-демократическом эмигрантском комитете (см. примечание 118). — *581.*

[384] «Устав Союза коммунистов» (см. настоящее издание, том 4, стр. 524—529) был принят в декабре 1847 г. на втором конгрессе Союза. Во второй половине 1848 г. лондонский ЦК Союза внес в устав изменения, ослаблявшие принципиальное значение этого документа. В первом параграфе нового устава вместо четкой формулировки конечных целей пролетарского коммунистического движения — свержения буржуазии, установления господства пролетариата и построения бесклассового коммунистического общества — выдвигалось расплывчатое требование создания социальной республики. Устав был распространен среди немецких общин Моллем во время его поездки в Германию зимой 1848—1849 годов. В марте 1849 г. текст устава попал в руки полиции при аресте членов одной из берлинских общин, возглавлявшейся Хет-

целем, и фигурировал в качестве документа во время судебного процесса над группой Хетцеля в августе 1850 года. В декабре 1850 г. по указанию Маркса кёльнским Центральным комитетом был выработан новый устав (см. настоящее издание, том 7, стр. 565—568). — *582.*

[385] Имеются в виду: «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» в марте 1850 г. и «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, том 7, стр. 257—267 и том 4, стр. 419—459). — *582.*

[386] *Гора* — фракция во французском Учредительном и Законодательном собраниях в 1848—1851 гг., представлявшая партию мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Ледрю-Ролленом, которые группировались вокруг газеты «Réforme»; к этой партии примыкали мелкобуржуазные социалисты во главе с Луи Бланом. — *583.*

[387] Речь идет об участии Луи Блана в качестве «представителя рабочих» в буржуазном временном правительстве во Франции в феврале — мае 1848 года. Деятельность возглавленной Луи Бланом Правительственной комиссии по рабочему вопросу (см. примечание 221) не дала никаких практических результатов, в то же время соглашательская тактика Луи Блана отвлекала часть рабочих от революционной борьбы. — *584.*

[388] Имеется в виду Коммуна Парижа 1789—1794 годов. Будучи формально лишь органом городского самоуправления, Коммуна с 1792 г. фактически возглавляла борьбу парижских масс за проведение решительных революционных мероприятий. Коммуна играла активную роль в свержении монархии, в установлении якобинской диктатуры, введении максимума на цены, принятии закона о подозрительных, направленного против контрреволюционеров, и т. д. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) организация Коммуны была разгромлена. — *584.*

[389] Настоящий и нижеследующий документы включают в себя воззвание к немецким рабочим в Америке, написанное Марксом от имени комитета по организации помощи осужденным в Кёльне коммунистам. Маркс переслал воззвание Адольфу Клуссу для опубликования в немецко-американских газетах. В письме к Клуссу от 7 декабря 1852 г. Маркс указывал, что организация помощи должна явиться демонстрацией партийной солидарности, и советовал создать в Америке комитеты помощи осужденным в Кёльне и их семьям. — *586.*

[390] *Социалистический гимнастический союз* — одна из организаций немецкой демократической эмиграции в Соединенных Штатах Америки. Союз был создан 5 октября 1850 г. на съезде немецких гимнастических обществ в Филадельфии. Союз объединял несколько десятков общин в различных городах страны и поддерживал в начальный период своего существования связи с немецким рабочим движением в Америке. В органе Союза «Turnzeitung» («Гимнастическая газета», выходила с 1851 до 1861 г.) сотрудничал член Союза коммунистов Вейдемейер. В годы Гражданской войны в Америке Союз принимал активное участие в борьбе против рабовладельческих штатов. В 1865 г. организация была переименована в Североамериканский гимнастический союз. — *589.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(август 1851—март 1853)

1851

Август — ноябрь

В обстановке наступившей в Европе реакции и полицейских репрессий Маркс в Лондоне и Энгельс в Манчестере прилагают все усилия к тому, чтобы сохранить ядро Союза коммунистов как основу для будущей пролетарской организации, идейно закалить и воспитать кадры пролетарских революционеров.

Придавая огромное значение разработке экономического учения для вооружения рабочего класса знанием законов экономического развития, Маркс продолжает свои занятия политической экономией. Он целые дни проводит в библиотеке Британского музея, изучает историю земельной собственности, проблемы колонизации, народонаселения, кредита, банковской системы и другие. Он делает многочисленные выписки с критическими замечаниями из произведений Сомерса, Лаудона, Уэйкфилда, Прескотта, Годскина, Кетле, Таунсенда, Мальтуса, Юма, Грея, Даблдея, У. П. Алисона, А. Алисона, Хардкасла, Прайса, Фаухера, Мак-Куллоха и других. Маркс также занимается вопросами агрономии и агрохимии, в связи с чем читает работы Либиха и Джонстона.

Учитывая большое значение военных знаний для руководства пролетарской партией будущими революционными боями, Энгельс продолжает свои занятия по истории и теории военного дела.

Первая половина августа

Маркс знакомится с новой книгой П. Ж. Прудона «Общая идея революции XIX века». Рассматривая эту книгу как прямое полемическое выступление против коммунизма, Маркс намеревается подвергнуть ее критике в печати. В письмах к Энгельсу он подробно излагает содержание книги Прудона и просит Энгельса высказать о ней свое мнение.

Около 2 августа

В письме к Марксу Энгельс сообщает, что за ним в Манчестере установлена постоянная полицейская слежка,

и просит Маркса хранить партийные документы в надежном месте.

Около 8 августа
Маркс получает от Чарлза Дана, редактора прогрессивной буржуазной газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), предложение сотрудничать в газете. Маркс охотно принимает предложение Дана, стремясь использовать сотрудничество в этой газете для воздействия на общественное мнение и освещения важнейших вопросов с позиций рабочего класса. Сотрудничество Маркса в «New-York Daily Tribune» продолжалось свыше 10 лет; официальным сотрудником газеты был Маркс, однако большое количество статей было по просьбе Маркса, занятого разработкой своего экономического учения, написано Энгельсом.

8 и 14 августа
Маркс обращается к Энгельсу с просьбой написать для «New-York Daily Tribune» серию статей о революции 1848—1849 гг. в Германии.

Вторая половина августа — октябрь
Энгельс знакомится с работой П. Ж. Прудона «Общая идея революции XIX века» и пишет критический разбор этой книги, в котором разоблачает реформистские и анархистские взгляды ее автора. Эту рукопись Энгельс отсылает Марксу, который решает положить ее в основу задуманной им работы против Прудона.

После 18 августа
Маркс получает сообщение от одного из своих корреспондентов в Кёльне Бермбаха о ходе следствия по делу видных деятелей Союза коммунистов, арестованных в мае 1851 года.

21 августа 1851 — 24 сентября 1852
Энгельс пишет серию статей «Революция и контрреволюция в Германии». Статьи публикуются в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса с 25 октября 1851 по 23 октября 1852 года. В этих статьях с позиций исторического материализма были раскрыты предпосылки, характер и движущие силы буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Германии.

Конец августа
Маркс получает письмо Джонса с сообщением о том, что в 16 номере редактируемого им чартистского журнала «Notes to the People» («Заметки для народа») опубликована статья Маркса об июньском восстании парижских рабочих из «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»). Маркс и Энгельс продолжают сотрудничать в «Notes to the People», помогая Джонсу в написании некоторых статей и в общем редактировании журнала. Через чартистскую прессу Маркс и Энгельс стремятся осуществить идейное влияние на английский пролетариат и оказать поддержку Джонсу и его сторонникам в деле возрождения чартистского движения на новой, социалистической основе.

Они поддерживают выступление Джонса против Гарни, который в период спада чартизма попал под влияние мелкобуржуазных элементов и отошел от пролетарских позиций.

Сентябрь Маркс и Энгельс узнают из газет об арестах в Париже членов сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера и о начале следствия по делу о так называемом немецко-французском заговоре.

11 сентября В письме к Вейдемейеру Маркс подвергает критике программу и тактику итальянского буржуазного революционера Мадзини, отмечая непонимание последним значения разрешения аграрного вопроса в интересах крестьянства для успешной борьбы за национальное освобождение Италии.

23 и 26 сентября Маркс и Энгельс, познакомившись с манифестом участника революции 1848—1849 гг. в Германии мелкобуржуазного демократа Техова «Очерки грядущей войны», в своих письмах высказывают о нем ряд критических замечаний.

Конец сентября — октябрь В связи с исследованием вопроса о влиянии машинного производства на труд рабочих Маркс изучает книги по истории техники, делая многочисленные выписки из произведений Поппе, Бекмана и Юра.

Октябрь Ведя борьбу против попыток мелкобуржуазной эмиграции отвлечь пролетариат от подлинных задач революционного движения, Маркс и Энгельс внимательно следят за действиями Кинкеля, пытавшегося осуществить в Соединенных Штатах Америки авантюристическую затею с «немецко-американским революционным займом». Маркс посылает в Вашингтон члену Союза коммунистов А. Клуссу ряд инструкций для борьбы против Кинкеля.

Октябрь 1851—1852 Энгельс продолжает занятия русским и другими славянскими языками, а также изучает историю и литературу славянских народов. Он знакомится с «Российской антологией» Боуринга и делает из нее выписки о Ломоносове, Державине, Сумарокове, Богдановиче, Хераскове, Карамзине, Жуковском, Крылове и других русских писателях XVIII — начала XIX веков. Энгельс читает в оригинале произведения русской классической литературы: «Евгений Онегин» и «Медный всадник» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова и переводит в прозе несколько строф из 1-й главы «Евгения Онегина».

После 2 октября Маркс получает письмо Фрейлиграта с сообщением об окончательном отказе издателя Лёвенталя во Франкфурте-на-Майне издать работу Маркса по политической экономии. Другие попытки Маркса найти издателя

для своего труда в Германии также оканчиваются неудачей.

4 октября — Маркс пишет заявление по поводу появившегося в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газете») 30 сентября 1851 г. сообщения, содержащего клеветнические выпады против Маркса в связи с арестами в Германии членов Союза коммунистов. Заявление публикуется в «Kolnische Zeitung» («Кельнской газете») 9 октября и в сокращенном виде в «Allgemeine Zeitung» 18 октября.

16 октября — Маркс обращается к Вейдемейеру, переехавшему в США, с просьбой попытаться издать в Америке в виде отдельной брошюры английский перевод «Манифеста Коммунистической партии», напечатанный в 1850 г. в чартистском журнале «Red Republican» («Красный республиканец»). Издать «Манифест Коммунистической партии» в Америке не удается.

31 октября — Маркс предлагает Вейдемейеру организовать издание в Америке карманной библиотеки, включающей ряд статей Маркса, Энгельса, В. Вольфа и Веерта из «Neue Rheinische Zeitung», а также статьи Маркса и Энгельса против Гейнцена из «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкой брюссельской газеты»), предполагая в дальнейшем включение в это издание злободневных памфлетов. Осуществить это издание не удалось.

Около 5—15 ноября — Маркс находится у Энгельса в Манчестере.

Вторая половина ноября — Маркс знакомится с работой Прудона «Даровой кредит» и дает ей резко отрицательную оценку.

24 и 27 ноября — Маркс и Энгельс в своих письмах обмениваются мнениями по вопросам, связанным с планами опубликования работы Маркса по политической экономии.

1 декабря — Стремясь организовать кампанию протеста против сфабрикованного прусской полицией в Кёльне судебного процесса видных деятелей Союза коммунистов и заставить прессу отказаться от замалчивания дела кёльнских обвиняемых, Маркс пишет письма против прусских властей и посылает их в Париж для опубликования во французской печати. Одновременно он просит В. Вольфа написать подобные письма для Америки и Швейцарии и Энгельса для Англии. Однако организовать кампанию протеста в печати не удается.

Маркс устанавливает связь с немецкими рабочими Штеханом, Гюмпелем и другими, находящимися в оппозиции к фракции Виллиха — Шаппера в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих.

После 1 декабря — Маркс получает сообщение от Фрейлиграта о плане Лассаля создать в Германии акционерное общество

для издания работы Маркса по политической экономии. Маркс отклоняет это предложение.

2 декабря — Энгельс в письме к Марксу дает глубокую характеристику происшедшего во Франции контрреволюционного переворота Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года. Некоторые идеи этого письма были развиты Марксом в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Около 9 декабря 1851 — начало января 1852 — Маркс получает из Парижа от Рейнхардта, секретаря Гейне, ряд подробных сообщений о политическом положении и настроениях во Франции накануне и после государственного переворота 2 декабря. Ряд сведений из этих писем Маркс использует для работы над «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта».

Вторая половина декабря — Маркс и Энгельс узнают из писем Вейдемейера о подготовляемом им в Нью-Йорке издании еженедельного журнала «Die Revolution» («Революция») и о программе этого журнала. Вейдемейер просит Маркса и Энгельса прислать ряд статей для журнала и сообщает о своем намерении перепечатать в «Revolution» их прежние статьи, а также статьи их соратников.

16 декабря — Энгельс советует Марксу написать статью о государственном перевороте 2 декабря во Франции для журнала «Revolution».

Около 19 декабря — Маркс и Энгельс ведут переговоры с В. Вольфом, Ф. Вольфом, Веертом, Фрейлигратом, Эккариусом о статьях для журнала Вейдемейера «Revolution».

Около 19 декабря 1851— около 25 марта 1852 — Маркс пишет работу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В этом произведении Маркс дает глубокое обобщение исторического опыта революций 1848—1849 гг. и вносит новый вклад в развитие своего революционного учения. Развивая теорию о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, Маркс впервые формулирует важнейшее положение о необходимости для рабочего класса сломать буржуазную государственную машину.

Около 20 декабря 1851 — около 3 января 1852 — Энгельс у Маркса в Лондоне.

27 декабря — Маркс просит Фрейлиграта написать для журнала «Revolution» новогоднее стихотворение.

1852

Январь 1852 — март 1853 — Изучая историю военного искусства, Энгельс особое внимание уделяет войнам периода революций 1848—

1849 гг., в частности венгерской и итальянской кампаниям, историю которых он намеревается написать. Он читает работы Клаузевица, Жомини, Виллизена, Хофштеттера, Кюнцеля, Гёргея и многие другие.

1 января Маркс посылает Вейдемейеру для опубликования первую главу своей работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

2—24 января Маркс тяжело болен, он с трудом продолжает работу над «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта».

6 января В Нью-Йорке выходит 1-й номер журнала «Revolution», в котором перепечатана часть «Третьего международного обзора», опубликованного Марксом и Энгельсом в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»), а также дано объявление о предстоящей публикации в журнале работ Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Новейшие откровения социализма, или «Общая идея революции XIX века» П. Ж. Прудона». Последняя работа ввиду прекращения выхода журнала после 2-го номера не была Марксом написана.

9 января В письме к Вейдемейеру Женни Маркс передает просьбу Маркса осветить в журнале «Revolution» положение дел кёльнских обвиняемых, так как немецкая мелкобуржуазная эмигрантская пресса в Америке, инспирируемая Кинкелем, сознательно обходит молчанием этот вопрос.

Середина января В Лондоне при поддержке Маркса из рабочих, оппозиционно настроенных по отношению к фракции Виллиха — Шаппера, создается новое немецкое рабочее общество под председательством Штехана.

15 января Маркс присутствует на собрании Лондонского округа Союза коммунистов, где зачитывается письмо из Кёльна о затягивании следствия по делу кёльнских обвиняемых.

23 января Энгельс пишет статью об Англии для журнала «Revolution», в которой излагает результаты своих исследований вопроса о возможности вторжения континентальных армий на Британские острова. Эта статья остается неопубликованной из-за прекращения выхода журнала.

28 января По просьбе Маркса Энгельс пишет в редакции газет «Times» и «The Daily News» («Ежедневные новости») письма, разоблачающие произвол прусского правительства по отношению к кёльнским обвиняемым, и отсылает одно из этих писем Марксу. 29 января Маркс направляет это письмо в редакцию газеты «Times» за подписью «Пруссак». Однако попытки Маркса и Эн-

гельса поместить в английской прессе материалы о положении кёльнских обвиняемых остаются безуспешными.

30 января — Маркс запрашивает Вейдемейера о возможности издания в Америке своей работы по политической экономии.

Февраль — Маркс испытывает тяжелые материальные затруднения, он вынужден заложить свою одежду в ломбарде, вследствие чего он не может посещать библиотеку. От усиленной работы по ночам у него болят глаза.

Февраль — начало апреля — Энгельс пишет работу «Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого года». Работа публикуется в журнале «Notes to the People» 21 февраля, 27 марта и 10 апреля 1852 года.

4 февраля — В письме к Энгельсу Маркс сообщает о своем намерении привлечь к сотрудничеству в журнале «Revolution» участников революции 1848—1849 гг. в Венгрии, Семере и Перцеля.

Середина февраля — Энгельс, перегруженный работой в конторе фирмы «Эрмен и Энгельс», с трудом находит время для написания статей в «New-York Daily Tribune» и «Notes to the People».

18 февраля — Маркс посылает Энгельсу дополнительный материал для его работы «Революция и контрреволюция в Германии» и советует ему усилить критику левого крыла франкфуртского Национального собрания.

Около 19 февраля — По предложению Маркса на очередном собрании Лондонского округа из Союза коммунистов исключается В. Гирш, оказавшийся агентом прусской полиции. В связи с этим на собрании принимается решение о перемене места и дня еженедельных собраний членов Союза коммунистов.

20 февраля — Маркс, узнав о прекращении выхода журнала «Revolution», просит Вейдемейера попытаться издать в Америке «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отдельной брошюрой.

24 февраля — Маркс получает приглашение на банкет в честь 4-й годовщины февральской революции 1848 г., организованный по инициативе лидеров французской мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне. Маркс на банкете не присутствует.

27 февраля — Постоянно следя за развитием английской экономики и политическими событиями в Англии, Энгельс в письме к Вейдемейеру дает анализ экономического и политического положения этой страны и обещает послать ему

статью на эту тему. Однако в связи с отсутствием возможностей публикации этой статьи намерение Энгельса не было осуществлено.

3 марта

Маркс пишет в «Kolnische Zeitung» заявление, в котором опровергает утверждение этой газеты о его связях с А. Майером, членом фракции Виллиха — Шаппера, обвиняемым по делу о так называемом немецко-французском заговоре. Заявление публикуется в «Kolnische Zeitung» 6 марта.

Маркс в письме к Энгельсу обращает его внимание на то, что их письма подвергаются перлюстрации полицией.

5 марта

Маркс в письме к Вейдемейеру излагает то принципиально новое, что было им внесено в понимание роли классов и классовой борьбы в истории, а именно: «1) что *существование классов* связано лишь *с определенными историческими фазами развития производства,* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата,* 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов».*

Вторая половина марта

Маркс получает от Клусса сообщения о деятельности представителей немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Америке.

18 марта

В письме к Марксу Энгельс высказывает свои надежды на ликвидацию фирмы «Эрмен и Энгельс» и на свой переезд в Ливерпуль, где он будет меньше занят торговыми делами своего отца и сможет уделять больше внимания научной и партийной деятельности. Он сообщает также о своих успехах в изучении грамматики и словарного запаса русского языка.

24 марта

На очередном собрании Лондонского округа Союза коммунистов Маркс делает сообщение о деятельности Клусса и Вейдемейера в Америке, в частности об их выступлениях против Гейнцена и Кинкеля. Собрание одобряет деятельность Клусса и Вейдемейера.

25 марта

Маркс отсылает Вейдемейеру заключительную часть своей работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Маркс сообщает Вейдемейеру о намерении Джонса начать издание новой чартистской газеты и о сборе средств среди рабочих-чартистов для этой цели.

Около 13 апреля

Энгельс уезжает в Манчестер из Лондона, где он гостил у Маркса в течение нескольких дней.

14 апреля

Умирает младшая дочь Маркса Франциска. Деньги на похороны дочери Маркс вынужден занять у соседа — французского эмигранта.

16 апреля	Маркс получает сообщение Вейдемейера о задержке с изданием брошюры «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в Америке из-за отсутствия необходимых средств.
Около 24 апреля	Маркс узнает из письма Вейдемейера, что благодаря помощи одного немецкого рабочего-эмигранта, отдавшего свои сбережения в размере 40 долларов, его работа «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» будет печататься в Америке.
30 апреля	Маркс сообщает Энгельсу о своем плане написать совместно с ним несколько «политических портретов» деятелей немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Он пишет, что хлопоты по изданию этого памфлета берет на себя венгерский эмигрант Бандья, знакомый Семере и Перцеля (как выяснилось позднее, Бандья был тайным полицейским агентом). Маркс просит Энгельса прислать ему подборку характеристик деятелей эмиграции, взятых из его писем к Энгельсу и из других материалов, а также написать несколько заметок о Виллихе.
Май	Маркс и Энгельс собирают материал для памфлета о деятелях немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Они обращаются к Дронке, В. Вольфу, Клуссу, Фрейлиграту, Вейдемейеру и др. с просьбой прислать биографические сведения о некоторых из этих деятелей и приступают к работе над памфлетом «Великие мужи эмиграции».
Около 4 мая	Маркс получает от Дана предложение написать для «New-York Daily Tribune» ряд статей о текущих английских делах.
Около 19 мая	В Нью-Йорке выходит в свет работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», изданная в виде выпуска журнала «Revolution», который был возобновлен в качестве непериодического издания.
21 мая	В договоре, заключенном компаньонами фирмы «Эрмен и Энгельс», оговариваются материальные условия работы Энгельса в конторе фирмы. В связи с этим Энгельс получает возможность увеличить помощь семье Маркса.
Конец мая — вторая половина июня	Маркс находится в Манчестере у Энгельса. Они совместно работают над памфлетом «Великие мужи эмиграции».
18 июня	Маркс поручает своей жене передать Джонсу ряд материалов для опубликования в новой чартистской газете «The People's Paper» («Народная газета»), начавшей выходить с мая 1852 года. Маркс помогает Джонсу в общем редактировании газеты, в частности в ведении отдела сообщений из-за границы, а также содействует урегулированию денежных дел газеты. Благодаря помощи Маркса, которую он и в дальнейшем продолжает оказывать этому чартистскому органу, число подписчиков газеты возросло, ее положение укрепилось.

Около 25 — 28 июня	По возвращении из Манчестера Маркс диктует своей жене и Дронке текст памфлета «Великие мужи эмиграции» и передает один из экземпляров рукописи Бандье, оставив себе другой.
Конец июня	Маркс и Энгельс получают сообщение Вейдемейера об основании им в Нью-Йорке общины Союза коммунистов. Вейдемейер просит регулярно присылать документы Союза для ознакомления с ними членов общины.
Июль — август	Маркс возобновляет работу в библиотеке Британского музея; он изучает многочисленные произведения по всеобщей истории, по истории государственных учреждений, по истории культуры, о положении женщин в различные эпохи. Маркс делает выписки из трудов Макиавелли, Хюльмана, Ваксмута, Сисмонди, Эйххорна, Бутерверка, Юнга, Сегюра и других.
Начало июля — август	Энгельс изучает книгу венгерского военного деятеля Гёргея «Моя жизнь и деятельность в 1848—1849 гг.», делая на полях заметки, а также другие работы о венгерской кампании 1848—1849 годов.
Август — октябрь	Маркс и Энгельс внимательно следят за борьбой в среде немецкой мелкобуржуазной эмиграции вокруг денежного фонда, собранного Кинкелем по «немецко-американскому революционному займу».
Начало августа	Маркс и Энгельс узнают о том, что кёльнский процесс коммунистов откладывается еще на 3 месяца.
2 августа	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о политических партиях в Англии. Статья, переведенная Энгельсом на английский язык, отсылается Марксом 6 и 10 августа в Нью-Йорк в виде двух самостоятельных статей под названием: «Выборы в Англии. — Тори и виги» и «Чартисты». Статьи публикуются в газете 21 и 25 августа.
12—22 августа	Энгельс пишет XVII статью из серии «Революция и контрреволюция в Германии», в которой на основании опыта истории войн и революций формулирует краеугольные положения научного коммунизма о вооруженном восстании.
Середина августа — сентябрь	Маркс запрашивает Лассаля, Эбнера, Штрейта, Наута о возможности издания в Германии работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Все попытки издать работу в Германии оказываются безуспешными.
Около 16 августа	Маркс пишет статью, разоблачающую антинародную сущность английской избирательной системы. Статья, переведенная Энгельсом на английский язык, отсылается Марксом 20 и 27 августа в Нью-Йорк в виде

двух статей под названием: «Избирательная коррупция» и «Результаты выборов». Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 4 и 11 сентября.

Около 19 августа Желая оказать помощь Энгельсу в его военных занятиях, Маркс просматривает в библиотеке Британского музея литературу по военным вопросам, список которой посылает Энгельсу.

19 августа Маркс получает письмо Бермбаха, извещающего его о положении кёльнских обвиняемых и об обысках в Кёльне у разных лиц с целью обнаружения писем Маркса. Маркс обращается к лейпцигскому издателю Брокхаузу с предложением написать для выпускаемого Брокхаузом издания «Gegenwart» («Современность») обозрение «Современная политико-экономическая литература в Англии, от 1830 до 1852 года». Брокхауз отклоняет предложение Маркса.

Начало сентября Маркс переживает тяжелую нужду. У него нет денег на приглашение врача и покупку лекарств для больных членов семьи: жены, дочери Женни и домашней работницы Елены Демут. В течение недели семье Маркса приходится питаться одним хлебом и картофелем.

После 2 — около 21 сентября Энгельс по просьбе Маркса, намеревавшегося опубликовать «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» на английском языке, редактирует перевод первой главы, сделанный членом Союза коммунистов Пипером.

28 сентября Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Действия Мадзини и Кошута. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон» в целях предостережения вождей итальянской и венгерской революционной эмиграции от опасности использования национального движения бонапартистскими кругами. Статья публикуется в газете 19 октября.

Октябрь — 12 ноября Внимательно следя за ходом начавшегося 4 октября в Кёльне судебного процесса видных деятелей Союза коммунистов, сфабрикованного прусским правительством, Маркс, Энгельс и их друзья прилагают все усилия к тому, чтобы помочь защитникам обвиняемых доказать перед судом ложность обвинения. Различными путями они посылают в Кёльн документы и материалы, разоблачающие махинации прусской полиции.

2—23 октября В чартистской газете «People's Paper» печатаются статьи Маркса из «New-York Daily Tribune»: «Выборы в Англии. — Тори и виги», «Чартисты», «Избирательная коррупция» и «Результаты выборов», в виде серии под общим названием: «Общие выборы в Великобритании».

Первая половина октября Обеспокоенные задержкой опубликования памфлета «Великие мужи эмиграции», Маркс и Энгельс обращаются к Веерту, Дронке и др. с просьбой вы-

яснить личность Бандьи и издателей, которые, по словам Бандьи, выразили готовность опубликовать этот памфлет.

12 октября Маркс пишет статью об экономическом и политическом положении Англии. Статья, переведенная Энгельсом на английский язык, 15 и 19 октября отсылается Марксом в Нью-Йорк в виде двух статей под названием: «Пауперизм и свобода торговли. — Надвигающийся торговый кризис» и «Политические последствия торгового процветания». Статьи публикуются 1 и 2 ноября в «New-York Daily Tribune».

16 октября Маркс пишет статью о положении политических партий в Англии. Статья, переведенная Энгельсом на английский язык, 2 и 9 ноября отсылается Марксом в Нью-Йорк в виде двух статей. Первая из этих статей публикуется в «New-York Daily Tribune» 29 ноября под названием «Политические партии и перспективы», вторая статья публикуется в газете 25 ноября без названия.

Около 20 октября Маркс получает от Клусса 130 экземпляров брошюры «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», изданной Вейдемейером в Нью-Йорке.

23 октября В «New-York Daily Tribune» опубликована XIX статья Энгельса из серии «Революция и контрреволюция в Германии». Обещанная Энгельсом последняя, XX, статья в газете не появилась.

25 октября Маркс предлагает Энгельсу после окончания кёльнского процесса коммунистов написать совместно с ним «Разъяснения для публики» с целью разоблачения действий прусского правительства.

Маркс сообщает Энгельсу, что за ним в Лондоне установлена полицейская слежка.

После 26 октября Маркс получает через Веерта сообщение издателя Дункера из Берлина о том, что указанного Бандьей книгоиздателя, который якобы заказал памфлет «Великие мужи эмиграции», не существует.

28 октября Маркс пишет заявление с разоблачением клеветнических выпадов «Times» и «Daily News» по адресу кёльнских обвиняемых и их лондонских друзей. Это заявление за подписью Ф. Энгельса, Ф. Фрейлиграта, К. Маркса и В. Вольфа публикуется в «The Spectator» («Зрителе») 28 октября и в газетах «People's Paper», «The Morning Advertiser» («Утренний уведомитель»), «The Examiner» («Наблюдатель») и «The Leader» («Лидер») 30 октября.

Конец октября — начало декабря Маркс пишет памфлет «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

После 12 ноября — Маркс и Энгельс узнают из газет о приговоре суда присяжных по делу кёльнских коммунистов: семь из них приговорены к тюремному заключению сроком от 3 до 6 лет и только четыре оправданы.

16 ноября — Маркс пишет заявление в редакцию «New-York Daily Tribune» в связи с клеветнической кампанией, поднятой мелкобуржуазной демократической печатью по поводу его статьи «Действия Мадзини и Кошута. — Союз с Луи-Наполеоном. — Пальмерстон». Заявление публикуется в газете 1 декабря.

17 ноября — На собрании Лондонского округа Союза коммунистов Маркс вносит предложение о роспуске Союза, который в связи с наступлением реакции в Европе и арестом видных деятелей Союза фактически перестал существовать. Предложение Маркса принимается.

20 ноября — Маркс и Энгельс посылают в редакцию «Morning Advertiser» «Заключительное заявление по поводу недавнего процесса в Кёльне». Заявление, подписанное Ф. Энгельсом, Ф. Фрейлигратом, К. Марксом и В. Вольфом, публикуется в газете 29 ноября.

29 ноября — Энгельс пишет по просьбе Маркса для «New-York Daily Tribune» статью «Недавний процесс в Кёльне». Статья за подписью Маркса публикуется в газете 22 декабря.

Конец ноября — декабрь — Получив сведения о намерении Маркса издать брошюру с разоблачениями организаторов кёльнского процесса коммунистов, руководители прусской полиции отдают распоряжение о конфискации брошюры в случае ее появления, а также обращаются с подобной просьбой к полиции других стран, в частности, к бельгийской полиции.

3 декабря — Маркс обращается к Бандье с категорическим требованием дать ответ о причинах столь долгой затяжки с опубликованием брошюры «Великие мужи эмиграции» и требует также объяснений по поводу названных Бандьей фиктивных издателей.

6 и 7 декабря — Маркс отсылает рукопись памфлета «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» для издания Шабелицу в Швейцарию и Клуссу в Америку.

7 декабря — Маркс посылает Клуссу в Америку воззвание об оказании помощи осужденным в Кёльне и их семьям и предлагает организовать комитеты помощи. Обращение за подписью Маркса, Энгельса, Либкнехта, Фрейлиграта, Дронке, В. Вольфа, Ф. Вольфа, Джонса, И. Г. Эккариуса, Лохнера, Пфендера, Пипера и других публикуется в «California Staats-Zeitung» («Калифор-

нийской государственной газете») и в «New-Yorker Criminal-Zeitung» («Нью-йоркской газете по вопросам криминалистики») в январе 1853 года.

Маркс в письме к Клуссу дает критическую оценку работы П. Ж. Прудона о государственном перевороте Луи Бонапарта.

Около 10 декабря

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Парламент. — Голосование 26 ноября. — Бюджет Дизраэли», в которой раскрывает классовую сущность английской налоговой системы. Статья, переведенная на английский язык Пипером, публикуется в газете 28 декабря.

Около 14 декабря

Маркс получает сообщение от издателя Шабелица о том, что в Базеле начала печататься брошюра «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

17 декабря 1852 и 11 января 1853

Маркс пишет статьи «Поражение министерства» и «Отжившее правительство. — Перспективы коалиционного министерства и т. д.» о реакционной политике торийского кабинета Дерби — Дизраэли и сменившего его коалиционного министерства Абердина. Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 7 и 28 января.

Вторая половина декабря 1852 — 10 января 1853

Энгельс у Маркса в Лондоне.

После 27 декабря

Маркс получает сведения о том, что Бандья связан с прусской полицией и, вероятно, передал рукопись «Великие мужи эмиграции» в ее руки. Маркс и Энгельс решают при первой возможности разоблачить Бандью в печати.

1853

Январь — март

Маркс изучает теорию денег и другие вопросы политической экономии, занимаясь одновременно историей культуры и историей славян. Он делает выписки из работ Галиани, Ваксмута, Кальфуса и других.

Маркс переписывается с Клуссом об издании в Америке «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов».

Вторая половина января

В Базеле выходит в свет работа Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

21 января

Маркс пишет статью «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство», посвященную вопросу экспроприации земельными магнатами крестьянства горной Шотландии. Статья переводится на английский язык Энгельсом и публикуется в «New-York Daily Tribune» 9 февраля и в сокращенном виде в «People's Paper» 12 марта.

28 января	Маркс впервые сам пишет на английском языке статью под названием «Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия Английского банка». Статья, в которой содержится анализ социальных причин роста преступности в капиталистическом обществе, публикуется в газете «New-York Daily Tribune» 18 февраля.
11 и 22 февраля	Маркс пишет статьи «Итальянское восстание. — Британская политика» и «Покушение на Франца-Иосифа. — Миланское восстание. — Британская политика. — Речь Дизраэли. — Завещание Наполеона». Статьи публикуются в газете «New-York Daily Tribune» 25 февраля и 8 марта.
12 февраля	Маркс получает через Джонса приглашение от Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации принять участие 22 февраля в публичном митинге чартистов.
4 марта	Маркс пишет статью «Вынужденная эмиграция. — Кошут и Мадзини. — Вопрос об эмигрантах. — Избирательные подкупы в Англии. — Г-н Кобден». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 22 марта и в сокращенном виде в «People's Paper» 16 апреля.
Около 7—10 марта	Маркс тяжело болен воспалением печени.
9 марта	Маркс получает от Шабелица известие, что 2000 экземпляров брошюры «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», предназначенные для отправки в Германию, конфискованы полицией в пограничной деревне в Бадене.
18 марта	Маркс пишет статью «Кошут и Мадзини. — Происки прусского правительства. — Торговый договор между Австрией и Пруссией. — «Times» и эмигранты». В этой статье Маркс сообщает о конфискации и уничтожении полицией всего тиража «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов», выпущенного в Швейцарии. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 4 апреля.
25 марта	Узнав от Клусса, что работа «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» печатается по частям в выходящей в Бостоне «Neu-England-Zeitung» («Газете Новой Англии»), Маркс предлагает ему попытаться издать эту работу также отдельной брошюрой. Работа Маркса выходит в издательстве «Neu-England-Zeitung» в виде отдельной брошюры около 24 апреля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
Л. И. Гольманом и *Н. Б. Тер-Акопяном*

Помощник подготовителя *Н. С. Никифорова*

*

*Сдано в набор 17/X 1956 г. Подписано
к печати 11/VII 1957 г. Формат* $60X92^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. $45^{1}/_{2}$*+3 вклейки* $^{3}/_{8}$ *п. л. У словн.
печ. л. 45,87. Уч.-изд. л. 44,38. Заказ № 1681.
Тираж 190 000 экз. Цена 10 руб.*

*

*Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.*

*

*Министерство культуры СССР.
Главное управление
полиграфической промышленности.*

*2-я типография «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*